

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Пол КОЛЛИНС

Х ВЕК — ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА

THE BIRTH OF THE WEST

Paul
COLLINS

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Пол
КОЛЛИНС

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(4)“04/14”

ББК 63.3(4)4

K60

Paul Collins

THE BIRTH OF THE WEST:
ROME, GERMANY, FRANCE,
AND THE CREATION OF EUROPE
IN THE TENTH CENTURY

Перевод с английского *А.В. Короленкова*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой, В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Mary Cunnane Agency Pty Ltd и Synopsis.

Коллинс, Пол.

K60 Рождение Европы / Пол Коллинс ; пер. с англ. А.В. Короленкова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 544 с.

ISBN 978-5-17-089633-2 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-095792-7 (История в одном томе)

Конец европейских Темных веков.

Время борьбы церкви и светской власти за первенство.

Время возрождения великого города – Вечного Рима и расцвета католицизма.

Время могущества пап и раздоров королей.

Время, когда произошло рождение Европы – предтечи современного Западного мира.

Об этом времени, о хаосе, в котором возникла общая западная христианская культура, и рассказывает Пол Коллинс.

УДК 94(4)“04/14”
ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-17-089633-2 (Страницы истории)

ISBN 978-5-17-095792-7 (История в одном томе)

© Paul Collins, 2013

© Перевод. А.В. Короленков, 2016

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

Содержание

Посвящается Мэрилин, с любовью
и благодарностью за то, что она потра-
тила почти столько же времени на X век,
сколько и я.

Глава первая. ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ X СТОЛЕТИЯ	19
Глава вторая. РИМСКИЕ «ВЛУДЛИВЫЕ» ОТ «ТРУШЛОГО СИНОДА» К ПАДЕНИЮ МАРОВИИ	45
Глава третья. РАСЦВЕТ ПАЛСТА	58

Часть вторая

МИР ВО ВЛАСТИ ХАОСА

Глава четвертая. БРАТЯ ХРИСТИАНСТВА	113
Глава пятая. СГОРА КОРОЛЕЙ	136
Глава шестая. СПАСЕНИЕ ОТ «ИСТИННО СВЯЩЕН- НАРОДА»	165
Глава седьмая. ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА	193
Глава восьмая. МУСУЛЬМАНЕ И ХРИСТИАНЕ ИСПАНИИ	222
Глава девятая. АНГЛОСАКСОНСКАЯ АНГЛИЯ	249
Глава десятая. КЕЛЬТСКИЕ ЗЕМЛИ ИРЛАНДИЯ, ШОТЛАНДИЯ И Уэльс	277

Часть третья

ВТОРАЯ ВЕСНА

Глава одиннадцатая. ЛЮТИРАНТИЗМ КРЕМОНЫ, ЦИНИК, ДИПЛОМАТ И МАСТЕР СУДЕЯ	299
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. «ИЗБАВИ НАС, БОЖЕ, ОТ ГНЕВА НОРМАННОВ»	9
--	---

Часть первая

ГОРОД И МИР

Глава первая. ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ X СТОЛЕТИЯ	19
Глава вторая. РИМСКИЕ «БЛУДНИЦЫ»: ОТ «ТРУПНОГО СИНОДА» К ПАДЕНИЮ МАРОЗИИ	45
Глава третья. РАСЦВЕТ ПАПСТВА	86

Часть вторая

МИР ВО ВЛАСТИ ХАОСА

Глава четвёртая. ВРАГИ ХРИСТИАНСТВА	113
Глава пятая. ССОРА КОРОЛЕЙ	136
Глава шестая. СПАСЕНИЕ ОТ «ПОИСТИНЕ СВИРЕПОГО НАРОДА»	165
Глава седьмая. ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА	193
Глава восьмая. МУСУЛЬМАНЕ И ХРИСТИАНЕ ИСПАНИИ	222
Глава девятая. АНГЛОСАКСОНСКАЯ АНГЛИЯ	249
Глава десятая. КЕЛЬТСКИЕ ЗЕМЛИ: ИРЛАНДИЯ, ШОТЛАНДИЯ И УЭЛЬС.....	277

Часть третья

ВТОРАЯ ВЕСНА

Глава одиннадцатая. ЛИУТПРАНД ИЗ КРЕМОНЫ: ЦИНИК, ДИПЛОМАТ И МАСТЕР СТИЛЯ.....	299
--	-----

Глава двенадцатая. ЭТА ГРЕЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА: ФЕОФАНО, ЕЁ СВЕКРОВЬ И ОТТОН II.....	327
---	-----

Часть четвёртая БЫТ И НРАВЫ В X веке

Глава тринадцатая. МОНАХИ И МОНАХИНИ	353
Глава четырнадцатая. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В X ВЕКЕ	383
Глава пятнадцатая. ВЕРА И ЦЕРКОВЬ В X СТОЛЕТИИ.....	410

Часть пятая В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Глава шестнадцатая. ГЕРБЕРТ-ЧУДОТВОРЕЦ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ.....	441
Глава семнадцатая. ОТТОН III: «НОВЫЙ РИМ»?	469
Глава восемнадцатая. МИЛЛЕНИУМ	506
Благодарности.....	521
Потомки Карла Великого	523
Источники.....	525
Библиография.....	530

ПРОЛОГ

«Избави нас, Боже, от гнева норманнов»

Монах этой ночью, вероятно, засиделся до глубокой ночи, одолевая текст при мерцающем свете пары свечей. Мону-ментальный труд Присциана Кесарийского «Принципы грамматики» (*Institutiones Grammaticae*) был сочинён на латинском, но записан ирландской азбукой. Даже в лучшие времена чтение манускриптов по греческой и латинской грамматике представляло собой тяжёлый труд. Но наш монах работал допоздна, сделав к этой 249-страничной книге примерно 9400 примечаний между строк и на полях, из них 3478 на древнеирландском языке. Скорее всего он читал Присциана в Бангорском монастыре на северо-восточном побережье Ирландии сразу после 850 г. Рукопись была скопирована между 845 и 850 гг. в монастырском скриптории, или помещении для переписчиков, там он попал в руки монаха, который и внёс тысячи глосс на древнеирландском. Так или иначе, позднее она попала в Санкт-Галлен (Швейцария), где является теперь жемчужиной *Stiftsbibliothek* (монастырской библиотеки)¹.

Глоссы монаха имели целью помочь читателям постичь смысл текста. Для современных учёных являются важнейшим подспорьем в понимании эволюции ирландского языка. Однако они кое-что говорят нам и о самом монахе. Подобно многим ирландским монахам IX столетия, он любил природу. Он сообщает нам в глоссе о том, как проводит время за чтением рукописи, сидя под зелёным деревом в лесу, слушая кукушку, перепрыгивающую с куста на куст.

В эту особенно холодную ночь наш монах слышал нечто иное: завывание ветра и бури, взбаламудившей море, и шум волн, обрушивавшихся на берег. Однако непогода не страшила его, а, напротив, порождала в нём ощущение безопасности. Оно означало, что

---

¹ Stiftsbibliothek. St. Gallen, Cod. Sang. 904.

на данный момент Бангорский монастырь по крайней мере мог не опасаться викингов, которые не решились бы выйти в море в столь ненастную ночь. В типично ирландском стиле он описал чувство облегчения на полях рукописи Присциана:

Жестокий ветер силён этой ночью,
Он вздымает белые клочья моря;
При столь сильной зимней буре меня
Не тревожит страх перед свирепым викингом¹.

Семьюдесятью пятью годами ранее приморские монастыри Ирландии, подобные Бангорскому, подверглись набегам викингов, и наш монах писал как раз в то время, когда эти набеги становились всё более частыми, жестокими и интенсивными. Монастыри представляли собой весьма заманчивые объекты для воинственных язычников-викингов, которые относились к монахам с презрением. Они рассматривали их имущество, особенно церковные сосуды, зачастую делавшиеся из драгоценных металлов, как свою добычу, а в них самих и их соседях видели потенциальных рабов. Набеги на Бангор имели уже более чем двухсотлетнюю историю, которая началась с сожжения почитаемой раки великого миссионера монаха Кольмкиллы (на латинском Колумбы) на острове Иона к юго-западу от шотландских земель. Восемьдесят шесть монахов были убиты на берегу во время другого набега в 806 г. Наш монах, вероятно, знал кого-то из общины, кого убили в 825 г. норманны, искавшие сокровища и пытавшиеся уничтожить мощи Кольмкиллы. «Избави нас, Боже, от гнева норманнов» было частой молитвой, её всегда произносили очень искренне; люди чувствовали себя незащищёнными.

Нападая неожиданно и без предупреждения, викинги сеяли ужас повсюду, где бы ни появлялись. Ивар, или Ивар Бескостный, был одним из таких викингов, и он вёл собственную «частную» войну против Англии при жизни нашего монаха. Мы не знаем, почему Ивара так прозвали; высказывались предположения, что причиной тому необычайная гибкость тела, бессилие (в том смысле, что он не мог добиться эрекции), *osteogenesis imperfecta*, т.е. хрупкость костей. Некоторые думают, что он не мог ходить и его носили на щите четыре человека. Во всяком случае, хотя Ивар и

---

¹ Flower R. The Irish Tradition. Oxford, 1947. P. 38.

родился в Дании, научился тому, что делало его воином-викингом, в юные годы в Ирландии.

Ивар приводил своё «огромное варварское войско», чтобы творить беспричинные жестокости и насилия. «Англосаксонская хроника» сообщает нам, что во время одного из первых вторжений Ивара в Англию «святой Эдмунд, король [Восточной Англии] сражался с ним, и даны одержали победу [при Хоксне в ноябре 869 г.], и они убили короля, и заповолонили всё королевство, и разрушили все монастыри, до которых доходили»¹. Захваченный в плен Эдмунд отказался сотрудничать с данами. Существуют различные рассказы о его смерти, одна другой страшнее. Адам Бременский пишет, что Ивар Бескостный «был самым жестоким из всех [викингов]»². Согласно изложению Аббона Флёрийского, жившего веком позже, Ивар связал Эдмунда и ударил его самым недостойным образом, и бил его розгами». Затем он привязал короля к дереву и бил его хлыстом... [а затем] бросал в него дротики, словно это было состязание, пока не утыкал его ими, словно ежа иголками». Когда Ивар увидел, что король всё же не отречётся от Христа, он обезглавил Эдмунда. Его голову спрятали в лесу, но позднее люди нашли её в целости между лапами большого серого волка³. Согласно другой истории, Эдмунд был принесён в жертву скандинавскому богу Одину: ему исторгли из рёбер лёгкие и прикрепили их к шее. Подобная свирепость ужаснула людей. Она также стала подтверждением эпитета «жесточайший», который Ивар унёс с собой в могилу.

Стоит иметь в виду, что если наш монах оставался честен с самим собой, то, в сущности, во время набегов на монастыри не совершалось каких-то насилий, каких не случалось прежде. Его соотечественники-ирландцы поступали так во все времена. Однако викинги были иноземцами и чужаками, народом особенно жестоким, и наш монах, пока изучал Присциана, благодарил свирепые штормы за защиту монастыря в ту ночь.

В начале X в. царили насилие и смуты. Ни о каком эффективном управлении не шло и речи. Народ жил в страхе и хаосе. Викинги устраивали безнаказанные набеги, мусульманские пираты-

¹ Англосаксонская хроника (под 869 г.).

² *Adam Brem. Gesta Hammaburg. eccl. pontif.* I. 39.

³ *Аббат Флёри. Мученичество св. Эдмунда.*

сарацины терроризировали итальянское побережье в поисках рабов, мадьяры (венгры) держали в страхе Германию и, перейдя Альпы, вторгались в Италию. И крушение центрального правительства означало, что простой народ по всей Западной Европе, но особенно во Франции часто жил в страхе перед местными аристократами, которые были настоящими головорезами. В те годы, что я работал над этой книгой, я всё время задавал себе вопрос, который закономерно вставал передо мной: зачем писать о «тёмных веках»? Чем интересны времена, когда творилось столько насилия? Мне часто говорили, что в X в. не произошло ничего такого, что имело бы отношение к нам, не говоря уже о прямом воздействии на современность.

Честно говоря, поначалу мне трудно было ответить на этот вопрос. Сам я интересовался X в. потому, что он слишком уж отличается от нашего времени. У меня нет особых теорий на сей счёт. Однако друзья были настойчивы, и вопрос сохранялся. И затем в один прекрасный день я заметил у себя на книжной полке «Закат Запада»¹ Освальда Шпенглера, и тут меня осенило, что я-то пишу о рождении Запада, эпохе, когда появилась на свет наша культура. Она возникла из этого хаоса X столетия, когда только возник тот западный мир, в котором живём мы. История X в. — это история того, как наша цивилизация пробивалась к дневному свету. Слово «наша» подразумевает не только все народы Европы, но также и их ответвления в Соединённых Штатах и Канаде, Центральной и Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и многих других странах. Речь идёт о трети населения мира. Пусть эта эпоха и кажется весьма отдалённой, лишь сорок поколений отделяют нас от эрудированного бангорского монаха, который испытывал такой страх перед Иваром.

Наша цивилизация происходит от двух корней: франко-германская общность Северо-Западной Европы и Рим или, если выражаться точнее, некое идеальное представление о том, чем была римская цивилизация. Зародившись в обществе, которое пребывало в хаосе, эта юная цивилизация с самого начала боролась за порядок, пытаясь создать какое-то подобие структурированного общества, обладающего хотя бы самыми общими представлениями

---

¹ Мы вынуждены переводить дословно, а не давать общепринятый русский перевод «Закат Европы», чтобы не исказить смысл фразы автора. — *Прим. пер.*

о роли права. Власть в средневековой Европе была весьма рассредоточенной. В результате новая цивилизация отнюдь не сразу усвоила представления об «абсолютной» власти и полномочиях. (Представление об абсолютной монархии появилось в западной культуре не раньше начала XVI в.) Напротив, власть в средневековом обществе носила децентрализованный, согласительный и консультативный характер, даже если согласие ограничивалось кругом более влиятельных лиц. Это была (по крайней мере, в этом смысле) протодемократия.

Латинское, или западное, христианство было душой и сердцем этой новой культуры. Католицизм проникал во все поры этого общества, и не существовало какого бы то ни было различия между церковью и государством в нашем смысле. Они являли собой просто две стороны одной медали. Даже в хаосе, царившем в конце IX — начале X столетия, господствовала мысль о том, согласно которой Европа разделяла общий церковно-политический идеал и что именно католицизм скреплял то, что разделяли языковые и национальные границы. (На страницах этой книги я буду использовать термины «католицизм» и «латинский» или «христианский Запад» как взаимозаменяемые.) Несмотря на это, постоянно шла борьба между церковью и светской властью за первенство. Поначалу успех был на стороне королевской или императорской власти, церковь же зависела от государства. Только в последней трети XI в. соотношение стало во многом меняться в пользу папства.

В начале этого чуждого законам столетия, если людям не приходилось отражать нападения орд захватчиков, то они находились под угрозой со стороны соседей-головорезов, которые пользовались их беззащитностью и опустошали леса и поля Европы в их охотничьем азарте. Продолжительность жизни была небольшой, особенно у крестьян и прочих представителей низших слоёв. Беременность и деторождение были делом рискованным, а детская смертность высокой. Это было не лучшее время для жизни.

Однако к концу столетия в Германии порядок оказался восстановлен почти исключительно благодаря недавно обращённым в христианство саксонцам, которые первыми принесли какое-то подобие политической организации в сердце Европы. В сущности, подзаголовок этой книги мог бы звучать «Как германцы спасли цивилизацию», установив работоспособное центральное правительство. И в Европе повсюду начались изменения. Польша и

Венгрия обратились в христианство западного образца и превратились в самостоятельные государства, христианская Испания постепенно расширяла свою территорию, Италия процветала в экономическом отношении, викинги приняли католицизм, а их набеги на континент уже были не столь частыми, и даже отдалённая Исландия стала католической. Однако стабильность наступила ещё не везде: Англия и Ирландия по-прежнему сражались друг с другом, в тяжёлом положении находилась Франция, где головорезы из местной знати господствовали над значительной частью сельской территории. Однако церковь проводила идею «Божьего мира», как это называлось, чтобы ограничить возможность могущественных людей попираť железной пятой слабых.

Рождение Запада произошло потому, что германо-саксонские правители Генрих Птицелов, три Оттона, а также гречанка по рождению императрица Феодора (жена Оттона II) оказались в состоянии заменить хаос порядком и представить себе, а затем воплотить в жизнь новый и лучший способ управления обществом. Повсюду правители, подобные Альфреду Великому и его преемникам в Англии, Бриану Бору в Ирландии и Сильвестру II, величайшему гению из всех пан, заложили основы культуры, политики и надлежащего порядка в обществе, которое мы унаследовали. Мы получили от этих, почти забытых ныне, людей много больше, чем нам о том известно, поскольку они пережили родовые схватки нашей культуры.

Если и было что-то, по которому в X столетии все тосковали, так это должным образом обустроенный мир. Мальчик в монастыре готовился к тому, чтобы влиться в ряды малочисленной элиты, чьи представители могли читать и писать, он быстро открыл бы для себя при ознакомлении с первыми тремя главами книги «Бытия», что Бог создал упорядоченный универсум. И только когда люди, воплощённые в Адаме и Еве, были соблазнены дьяволом и выказали неповиновение Богу, который изгнал человеческие существа из обладавшего структурой мира в Эдеме, во вселенную проник хаос. Если юный ученик как следует изучал греческую и римскую классику, то он также узнал бы о гармонии универсума и природы, а отсюда и о тщательно обустроенном мире, созданном Творцом. Однако не только образованные люди думали так. Вспыхивавший землю крестьянин также тосковал по миру, в котором он был бы свободен от стихийных бедствий, болезней и эпидемий.

Он ценил те времена, когда мог спокойно трудиться и кормить свою семью, не опасаясь нападений и разорения со стороны буйных налётчиков или соседей-аристократов.

В этом процессе зарождения нового играл свою роль и Рим, не только административный и правовой гений Римской империи, но и сам город X в. Для людей того времени, особенно германцев, Рим был центром их духовного универсума, их Меккой, местом, куда они страстно желали совершить паломничество. И они были готовы преодолеть немалое расстояние для того, чтобы сделать это. Конечно, роль символа их ментального универсума играл Иерусалим, однако он находился далеко и путь к нему был опасен, поскольку пролегал через захваченные мусульманами земли. Несмотря на это, Рим являлся городом с большой буквы, местом, где основатели церкви, святые Пётр и Павел, приняли мученическую смерть и были погребены. В духовном, культурном и психологическом отношении мир X столетия скрепляла католическая религия и «идея» Рима, неясное, но владевшее умами воспоминание о том, что Европа когда-то представляла собой единую цивилизованную империю, охватывавшую весь известный мир. Они с ностальгией оглядывались на золотой век, который казался образцом культуры и порядка. «Все дороги ведут в Рим» — общеизвестная поговорка, однако в X в. это был как раз такой случай, ибо он являлся символическим центром христианства. Как только Рим предстал перед глазами паломников, они напевали «*O Roma nobilis*»:

О Рим, госпожа мира,
Прекраснейший из городов...
Мы поём тебе вечную хвалу,
Мы благословляем тебя, да будешь ты счастлив во веки веков!

Не имело значения, что Рим того времени был малонаселённым городом, страдавшим от малярии, в экономическом отношении сидел на мели, а заправляли там полумафиозные кланы, не любившие чужеземцев, особенно таких, которые пытались объяснить им, как управлять городом. Римляне в своём высокомерии были уверены, что паломники всё равно будут приходить, а потому не старались понравиться им. И в течение полутора столетий они рассматривали папский дворец как место для своих политических игр. Они назначали пап и свергали их, а когда им это надоедало,

убивали их, душили или морили в тюрьме. Я открыл для себя X в. более десяти лет назад. Я писал тогда общую историю папства, и меня поразило, насколько интересным, пусть и жестоким было то время и как мало о нём написано. Когда копнул глубже, то увидел, что повсюду господствует карикатурный образ этой эпохи. В надежде изменить это положение дел я буду больше обращать внимания на фактологическую сторону, особенно когда речь пойдёт о том, каковы основные черты того, что мы сегодня называем «Западом». Современный человек очень чувствителен к экологическим условиям, поэтому мы начнём с рассмотрения природной среды X столетия, в которой разыгрывалась наша историческая драма. В центре нашего внимания будет город Рим, психологический центр Европы. Мы начнём, пожалуй, с самого отвратительного события в долгой истории папства — «трупного синода», когда тело почившего папы Формоза было вырыто из земли и предстало перед судом по обвинению в ереси. Это привело к расколу местной церкви, и ослабленное папство стало всё больше и больше подпадать под контроль могущественных римских кланов, особенно фамилии Теофилактов во главе с яркими и властными дамами Феодорой и Марозией. Не все папы X в. были мерзавцами, однако достаточно многие, и папство в то время по своей порочности и развращённости перещеголяло даже понтификов ренессансной эпохи.

В каком-то смысле Рим начала X столетия являлся отражением в увеличенных масштабах того, что происходило во всей Европе. Западную Европу уже ослабил полный развал империи, созданной Карлом Великим. Он был увенчан императорской короной на Рождество 800 г. папой Львом III после объединения почти всей Западной империи под своей единоличной властью. После смерти Карла в 814 г. его единственный оставшийся в живых сын, Людовик Благочестивый, унаследовал империю, однако уже при жизни он разделил её между своими сыновьями. Когда он скончался, произошла дальнейшая дезинтеграция, и к концу IX в. ни о каком едином управлении говорить уже не приходилось. Весь западный мир раскололся на множество мелких образований, и появилось немало местных возмутителей спокойствия, которые повели почти не прекращавшиеся войны друг с другом. Особенно тяжёлой была ситуация во Франции, где царил разгул феодальной анархии. Соответственно у Западной Европы не оказалось защиты от викингов,

сарацин, а чуть позже от венгров. Англия, Шотландия, Ирландия также ослабели и стали объектом опустошительных набегов викингов. Хотя большая часть Испании являлась частью мусульманского халифата, маленькие христианские анклавы на севере Пиренейского полуострова положили начало долгой Реконкисте, которая в итоге привела в конце XV в. к образованию католической Испании.

К 950 г. была восстановлена нормальная система управления в Саксонии, на северо-востоке Германии. Саксонами, недавно принявшими христианство, очень хорошо управляли один за другим несколько способных властителей, наиболее удачливым из которых был Оттон I Великий (936–973). Он и его преемники отнюдь не были абсолютными монархами, они всегда управляли во взаимодействии с могущественными германскими магнатами (знатью), однако сумели создать работоспособную административную систему и подчинить своей власти Германию и Северную Италию. Они действовали столь успешно, что Оттон III, внук Оттона I, вместе со своим наставником Гербертом из Орильяка, которого Оттон сделал папой Сильвестром II, разработал план восстановления Римской империи. Оба умерли прежде, чем удалось чего-либо добиться, однако идея воссоединённой Европы пустила корни. Мать Оттона, колоритная императрица Феофано, родившаяся и выросшая при константинопольском дворе, убедила его включить Византийскую империю в план объединения. И даже несмотря на то, что Оттон и Сильвестр не добились успеха, в Германии эту идею восприняли с энтузиазмом, и то, что должно было стать Западом, появилось на свет.

Помимо правителей и вообще сильных мира сего, мы также встретим кое-кого из простых людей того времени, в том числе некоторые сельские семейства из владений монастыря Святого Германа под Парижем; крупнейшего писателя своего времени, брюзгу и неугомимого путешественника Лиутпранда Кремонского, который, увы, большую часть жизни был чиновником и дипломатом; восхитительных женщин того столетия, таких, как писавшая пьесы монахиня Гросвита Гандерсгеймская; а также монахов, священников и легендарных персонажей, подобных любителю амурных приключений ирландцу Бриану Бору. Если внимательно читать источники, то мы увидим, что умные и проницательные люди X в. чувствовали проблески нового. Хотя в этот период было не-

мало очаровательных женщин и мужчин, чьими наследниками мы являемся телесно и духовно, их мир остаётся *terra incognita*, неизвестным историческим ландшафтом, ожидающим своих первооткрывателей.

Тот ландшафт, который я хотел бы изучить, весьма странен и чужд. Он может породить ощущение дезориентации, даже головокружения. Однако это полезный эксперимент, который расширяет наш кругозор, поскольку мы встретимся с людьми, ценившими порядок в обществе и устанавливавшими его несмотря на все препятствия. И порядок, ими установленный, стал опорой того, на чём основывается наше современное общество.

Наши предки из X столетия не так уж далеки от нас.

Часть первая

ГОРОД И МИР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Природный ландшафт X столетия

Рождение Запада в X в. происходило в специфических условиях. Я имею в виду не только географию, демографию, растительность, лесной покров — вещи весьма важные. Я учитываю, кроме этого, такой важный физический фактор, как погода, которая в X в. была достаточно благоприятной. Но человек X столетия смотрел на неё не как на объективную реальность, подчиняющуюся собственным законам и собственной динамике. Его подход не был научным, как наш. Он считал, что природу контролируют иные силы, добрые и злые. Кроме того, над ней существует власть Бога. По-видимому, лучше всего взгляд человека X столетия на окружающую среду выражает странная история о группе «небесных моряков», рассказанная архиепископом Агобардом Лионским.

Город Лион возник на слиянии рек Роны и Соны в 105 километрах к западу от перевала Мон-Сени на дороге в Альпах из Франции в Италию. Он всегда, ещё с римских времён, был важным торговым центром, в IX в. Лион входил в состав Бургундии, области, простиравшейся вдоль западных склонов Альп к северу от Средиземного моря, вплоть до современной Швейцарии. Вся эта область была провинцией Франкской империи.

Люди, жившие в городе Лионе, были в значительной мере космополитами, часто видевшими и встречавшими других людей из христианской и мусульманской Испании, со всей Европы, даже с Ближнего Востока и из Северной Африки. Но те, кто обитал в окрестных деревнях, даже если они и сталкивались с кем-либо из иностранцев, вряд ли хоть сколько-нибудь понимали, кто перед ними, не говоря уже о географии окружающего мира. Подозрительность жила в сельчанах на инстинктивном уровне, и они зачастую были враждебно настроены по отношению к чужакам. Кре-

стьяне одной из деревень неподалёку от Лиона пришли в страшный гнев после того, как сильнейшая буря побила их посевы и урожай остался гнить в земле. Их деревне угрожал голод, и они решили, что эта буря представляла собой не просто природное явление, а результат действия враждебных им сил. Так что четверых странников — троих мужчин и одну женщину, шедших по дороге от перевала Мон-Сени на Лион, которая пролежала рядом с деревней (её названия мы не знаем), местные жители сочли за небесных мореходов, упавших с их небесного корабля или покинутых своими соотечественниками.

Простые люди полагали, что небесные мореходы прибыли на облаках из воображаемой страны, называемой Магонией, чтобы похитить зерно и плоды. Согласно народному поверью, они были колдунами и меняли погоду по своему усмотрению, устраивая грозы, чтобы завладеть упавшими плодами, погрузить на свои корабли и отплыть на облаках обратно в Магонию. Такие поверья были широко распространены; нам эта история кажется нелепостью, но она типична для представлений простых людей того времени. Они считали, что плохая погода и все природные катастрофы — это результат злой воли конкретных людей, обладающих магической и сверхъестественной силой, зачастую полученной от дьявола и его слуг. Дева Мария и святые могли обеспечить защиту от этих несчастий, ибо только они могут эффективно посредничать между смертными и Богом, защитить и людей, и их урожай. Сегодня это считается суеверием, однако для крестьян IX и X столетий было непреложной истиной.

Скорее всего эти «небесные мореходы» были безобидными путешественниками, просто оказавшимися в неподходящее время в неподходящем месте. Они шли по давно освоенному маршруту из Италии через Альпы, старому римскому пути от перевала Мон-Сени вдоль долин рек Арк и Изер к Шамбери и Лиону. Возможно, крестьяне побили бы их камнями или изувечили, если бы не неожиданное появление архиепископа Агобарда. После его смерти дезинтеграция продолжилась, и к концу IX в. централизованное управление распалось.

Агобард был необычным человеком. Занимая пост архиепископа Лионского с 816 по 841 г., он не раз сталкивался с такого рода поведением и не одобрял его. Он не желал терпимо относиться к распространённым в народе различным смещениям христианства,

язычества и суеверий, которые представляла собой религия большинства, и был полон решимости бороться с ними. Его трактат «О громе и граде» был направлен против подобных народных поверий, расценивающихся в нём как глупость, тупость и безумие. Особое внимание Агобард сосредоточил на «виновниках» погоды или бурь, людях, думающих, что они могут влиять на погоду с помощью заклинаний и магии. Он признавал, что даже в его епархии «едва ли не каждый... думает, будто град и гром результат человеческой воли. Ибо как только они слышат гром и [видят] молнию, то говорят: «Воздух поднимается». Когда их спрашивают, как это происходит, одни отвечают неопределённо, смущаемые своей совестью, другие же с уверенностью, присущей невеждам, говорят, что ветер поднялся из-за заклинаний людей, называемых «повелителями бури», и это называется «[нарочно] поднятая буря»¹. В тот день, о котором идёт речь, Агобард, вероятно, услышал о пленённых путешественниках и тотчас поспешил в деревню, чтобы на месте говорить с простолюдинами, делавшими подобные заявления.

Речь не идёт о том, что Агобард был скептиком и эмпириком в духе Нового времени, считавших, что природа подчиняется собственным законам. Напротив, его подход был типичным для теологии того времени: он приписывал причины всех природных явлений Богу, а не магической силе или духам. Он полагал, что Бог создал прекрасно обустроенный мир и что христиане должны восхищаться им и считать всё происходящее в природе результатом божественного промысла. Всякая естественная причинность от Бога. В отличие от большинства своих современников — людей духовного звания, Агобард нетерпимо относился к народным суевериям. Хотя некоторые из священнослужителей и пытались убедить людей не иметь дела с чародеями, ведьмами, «повелителями погоды» или теми, кто претендовал на обладание магическими способностями, это не означало, что они сомневались: мир природы подчинён власти святых и бесов, творящих добро или зло силами людей и духов. Тем не менее, к их немалому изумлению, Агобард повелел крестьянам, «дошедшим из-за собственной глупости до безумия», немедленно освободить чужеземцев². Для

¹ Agobard of Lyons. *De grandine et tonituris*. — L. van Acker, ed., *Agobardi Lugdunensis Omnia Opera* (Turnhout: Brepols, 1981), 52:3–15.

² Ibid., 4.

несчастливых путешественников, едва не ставших жертвами истерии, овладевшей местными жителями, вмешательство архиепископа наверняка показалось благословением небес, хотя, вероятно, они, как и крестьяне, были озадачены его решением.

История с Агобардом и «небесными мореходами» открывает нам суть космологии X столетия, того, как люди смотрели на мир. Природные явления не были таковыми в том смысле, что природа взаимодействующая, объясняемая из себя самой и независимая система. Скорее она воспринималась как своего рода объект приложения божественных, человеческих и демонических сил. Сегодня мы понимаем динамику природы как некую независимую, объясняющуюся из себя самой, саморегулирующуюся и, наконец, постигаемую наукой систему. Для человека X столетия границы между природным и человеческим миром были размытыми. Магия, чудеса, множество посредников, таких, как Пречистая Дева и святые, но также и те, кто находился в союзе с дьяволом, могли влиять на происходящее как в хорошую, так и в дурную сторону посредством погоды, болезней, эпидемий и прочих неприятностей.

В глазах священников и простолюдинов старый языческий мир и христианство были невозможны один без другого. Параллельно с официальной церковью существовал огромный мир того, что сегодня мы назвали бы «народной религией», царство святых чудотворцев, мощей, паломничества, ангелов, бесов, заклятий, ворожбы и заклинаний, магии, причудливое сочетание ортодоксального христианства и по-прежнему продолжавшего жить среди крестьян и сервов язычества. Люди верили, что все природные силы находятся во власти либо Бога, либо дьявола. Если Агобард представлял себе упорядоченный мир как результат божественной воли, то подавляющее большинство людей представляло окружающий мир как нечто куда более хаотическое, и в особенности это касалось погоды.

В те времена люди очень сильно зависели от погоды. Экономика носила натуральный характер, возможности хранения были ограниченными, условия для быстрого перемещения продуктов в соседние районы в целом отсутствовали. Связанные с плохой погодой природные катаклизмы и суровые зимы отделяли годы достатка от голодных лет, и суровые зимы, такие, как в 873–874

или 939–940 гг., приводили к масштабному голоду и становились причиной высокой смертности.

Те, кто скептически относится к теории глобального потепления, некорректно ссылаются на погоду в Средние века, утверждая, что в настоящее время имеет место не антропогенное изменение климата, но колебания в периодическом подъёме и падении температур в рамках отдельных регионов и всего мира. X столетие оказалось прямо посередине периода потепления в Средние века (ППСВ), который длился примерно с 750 по 1200 г. и предшествовал малому ледниковому периоду (МЛП), имевшему место с середины XIV до начала XIX в. Скептики утверждают, что на наше время просто приходится очередной период потепления. Однако имеющиеся данные свидетельствуют о том, что «в Северном полушарии с 800 по 900 год наблюдался самый тёплый период в последние 2000 лет за исключением последних нескольких десятилетий нашего времени»¹. Затем последовал период небольшого похолодания, продолжавшийся примерно с 900 по 950 г., а далее произошло новое общее потепление, длившееся примерно до 1100 г. Затем температура стала постепенно падать вплоть до наступления МЛП около 1400 г. Однако погода никогда не отличалась постоянством, и в период с 750 по 950 г. также имели место по меньшей мере восемь, а возможно, и девять экстремально холодных зим.

Однако при сравнении климат в IX и X вв. был относительно благоприятным. Среднее увеличение температуры в течение ППСВ было не более 0,2–0,3° по Цельсию, достаточное для того, чтобы вызвать отступление морских льдов в Северной Атлантике и частичное таяние альпийских ледников. Это привело к небольшому подъёму уровня моря, что особенно повлияло на низменности, расположенные на побережье Северного моря. Викинги заселили Гренландию в 980 г. только потому, что льды в Северной Атлантике отступили достаточно далеко, чтобы они могли добраться до Гренландии из Исландии, несмотря на непредсказуемую погоду и туманы.

Хотя в разных странах ситуация с климатом имела заметные различия, в целом рост температур достаточно быстро создал бла-

¹ *McCormack M. et al. Volcanoes and Climate Forcing of Carolingian Europe, A.D. 750–950 // Speculum. Vol. 82. 2007. P. 874.*

гоприятные условия для растительности и, как следствие, увеличения производства продуктов питания. Например, потепление позволило разводить виноград на юге Англии уже при Альфреде Великом (871–899). Применительно к 900 г. есть данные по меньшей мере о двух виноградниках в Британии, и в «Книге Страшного суда» (обзор состояния Англии, проведённый около 1085 г.) встречаются сорок два упоминания о виноградниках в южной части страны.

Между тем повышение уровня моря привело к изменениям в континентальной Европе. Брюгге, который в наши дни находится в 8,5 мили (14 км) от моря, в конце 800-х гг. представлял собой небольшой порт у входа в Северное море. Сейчас Брюгге называют северной Венецией, однако во второй половине IX в. он являлся одним из *praesidia*, т.е. укреплённым пунктом площадью примерно в 3,5 акра (1,5 гектара), окружённым рвами, призванными защитить прибрежную Фландрию от грабительских набегов викингов. Произошла путаница с происхождением названия города: народная этимология возводит его к фламандскому слову «мост», однако более вероятно, что оно произошло от старонорвежского слова *brygga*, означавшего место для высадки или якорной стоянки, которое подразумевает близость моря. Викинги сочли это место подходящим для десантирования при своих набегах. Поэтому вначале этот город был крепостью. Брюгге, являясь также и портом, разросся вдвое и быстро превратился в центр торговли.

В начале X в. центр Брюгге находился лишь в полумиле (800 м) от моря. Бельгийский историк Адриан Ферхюльст замечает, что «связь Брюгге с морем претерпевала изменения на протяжении всех Средних веков»¹. В результате оно то приближалось, то удалялась, что зависело от незначительных колебаний климата. Брюгге имел выход к морю вплоть до 1050 г. Затем прибрежные воды стало заносить илом. В результате ППСВ береговая линия Фландрии постоянно перемещалась и низменности часто подвергались затоплению. «Бертинские анналы», например, сообщают, что зимой 838–839 гг. случилось несколько сильных наводнений, а на День святого Стефана (26 декабря 838 г.) вся Фрисландия (нынешняя территория Нидерландов к северу от Рейна) оказалась под водой.

¹ Verhulst A. The Rise of Cities in North West Europe. Cambridge, 1999. P. 90.

«Столь великим было это наводнение, что сей край превратился в песчаные холмы, каковых там так много и которые называются дюнами. Всё, по чему прокатилось море, сметалось им, и люди, и прочие живые существа, и дома. Утонувших тщательно сосчитали: сообщают о гибели 2437 человек»¹. Это была большая цифра для того времени. Низменные прибрежные равнины на территории того, что сегодня является Бельгией и Нидерландами, не случайно называли Нижними Землями! К XV в. из-за похолодания Северная Атлантика стала замерзать, и Брюгге оказался примерно там, где он находится теперь.

Что-то подобное ситуации с Брюгге мы наблюдаем рядом, через Северное море, в Британии: низинные торфяники в Восточной Англии, к югу от залива Уош. Эти места, в течение столетий остававшиеся диким краем, в X в. представляли собой страну болот, усеянную возвышавшимися над ними островками сухой земли, где можно было безопасно селиться и заниматься сельским хозяйством. Хотя во времена римлян эти районы подверглись некоторому освоению, в X в. они представляли собой сплошные трясины. Город Норидж стоял почти на берегу мелководного фьорда, который тянулся на 23 мили (36,8 км) от Северного моря. Англосаксонский Или, который в наши дни находится в 29 милях (48 км) к югу от залива Уош и 15 милях к северу от Кембриджа, являлся удобным для обороны островом, окружённым водой, который десять лет продержался после начала нормандского вторжения в Англию в 1066 г.

Так что же видел человек X столетия, когда смотрел на окружающий мир? Более тёплая погода благоприятствовала растительности, поэтому люди, конечно, видели леса, которые, однако, не распространялись равномерно по всей Европе, как это могло бы показаться. О девственной природе в современном смысле можно говорить применительно лишь к трети европейских лесов того времени. Перед взором открывались обрабатываемые поля, основная часть которых примыкала к деревням и городам, существовавшим в большинстве своём ещё в римские времена. Эту расчищенную землю, в свою очередь, обступали леса, окружавшие,

---

¹ The Annals of Saint-Bertin: Ninth-Century Histories / Transl J. Janet, L. Nelson. Manchester, 1991. P. 42.

изолировавшие и ограничившие средневековый мир. Леса представляли собой фронтир, но преимуществу ничейное пространство»¹.

Некоторые из территорий Европы, в настоящий момент наиболее обезлесенных, были в те времена покрыты дремучими лесами. Взять, к примеру, долину реки По в Северной Италии. При полёте над нею в ясный день перед нами открывается бледный оранжево-коричневый индустриальный и сельскохозяйственный ландшафт. Она усеяна средневековыми городами, обширными уродливыми предместьями и такими промышленными центрами, как Турин и Милан. Встречаются и небольшие, разбросанные там и сям группы деревьев, но нет ничего похожего на лес, за исключением высокогорных альпийских долин на севере, предгорий Апеннин на юге и болот дельты По на побережье Адриатического моря между Венецией и Равенной.

Однако в начале X столетия, особенно если смотреть вдоль самой реки и её притоков, равнина вокруг По была большею частью покрыта лесами, где произрастали различные породы дуба, тополь, ива, ольха. Здесь также существовали обширные массивы хвойных и берёзовых лесов, сохранившиеся со времён юрского периода: они простирались до самой равнины от Апеннинских гор на юге и от Альп на севере. Равнинные и горные леса перемежались, что делало эти края во многом похожими на Скандинавию. Центр равнины По был по-прежнему весьма влажен, здесь встречались болота, куда впадали реки, стекавшие с гор. Тут находилось порядка дюжины небольших укреплённых городов, таких, как Павия (в ту пору столица Северной Италии), Кремона, Пьяченца, Парма, Феррара, Мантуя, Верона, Милан, Равенна, существовавшие ещё с римских времён. Они были разбросаны по равнине, окружены очищенными от зарослей обрабатываемыми полями и освоенными лесами. Их связывали разбитые дороги, пролежавшие по маршрутам их ухоженных предшественниц времён Римской империи. Однако доминировали в долине По леса и болота, деревья и вода окружали отдельные очаги цивилизации.

Так было не всегда. В классический период, начиная с V в. до н.э., из-за постоянного роста населения лесов в Средиземноморье становилось всё меньше, поскольку древесина использовалась для

---

¹ *Le Goff J Medieval Civilization 400–1500. Oxford, 1988. P. 133.*

строительства домов и кораблей. После падения Западной Римской империи в V в. по причине более благоприятного климата к X в. леса в значительной степени восстановились, население же после падения империи сократилось, соответственно меньше страдали леса.

К началу 900-х гг. они были господствующей формой растительности в Европе. По словам Ферхюльста, европейская страна имела «по большей части... естественный ландшафт, в основном состоявший из лесов», хотя их протяжённость была различной¹. Центральную Европу, Германию², Францию и Ирландию в тот период покрывали обширные лесные массивы. Но какая в точности часть того или иного конкретного ландшафта была покрыта деревьями, в точности сказать трудно. Специалист по исторической географии Майкл Уильямс осторожно пишет, что «лесов было много, и нередко весьма обширных и густых»³. Шарль Игуне показал, что от 15 до 80% территории в различных областях континентальной Европы и соседних с нею островов к концу X в. пребывали в первозданном состоянии, её большей частью покрывали лесные массивы, пусть и прерывавшиеся в зависимости от местности и разделявшие её на большие, но изолированные районы. Крис Уикхем отмечает, что «существовала огромная разница между видами лесов и необработанными землями на севере Европы и севере её центральной части, с одной стороны, и в Средиземноморье, с другой; различия усугублялись как климатическим, так и геологическим факторами»⁴.

Игуне нанёс на карту 159 лесных массивов на континенте и в Англии. Эти обширные массивы находились к востоку от Рейна, а также в центральной и восточной частях Франции вплоть до Альп. Ещё один огромный участок леса простирался к западу от Рейна между Бонном и Аахеном на плато Эйфель, включая современный Арденнский лес. Основываясь на работе Игуне и других

¹ Verhulst A. The Carolingian Economy. Cambridge, 2002. P. 11.

² Германия, собственно, и составляет основную часть Центральной Европы. — Прим. пер.

³ Williams M. Deforesting the Earth: From Pre-History to Global Crisis. Chicago, 2003. P. 103.

⁴ Wickham Ch. European Forests in the Early Middle Ages // Land and Power: Studies in Italian and European History, 400–1200 / Ed. Ch. Wickham. London, 1994. P. 190.

трудах, мы можем предположить, что примерно 65–70% территории Германии и 55–60% Франции были покрыты лесами. Однако в отношении Англии, за исключением Уэльса и юго-запада, можно говорить лишь о 15–20%. В «Книге Страшного суда» сообщается лишь о 15 500 квадратных милях (40 000 кв. км) лесов. Есть основания предполагать, что Англия была очищена от лесов ещё со времени бронзового века, а территория в значительной степени заселена, но плотность населения оставалась низкой. В Италии и Испании лесов было всегда меньше, чем в Северной Европе, отчасти из-за южного сухого и жаркого климата, а отчасти из-за более сильного демографического давления вплоть до позднеримских времён. Всегда существовали леса в горных районах Апеннинского полуострова, которые оказались уничтожены в результате их эксплуатации в промышленных масштабах в XIX — начале XX в. Естественный лесной ландшафт занимал в X в., вероятно, до 30% Апеннинского полуострова. То же самое можно сказать об Испании. Ирландия, в наши дни одна из самых бедных лесами стран Европы, в то время была покрыта ими на 80%, чему, несомненно, способствовал более тёплый и влажный климат, обусловленный влиянием Гольфстрима. Иначе обстояло дело в расположенной на 3–4 градуса к северу Шотландии с её холодными ветрами и менее тёплой погодой. Смешанные леса Шотландии росли на низменностях, тогда как горы были такими же голыми, как и в наши дни.

Остаются открытыми несколько важных вопросов, связанных с лесами в X в.: являлись ли дикие леса того времени в современном смысле почти не тронутыми и можно ли сказать, что туда почти не проникали люди? Как они использовались для обеспечения человеческих нужд? Подверглись ли многие лесные массивы уничтожению для расчистки места под пастбища и пахотные земли? Такие историки, как Уикхем, показали, что эти вопросы сложнее, чем могут показаться на первый взгляд.

Английское слово *forest* (лес, дубрава) двойственно. Для нас оно имеет несколько значений: небольшую группу деревьев на открытой местности; лесной массив, используемый для различных целей, включая пастьбу скота и сбор природных продуктов, например мёда; искусственные посадки деревьев; дикую пустынную область. «Новый краткий словарь английского языка» даёт все указанные значения, однако исходным является определение это-

го слова как «королевский лес, предназначенный для охоты». Первоначально *forestae*, средневековое латинское слово для обозначения леса, восходящее к *foris* («из дверей» или «снаружи»), были, строго говоря, землями королей и знати, использовавшимися ими для охоты. Это создаёт трудности для тех, кто не думает о лесе как месте для охоты, а также осложняется наличием других латинских слов, применявшихся для обозначения леса. Традиционным латинским словом для такой цели было *silva*; реже использовалось *saltus*. Оба слова подразумевали лес, использовавшийся для выпаса и вообще как пространство, служившее многим целям человека. Терминами для именования неосвоенных в современном смысле лесных массивов были *locus desertus* и *solitude*, они прилагались к 30–40% европейских лесов. *Foresta* впервые появились в латинском в середине VII в. и стали означать «собственность с определёнными правами... прежде всего правом охоты»¹. Таким образом, права охоты, эксплуатации, собственности оказывались, с современной точки зрения, причудливым образом перемешаны.

Охота была главной страстью высшего класса средневекового общества и признавалась единственным достойным способом отдыха. Она выполняла несколько социальных функций, способствуя укреплению физических сил, здоровья, статусности, престижа, поскольку король или аристократ выходил на неё со своими слугами, лошадьми, собаками и иногда специально обученными соколами. В охоте принимали участие люди сходного социального положения, и она представляла собой отличную тренировку, полезную для средневекового воина, позволяя держать людей и коней в подобающей форме. Охота развивала тактическое мышление, поскольку люди преследовали отлично умевших уходить от погони и отнюдь не безобидных кабанов, медведей, волков и оленей. Конец лета и особенно осень были наилучшим временем для охоты, дела, сопряжённого с немалыми опасностями. Несчастные случаи происходили сплошь и рядом, особенно с неопытными, горячими и склонными к риску юнцами. В «Бертинских анналах» под 864 г. сообщается, как шестнадцатилетний Карл Аквитанский, сын короля (позднее императора) Карла Лысого, совсем недавно вызванный отцом из Аквитании и взятый им

¹ Wickham Ch. Op. cit. P. 160.

с собой в Компьен, однажды ночью возвращался с охоты в Кюизском лесу¹ и хотел лишь развлечься скачкой со сверстниками по наущению дьявола, но тут его поразил мечом в голову юноша по имени Альбуин. Клинок проник почти до самого мозга, голова оказалась рассечена от левого виска до правой скулы и челюсти... Долгое время он страдал от эпилептических припадков и 29 сентября [866 г.] скончался².

Несчастные случаи на охоте представляли собой также удобное прикрытие при устранении соперника и иногда использовались как подходящая маскировка убийства.

Страстными любителями охоты были не только короли и знать. Местные церковные синоды постоянно выражали недовольство тем, что священники и клирики охотятся или используют соколов для спортивных нужд. Регулярность подобных жалоб свидетельствует о том, что меры церкви против занятий охотой зачастую игнорировались. В то же время бедняки охотились на мелких животных и ставили на них капканы. Если для дворян и клириков охота была спортом, то крестьяне и бедняки занимались ею для выживания. Она обеспечивала им свежее мясо, тёплую одежду и изделия из кожи, которые можно было изготовить из меха и шкур зверей.

Однако эксплуатация лесов не ограничивалась правом королей и знати на охоту. Селяне по традиции имели право собирать дрова, строительный материал и т.п. во владениях короля или аристократии, хотя охота на крупную дичь оставалась правом знати. Лесные угодья в X в. обозначали термином «фиск». Он подразумевал форму общественной земли, принадлежавшей королю или иному правителю и использовавшейся для общественных нужд. Когда привилегии на охоту начали расширяться, это послужило причиной многих конфликтов с крестьянами, пытавшимися отстаивать свои традиционные права на добычу в лесу пропитания. Вопрос ещё больше усложняло то, что участки «фиска» отчуждались или выводились из общественного пользования и превращались в дары монастырям, по отношению к которым короли или герцоги выступали в качестве патронов. Таким образом, произош-

¹ Совр. Кюиз-ла-Мот. — *Прим. авт.*

² The Annals of Saint-Bertin (864), 111–112, 134.

ла передача контроля над «фиском» монастырям и религиозным сообществам, которые могли признавать или не признавать традиционные права селян на сбор продуктов и материалов в лесу. Права на владение и использование «варьировались и плохо совмещались с принципами римского права», не говоря уже о концепциях владения Нового времени¹. Представления о праве полной собственности, принадлежащей отдельному индивиду, семье или корпорации, возникли намного позже. В некоторых местах (таких, как горная Шотландия) представление о частной собственности появилось не ранее начала XIX в. В результате неразвитости понятия частной собственности леса, по сути, могли использоваться простыми людьми, если не считать важного запрета на право охоты.

Казённые земли не всегда были покрыты лесами. Тем не менее в их число заведомо входили сельскохозяйственные территории, а также те, где была развита агролесопастбищная экономика. Последняя подразумевала заготовку дров и древесных материалов, охоту на мелких животных, выпас скота и особенно разведение и плодотворение свиней. Они были наиболее распространёнными домашними животными в Европе в X в., и леса использовались как пастбища для них, где свиньи могли питаться желудями и буковыми орехами. Полезность леса зачастую измерялась тем, как много этих животных могли там нагулять вес. И заросли, и очищенные от них земли могли стать пастбищем также для коров и овец. Всё это довольно быстро приводило к разрушительным последствиям для окружающей среды. Прожорливые свиньи раскапывали землю и вырывали с корнем почвопокровные растения. Это постепенно приводило к гибели лесов, находившихся в непосредственной близости от населённых пунктов, а также имело серьёзные последствия для обитавших там диких животных, поскольку вело к ухудшению условий их существования и исчезновению ряда видов.

Совершенно очевидно, что европейские леса, отнюдь не являвшиеся заповедной зоной, использовались с самых незапамятных времён. Во всех культурах древесина применялась не только для строительства домов и изготовления инструментов, но и как топливо. Использовались они и для посадок с целью периодической

¹ Wickham Ch. Op. cit. P. 167.

вырубки, чтобы делать столбы, стены, стропила, балки, изгороди, бочки. Конструкции большинства домов держались благодаря балкам, так что производство последних достигло почти промышленных масштабов. Например, в Риме в конце VIII — начале IX в. настилка новой кровли на храмах потребовала большого количества высококачественного дерева для длинных крепких балок, некоторые из них достигали 80 футов (25 м).

В наше время уничтожение леса ассоциируется с сельскохозяйственным производством, и некоторые думают, что так было и в X в. Безусловно, зерно необходимо для питания. Однако, как говорит Уикхэм, «его зачастую оказывалось недостаточно, а потому приходилось поддерживать агролесопастбищные ресурсы». Поэтому леса, примыкавшие к городам, деревням и монастырям, зачастую подвергались интенсивному освоению. «Только в наиболее обширных или наиболее удалённых от крупных населённых пунктов лесных массивах, — заключает Уикхэм, — в самом их центре сохранялись нетронутые участки»¹.

Для людей X в. лесные массивы являлись, таким образом, управляемым ресурсом. Вероятнее всего, *solitudines* (глухие места) встречались, за исключением Северной Европы, реже, чем мы можем предполагать. В них преобладали дуб (*Quercus robur*), берёза (*Fagus*), липа (*Tilia*) и вяз (*Ulmus*); они оставались в целом не затронутыми деятельностью человека; там водилось множество диких животных, особенно бурых медведей и волков, которых безжалостно преследовали охотники. Люди по большей части боялись и избегали *solitudines*. Несмотря на влияние церкви, воображение простых людей, в сознании которых оставались сильные пережитки язычества, населяло мир природы мистическими, магическими силами. Мы мало знаем о религии германцев, но племена, которые вторглись в земли Западной Римской империи, воспринимали мир природы как нечто сакральное.

Отдельные деревья, рощи и леса обладали, как считалось, сакральным и ритуальным значением. Люди полагали, что сверхъестественные силы, духи обладали огромными возможностями в деле посредничества в отношениях с природой, особенно когда речь шла о погоде, урожае, здоровье и болезнях людей и животных. Они жаждали получить всю мыслимую помощь от христианского

¹ Wickham Ch. Op. cit. P. 184, 186.

или языческих богов, чтобы их земля и скот давали всё возможное и не возникало угрозы голода. У нас есть свидетельства признания красоты природы в те времена, однако простые люди были настроены по отношению к ней не столь романтично.

Как признавал архиепископ Агобард, христианство в его время представляло собой смесь христианского учения и практики с отходившими в прошлое, но ещё сильными элементами языческих верований и практик. Сюда включались боги растительности и плодородия, а также божества, чьё влияние чувствовалось в домах, на скотных дворах, в полях, в лесах, источниках и горах. Для большинства людей *solitudines* представляли собой нечто особенно пугающее, поскольку там, как они верили, действовали потусторонние силы, и это большинство старалось держаться от таких мест подальше из практических соображений: там зачастую прятались воры, изгои и душевнобольные. Лишь отшельники с их приверженностью Богу и отважные охотники в поисках диких зверей не боялись проникать в *solitudines*. По мере того как в X в. развивались города, очищенные от леса пространства начали разрастаться, особенно в Северной Италии. Как пишет итальянский историк окружающей среды Вито Фумаджелли, «особенно интенсивно леса стали сводиться в центре Северной Италии, где главными виновниками их уничтожения были крупные города, которые вторгались в окружавшие их земли»¹. Одновременно осушаются болота в долине По, и край постепенно лишается своей первоначальной растительности. В наши дни только в региональных парках дельты рек По и Адидже мы можем увидеть, как когда-то выглядели те места. Как с ностальгией пишет Фумаджелли, «едва ли где в Италии сохранились могучие дубы [тех времён]... Совершенно ясно, что уже в VIII, а затем IX, X и XI столетиях стали появляться весьма значительные участки, очищенные от леса, а также прилагаться усилия по изменению окружающей среды с целью приспособить эти края к людским нуждам»². Главной причиной сведения лесов был рост населения, который начался в IX в. и увеличился в X и последующих столетиях.

¹ Fumagelli V. Landscapes of Fear: Perceptions of Nature and the City in the Middle Ages. Cambridge, 1994. P. 127.

² Ibid. P. 100, 104.

Во времена предшествующего своего максимума, во II в. до н.э., население Европы как Римской империи, так и за её пределами составляло примерно 36 миллионов человек (это приблизительная цифра, полученная на основании доступных источников). В те годы Римская империя достигла максимального расширения. Однако в конце концов империя оказалась экономически неустойчивой, и последовало падение численности населения. Варварские вторжения V в. стали причиной множества смертей, а ухудшение климата и уменьшение объёмов сельскохозяйственной продукции привели к ещё большему сокращению численности населения¹. Система центрального управления рухнула, гражданский порядок исчез, а варвары разорили то, что осталось.

Пик депопуляции в Европе пришёлся на VI и VII вв. К 600 г. население сократилось до 18–22 миллионов человек. К началу VIII в. оно вновь стало расти, пусть и неравномерно, поскольку на это влияли периодические политические кризисы, вторжения, возвращающиеся эпидемии и болезни. Возможно, отчасти благодаря потеплению его численность к 800 г. достигла 29 миллионов человек и к началу второго тысячелетия составило 36–39 миллионов. Город Рим являет собой отличную иллюстрацию этих процессов. В эпоху расцвета империи, около 100 г., население его составляло 1 миллион человек или даже больше. Ко времени завоевания города в 312 г. императором Константином оно уже уменьшилось до 800 тысяч и продолжало сокращаться и дальше. К началу VI в. в Риме оставалось 100 тысяч жителей. К 550 г. их число упало до 30 тысяч. Колебалась их численность и позднее, поднявшись примерно до 90 тысяч около 600 г., когда с севера Италии хлынул поток беженцев, спасавшихся от завоевателей-лангобардов. К началу X в. количество жителей Рима вновь уменьшилось до 25–35 тысяч. В Константинополе же в это время обитали более 800 тысяч человек.

Для всей Европы всякое восстановление численности населения было тяжёлым испытанием, учитывая общую нехватку продуктов и эпидемии середины VI в. и середины VIII в. Бубонная чума описывается у Павла Диакона в его «Истории лангобардов»

¹ *McEvedy C., Jones R. Atlas of World Population History. Harmondsworth, 1978. P. 21; Russell J.C. Population in Europe // The Fontana Economic History of Europe. Vol. I. The Middle Ages / Ed. C. M. Cipolla. Glasgow, 1972. P. 36.*

как «язва в паху». Это было особенно распространённое явление в середине VI в. в центре Южной Европы. Историки сравнивают его с распространением в Италии «чёрной смерти» в 1348–1450 гг.¹ Многие решили, что приближается конец света. Павел Диакон («История лангобардов». II. 4) описывает опустевшую Северную Италию, ставшую жертвой катастрофы:

«Повсюду было горе, повсюду слёзы... Можно было видеть, как мир возвращается в древнее безмолвие: в полях не слышно голосов, посвистывания пастухов, не строят хищники козней ни против скота, ни против домашних птиц. Миновало уж время сбора урожая, а посевы, ожидая жнецов, оставались нетронутыми. Зима приближалась, а виноградники, лишившись листьев, так и стояли, блистая гроздьями... Не слышно шагов странников, не видно убийц, зато бросаются в глаза трупы убитых. Пастбища превратились в места погребения мёртвых, а человеческие жилища сделались убежищами зверей».

Между тем большая часть Центральной Италии страдала от нехватки продовольствия и от войны, которую вели между собой остготы и византийцы, за которой вскоре последовало вторжение на Апеннинский полуостров лангобардов в 568–569 гг. Последние годы VI в. покрыты мраком.

Периодические вспышки чумы происходили в Европе в течение нескольких столетий, Англия же особенно пострадала от нее в середине X в. В Бертинских анналах под 856 г. сообщается, что зимой 855/56 г. во Франции и Германии стояли страшные холод и сушь. Ужасная болезнь унесла значительную часть населения. В следующем году, согласно Ксантенским анналам (857 г.), «великое мучение от гнойных пузырей распространилось среди людей, и завершалось оно отвратительным гниением, так что перед смертью [телесные] члены отмирали и отваливались». Несомненно, это описание симптомов септической чумы, которая приводит к некрозу (омертвлению органов, тканей или конечностей) и началу гангрены. Чуму XIV в. называли «чёрной смертью» именно потому, что поражённые ткани чернели, как только начинались гангрена и разложение, причём это сопровождалось омерзительным за-

¹ Fumagelli V. Op. cit. P. 16.

пахом. Если не начать лечение с помощью антибиотиков, то септическая чума почти всегда заканчивается смертельным исходом. Она возникает в результате укуса инфицированных блох или соприкосновения с заражёнными животными, такими, как кролики, грызуны и иногда кошки.

Десятое столетие также стало свидетелем вспышек чумы, однако, судя по свидетельствам, они носили скорее локальный характер. Конечно, более мягкий климат, способствовавший росту сельскохозяйственной продукции, сыграл свою роль в том, что случаи эпидемии происходили всё реже. В результате люди стали сильнее и устойчивее в отношении болезней. Хронист Флодоард Реймский сообщает о четырёх вспышках эпидемий между 924 и 956 гг. Две из них (в 927 и 934 гг.), похоже, ограничились районом вокруг Реймса. Другие, видимо, затронули более обширные территории. Первая, в 924 г., поразила вторгшихся мадьяр (венгров). Как сообщает Флодоард, «мадьяры, опустошившие Готию¹, пострадали от эпидемии, которая вызвала дизентерию и отёк головы, и выжили из них очень немногие»². Очевидно, куда большее распространение получила эпидемия, случившаяся в 956 г., «которая охватила большую часть Германии и всю Галлию, многие умерли или слегли от хвори, испытывая сильную слабость»³. Хронист особо упоминает о смерти от этой болезни четырёх епископов.

По нашим меркам, Средние века не являлись образцовыми с точки зрения окружающей среды. Из-за охоты многие виды оказались на грани уничтожения, разница между домашними и дикими животными была малоразличимой. Домашние свиньи и дикие кабаны жили бок о бок и скрещивались друг с другом. Олени, бобры, евразийские бурые медведи, зубры (дикий предок современных быков), европейские бизоны были ещё широко распространены, хотя бурые медведи исчезли в Англии в X в. Бескрылые гагарки, не умеющие летать и потому особенно уязвимые морские птицы, встречались на всём побережье Исландии, Орк-

¹ Готская марка на средиземноморском побережье Франции к югу от Лиона.

² *Флодоард Реймский*. *Анналы* (под 924, 927, 934, 956 гг.).

³ Там же (под 856 г.).

нейских, Гебридских и Шетландских островов, на западном побережье Шотландии. Теперь их больше не существует¹. Волки водились по всей Западной Европе ещё пять столетий назад. Их стаи рылись в отбросах на улицах Парижа среди бела дня ещё в XV в. Все эти виды животных начали исчезать с конца X в., прежде всего по причине вырубki лесов, охоты и намеренного их истребления.

В то время как сельское хозяйство успешно развивалось, а леса начали сводиться, люди по-прежнему воспринимали дикую природу как нечто тёмное, враждебное, чуждое, пугающее, населённое духами смерти и свирепыми зверями. Несмотря на то что священнослужители стремились к уничтожению природных объектов, связанных с языческими культами, подобная практика сохранялась ещё на протяжении многих столетий среди европейского крестьянства. Епископ Бурхард Вормский в своей «Книге декретов» (*Decretorum*) в главе, где идёт речь о заклинаниях и гаданиях (X. 10), говорит: «Епископы и их помощники должны ревностно бороться против культа деревьев, посвящённых бесам, которым простолюдины поклоняются и которых усердно почитают. Их надлежит вырывать с корнем и сжигать, чтобы не уцелело ни ветки, ни даже прутика от них». Он также предупреждает относительно священных камней и разорённых мест в лесах, которые до сих пор остаются местами языческих культов.

Несмотря на пережитки язычества, в конце X в. сформировалось, а позднее укрепилось новое отношение к миру природы. Всё началось с распространения в Европе монашества. Изменения окружающей среды, связанные с тем, что простой отшельник живёт в лесу, были самыми незначительными. Но как только он объединялся с другими монахами и они создавали монашескую общину в малонаселённой местности, влияние на окружающую среду оказывалось куда более серьёзным. Европейское монашество с уважением относилось к физическому труду, и деятельность сорока или пятидесяти монахов значительно влияла на ландшафт: они сводили лес, осушали болота, сеяли хлеб, пасли скот, не говоря уже о возведении больших каменных монастырей и храмов. Монастыри неизбежно превращались из изолированного пространства в центры колонизации, культуры, вообще че-

¹ Бескрылые гагарки исчезли только в XIX в. — *Прим. пер.*

ловческой деятельности, демонстрируя жителям окружавших их поселений, что природа — пример чудесного устройства мира Богом и его плана спасения. Люди хотели контролировать природу, чтобы не быть целиком и полностью во власти капризов погоды, чтобы процветание или голод не зависели от того, каким будет урожай, и чтобы не бояться нападений диких зверей. Даже если эти новые взгляды стали набирать силу в X в., по-настоящему большие расчистки леса под монастыри начались уже после 1000 г., особенно с основанием в 1098 г. ордена цистерцианцев, где жизнь монахов была устроена в духе бенедиктинской традиции.

В IX и X вв. христианская Европа простиралась от Северной Франции, стран Бенилюкса и Южной Германии на север и восток. При императоре Карле Великом Саксония и Северная Германия были завоёваны и включены в состав империи Каролингов, а их население без церемоний обращено в католицизм. Около 1000 г. настала очередь западных славян (поляков и чехов) и мадьяр перейти в лоно западного христианства. Польша, Венгрия и то, что теперь является Чешской Республикой и Словакией, стали бастионами западной культуры, в то время как обитатели восточнославянских земель Болгарии, Украины, Западной России приняли православие.

Конечно, едва ли можно говорить о «Европе» в X столетии. Само это слово вошло в обиход лишь много позднее. В том, как люди определяли свою идентичность, главную роль играли семья и местность, где они родились и приобщились к церкви и католической вере. Если они вообще как-то идентифицировали себя в более широком смысле, то, конечно, по принадлежности к *Christianitas* — христианству.

Важнейшим определяющим фактором жизни была исторически неизменная константа — географические условия континента. Наиболее существенную роль в западной истории сыграли 1) плодородная, хорошо обеспеченная водой Великая Европейская равнина; 2) Средиземноморье; 3) реки Европы; 4) Пиренейские, Апеннинские и главная топографическая достопримечательность Европы — Альпийские горы. Помимо этих горных хребтов остальная Европа представляет собой плоские равнины и невысокие круглые холмы. Исключением является Испания; большую часть её состав-

ляет плоскогорье высотой порядка 1900 футов (600 метров) над уровнем моря. За исключением более высоких гор, Европа плодородна, её земля даёт хорошие урожаи.

Великая Европейская равнина простирается на 2400 миль (4000 км) от Атлантического океана и Пиренейских гор на западе до Уральских гор на востоке. Прерывает её лишь Центральный массив в Юго-Восточной Франции, край потухших вулканов; невысокие предгорья Альп на северо-востоке Франции, Южной Германии и некоторых районах Австрии; горы Гарц на юге Саксонии; Татры и Карпаты в Восточной Европе. Англия и Ирландия представляют собой либо плоскую, либо холмистую равнину, более значительные горные хребты находятся лишь в Уэльсе, на северо-западе Англии и в Шотландии.

Европа — страна великих рек. Самые протяжённые из них, Волга, Днепр и Дон, находятся далеко на востоке Европы и не связаны с нашими сюжетами. Две наиболее важные для нас реки Рейн длиной 820 миль (1320 км) и Дунай длиной 1770 миль (2860 км), вторая по протяжённости река в Европе. Менее крупные реки, такие, как Тахо в Испании¹, Луара, Сена и Рона во Франции, Эльба в Германии, Одер на границе между Польшей и Германией, По в Италии; Темза в Англии, Шаннон в Ирландии, сыграли важную роль в этот период, особенно как водные пути для викингов, позволявшие им проникать в глубь этих стран. Реки также играли роль источников водных ресурсов, а также удобных трасс для перемещения товаров.

Средиземное море не только являлось южной границей Европы, но и защищало христианский мир в X в. от мусульманской экспансии из Северной Африки и с Ближнего Востока. Исключение составляла Испания: она была единственной частью континентальной Европы, захваченной мусульманами, которые, наступая с юга, завоевали в начале VIII в. две трети полуострова.

Наиболее важная топографическая достопримечательность континента, Альпы, простираются примерно на 650 миль (1000 км) в общем направлении с северо-востока на юго-запад через Австрию, Южную Германию, Швейцарию, Северную Италию и Восточную Францию к Ривьере, вместе с Приморскими Альпами образуя

---

¹ Тахо протекает также и по территории Португалии, называясь здесь Тежу. — *Прим. пер.*

нечто вроде огромного изгиба, обращённого на юго-запад, горы доходят до средиземноморского побережья и идут вдоль него, огибая Северные Апеннины. В наиболее широком своём месте Альпы достигают 100 миль (160 км) в ширину. Несколько альпийских вершин достигают 9840 футов (3000 м), самая высокая из них Монблан (8200 футов = 4810 м). Снеговая линия проходит на высоте примерно 8200 футов (2500 м). Между снеговой линией и долинами лежат альпийские луга, в течение веков использовавшиеся для летнего выпаса скота.

Важность Альп возросла в IX и X вв., поскольку их приходилось пересекать любому, кто не был итальянцем, но хотел попасть в Рим и Иерусалим, крупнейшие центры паломничества христианского мира. Пути через Средиземное море, как правило, находились под контролем сарацин. Группа проявлявших особую активность сарацинских пиратов имела базу во Фраксинете у самого Сен-Тропе на Французской Ривьере; отсюда они угрожали пилигримам в Альпах и на западном побережье Италии. Несмотря на это, движение в обе стороны через альпийские перевалы оставалось в рассматриваемый период весьма интенсивным. Хотя большинство простолюдинов редко уходили из родных мест дальше чем на 60 миль (100 км), Европу пересекали настоящие «туристические потоки» паломников, направлявшихся к различным святым местам. Для них Рим был самой желанной целью, однако требовалось немало воли и энергии, чтобы добраться до него. И лишь немногие решались предпринять куда более нелёгкий путь к Иерусалиму, пролежавший через земли византийцев и мусульман. Через Альпы шли также значительные грузопотоки: купцы перевозили с ярмарки на ярмарку предметы роскоши и прочие товары.

Хотя альпийские перевалы были освоены задолго до римских времён, перед теми, кто преодолевал их, вставали весьма серьёзные психологические и физические трудности. Горы круты с обеих сторон, достигая более 6500 футов (2000 м) в высоту. Главные перевалы пересекают высокогорные плато; подъём и спуск с них и составляет наиболее сложную часть пути. Крупнейшими из перевалов являются Мон-Сени между Францией и Италией (хотя на французской стороне на одном из отрезков нужно идти через очень узкое ущелье, а подход к итальянской стороне чрезвычайно крут) и Бреннер, наименее высокий и лёгкий, расположенный

дальше других к востоку. В X в. центральные перевалы также часто использовались, большинство из них находится между Шуром в Швейцарии и Беллинцоной (в то время в Италии) или Кьявенной (Италия).

Главные перевалы в тех краях Сан-Бернардино (от Шура до Беллинцоны с очень крутой северной стороной), Септимер (от Шура до Бивьо в Швейцарии и у Кьявенны пологий на швейцарской стороне и крутой на итальянской, но с внезапными и непредсказуемыми снегопадами), Жюлье-Малоя и Шплюген (крутой, нечасто использовавшийся перевал). Большой Сен-Бернар, один из старейших из числа известных альпийских перевалов, также часто использовался в этот период.

Путешествие через Альпы было делом нелёгким. Основную часть пути пешком по крутым склонам или, если человек вёз с собой деньги, на муле или осле. Мул (помесь самца осла и кобылы) тогда часто использовался в качестве вьючного животного. Эти животные понятливы, спокойны, хладнокровны, сильны, неприхотливы и более выносливы, чем лошади. Они дольше живут и могут делать переходы в 50 миль (80 км) в день, и содержать их дешевле, чем коней. Лошади предназначались для снобов, так же как в наши дни путешествие в вагоне бизнес- или первого класса, но обычно только правители, богачи или гонцы с особо важными донесениями ездили на конях, поскольку их приобретение и содержание обходились дороже. Преимуществом последних была скорость. Кареты и телеги редко использовались для путешествий в Альпах по причине плачевного состояния местной инфраструктуры: дороги и мосты зачастую являли собой лишь остатки того, что сохранилось с римской эпохи, или грязные изрытые тропинки. Лето и осень были лучшим временем для путешествий, поскольку снижался риск стать жертвой экстремальных погодных условий, хотя, правда, в середине лета стояла сильная жара; разумные люди избегали зимних вояжей через Альпы. Имелись трудности с ночлегом. Многие останавливались в монастырях, обитатели которых следовали «Правилам» святого Бенедикта, предписывавшим давать приют путешественникам и странникам: «Пусть всех, кто приходит, принимают, как Христа, ибо он сказал: «Я был странником, и вы приняли Меня» (Мф. 25:35). И пусть всякому будут оказаны надлежащие почести, а «наипаче своим по вере» (Гал. 6:10) и путникам... Наибольшее попечение имейте о бедных и странст-

вующих, ибо о них особенно заботился Христос, а [имущим] поможет почтение к их богатству»¹.

Это создавало экономические трудности для большинства монастырских общин, особенно для тех, которые находились на пути наиболее крупных паломнических маршрутов. Строгие правила Бенедикта соблюдались не всегда. Хотя обычно люди из высших классов получали куда лучший ночлег и питание, чем простолюдины, многое зависело всё же от экономических возможностей монастыря. «Во времена нужды монастыри оказывались буквально в осаде... [и] приём особо важных гостей оказывался менее обременительным, чем ежедневная забота о пропитании бедняков»². Ночью мог подняться шум, особенно если гости напивались, и помещения для странников старались отводить подальше от монастырского dormitoria.

Если монастыря поблизости не было, путешественникам приходилось останавливаться в трактирах. Качество жилья и услуг сильно различались. Содержатели постоялых дворов имели плохую репутацию, и подобно тому как сейчас есть фешенебельные и дешёвые заведения, так же было и тогда. Многие из них носили названия вроде «Корона», «Лев», «Чёрная лошадь» или «Три короля» и располагались в местах, где проходило особенно много торговцев и путешественников. Размещали людей обычно в комнатах для сна, где зачастую укладывали по несколько человек в одну постель. Все спали голыми. Постельное бельё менялось нерегулярно, а потому эти помещения были грязными, неудобными и представлявшими опасность для тех, кто в них останавливался: здесь ничего не стоило подхватить кожные заболевания и лихорадку, и всё заполняли запахи немытых тел, хотя многие их не замечали, поскольку привыкли к ним с рождения. Уборные были примитивными, без канализации, и помимо монастырей ванны попадались редко. Обычно обед состоял из хлеба, сыра и иногда супа.

Путники постоянно сталкивались с опасностями, исходившими как от природы (ливни, снегопад, наводнения, оползни, лавины) и от людей (воры, разбойники, сарацины, завоеватели). Поскольку путешествия, особенно в одиночку, были делом опасным,

¹ 53-е правило Св. Бенедикта.

² Ohler N. The Medieval Traveller. Woodbridge, 1989. P. 85.

люди в целях самозащиты предпочитали объединяться в группы. Особенно охотно это делали торговцы, которым нужно было сбегать свои товары. Обычно они перевозили их на мулах, переезжая с ярмарки на ярмарку из Лиона, Венеции, Лондона, Бремена, Франкфурта, а то и с Ближнего Востока. Как правило, купцы, которые занимались международной коммерцией, торговали предметами роскоши. В основном её вели евреи и сирийцы, а в X в. в ней участвовали также фризы и купцы из Северной Германии. Однако учитывая плачевное состояние инфраструктуры, торговля чаще велась между соседними областями, нежели между государствами.

До нашего времени сохранилось некоторое число описаний путешествий в Рим и обратно. Одно из самых подробных повествует о возвращении из Рима в Англию Сигерика Серьёзного, архиепископа Кентерберийского в 985–990 гг., после его посвящения в сан¹. Кто-то из его спутников указал названия каждого *submansio* (монастырь или обитель), где они останавливались по дороге к французскому побережью Ла-Манша — маршрут протяжённостью 1150 миль (1850 км) с восьмьюдесятью остановками на ночлег. Они направлялись на север из Рима, вероятно, в разгар лета 990 г. по старой римской дороге, *Via Cassia*², через Сутри, Витербо и Сиену. Затем они отправились через горы к Лукке, что к северо-западу от Флоренции. Проехав незначительное расстояние по берегу моря к северу от Пизы, они оставили *Via Cassia* и по диагонали пересекли Апеннины по направлению к *Via Aemilia*³, а по ней через долину По к Пьяченце. Преодолев за 38 дней путешествия 260 миль (420 км), что предполагает 6 миль (10 км) в сутки, весьма небольшая скорость, обусловленная горной местностью и, видимо, жарой в разгар лета.

Покинув Пьяченцу, они двинулись на северо-запад и за пять дней по долине реки По добрались до Верчелли и через два дня

¹ Memorials of Saint Dunstan Archbishop of Canterbury // *Rerum Britannicarum Medii Aevii Scriptores* / Ed. W Stubbs. London, 1874. Vol. 63 (cap. VII). P. 391–398.

² Кассиева дорога, построенная римлянами во II в. до н.э. и названная по имени ответственного за её возведение лица либо консула 171 г. и цензора Г. Кассия Лонгина, либо консула 127 г. Л. Кассия Лонгина Равиллы. — *Прим. пер.*

³ Эмилиева дорога построена в начале II в. до н.э. и названа по имени руководившего её строительством консула 187 г. до н.э. М. Эмилия Лепида. — *Прим. пер.*

достигли Ивреи, а ещё через два — Аосты. Затем они начали восхождение к перевалу Большой Сен-Бернар, достигнув главного хребта Альп 8100 футов (2470 м). Этот перевал использовался ещё с античных времён только в течение нескольких месяцев в году, преимущественно летом; он становился опасным уже осенью из-за ранних снегопадов. За один длинный, трудный день они проделали путь от Сен-Реми-ан-Босса (Италия) до Бург-Сен-Пьера (Швейцария), преодолев таким образом расстояние в 15 миль (25 км), включая подъём в 2780 футов (850 м). Путешественникам имело смысл побыстрее пересечь Большой Сен-Бернар. Эти глухие места были небезопасны; люди там нередко становились жертвой грабителей, а монастырские странноприимные дома не функционировали в течение шестидесяти лет. Кроме того, на этот высокогорный, изолированный от внешнего мира край до сих пор совершали набеги сарацины.

Преодолев за шесть дней Большой Сен-Бернар, странники оказались в Лозанне к северу от Женевского озера. Через четверо суток они пересекли нынешнюю французскую границу и прибыли в Безансон. Горы остались позади, и теперь путешественники стали продвигаться быстрее. Уже через десять дней они добрались до Реймса, а ещё через десять в Сомбре, на берегу Ла-Манша, ныне это кучка сельских домов и амбаров в городке Виссан, строго к югу от нынешнего туннеля, где железная дорога выходит на поверхность в сельской местности ровно на полпути между Кале и Булонью. С того времени, как путники оставили Пьяченцу, они преодолели ещё 890 миль (1430 км) за 42 дня, т.е. в среднем 21 миль (34 км) в сутки. В Виссане, который в течение веков оставался обычным отправным пунктом для плаваний в Англию, они наняли судно до Дувра. Расстояние от французского до британского берега составляет здесь 21,7 мили (35 км). Корабль, на котором плыли Сигерик и его спутники, был, вероятно, или торговым или совершавшим регулярные рейсы через пролив. Эти корабли изготавливались из дерева и имели 60 футов (18 м) в длину, 13-футовую (4-метровую) мачту и лёгкий парус. Они приводились в движение 20 гребцами и обладали хорошими мореходными качествами. При благоприятных условиях плавание занимало, вероятно, от 12 до 14 часов.

После своего обращения в христианство викинги оставались наиболее опытными из европейских путешественников как на

море, так и на суше. Во время путешествий через Альпы «бросалось в глаза множество исландцев, паломников и студентов, которые держат путь [в тех краях]»¹.

Весьма интенсивным было паломничество в Иерусалим. Одно из самых долгих путешествий туда предпринял, насколько нам известно, новообращённый исландец Торвальд. Убив двух людей, которых он считал авторами ходившей по Исландии непристойной песенки, где говорилось о том, будто он имел гомосексуальные сношения с епископом, Торвальд заявил, что «кодекс чести викинга и христианское правило подставлять другую щёку совершенно несовместимы»². Во исполнение наложенной на него епитимьи в начале 990-х гг. Торвальд отправился в качестве паломника в Иерусалим. Этот город считался физическим и духовным центром мира, но лишь немногие пилигримы доходили до него. Торвальд оказался исключением.

Другим местом, куда так стремились попасть, был воображаемый центр мира X столетия — Рим. Как мы видели, Рим в психологическом смысле являлся центром европейского универсума X в., и там, естественно, хотел побывать каждый. Многих этот город сильно разочаровывал, поскольку являл собой болото в экономическом, социальном и политическом отношениях. Итак, посмотрим, что же мог увидеть паломник по прибытии туда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Римские «блудницы»:

от «трупного синода» к падению Марозии

Стоя посреди толпы, собравшейся в большом храме, диакон боролся с острым приступом тошноты. Одной причиной этого был сильный страх, другой — запах разлагавшегося тела, напоминавший ему вонь от гниющей пищи или мяса, оставленных лежать на солнце несколько дней. Правда, он и раньше видел мёртвые тела, не погребённые и пахнувшие гниющие туши животных, лежавшие

¹ Tyler J.E. *The Alpine Passes in the Middle Ages (962–1250)*. Oxford, 1930. P. 23–24.

² Цит. по: Clark V. *The Far-Farers: A Journey from Viking Iceland to Crusader Jerusalem*. New York, 2003. P. 12.

по всему городу. Хуже всего было то, что приходилось стоять рядом именно с этим трупом — телом Святого Формоза, который наставлял его в вере, был епископом и рукоположил его в диаконы в том самом храме. Нелёгкое испытание!

Разлагающееся тело вытащили из могилы. Теперь оно восседало на папском престоле в апсиде за алтарём, со всеми епископскими регалиями. Епитрахиль, символ священнического сана, была накинута на шею покойного, с квадратным далматиком спускавшейся до колен туникой далматского происхождения поверх подризника и епитрахили. Всё это покрывало широкое белое одеяние наподобие пончо — такое до сих пор носят епископы, когда совершают евхаристию. Вокруг шеи у него был паллий из белой овечьей шерсти, символ власти как епископа Рима; его перекидывали через правое плечо, а концы завязывались слева и спускались до колен. Гниющую плоть на голове покрывала камилавка, белая островерхая шапка наподобие фригийского колпака, напоминавшая круглый солдатский шлем.

Диакону, чьё имя не сохранила история, пришлось стоять рядом с телом по приказу папы Стефана VI. Пребывая в истерике, папа с кафедры (*pulpitum*), срочно воздвигнутой для этого случая за высоким алтарём, выкрикивал обвинения в ереси и гордыне в лицо покойному. Роль диакона в этом диком спектакле сводилась к тому, чтобы отвечать на обвинения в качестве защитника умершего. Диакон знал, что всё сказанное им слово в слово будет передано внушавшей ужас Агильтруде Беневентской, которая вместе со своим непредсказуемым сыном Ламбертом II, герцогом Сполето и повелителем большей части Центральной Италии, владела Римом ещё до этого синода и после него.

Подобно всем священнослужителям, присутствовавшим в храме Спасителя в тот пасмурный, холодный зимний день в середине января в базилике Святого Иоанна Крестителя на Латеранском холме в Риме, диакон знал, что результат этого действия предreshён заранее. Он также знал, что Агильтруда жаждет отомстить мёртвому папе, который позволил немцам обойти её сына в борьбе за императорский престол. Диакон знал, наконец, что его ждут пытки, увечья, ослепление или даже смерть, если он будет слишком удачно защищать своего мёртвого клиента от обвинений. Формоз, единственный из пап, носивший такое имя, будет осуждён, а все его официальные акты отменены. Это касалось и рукоположений

в том числе и самого диакона. Последний понимал, что его карьера в курии (а он уже достиг ранга скринария — секретаря, готовившего официальные документы в папской канцелярии) закончена, по крайней мере пока жив папа Стефан VI.

Basilica Salvatoris и по сей день является кафедральным собором Рима, хотя ныне она известна под именем Латеранского (*San Giovanni in Laterano*). Самый древний храм, стоявший на этом месте, и соседствовавший с ним дворец были подарены христианской общине и возглавлявшему её в то время папе Мильтиаду (311–314) императором Константином, который прекратил продолжавшиеся три века с перерывами гонения христиан и стал проводить политику терпимости по отношению к ним, закреплённую Медиоланским эдиктом 313 г. Это было здание в 377 футов (115 м) в длину, с центральным нефом и двумя приделами с высокими окнами, обеспечивавшими доступ света. Святая святых и главный алтарь занимали обширную высокую полукруглую апсиду. Главный алтарь покрывал квадратный мраморный балдахин на четырёх тонких мраморных колоннах. Папское кресло (*cathedra*) стояло на высокой платформе прямо за алтарём, обращённое к прихожанам, и римские священнослужители рассаживались полукругом с другой стороны в зависимости от своего ранга.

К IX в. здание уже готово было развалиться. Оно имело причудливую в инженерном отношении историю; построили его, видимо, на скорую руку. Археолог Родольфо Ланчани считает, что инженеры Константина работали спустя рукава, когда превращали это сооружение в церковь, и строилось оно из материалов, оставшихся от древних памятников или унесённых из них¹. Тем не менее и алтарь, и Святая святых сияли золотом, серебром и прочим драгоценным узорочьем, дарами богатых и бедных паломников за несколько веков, которые они принесли, чтобы почтить могилы Святых Петра и Павла, похороненных в городе.

Однако в этот зимний день 897 г. базилика стала местом одного из самых жутких и безумных спектаклей в долгой истории папства. Волею судьбы, или провидения, диакону пришлось играть важную роль в том, что историки позднее назовут «трупным сино-

¹ *Lanciani R.A. The Destruction of Ancient Rome: A Sketch of the History of the Monuments. London, 1901. P. 159.*

дом», или, говоря словами того времени, *Synoda Horrenda*¹. Что на нём произошло, прекрасно известно. Папа Стефан VI (896–897), отпрыск знатного рода, амбициозный, порочный и к тому же психически неуравновешенный человек, велел выкопать из могилы тело своего недавно почившего предшественника Формоза (891–896), одеть его в папское облачение и усадить в епископское кресло, чтобы начать процесс по обвинению в ереси. Рядом с сидевшим на троне телом Формоза стоял объятый ужасом диакон в белом стихаре с епитрахилью поверх него, перекинутой через левое плечо, и ещё поверх всего этого далматик. Судьями на синоде, напуганные присутствием в Риме Агильтруды, Ламберта и их воинов, были епископы из соседних диоцезов, явившиеся в сопровождении стольких приходских священников, скольких смогли с собой привести.

Формоз умер почти за десять месяцев до того, 4 апреля 896 г., на пороге своего 81-летия после пяти лет пребывания в папском сане. Понятно, что тело его частично разложилось, и базилику наполнил жуткий смрад, сохранявшийся и некоторое время после этого. Бальзамирование в то время ещё не вошло в практику. Формоза в соответствии с тогдашним римским обычаем положили в саркофаг, украшенный скульптурным изображением. Слово «саркофаг» восходит к греческому словосочетанию «поедающий плоть», поскольку считалось, что камень, обычно известняк, способствует быстрому разложению тела.

Обычно за 9–10 месяцев разложение трупа достигает крайней стадии разложения, особенно если он пребывает на открытом воздухе. Однако защищённое саркофагом тело Формоза, когда его извлекли из него, пострадало не так уж сильно. Лето в Риме жаркое и сухое. Если учесть низкий уровень влажности, то тело быстро подверглось обезвоживанию, и в результате кожа, очевидно, стала жёсткой и почернела, превратившись в прочный защитный слой. Но сохранявшие влагу внутренние ткани тела не могли не издавать зловоние, от которого тошнило даже в те времена, когда запах смерти был вполне привычным.

Английский поэт Роберт Браунинг (1812–1889) в романе в стихах «Кольцо и книга» обессмертил историю о «трупном синоде» для Викторианской эпохи. Очарованный средневековой Ита-

¹ На латинском это дословно означает «жуткий» или «чудовищный синод». — *Прим. пер.*

дией и тем, что он считал суевериями тайные католические ритуалы, он, подверженный типичным для Англии середины XIX в. антикатолическим предрассудкам, живо описал сцену со Стефаном, в которой тот «с пеной у рта, словно разъярённое животное» бросает обвинения в лицо мёртвому Формозу, сидевшему в папском кресле¹. Впечатление от сцены, помимо безумия Стефана, усиливается присутствием жаждущей мести Агильтруды и непредсказуемого Ламберта. Неудивительно, что наш диакон был объят ужасом.

Стенограмма «трупного синода» погибла в последующие годы, а потому мы не знаем, что говорил диакон в защиту покойного папы, но важнейшим обвинением против Формоза было вопиющее несоблюдение канонического права и церковного учения: он перешёл из одного диоцеза епархии в другой, тогда как древняя традиция запрещала епископу делать это. Сейчас, когда епископы, делая церковную карьеру, часто меняют диоцезы, это не выглядит чем-то предосудительным, но в те времена христиане считали, что епископ «женат» на своём диоцезе, и рассматривали такие переходы как ересь и своего рода «развод». Это правило имело благую цель, а именно позволить не в меру честолюбивым клирикам использовать назначения на малые епархии как трамплин для занятия места в более крупных. Однако к концу IX в. этот обычай уже соблюдался не столь строго, хотя за его нарушение и наказывали, а потому многие епископы переходили из диоцеза в диоцез. Если епископ избирался папой, то просто покидал свой старый диоцез, чтобы стать епископом римским. Как раз это и произошло с Формозом: он был епископом Порто (в I в. порт Рима, ныне рядом с международным аэропортом Леонардо да Винчи во Фьюимичино), прежде чем стать епископом римским и папой. То же можно сказать и о самом Стефане: он был епископом Ананьи, очаровательного городка на холме к юго-востоку от Рима, прежде чем его избрали понтификом.

Цель Стефана состояла в том, чтобы, осудив Формоза, защититься самому. В епископы Ананьи его рукоположил сам Формоз. Теперь же, став папой, Стефан стремился укрепить свои позиции с помощью казуистической игры, доказывая, что Формоз не по праву завладел папским престолом, так как перешёл из диоцеза

¹ *Browning R. The Ring and the Book*, 10, lines 29–88.

Порто в Рим. Поскольку формально это противоречило каноническому праву, избрание Формоза епископом римским можно было считать не имеющим силы. Следовательно, все его акты и назначения также не имеют силы. Суть рассуждений Стефана заключалась в том, что раз его рукоположил в епископы Ананьи Формоз, чьи решения оказываются недействительными, то Стефан не является епископом Ананьи вообще, а потому вполне может быть папой, поскольку ему не придётся менять одну епархию на другую. Аргументация очень мудрёная, но на какое-то время она сработала.

Ламберт II и Агильтруда имели свои счёты с Формозом. Они чувствовали, что он предал их. Действительно, Формоз оказался втянут в очень опасную игру. Он пригласил германского принца Арнульфа Каринтийского, отдалённого потомка Карла Великого, чтобы тот защитил папство в Риме от Ламберта и его коварной родительницы. Затем он увенчал Арнульфа короной императора Запада, чтобы использовать баварского правителя в борьбе против местного головореза, хотя несколько ранее тот же титул он даровал Ламберту. В январе 897 г. Арнульф умер¹, и теперь мать и сын явились в Рим, чтобы осуществить свою месть, пусть хотя бы и в отношении мёртвого тела. И как только они захватили Рим, папа Стефан исполнил их волю.

Разумеется, войска Агильруды и Ламберта находились и в Риме, и, видимо, в самом соборе, угрожая самим своим присутствием перепуганным епископам и римским пресвитерам, которые сразу согласились действовать заодно со Стефаном, и суд был скорым. В течение одного дня Формозу предъявили обвинение в нарушении церковных правил, состоявшем в переходе из диоцеза Порто в Рим. Браунинг так описывает поведение Стефана:

И вот, объятый гневом, он воскликнул:

«Итак, виновен! Накажу его я!

Не папа он, и всё что он содеял,

Я осуждаю»².

¹ В действительности Арнульф умер в декабре 899 г., а в 897 г. его разбил паралич, о чём автор и пишет в следующей главе, а также в своей книге о папах (*Collins P. Keepers of the Keys of Heaven: a History of the Papacy*. N. Y., 2009. P. 170). Почему автор излагает две разные версии, никак этого не оговаривая, можно только гадать. — *Прим. пер.*

² *Browning R. The Ring and the Book*, 10, lines 72–74.

Распоряжения Формоза как папы были признаны недействительными, совершённые им рукоположения диаконов, священников и епископов отменены, а затем наложено безобразное наказание: с мёртвого тела совлекли папские одежды, те пальцы на правой руке, которыми совершается благословение, отрубили, и, одетого только во власяницу, поддерживавшую распадавшееся тело, похоронили в неосвящённой земле на кладбище, предназначенном для паломников. Судьба насмерть перепуганного диакона осталась неизвестной, но его, похоже, лишили сана, поскольку он был рукоположен Формозом.

О том, что произошло потом, рассказывают по-разному. По одной версии, папа Стефан побудил толпу снова выкопать труп и на сей раз выбросить его в Тибр, «чтобы мои рыбки-христиане могли поужинать», как пишет Браунинг. Согласно другой версии, после того как труп Формоза выбросили в Тибр, его понесло вниз по течению и выбросило на берег. Тело нашли и спрятали монахи, чтобы перезахоронить с почестями после кончины Стефана VI. Независимо от того, что произошло на самом деле, «трупный синод» положил начало одной из самых жестоких междоусобиц в истории папского Рима.

Как-то раз в январе 897 г., скорее всего через неделю-другую после синода, произошло небольшое землетрясение, в результате которого совсем уже ветхая *Basilica Salvatoris* рухнула *ab altare ad portas*, «от алтаря до ворот». Во время землетрясения под тяжестью крыши колонны сместились настолько сильно, что, как считает Ланчани, «стропила вышли из пазов и здание рухнуло»¹. Воры и мародёры сразу же начали копать в руинах в поисках золота, серебра, дорогих украшений и реликвий. Ущерб, нанесённый храму, оказался настолько велик, что и сегодня археологам нелегко определить точные очертания старого здания.

В те времена, когда природные явления, такие, как землетрясение, рассматривались как знаки божественной воли и его реакции на происходящее на Земле, в разрушении базилики увидели ясное свидетельство того, что Бог недоволен решениями синода. Однако папа Стефан был полон решимости отстаивать их. Если во время синода он пребывал в состоянии истерики, то в последующие месяцы он повёл безжалостную кампанию по лишению сана всех

¹ Lanciani R.A. Op. cit. P. 159.

епископов, священников и диаконов, рукоположенных Формозом, а также тех, кого рукоположили назначенные покойным папой епископы. Он требовал, чтобы они оставили свои места, угрожая в противном случае изувечить любого, кто промедлит с выполнением его приказа. Это привело к хаосу в церковном устройстве Рима и Италии.

Достаточно скоро стало ясно, что Стефан перестарался. Его истерическое состояние вызвало неприятие у людей. Агитаторы из оппозиционных ему аристократических элементов начали возбуждать против него переменчивую римскую толпу. Сообщали о чудесах, происходивших на временной могиле Формоза. Наряду с неожиданным разрушением Латеранского собора в этом увидели Божий суд над перешедшим все границы папой. Чтобы укрепить свои позиции в условиях вечной политической нестабильности, царившей в Центральной Италии, Агильтруда и Ламберт II покинули вместе с войсками Рим и ушли в Сполето, являвшийся их твердыней. После их ухода в городе начались беспорядки. Вскоре дело дошло до настоящего восстания, и римская толпа схватила папу Стефана. Возмущение любой формой внешнего вмешательства в управление городом, даже если оно исходило из соседнего Сполето, всегда готово было прорваться наружу в Риме. В это время город и его ближайшие окрестности находились во власти двух могущественных аристократических кланов. И когда они убедились, что угроза со стороны чужаков из Сполето исчезла, то свергли Стефана и, как то произошло с Формозом, сорвали с него папские одеяния. Его бросили в башню, известную под именем Кастель Сант-Анджело, где и задушили в конце июля или начале августа 897 г.

Этот эпизод свидетельствует о сугубо *персональном* характере насилия в X в. Люди нападали на других людей, клан сражался с кланом, и правило «око за око» действовало повсеместно. Эти кровавые распри могли вовлечь несколько поколений и зачастую порождали бесконечную войну между различными кланами и группами. Шекспир показывает подобные вспышки ненависти и насилия в отношениях между кланами Монтекки и Капулетти в «Ромео и Джульетте». Число участников этих усобиц никогда не было большим, однако насилие достигало крайних пределов, как в случае со Стефаном, и не имело особого значения, жив ли тот, кто вызывает ненависть. Эмоции переполняли людей, они мало

контролировали себя. Люди очень болезненно воспринимали всё, что касалось их личного и семейного статуса и положения, а потому всегда готовы были мстить за пренебрежение к себе, действительное или воображаемое, даже если речь шла о наиболее цивилизованных из них. Было немало примечательных исключений, когда не применялось насилие. Так, от королей ждали прощения для тех, кто просил у них пощады. Саксонская монархия славилась своим милосердием и способностью к примирению с нарушителями права, даже если они не отличались лояльностью по отношению к королевской династии. Тем не менее такие мстительные выходки сугубо личного характера, как в случае с Формозом, были делом повсеместным.

Хотя психотическое поведение встречается во все времена, действия Агильтруды и папы Стефана во время «трупного синода» продемонстрировали склонность к мести, кровавым расправам и сумасшествию в самых жутких формах. Они стали свидетельством замкнутого характера римского общества в то время. Это был узкий самодостаточный мирок, в котором папство всё больше становилось игрушкой в руках влиятельных игроков. Примечательной чертой тех лет стала утрата представлений об общем подчинении власти государства и возвращение к приоритетам местных интересов.

Население Рима в X в. составляло от 25 000 до 35 000 человек. После Кордовы (100 000 жителей) он представлял собой крупнейший город Западной Европы. В Лондоне в ту пору обитали меньше 10 000 человек. Площадь Рима составляла 3390 акров (1373 гектара), которые окружала возведённая ещё во времена императора Аврелиана стена, чей периметр достигал 12 миль (19 км). Это половина площади Константинополя, в котором тогда проживали примерно 600 000 человек. Клирики и их слуги всегда составляли значительную часть населения Рима. К 1000 г. продолжал функционировать, по-видимому, только один акведук античных времён, так что люди носили воду из Тибра, источников и колодцев. Однако стены Рима хорошо сохранились, и их дополнительно укрепили в IX в. При немногочисленном населении территория Рима, находившаяся внутри стен, имела сложную структуру. Ландшафт был отчасти городским, отчасти сельским, с разбросанными то тут, то там домами. Существовали поселения

вокруг Ватикана, на Форуме, Палатинском холме, Марсовом поле в низменной пойме, Трастевере, вокруг Латерана. Их разделяли широкие пространства, античные руины, сады, виноградники и пустыри. Марсово поле было наиболее заселённой территорией в Х в., хотя его периодически затапливал Тибр. Со времён империи город делился на районы, которых к IX в. насчитывалось двенадцать (или четырнадцать), назывались они *regioni*. Каждый из них посылал отряды в городское ополчение. Паломники приходили к могилам Петра и Павла, приносящим исцеление. По мере экономических успехов заселялись холмы. Рим оставался оживлённым городом, но если не считать не прекращавшихся потоков паломников, он не был крупным хозяйственным центром, хотя и тихой заводью в этом отношении, как считают некоторые историки, тоже не был. Территория вокруг Патримония также была заселена, и многие бедняки из сельской местности приходили в город работать на стройках различных сооружений, когда в них появлялась нужда.

Наши знания о том, как жили люди в те времена, основываются на материалах археологических изысканий, проводившихся последние сорок лет. Бóльшая часть того, что сохранилось от Средних веков, погибла во времена барокко и Муссолини, когда строились новые здания и археологи стремились найти памятники древности под средневековыми сооружениями. Однако недавно на Форуме Нервы, совсем рядом с памятником Виктору Эммануилу, были обнаружены два средневековых дома. Тот, что больше, представлял собой прямоугольное двухэтажное здание 34 фута (10 м) в ширину и 62 фута (19 м) в длину, задняя его часть являлась стеной античного времени. Два этажа первоначально соединялись внешней деревянной лестницей. Дома были возведены из заново использовавшихся *peperino* (строительных камней) разной величины, взятых из окрестных развалин и скреплённых глиняным раствором. Нижний этаж, называвшийся *stabulum* (хлев или жилище на средневековой латыни), использовался для хозяйственных нужд, пол здесь был земляным, тут находились очаг, кладовая и места для животных. Хозяева жили наверху. По обе стороны имелось открытое пространство с помещениями для домашних животных, колодцем и выгребной ямой.

Главными улицами Рима были Виа Лата между современными Пьяцца Венеция и Пьяцца Колонна, и Виа Папалис, которая шла

от Понте Сант-Анджело, моста через Тибр, через Порта Санкти Петри (Ворота Святого Петра) к Кампидольо (Капитолию), совсем рядом с нынешним памятником Виктору Эммануилу и выше Пьяцца Венеция. Нынешние улицы не вполне совпадают с Виа Папалис, но проспект Виктора Эммануила II до известной степени соответствует ей. Многочисленное население этого района пользовалось двумя основными городскими рынками. Они находились по обе стороны Виа Папалис, Кампо-деи-Фьори (цветочный рынок) недалеко от берега Тибра, а по другую сторону Чирко Агонале (*Circus Agonalis*), ипподром, построенный императором Домицианом (правил в 81–96 гг.) и ныне прекрасная Пьяцца Навона. Другой заселённый район находился на Целиевом холме, рядом с Латеранским собором. Поскольку тут находилась резиденция папы, здесь жили много клириков с семьями. Имелись и другие заселённые районы, в том числе Трастевере и Ватикан.

Как пишет Рихард Краутхаймер, «Рим превратился в город-деревню, зависевший от продуктов сельского хозяйства, производившихся тут же, в пределах стен Аврелиана или рядом с ними»¹. Бедняки в большинстве своём жили в деревянных домах, от которых не осталось ничего. Мы знаем, что район Борго близ собора Святого Петра был по большей части деревянным, из-за чего огонь во время страшного пожара 847 г. распространился с ужасающей быстротой и едва не достиг храма. Другие представители низших классов обитали в многоквартирных домах *insulae*, инсулах, которые были, с точки зрения современного человека, ветхими и перенаселёнными жилищами. В римские времена они имели шесть или семь этажей в высоту, с лавками на первом этаже. Зачастую построенные на скорую руку в условиях ажиотажного спроса верхние этажи превращались в ловушки.

Многие из этих построек античных времён использовались и в X в. Другие римские дома, такие, как *horrea* («склады»), также зачастую меняли своё назначение, и в них поселялись беднейшие из обитателей города. Археолог Роберт Коэйтс-Стефенс пришёл к выводу, что жилой фонд раннесредневекового Рима состоял преимущественно из заново заселённых и в разной степени переделанных старых жилых домов и общественных сооружений»².

¹ Krautheimer R. Rome: Profile of a City, 312–1308. Princeton, 1980. P. 143.

² Lanciani R.A. Op. cit. P. 159.

Кому же принадлежала вся эта недвижимость? Ответ прост: церкви, или, если быть точнее, папству. Земля в Риме сдавалась в аренду за небольшую плату через посредничество небольших церквей. Большинство договоров об аренде сохраняли силу на протяжении трех поколений, аналогично договорам аренды государственной земли, которые в ту же эпоху заключались в странах общего права сроком на сто лет. Римляне брали землю в аренду у церкви или в субаренду у арендатора. Поскольку арендная плата была очень низкой, сложно сказать, какую именно экономическую выгоду местные церкви получали от таких сделок, но это, видимо, являлось целесообразной практикой и, пожалуй, стабилизировало римскую экономику.

Кто же жил в Риме? Несомненно, среди них было немало клириков и их близких, которые служили в папской канцелярии или почти в двух сотнях римских храмов. Начиная с VI в. человек, принимая церковный сан, проходил обряд пострижения. Во время этой церемонии епископ выстригал ему часть волос на макушке, что символизировало отказ от мира и поступление на службу церкви. Не все ставшие клириками делали карьеру епископов, священников и диаконов. Некоторые становились иподиаконами или занимали ещё более мелкие должности привратников, чтецов, экзорцистов и служек, введённые в IV в. Поскольку папство занимало центральные позиции и в церковном, и в административном управлении Рима, то можно сказать, что многие римляне работали на церковь или зависели от неё.

Молодые клирики обычно поступали на папскую службу в качестве *cubicularii*, постельничих или личных слуг папы. Обычно это были молодые люди знатных фамилий, многие из которых уже занимали мелкие должности и жили при дворе папы, когда получали образование. Мальчики из более бедных семей могли подготовиться к церковной карьере через *schola cantorum*, певческую школу, где юноши обучались литургическим церемониям. Другие учились в местных монастырях. Все они получали неплохую подготовку в области грамматики, риторики, диалектики, арифметики, этики, теологии и литургии. На примере *cubicularii* мы видим, что, несмотря на то, что было немало женатых священников, мир клириков являл собой достаточно замкнутую среду и что молодые люди, попадая в неё, оказывались в сугубо мужском сообществе с его однополой эротикой.

От тех, кто становился клириком или занимал место священника, диакона или мелкие должности, соблюдения безбрачия не требовалось. Тем не менее начиная с IV в. в западной церкви ригористы, строгие и суровые христиане, требовали, и это находило отражение в решениях церковных соборов и синодов, чтобы рукоположенным священникам запрещалось жениться или возобновлять брак в случае смерти супруги. Однако в действительности подавляющее большинство тех, кто занимал крупные и малые церковные должности, жили в браке или имели любовниц; то же касалось и многих римских клириков. Многие папы в первом тысячелетии также были женаты, в том числе и святой Пётр. Ратерий Веронский сообщает, что священники зачастую устраивали браки своих дочерей со священниками из других диоцезов. По его словам, если бы всех священников, живших с женщинами после рукоположения, лишили бы мест, их просто не осталось бы. Как пишет Гэри Мэйки, и не все епископы, священники и диаконы избегали брака и вели сугубо целомудренный образ жизни... Клирики женились и вели нормальную семейную жизнь и в XII в.¹

Аристократические кланы обладали значительной властью в делах управления Римом. Многие из пап происходили из высших слоёв и предварительно проходили службу в качестве *cubicularii* и в административных структурах в Латеране. Естественно, они выражали интересы своего класса и разделяли его предрассудки. Бросается в глаза, что у папства была своя профессиональная государственная служба задолго до того, как она появилась в каком-либо из государств Западной Европы.

Как же она оплачивалась? *Arcarius* был папским казначеем, помогал ему *sacellarius*, главный кассир, который зачастую выполнял дипломатические функции. Собирали деньги *actionarii*, сборщики налогов, отвечавшие перед *arcarius*. Папство пополняло свою казну также за счёт подношений, особенно от паломников. Организация папских финансов позволяла составлять бюджет начиная со времён папы Захария (741–752), что в европейских государствах не делалось по крайней мере до XIII в. Что служило источни-

¹ Macy G. The Hidden History of Women's Ordination: Female Clergy in the Medieval West. N. Y., 2008. P. 75.

ком доходов? Одним из источников был Петров пенс, ежегодный взнос в один пенни с каждого двора в папскую казну. Обычай этот появился в Англии в конце VIII в. Подать изначально могла предназначаться для поддержки *Schola Saxorum* в Борго, где останавливались англосаксонские паломники. В 1883 г. под кирпичным покрытием в комнате маленького средневекового дома в развалинах резиденции дев-весталок на римском форуме была обнаружена относящаяся к первой четверти X в. терракотовая ваза с 835 англосаксонскими монетами и серебряной булавкой с надписью на ней *Domino Marino papa*. Похитил ли их какой-либо чиновник папы Марина II (942–946) или их спрятали здесь для лучшей сохранности, остаётся загадкой.

Главным источником дохода для папства являлась собственность римской церкви, плодородные земли, принадлежавшие папству в сельскохозяйственной округе Рима. Они имели очень большое значение, поскольку одной из важнейших задач папского казначейства являлось обеспечение населения Рима продовольствием. Как выразился историк Томас Ф. Ноубл, папа стал «римским бакалейщиком»¹. Папство также оказывало благотворительную помощь бедным и обездоленным. Это укрепляло связь между папством и римлянами. Но к началу X в. у «бакалейщика» возникли серьёзные трудности в деле обеспечения. Исторически сложилось так, что папы, подобно римским императорам до них, использовали земельные владения в Северной Африке, чтобы удовлетворить потребности в зерне, однако они оказались утрачены в результате арабских завоеваний в конце VII в. Поставки продовольствия из папских владений на Сицилии и в Южной Италии стали невозможными сначала из-за действий византийцев, а затем сарацин в начале IX в. Сокращение подвоза провианта, видимо, стало одной из причин уменьшения населения Рима в этот период.

Таким образом, папам пришлось использовать для этой цели свои владения на территории Патримония Святого Петра (*Patrimonium Petri*) к северу и югу от города. В X в. Патримоний простирался примерно на 125 миль (200 км), включая побережье, а также холмистые и гористые местности внутренних районов

¹ Noble Th.F.X. The Republic of Saint Peter: The Birth of the Papal State 680–825. Philadelphia, 1984. P. 231, 225.

Центральной Италии в общем 46 миль (74 км) в ширину. Здесь папа выступал в качестве и епископа, и светского правителя. Папские земельные владения на территории Патримония в конце VIII в. были объединены в крупные централизованно управляемые комплексы, называвшиеся *domus cultae*, причём некоторые из них были достаточно обширными. По большей части они представляли собой образцовые фермы, и всё пространство к северу и востоку от города было занято ими. То же касается и равнинных прибрежных районов к юго-востоку от Анцио и Формии близ Неаполя. Вплоть до X в. система папских владений препятствовала приватизации земли в Центральной Италии, а пахотные участки находились в общественной собственности и использовались для поддержки всего населения Рима. Они создавали базис для того, что мы сегодня назвали бы деятельностью папства для обеспечения «социальной справедливости», и помогали поддерживать определённое равенство среди всех жителей Патримония. Крестьяне, жившие и работавшие на этих участках, известны как *the militia* или *familia Sancti Petri*. Зачастую они использовались папой в качестве рабочей силы в Риме и как ополчение, когда требовалась поддержка в борьбе с аристократическими кланами. Как мы увидим, эти папские владения были приватизированы в течение X в., так что к 1000 г. папские земли стали принадлежать богатым землевладельцам из числа недавно выдвинувшихся, римская же церковь осталась с очень малыми ресурсами, необходимыми для поддержки бедных и обездоленных.

Однако в течение IX и X вв. при всей своей отличной организации папская система управления подвергалась сильнейшему давлению, как внешнему, так и внутреннему. Его причиной явился «трупный синод», однако проблема имела давнюю историю. На протяжении IX в. папство находилось под почти постоянной угрозой со стороны мусульманских пиратов-сарацин, а также недавно набравших силу правителей вроде Ламберта II Сполетского. При этом ему приходилось выдерживать давление аристократических кланов внутри самого Рима. Как мы увидим, эти кланы фактически контролировали папство весь X и часть XI в. Но чтобы увидеть всё это в перспективе, нам придётся возвратиться на пятьдесят лет назад и рассказать историю одного из самых опустошительных мусульманских набегов на Рим.

С первыми лучами солнца 21 августа 846 г. немногочисленные обитатели побережья близ устья Тибра, проснувшись, увидели у самой земли огромный флот. Эти люди жили в лачугах, в лишённых укреплений развалинах древнего города Остия, и единственной их защитой являлся деревянный форт, возведённый пять лет назад и к тому времени уже покинутый. По опыту люди знали, что это *razzia*, разбойничий набег. Сарацинские пираты должны были вскоре высадиться на берег, чтобы начать убивать, грабить, обращать в рабство женщин и детей. (Слово «сарацин», общее обозначение для арабов-мусульман в Средние века, происходит от латинского *Saracenus* и греческого *sarakenos*, означавших «араб».)

Согласно *Liber pontificalis*, собранию биографий пап, здесь было семьдесят три корабля. Большинство из них представляли собой небольшие, с латинским парусным вооружением суда с белыми треугольными парусами, прикреплёнными под углом 45 градусов, как это до сих пор делается на арабских доу. На этих кораблях было полно людей и лошадей (*Liber pontificalis* (II. 44), 11 000 человек и 500 лошадей, что, вероятно, является сильным преувеличением. Эти суда очень манёвренны на мелководье, чего и требовалось в устье Тибра. Местные жители не знали, что эти сарацины не обычные искатели добычи: они были мусульманским авангардом, который отправила в поход администрация династии Аглабидов из недавно завоеванного Палермо, что на Сицилии. Набег имел двоякую цель: шокировать и деморализовать христианский мир, осквернив святыни Петра и Павла, а также учинить всевозможные грабежи, разрушения и убийства в крупнейшем центре этого мира. Нападающие сделали своим опорным пунктом в Остии тот самый опустевший деревянный форт. Нельзя сказать, что папское правительство, находившееся в Риме в 22 милях (35 км) от тех мест, не было предупреждено об этом. За одиннадцать дней до того, Адальберт Корсиканский, маркграф Тосканский, сообщил папе Сергию II (844–847) о том, что замечено движение большого сарацинского флота по направлению к устью Тибра. Он посоветовал папе, старому подагрику и выходцу из высших слоёв римского общества, «спасать сокровища церквей Святых Апостолов Петра и Павла и, если возможно, перенести тела апостолов в пределы римских стен, если этот негодный языческий сброд будет глумиться над столь великим источником утешения для нас» (*Liber*

pontificalis. II. 94). Однако Сергий не смог защитить две большие и две малые церкви *fuori le mura*, «за пределами городских стен». Как говорится в *Liber pontificalis* (II. 92), «Сергий был злопамятен, несдержан в речах, любил браниться, непостоянен в делах и словах, ко всему относился легкомысленно. У понтифика был брат по имени Бенедикт, очень тупой и бестолковый, который, пользуясь неспособностью паны, без всякого на то права прибрал к рукам государственные и церковные дела».

Во всём царил некомпетентность. Было известно, что сарацины направляются к собору Святого Петра и Ватикану на западной стороне Тибра за пределами городских стен и к собору Святого Павла всего в одной миле к югу от города по *Via Ostiense*. Однако Сергий и пальцем не пошевелил, чтобы из тех церквей, находившихся под угрозой, переправить в безопасное место золото и серебро, накопившееся там благодаря подношениям благочестивых паломников. Из крестьян и фермеров Кампаниии, области к югу от Рима, пытались создать ополчение для защиты побережья, однако они проигнорировали призыв и предпочли сосредоточиться на защите самих себя.

Единственными людьми, отважившимися оказать сопротивление, стали иностранные студенты, находившиеся тогда в Риме. В основном это были учащиеся саксонской, франконской и фризской теологических школ (*scholae*), жившие по большей части в Борго между Кастель Сант-Анджело и собором Святого Петра. Из-за соседства с последним они оказались на острие ожидавшегося сарацинского удара. Вместе с некоторыми из ополченцев эта разношёрстная толпа направилась к Порто близ устья Тибра. После непродолжительной осады и перестрелки с сарацинами они на некоторое время вернули Порту, недооценив однако численность сил вторжения. Зная, что последует контратака, ополченцы поспешили ретироваться под защиту городских стен, оставив за собой доверчивых студентов. *Liber pontificalis* (II. 95–96) продолжает:

«На следующий день, когда эти [студенты]... беспечно уселись за трапезу, сарацины внезапно напали на них, окружили и устроили резню, так что немногие из них уцелели... Затем, сев на корабли, [сарацинские] пехотинцы и всадники поспешили на Рим. Весь день они держали путь со своими кораблями [вверх по Тибру] и в су-

мерках пришли к тем местам, к каким и хотели; здесь всадники сошли с судов и неожиданно напали на собор Святого Петра, главный из апостольских храмов, сотворив при этом немало всяческого зла, о котором и сказать нельзя».

Лошадей использовали для буксировки кораблей вверх по течению, надеясь загрузить суда добычей. Местные жители в большинстве своём бежали под защиту стен, которые были достаточно крепки, чтобы выдержать штурм сарацин. Всё же, что находилось за их пределами, никакой защиты не имело.

Собор Святого Петра стал первой целью сарацин в тот субботний вечер. Он стоял рядом с Тибром и был очень уязвим для неприятельского нападения. Похоже, у сарацин была неплохая разведка, поскольку они обобрали алтарь на гробнице Святого Петра, а также забрали всё золото и серебро, какое смогли найти в соборе, и скорее всего осквернили саму гробницу. Вероятно, свидетельства именно этих событий были обнаружены при раскопках в соборе Святого Петра в 1940-х гг., одиннадцать столетий спустя. Поскольку кости нашли как раз там, где, вероятно, покоится святой Пётр, пошли споры, не его ли это останки. Возможно, сарацинам удалось разрушить могилу и разбросать их, а потому всё, что мы сегодня имеем, это раскиданные кости. Это, видимо, и есть то, что *Liber pontificalis* (II. 96) называет безобразиями, «о которых и сказать нельзя», которые учинили захватчики вечером того дня в соборе Святого Петра. Несомненно, во всей Европе опустошение сарацинами самого почитаемого из христианских святынь вызвало ужас. Возможно, о разорении гробницы идёт речь в «Бертинских анналах», где говорится, что они унесли «сам алтарь, который был воздвигнут на могиле»¹.

Однако сарацинам не удалось уйти безнаказанно. На следующее утро римляне начали контратаку на *Campus Neronis* (нынешнюю площадь Святого Петра), однако мы не знаем, что именно там произошло, поскольку как раз в этом месте *Liber pontificalis* обрывается на полуслове. Мы также не знаем, совершили ли сарацины нападение на базилику Святого Лаврентия, но нам известно, что когда «ещё один вражеский отряд достиг гробницы Святого Апостола Павла... их разгромили люди из Кампании, и все они были

¹ The Annals of Saint-Bertin (846), 63.

перебиты»¹. Тем не менее, несмотря на то, что сарацины потерпели поражение при попытке проникнуть в гробницу Святого Павла, они, судя по всему, нанесли значительный ущерб собору Святого Павла. В источниках есть свидетельства, что местные аристократы явились оказать поддержку римлянам, и среди них Гвидо I, маркграф Сполетский и дед Ламберта, который позднее будет дирижировать на «трупном синоде». Сарацины разделились на несколько групп. Одни нападали на церкви и поселения за пределами стен, а другие рассыпались по сельской местности, разоряя деревни и фермы. Они проникли в глубь страны до Фраскати, Триволи и Альбанских холмов. В областях к югу и востоку от Рима захватчики убили множество мужчин и захватили в плен немало женщин и детей, чтобы продать их в рабство. По словам Р. Ланчани, «примерно три тонны золота и тридцать тонн серебра попали в руки сарацин — почти сказочная добыча, которая полностью окупала расходы на экспедицию и оправдала связанные с нею хлопоты»². Часть этой добычи погрузили на суда, стоявшие на Тибре, в то время как пешие и конные воины с похищенными украшениями и драгоценностями из гробниц апостолов выступили на юг по Аппиевой дороге в сторону приморской Гаэты. Немало весившая добыча замедляла продвижение и делала их уязвимыми для атак. Гвидо I преследовал одну из вражеских групп в направлении Чивитавеккьи, а главные силы заняли оборонительные позиции близ Гаэты в 100 милях (160 км) к югу от Рима. В конце концов прибытие морских судов спасло Гаэту от завоевания, а летние штормы и наводнения помешали сарацинам напасть на большое аббатство Монте-Кассино. Основные силы сарацин собрались на берегу близ реки Гарильяно неподалёку от Минтурно, где они подрезали сухожилия своим лошадям и поплыли восвояси.

Если итальянские армии не смогли справиться с сарацинами, то погода повела себя иначе. Вскоре после отплытия от берегов Италии арабы попали в шторм в Мессинском проливе. Как пишет со злорадством автор «Бертинских анналов», «во время морского плавания они хулили своими нечестивыми устами Бога и нашего Господа Иисуса Христа и его апостолов. Неожиданно поднялась страшная буря, от которой они не смогли уйти, их суда разбивались одно о другое, и все они погибли». Тела кое-кого из сарацин вы-

¹ Ibid.

² Lanciani R.A. Op. cit. P. 129.

бросило на берег, и «они всё ещё прижимали сокровища к груди». Ценности вернули в собор Святого Петра, однако остальная часть похищенного исчезла (Павел Диакон. II. 4).

Как часто случается во время таких рейдов, другая группа сарацин оказалась отрезана от основных сил в горах примерно в 18 милях (29 км) к западу от Тиволи. Они укрылись на вершине 908-метрового (2979 футов) каменного выступа. Отрезанные и покинутые, сарадины мудро решили перейти в христианство, чего от них потребовали в качестве условия капитуляции. Им разрешили обосноваться на этой скале, где в итоге появилось горное селение Сарачинеско. Кое-кто из их потомков продолжает и сегодня жить в этом живописном, но заброшенном местечке. В 2005 г. имя его мэра было Джузеппе Делль'Али, что явно напоминало о мусульманском происхождении основателей деревни.

Вторжение 846 г. было типичным для стратегической ситуации IX столетия. Более века сарадины лишали покоя и нагоняли страх на народ и властителей, постоянно угрожая средиземноморскому побережью и внутренним районам Италии своими опустошительными набегами. Попытки папы сдержать сарацинскую угрозу, однако, в то время не приобретали форму Крестового похода или настоящей войны. Папы слишком хорошо понимали, что «злые христиане» готовы сотрудничать с язычниками, когда это соответствует их интересам. Патримоний Святого Петра находился на самой границе между христианством и исламом, и главной целью папства было обеспечить безопасность побережья и собственной территории. Эта проблема сохранялась до 915 г., когда сарацинская угроза оказалась полностью ликвидирована.

Но сарадины были лишь одной из проблем, стоявших перед Римом и папством. Существовало немало угроз внутри самого Рима и папского государства, Патримония Святого Петра. Здесь папа выполнял роль и епископа, и светского правителя, концепции отделения церкви от государства не существовало. Однако власть не была абсолютной. Ей постоянно угрожали, стесняя её, напоминавшие мафию кланы «баронов-грабителей»¹, которые в течение

---

¹ Термин, применявшийся к крупным предпринимателям в США конца XIX в., не гнушавшимся самыми грязными методами в борьбе с конкурентами. — *Прим. пер.*

двух столетий, сидя в своих цитаделях, господствовали в различных районах Рима и Патримония Святого Петра. Учёный Алкуин Йоркский (ок. 735–804) считал римлян «необузданными» и называл их *iniquius populus* — «нечестивым, безбожным народом». Папство стало игрушкой в руках кланов, которых не интересовала роль папства и Рима как центра латинского христианства. Их воззрения были сугубо мирскими.

Другая угроза папству исходила от соседних князьков, таких, как Ламберт II Сполетский, чей отец, Гвидо III (883–894), муж Агилтруды Беневентской, завладел большей частью Патримония. В дальнейшем, когда распалось то, что оставалось от империи Карла Великого, ситуация усложнилась. В результате этого на Апеннинском полуострове исчезло всякое подобие централизованной власти. Папы поняли, что им стоит позаботиться о защите Рима.

Разграбление сарацинами в 846 г. самого почитаемого католического храма вызвало шок у людей во всей Европе, и новый папа, Лев IV (847–855), решил принять меры по усилению безопасности Рима. Так, в 848 г. папское правительство начало осуществление четырёхлетней программы по возведению фортификационных сооружений под руководством греческого инженера Агафона. Он укрепил городские стены и построил оборонительные сооружения в форме буквы U непосредственно вокруг собора Святого Петра и Борго. Концы U упирались в Тибр, ставший несудоходным из-за натянутых поперёк него цепей. Эти новые укрепления протянулись на 1,3 мили (2 км) и получили название Львиной стены, часть которой сохранилась до сегодняшнего дня.

Но и теперь, несмотря на то, что Ватикан находился в относительной безопасности, перед папством в его отношениях с византийскими императорами и правителями всё более распадавшегося западнофранкского мира продолжали стоять сложные вопросы вероучительного и политического характера. Единственным папой IX в., достаточно сильным для того, чтобы держать под контролем римские кланы, которые теперь господствовали в высших эшелонах папской администрации, был Николай I, сам происходивший из тех же слоёв (858–867). Он видел себя властителем всей церкви, а не только Центральной Италии. Он вёл себя так, словно был главой и латинской, и православной церкви. Он считал себя представителем Бога на земле, и именно так он вёл себя во время кон-

фликтов с мелкими итальянскими правителями, франкскими королями и непокорными иерархами, такими, как Гинкмар, архиепископ Реймский.

Но его преемники оказались слабее и к тому же столкнулись с более нестабильной ситуацией. В Риме и Италии постоянно происходили волнения. В таких условиях к власти пришёл преемник Николая, Адриан II (867–872), семидесятипятилетний римский аристократ, причём женатый. Хорошо известно о его смиренности и милосердии — его уже дважды чуть не избрали папой, настолько он был популярен среди простых римлян. Но он не отличался решительностью, и в результате его семейство претерпело немало несчастий. Ламберт I Сполетский, сын Гвидо I, неожиданно ворвался в город в 867 г., где начались хаос, грабежи, убийства, изнасилования. 10 марта 868 г. дочь Адриана, уже помолвленную с другим человеком, похитил и изнасиловал отвергнутый ею жених Элевтерий; затем Элевтерий убил ее, а затем и жену папы — Стефанию.

Адриан приходился родным братом или кузенком Анастасию Библиотекарию (папскому библиотекарю), которого обвиняли в подстрекательстве к этому преступлению. В итоге Элевтерия арестовали и казнили. Однако Анастасию сохранили жизнь, и он остался на папской службе. Честолюбивый и имевший тесные связи с папской администрацией, он пережил эту и другие «крупные неприятности по милости пап при четырёх сменивших друг друга римских епископах», в том числе своё недолгое антипапство¹. Помимо того что Анастасий обладал несомненными талантами и свободно говорил по-гречески, он тоже был тесно связан с профранкской партией в Риме, что также помогло ему выжить.

Среди преемников Адриана II был Иоанн VIII (872–882), человек волевой, способный, которому пришлось в течение десяти лет иметь дело с постоянными внешнеполитическими трудностями и оппозицией со стороны могущественной клики среди папской администрации. Дело кончилось тем, что 16 декабря 882 г., согласно «Фульдским анналам», он был убит родственниками, пытавшимися захватить папскую казну. «Иоанна... сначала отравили его

¹ Neil B. *Seventh-Century Popes and Martyrs: The Political Hagiography of Anastasius Bibliothecarius*. Turnhout, 2006. P. 11.

родственники и затем, поскольку подумал... что проживёт дольше, чем они хотят, ведь они желали завладеть казной и епископской властью, его стали бить молотком, пока не пробили ему череп, и он скончался». Он стал первым папой, которого убили, и его умерщвление взбудоражило поражённую ужасом римскую толпу. Согласно «Фульдским анналам», «виновник этого злодеяния умер от страха перед разъярённой толпой, окружившей его, видели, что он умер на месте, хотя никто не ранил его и не причинил ему какого-либо ущерба»¹. Однако, как мы увидим, есть основания подозревать, что ответственность за убийство лежала не на родственниках Иоанна, а на папской администрации.

Преемниками Иоанна стали Марин I (882–884), Адриан III (884–885) и Стефан V (885–891). Все трудности, с которыми им пришлось столкнуться, являлись результатом независимости франкских епископов, интриг внутри самого города, нападений на Рим нескольких претендентов на итальянскую корону и угроз со стороны сарацин, которые продолжали проявлять активность на юге Италии. Затем 6 октября 891 г. римским епископом избрали должжителя Формоза. История выборов окутана тайной. По традиции папу избирали так же, как и всех епископов, в том числе и епископа Рима, по каноническим правилам это делали «клир и народ». В Риме «клир» состоял из епископов, священников и диаконов, служивших при крупных храмах (приходов в нашем смысле), большинство которых получили свои назначения от предшествующих пап. «Народ» сравнительно легко подчинялся главенствовавшим аристократическим кланам. В случае с профранкски настроенным Формозом это, вероятно, означало, что здесь господствовали сторонники франков и что группировки, обычно занимавшие провизантийские позиции, на выборы влияния не оказывали. Но они дождались своего часа и воспользовались хаосом, начавшимся после смерти Формоза.

Формоз был необычным человеком. Человек способный, умный, хорошо образованный, опытный, он придерживался аскетических правил, носил власяницу и вёл добродетельную жизнь в те времена, когда священники отнюдь не отличались нравственностью. Но его обуревало почти маниакальное честолюбие. Родился

¹ Фульдские анналы (под 883 г.).

Формоз, вероятно, в Риме около 816 г. В 864 г. его избрали епископом Порто. Через два года папа Николай I отправил его в качестве нунция (посла) в Болгарию. В эту страну в 863 г. вторглись византийцы, и её царю, Борису I, пришлось просить о мире и принять христианство. Однако исповедовавшие язычество подданные Бориса и болгарская знать воспротивились принятию новой религии и восстали. Он жестоко подавил восстание и обратился за советом к патриарху константинопольскому Фотию, как обратить свою страну в христианство. Царь также хотел создать у себя автокефальную церковь, независимую от Константинополя. Для этого ему были нужны независимые патриарх или архиепископ, которые возглавили бы болгарскую церковную власть. Фотий отказался совершить эти назначения и отправил туда миссионеров, которые должны были привести болгарское царство под власть византийской церкви. Раздражённый Борис обратился за помощью в Рим.

Одной из важнейших причин соперничества между Римом и Константинополем был вопрос о том, какая из церквей должна контролировать новые церкви, создаваемые на Балканах. Обходя стороной вопрос о независимой церкви, Николай I воспринял обращение Бориса со всей серьёзностью и отправил Формоза нунцием в Болгарию. Последний хорошо поладил с Борисом, и тот решил, что Формоз был бы идеальным болгарским патриархом. Папы Николай I и Адриан II отказали в этом, поскольку переход епископа из одного диоцеза в другой противоречит каноническому праву, ведь Формоза только что назначили епископом Порто. Подлинной же причиной, вероятно, была ревность соперников Формоза в Риме к его успеху. Как мы видели, каноническое право по поводу смены епископом епархии в то время зачастую игнорировалось. Формоза отозвали в Рим, Борис был разгневан, а Болгария оказалась потеряна для западной церкви и по сей день остаётся автокефальной церковью.

Впоследствии Формоз выполнял и другие дипломатические поручения пап Адриана и Иоанна VIII, наиболее важным из которых стало участие в переговорах в конце сентября 875 г. с королём Карлом Лысым, внуком Карла Великого, которого приглашали для императорской коронации в Рим. Карл встретился с Формозом в Павии на севере Италии, и папа короновал Карла в Риме на Рождество 875 г.

Однако политическое влияние Формоза слабело. Многие сомневались в том, что императорская коронация Карла была мудрым шагом. Когда отношения с Карлом испортились, обвинили в этом Формоза. Неожиданно в 876 г. Иоанн VIII изменил отношение к Формозу, осознав, что тот сам не прочь стать папой, в своё время препятствуя избранию его самого. Формоз был так же тесно связан с представителями могущественных светских группировок, среди которых были и коррумпированные чиновники папской администрации, такие, как Григорий Номенклатор (начальник протокольной службы) и его зять, прелюбодей, казнокрад и убийца Георгий Авентинский. Последний отравил своего брата, чтобы вступить в связь с его любовницей, а затем женился на другой женщине, которую позже принародно умертвил ради брака с дочерью Григория, Константиной, уже дважды побывавшей замужем. Григорий был причастен к убийству и способствовал продвижению Георгия по службе в папской администрации. Другими членами этой группировки были Сергей, *magister militum* (командующий), который бросил свою супругу из-за любовницы и присвоил деньги, предназначенные для бедных. Эта группа пришла к власти при Адриане II. Иоанн VIII решил подорвать могущество клики и в конце марта — начале апреля 876 г. обвинил её членов в присвоении папских денег и собственности. Обвинения в подобных преступлениях были очень опасны, а наказания за них суровы: за это могли утопить или изуечить, выколов глаза или отрезав язык. Чтобы избежать такой участи, Формоз и его сообщники бежали в апреле 876 г. из Рима в Сполето через ворота Святого Панкратия (*Porta S. Pancratii*), оставив их открытыми, между тем как совсем рядом с городом оказалась другая, не менее опасная публика — отряд сарацин.

Иоанн VIII пришёл в ярость и созвал синод, на котором лишил Формоза епископского сана. К августу 878 г. ситуация изменилась, и Иоанн возобновил общение с Формозом, после того как тот признал свою вину и пообещал уйти в вечное изгнание. Скорее всего именно эта кровавая клика, жаждавшая мести, а не родственники, несла ответственность за убийство папы Иоанна в 882 г. Его преемником стал Марин I, который был помощником Формоза в Болгарии. Он позволил своему бывшему начальнику вернуться в Рим и восстановил его в прежнем диоцезе Порто. Тот, похоже, ушёл в тень на время понтификата Марина и его преемника Ад-

риана III, ослепившего Георгия Авентинского, и Стефана V, которому пришлось обратиться за помощью к Ги III Сполетскому с просьбой о защите от сарацин и от беспорядков, царивших в Центральной Италии.

Через три недели после смерти Стефана, скончавшегося 1 сентября 891 г., Формоза избрали папой. То, что он был епископом Порто, большого значения в то время не имело. Достигнув с таким трудом высшей власти, Формоз решил воспользоваться ею к своему удовольствию. Как видно из перечня его посланий, он проявлял немалую активность, многое сделав для развития церкви в Англии и Германии и поддержания добрых отношений с Константинополем.

Главной проблемой для него оставалась Италия. Теперь папству угрожал его ближайший сосед, герцог Сполето. Герцог Гвидо II, брат Ламберта, который совершил успешное нападение на Рим при Адриане II, захватил власть над Центральной Италией к югу от По в 889 г. и провозгласил себя королём Италии. Затем в феврале 891 г. он убедил папу Стефана признать его «своим единственным сыном» и короновать как «императора Запада» — титул, принятый в 800 г. Карлом Великим. Династия герцогов Сполето состояла лишь в отдалённом родстве с прямыми потомками Карла Великого благодаря династическим бракам, а потому они не претендовали на императорскую корону. По сути, они представляли собой итальянскую ветвь императорского рода, происходившую из Бургундии, для которой были приняты имена «Гвидо» (или Видо, или Ги) и Ламберт. Они появились в Италии в начале IX в. И к началу 840-х гг. завладели Сполето и сделали там герцогами. К этому времени императорский титул мало что значил на практике, но был привлекателен для таких выскочек, как Гвидо. Их права на императорскую корону давали папству сильный козырь и возможность играть на амбициях обоих разбойников, чтобы хоть в какой-то степени нейтрализовать их. Но, как быстро смог убедиться Формоз, он столкнулся с очень опасными людьми. Гвидо был лишь первым из итальянских князьков за последующие шесть десятилетий, которые склоняли упрямых или податливых пап даровать им императорскую корону, по мере того как они

возвышались или низвергались в ходе губительных междоусобиц, характерных для того времени¹.

Формоз оказался втянутым в опасные игры. Уже став императором, Гвидо II вынудил папу короновать его сына Ламберта в качестве соправителя. Затем в 894 г. Гвидо неожиданно умирает. Порвав с Ламбертом и нуждаясь в защитнике, который дал бы отпор Ламберту и его злопамятной родительнице Агильтруде Беневентской, папа обратился к честолюбивому Арнульфу Каринтийскому, герцогу Баварскому, имевшему кое-какие права на императорский титул. Формоз умолял Арнульфа защитить Италию и *res Sancti Petri* (дело Святого Петра), имущество и землю пап, от «дурных христиан», особенно от Ламберта и Агильруды. Когда Агильтруда узнала о том, что Формоз предал её, это стало грозить ему многими неприятностями.

Арнульф же надеялся, что принятие императорского титула позволит ему укрепить свою власть, и потому охотно ответил согласием на просьбу папы. После нелёгкого зимнего марша через Бреннерский перевал в 894 г. Арнульф впервые вступил на землю Италии, однако его воины стали страдать от лихорадки, и ему пришлось возвратиться в Баварию. По наущению Агильруды Ламберт потребовал теперь, чтобы Формоз заново короновал его императорской короной. Папа с неохотой согласился на это.

В следующем году Формоз вновь пригласил Арнульфа прибыть в Италию, чтобы защитить *res Sancti Petri* от Ламберта. В октябре 895 г. Арнульф отправился туда вновь, перешёл в начале зимы Бреннерский перевал и в декабре достиг Павии. Но он снова столкнулся с трудностями зимой, в начале 896 г., когда пытался пересечь Северные Апеннины. «Фульдские анналы» (под 896 г.) повествуют: «Теперь из-за невероятных бурь и сильнейших дождей и наводнений всё войско остановилось на вершинах крутых гор. Испытывая немалые трудности, [воины] блуждали, ходя туда-сюда. В результате на их лошадей, что вполне естественно по причине трудностей пути, напала столь великая хворь, что почти всему войску пришлось перевозить грузы непривычным образом на быках, нагруженных, как лошади».

¹ Wickham Ch. Early Medieval Italy: Central Power and Local Society 400–1000. Ann Arbor, 1987. P. 47–63.

Болезнь, от которой страдали животные, была, вероятно, лошадиной инфлюэнцей, характерной для тех мест, скорее всего заразная, а потому быстро распространяющаяся. Её вспышку вызвала, возможно, сырая погода. Большинство лошадей выздоравливают, но, как правило, на несколько недель утрачивают дееспособность.

Между тем Агильтуду интриги Формоза не застали врасплох. Она вновь быстро заняла Рим, так что когда войска Арнульфа в феврале 896 г. наконец достигли стен города после ускоренного марша по Центральной Италии, они увидели, что он подготовлен к обороне, и сочли, что Формоз, видимо, в плену. Опытный воин, Арнульф атаковал ворота Святого Панкратия. Согласно «Фульдским анналам», германские воины захватили город за один день. Овладев штурмом городские укрепления с помощью камней и топоров, они подкопались под стены и забрались на них по лестницам. Отбросив обороняющихся камнями, запущенными из метательных машин, они атаковали ворота, орудя мечами и палицами. Наконец, ворота Святого Панкратия удалось отворить, что открыло нападавшим путь в район Рима Трастевере¹. Хронист Лиутпранд Кремонский, писавший примерно пятьдесят пять лет спустя, сообщает, что «германцы нашли брёвна пятьдесят футов длиной и с их помощью вышибли ворота, ворвавшись в ту часть Рима, которая называется Львиной (ныне в районе Ватикана)... Поэтому многие районы Рима по ту сторону Тибра из страха заявили Арнульфу о своей покорности»². К вечеру капитулировал весь Рим. Агильтуд бежала в Сполето, и план Арнульфа оказался выполнен.

На следующий день, 22 февраля 896 г., Арнульф вступил в город по Мульвийскому мосту, встреченный «всем сенатом римлян», в честь него распевались гимны, звучали приветственные возгласы³. Формоз, встретивший Арнульфа на ступенях собора Святого Петра, горячо обнял его как освободителя и затем ввёл в базилику, совершил помазание и увенчал императорской короной. Ламберта объявили низложенным. Охваченные, казалось, чувством единения, римляне приветствовали баварца как Цезаря Авгус-

¹ Фульдские анналы (под 896 г.).

² Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. I. 7.

³ Фульдские анналы (под 896 г.).

ста. Однако, к несчастью для Формоза, успех Арнульфа оказался недолговременным.

После двух недель пребывания в Риме Арнульф решил, что завоевание ещё не завершено. Он хотел довести дело до конца и овладеть цитаделью Ламберта и Агильтруды в Сполето, руины которой, вероятно, погребены под зданиями кафедрального собора и епископского дворца в этом красивом городе на холме. Арнульф покинул Рим и осадил Сполето, но в разгар атаки его неожиданно свалил приступ сильнейшей боли по причине «тяжкой болезни головы, он прервал выполнение своего замысла, оставив дело незаконченным, и поспешил как можно скорее [...] в Баварию»¹.

Вероятно, это был инсульт, но симптомы слишком неопределённые, чтобы ставить конкретный диагноз. Та же самая болезнь парализовала Арнульда, а затем свела в могилу его отца и дядю. Арнульф прожил в мучениях ещё три года, прежде чем скончался в Регенсбурге в 899 г. Формоз, опередив его, умер 4 апреля 896 г., меньше чем через полтора месяца после коронации Арнульфа.

С отъездом Арнульфа Центральная Италия и папское государство вновь погрузились в хаос. Рим раздирали жестокие распри. Ламберт на короткое время вновь стал властителем Центральной Италии. Объединившись с враждебными Формозу группировками и жаждавшей мести Агильтрудой, Ламберт решил унижить понтифика. Новый папа, Стефан VI, покорно выполнял его волю. Сегодня нелегко понять всю силу ненависти к Формозу, которая двигала ими, но страсти накалились до предела. Христианская добродетель всепрощения почти забылась, вытесненная жаждой мести. Результатом стал «трупный синод».

То, что последовало за синодом, было ещё хуже. Следующие полтора десятилетия Рим терзали междоусобицы. Церковная и светская элиты разделились на группировки сторонников и противников Формоза. Смуту усугубляли попытки вторых продолжать политику Стефана, отрицавшего законность назначения епископов, священников и диаконов, рукоположенных Формозом. Эта тяжелая ситуация сохранялась до смерти Сергия III в апреле

¹ Там же.

911 г. За восемь лет после смерти Формоза сменились восемь пап и двое антипап, трое из которых были убиты, четверых сместили. Большинство из них являлись сторонниками Формоза. К числу антипап относился Сергей III, которого на короткое время избрали в декабре 897 г., но затем его изгнал из Рима Ламберт Сполетский, хотя Сергей испытывал к Формозу сильную ненависть. Агильтруда скончалась, и теперь Ламберт, похоже, постарался навести определённый порядок в том, что касалось папства. Однако десять месяцев спустя, в октябре 898 г., его убили во время подозрительного инцидента на охоте.

Хаос продолжался до тех пор, пока не произошёл раскол в рядах сторонников Формоза. Только что избранный Лев V был свергнут в результате дворцового переворота и заключен в тюрьму в сентябре 903 г. римским священником Христофором (папа с сентября 903 по январь 904 г.). Когда выскочка Христофор стал непопулярен в Риме и вскоре сам оказался свергнутым, люди поначалу обратились к Сергию, неудачно избранному и затем изгнанному в конце 897 г. В январе 904 г. его приход к власти, казалось, обещал римлянам стабильность. Он провёл семь лет в горьком изгнании, какое-то время при дворе Альберико I, маркграфа Камерино и Сполето. Альберико, поначалу франкский разбойник и выскочка, завладел Сполето после убийства в 896 г. герцога Гвидо IV, сына Ламберта и внука Агильруды, на одном из римских мостов. В 900 г. Альберико объединил территории Камерино и Сполето под своей властью.

При поддержке своего покровителя, который стал хозяином Рима, Сергей вновь был избран папой 29 января 904 г. Он вёл отсчёт своему понтификату с 897 г., а всех, кто занимал папский престол в этот период, считал узурпаторами. Но пока оставались в живых двое из этих пап, законность статуса Сергия не была безусловной. Чтобы обеспечить её, он приказал, по-видимому, задушить в тюрьме своих предшественников, «из сострадания», как говорили некоторые. Согласно другому, менее достоверному рассказу, Сергей постриг Христофора в монахи, а праведного Льва V, законность избрания которого не вызывала сомнений, убили. Сергей, происходивший из римской аристократической фамилии, был отвратительной, жестокой и тщеславной личностью, но при этом исполненный благочестия, он почти по-детски поклонялся Деве Марии, особенно её византийской иконе VIII в. в небольшом мо-

настыре Санта-Мария-ин-Темпули. Вероятно, её доставили в Рим во время иконоборческого кризиса в Византии. Легенда гласит, что Сергей пытался переместить икону в собор Иоанна Латеранского, но недовольная пребыванием там, она сама вернулась обратно ночью в свой монастырь. Тогда Сергей подарил обители несколько поместий и лампаду, чтобы она горела перед иконой. Он просил братию ежедневно во спасение его души петь *Kyrie eleisons* и *Christe eleisons*¹.

Благочестие Сергия контрастирует с другими сторонами его характера. Хотя нам это может показаться странным, религия там воспринималась скорее как совокупность внешних практик, нежели как некая нравственная целостность. Понтифик, по-видимому, считал, что в этом отношении его поведение безупречно. В отличие от большинства клириков, он участвовал в «трупном синоде» добровольно, поскольку его рукоположил в епископы Формоз, Сергей объявил, что эта процедура не имеет силы, поскольку её не имеют все акты Формоза, а потому он может вполне законно избираться римским епископом. Он вызвал невероятную путаницу, заявив, что все его предшественники, начиная с 897 г., суть хищные «волки». Сергей заставил синод объявить недействительными не только назначения епископов и священников, сделанные Формозом, но также и все распоряжения пап начиная с 897 г., что породило большую неразбериху, особенно когда он начал проводить в жизнь свой приказ, применяя насилие и подкуп. Лишь немногие нашли в себе мужество выступить против него, и было даже запрещено использовать слово *sacerdos* (священнослужитель) применительно к Формозу. В результате множество епископов и священников пришлось рукополагать заново.

Тем временем Альберико удалился в Сполето. Как всякий проницательный политик, Сергей искал поддержку и потому обратился к Теофилакту, вероятно, своему дальнему родственнику. Несмотря на своё византийское имя², Теофилакт происходил из Тускула, ныне Фраскати, очаровательного городка в Альбанских холмах, в винодельческом краю в 13 милях (21 км) от Рима. Имя «Теофилакт», означающее «охраняемый Богом», было весьма

¹ «Господи, помилуй», «Христос, помилуй» (греч.). — Прим. пер.

² Разумеется, не византийское, а греческое. — Прим. пер.

распространено. Имя «Сергий» по звучанию тоже похоже на греческое, так что, вероятно, оба этих персонажа происходили из греко-итальянских кругов Южной Италии.

Теофилакт и его жена Феодора быстро привлекли к себе симпатии Сергия. Как мы видели, для Рима была характерна непрерывная борьба за контроль над городом между папой и семейными кланами, чьи интересы носили преимущественно локальный характер. Кланы брали своё начало от вооружённого *ordo*, или военного сословия, созданного византийцами во время оккупации города в VII в. Они осознавали себя как группу *optimati* (аристократы)¹, потомков римских сенаторов, как людей с гражданской позицией, представлявших Рим. Наиболее видные представители этих кланов занимали важные посты в церковной иерархии, и это зачастую порождало споры с понтификами из-за разграничения власти и полномочий. Они были тесно связаны друг с другом благодаря бракам. Каждый клан контролировал определённый *rioni* города из своих укреплённых *palazzi*. Велась борьба между теми, кто хотел сохранить Рим как международный центр католицизма, и теми, кто хотел превратить его в местную политическую единицу, людьми, чьё видение ограничивалось узкими рамками Центральной Италии. Николай I и Формоз были папами с государственным мышлением, с широким взглядом на мир. В отличие от них Сергий разделял точку зрения представителей кланов на Рим как город-государство, считавших, что Патримоний должен стать «местной опорой для малой династии», представляющей «раздробленность, партикуляризм, столь характерный для этого времени, отсутствие всякого понимания того, что выходит за узкие рамки личных и местных интересов»².

Теофилакты были первым кланом, который добился полного контроля над городом и управлял им вплоть до 960 г. Они заняли замок Сант-Анджело, сильнейшую крепость города. Первоначально он представлял собой гробницу римского императора Адриана (117–138), которая к VI в. превратилась в ключевую

¹ В классической латыни — *optimates*, «наилучшие», самоназвание политиков I в. до н.э., отстаивавших традиционный порядок, при котором власть принадлежала верхушке сената. — *Прим. пер.*

² Llewellyn P. Rome in the Dark Ages. L., 1971. P. 299; Falco G. The Holy Roman Republic: A Historic Profile of the Middle Ages. L., 1964, 153.

позицию, позволявшую контролировать Рим в военном отношении и оставалась таковой в течение нескольких столетий. В городе они жили в укрепленной резиденции на *Via Lata* (ныне Виа дель Корсо). Владел этот клан и другим домом, на стратегически важном Авентинском холме над Тибром. Теофилакт был человеком способным, честолюбивым и быстро сделал карьеру в папской администрации. Накануне избрания Сергия его назначили *Judex* (старшим нотариусом), а в 904 г. Сергий дал ему должность *Vestararius*, хранителя папской казны, одну из высших, какую мог достичь мирянин. Это означало, что на него возлагается ответственность и за управление Равенной. Вскоре после этого он стал *Magister militum*, фактически командующим военными силами Патримония.

Его красивая жена, *Vestararissa* — правительница Феодора, также обладала огромной властью. Согласно хронисту Лиутпранду Кремонскому, она была женщиной очень свободных нравов. Он характеризует её как *scortum*, «бесстыжую шлюху», и как *meretrix satis impudentissima, veneris calore succensa*, «бесстыднейшей проституткой, сжигаемой огнём похоти»¹. По его утверждению, у неё была продолжительная связь с диаконом Иоанном из Равенны, который позднее станет папой Иоанном X. Однако грамматик из Неаполя Евгений Вульгарий считал Феодору образцом святости и добродетели. В послании к ней он пишет: «Мы много слышим о святости Вашего образа жизни и радуемся о Вас духовной радостью, ибо через Вас Бог изливает яркий свет в нынешнем веке»². Оба источника не бесспорны: Лиутпранд писал спустя полстолетия, выражая интересы императора Оттона I, а Вульгарий искал расположения Феодоры и потому, естественно, восхвалял её. Все признавали, что она обладала немалым влиянием и играла активную роль в политических делах мужа. Она была представительницей высшего класса и уж, конечно, не святой. Но она глубоко почитала Деву Марию и была реформатором религиозной жизни в Риме. Вместе с Теофилактом она восстановила часовню Святой Марии на *Via Lata*, где находилась чудотворная икона, которая,

¹ Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. II. 48.

² *Eugenius Vulgarius. Epistolae et carmina // Dümmler E. Auxilius und Vulgarius: Quellen und Forschungen zur Geschichte des Papstthums im Anfrage des Zehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1866. P. 146.*

как они оба считали, исцелила их парализованного сына, и интерес к реформе религиозной жизни унаследовали их дети. Детей у них было четверо, а возможно, и пятеро: Марозия, Феодора II, Сергия, Бонифаций, который умер в детстве, и предположительно ещё один сын.

В таком вот опасном мире и появилась на свет в 892 г. их старшая дочь Марозия. Некоторые безосновательно считают её самой примечательной женщиной в истории папства. Тем не менее историки более позднего времени признают её самой могущественной из правителей женского пола в Европе за несколько столетий, и, как в случае с её матерью, роль этой дамы в истории служит предметом жарких споров. Была ли она, как утверждает Лиутпранд, «бесстыжей блудницей», сравнимой с библейской Иродиадой, женой Ирода и матерью Саломеи, которая попросила голову Иоанна Крестителя на блюде? Или матью и дочерью жертв клеветнической кампании, устроенной Лиутпрандом, который отнюдь не бескорыстно служил интересам своего хозяина, германского императора? И мать и дочь обладали реальной властью, и это, судя по всему, кое-кого выводило из себя, особенно деятелей церкви вроде Лиутпранда. Лиутпранд, о котором мы поговорим подробнее ниже, является одним из главных наших информаторов во времена Теофилакты. Изложенная им скандальная история Феодоры и Марозии слишком уж напоминает эротические побасенки Нового времени. Он ненавидел этих женщин, а ненавидеть он умел.

Согласно Лиутпранду, после своего избрания Сергей сделал Марозию своей любовницей. Ей было примерно четырнадцать лет, а ему пятьдесят. Родители девочки, вероятно, пошли на сделку, а может, и сами предложили её. Марозия, уже созревшая девица, представительница высшего класса, прекрасно знала, что в её обязанности входит продвигать интересы своего семейства с помощью любовных связей, и её отношения с Сергием должны были способствовать укреплению власти фамилии. Разумеется, об этом знал весь Рим. В *Liber pontificalis* (II. 243) прямо говорится, что плодом этой связи был *Johannes... ex patre Sergio papa* (Иоанн, сын папы Сергия). Теофилакты, хотя они заботились о Марозии, но делали это безо всякой сентиментальности. Радость от появления на свет младенца они испытывали потому, что его

рождение ещё больше сблизило их клан с Сергием и укрепило их контроль над Римом и Патримонием. Теофилакт прекрасно знал о том, что папа ни при каких обстоятельствах не может жениться на его дочери, а поэтому её можно выдать замуж за другого могущественного человека, и у него уже возникла отличная идея по поводу того, кто мог бы им стать. Он добился многого благодаря интрижке папы с Марозией. После рождения Иоанна Сергей, вероятно, завёл себе другую любовницу, однако сохранил тесные отношения с кланом, и Теофилакт вскоре стал военным диктатором Рима. Марозия вышла замуж за Альберико I Камеринского и Сполетского. Как мы видели, Альберико был весьма честолубивым человеком, и Теофилакт решил включить его в орбиту своего влияния. У Марозии и Альберико I выжили трое детей: Альберико II, Сергей и дочь Берта.

Однако некоторые историки, такие, как Питер Левелин, задаются вопросом, имели ли вообще место отношения между Сергием и Марозией и даже Иоанном и Феодорой¹. Они исходят из того, что Лиутпранд был сплетником, писавшим через много лет после событий, апологетом Оттона I и врагом кланов. Изображая их как выроdkов, он действовал в пользу Оттона в пропагандистской войне. Более близкий по времени и заслуживающий доверия хронист Флодоард сообщает в своих «Анналах», что в 933 г. посланцы реймского архиепископа Артольда возвратились из Рима и сообщили: «Папа Иоанн [XI], сын Марии, также называемой Марозией, был взят под стражу своим братом Альберико [II], сыном Альберико I» (под 933 г.). Однако визитёры могли легко спутать родного и сводного брата, а Флодоард положился на сведения из вторых рук, доверившись посланцам архиепископа. Взвесив все имеющиеся данные, Амброджо Пьяццони пришёл к выводу о том, что «социальные отношения и контекст скорее подтверждают, нежели опровергают факт рождения Иоанна в результате любовной связи между юной Марозией и зрелым Сергием III»².

Тем временем отвратительное и агрессивное поведение Сергия вызвало у римлян сильное недовольство. Хотя об открытой оппозиции речи не шло, началась война памфлетов. Наиболее яр-

¹ *Llewellyn P. Op. cit. P. 300.*

² *Piazzoni A.M. Giovanni XI // Enciclopedia dei papi. Rome, 2000. Vol. 2. P. 70.*

кими памфлетистами являлись Ауксилий и Евгений Вульгарий. «Ауксилий» — псевдоним франкского священника из Неаполя. Его рукоположил Формоз, а потому он был заинтересован в признании законности назначений, произведённых этим папой. Ауксилий написал три сочинения по теологии рукоположения, из которых наиболее важный «В защиту рукоположений папы Формоза (*In defensionem sacrae ordinationis papae Formosi*)» в двух книгах. Он рассмотрел вопрос о теологическом значении рукоположения широко, не вдаваясь в юридические тонкости. Ауксилий доказывал, что соответствующее священнодействие, совершённое даже еретиком или лишённым кафедры епископом, сохраняет силу, и что люди, прошедшие его, не нуждаются в новом рукоположении, на чём настаивал Сергей. Начало этой дискуссии восходит ещё к святому Киприану, епископу карфагенскому (ум. 258), который занимал ригористическую позицию по этому вопросу, считая, что таинство, совершённое еретиком, не имеет силы. Но среди theologов господствовало мнение Святого Августина, согласно которому таинство, совершённое еретиками, сохраняло силу. Таким образом, позиция Ауксалия совпадала с традиционной точкой зрения, тогда как Сергей в этом вопросе оказался в меньшинстве.

Другим памфлетистом был итальянский грамматик Евгений Вульгарий, автор сочинения «Книжечка о деле Формоза» (*De causa Formosiana libellus*). После первоначальных колебаний Евгений высказался в поддержку Формоза, который продержал его какое-то время в заключении в монастыре. Автор анонимной «Инвективы в Рим в защиту папы Формоза (*Invectiva in Romam pro Formoso papa*)» также выступил в поддержку Формоза. Не столь подверженный влиянию идеологии, как Ауксилий, аноним правильно отмечает, что не в первый раз папа, который был епископом в одном диоцезе, избирается в другом. «Святой Пётр, князь апостолов, покинул Антиохию и перебрался в Рим», и всего десятью годами ранее папа Марин I прибыл из Черветери в Рим. В «Инвективе» приводится ряд других примеров из истории ранней церкви, и на первый план выдвигается следующий вопрос: римляне сосредоточились на своих мелочных интересах и забыли о важности папства для всей церкви? «Апостолический престол погублен советом знати, и доблесть и мудрость, коими вы обладаете, скоро уснут... О, впавший в сомнения и отступничество апостоли-

ческий Рим, дошедший до безумия и сумасшествия, возвратись к Богу, и ты спасёшься».

Ни один из этих доводов не произвёл впечатления на Сергия, который, не считаясь со сторонниками Формоза, продолжал восстанавливать Латеранский собор. Роскошно украшенный, он стоял до 1308 г., когда почти полностью сгорел во время авиньонского пленения пап. При поддержке Теофилакта Сергий сумел удержать папскую власть в течение семи лет и умер в своей постели в 911 г. Он много сделал для восстановления города, о прочих же его добрых делах данных мало, и историк папства Луи Дюшен характеризует его как «злобного и жестокого негодяя»¹. Все сохранившиеся данные подтверждают этот вывод.

К этому времени Теофилакт и Феодора заняли господствующие позиции в римской политике. В их власти было решить, кто станет следующим папой. После двух недолгих и ничем не отмеченных понтификатов между июнем 911 и мартом 914 г. в начале апреля 914 г. папой избрали архиепископа Равенны Иоанна. Теофилакт и Феодора несколько лет наблюдали за этим способным служителем церкви. Сначала диакон, а затем архиепископ равеннский, он часто бывал в Риме по делам своего диоцеза. Как всегда злобствуя, Лиутпранд утверждает, будто Феодора вскружила ему голову и стала его любовницей уже в день приезда Иоанна. «Она настолько воспламенилась его прекрасным обликом, что не только предложила ему стать его любовницей, но и принудила снова и снова выполнять её желания». Лиутпранд заявляет, что именно ей пришлось на ум сделать его архиепископом Равенны. Однако они оказались разлучены, и потому, пишет он, «Феодора, распутная и капризная, как и подобает блуднице, опасалась, что у нее будет мало возможностей лечь в постель со своим любезным, если их будут разделять двести миль, лежащие между Римом и Равенной, и вынудила его покинуть кафедру в Равенне и — о чудовищное преступление! — сделаться папой в Риме»².

В сексуальном отношении Иоанн снова стал доступен.

Не сплетня ли это? Существовала ли между ними интимная связь? Конечно, с рассказом Лиутпранда всё непросто, и роман

¹ *Duchesne L. The Beginnings of the Temporal Sovereignty of the Popes, 754–1073. N. Y., 1907. P. 209.*

² *Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. II. 48.*

между Иоанном и Феодорой на первый взгляд кажется неправдоподобным. Можно было бы согласиться, что любовницей папы стала дочь Теофилакта; в конце концов, она укрепляла влияние своей семьи, ублажая папу, и хотя предполагалось, что епископы должны соблюдать целибат, зачастую это игнорировалось. Однако трудно себе представить, чтобы Теофилакт позволил своей жене едва ли не открыто завести роман с простым диаконом, сколь бы незаурядной личностью тот ни был. Однако при этом недооценивается независимость такой женщины, как Феодора, и амбиции безжалостного и отнюдь не сентиментального Теофилакта. Возможно, всё началось достаточно невинно, но человек, подобный Теофилакту, мог позволить себе рога либо если ничего не знал, либо если не имел возможностей помешать этому. Однако ситуация выглядит иной, если смотреть на неё с точки зрения его интересов. Он, очевидно, рассматривал Иоанна как способного человека, который, став папой, сможет добиться немало для Рима и его клана. Властолюбие перевешивало в Теофилакте чувства любви и верности. Вне всякого сомнения, он мог бы остановить эту связь в самом начале, если бы счёл, что так лучше для его целей. Вероятно, он даже способствовал отношениям Иоанна и Феодоры, находя это даже занятным. Кроме того, Теофилакт признавал, что Иоанн как аутсайдер сможет избавить Рим от раскола, от которого город страдал со времён Формоза. Сколь бы сомнительным ни было это дело, Теофилакт не прогадал, оказав доверие Иоанну. Кризис, связанный с Формозом, был преодолён, и Иоанн оказался великолепным папой, который правил, сотрудничая с Теофилактом.

Когда Иоанн взошёл на папский престол, самой неотложной задачей для него являлась борьба с сарацинской угрозой. За пятьдесят лет сарадины совершили немало нападений на Центральную Италию, разоряя владения церкви и кланов, подобных Теофилактам. Набег мусульман на Южную Италию в 902 г. привёл к тому, что сарацинский вопрос оказался в центре внимания. Предводительствуемая североафриканским эмиром Ибрагимом II, беспощадным и жестоким фанатиком, которого современные ему христианские и арабские авторы изображают как ненасытного тирана, сарацинская армия вторглась в Калабрию и на Сицилию. Калабрия принадлежала Византии, но, по-видимому, была беззащитна. Даже когда города сдавались без борьбы, Ибрагим, по-

видимому, вырезал всё их население. Быстро захватив большую часть Калабрии, он неожиданно умер во время осады Козенцы, скорее всего от дизентерии. Его войско быстро развалилось, а мусульманская угроза исчезла столь же быстро, как и возникла. Но чудовищное насилие со стороны Ибрагима побудило многих правителей Южной Италии принять меры для ликвидации сарацинской угрозы раз и навсегда. Примерно треть её территории составляли византийские владения, там было также несколько княжеств, маркизатов и независимых государственных образований. Поначалу некоторые из них приветствовали сарацин, видя в них противовес друг другу, однако жестокости Ибрагима привели их в чувство. От сарацин не было ничего, кроме неприятностей, из-за них происходило немало раздоров между малыми государствами Италии. Капуя обратилась за помощью к Константинополю. Византийцы отправили корпус под командованием «стратега» (военного губернатора) Бари, а также корабли, чтобы заблокировать сарацинам пути отхода. После длительных переговоров Капуя, Беневенто, Амальфи, Салерно и Гаэта создали коалицию, к которой присоединились папа Иоанн X и Теофилакт. От предыдущих пап Иоанн унаследовал понимание того, что папство ответственно за защиту Италии. Эти «националистические» чувства зародились в VIII в. и не раз давали о себе знать на протяжении всей истории папства. Роль папы заключалась в том, чтобы объединить итальянцев в союз против общего врага. Как только его избрали в начале апреля 914 г., Иоанн X (914–928) присоединился к коалиции; за ним последовал муж Марозии Альберико I Камеринский и Сполетский.

Наиболее важный сарацинский анклав находился на территории Гаэты. Скорее всего сарацины обосновались в развалинах Минтурн, города римского времени близ нынешнего Минтурно и устья реки Гарильяно в заливе Гаэта между Римом и Неаполем. Сарацины любили места на реках, подобных этому, потому что они обеспечивали доступ к морю. Отсюда они совершали набеги на округу, нападая на монастыри Монте-Кассино, Фарфа и Сан-Винченцо на Вольтурно, а также на сельские угодья римских кланов и церкви. Бывало, они доходили до самых стен Рима. В июне 915 г. группы сарацин, жившие за пределами укрепления в Минтурнах, были окружены, а затем силы христиан взяли в плотное кольцо саму цитадель с севера, запада и юга. Византийские корабли па-

трулировали побережье, что являлось ключевым фактором блокады. Осада продолжалась три месяца, прежде чем отчаявшиеся арабы в конце августа совершили прорыв и вышли на побережье. Но их окружили и уничтожили. Альберико, Теофилакт и папа вернулись в Рим с триумфом. Позднее в письме архиепископу кёльнскому Герману I Иоанн хвастался, что дважды водил войска в битву против мусульман¹.

Когда угроза со стороны сарацин уменьшилась, Иоанн X смог заняться другими делами. Он завершил реконструкцию Латеранского собора и усовершенствовал структуру духовенства. Он оказывал значительное влияние на дела церкви в других странах и серьёзно укрепил авторитет папства. Он пользовался сильной поддержкой Теофилакта и Феодоры, однако в начале 90-х гг. последняя умерла. А вслед за нею вскоре и её супруг. Альберико I, муж Марозии, также скончался где-то около 920 г. Согласно одной из версий, он попытался захватить власть. Но его растерзала римская толпа и ополченцы, поскольку он искал поддержки у мадьяр (венгров), которые разоряли Северную Италию и Тоскану.

Что бы ни произошло на самом деле, когда её муж и родители умерли, Марозия стала главой фамилии *senatrix et patricia Romanorum*, «римский сенатор и патриций»². Она была выдающейся женщиной, и её значение заключалось не в том, кто были ее любовники, а в том, что она сохранила традиции клана Теофилакта, направленные на сохранение стабильности в Риме и Патримонии. Крис Уикхэм указывает, что она «была единственным независимым правителем в своём праве» в течение четырёх столетий на европейском Западе³. Конечно, можно назвать и других могущественных аристократок Запада и Византии, однако Марозия заметно выделяется на их фоне. Она понимала, что секс — это политика, и умела использовать его к своей выгоде в патриархальном мире. Очевидно, красивая и привлекательная для мужчин, она также отличалась умом, твёрдой волей и независимым характером,

¹ См.: Jaffé Ph. Regesta Pontificum Romanorum. Leipzig, 1885. Vol. 1. P. 450.

² *Senatrix* — слово женского рода, досл. — «сенаторша». — Прим. пер.

³ Wickham Ch. Rome in Italy in the Late Ninth and Tenth Centuries // Early Medieval Rome and the Christian West: Essays in Honour of Donald A. Bullough / Ed. J. M. H. Smith. Leiden, 2000. P. 160.

как и её мать. К несчастью, не сохранилось её прижизненного изображения. Разумеется, не будучи романтиком, она понимала, что сексуальные отношения и браки по расчёту являются частью династической и политической жизни. Возможно, это особенно бесило Лиутпранда, которого раздражало, когда дела правления находились в руках способных женщин, и он стремился подорвать репутацию Марозии, выставляя её развратницей. После смерти Альберико I она не спешила вступить в новый брак и в течение двух лет оставалась незамужней, живя в укреплённом особняке Теофилакта на Авентине с видом на Тибр.

Со смертью Теофилакта Иоанн X, несомненно, почувствовал, что теперь может стать самим собой. Возможно, он даже лелеял надежду создать собственный клан, который стал бы главенствующим в Риме. Однако он допустил роковую ошибку, недооценив Марозию и сделав ставку не на неё, а на брата Петра. Соответствующая возможность у Иоанна появилась после убийства короля Италии Беренгария I в марте 924 г. Магьяры угрожали северным районам Центральной Италии, поэтому Иоанн и другие итальянские правители стали искать сильного человека, который обеспечил бы стабильность на полуострове. Личностью, на которой остановился их выбор, оказался Гуго Арльский, герцог Прованский. В этот период Прованс, Бургундия и Италия имели тесные династические связи. После выборов короля Италии в начале 926 г. Иоанн встретился с Гуго в Мантуе, заключил с ним договор и короновал его. Очевидно, он надеялся использовать Гуго как противовес Марозии. Тот прибыл в столицу Северной Италии Павию, и Лиутпранд начал свою карьеру в качестве певчего. Он восхищался Гуго как «человеком столь же учёным, сколь и храбрым, сколь отважным, столь и находчивым... известным попечением о бедных и заботой о благосостоянии церкви. Все эти замечательные достоинства омрачались тем, что он был падок до женских прелестей»¹. Лиутпранд явно перехваливает Гуго: на самом деле тот был не только излишне женолюбивым, но и вероломным, недалёким и трусоватым.

Марозия и городская олигархия, стоявшая за её спиной, немного выиграли от союза с Гуго. Чтобы ослабить Иоанна, она начала «копать» под его брата, Петра, который узурпировал должность

¹ *Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. III. 19.*

консула римлян и захватил маркизат Сполето. В течение нескольких месяцев Иоанн и Пётр выдерживали борьбу с Марозией. В конце концов они бежали в Орте, где Пётр обосновался в местной крепости. Здесь он вступил в союз с мадьярами, которые в 924 г. вновь вторглись в Италию. Вместе они совершили набег на Кампанию, Сабину, Тоскану, область, где клан Теофилакта имел серьёзные коммерческие интересы.

Вновь папа и Марозия вступили в борьбу не на жизнь, а на смерть, и она, решив, что ей нужен сильный консорт, вышла замуж за Гвидо III, маркиза Тосканского, который также хотел ограничить власть Гуго. Согласно Лиутпранду, в июне 928 г. их воины тайно проникли в Рим, и «когда папа, его брат и несколько друзей находились в Латеранском дворце, [воины] напали на них и убили Петра на глазах его брата» (*Antapod.* III. 43). Иоанна низложили и заключили в тюрьму. Марозия перебралась в Кагель-Сант-Анджело, возможно, это признак того, что она не являлась неограниченной властительницей Рима. Свержение Иоанна было трагедией, поскольку он принадлежал к числу самых способных пап этого столетия. Гвидо скончался в 929 г.

Марозия вновь осталась одна. Однако она решила распространить свою власть за тесные пределы папского государства. Возможно, она была настолько амбициозна, что захотела прибрать к рукам всю Италию, не находившуюся под контролем Византии. Важным козырем её являлся сын Иоанн, прижитый от папы. Она надеялась сделать его папой, чтобы укрепить свою власть. Однако он был ещё слишком юн для избрания. Ей пришлось ждать своего часа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Расцвет папства

Папский престол стал слишком опасным для тех, кто его занимал. Иоанн X получил наглядный урок, когда у него глазах убили его брата Петра. Низложенный и заключённый по приказу Марозии в главную башню Кагель-Сант-Анджело в мае 928 г., он был убит в середине 929 г. По словам Флодоарда, «некоторые утверждают, что его удавили», тогда как Лиутпранд пишет, что Иоанна

здушили подушкой¹. Марозия на какое-то время укрепила свою власть над Римом. В перспективе она планировала добиться избрания в папы своего сына от Сергия III, Иоанна. Однако ему было лишь около двадцати, а минимальный возраст, требовавшийся для избрания, составлял двадцать пять лет. Поэтому Марозии пришлось прибегнуть к назначению «временного» папы, желательного не отличающегося хорошим здоровьем, чтобы он не прожил слишком долго и из-за этого не оказались отсроченными выборы её сына.

По её указке были избраны два папы. Лев VI (май–декабрь 928), судя по всему, не совершил ничего примечательного за время своего короткого понтификата. Стефан VII (929–931) отличался благочестием, однако его единственной примечательной чертой было то, что «у него, согласно византийскому анонимному писателю XII в., хватало бесстыдства бриться и принуждать к этому остальную Италию»². Это стало важным в культурном отношении новшеством. Внешний вид и одежда служили признаком статуса, и западным клирикам надлежало теперь быть чисто выбритыми и иметь тонзуру. В отличие от них представители высшего византийского духовенства носили (и носят по сей день)³ длинные бороды. Православные священнослужители ссылались на то, что бороду носил Христос и что она показывает принадлежность к мужскому полу; это предмет гордости, отличающий их от женщин. Западные церковники возражали, что святой Пётр был безбородым и что «важно, чтобы клирики отличались от мирян даже внешне»⁴. Так что даже обликом служители западной и восточной церквей теперь отличались.

Удобный момент для Марозии настал, когда Стефан VII очень кстати умер в феврале 931 г. Её сыну Иоанну было двадцать с небольшим, он уже стал кардиналом-священником церкви Санта-Мария-ин-Трастевере. Теперь ему пришло время стать папой, и

¹ Флодоард Реймский. Анналы (929 г.); Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. III. 43.

² Цит. по: Mann H.K. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. Vol. 4. L., 1925. P. 190.

³ В настоящий момент можно говорить, естественно, не о византийском, а о православном духовенстве. — Прим. пер.

⁴ Fichtenau H. Living in the Tenth Century: Mentalities and Social Orders Chicago, 1991. P. 70.

его избрали в марте 931 г. под именем Иоанна VI (931–935). Марозия достигла первенствующего положения, и её враги это понимали. Монах по имени Бенедикт из Монте-Соратте жалуется, что «Рим оказался во власти женщины, как говорится в пророчестве, «женщины властвуют в Иерусалиме»»¹. Однако Бенедикт с его высокомерием не понял истинных намерений Марозии: она хотела использовать своего сына, чтобы расширить свою власть за пределами Патримония Святого Петра и сделать ситуацию в Италии более управляемой и стабильной.

Первые шаги Иоанна в качестве папы вполне соответствовали политике Теофилакта в отношении реформы монашества. В марте 931 г. он даровал аббатству Ключи в Бургундии полное и вечное освобождение от светских и церковных властей, поставив его под прямое покровительство пап. В том же году прибыл посол от византийского императора Романа I Лакапина (920–944), искавшего поддержки папы в деле назначения своего бестолкового шестнадцатилетнего сына Теофилакта патриархом Константинопольским. Сей Теофилакт подвергся кастрации, чтобы ему было проще делать церковную карьеру. Однако это не помогло ему сосредоточиться на церковных делах, поскольку он обожал лошадей (он держал их целых две тысячи) и готов был скорее наблюдать за рождением жеребёнка, нежели тащиться на литургию. Вместо сена он кормил своих лошадей смесью фиников, инжира, фисташковых орехов, смешанных с молодым вином. Марозия хотела выдать за византийского принца свою дочь Берту и оказывала давление на Иоанна, чтобы тот поддержал назначение Теофилакта, что способствовало скандалу в восточной церкви. Двух западных епископов направили для участия в церемонии рукоположения Теофилакта в епископы в феврале 933 г.

Несмотря на все свои мужество и проницательность, Марозия чувствовала, что нуждается в супруге для усиления собственных позиций. В начале 932 г., руководствуясь скорее желанием стать королевой Италии, нежели любовью, она стала делать соответствующие попытки в отношении своего бывшего жениха Гуго, чья жена Альда только что умерла. Никогда не отказывавшийся от привлекательных женщин и привлечённый возможностью исполь-

¹ *Benedict di San Andrea del Soratte. Chronicon // Fonti per la storia d'Italia / Ed. G. Zucchetti. Rome, 1920. Vol. 55. P. 161.*

зовать брак с матерью папы, чтобы осуществить свою честолюбивую мечту стать императором и обрести стратегический контроль над Римом, Гуго быстро согласился на брак. Однако оставалось каноническое препятствие: Гуго приходился сводным братом бывшему мужу Марозии Гвидо. Женитьба на вдове брата противоречила каноническому праву. Гуго попытался обойти это препятствие, объявив своих сводных братьев bastardами. Но оставшийся в живых младший из них, Ламберт, запротестовал. Гуго хладнокровно приказал схватить его, заключить в тюрьму и ослепить, а папа Иоанн не стал обращать внимания на канонические формальности.

Гуго прибыл в Рим в начале осени 932 г. Оставив своих бургундских воинов за стенами, он вступил в город с небольшой группой телохранителей.

Обряд бракосочетания с Марозией совершили в часовне Святого Михаила в Кастель Сант-Анджело, провёл же его папа, обвенчавший собственную мать: случай в истории папства уникальный. В Риме многие были настроены против этого брака, но Марозия и Гуго чувствовали себя в замке Святого Ангела в безопасности. Среди всех этих событий позабыли о единоутробном брате Иоанна XI, волевым, способном Альберико II, сыне Марозии от первого мужа, Альберико I Сполетского и Камеринского. Не обращать на него внимания было серьёзной ошибкой.

Альберико II родился во дворце Теофилакта на Авентинском холме между 910 и 912 гг. Он был «как и отец, хорош собой, [...] но его очень боялись»¹. То, что его так опасались в Риме, давало ему в Риме большое психологическое преимущество. Он без понимания отнёсся к женитьбе матери, присутствовал при бракосочетании явно неохотно и до конца своих дней оставался врагом Гуго. Марозия отлично осознавала политические выгоды от брака с Гуго, который держал под контролем большую часть Северной Италии, был беспощаден, хладнокровен и весьма любвеобилен. Однако политические соображения перевешивали страсть к женщинам, хотя не вызывало сомнений, что как только Гуго, приехав в Рим, окажется в безопасности и получит императорскую корону из рук Иоанна XI, то сразу попытается серьёзно ослабить или даже убить Альберико. Марозия не могла не понимать, что ставит своего сына

¹ *Benedict of San Andrea di Monte Soratte. Op. cit. P. 167.*

в опасное положение. Либо она была совершенно лишена жалости, либо считала, что сможет удержать ситуацию под контролем. А может быть, и то и другое.

Как это часто бывает, Гуго перехитрил самого себя. Думая обезопасить себя от оппозиции, он начал претендовать на имперский престол и стал выказывать римлянам всяческое презрение. Их недовольство быстро дало знать о себе. Кризис наступил в конце 932 г., после свадьбы Гуго, но до его коронации. По настоянию своей матери Альберико прислуживал Гуго в качестве пажа. Когда король мыл руки, тот нарочно или случайно пролил воду ему на одежду. Гуго ударил его по лицу «в наказание за то, что тот льёт воду неаккуратно и без должного почтения»¹. Для Альберико это стало последней каплей, и он бежал в замок. Выросший в Риме, он имел там прочные связи и прекрасно знал, как расшевелить население, особенно если речь шла о таких наглых и бесцеремонных иностранцах, как Гуго.

Римлян возмущало поведение чужеземных выскочек, которые заносчиво держали себя с местными жителями. Хотя неясно, как мог Альберико воспользоваться этим обстоятельством, рассказ Лиутпранда о тех доводах, с помощью которых молодой человек мог добиться поддержки римских кланов и толпы, вероятно, недалёк от истины. Действуя в духе народных трибунов, Альберико, согласно Лиутпранду, заявил перед толпой, что если Гуго «ударил меня, своего приёмного сына, по лицу, едва приехав сюда в качестве нашего гостя, как, вы полагаете, он будет вести себя, когда приживётся в городе?». Альберико высмеивал деревенскую гортанную речь бургундцев: «Я говорю, что бургундцы (*burgundiones*) представляют собой иную форму *gurguliones*² и что их называют так, ибо у них высокомерная гортанная речь, или, что вероятнее, из-за того, как они используют свои глотки, предаваясь обжорству»³. Это было хорошо придумано: высмеять Гуго и изобразить воинов грубой деревенщиной. Хотя эта речь сочинена Лиутпрандом, ясно, что не всё в ней было шуткой.

Вскоре Альберико стал вождём революционного мятежа. «Люди, снаряжаясь на бой, начали кричать во всё горло, как только они

¹ Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. III. 44.

² Глотки (лат.). — Прим. пер.

³ Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. III. 45.

облачились в доспехи, и голоса их разносились повсюду»¹. Ополченцы захватили штурмом Кастель Сант-Анджело между Рождеством и Новым годом 932–933 гг. Очевидно, они застали врасплох Марозию и Гуго, коль скоро Альберико так быстро овладел практически неприступной крепостью.

Вконец перетрусив и счастливо избежав гибели, Гуго бросил свою жену: ночью он спустился по стене замка и укрылся в воинском лагере за пределами стен. Марозию и Иоанна XI взяли в плен и «во избежание неожиданностей» поместили «под сильную охрану»². Альберико отправил под арест свою родительницу и униженного Иоанна XI, который находился в жёсткой оппозиции к нему, в Латеранский дворец. Лиутпранд говорит, что Альберико держал Иоанна «словно раба в своём жилище»³. Иоанн скончался в декабре 935 г., не дожив до тридцати. Флодоард пишет о нём как о *vir rascius*, «пустом человеке», и добавляет, что Иоанн находился в ущемлённом положении и вынужден был ограничиться тем, что служил как священник, поскольку всю власть захватил его брат, Альберико. Кроме того, Флодоард сообщает, что Иоанн и его «совершившая кровосмешение мать» содержались *sub claustra*, под арестом⁴. В течение двадцатидвухлетнего правления Альберико по его указке избрали четырёх пап, и все они были его креатурами.

В 933 г., в начале своего правления, Альберико II, достигший двадцати одного года, был человеком умным, красивым и властным. Он отличался от своей матери тем, что его политический кругозор ограничивался Центральной Италией. И если он вообще проводил внешнюю политику, то скорее в отношении Византии, нежели Западной Европы. Вскоре после переворота, совершенного Альберико, от императора Романа I прибыло письмо, в котором тот просил гарантий того, что Рим по-прежнему признаёт Теофилакта патриархом, и в качестве «стимула» приманивал Альберико перспективой брака. Но безуспешно.

Альберико правил Римом железной рукой. Он носил титул *Vestararius*, который делал его главным чиновником курии, нечто

¹ *Benedict di San Andrea del Soratte*. Op. cit. P. 166.

² *Ibid.*

³ *Лиутпранд Кремонский*. Посольство. 62.

⁴ *Флодоард Реймский*. О триумфах Христа. XII. 7.

вроде премьер-министра, а также *primus senator nec non unicus dux Romanorum*, «первый сенатор и единственный вождь римлян». Даже если приход Альберико к власти можно считать случайностью, он стал завершением того процесса, которому положили начало Теофилакт и Марозия. Он отделил папство от государства, ограничив власть папы сферой религии. В итоге он превратил папу в политическом отношении в пешку. В некотором отношении правление клана Теофилакта знаменовало собой ведущую роль местных интересов и ограничение их Патримонием Святого Петра. Это переключение на проблемы локального уровня характерно для большей части Европы того времени. То, что мы называем международной ареной, оставалось на втором плане. Однако по-прежнему в широком стратегическом контексте Рим и папство сохраняли важное значение.

К концу IX в. империя Каролингов пришла в упадок и развалилась. В Европе образовался вакуум власти, что позволило различным авантюристам воцариться на местах. Италия яркий пример этого процесса: новоявленные правители Тосканы, Сполето, Фриули (северо-восток Италии) и Ивреи (северо-запад Италии) быстро воспользовались моментом. Этими герцогствами управляли фамилии, которые по происхождению не были итальянскими. Во Фриули главенствовал Беренгарий I (888–924), чья фамилия была родом из Нижнего Рейна. Тоскана возвысилась в IX в. как оплот средиземноморского побережья в борьбе с сарацинами, а правящая династия происходила из Баварии. Как мы видели, Гвидо I (842–ок. 860), амбициозный выскочка из Восточной Франции, стал герцогом Сполето. Ивреей управлял Ансгарий, который вёл свой род из тех же мест во Франции, что и Гвидо I. Ещё одним иностранцем был Гуго, выходец из Прованса. Эти выскочки постоянно соперничали друг с другом за корону короля Италии и императора, хотя эти титулы уже утратили прежнее значение. Лиутпранд цинично замечает, что «итальянцы всегда предпочитают иметь двух властителей, поскольку это позволяет сдерживать их страхом друг перед другом»¹.

Рим волей-неволей был вовлечён в эти игры, хотя власть Альберико ограничивалась пределами Патримония. Хотя Рим мог прокормить себя, ему недоставало экономической целостности, и

¹ Лиутпранд Кремонский. Воздаяние. I. 37.

он зависел от ввоза товаров потребления. Южная же Италия являла собой пёструю картину, поскольку её территория была разделена между мелкими княжествами и Византией. Посему в этот период на сцене появлялась то одна коалиция, то другая, причём ни одна не могла взять верх, и королевская власть в Италии оставалась очень непрочной. Другой стратегической особенностью на полуострове являлись сохранившиеся со времён римской древности многочисленные и процветающие *civitates* (города), особенно на Ломбардской равнине. Контроль над Ломбардией был необходим для господства над Итальянским королевством, и борьба за эту область сотрясала юг Италии после 888 г. Здесь города всегда играли важную роль, и увеличивалось число маленьких, но стратегически важных *civitates*, процветавших благодаря избытку сельскохозяйственной продукции, производившейся в плодородной долине реки По и рек, в него впадавших, чему, несомненно, способствовало потепление. Такие города, как Павия, Кремона, Верона, Бергамо, Милан и Феррара, интенсивно развивали сельскохозяйственный рынок, а также ремесло, в частности металлообработку. Окружённые кольцом мощных стен, они могли защитить себя от грабительских орд сарацин и мадьяр, а также от банд головорезов, бродивших по округе.

В этих городах существовала система правительственных структур. Наиболее важной фигурой обычно был епископ, но зачастую его окружали богатые олигархи. Все свободные горожане принимали участие в *conventus*, народном собрании. Таким образом, народ в какой-то степени являлся соучастником власти. Некоторые из епископов не были итальянцами. Один из наиболее известных Ратерий Веронский (888–974), невротический персонаж родом из окрестностей Льежа (Бельгия), который, кажется, почти со всеми был на ножах, но вызывал восхищение Лиутпранда. Они весьма походили друг на друга.

Альберико создал свою систему управления, исходя из административной схемы и придворных порядков Византии. Он называл своё государство принципатом. Это была относительно небольшая территория, управлявшаяся единовластным повелителем на полунаследственной основе. Другими примерами такого рода были Капуя, Салерно и Беневенто. Поначалу Альберико действовал как *princeps*, «первый гражданин» или «глава», термин, которым называли себя римские императоры. Искушённый в вопросах

протокола византийский император Константин VII Багрянородный использовал это слово, обращаясь к Альберико. Последний разделил сферы ответственности между различными кланами, чтобы удовлетворить их и держать в подчинении. Однако в целом он продолжал держать власть в собственных руках, и поскольку кланы были связаны с ним, их зависимость от него проявлялась достаточно очевидно. Как пишет Фердинанд Грегоровиус, «в Риме Альберико воспоминания о древности давали знать о себе всё больше», и в этом смысле он был классическим тираном¹. Его режим представлял собой централизованную систему в бюрократическом стиле, где папство оказывалось лишь одним из правительственных департаментов. Сегодня эту систему называли бы цезарепапизмом.

Поначалу принцеис устроил свой двор в укрепленном палаццо Теофилакта на Виа Лата. Позднее он отдал часть этого палаццо своим кузинам, Феодоре III, Марозии II и Стефании под монастырь. Затем Альберико перенёс фамильный палаццо на Авентинский холм — отличная оборонительная позиция с роскошным видом на Тибр и собор Святого Петра. Палаццо находился совсем близко от церкви Святой Сабины, самом красивом храме Рима. Позднее Альберико разместил монастырь на территории своего дворца и построил себе на месте нынешней Пьяцца Колонна другую резиденцию. Именно из этой резиденции он управлял Патримонием через *camerlengo* (мажордома), который действовал как его агент в деле контроля над папством в церковной и административной сферах. Это был классический цезарепапизм, и он представлял угрозу папству как международному институту.

Для последующей истории важно то, что Альберико нуждался в поддержании централизованной системы управления. Ему нужно было непрерывно реагировать на постоянную угрозу, исходившую от короля Гуго, который по-прежнему пытался вернуть себе Рим и, по-видимому, освободить свою жену Марозию, находившуюся в заключении. Чтобы укрепить свои позиции, Альберико расширял Патримоний за пределы равнин к северу и югу от Рима, возвращая то, что раньше принадлежало папе в Лации

¹ *Gregorovius F. History of the City of Rome in the Middle Ages. London, 1895. Vol. 3. P. 294.*

и Умбрии. Ему также приходилось иметь дело с мадьярами, которые появились перед самым Римом у ворот Святого Иоанна (Порта Сан-Джованни) в июне 941 г. и вызывали панику последующие пять лет по ту сторону Альп и на Апеннинском полуострове.

Мадьяры представляли собой скорее психологическую, нежели военную, угрозу, хотя они доходили на юг до самого Отранто. Впервые они появились в Италии в 899–900 гг., и, согласно «Фульдским анналам» (под 900 г.), «опустошили всю Италию, убив множество итальянских епископов, пытавшихся изгнать их, и двадцать тысяч человек пали с ними в битве в один день» (указывается, что это произошло 24 сентября 899 г. в сражении на реке Бренте близ Падуи). Мадьяры совершали нападения прежде всего с целью получить выкуп, и их набеги на Италию время от времени происходили. Особенно страшным был набег 924 г., в результате которого они разрушили Павию. В конце концов их разгромил Оттон I в битве на Лехе близ Аугсбурга в 955 г.

В итоге Альберико недурно показал себя в качестве властителя государства в Центральной Италии, который умело управлял своими землями. Но чтобы достичь этого, он пренебрёг той важной ролью, которую Рим играл будучи центром католического Запада. Нельзя сказать, что Альберико действовал как совершенный новатор, в конце концов, он унаследовал ту административную систему, которая сложилась при прежних папах. Но объединив в своих руках светскую и религиозную власть, он не смог избежать того, чтобы втянуться в решение церковных дел. Получилось так, что международный институт оказался под контролем правителя, чьи интересы ограничивались местным уровнем. Религия была подчинена интересам власти.

Не все папы этого периода показали себя лишь с дурной стороны. Однако все они относились к числу креатур Альберико, и избирали их по его указке, и их функции ограничивались преимущественно литургическими. После смерти Иоанна XI Альберико организовал избрание Льва VII (936–939). Набожный монах, он рад был выполнять волю Альберико в деле проведения монастырской реформы. Именно Лев пригласил аббата Одо из Клуни в Рим, чтобы провести преобразования в монастырях города. Одо оказался также талантливым дипломатом и сумел добиться мира между

Альберико и Гуго. Несомненно, его опыт в Клуни (Бургундия) помог ему в переговорах с королём Гуго, который сам был бургундцем. Флодоард сообщает в своих «Анналах» под 936 г., что армия Гуго, которая осаждала Рим в 936 г., «страдала от голода и падежа коней. Затем Гуго заключил мир с Альберико... и прервал осаду». Это перемирие было подкреплено браком Альберико со старшей дочерью Гуго по имени Альда. Флодоард гостил у папы Льва и характеризует его как доброго, сердечного, мудрого человека, который способствовал реформе германской церкви, назначив архиепископа майнцкого Фредерика своим представителем в Германии.

После смерти папы Льва власть Альберико над Римом не раз оказывалась под угрозой из-за различных заговоров. Преемник Льва Стефан VIII (939–942), возможно, был благочестивым и эрудированным человеком, сторонником монастырской реформы, однако он также принял участие в заговоре против Альберико. Понтифик оказался втянутым в подпольную группу, стремившуюся восстановить власть духовенства. Из путаного рассказа монаха Бенедикта можно предполагать, что Марозия и её сестра Феодора II также участвовали в этой интриге. Однако после того как одна из дочерей Феодоры, очевидно, сообщила о заговоре Альберико, заговорщиков-мужчин высекли, обезглавили или заключили в тюрьму. Папа Стефан был страшно искалечен и умер в октябре 942 г. При всей суровости Альберико вряд ли мог убить собственных мать и тётку. Вместо этого за участие в заговоре он отправил их в монастырь на Виа Лата, лишив политического влияния. (В отношении участия Марозии в заговоре нет ясности, поскольку некоторые считают, что она умерла в июне 936 г., т.е. пятью годами ранее.) В то же самое время после смерти жены Альберико Альды, скончавшейся в 942 г., Гуго вновь приступил к осаде города.

Преемником Стефана стал Марин II (942–946), который, согласно Бенедикту, «не слушал ничего, кроме приказов Альберико»¹. Он продолжал проводить монастырскую реформу и подтвердил назначение архиепископа Фредерика папским *missus* (представителем) в Германии. По словам Джироламо Арнальди, «в последние годы правления Альберико произошло

¹ *Benedict of San Andrea di Monte Soratte. Op. cit. P. 167.*

возрождение папства»¹. По-видимому, это произошло при более независимом папе Агапите II (946–955), который, в отличие от своих предшественников, сумел вести дела курии в условиях относительной свободы.

Контроль Альберико над папами не означал, что они оказались полностью изолированы от остальной церкви. Бюрократическая машина папской канцелярии продолжала работать в течение этого периода. Переписка с епископами и иноземными церквями велась по-прежнему, и хотя Рим оставался центром паломничества, сообщения об изолированности постепенно распространялись по всей Европе. В результате поток пилигримов сократился, в том числе из-за нападений сарацин на путешественников в Альпах из Фраксинета на средиземноморском побережье.

Борьба между Гуго и Альберико, которая тянулась уже пятнадцать лет, продолжалась. Теперь Гуго попытался выдать замуж одну из своих незаконнорожденных дочерей за внука византийского императора Романа I. Альберико, чтобы не отстать, также подыскал себе византийскую невесту, а для своей сестры Берты имперского принца. Он отправил своего родственника Бенедикта Кампанского в Константинополь для переговоров. Ведя ловкую дипломатическую игру, чтобы ослабить Гуго и Альберико, Роман I делал вид, будто вполне сочувствует желаниям Альберико, и тот начал даже подготовку к приёму своей византийской невесты. Он даже собрал группу миловидных сабинских девушек, которым предстояло стать подружками невесты, но, как замечает неизысканный Бенедикт, «к несчастью, она не появилась в опочивальне для новобрачных»². Альберико обманули. Однако судьба послала ему утешение: Гуго неожиданно столкнулся с восстанием, во главе которого встал Беренгарий II Иврейский, поддержанный германским королём Оттоном I. В 945 г. Гуго, наконец, прекратил борьбу за корону Италии и отступил в Прованс, объявив об отказе от своих претензий в Риме в 946 г. Оставшиеся годы жизни Альберико Рим находился в безопасности.

Альберико обеспечил стабильность Патримонию, несмотря на склоки между местными кланами и требования народных масс.

¹ Arnaldi G. Alberico di Roma // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 1. Roma, 1960. P. 651.

² Benedict of San Andrea di Monte Soratte. Op. cit. P. 171.

Ключевым фактором его власти был контроль над папскими землями. Все земли Патримония по традиции находились во владении курии, чтобы использоваться на общественные нужды. Альберико бросил вызов традиции, обращаясь с ней как со своей личной собственностью. Это имело решающее значение для предотвращения надвигавшейся угрозы, которая уже нависала над церковными владениями.

Первая угроза была очевидна: сарацины. Усадьбы в прибрежных районах были весьма уязвимы для их набегов, которые могли привести к нарушению поставок продовольствия в Рим. В конце концов сарацины потерпели поражение при Гарильяно в 915 г., однако церковным владениям был уже нанесён серьёзный ущерб. Вторая угроза носила менее явно выраженный характер: происки могущественных мирян, которые захватывали и, говоря современными терминами, приватизировали церковную собственность. Питер Партнер замечает по этому поводу: «Маловероятно, что система, к которой римская знать... относилась враждебно, сохранилась бы в то время, когда по всей Италии дворянство жадно захватывало церковные земли»¹. Результатом этого в долгосрочной перспективе стало то, что Патримоний оказался под угрозой расчленения. Аристократы утверждали, что длительное владение землёй даёт все основания требовать её себе в собственность на основании давности. Сильные папы, такие, как Иоанн VIII, пытались остановить эту незаконную смену собственников, но без успеха. Иоанн VIII также не смог воспрепятствовать строительству башен и небольших замков; в Италии этот процесс известен как *incastellamento*². Идея заключалась в том, чтобы использовать эти структуры для защиты земли, которая подверглась захвату; их было множество в Патримонии и Риме, и 140 из них позднее разрушили или демилитаризовали.

Отчуждение продолжалось и при Альберико. Однако принцип был дальновиден. Позволяя нобилем захватывать земли, он сумел помешать им использовать их для обретения независимой от него власти. Его главным орудием в борьбе против нобилей стала централизованная система управления, которая позволила

¹ Partner P. Notes on the Lands of the Roman Church in the Early Middle Ages // Papers of the British School at Rome. Vol. 34. 1966. P. 70.

² Строительство замков. — Прим. пер.

поспрепятствовать «сколь-либо значительной феодальной децентрализации власти, которая наблюдалась во всей остальной Европе»¹.

Альберико был соткан из противоречий. Жёсткий и безжалостный политик, он в то же время отличался подлинной набожностью. Как и его бабушки и дедушки, он немало сделал для монастырской реформы в Патримонии. Религиозная жизнь в Риме переживала в это время кризис. Сарацины не только разрушали отдалённые монастыри, но и опустошали сельскую округу, благодаря которой, в основном, и существовали многие религиозные общины в городе. Катастрофическое падение стандартов религиозной жизни вело к тому, что многие монахи присваивали общинную собственность и жили на принадлежавшей монастырям земле как миряне, с жёнами и детьми. Императорское аббатство Фарфа на Сабинских холмах, пользовавшееся влиянием при Карле Великом, было временно покинуто в 897 г. из-за сарацинских набегов. Затем монастырь сожгли христианские мародёры, и он превратился в руины. Где-то около 930 г. монастырская жизнь стала налаживаться вновь, но в 936 г. двое монахов из Фарфы, Хильдебранд и Кампо отравили аббата Ратфреда. Кампо при поддержке войск Гуго стал аббатом и зажил светской жизнью в монастырских усадьбах, раздавая земли своим родственникам. Присланные из Рима монахи, которые должны были проводить реформу, бежали, когда их жизни начала угрожать опасность. Фарфа оставалась в целом не реформированной в правление Альберико, хотя он взял монастырь штурмом и назначил нового настоятеля, сторонника реформ, которому монахи стали оказывать сопротивление, и в 953 г. его отравили. В конце концов монастырь всё же был реформирован, и по сей день Фарфия остаётся бенедиктинской обителью.

В Риме число монахов сократилось. Особенно сильно оно уменьшилось во время распрей, которые последовали за смертью папы Формоза, между 890–911 гг. Падение численности монахов сопровождалось падением духовности и образования. Не хватало толкового руководства. Представители высших слоёв не желали больше отдавать своих сыновей в монашеские обители, поскольку это более не обеспечивало власти и престижа.

¹ Llewellyn P. Op. cit. P. 307.

Для улучшения ситуации Альберико и Лев VII пригласили бенедиктинского реформатора Одо, которого Альберико сделал архимандритом всех монастырей Патримония. Хотя Одо совершил после 936 г. лишь шесть коротких визитов в Рим, он сумел убедить большинство инок римских монастырей принять устав Святого Бенедикта. Однако «то, что реформа не прекратилась после смерти святого Одо, следует считать результатом усердия князя Альберико... Используя весь свой престиж и немалое богатство для дальнейшего её осуществления, он стремился реформировать заброшенные монастыри и создавать новые обители»¹. Альберико передал часть своего дворца на Авентинском холме монастырской общине, куда приходили желающие принять постриг далеко не из одного Рима.

Пример Альберико оказался заразительным. Его старания на пользу церкви произвели впечатление на высшие классы Рима, и идеи монастырской реформы стали овладевать умами представителей элиты. Бенедикт Кампанский построил монастырь в Трастевере, а две супружеских пары, Гратиан и Имилла, а также Григорий и Домина Роза возвели обитель на месте Фламиниева цирка. Врач Пётр Медицини и его жена Иоанна основали монастырь Санта-Мария-ин-Паллара на Палатинском холме, а нобиль Балдуин построил Сан-Пьетро-ин-Орреа в память своей недавно умершей жены Саксии. Эти обители нуждались в поддержке богатых покровителей, чтобы получить от них землю, а после этого и другую помощь до той поры, пока они не обретут самостоятельность.

Между 936 и 1000 г. в Риме были основаны двенадцать новых римских монастырей и два греческих; это стало во многом результатом усилий мирян, а также советников-монахов. Не прошло и двух десятилетий после смерти Альберико, как папство взяло на себя руководство монастырской реформой. Основание этих обителей в какой-то мере приостановило присвоение монастырских земель мирянами. По сути, началось движение собственности в обратном направлении от мирян к монахам. Из новых монастырей наиболее успешно шли дела у обители Святых Бонифация и Алексия на Авентине, ныне церковь Сант-Алесслио,

---

¹ *Hamilton B. Monastic Reform, Catharism, and the Crusades (900–1300). London, 1979. Vol. II. P. 2, 50.*

совершенно изуродованная в XVIII в. во время Реставрации. Основанная политическим эмигрантом, архиепископом Сергием Дамасским, она представляла собой греко-римский монастырь под управлением одного настоятеля, но монахи жили по разным уставам: греки по уставу Святого Василия, латиняне — Святого Бенедикта. Этот монастырь стал крупным интеллектуальным центром и привлекал к себе лучших людей из Западной Европы и Южной Италии¹.

Эта эпоха стала также свидетельницей возрождения религиозной жизни женщин. В начале правления Альберико в Риме существовало всего три женских монастыря. Одним из них являлась обитель Санта-Мария-ин-Темпули. Своим выживанием она обязана, вероятно, покровительству Сергия III. Аббатисой там в то время была Констанция, дочь римского аристократа. Монастырская церковь, восстановленная между 800 и 850 гг., сохранилась до наших дней. В настоящее время она перестала быть храмом и принадлежит коммуне Рима, служа местом совершения гражданских браков.

Другая известная женская обитель того времени — Святого Кириака на Виа Лата. Как мы видели, её основали во времена правления Альберико его кузины Феодора III, Марозия II и Стефания, и она пользовалась его поддержкой. Поскольку, как мы знаем, Марозия II и Феодора III были замужем, а Стефания управляла городом Палестриной, можно предполагать, что они монахинями не являлись. Вероятно, они намеревались сделать монастырь местом вынужденного пребывания их матери Феодоры II, сестры Марозии I, после заговора против Альберико.

Монастырская реформа носила не только религиозный характер, она также имела оборонное значение. Чтобы понять это, стоит вспомнить, что Патримоний в военном смысле был слабо защищён. Данные археологических раскопок показывают, что внешние оборонительные сооружения Рима раннесредневекового времени не особенно внушительны. Альберико хотел защитить Патримоний с помощью устойчивой и хорошо организованной системы обороны, которую образовывали бы стоявшие на границе монастыри. Реформированные монастыри служили целям наведения порядка в важных для защиты города в будущем районах

¹ Ibid. Vol. III. P. 265–310.

к северу и востоку от него: таким образом, ни один сильный противник не смог бы там закрепиться. Он также использовал монастыри как центры, вокруг которых создавались поселения, что способствовало развитию инфраструктуры и обеспечивало определённое число здоровых мужчин для обороны Патримония. Монастыри Сан-Сильвестро на Монте-Соратте, Санта-Элиа близ Неп, где епископом был брат Альберико Сергей, с прилегавшими к ним землями образовывали оборонительный пояс к северу от Рима. На востоке был реформирован монастырь Субьяко, который контролировал группу фортов вдоль реки Аниено, притока Тибра. Единственным монастырём, в отношении которого Альберико не преуспел, оказалась Фарфа. В то время как безопасность восточного фланга обеспечивали Апеннинские горы, на более равнинных территориях и каменистых холмах к северо-востоку от Рима принцепс использовал в качестве узла обороны такой неприступный пункт, как Чивитта-Кастеллана на каменных выступах над ущельем. Свою роль в системе обороны играли Непи и Санта-Элиа, находившиеся на тех же выступах. Основная часть пути от Апеннин к Риму пролегла по старой дороге ещё времён Римской империи, *Via Flaminia*¹. Она проходила через эти районы, контролировалась и охранялась. Оборонительная стратегия Альберико принесла свои плоды. И ни один враг не сумел завоевать Рим при его жизни.

В 954 г. принцепс серьёзно заболел малярией. Когда смерть уже была близка, он, столь умело справлявшийся с делами прежде, принял последнее решение, которое имело катастрофические последствия: сосредоточил всю гражданскую и церковную власть в руках одного человека, своего незаконнорожденного сына Октавиана (это было личное имя императора Августа)². Будучи уже на смертном одре, Альберико созвал представителей знати и духовенства в усыпальнице Святого Петра и заставил их поклясться, что они изберут папой Октавиана после смерти Агапита II. Они неохотно согласились. После того как в августе 954 г. Альбе-

¹ На самом деле Фламиниева дорога была построена ещё во времена Римской республики. — *Прим. пер.*

² Это было не личное имя Августа, а знак его принадлежности к роду Октавиев после усыновления Цезарем. Личным именем (*praenomen*) Октавиана было «Гай». — *Прим. пер.*

рико скончался, Октавиан узурпировал светскую власть в Риме. Ему пришлось прождать год и четыре месяца, прежде чем он стал папой.

Хотя Альберико делал всё, чтобы удержать Центральную Италию во время своего правления, он привлёк к себе мало внимания. Даже итальянские историки писали о нём немного, и улица (на ней живут представители крупной буржуазии), которая ведёт от Кастель Сант-Анджело почти до Ватикана, Виа Альберико Секондо, остаётся в Риме единственным напоминанием о нём. Из всех пап, назначенных Альберико, Агапит оказался самым способным. Он играл важную роль в западноевропейской политике и участвовал в создании епископальных структур в Дании, а затем в обращении её жителей в католицизм, распространив юрисдикцию диоцеза Гамбург—Бремен на скандинавские страны. Горячий поклонник короля Оттона I, он отправил папского легата епископа Марина ко двору Оттона. Агапит дал понять, что желает увенчать Оттона императорской короной, однако Альберико не позволял какому-либо иноземному правителю, сколь угодно могущественному, вступать в пределы Патримония. Это было мудрое решение, учитывая, что всего шестью годами позже Оттон I прибыл в Рим, начал реформу папства и попытался оказать давление на кланы, особенно на Теофилактот. Однако решение сосредоточить светскую и церковную власть в руках своего юного сына привело к катастрофе. Тот потерял большую часть того, чего достиг его отец, Альберико, а до него Теофилакты.

Агапит умер в начале декабря 955 г. В полном соответствии с обещанием, данным Альберико, представители римской верхушки быстро избрали Октавиана папой 16 декабря 955 г. Выборы прошли ещё при жизни предыдущего понтифика, что противоречило каноническому праву. Но на это не обратили внимания. Имя «Октавиан» сочли слишком языческим, поэтому в качестве папы он стал называться Иоанном XII (955—964), однако в светских делах он оставался Октавианом. Ему, родившемуся около 937 г., было семнадцать или восемнадцать лет, когда он стал папой. О его матери ничего не известно. Это могла быть Альда, которая, как передают, являлась *concubina* Альберико (это слово в те времена означало жену), или другая его наложница. Даже если мы не без скептицизма отнесёмся к характеристике Октавиана как совершеннейшего развратника, которую дал ему Лиутпранд, то он всё равно остаёт-

ся одним из самых распутных пап. У него играли гормоны, он не умел хоть сколько-нибудь контролировать свою похоть. Но ещё хуже была полная неспособность Октавиана продолжать умелую политику своего отца.

Во времена его правления Рим стал быстро погружаться в хаос, нарастали межфракционные склоки. Различные кланы контролировали свои районы города, их люди расхаживали по его улицам, безнаказанно грабя и убивая. Даже будучи папой, Иоанн действовал как главарь банды молодых головорезов, которые терроризировали горожан и паломников. По словам Лиутпранда, он превратил Латеранский собор в «бордель... Он силой затаскивал в постель женщин из числа паломниц, вдов, а равно и девушек». Звучали обвинения в изнасилованиях паломниц в соборе Святого Петра. В психологическом отношении в этих рассказах много неясного, напоминающего сознательное святотатство. В одном пассаже Лиутпранда, напоминающем арию Лепорелло со списком из моцартовского «Дон Жуана», говорится, что Иоанн держал группу женщин, некоторые из них «весьма симпатичные дамы, которые... из-за диеты стали тонкими, как тростник, другие же были обычными пышнотелыми шлюхами. Ему это было всё равно». Он был настолько влюблён в одну из своих наложниц, что отдал ей отторгнутые у церкви земли, золотые кресты и чаши, которые являлись священной собственностью самого святого Петра»¹. Какая-либо целостная политика с его стороны отсутствовала, он управлял, руководствуясь по преимуществу импульсами. Примером этого стало нападение на Капую и Беневенто в 958 г. в надежде на расширение территории Патримония. Его армия потерпела поражение, а сам папа бежал во время беспорядочного отступления.

Несмотря на это, церковная администрация продолжала функционировать, вероятнее всего, благодаря секретарям, которые справлялись с потоком корреспонденции. Иоанн предоставил паллии (знаки власти) архиепископам Генриху Трирскому, Оскителю Йоркскому и Дунстану Кентерберийскому. Он проявил интерес к монашеству, оказав поддержку бенедиктинским монастырям в Субьяко и Фарфе.

К 959–960 гг. печально известный Беренгарий II, сам мало чем отличавшийся от разбойника, настолько усилился, что стал серьёз-

¹ Лиутпранд Кремонский. Хроника. IV.

но угрожать Патримонию. Многие римляне чувствовали: нужно что-то делать, чтобы остановить Беренгария и реформировать папство. Казалось, оставалась единственная надежда на далёкого саксонского короля Оттона I, чья звезда возшла в Германии. На Иоанна оказывали всё возрастающее давление с тем, чтобы он пригласил Оттона и увенчал его короной Священной Римской империи. Иоанн поначалу сопротивлялся, но в конце концов отпустил кардинала-диакона Иоанна и секретаря (*scriniarius*) Аццо умолять Оттона прибыть в Италию и освободить римскую церковь от тирании Беренгария. Сознывая, что он теперь «стоит во главе христианского Запада [и] стремясь повысить свои достоинство и престиж в глазах Византии», Оттон основательно подготовился к своему первому визиту в Рим¹. Оттон разрешил проблему престолонаследия, добившись избрания королём своего шестилетнего сына и совершив обряд коронации. Затем он собрал большую армию, в начале зимы 961 г. пересёк Альпы и вступил в Ломбардию. Беренгарий отступил перед германской армией. Оттон восстановил порядок в Северной Италии и в конце января 962 г. двинулся в Рим, чтобы принять императорскую корону. Его сопровождал Лиутпранд Кремонский, который бежал от двора Беренгария и стал одним из чиновников Оттона. Его *Liber de Rebus Gestis Ottonis* («Книга о деяниях Оттона») повествует о свершениях Оттона в Италии. Здесь Лиутпранд ведёт речь о событиях, свидетелем которых он стал, хотя нам всегда нужно помнить, что он держал сторону Оттона против римских кланов, особенно Теофилактов.

На праздник Введения во храм (2 февраля 962 г.) Оттона «приняли [в соборе Святого Петра] с великим торжеством и неслыханной пышностью, он был помазан в качестве императора Иоанном, верховным епископом и предстоятелем вселенской церкви»². «Добро пожаловать», конечно, омрачалось взаимным недоверием и отвращением со стороны Оттона, поскольку он вынужден был позволить провести коронацию такому ничтожеству. Кроме того, он столкнулся с глухим недовольством населения Рима, вынужденного подчиняться германским «варварам». Во время коронации Оттон держал своих рыцарей поблизости

¹ Partner P. Op. cit. P. 87.

² Лиутпранд Кремонский. Хроника. III.

на случай возмущения. Согласно «Хронике» Титмара Мерзебургского (IV. 32), он сказал своему юному оруженосцу: «Сегодня, хотя я молюсь в чертогах апостолов, нам по-прежнему надлежит держать меч наготове. Я отлично знаю, что верность римляни моим предшественникам часто вызывала подозрения». После коронационной мессы новый император преподнёс Иоанну щедрые дары и принёс традиционную клятву оберегать и защищать римскую церковь. В ответ Иоанн и римские олигархи поклялись в верности Оттону на могиле Святого Петра, обещая не иметь дел с изменником Беренгарием. Однако реалист Оттон воспринял клятву со стороны римлян без особого доверия. Назвать кого-либо «римлянином» было равносильно оскорблению: это означало, что он бесчестный, не заслуживающий доверия и неискренний человек.

Через несколько дней Оттон выпустил *Privilegium Ottonianum*, грамоту, в которой регулировались отношения между ним самим и папой. Судя по данным *Liber pontificalis*, Оттон перед своим отъездом из Рима попытался откровенно поговорить с Иоанном по поводу «всего его образа жизни и о [творимых им] прелюбодеяниях» и просил его вести себя иначе¹. В конце концов, Оттон был самым опытным в Европе воином и государственным деятелем, с отличными советниками, а Иоанн неопытным юнцом, которого окружали доносчики и который без колебаний мог переменить позицию. Однако всё оказалось напрасно; поведение Иоанна оставалось прежним, им руководили сиюминутные потребности и собственная похоть. Это поначалу давало ему преимущество перед Оттоном, который нуждался в советах и осторожно пытался разобраться в тонкостях итальянской политики, время от времени поражаясь импульсивным выходкам Иоанна.

Например, едва Оттон покинул Рим, как антинемецкая партия в Риме убедила Иоанна сменить фронт и предложить императорскую корону Беренгарии. Однако с ним временно исчезла связь, поскольку его активно преследовал Оттон, так что Иоанн пригласил сына Беренгария, Адальберта, вернуться из изгнания и приехать в Рим в сопровождении сарацин Фраксинета. Одновременно он начал заигрывать с мадьярами. Неясно, чего ожидал Иоанн XII от этих странных альянсов. Не имея последовательной политиче-

¹ Цит. по: Mann H.K. Op. cit. Vol. 4. P. 254.

ской линии, Иоанн везде и всегда искал союзников, которых мог бы противопоставить Оттону. Он ясно чувствовал, что новый император вынашивал замыслы реформы папства.

Оттон отправил Лиутпранда в Рим в качестве посла, и, когда тот сообщил ему о нечестной игре со стороны Иоанна, он, что весьма примечательно, отнёсся к этому терпимо, ответив, что Иоанн «ещё совсем ребёнок, и вскоре станет другим человеком, если добрые люди подадут ему благой пример. Я надеюсь, что благожелательные наставления и великодушные увещания быстро излечат его от этих пороков»¹. Однако погоня за Беренгарием помешала Оттону возвратиться в Рим и дать ему благожелательные наставления. Отряды Оттона поймали Беренгария и его жену Виллу в ловушку в крепости Монтефельтро, близ нынешнего Сан-Марино. Вынужденного капитулировать Беренгария сослали в Бамберг, где он умер, а Виллу отправили в монастырь. У Оттона были теперь развязаны руки для того, чтобы заняться Иоанном, Адальбертом и непокорными римлянами.

1 ноября 963 г. он вернулся в Рим. При его возвращении Иоанн и Адальберт бежали в Тиволи, захватив с собой из папской казны столько, сколько смогли увезти. С отъездом папы разбираться с кризисом пришлось Оттону. Он собрал синод римской церкви в соборе Святого Петра, чтобы решить, что надлежит делать. Присутствовали важные персоны: здесь были шесть епископов из других стран и тридцать девять из самой Италии, двенадцать кардиналов (приходские священники Рима) и множество местных церковных и светских влиятельных лиц. Это собрание стало теологическим и каноническим прецедентом суда и низложения папы, а также назначения нового. В отличие от других мест своего труда, где его стиль раскован, в рассказе о синоде Лиутпранд осторожен в вопросах идентификации участников собрания и при цитировании их слов. Он был экспертом по итальянским и особенно римским делам при дворе Оттона. На синоде обнаружилась степень его влияния на итальянскую политику при Оттоне I.

Заседания начались 6 ноября 963 г. с обращения Оттона к собранию и приглашения Иоанну участвовать в работе синода. Несколько кардиналов предложили рассмотреть его дело: папа слу-

¹ Лиутпранд Кремонский. Хроника. V.

жил мессу, сам не получая причастия; он рукополагал епископов и диаконов за деньги; он прелюбодействовал; он развлекался охотой; он ослепил своего «духовного отца Бенедикта»; он отрезал гениталии кардиналу-диакону Иоанну и умертвил его; он предавал огню дома, появлялся на людях вооружённым, пил вино «из любви к дьяволу» и призывал на помощь языческих богов во время азартных игр. Что же касается прелюбодеяний, то его обвинили в «плотском общении» (что означало, вероятно, изнасилование) «с вдовой Райнерия Стефанией, любовницей его отца, вдовой Анной и его собственной племянницей и в том, что он превратил... [Латеранский] дворец в бордель и обиталище блудниц». Поскольку римляне «не могли понять его саксонского наречия», Оттон попросил Лиутпранда написать синоду на латинском от его имени. Лиутпранд потребовал, чтобы все присутствующие подкрепили обвинения клятвой, которую они и принесли. Затем Оттон пригласил Иоанна возвратиться в Рим и ответить на обвинения. Иоанн в ответ отправил гонца, который пригрозил всем участникам синода отлучением от церкви, если они изберут другого папу¹.

Оттон созвал синод в расширенном составе, пригласив туда ещё больше епископов как из Италии, так и из других стран. Папскую угрозу отлучения в случае низложения восприняли как «подобающую скорее глупому юнцу, нежели епископу», и в ответ синод вновь потребовал, чтобы Иоанн лично ответил на обвинения. В противном случае, как заявили участники синода, «мы пренебрежём своим отлучением и обратим его против тебя, поскольку вполне имеем право поступить так»². Посланцы, которым вручили ответ для Иоанна, не смогли разыскать его, он, очевидно, был на охоте.

Оттон собрал синод в третий и последний раз 4 декабря 963 г. Согласно Лиутпранду, он оправдывал своё вмешательство в папские дела перед собравшимися клириками, а затем призвал синод принять решение. Как и всякий хороший политик, он, конечно, прекрасно знал заранее, какое решение будет принято. Представители римского клира выступили с инициативой низложения Иоанна. «Мы, таким образом, просим Ваше императорское величество: пусть это чудовище, погрязшее в пороках, будет исторгну-

¹ Лиутпранд Кремонский. Хроника. X.

² Там же. XIV.

то из лоно римской церкви и пусть другого назначат на это место». Когда Иоанн был лишён сана, император предложил синоду называть кандидатуру. Они ответили: «Мы выберем папой нашего пастыря Льва, почтенного главного нотариуса святой римской церкви (протонотария), человека высоких достоинств... и мы тем самым низлагаем отступника Иоанна из-за его порочного образа жизни»¹. Два дня спустя после его избрания папой при всеобщем согласии и одобрении Лев VIII (963–965) был инаугурирован в качестве папы.

Оттон и Лиутпранд, таким образом, сумели сместить одного из худших понтификов в истории папства. Однако они плохо уяснили, насколько переменчивы настроения римлян. Они также допустили ошибку, рассматривая Иоанна исключительно как духовного владыку, и забыли о его политической роли в Патримонии. Низложив папу Иоанна, синод де-факто также лишил власти принцепса Октавиана, светского правителя Рима. Синод обладал полномочиями вмешиваться лишь в церковные дела, тогда как принцепс Октавиан по-прежнему имел сторонников среди населения Рима. Не желая терпеть отстранения Октавиана от власти, месяц спустя, 3 января 964 г., римляне подняли восстание. Оно было сравнительно легко подавлено, однако Оттон не мог остаться в Риме навсегда, особенно если учесть, что сын Беренгария, Адальберт, занимал Сполето.

Император покинул Рим в конце января, чтобы заняться Адальбертом. Без него, чтобы удерживать город в спокойствии, согласно Лиутпранду, «женщины, с которыми так называемый папа Иоанн привык предаваться своим сладострастным утехам, весьма многочисленные и знатные, начали возбуждать римлян, чтобы они свергли Льва... и вернули Иоанна обратно в Рим». Этот пассаж, по-видимому, не более чем женоненавистнические словесные экзерсисы Лиутпранда. Вероятнее всего, что к восстанию жителей подговаривали представители антигерманской партии, которые и прежде поддерживали Октавиана. Так или иначе, но Льву пришлось бежать к Оттону, чтобы спасти жизнь, и в феврале Иоанн вернулся в Рим. Он начал жестоко мстить тем, кто попал в его руки и открыто выступал против него, например кардиналу-диакону Иоанну и протонотарию Азону. «Первому из них он отрубил

¹ Там же. XV, XVI.

правую руку, а второму отрезал язык, два пальца и нос»¹. Кроме того, Иоанн созвал небольшой синод из перепуганных клириков, которые 26 февраля отменили решение синода, проведённого Оттоном, и низложил Льва как узурпатора.

Разгромив и изгнав Адальберта, Оттон начал готовиться к походу на Рим. После бесплодных попыток примирения Иоанн бежал в Кампанию, где, как уверяли сплетники, умер от инсульта, когда предавался любовным утехам с замужней дамой. Согласно другой версии, его поймали с поличным, когда он наставлял рога её мужу (по словам Лиутпранда, дьявол поймал его в свои сети), который так сильно ударил его, что тот умер через несколько дней, 14 мая 964 г., отказавшись от последних таинств². Прежде чем Оттон смог возвратиться в город, римляне, игнорируя Льва VIII, вызывавшего их неприязнь как ставленника Оттона, избрали 22 мая 964 г. папой Бенедикта V. Затем они обратились с просьбой к Оттону, который находился в Риети, чтобы тот признал Бенедикта понтификом, поскольку он слыл человеком добродетельным и к тому же сторонником реформы папства.

Разъярённый Оттон отверг эту просьбу и осадил Рим. 23 июня 964 г. город капитулировал. Бенедикт, отказавшийся защищаться, был немедленно низложен, с него сорвали регалии, а его самого отправили в ссылку в Гамбург, где он умер через два года. Интересно, что даже нрооттоновски настроенный хронист Титмар Мерзебургский подвергает косвенной критике поведение императора в этой ситуации. «Могущественный Август, император римлян, — пишет Титмар, — согласился низложить апостолического владыку именем Бенедикт, пред лицом Христа сильнейшего, коего никто не мог судить кроме Бога, обвинив его, как я надеюсь, несправедливо, и в конце концов отправил в изгнание в Гамбург» (Хроника. II. 28). Лев VIII умер 1 марта 965 г.

Задержка в семь месяцев произошла из-за того, что епископ Марин из Сутри и изувеченный протонотарий Азон отправились в Рим к Оттону из Саксонии просить, чтобы Бенедикту позволили вернуться в Рим в качестве папы. Оттон оставил эту просьбу без внимания, уведомив делегатов, что желает избрания Иоанна по прозвищу Епископ, епископа Нарнии. Лиутпранд и Отгер Шпай-

¹ Лиутпранд Кремонский. Хроника. XIX, XX.

² Там же. XIX.

ерский сопровождали двух делегатов в Рим, и Иоанна Епископа, другим прозвищем которого было Белая Курица, поскольку он имел светлые волосы, 1 октября 965 г. единодушно избрали папой под именем Иоанна XIII.

Два месяца в городе, где отсутствовало единство, длилось восстание против нового папы, посаженного Оттоном. Это восстание было вызвано усилиями папы подчинить себе кланы. Согласно монаху Бенедикту из Монте-Соратте, цель Оттона состояла в том, чтобы «уничтожить их (кланов) власть и влияние, доведя до рабства»¹ — оценка, вероятно, правильная. Иоанн XIII был избит толпой, заключён в тюрьму, а затем отправлен в изгнание. Но к ноябрю 966 г. прогерманская партия в Риме вновь усилилась, и Иоанну XIII предложили вернуться обратно. Он простил своих врагов. Иное дело Оттон, который, обуреваемый яростью, подступил к Риму на Рождество 966 г. Двенадцать предводителей восстания были повешены, другие отправлены в изгнание, префект города был подвешен за волосы, затем вымазан в смоле, облеплен перьями и, наконец, провезён на осле по всему городу на всеобщее осмеяние.

Эта история особенно наглядно иллюстрирует тот факт, что папы были в гораздо большей степени епископами Рима, нежели главами вселенской церкви. Все понтифики того времени являлись креатурами того или иного властителя или властительницы. Конечно, папская канцелярия продолжала вести переписку с церквами различных стран как на Востоке, так и на Западе, но политические горизонты папства ограничивались в X веке Центральной Италией. В этом смысле его позиция не особенно изменилась по сравнению с началом X в., когда местные интересы считались куда более важными, чем вопросы более общего характера, связанные с государством и управлением. Этот акцент на местных делах, как мы увидим, и в дальнейшем осложнял отношения римлян с Оттоном и его преемниками.

Доведя нашу историю до 960-х годов, мы забежали вперёд. Однако Рим и области Северной и Центральной Италии являли собой яркий пример упадка центрального управления и постоянной нестабильности, обусловленных действиями захвативших

¹ Бенедикт из Монте-Соратте. Хроника. XXXIX.

власть выскочек, типичных для первой половины X в. Бесплодность усилий Оттона I имела причиной столкновение между итальянским и собственно римским локализмом и отсутствием какой-либо внятной концепции суверенитета с германскими представлениями об обширном объединённом государственном образовании, с хорошо организованной системой управления и чётко определённой политикой. Это главный вопрос X в.: как заново выработать общую идею центральной власти и соотнести географические представления, такие, как Германия, Франция и Италия, с конкретными государственными образованиями? Руководимые саксонскими монархами, германцы стали первыми, кто достиг этого. Две последние главы повествуют о том, как трудно было реформировать папство с его сочетанием духовной власти над церковью и светской над папским государством.

Во второй части мы вернёмся в IX век, чтобы увидеть, как оказались утраченными единство и эффективная система управления, творцом которых являлся Карл Великий. Этот распад был обусловлен как внешними, так и внутренними причинами. Внешними силами, разрушившими империю Каролингов, стали викинги, сарацины и мадьяры, чьи вторжения ускорили гибель упорядоченного мира, созданного Карлом Великим. Но главными причинами были всё же внутренние. В отсутствие традиции первородства (наследование власти старшим сыном) упорядоченное государство Карла быстро развалилось в результате того, что современник событий — хронист Регион Прюмский назвал «раздором королей»¹. И до тех пор, пока эти проблемы сохранялись, отсутствовала какая-либо возможность вернуться к нормальной системе управления государством и церковью.

---

¹ Регион Прюмский. Хроника (под 888 г.).

Часть вторая

МИР ВО ВЛАСТИ ХАОСА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Враги христианства

В 885 г. Париж представлял собой маленький, притом уязвимый городок (*civitas*). Его население составляло около 3000 человек; весь он умещался на острове Иль-де-ля-Ситэ, что на реке Сене. В дальнейшем население возросло, и Париж превратился в один из мировых центров, каким мы его знаем. Однако в то время, о котором идет речь, его едва не стерли с лица земли. Осада, начавшаяся 25 ноября 885 г., поставила под угрозу само его существование.

Крупные силы викингов приблизились к городским укреплениям. Их предводитель Зигфрид потребовал, чтобы местный епископ Жослен (бывший также настоятелем аббатства Сен-Жермен-де-Пре) пропустил их корабли вверх по Сене: их целью были богатые города близ Марны и в Северной Бургундии. Для парижан появление викингов не было новостью: впервые те прибыли сюда сорок лет назад, в 845 г. С тех пор французы не раз пытались откупиться от них, но это лишь подбадривало захватчиков, и они появлялись снова и снова. Они возвращались в 856–857, 861 (тогда они пытались сжечь город), 865–866 и в 869 гг. К 885 г. французы свыклись с тем, что викинги активно пользуются водными путями в поисках добычи. Однако на сей раз нападение отличалось от прежних: оно было хорошо организовано.

Нельзя сказать, что парижан застали врасплох. В начале 880-х годов город обнесли надёжными стенами. В 864 г. через Сену перекинулся низкий мост, который должен был послужить препятствием для врагов на случай, если бы те вздумали двинуть свои суда вверх по реке. Из-за этого викингам пришлось переправлять лодки по суше вокруг города и тем самым подставиться под удар противника. Два таких моста — Большой и Малый — соединяли остров Иль-де-ля-Ситэ с берегом в нижнем течении реки; оба

моста защищали сторожевые башни: одна каменная, другая деревянная.

Нападению викингов на город предшествовали переговоры между Зигфридом и епископом. Предводитель викингов прошествовал в «покой славного пастыря» Жослена. Приветствовав епископа кивком, он обратился к нему: «Смилостивься над собою и паствой своей», добиваясь разрешения для своего войска миновать Париж и обещая: «Тогда мы не тронем ничего [в городе]». Жослен ответил отказом. Прежде он уже имел дело с викингами: двадцать пять лет назад они захватили его в плен, и он обрел свободу только ценой значительного выкупа. Епископ прямо заявил, что император Карл Толстый (882–887) поставил его охранять город; окажись ты на моем месте, спросил он Зигфрида, как бы ты поступил? Предводитель викингов честно ответил: он предпочел бы, чтобы голову отсекли мечом и бросили собакам, но не сдался бы. Однако, продолжал он, если его воинам не будет обеспечена возможность беспрепятственно пройти через город, «наши осадные машины на рассвете [начнут] метать в вас отравленные стрелы; с рассветом узнаете вы муки голода». Зигфрид пригрозил, что осада может продлиться «годы»¹. Угроза в какой-то мере сбылась: осада продолжалась одиннадцать месяцев, и к тому времени, как ее удалось снять, Жослен скончался, вероятно, от чумы.

До наших дней дошло описание осады, принадлежащее перу бесхитростного молодого монаха Аббона из Сен-Жермен-де-Пре, весьма приукрашенное фантазией автора. Во всех описанных им событиях ему мерещится рука Всевышнего. Он задается вопросом: с какой целью Господь наслал на город ужасное проклятие викингов? Святую Женевьеву и святого Жермена, покровителей города, он изображает настоящими защитниками Парижа: город спасен благодаря их непосредственному вмешательству, поскольку они заступаются за него перед Богом. Нирмал Дасс, переводчик хроники Аббона, справедливо замечает: «Средневековое сознание насквозь пропитано теологией... Искать здесь конкретные [исторические] сведения в высшей степени бесполезное занятие, ибо... [с точки зрения людей Средневековья] действие приобретало

¹ *Abbon of Saint-Germain-des-Prés. Bella parisiacae urbis // Viking Attacks on Paris. Leuven, 2007. Lines 37–60, 31.*

смысл, только будучи помещено в возвышающий его теологический контекст»¹.

Подобно многим своим современникам, Аббон утверждает, что викинги были посланы богом в наказание грешникам. Правители и народ, нетвердые в вере, пытались уйти от беды, откупившись от врага. В его повествование также включены истории о простых воинах-храбрецах, о мудром епископе — их предводителе и о бесстрашном молодом графе по имени Одон (Эд) Парижский, сражившемся с язычниками и одержавшем над ними победу. Тем не менее этот текст оставляет впечатление некоторой незрелости. Кажется, что Аббон изо всех сил старается поразить нас загадочными греческими и латинскими словами и выражениями, а также поэтизмами, заимствованными из классической литературы, надеясь «угодить» читателю².

Ещё за сто лет до осады Парижа викинги представляли собой серьёзную угрозу. Положение можно было поправить, выслав флот, который патрулировал бы море и охранял сушу, но Карл Великий не сделал этого. В результате уже с начала IX в. переправа с континента в Британию через Ла-Манш стала делом небезопасным. Более того, викинги фактически держали под контролем Северное, Ирландское и Балтийское моря, а также пути в Исландию и Гренландию, пролежавшие через Северную Атлантику. И Западная Франкия (Франция) с её большими судоходными реками, плодородными долинами, богатыми монастырями и городками (*civitates*) казалась им особенно привлекательной целью.

Из Бертинских анналов, охватывающих историю западного мира на протяжении большей части IX в., недвусмысленно следует, что вторжения викингов носили повсеместный характер. Источники также свидетельствуют, что эффективно действующая центральная власть, способная оказать сопротивление, в то время отсутствовала: с 840 г. сыновья Людовика Благочестивого вели гражданскую войну против слабеющей империи Каролингов. Викинги воспользовались открывшейся возможностью: они ринулись на беззащитные деревни.

Нападения начались в 841 г., причем атакующие использовали в качестве путей сообщения реки. Ещё до этого, между 834 и

¹ Introduction // Ibid. 12.

² Letter of Dedication // Ibid. 25.

837 гг., викинги совершили четыре набега на земли вдоль Рейна. Теперь же, в условиях гражданской войны, натиск усилился и вторжения участились. Первыми пострадали порт Дуурстед, богатый город с многочисленным населением (он находился на реке Лек неподалеку от Утрехта в устье Рейна), и Квентовик, расположенный в шести милях (примерно в десяти километрах) от побережья на севере Франции. В 841 г. «флот северян на расвете учинил внезапное нападение на эмпорий [торговое поселение] под названием Квентовик, разграбил его и подверг опустошению, перебив или взяв в плен жителей обоого пола. В городе не осталось ничего, за исключением зданий, которые [враги] пощадили, взяв за это плату»¹. Квентовик, ныне не существующий, был, «вероятно, важнейшим морским портом... франкских земель»². Используя такие водные пути, как Сена, викинги атаковали в 845 г. Париж, в 863 г. Ксентен, город в нижнем течении Рейна, а в 859 г. добрались до Пизы. Свои суда они зачастую использовали в качестве баз, с которых делали вылазки в глубь вражеской территории, где грабили монастыри и небольшие города.

Викинги умело использовали междоусобные распри своих противников. Так, в мае 843 г. герцог Нантский был убит во время нападения на его город, находящийся на реке Луаре, своим соседом Ламбером, чьи земли лежали в долине Луары ниже по течению, и Номино, бретонским правителем. Через две недели в результате ответного удара Ламбера изгнали из Нанта. За этим последовал период полного безвластия; воцарился настоящий хаос. «Столько величайших бедствий последовало, покуда разбойники рыскали всюду и везде, что по всей Галлии людям пришлось есть землю, куда добавляли лишь немного муки и из этого пекли хлеб». Ничего лучшего викинги не могли и пожелать, так как у них имелись все возможности, чтобы моментально воспользоваться ситуацией. В июне 843 г. «пираты с Севера напали на Нант, убили епископа, и многих монахов, и мирян обоих полов, и разграбили *civitas*. А затем они двинулись на западную Аквитанию, чтобы опустошить и ее»³.

¹ Бертинские анналы (под 841 г.).

² Hill D. et al. Quentovic Defined // Antiquity. Vol. 64. 1990. P. 51.

³ Бертинские анналы (под 843 г.).

Поначалу рейды носили сезонный характер: это давало возможность викингам поспеть обратно в Скандинавию ко времени сбора урожая. Но затем они начали останавливаться на зимовку на островках, где было легко обороняться, таких, как Уассель вблизи Руана или Жефосс неподалёку от Вернона, находящихся ниже Парижа по течению Сены. Они основали и другие сезонные поселения. Адревальд, монах из аббатства Сен-Бенуа-сюр-Луар близ Орлеана, сообщает, что отряд викингов перезимовал «в становище, близ которого оставил свои корабли, неподалеку от монастыря Флери. Они поставили свои хижины... и держали толпы пленников в цепях, сами же отдыхали... Они совершали неожиданные нападения из своего лагеря иной раз на кораблях, иной верхом и разорили всю провинцию»¹. Другой монах, Эрментарий из Нуармутье, пишет, что викинги «заполонили» остров Нуармутье к югу от устья Луары. Он добавляет, что «число кораблей растёт, бесчисленные толпы северян множатся, христиане повсюду подвергаются избиению и становятся жертвами поджогов, разрушений, грабежей... Они захватывают каждую *civitas*, к которой подступают, и никто не противостоит им. Они заняли Бордо, Перигё, Лимож, Ангулем и Тулузу. Анжер, Тур и Орлеан лежат в развалинах».

Когда викинги захватили остров Нуармутье, насельникам монастыря Сен-Филибер пришлось бежать. Эрментарий пишет, что он и его товарищи-монахи направились вверх по течению, в Сомюр; с собой они везли мощи Святого Филибера. Он также сообщает, что «вверх по Сене поднялся большой флот викингов. Зло поразило три области: Руан, на который они напали и который разграбили и сожгли; Париж, Бове и Мо, который они захватили, и крепость в Мелёне, которую они сровняли с землей; Шартр взят, Эврё и Байё разорены, все прочие города в осаде»².

«Бертинские анналы» сообщают, что в 845 г. зима «была необычайно суровой... [и] в марте 120 кораблей, принадлежавшие северянам, двинулись вверх по Сене на Париж, предавая огню и мечу все [поселения] на обоих берегах и не встречая ни малейшего противодействия. [Король] Карл [Лысый] предпринял попытки

¹ *Adrevaldus Floriacensis. Ex miraculis S. Benedicti* (цит. по: Cambridge Illustrated Atlas of Warfare: The Middle Ages, 768–1487. Cambridge, 1986. P. 20).

² MGH SS. Vol. 15 (1). P. 298, 302.

организовать сопротивление, но понял, что, вероятнее всего, люди его не смогут одержать верх. Итак, он заключил с ними договор, вручив им 7000 фунтов [серебра] в качестве выкупа; он удержал их от дальнейшего продвижения и убедил их уйти»¹.

Даже после этого викинги «на обратном пути вниз по Сене к морю жгли и грабили; они опустошили все прибрежные земли». Но, как утверждают «Анналы», возмездие настигло их: так как они разграбили и сожгли монастыри, «над ними свершился суд Божий (иных поразила слепота, иных безумие), и до того суровый, что лишь немногие спаслись, дабы возвестить остальным о могуществе Господа нашего»². В ходе другого вторжения, через три дня после Рождества 856 г., силы викингов вновь атаковали и частично сожгли Париж. Ещё один отряд напал на Тур и соседние с ним земли. В 857 г. захватчики поднялись вверх по Сене, «опустошая все на своем пути и не встречая сопротивления», снова заняли Париж и разрушили несколько церквей; прочие они пощадили, лишь получив выкуп. Они также предприняли нападение на близлежащий город Шартр. Епископ Фротбалд «вынужден был бежать, не имея даже лошади; он попытался пересечь вплавь реку Эр, но воды сомкнулись над ним, и он утонул»³.

Смертельный страх, который повсюду сеяли викинги, заставлял франкских вождей откупаться от них, дабы те ушли хотя бы на время. Характерен отклик на упомянутые события монаха Пасхазия Радберта, проникнутый духом пораженчества и отчаяния. Непосредственно в связи с нападением викингов на Париж в 857 г. он пишет: «Кто бы мог поверить или счесть возможным, что в наших краях в наше время нас поразят столь ужасные несчастья? Итак, ныне нас держат в страхе эти пиратские шайки, что грабят предместья Парижа и предают огню церкви Христовы на берегах Сены... Кто мог знать, что столь славное королевство, укрепленное, обширное, густонаселенное и мощное, подвергнется унижению и поруганию со стороны племени столь гнусного?»⁴

Однако были и те, кого капитулянтская тактика приводила в ярость. Эрментарий из Нуармутье замечает, что франки «отдают

¹ Бертинские анналы (под 845 г.).

² Там же.

³ Там же (под 856–857 гг.).

⁴ PL. Vol. 120. P. 1220.

и качестве выкупа то, что должны были бы защищать силой оружия, и владения христиан опустошены»¹.

Одним из самых тяжелых стал 865 год. Викинги «поднялись по Сене; их флот насчитывал пятьдесят судов». Другие тем временем плыли по Луаре вверх по течению, пользуясь попутным ветром, и благодаря тому попусцием Божиим сумели учинить мощнейшее нападение. Достигнув монастыря Святого Бенедикта, известного под названием Флери, они сожгли его. По пути назад они сожгли Орлеан и монастыри как в *civitas*, так и за ее пределами; нетронутой осталась лишь церковь Святого Креста, кою, вопреки великим усилиям северян, так и не охватило пламя. Затем они двинулись вниз по реке, и, разграбив все близлежащие земли, воротились в свой лагерь².

Другой отряд (а возможно, этот же самый) «направился пешим ходом на Пуатье, не встречая сопротивления». Викинги сожгли город и воротились на свои суда, не потерпев никакого ущерба. Но в конечном итоге они всё же не остались безнаказанными. Робер, граф Анжерский, догнал их и «перебил более 500 человек... не потеряв ни одного из своих людей». Возможно, викинги устроили пир по случаю победы и в момент атаки были слишком пьяны, чтобы постоять за себя. В октябре 865 г. они напали на аббатство Сен-Дени, расположенное дальше к северу, близ Парижа, «и оставались там около двадцати дней. Всякий день они переносили добычу из монастыря на свои суда и, наконец, награбив более чем достаточно и не встретив ни малейшего сопротивления, воротились в лагерь неподалёку от монастыря»³. Прежде они уже атаковали монастырь в 858 г., захватили в плен аббата Людовика, внука Карла Великого, и выпустили его лишь после того, как он в ответ на их требования выплатил им огромный выкуп.

Единственным способом задержать викингов было строительство деревянных заграждений через небольшие реки, такие, как Уаза и Марна. Но сильное течение могло разрушить их; кроме того, они постоянно нуждались в ремонте. И если на обоих берегах

¹ Цит. по: *Coupland S. The Frankish Tribute Payments to the Vikings and Their Consequences // Francia. Vol. 26. 1999. P. 46.*

² Бертинские анналы (под 865 г.).

³ Там же.

не стояли крепости, викинги просто перетаскивали свои суда по суше, минуя препятствия.

866-й год оказался ещё тяжелее предыдущего.

Северяне поднялись вверх по течению Сены к крепости близ города Мелён. Отряды Карла Лысого выдвинулись по обе стороны реки. Северяне высадились для атаки, хотя, казалось, противник был сильнее и многочисленнее, [чем они]... Северяне обратили врага в бегство, даже не вступив в бой, и воротились к своему народу на судах, гружённых добычей. Карл заключил мир с этими людьми, цена коего составила 4000 фунтов серебра, отмеренного викингами. Для выплаты этого выкупа жители королевства были обложены податью: с каждого свободного манса¹ взымали по шести денариев. Три денария требовали с каждого надела, принадлежавшего серву [и занимавшего приблизительно такую же площадь], один денарий с каждой акколы (владение меньшей площади) и по одному денарию с каждых двух госпиций² (очень небольшой участок). С каждого торговца брали десятую часть стоимости товаров; податью обложили и священников, величина же ее определялась тем, кто каким имуществом владел... Далее, все уведённые в рабство северянами и сумевшие бежать после заключения договора либо подлежали возвращению [викингам], либо должны были внести выкуп, назначенный ими; если же кто-то из северян был убит, то за него выплачивалась вира, денежный штраф, какой требовали его соплеменники³.

Очевидно, противодействие викингам со стороны франков носило нерегулярный характер и часто зависело от того, занят был тот или иной аристократ-головорез войной со своим соседом или нет. Многие из них радовались, когда викинги нападали на их противников. Правительство Карла Лысого было недостаточно сильным, чтобы что-нибудь предпринять; об этом свидетельствуют поистине грабительские поборы, которыми оно обложило население, чтобы откупиться от викингов. В течение нескольких десятилетий натиск викингов всякий раз приводил к капитуляции

---

¹ Надел свободного земледельца площадью от 50 до 120 акров.

² Бертинские анналы (под 865 г.).

³ Там же (под 866 г.).

франков. Но кто-то должен был оказать сопротивление, и отказ епископа Жослена пойти на соглашение с Зигфридом означал, что к 885 г. чаша терпения переполнилась, даже если это касалось лишь немногих.

Численность тех, кто находился на Иль-де-ля-Ситэ, считая население окрестных земель, сосредоточившееся в Париже в 885 г., составляла от 3000 до 4000 человек. Жослен и Одон должны были провести тщательные подсчеты, чтобы оценить свои возможности выстоять в сражении с викингами, учитывая, что в их распоряжении находились всего 200 человек, способных носить оружие; им предстояло оборонять область площадью около 22 акров (9 гектаров). Они были уверены, что их укрепления выдержат натиск прага.

У них хватало сведений о готовящемся нападении. Налетчики вошли в Сену 25 июля 885 г.; им потребовалось четыре месяца, чтобы преодолеть 145 миль (234 километра) по извилистой реке от Руана до Парижа. Это был слишком значительный срок, даже если принять во внимание, что гарнизон Понтуаза задержал их на несколько недель. Они двигались со скоростью улитки, делая немногим больше одной морской мили в день. Аббон сообщает, что, когда викинги прибыли к Иль-де-ля-Ситэ, их силы насчитывали 40 000 человек, а также «700 высоконосых кораблей и множество малых судов», такое великое множество, что «глубокие воды» Сены «на две лиги вниз по течению» были сплошь покрыты ими¹.

Очевидно, эти цифры значительно преувеличены. Кэррол Гилмор показал, что небольшие суда, на которых викинги переправлялись по рекам, имели около 60 футов (18 м) в длину и 8,5 фута (2,6 м) в ширину при осадке около 1,5 фута (0,5 м); команда каждого судна насчитывала от 26 до 30 человек. Даже если в Сену вошло 200 таких судов, на них находились приблизительно 5200 человек. Но даже эта цифра кажется завышенной, если учесть, каких усилий стоила бы такому количеству викингов добыча пропитания в окрестных землях во время путешествия. Одна только фуражировка заняла бы массу времени. (Кстати, это объясняет медлительность викингов по пути к Парижу.) Эти логистические

¹ *Abbon. Bella parisiacae urbis*. I. Lines 28–36.

выкладки заставляют нас предположить, что у викингов, вероятно, было приблизительно 85 судов и около 2000 человек, что всё же являлось значительной силой. Вероятно, Аббон прибег к преувеличению, чтобы дать понять читателю, какое великое чудо исходило от святых Женевьевы и Жермена и какой героизм проявили Одон, Жослен и горстка оборонявшихся под их предводительством христиан¹.

Осада Парижа началась на следующий день после переговоров Зигфрида с епископом Жосленом. «Прыгнув в лодки, — пишет Аббон, — даны двинули их к башне и начали метать в нее камни и осыпать стрелами». Башня, которую он имеет в виду (каменная), стояла на том месте, где теперь находится Плас дю Шатле. При нападении викинги использовали катапульты, метавшие камни, и обстреливали защитников из луков. Оказавшийся в гуще боя племянник Жослена аббат Эболус «был поражён острой стрелой». Заметим, что участие монахов в битве было обычным делом: например, как мы уже знаем, папа Иоанн X охотно сообщал о своем участии в боях с сарацинами. В любом случае, рана была легкой, поскольку уже на следующий день Эболус вернулся в строй. «Одним копьём он пронзил семерых данов и в шутку предложил... отнести их на кухню»².

Очевидно, целью викингов было уничтожить каменную башню, важное оборонительное сооружение, к тому моменту ещё не достроенное. Тем не менее Аббон сообщает, что ее «крепкий фундамент уходил в землю» и что в первую же ночь наверху возвели деревянный ярус, сделав таким образом крышу³. Он описывает, как в течение двух дней викинги пытались сделать подкоп под башней и заминировать ее, а также поджечь все деревянные постройки, бывшие в пределах их досягаемости. В какой-то момент эти попытки привели к тому, что поднявшийся густой дым понесло прямо на них, и они вынуждены были отойти, но их жены (как пишет Аббон) осмеяли их и, пристыдив, заставили вернуться на поле боя. Правда это или преувеличение, но Аббон описывает викингов как трусов, что составляет резкий

¹ Gillmor C. War on the Rivers: Viking Numbers and Mobility on the Seine and Loire, 841–886 // Viator. Vol. 19. 1988. P. 79–109.

² Abbon. Bella parisiacae urbis. I. 63–64, 69, 109–110.

³ Ibid. I. Lines 79–80.

контраст с героизмом воинов-христиан графа Одона и аббата Эболуса.

Через пять дней ожесточенных боев происходящее, похоже, надоело викингам. Они приготовились к осаде, разбив лагерь близ Сен-Дени, очевидно планируя, что она будет продолжаться всю зиму. В середине зимы начались сильные дожди; Сена вышла из берегов, и, как сообщает Аббон, «в ночной тишине разрушилась средняя часть моста; ее унесло разбушевавшимся течением»¹. На следующее утро отряд викингов проник за преграду с тем, чтобы продолжить рейд, двигаясь вверх по течению к Мансу и Шартру, основные же силы осаждавших остались на месте. Но даже в этих условиях Иль-де-ля-Ситэ продолжал держаться. Аббон поясняет, что происходило это главным образом благодаря храбрости Одона и солдат, умелому командованию Жослена и мощам Святой Женеьевы, которые выносили на стены, когда положение становилось угрожающим.

Однако осада ещё не окончилась. В апреле 866 г. в Париже начали свирепствовать болезни и голод. В числе жертв оказался и сам епископ Жослен. Положение викингов тоже оставляло желать лучшего. Согласно «Анналам Святого Веста», в результате их ежедневных нападений «многие [викинги] погибли и ещё больше выбыло из строя из-за ранений»². Вождь викингов Зигфрид покинул место осады, но командование принял Ролло, его правая рука. Тем временем граф Одон проскользнул через расположение викингов и отправился к Карлу Толстому с просьбой прийти и помочь снять осаду. На обратном пути в Париж Одон попал в ловушку, подстроенную викингами; ему пришлось с боем пробиваться к Иль-де-ля-Ситэ, причем под ним убили лошадь. В конце зимы 886 г. под Париж прибыл Генрих Фульдский, доверенное лицо Карла в вопросах боевых действий против викингов, но его попытки оттеснить викингов не имели успеха, так как армия Генриха была измучена переходом в условиях зимы.

После того как спало весеннее половодье, викинги предприняли новую попытку захватить Иль-де-ля-Ситэ, но 600 парижан отбили атаку и «сокрушили врага. [Викинги] сдавались, бежали и падали под ударами», пишет Аббон, истолковывая события в

¹ Ibid. I. Lines 504–505.

² Вестаинские анналы (под 886 г.).

обычной для него манере, т.е. максимально благоприятным для защитников города образом. Даже тех, кто искал убежища в храмах, не пощадили и перебили «около трехсот данов» (цифра, возможно, преувеличенная)¹. Но, несмотря на серьезные неудачи, викинги продолжали осаждать город до тех пор, пока в октябре 866 г. не прибыл сам император Карл. Он привел с собой большую армию, которой поначалу удалось рассеять врага. Но когда он отвел свои силы на Монмартр и расположился на отдых, отряд викингов прорвался вверх по реке и двинулся грабить Бургундию. В условиях отсутствия слаженной системы борьбы с викингами Карлу, чтобы они не трогали его земли, вновь пришлось заплатить им выкуп 700 фунтов серебра, и те наконец сняли осаду и ушли из-под Парижа в 887 г. Решение императора привело парижан в ярость, однако их героическое противостояние врагу имело политические последствия. Это подтвердилось после низложения и смерти Карла в 888 г., когда Одона избрали королём Западной Франкии.

Осада Парижа стала важнейшим событием в череде кровопролитных происшествий, продолжавшихся с 789 по 950 г. Она была не только первым случаем длительного, затянувшегося противостояния викингам (впервые случилось так, что захватчики вынуждены были перейти к долгой осаде); важнейшее значение имел тот факт, что они не добились успеха. Вместе с тем, хотя случившееся означало, что силы викингов слабеют, истина заключалась в том, что отряды, совершавшие набеги, потерпели поражение не столько от рук франков, сколько от природных катаклизмов. Страшная засуха 892 г. стала причиной неурожая, голода и мора. Захватив весьма скудную добычу, викинги покинули Западную Франкию и напали на Британию.

Вторжение викингов в Европу привело не только к массовой гибели людей и разрушениям, оно имело свое значение для культуры. Браки между христианами и викингами способствовали скорейшей христианизации последних. Христианство также проникало на скандинавские территории по мере того, как вожди викингов вступали в имущественные отношения с христианскими правителями. В этом процессе часто затрагивались различные аспекты как верований скандинавов, так и христианства. Видукинд

¹ *Abbon. Bella parisiacae urbis*. II. 321, 327.

Корвейский сообщает: «Даны уже приняли христианство, но, несмотря на это, поклоняются идолам и совершают языческие ритуалы»¹. Переизбыток населения в Скандинавии, а также благоприятные климатические условия (так называемый Средневековый климатический оптимум) привели к эмиграции викингов на основании колоний на Шетлэндских и Фарерских островах и, наконец, в Исландии, где они обнаружили ирландских монахов-отшельников, прибывших на остров на двести лет раньше. (Монахи искали уединения и с этой целью отправлялись в наиболее труднодоступные места.)

В ранних поселениях викингов в Исландии действовали законы кровной мести, но в 930-е годы колонисты пришли к созданию своего парламента *альтинга*; его деятельность основывалась на сочетании аристократического и демократического начал. Именно этот орган на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры принял решение о том, что официальной религией должен стать католицизм. Недавно принявший крещение в Англии норвежский король Олаф Трюгвассон в 995 г. направил в Исландию германского миссионера по имени Тангбранд, но его проповедь не имела успеха у островитян. Олаф остался недоволен и сообщил им об этом в весьма недвусмысленных выражениях. Из страха перед гневом короля на альтинге заговорили о том, что обращение в католицизм будет мудрым шагом. В 1000 г. островитяне решили принять новую веру, благодаря чему им стали доступны латинская письменность и культура, а Исландия стала частью христианского мира. Это, в свою очередь, активизировало торговлю и способствовало налаживанию контактов.

Переселенцы на Гренландии появились из Исландии в 986 г. Это произошло благодаря отступлению североатлантических льдов, что позволило исландцам достичь острова, несмотря на постоянные перемены погоды и туманы. Поселенцы (их возглавлял знаменитый своей жестокостью Эрик Рыжий) обнаружили, что на юго-западном побережье Гренландии имеется как раз достаточно земли для ведения натурального сельского хозяйства. Отступление льдов на море в период Средневекового климатического оптимума также позволило наиболее храбрым обитателям Гренландии обнаружить и быстро заселить землю, названную ими Винланд, на

¹ *Widukind. Res gestae saxonicae sive annalium libri tres. III. 65.*

восточном канадском побережье. Недавно обнаруженные археологические данные свидетельствуют, что они высадились на северо-восточной оконечности Ньюфаундленда и основали колонию в Л'Анс-о-Медоуз, где обитали в течение трех лет. Вначале они торговали с индейцами (по-норвежски они называли их *скрелингами*) красной материей, которой крыли овчинные шубы, однако между поселенцами и местными жителями вспыхнул конфликт, и в 1002 г. викинги уплыли навсегда. Поселение в Гренландии, однако, было выстроено на славу и разрушилось не ранее середины XV в., когда начался малый ледниковый период и Северная Атлантика вновь замерзла.

Викинги также сыграли колоссальную роль в англосаксонской и ирландской истории. Мы ещё вернёмся к ним, когда речь пойдет о Британии и Ирландии. Теперь обратимся к наибольшей опасности, нависшей над христианской Европой в тот период и исходившей со стороны распространявшегося с огромной скоростью ислама.

Ислам (это название переводится с арабского как «покорность» Аллаху) — монотеистическая религия, зародившаяся в VII в. на Аравийском полуострове. Ее основатель Мухаммед, коего мусульмане почитают за последнего из всех пророков и занимающего самое высокое положение среди них, утверждал, что священная книга ислама Коран была в буквальном смысле продиктована ему по-арабски, т.е. на его родном языке, архангелом Гавриилом. После смерти Пророка в 632 г. ислам продолжили распространять муллы (проповедники). Их задача облегчалась тем, что ислам очень простая религия, не отягощенная догматическими сложностями.

Распространению ислама также способствовали военные походы, успех которых был прямо-таки ошеломляющим. Ещё до кончины Мухаммеда мусульмане фактически взяли под контроль значительную часть Аравийского полуострова; затем арабы быстро захватили прежде находившиеся под властью христианской Византии провинции: Палестину в 636 г., Сирию в 640 г., Кипр в 649 г. Натиск на Византийскую империю не ослабевал, и современники сомневались, сможет ли она его выдержать. Сам Константинополь несколько раз подвергался осаде в период с 674 по 678 г. Уничтожив Персидскую империю Сасанидов, мусульмане из Египта устремились на запад и захватили христианскую Север-

ную Африку. В 698 г. они взяли Карфаген, а в 708 г. достигли Танжера на Гибралтарском проливе. Вторжение в Испанию началось в 711 г. Мусульмане заволодели Пиренейский полуостров, пересекли Пиренеи и взяли Тулузу в 721 г. В конце концов их продвижение было остановлено предводителем франков Карлом, чья пехота нанесла им поражение в битве, произошедшей где-то между городами Тур и Пуатье 25 октября 732 г. Карл получил прозвище Мартелл (молот), и это имя так и осталось за ним. Лишь через сто лет интенсивность исламской экспансии пошла на убыль. За этот период Дар-аль-ислам, «Дом ислама» (занятая мусульманами территория) расширился до невероятных размеров.

Понемногу европейские армии начали теснить мусульман на границах. В 752 г., при Пипине III Коротком, франки начали борьбу с захватчиками и постепенно оттеснили мусульман за Пиренеи. Сын Пипина, Карл Великий, продолжил кампанию и в период с 777 по 795 г. оттеснил арабов ещё дальше, за реку Эбро. Она оставалась границей между христианской и мусульманской частями Испании (последняя именовалась Аль-Андалус) почти до конца X в. В связи с этим ответным натиском, а также стабилизацией ситуации при Пипине и Карле Великом следует упомянуть и другие события — военные успехи Византии, вернувшей себе часть малоазийских владений при императоре Льве III (717–741).

Тем не менее мусульмане продолжали использовать недостатки обороны Византийской империи. Кроме того, они фактически определяли границы владений европейцев, поскольку контролировали Северную Африку и значительную часть Пиренейского полуострова. Тем самым римское католичество не распространялось за пределы Европейского континента, если не считать ближайших островов Британии и Ирландии. В IX и X вв. *сауфа*, летние походы сарацин, стали источником постоянной угрозы для южной части Европы. Бельгийский историк Анри Пиренн считает, что арабские завоевания отрезали Европу от Средиземноморья и застопорили ее экономическое развитие¹. Отметим и другой, более важный факт: контроль мусульман над Средиземноморьем изолировал римское католичество, ограничив его распространение Европой, и ускорил его отделение от православия. В XI в. разделение церквей фактически завершилось.

¹ Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. New York, 1939.

В начале XI в. начался второй этап экспансии ислама. В Северной Африке сложились две новые силы — династия Идрисидов в Марокко и династия Аглабидов, под властью которой находились территории современных Алжира, Туниса и отчасти Ливии. В 870 г. Аглабиды захватили Мальту, а в 878 г. вторглись на Сицилию, находившуюся под властью Византии. Они оказали поддержку пиратам-сарацинам, и те с новой силой устремились на Северную Италию. Не только римлян, но и всех обитателей Центральной Италии охватил ужас: они видели, что арабы (как пишет Барбара М. Крейтц) «приближаются и вот-вот захватят всё Центральное Средиземноморье»¹. В ответ на эти угрозы возникло что-то вроде «приграничного христианства», находившегося в постоянных сношениях с сарацинами; их переговоры сделались неотъемлемой частью политической жизни Южной и Центральной Италии². Как мы уже знаем, Южная Италия состояла из целого ряда маленьких христианских княжеств; раздробленность характеризовала и полосу земель, принадлежавших Византии. В борьбе с соперниками эти маленькие государства зачастую заключали союзы с сарацинами и приглашали их как наемников. Это привело к общей дестабилизации в регионе, наблюдавшейся до тех пор, пока сарацины не потерпели поражения при Гарильяно в 915 г.

Особенно лакомым куском сарацинам казался Рим с его богатыми церквями и святилищами. Кроме того, их побуждала к натиску на этот центр христианской жизни идея джихада — «священной войны», подразумевавшая, что основополагающая цель благочестивого мусульманина — это повсеместное распространение ислама и обращение неверных. Благосостояние Рима пришло в упадок, поскольку из-за вероятности нападения сарацин альпийские перевалы стали небезопасны, и количество посещавших его паломников из Северной Европы сократилось. Папа Иоанн VIII, пытавшийся с помощью как подкупа, так и дипломатии объединить княжества Северной Италии в борьбе с сарацинами (и потерпел неудачу), замечал, что в Кампанье «те чувствуют себя как дома» и

¹ *Kreutz B.M.* Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries. Philadelphia, 1991. P. 26.

² *Engreen F.E.* Pope John the Eighth and the Arabs // *Speculum*. Vol. 20. 1945. P. 321.

зачастую приближаются к самым стенам Рима во время набегов; они захватывают пленных, которых обращают в рабов, чинят насилие и убивают¹. Горожане уже не могут выходить за городские стены, чтобы собирать урожай на засеянных ими полях. Одновременно мусульмане не ослабляли натиск на византийскую Сицилию и к 902 г. завоевали весь остров. В итоге Средиземное море, можно сказать, превратилось в исламское озеро.

Пираты-сарацины не давали покоя и обитателям побережья Прованса. Лиутпранд утверждает, что в 888 г. двадцать сарацин из Аль-Андалус, сбившись с курса, высадились в местах, ныне называемых Лазурным берегом. Они основали лагерь во Фраксинете (ныне Ла Гард-Френе), на гребне одной из лесистых гор Массиф-де-Моро (Гор Мавров); он находился на 1300 футов (на 400 м) выше Сан-Тропе. Лиутпранд упоминает, что поначалу сарацины использовали для защиты колючие плети росшей в горах ежевики. При них ежевика стала «ещё выше и толще, чем прежде, и если кто-то натыкался на плеть, она пронзала его, словно острый меч»². Подобно тому как викинги извлекли выгоду из раздоров, царивших в империи Каролингов, сарацины воспользовались беспорядками в Провансе. «Подстрекаемые завистью и взаимными подозрениями, [жители Прованса] принялись резать друг другу глотки, захватывать имущество друг у друга и творить всевозможные бесчинства... Они призывали на помощь вышеупомянутых сарацин, людей столь же вероломных, сколь и хитрых, и вместе с ними обрушились на своих соседей»³. Налицо ещё один образчик «приграничного христианства», причем сарацины объединялись с одними местными правителями, чтобы поживиться за счет других.

Число воинов во Фраксинете пополнилось за счет новых пришельцев из Аль-Андалус, и вскоре они принялись грабить монастыри в Провансе. Они двинулись к перевалам через Альпы, и в результате важнейшие пути, по которым осуществлялось сообщение и торговля, стали небезопасны. Флодоард сообщает о нападениях на паломников, направлявшихся в Рим или возвращавшихся оттуда, в 921, 936, 939, 940 и 951 гг. В 921 г. сарацины вызвали в

¹ Цит. по: *The Lands of St. Peter*. Berkeley and Los Angeles, 1972. P. 67.

² *Liutprand*. Antapodosis. I. 3.

³ *Ibid*. I. 4.

горах обвал, уничтоживший группу «путешественников из-за моря» (*transmarine*) английских паломников; впоследствии путешественники из Англии и Франции не раз подвергались нападениям на перевалах¹. Дж.Э. Тайлер пишет, что сарацины, «распространившиеся вдоль Альп... по-видимому, полностью освоились в условиях гор». Они разбили сезонные лагеря близ дорог, проходивших через горы, взяли под контроль перевал Сен-Бернар и в 940 г. проникли в верховья Роны, где разрушили Сен-Морис и продвинулись на север до самого Сен-Галля². В 972 г. они захватили в плен аббата Майоля Ключийского, преодолевавшего перевал Сен-Бернар вместе со своей свитой. Сарацины подошли к делу весьма практично: они взяли с него выкуп в 1000 фунтов серебра, но лишь после того как он вступил с ними в богословский диспут. Франки не раз и не два пытались изгнать разбойников, однако ситуация изменилась лишь после того, как Оттон I решил разобраться с ними раз и навсегда. В 972 г., в преддверии прибытия германского императора, благодаря вмешательству Гильома Арльского лагерь сарацин во Фраксинете был уничтожен.

Одно из наиболее тяжелых последствий набегов сарацин было связано с их обыкновением захватывать пленников для продажи в рабство. «Бертинские анналы» сообщают о набеге сарацин на Марсель в 838 г. «Они увели всех монашек, коих жило здесь великое множество, а также мужчин, монахов и мирян, опустошили город и унесли с собой все сокровища из божьих храмов»³. Затем они продали этих монашек и клириков в рабство. Помимо Европы, мусульмане захватывали рабов в африканских землях севернее Сахары; в рабство также попадали славяне из Восточной Европы, тюрки из Центральной Азии; реже на невольничьих рынках появлялись англосаксы, ценившиеся за светлый цвет кожи. Само английское слово *slave* (раб) происходит скорее от слова *Slav* (славянин), нежели от латинского *servus*, означающего «раб» или «слуга» (ср. английское *servant*).

На тот момент рабство в Западной Европе было довольно редким явлением, зато процветало в Византии и в мусульманском

¹ Флодоард Реймский. Анналы (под 921, 936, 939, 940 и 951 гг.).

² Tyler J.E. The Alpine Passes in the Middle Ages (962–1250). Oxford, 1930. P. 53–54.

³ Бертинские анналы (под 838 г.).

мире. Католическая церковь осуждала рабство, но тем не менее захваченные викингами невольники из Уэльса и Ирландии (многие ещё подростки) продавались в таких портах, как Гуль, Бристоль, Венеция и Барселона, поскольку на них был велик спрос в мусульманских странах. Существует расхожее мнение, будто в поддержании работорговли во многом виноваты евреи-посредники, но, конечно, в неё были вовлечены и христиане, и мусульмане. На Западе существовали свои крупные центры работорговли — Верден, Лион и Венеция; главные рынки сбыта рабов в мусульманском мире находились в Кордобе и Каире. Многих мужчин-рабов, предназначенных на роль домашней прислуги или евнухов в гаремах, кастрировали, и, разумеется, эта чрезвычайно болезненная операция проводилась без какого бы то ни было обезболивания.

Как мы упоминали выше, сарацинская угроза в Италии в большой мере сошла на нет в результате победы итальянцев в сражении при реке Гарильяно близ города Минтурны в 915 г. К концу X в. мусульманский мир распался на части. Однако его единство всё же сохранялось благодаря исламу — вере, исповедовавшейся населением Северной Африки, Испании, Ближнего Востока, юга Руси, Индии и Западного Китая. Люди разных национальностей поклонялись Аллаху, почитали Пророка, говорили и писали по-арабски, читали одни и те же священные книги и поддерживали экономические связи между своими странами.

В последнее время много пишут о вкладе арабов в сокровищницу европейского знания, а именно о том, что арабы сохранили философию греко-римского мира. Считается, что сравнение арабского мира и «примитивной» христианской Европы с ее варварством оказывается не в пользу последней. Однако энтузиасты-постмодернисты в пылу увлечения идеями мультикультурализма и постколониализма забывают, что эти знания арабы получили прежде всего из греческих и ближневосточных христианских манускриптов (хотя нельзя недооценивать и источники из Индии и Китая). Арабы были проводниками этих знаний, но никак не их создателями. Более детально мы коснемся этой проблемы в разделе, посвященном мусульманской Испании.

Однако остается открытым вопрос: как объяснить столь высокую скорость распространения ислама и невероятные успехи, достигнутые мусульманами? Как вышло, что в течение десяти лет

Византийская империя потеряла три имевшие важнейшее значение провинции: Сирию, Египет и Палестину, а следом за ними пала и Северная Африка? Отчасти причина заключается в том, что события развивались с такой быстротой, что византийцы не успели подготовиться к борьбе. Отметим также, что, после того как ислам стал господствующей религией на Аравийском полуострове, его дальнейшее распространение оказалось связано с идеологией джихада, подразумевавшей стремление сделать ислам всеобщей религией и создать мировое мусульманское государство. Ислам учит, что каждый человек по природе своей мусульманин и что долг каждого мусульманина и всех исламских государств состоит в распространении ислама. Коротко говоря, джихад — это неустанный энергичный натиск, имеющий целью обращение в ислам словом или мечом. Существует изречение (хадис), приписываемое Мухаммеду, в котором джихад сравнивается с институтом монашества у христиан: «Монашество мусульман это джихад». (Мухаммед сталкивался с такими формами христианского монашества, как подвиги веры отшельников, удалившихся в пустынь, и жизнь религиозных общин, подчинявшаяся весьма суровым правилам.)

Джихад позволяет уловить самую суть различия мусульманской и византийской военной доктрины того времени. Под влиянием христианского вероучения Византия уже несколько столетий не вела захватнических войн, сосредоточившись в первую очередь на защите собственных границ. Вследствие этого византийские императоры придерживались в целом оборонительной позиции и не пытались перехватить инициативу и атаковать мусульман. Унаследовав Восточную Римскую империю, они попросту сочли, что Господь вверил им населяющие ее христианские народы, дабы те жили в мире под их властью. «В Византийской империи... господствовал дух пацифизма. Настоящие византийцы ненавидели войну; одной из насущных задач их правителей было поддержание мира. В этом они следовали Князю Мира, наместниками коего на земле считали себя»¹.

Философ Жак Эллул подчеркивает, что само представление о войне как средстве распространения веры уходит своими корнями

¹ *Romilly J. Byzantium: The Imperial Centuries AD 610–1071. Toronto, 1987. P. 273.*

в ислам. «Война — неотъемлемая составляющая ислама. Она предписывается мусульманским вероучением. Идея войны неотъемлема от представления о том... что весь мир должен стать мусульманским, поскольку, по сути своей «ислам единственная религия, которая в полной мере соответствует сущности [человека]»¹. Эллул утверждает, что раннее христианство всегда с подозрением относилось к идее войны, поскольку Иисус учил: «Прощайте врагам своим» и «Возлюби врага своего». Однако христиане усвоили урок, преподанный мусульманами, и к XI в. христианство оказалось поражено идеями Крестовых походов и священных войн. Эллул также утверждает, что ислам выдвинул идею верховенства закона над любовью, в результате чего закон приобрел исключительную ценность. Юрист заменил теолога. Это привело к активной разработке канонического права, в дальнейшем игравшего в католицизме исключительную роль.

Третьей угрозой стабильности западного христианского мира были мадьяры. Народ, говоривший на языке финно-угорской группы, впервые появился на восточных границах Франкии в 862 г.; местом же происхождения мадьяр считается территория между западными склонами Уральских гор и Волгой. Затем они откочевали на южнорусские земли, лежащие севернее Черного моря. Мадьяры быстро передвигались на своих низкорослых выносливых лошадях и представляли собой грозную военную силу. В чем заключались причины их переселения на запад в конце IX в., неясно. Очевидно, печенеги, ещё один полукочевой народ, находившийся в союзе с булгарами, сыграл в этом свою роль: печенеги атаковали земли, где обитали мадьяры, в отсутствие основных сил последних (мадьяры в то время вторглись в Великую Моравию, славянское королевство). «Дабы уберечься от новых неожиданных нападений печенегов, [избранный мадьярами предводитель] Арпад повёл на запад свой поредевший народ, дабы обрести надёжное пристанище на Среднем Дунае близ Карпат»².

Поселившись на поросших травой равнинах Центральной Европы, мадьяры сделали то же открытие, что и викинги и арабы:

¹ Ellul J. The Subversion of Christianity. Grand Rapids, MI, 1986. P. 99.

² Kosztolnyik Z.J. Hungary Under the Early Arpads, 890s to 1063. Boulder, CO, 2002. P. 5.

они быстро сообразили, что междоусобная борьба в Западной Европе им на руку и что они могут захватить богатую добычу. Магьяры были превосходными тактиками. Сражаясь, они быстро перемещались с места на место и мастерски изображали отступление, а затем резко разворачивались, беря противника в кольцо и поражая его тучей стрел с костяными наконечниками, причем стреляли не спешиваясь. В своем сочинении под названием «Тактика» византийский император Лев VI Мудрый (886–912) подробно анализирует стратегию магьяр (которых называет тюрками). Он пишет, что они «многочисленны и независимы... [и] заботятся лишь о том, чтобы храбро противостоять врагам». Ими движет скорее страх, замечает он, нежели любовь; они «стойко [переносят] тяготы и лишения. Они одинаково хорошо переносят жару и холод, а также отсутствие необходимого, будучи кочевым народом». Они «склонны к вмешательству в чужие дела... враждебны и ни во что не верят. Охваченные неутолимой жадой золота, они презируют клятвы и нарушают договоры, которые сами же заключили». Лев утверждает, что они добиваются своего «не столько применяя грубую силу, сколько обманывая, нападая врасплох и перекрывая [противникам] пути подвоза провианта». Описав оружие, коим пользуются магьяры, Лев указывает, что они чрезвычайно искусны в верховой езде «и уделяют значительное время усердным упражнениям в стрельбе из лука» (речь идет о конных лучниках). В путешествиях с ними всегда бежит «огромный табун лошадей, малорослых коней и кобыл». Подробно описав боевую тактику магьяр и подводя итоги, Лев пишет, что они «предпочитают атаковать издали, устраивать засады, окружать противника, делать вид, что отступают, поворачивать вспять и рассредоточиваться». Преследуя отступающего противника, они не знают жалости и не успокаиваются, пока не «уничтожат» его «полностью». Кормятся они грабежами; «нехватка пастбищ наносит им великий урон, ибо они приводят с собой огромные табуны». Лев сообщает, что «так как детство и юность они проводят верхом, то пешком могут пройти недолго» и потому в рукопашном бою не представляют особой опасности. Они никогда не пытаются взять укрепленные базы противника штурмом, по прибегают к осаде. Они даже используют дымовые сигналы для поддержания связи между отрядами. В Западной Европе они дошли до Отранто в Италии и Нима во Франции, где наводили не меньший ужас, нежели викинги. Однако, в

отличие от викингов, они никогда не селились на территориях, которые грабили¹.

Мадьяры по большей части не встречали сопротивления, пока наконец им не нанёс поражение император Оттон I в битве близ реки Лех южнее Аугсбурга в августе 955 г. Заметим, что в основном мадьяры понесли потери уже после битвы, когда во время отступления переправлялись через реки, преследуемые германскими войсками. После сражения на Лехе вожди мадьяр убедились в том, что Оттон I объединил германские земли и Западная Европа перестала быть легкой добычей. В 955 г. у венгров появился новый предводитель, князь Такшонь, и при нём мадьяры пересмотрели свою прежнюю тактику набегов. Христианские миссионеры из Византии и Германии начали проповедовать на землях Германии, и люди, которые, по словам Лиутпранда, отвечали на благой призыв «*Kyrie eleison*» («Господи, смилуйся над нами») злобными бесовскими воплями «Хей, хей», смогли познакомиться с верой, которую в скором времени им предстояло принять. Такшонь скончался в 971 г.; ему наследовал его сын Геза, заключивший мир с Оттоном II и крещенный Вольфгангом Регенсбургским, которого направил к нему епископ Пассау. Вероятно, принимая христианство, Геза преследовал прежде всего политические цели; он распространил Христову веру среди своего народа. Титмар Мерзебургский (в его «Хронике» Геза именуется Деувиксом) пишет: «Когда он стал христианином, то для упрочения новой веры весьма сурово обходился с теми подданными, кто ей противился, и таким образом, пылая рвением к Богу, смыл старый свой грех. [Тем не менее] принося жертвы и всемогущему Богу, и прочим лживым богам, он, будучи обвинен в этом своим епископом, отвечал, что, поступая так, стал сильным и богатым. Жена его, носившая славянское имя Белекнегини (Белая княгиня), что значит «прекрасная госпожа», пила сверх меры и, совершая однажды путь на коне, подобно воину, убила в порыве сильного гнева некоего мужа»². Похоже, это была чудесная пара!

Несмотря на противодействие населения, недовольного насильственным введением христианства, Геза сумел сосредоточить

¹ Лев VI Мудрый. Тактика. 18. 40–73.

² Титмар Мерзебургский. Хроника. VIII. 4 (пер. И. В. Дьяконова).

власть в своих руках, сделал столицей город Эстергом и создал армию (хотя по сравнению со своими соседями он может считаться миролюбивым правителем). Его сын Вайк впоследствии преставился под именем Иштвана (Стефана). Родившийся в 970-е годы и получивший хорошее образование, Стефан наследовал престол в 997 г., причем не обошлось без борьбы за власть. Именно он сделал Венгрию христианской страной.

Итак, мы видели, как язычники использовали распри европейских правителей-христиан, вызванные падением империи Каролингов. Теперь поговорим о том, как эти распри ввергли Европу в политический хаос, и о том, как ее спасли от этого хаоса германские короли, восстановившие порядок во власти.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ссора королей

В 6 часов утра, в субботу, 25 июня 841 г., близ Фонтенуа-ан-Пюизе, ныне крохотной деревушки в 22 милях (35 км) южнее французского города Осера, началось самое крупное, кровопролитное и пагубное по своим последствиям сражение IX в. Сколько в точности воинов в нём участвовало, неизвестно. Мы знаем, что погибли от 25 до 30 тысяч человек и значительно больше получили ранения; отсюда можно сделать вывод о величине армий и ожесточенности сражавшихся. Битва стала частью того, что немецкие историки именуют *Brüderkrieg*, братоубийственной войной. В том бою на одной стороне сражались войска императора Лотаря, на другой его брата Людовика Немецкого и их сводного брата Карла Лысого. Все трое являлись сыновьями Людовика Благочестивого, и битва эта оказалась лишь одним из целого ряда событий продолжительной войны между ними. Битва положила конец возможности восстановления единства империи, куда входили Франция, Германия, страны Бенилюкса, Италия и Северная Испания. Отец троих сыновей, Людовик Благочестивый, унаследовал её от своего отца, Карла Великого. После сражения при Фонтенуа шансы Западной Европы на установление порядка и появления твердой власти, заботящейся о благе подданных, оказались утрачены.

Столь кровавой развязки можно было бы избежать: согласно заслуживающим доверия «Четырём книгам истории» Нитхарда, Карл и Людовик провели перед сражением три дня в переговорах с Лотарем. Они умоляли его «вспомнить о том, что они братья... просили оставить в покое Церковь Божию и весь христианский мир», готовы были пойти на уступки ради соглашения. Нитхард, состоявший на службе у Карла Лысого и сведущий как в военном деле, так и в политике, утверждает, что Лотарь пошел на хитрость. Делая вид, будто он склонился на просьбы Карла и Людовика, он хотел выиграть время и дожидаться прибытия войск под командованием Пипина II Аквитанского. Когда же тот подоспел, Лотарь прервал переговоры. Итак, «Людовик и Карл встали с рассветом, поднялись на вершину горы¹ близ лагеря Лотаря... и стали ждать, когда придут войска Лотаря и пробьёт второй час (шесть утра)... Когда же все сошлись [вместе], то вступили в жестокий бой»².

Поле сражения представляло собой плоское пространство, окруженное низкими холмами. По-видимому, линий противостояния противников образовалось две, поскольку Карл и Людовик атаковали Лотаря с разных холмов. Вести войско в битву при Фонтенуа, на чьей бы стороне оно ни сражалось, было делом нелегким, поскольку армии X в. были не такими высокоорганизованными и дисциплинированными, как нынешние, и система командования в них не отличалась чёткостью. Общее руководство находилось в руках императора или короля, но его войска состояли из отдельных отрядов под командованием местных князьков. Они не привыкли ко взаимодействию друг с другом, многие из них прежде враждовали между собой, так что обычно с трудом подчинялись распоряжениям короля. Желание покрыть себя славой, совершая подвиги, оказывалось гораздо сильнее, нежели понятия о дисциплине и повиновении командующему. Даже обученные и находившиеся в хорошей физической форме пехотинцы горели жаждой прославиться в бою, как и их предводители.

В те годы тактика мало менялась от сражения к сражению. Битва начиналась с устрашающих криков пеших воинов. Ядро

¹ На самом деле то был невысокий холм.

² *Nithardus. Historiarum Libri IV. II. 10.*

пехоты составляли *Heerbann*, обученные ополченцы. Обычно именно они наносили первый удар, выдвигаясь вперед в тесном строю, защищенном прочной стеной щитов. Основным их оружием был метательный топор с длинной ручкой. Некоторые носили легкую броню и короткие мечи. В подходящий, с точки зрения командующего, момент он бросал в атаку конных рыцарей (или тех, кто мог позволить себе отправиться на войну верхом). Облаченные в доспехи, имея при себе копьё — основное оружие нападения — и щиты, всадники обычно скакали на крепких конях берберийской породы, сильных, выносливых, норовистых, быстрых, как нельзя лучше подходивших для кавалерийской атаки. За массивными ударами конницы обычно следовали единоборства всадников, сражавшихся на мечах, которые зачастую приводили к гибели или серьёзным ранениям участников.

В течение нескольких часов предполагаемый исход сражения при Фонтенуа оставался неясен. Лишь около полудня в результате атаки кавалеристам наконец удалось прорвать фронт Лотаря. Началась резня, в которой погиб цвет франкской знати. Согласно «Бертинским анналам» (симпатии хрониста на стороне Людовика и Карла), «с обеих сторон погибло немало; ещё больше было ранено. Лотарь потерпел позорное поражение и бежал. Истребление бегущих продолжалось... пока Людовик и Карл, воспламененные великодушием, не приказали прекратить резню»¹.

Нитхард, непосредственный участник битвы, сообщает: «Количество добычи и жертв было огромным и поистине ошеломляющим». Как он утверждает, Карл и Людовик «прекратили бой и захват добычи и возвратились в лагерь... дабы обсудить, что им следует делать дальше»². На следующий день они отслужили мессу, и епископы, сопровождавшие обе армии, испросили о молебствиях и трёхдневном посте ради отпущения грехов и той и другой стороны. Свирепые в бою, франкские пехотинцы в обычной жизни придерживались твердой дисциплины и трезвого образа жизни и были ревностными католиками, причем полагали, что Господь на их стороне. Заметим, что в армии существовала хорошо налажен-

¹ Бертинские анналы (под 841 г.).

² *Nithardus. Historiarum Libri IV. III. 1.*

ная система снабжения. За войском также следовали разнообразные попутчики, среди прочих и маркитанты, поставлявшие солдатам всё необходимое, в том числе и женщин, которые готовили еду и обеспечивали другие бытовые нужды, а также в случае необходимости выступали в качестве проституток. Маркитанты ревностно защищали свой товар и славились злоречием, пристрастием к выпивке и распущенностью.

Битва при Фонтенуа мало походила на сражения наших дней, не напоминала и обезличенные, словно промышленное производство, боевые действия времен Первой и Второй мировых войн. Люди сражались один на один, вооруженные длинными пятифутовыми (полутораметровыми) и короткими трехфутовыми (метровыми) мечами, копьями и пиками (шесть футов (два метра) в длину), кинжалами (от шести дюймов до одного фута), луками и арбалетами, а также ручными топорами. Всё это оружие наносило страшные раны. А. М. Кун исследовал множество средневековых источников, где содержатся описания ран, и обнаружил, что более чем у половины раненых пострадали голова, рука или шея. Очевидно, броня защищала туловище, поэтому больше всего страдала верхняя часть корпуса. По наблюдениям Куна, хуже всего приходилось солдатам, уже не способным защищаться¹. Битвы отличались жестокостью; в сражении ответственность за жизнь человека ложилась на него самого, он или побеждал, или погибал. Отчасти, как нам кажется, так воевали потому, что в те времена вызвать у людей эмоциональный отклик было гораздо проще, а с насилием сталкивались куда чаще, чем в наши дни. Также примем во внимание, что воин, убивая, утолял жажду славы, да притом ещё и верил, что Бог на его стороне. А учитывая тип использовавшегося оружия (мы не говорим о луках или арбалетах), следует сделать вывод, что убить кого-то удавалось, лишь приблизившись к нему, в буквальном смысле, собственными руками. Прибавим, что многие быстро умирали от страшных колотых ран, полученных в сражении, — ведь медицина в середине IX в. являла собой жалкое зрелище. Немало тех, кто погибал такой смертью, вероятно, предпочли бы сразу расстаться с жизнью на поле боя.

¹ Kuhn A.M. Les Blessures de Guerre et L'Armement au Moyen Âge dans L'Occident Latin // Médiévales. Vol. 39. 2000. P. 116.

Итак, какие причины вызвали *Brüderkrieg*¹ и почему три брата затеяли столь ужасную гражданскую войну?

Империя Карла Великого играла важную роль в истории Европы IX–X вв. Карл Великий, или *Carolus Magnus* (Шарлемань), унаследовал франкское королевство от деда, Карла Мартелла, одержавшего победу над мусульманами при Пуатье, и от отца, Пипина III, прозванного Коротким. Карл Великий (человек очень высокий и стройный, в отличие от своего отца) правил с 768 по 814 г. В день Рождества 800 г. папа Лев в соборе Святого Петра в Риме возложил на его голову корону, и он стал властителем Священной Римской империи. Он расширил франкское королевство: если прежде оно включало в себя так называемые Нижние Земли², Юго-Восточную Германию и Северную Францию, то при Карле в него вошли все территории современной Германии, Франции, Северной и Центральной Италии и Северо-Восточной Испании. Император создал эффективные административную и образовательную системы, провел реформу церкви и института монашества, направлял миссионеров к покоренным им язычникам.

Вместе с тем империя Карла была и оставалась искусственным образованием, чья целостность в значительной мере обеспечивалась его личным авторитетом. Ни один из его наследников не был способен сохранить ее единство и удержать власть над ней. Причины ее постепенного распада носили не только структурный характер: сказалось действие центробежных сил, неизбежное в подобных случаях. Народы, каждый со своей историей, законами, языками и традициями, в отсутствие правителя, способного личной властью поддерживать их единство, не желали существовать в рамках единого политического образования. По словам Жака ле Гоффа, франки так и не сумели «усвоить дух государственности»³, несмотря на то, что пытались выстроить систему управления по образцу римской. Итак, после смерти Карла в 814 г. империя начала разваливаться на части.

¹ Братоубийственная война, в данном случае не в переносном, а в прямом смысле. — *Прим. пер.*

² Совокупность исторических областей в равнинном течении и в дельтах европейских рек Рейн, Шельда и Маас: Фландрии, Голландии, Брабанта, Эно и других. — *Прим. пер.*

³ *Le Goff J. Medieval Civilization 400–1500. Oxford, 1988. P. 45.*

Государство также подвергалось ударам извне. Северные и восточные границы постоянно тревожили викинги, славяне и мадьяры, на южных границах бесчинствовали сарацины. И наконец, страна попросту испытывала недостаток в правителях!

Франкские короли относились к своим землям как к частной собственности и потому делили их между сыновьями. Карл пережил двух своих сыновей и потому отказал всю империю третьему. Он оставил сыну государство, простиравшееся от Эльбы до Северной Испании и от Северного моря до территорий, лежащих южнее Рима. Если говорить о личности Людовика, то его французское прозвище, *le Débonnaire*, которое переводится как «Добродушный» или «Снисходительный», пожалуй, более точно характеризует его, нежели вошедшее в обиход англоязычных исследователей *Pious* («Благочестивый»). Братья его скончались; возможные соперники, такие, как его единокровные братья, незаконнорожденные Дрого и Гуго, находились под домашним арестом, и таким образом он вззошел на престол без борьбы.

Людовик тут же принял меры, дабы предотвратить вспышку борьбы за трон в случае его собственной кончины. В 817 г. он издал постановление *Ordinatio Imperii* («Обустройство империи»), согласно которому империю предстояло разделить между тремя его сыновьями. Старший, Лотарь, был коронован как соправитель отца. Других двух сыновей, Пипина и Людовика, он сделал королями, дабы после его кончины они пользовались королевской властью, признавая первенство старшего брата¹. Лотарю достались исконные земли франков вокруг Аахена, Северная Франция и Нижние Земли. Пипин получил Аквитанию, Гасконь и Тулузскую марку, т.е. большую часть современной территории юга Франции между Луарой и Северной Испанией. Людовику Немецкому достались Бавария, Каринтия (южная часть современной Австрии), Саксония и восточные приграничные районы. В 822 г., после жестокого ослепления и смерти короля Италии Бернарда, племянника Людовика, последний «добавил» его владения к «порции» Лотаря.

Хотя империя по-прежнему считалась единой и неделимой, трудно было бы изобрести более эффективный способ привести

¹ *Ordinatio Imperii* // *Select Historical Documents of the Middle Ages* / Ed. E. F. Henderson. London, 1896. P. 202.

ее к катастрофе, чем издание *Ordinatio Imperii*. Система наследования у франков не ориентировалась на принцип первородства, согласно которому старший сын наследует все земли (благодаря чему владения сохраняли целостность). Приняв этот документ, Людовик развязал центробежные силы, и их воздействие на и без того неэффективные административные структуры оказалось роковым. В результате уже самому Людовику пришлось, не зная покоя, умиротворять своих честолюбивых сыновей и, более того, сражаться с ними в ходе трех гражданских войн. Ситуация ещё более осложнилась, когда в октябре 818 г. скончалась первая жена императора, Ирменгарда, и Людовик женился во второй раз. В 823 г. новая императрица, Юдифь, родила сына, получившего имя Карла (впоследствии он стал известен под именем Карла Лысого), и Людовику пришлось искать для него «дополнительное» королевство. Страсти закипели, и *Brüderkrieg* стала неизбежной задолго до того, как царствование Людовика подошло к концу.

Весной 830 г. в результате сложной последовательности событий, включавшей в себя в том числе и оборону Барселоны от мусульман, давнее взаимное недовольство сыновей Людовика и его советников переросло в жёсткую конфронтацию. Первым восстание против отца поднял Пипин; за ним взбунтовался Людовик Немецкий. Лотарь, находившийся в Италии, поспешно направился назад, в Аахен, чтобы защитить свои интересы. В результате дворцового переворота Людовик Благочестивый оказался лишен трона и заточен в монастыре. Власть перешла к Лотарю, но негодование сыновей вскоре угасло. Пипин и Людовик Немецкий оказались под гнетом власти старшего брата; их недовольство быстро обратилось против него, и они принялись интриговать, дабы вернуть власть отцу, что и произошло в октябре 830 г. Но отходчивый Людовик не захотел покарать сыновей. Лотарю пришлось отправиться в Италию, тогда как Пипин и Людовик Немецкий остались и вовсе безнаказанными.

В середине лета 833 г. события разгорелись с новой силой. На сей раз все три брата устроили заговор, дабы сбросить отца с престола. Летом 834 г. вспыхнула гражданская война. В результате Лотарь потерпел поражение и вновь был отослан в Италию. Людовик Немецкий получил приказ оставаться в Баварии. В конце 837 г. по инициативе императрицы Юдифи Людовик передал

Карлу Фризию (прибрежную территорию к северу от Рейна), а также земли между Сеной и Луарой. Когда второй сын Людовика Пипин скончался (это произошло в 838 г.), император отказал Карлу северную часть Аквитании, чем привел в ярость внука, Пипина II, которого в конце концов взял в плен и заточил в тюрьму.

В том же году Людовик Немецкий и Лотарь вновь составили договор. Город Неймеген стал местом очередной ссоры между императором Людовиком Благочестивым и его сыном Людовиком Немецким (это произошло в мае 838 г.). «Бертинские анналы» сообщают, что «произошел великий спор, весьма непохожий на то, чему подобало случиться. Людовик [Немецкий] потерял все земли по ту и по эту сторону Рейна, кои несправедливо отторг у своего отца... а именно Эльзас, Саксонию, Тюрингию, Австразию¹ и Алеманнию»². Но издать постановление ещё не означало на самом деле взять земли под свой контроль. Первоочередная цель, стоявшая перед императором, заключалась в том, чтобы добыть дополнительные территории для передачи сыну Юдифи Карлу. Поэтому, чтобы изолировать Людовика Немецкого, он предпринял следующий ход: предложил разделить империю на две части, одна из которых досталась бы Лотарю, а другая его сводному брату Карлу. Согласно этому плану, Людовик исключался из дележа и ему предстояло довольствоваться Баварией. Император и Лотарь скрепили это соглашение в Вормсе в мае 839 г. Но в руках Людовика Немецкого по-прежнему оставалась значительная часть земель Франконии (центральной части Южной Германии), а также область между Баварией и Рейном. Весной между императором и Людовиком вспыхнул конфликт. Местом действия стали берега Рейна близ Майнца. Когда императорские войска форсировали реку, Людовик отступил в Баварию. Отец не стал преследовать его скорее всего потому, что уже страдал от той болезни, которая свела его в могилу.

Людовик Благочестивый скончался в возрасте шестидесяти двух лет 20 июня 840 г. в своем охотничьем домике «на острове в

¹ Область, включавшая в себя Восточную Францию, Юго-Восточную Германию и страны Бенилюкса

² Бертинские анналы (под 838 г.). А л е м а н н и я — восточная часть Центральной Франции, франкоговорящая часть Швейцарии, Эльзас и Южная Германия.

течении Рейна, лежащем ниже Майнца, ввиду [императорского] дворца Ингельхайм (Ингельгейм)»¹. Безусловно, он заслуживал прозвище *Débonnaire*: отличался легким, добродушным характером и охотно прощал своих жадных до власти сыновей. Но это не объясняет «очевидно самоубийственной политики империи франков», как справедливо выражается Роджер Коллинз². Какие же причины привели к разрушению государства изнутри?

Империя Каролингов, по сути своей, не соответствовала политической, социальной, экономической и даже языковой реальности, сложившейся на местах. Вследствие этого ее судьба мало беспокоила большую часть ее граждан. Она представляла собой идеологический конструкт, разработанный группой церковников, приближенных Карла Великого, — модель, воспроизводившую Римскую империю. Однако они не сумели создать надёжную систему управления, способную справиться с политическими и стратегическими трудностями, коими сопровождалось правление Людовика. В ещё меньшей степени они учли отличия, характеризовавшие народы, которые населяли империю. Когда центральная власть рухнула, в отдельных областях королевства быстро возобладали местные интересы, что открыло возможность захвата власти для энергичных лидеров местных масштабов. А после смерти Людовика ситуация только усугубилась.

Но прежде чем перейти к истории распада империи Карла Великого, коротко остановимся на том влиянии, которое оказывали на события того времени евреи, в особенности те, что имели вес при дворе Людовика Благочестивого. Примером может послужить «достойное сожаления происшествие», «горько разочаровавшее всех детей католической церкви», которое потрясло двор Людовика Благочестивого и его второй жены Юдифи. В 839 г. распространился слух... что диакон Бодо, немец по рождению, с младенчества воспитывавшийся в лоне церкви и учившийся у придворных клириков, искущённый в знании светском и духовном, не далее как в прошлом году испросивший разрешения у императора и императрицы отправиться в паломничество в Рим, получивший сие разрешение с присовокуплением множества даров, сей-то муж, поддавшийся соблазну врага рода человеческого, през-

¹ Бертинские анналы (под 840 г.).

² Collins R. Early Medieval Europe 300–1000. Basingstoke, 1999. P. 347.

рел христианство и перешел в иудаизм... и потому был обрезан, отрастил волосы и бороду и принял имя Елеазара. Он приобрёл одежды воителя, женился на дочери иудейской... и отправился в испанский город Сарагоссу.

Другими словами, родовитый, хорошо образованный придворный диакон Бодо из Алеманнии, обласканный Людовиком и Юдифью, имевший при дворе множество сторонников и друзей, так и не предпринял задуманное им путешествие в Рим, а бежал в мусульманскую Испанию, где отрёкся от христианской веры, обрезался, назвал себя Елеазаром, объявил себя приверженцем иудейской веры и женился на иудейке. Затем он принялся проповедовать иудаизм среди христиан, живших в Аль-Андалус, склоняя их к принятию одного, и не раз пускался в жаркие дебаты с учеными христианскими клириками. Многие современники были шокированы и пришли в ярость, считая, что Бодо предал императора Людовика и католическую веру.

Описанные события кажутся чем-то из ряда вон выходящим: их главного участника, что называется, занесло не в ту степь. Однако история имеет под собой некоторое основание. Христианских книжников глубоко интересовала концепция царской власти, содержащаяся в Ветхом Завете. Невероятно, но факт: в середине IX века изучение Ветхого Завета и выраженных в нём идей иудаизма получило такое распространение в образованных придворных кругах, что многие влиятельные интеллектуалы едва не перешли в «еврейскую веру». В этом смысле случай Бодо подобен верхушке айсберга. Ключевыми моментами здесь являются воздействие в X в. священных книг иудеев Ветхого Завета на представления о королевской власти и реакция консервативно настроенных христиан на то, что расценивалось ими как чрезмерное влияние иудеев на правящую элиту.

При Карле Великом и Людовике Благочестивом иудеи пользовались защитой закона и возможностью самоуправления, пусть и ограниченной. Богатые и влиятельные евреи были вхожи к самому императору. Они пользовались доверием; многие преуспевали в делах местного масштаба и играли господствующую роль в торговле с отдаленными районами. Им практически беспрепятственно разрешали строить синагоги и вести богослужения на местном диалекте, так что неевреи могли понимать их проповеди. Ин-

теллектуальная и общественная жизнь иудеев развивалась в лоне франкского мира, и христианам не разрешалось обращать их в свою веру без специального разрешения.

Однако всё это в конце концов вызвало обратную реакцию, и именно в таком контексте следует рассматривать первые проявления антисемитизма в Средние века. Вспомним Агобарда, епископа Лионского, о котором шла речь выше. Его перу принадлежат несколько антиеврейских трактатов; наиболее показателен *«De iudaicis superstitionibus et erroribus»* («О суевериях и заблуждениях иудеев»). Нападки на иудеев сведущего в их обычаях епископа были вызваны желанием объединения христианского мира. То, что он наблюдал в своей епархии, производило на него сильное впечатление; запрет на обращение иудеев в христианство серьёзно беспокоил его, поскольку он считал, что таким образом нарушается призыв проповедовать всем народам, содержащийся в Новом Завете. Знаковым моментом он считал проблему крещения рабов-язычников и всячески настаивал, чтобы власти обратили на нее внимание. Хотя его собственное отношение к евреям не носило резко выраженного отрицательного характера, его трактаты обеспечили основу для развития антисемитизма в Средние века и позже.

Едва Людовик Благочестивый умер, как неизбежное свершилось. Соглашение 839 г., по которому империя предстояло разделить между Лотарем I, Карлом Лысым и Людовиком Немецким, попросту не работало. Все перечисленные лица, однако, отличались большими амбициями, и следовало ожидать лишь дальнейшего ухудшения событий.

Первый ход сделал импульсивный Лотарь. Он поспешил в Аахен, получил императорскую корону и потребовал клятв верности практически ото всех влиятельных магнатов и епископов. Боясь конфронтации с Людовиком Немецким, укрепившим свою власть над землями Южной Германии, Франконии и Баварии, Лотарь напал на младшего брата, Карла Лысого. В результате он, сам того не желая, способствовал тому, что Карл и Людовик объединились между собой. Сводные братья поднялись на войну против Лотаря и нанесли ему поражение в битве при Фонтенуа; Лотарь бежал в Аахен. Пламя войны не погасло и после этого. Лотарь прибег к тактике запугивания: поджогам, насилию, нарушению

клятв и разграблению церковных сокровищ, пытаясь ослабить братьев. Тем временем викинги, как всегда, зорко следившие за возможностью поживы, использовали ситуацию вакуума во власти, чтобы атаковать Руан: они «предали город огню и мечу и разграбили его, перебили или увели в плен монахов и все остальное население и опустошили монастыри и прочие населённые пункты по берегам Сены; [в других же местах] взяли богатый выкуп и оставили [их обитателей] охваченными ужасом»¹.

Гражданская война продолжалась, и Людовик и Карл встретились 14 февраля 842 г. в Страсбурге, дабы укрепить свой союз и подтвердить преданность друг другу, принеся взаимные публичные клятвы верности *sacramenta*. Наибольший интерес составляет ответ на следующий вопрос: на каких языках они давали клятвы и произносили речи? Бóльшая часть армии Людовика, состоявшей из немцев, говорила на древневерхнегерманском (*lingua teudusca*), тогда как войска Карла (смесь франкской, древнеримской и галльской рас из Центральной, Северной и Южной Франции) пользовалась романским языком (*lingua romana*), в основе которого лежала народная латынь, предшественница французского, итальянского и испанского языков. Клятвы в том виде, в каком их произнесли, дошли до нас в «Истории» Нитхарда; по сути, это первые с хронологической точки зрения образцы языков, на которых говорили обыкновенные люди того времени. Эти два языка понемногу начали входить в употребление у тех, кто не владел латынью, — языком церкви, делопроизводства и летописания. Языковой сдвиг, о котором идет речь, символизировал будущее расхождение Германии и Франции; между этими странами возник своего рода промежуточный район Лотарингия, т.е. владения Лотаря, позднее получивший наименование Эльзас-Лотарингии.

До конца 842 г. три брата продолжали боевые действия, маневрируя друг против друга, однако никто из них так и не добился решающих успехов. Лотарь покинул Аахен, прихватив с собой «серебряное блюдо невиданной величины и красоты с изображением карты всего мира, а также звёзд и... планет». Некогда оно принадлежало Карлу Великому. Лотарь же разбил его на куски и отдал войнам, намеревавшимся покинуть его; это побудило их сохранить верность своему командующему. Тем временем викин-

¹ Бертинские анналы (под 841 г.).

ги и сарадины устроили на северном побережье настоящий хаос: они атаковали и грабили Квентовик. Одновременно мавританские пираты поднимались вверх по Роне «до окрестностей Арля, опустошая все на своем пути... [Они] удалились, не встретив сопротивления, и их суда ломились от добычи».

В 841 г. во владениях Людовика Немецкого, в Саксонии, вспыхнуло восстание Стеллинга — редкий для того времени случай народного мятежа. Его подняли свободные крестьяне, пользовавшиеся значительным влиянием в политике, пока Карл Великий не обратил их в христианство. Людовик жестоко подавил его в 845 г.

Политика Лотаря не дала желаемых результатов: хотя, стремясь удержать при себе солдат, Лотарь не останавливался даже перед подкупом, но он не смог добиться стабильного военного превосходства и начал искать мира. Первая встреча братьев состоялась 15 июня 842 г. на острове на реке Соне южнее города Макона. «Все трое просили и получили прощение за все плохое, что сделали друг другу в прошлом, и каждый принёс клятву хранить мир и оставаться верным братской любви». Они также условились о новой встрече, где предстояло «обсудить все подробности соглашения, имеющего целью разделить все владения на равные части». Хотя Людовик Немецкий и Карл Лысый по-прежнему не доверяли Лотарю, в конце концов все съехались в Кобленце 19 октября для дележа территории. В дело вмешалась *Realpolitik*, и братья решили прежде заручиться согласием влиятельных феодалов. Поэтому они «договорились не нападать друг на друга до тех пор, пока не смогут выяснить, какие из этих предложений одобряют их вассалы»¹. В ходе выполнения этой договоренности было заключено несколько перемирий, пока наконец в августе 843 г. в Вердене не состоялось принятие окончательного соглашения.

До нас не дошло ни одного письменного экземпляра Верденского договора, но известно, что в основном он касался разделения империи Карла Великого на три более или менее равные части. «Бертинские анналы» сообщают, что «Людовик [Немецкий] получил всё к востоку от Рейна, а по эту сторону [реки] ему достались *civitates* Шпейер, Вормс и Майнц с окрестными землями». К Лотарю отошли земли между Рейном и Шельдой, где она впадает в

¹ Бертинские анналы (под 843 г.).

море, и... области, лежащие в соседстве друг с другом западнее Мёза. [Владения Лотаря включили в себя] место слияния Соны с Реной и протянулись далее по Роне до тех краёв, где она впадает в море; он также получил области по обоим берегам [реки]... Сам же Карл забрал всё остальное; его владения [теперь] простирались до самой Испании. Обменявшись торжественными клятвами, все разъехались¹.

Говоря по существу, Лотарь получил полосу земель, тянувшуюся от территории современных Нидерландов к югу между Рейном и Мёзом до самой Италии, лежавшей за Альпами. Владения Людовика и Карла охватывали те края, которые впоследствии стали Германией и Францией соответственно. И хотя до формирования этих национальных государств должно было пройти ещё не одно столетие, уже в IX в. в тех областях наблюдались языковые и культурные предпосылки будущего единства. По-видимому, Лотарь получил большую часть отцовского наследства, в том числе титул императора и крупнейшие города Аахен, Павию и Рим. Однако доставшиеся ему земли долгое время являлись предметом соперничества, кроме того, они не были единым целым в культурном, языковом и географическом отношениях.

Хотя каждый из братьев отныне правил по своему усмотрению, идея единого христианского государства, *imperium Christianum*, находящегося под совместной властью братьев, продолжала существовать. Тем не менее в их отношениях то и дело возникали изменения, и доверие и подозрительность, которые они питали друг к другу, по-видимому, соответственно то усиливались, то ослабевали. Лотарь пытался прибрать к рукам владения братьев, разжигая недовольство среди их подданных. Он оказал поддержку Пипину II Аквитанскому в его борьбе с Карлом Лысым, в результате чего Пипин потерпел окончательное поражение только в 848 г., под Тулузой. Кроме того, Лотарь тайно помогал участникам восстания Стеллинга, вспыхнувшего в Саксонии против Людовика Немецкого. В свою очередь, Карл и в меньшей степени Людовик жаждали завладеть землями королевства Лотаря, которое было куда проще разделить в силу его меньшей целостности.

¹ Бертинские анналы (под 843 г.).

После Вердена меж братьями установился шаткий мир, но три королевства по-прежнему подвергались ударам иноземных врагов. Зима 844/45 г. выдалась холодная, и викинги, «разграбившие королевство Карла, поднялись вверх по реке до самого Парижа», где получили выкуп, после чего удалились. «Во Фризии... [викинги] устроили три сражения. В первом они потерпели неудачу, но в двух остальных одержали победу и убили множество неприятелей. Также они разрушили Гамбург, замок в Саксонии»¹.

Казалось, сама природа вступила в сговор с врагом. Холодная зима принесла с собой в Западную Франкию «страшный голод», от которого погибли много тысяч людей². В 846 г. летом реки в этих краях вышли из берегов. В мае 849 г. состоялась встреча Людовика и Карла, где те объявили, что их «связывают столь прочные узы братской любви», что они обменялись скипетрами и, если один из них скончается, оставшийся в живых унаследует владения умершего, его жену и детей. Однако эта привязанность во многом была искусственной³.

В «Истории» Нитхарда (Нитгарда) о братьях говорится, что «оба были среднего роста, хороши собой, изящны и сведущи во всякого рода военных искусствах. Оба были храбры и великодушны, а также благоразумны и красноречивы... Всем, что у них было, они с величайшей добротой делились друг с другом»⁴. Это описание, разумеется, выглядит слишком благостным, чтобы быть правдой: перед нами скорее идеализированные изображения королей, нежели подлинные портреты. Нитхард сообщает (несомненно, не греша против истины), что оба часто принимали участие в военных потехах: эти упражнения укрепляли тело и давали воинам возможность поддерживать на должном уровне и развивать свои навыки.

Однако в действительности Людовик играл в этом союзе братьев первую скрипку, будучи на семнадцать лет старше Карла. При случае он бывал не прочь напасть на его территории, забыв о своих братских чувствах. К примеру, в 858 г., как сообщают «Фульдские анналы», недовольные из королевства Карла известили Людовика о том, что «не могут более сносить тирании [своего прави-

¹ Фульдские анналы (под 845 г.).

² Бертинские анналы (под 845 г.).

³ Там же (под 849 г.).

⁴ *Nithardus. Historiarum Libri. III. 6.*

теля]... Всё, что осталось им после вторжения язычников-пришельцев (викингов), кои грабили, порабощали, убивали и продавали их имущество, не встречая ни малейшего сопротивления, уничтожил с дикой жестокостью сам же король [Карл]». Поскольку «Фульдские анналы» создавались в землях Людовика, его действия представлены в них в самом выгодном свете. Хронист утверждает, что все, что тот предпринял, совершалось им «не из желания расширить свое королевство», но «из заботы о благе обитателей» земель Карла¹. Когда Людовик пересёк границу, Карл оказал сопротивление лишь для виду, и настоящих стычек почти не произошло. В конце концов Людовику пришлось отступить, так как на восточных границах его собственного королевства вспыхнуло восстание. Зачастую сводные братья лишь поднимали шум и рисовались, не собираясь воевать друг с другом всерьёз.

Тем временем Лотарь, наиболее странная фигура среди трех братьев, отрёкся от престола, «истощённый болезнью и приведенный в отчаяние тяготами жизни». Он постригся в монахи в аббатстве Прюн в Арденнах, но через шесть дней, 29 сентября 855 г., скончался в возрасте шестидесяти лет².

Задолго до смерти, в соответствии с обычаями франков, Лотарь объявил о предстоящем разделении своего королевства между тремя сыновьями, причем ни один из них не был его законным потомком. Старший сын, Людовик II, уже получил власть над Северной Италией; папа Лев IV сделал его в 850 г. своим соправителем. Младший, Карл Дитя (ему исполнилось всего десять лет), стал королём Бургундии. Среднему сыну, Лотарю II, досталось всё остальное, в основном территории, где в наши дни находятся страны Бенилюкса, а также Рейнланд и земли близ франко-германской границы. Это разделение привело к возникновению весьма значительных сложностей, поскольку сыновья всех трех королей скончались в молодом возрасте (кто от болезни, а кто от несчастного случая). Оно также обеспечило наиболее влиятельным землевладельцам и церкви возможность приобрести влияние и сосредоточить в своих руках всю полноту власти на местах, что привело к дальнейшему ослаблению центра в каждом из королевств. Викинги продолжали терроризировать население во владениях Карла и

¹ Фульдские анналы (под 858 г.).

² Бертинские анналы (под 855 г.).

Лотаря II; зима 856/57 г. оказалась весьма суровой; «тяжкий мор» стал причиной смерти «значительной части населения»¹.

Упомянем также скандал, коему способствовала попытка Лотаря II разорвать законный брак с королевой Теутебергой. Лотарь вззошел на трон и упрочил свою власть при поддержке влиятельных родичей Теутеберги. К 857 г. Лотарь укрепил свои позиции; не нуждаясь более в их заступничестве, он хотел расстаться с ней и обвинил в бесплодии, поскольку она не смогла родить ему сына. В действительности же им двигало иное: он хотел жениться на своей любовнице Вальдраде, с которой прижил сына ещё до брака с Теутебергой. (На самом деле даже называть ее любовницей не вполне верно: как мы покажем ниже, тогдашние представления о том, что такое брак, отличались от нынешних.) Когда Теутеберга отказалась убраться прочь, Лотарь обвинил ее в кровосмесительной связи с ее братом Гугобертом, духовным лицом, с которым она якобы совершала анальные сношения; он утверждал, что связь эта завершилась выкидышем. С физиологической точки зрения, это невозможно, но, хотя искушенные в житейской мудрости современники поняли это, другие (в том числе несколько епископов) были смущены. Анальные сношения (даже между состоящими в браке партнерами) считались весьма тяжелым грехом. Теутеберга отрицала обвинения; чтобы защитить ее честь, ее представитель подвергся ордалиям с использованием кипящей воды. Идея заключалась в том, что, если обвиняемая не виновата, ее представитель не пострадает. Когда после испытания он остался цел и невредим, суд объявил о невиновности Теутеберги. Ее возвратили мужу, но на этом злоключения королевы не окончились: как сообщают «Бертинские анналы», «вместо того чтобы призвать жену на супружеское ложе [Лотарь], запер ее»².

В 858 г. Лотарь начал бракоразводный процесс. Измученная всеми этими событиями, Теутеберга, вероятно, «призналась» в связи с братом архикапеллану Лотаря Гунтеру, архиепископу Кёльнскому. После того как Гунтер публично огласил ее признание, ее притащили на синод в Аахене, дабы она признала свою вину. Тем самым Лотарь получил столь нужный ему предлог для

¹ Бертинские анналы (под 855 г.).

² Там же (под 858 г.).

развода. Теутеберга, в свою очередь, смогла покинуть Лотаря и уйти в монастырь. В конце концов, в апреле 862 г. синод в Аахене расторг брак Лотаря, и в том же году, на Рождество, король повел к алтарю Вальдраду.

Но Теутеберга сумела отомстить. Она бежала под защиту Карла Лысого, а затем воззвала к папе Николаю I. Тот низложил и отлучил от церкви разгласившего тайну исповеди архиепископа Гунтера. В июне 863 г. папские легаты отправились в Мец, чтобы расследовать дело, но Лотарь подкупил их, и в конце концов они одобрили его женитьбу на Вальдраде. Узнав о том, что его легаты получили взятку, папа отверг их выводы. Новый легат пригрозил, что отлучит от церкви самого Лотаря и отменит решение Аахенского синода. В ходе долгих запутанных переговоров Лотарь, загнанный в угол, выступил с новым заявлением. Он сообщил, что они с Вальдрадой сочетались законным браком ещё до его женитьбы на Теутеберге. В августе 865 г. папа Николай приказал Лотарю вернуть Теутебергу назад и отлучил Вальдраду от церкви. Вновь утратив присутствие духа, Теутеберга отправилась искать утешения в своем монастыре в Авне. Новый папа, Адриан II (867–872), снял отлучение с Вальдрады. Она также удалилась в монастырь. Лотарь отправился в Рим, дабы ходатайствовать по поводу своего дела. Но 8 августа 869 г. он умер в Пьяченце, и сложная ситуация разрешилась само собой.

Трудность, вызвавшая этот спор, состояла в неопределённости теологических представлений о том, что такое брак. Он рассматривался как естественный союз мужчины и женщины, в который церковь вмешивалась лишь в тех случаях, когда этот союз терпел крах. Историк церкви Джозеф Мартос отмечает, что «брак по-прежнему был делом семейным, как и в Римской империи, и клирики участвовали в брачной церемонии лишь в качестве гостей»¹. Другая проблема заключалась в том, что римские и франкские представления о том, что обеспечивает настоящий брак, не совпадали. В Риме основой его считалось взаимное и добровольное согласие супругов создать семью. У франков понимание было более размытым: оно включало в себя имущественное соглашение, публичную церемонию, часто с участием священника, который

¹ *Martos J. Doors to the Sacred: A Historical Introduction to Sacraments in the Catholic Church. Liguori (MO) 2001. P. 368.*

благословлял брачующихся, однако «существовал целый спектр различных типов брака, что создавало неопределённость и за счет нее широкие возможности для «маневрирования» для таких персонажей, как Лотарь»¹. Лишь в XI в. церковь дала формальное определение брака как таинства. Мартос также подчеркивает, что до этого церковь «не выдвигала требования всеобщего запрета разводов»².

Как мы уже видели, представления о физиологии брака также носили весьма неотчетливый характер. В ходе бракоразводного процесса Лотаря группа епископов и мирян задала серию вопросов теологу, архиепископу Хинкмару Реймскому, величайшему деятелю франкской церкви своего времени. Говоря о якобы инцестуальных отношениях между Теутебергой и ее братом, они утверждали, что анальный контакт привел к беременности. По их словам, дабы скрыть свой позор, «она выпила зелье, чтобы исторгнуть плод». В своем пространном, подчас запутанном ответе Хинкмар поясняет: «Следует заметить, что Писание гласит: когда посредством мужского полового органа семя проникает в тайное место в утробе женщины [девственницы]... и она не вызывает извержение семени сама и не получает семя в иное место или иным способом... то, что [она] зачинает из изверженного семени, впервые отверзает ее утробу во время родов, как, опять-таки, гласит Писание». Это, говорит он, также «можно узнать из книг». По его замечанию, никто ещё не слышал о женщине, «принявшей семя без соития», за исключением Пресвятой Девы Марии, «зачавшей [Иисуса] по законам благодати, а не природы»³. Наконец, он предполагает, что бесплодие королевы Теутеберги могло быть связано с колдовскими чарами любовницы Лотаря, Вальдрады. Трудно представить себе, кого мог просветить подобный ответ Хинкмара!

Лотарь II скончался в 869 г., не оставив наследника, и над его Лотарингским королевством, состоявшим из Нижних Земель, Рейнланда и территорий близ границы Германии и Франции, нависла опасность. Епископы и магнаты оказали некоторую под-

¹ *Airlie S. Private Bodies and the Body Politic in the Divorce Case of Lothar II // Past and Present. Vol. 161. 1998. P. 15.*

² *Martos J. Op. cit. P. 369.*

³ *Hincmarus Remensis. De divortio Lotharii regis et Theutberga reginae // Monumenta germaniae historica. Conc. 4. Supplementum I. P. 114, 182.*

держку его незаконному сыну Гуго, которому в тот момент было лет четырнадцать, но Карл Лысый и Людовик Немецкий, придвинувшиеся ему дядьями, поспешили низложить его и быстро поделили Лотарингию между собой. По Мерсенскому договору (870 г.), Рейнланд и Эльзас-Лотарингия отошли к Людовику, а Нижние Земли к Карлу.

12 августа 874 г. скончался император Людовик II, брат Лотаря II. К моменту смерти он контролировал Северную Италию и королевство Бургундское, в те времена включавшее в себя франкоговорящую часть Швейцарии и долину Роны во Франции. Тут папа Иоанн VIII взял инициативу на себя: он предложил Карлу Лысому стать электором (императором) во славу Святой Римской Церкви и ради блага всех христиан». Карлу это предложение папы передал его посланец Формоз, тогдашний епископ Порто. Приняв его, Карл поспешно пересек Альпы, прибыл в Рим и в 875 г., в рождественский день, получил корону из рук папы. Людовик Немецкий «пришел в ярость, узнав об этом, и послал [своего сына Карломана] во главе армии через Баварию в Италию. Сам же он... вторгся в королевство Карла... Но солдаты... принялись грабить, захватывать или уничтожать всё на своём пути»¹. Карл поспешил обратно, дабы защитить свои владения, и к январю 876 г. Людовик отступил.

Через семь месяцев сам Людовик Немецкий покинул этот мир (это случилось в августе 876 г.). Карл Лысый воспользовался случаем и попытался захватить Верхнюю Бургундию. Но при Андернахе, находящемся на западном берегу Рейна чуть выше Кобленца по течению, он потерпел поражение: устроенное им нападение из засады окончилось полным разгромом (это произошло 7 октября 876 г.). Даже автор «Бертинских анналов», который обычно с сочувствием описывает Карла и его армию, осуждает их. Назвав их «грабителями», хронист прибавляет, что «на сей раз они сами стали добычей. Столь велики были потери, что те, кому удалось спастись бегством, вместо награбленного унесли с собой лишь собственную шкуру. Все прочее отобрали у них тамошние крестьяне; им [беглецам] приходилось прикрывать срам, обернув чресла травой и соломой»².

¹ Фульдские анналы (под 875 г.).

² Бертинские анналы (под 876 г.).

Карл тяжело переболел дизентерией ещё в 874 г., а в конце 876 г. перенес приступ малярии. Через два года после выкидыша, случившегося в марте 875 г., вторая жена Карла Рихильдис потеряла второго ребёнка (это случилось в их любимом дворце в Компьене, севернее Парижа). Ребёнок родился ночью в пути, раньше положенного срока, после того как Рихильдис бежала из королевской резиденции в Херштале, следуя за Карлом, потерпевшим поражение при Андернахе. Всю первую половину 877 г. Карл был занят сбором колоссального выкупа, дабы умиротворить викингов. Затем вместе с Рихильдис он пересек Альпы, дабы встретиться с папой Иоанном VIII в Павии; кроме того, он собирался исполнить клятву и защитить Патримоний от тревоживших его сарацин из Южной Италии. На встрече с папой Рихильдис была помазана и стала императрицей. Однако и папа, и император поспешно покинули Северную Италию, узнав, что сын Людовика Немецкого Карломан «направляется [из Баварии] во главе огромного войска, чтобы напасть на них». Сам же Карломан усложнил и без того запутанную ситуацию: он прослышал, что «император и папа во главе огромного войска спешат напасть на него, и потому бежал назад» в Баварию¹.

На обратном пути из Италии у Карла вновь случился приступ лихорадки. «Чтобы исцелиться», он принял «порошок, который дал ему доктор Седекия, иудей, коего император любил и коему доверял сверх меры». «Бертинские анналы» утверждают, что в действительности это был «яд, от которого в тех местах не нашлось средства». Карл скончался 6 октября 877 г. «в жалкой хижине» на перевале Мон-Сени. Тело начало быстро разлагаться, и зловоние было столь сильным, что спутники императора поместили его в бочку, обмазанную дегтем. «Но даже это не помогло ослабить запах», и потому они погребли его в «маленьком монастыре» в Нантуа².

Карл был активным и решительным правителем. Он посвящал много времени и сил делам государства, но его царствование во многом оказалось омрачено угрозой со стороны викингов и семейными распрями. Кроме того, он столкнулся с сепаратистскими настроениями на юге своих владений и так и не смог взять под

¹ Бертинские анналы (под 877 г.).

² Там же.

полный контроль Аквитанию и Южную Франкию. В основном он опирался на северные земли, исконные места обитания франков, но даже там ему приходилось бороться с магнатами за укрепление своей власти. В последний период своего правления он вверил управление южными землями местным аристократам, в результате чего их притязания на независимость усилились. Это дало основания Хинкмару Реймскому заметить, что Карл правил там скорее номинально, нежели фактически.

Что нам известно о Карле как о человеке? Какова была его внешность? Прозвище, безусловно, было дано ему современниками, так что он скорее всего действительно был лыс, что казалось забавным его современникам. Но такое прозвище могло быть дано и в шутку, если бы Карл обладал пышной шевелюрой. До наших дней дошло девять его портретов; те, где передана его индивидуальность, изображают его с квадратной челюстью, почти круглое лицо, сильно выступающий нос и тонкие, длинные усы (на некоторых портретах, напротив, он гладко выбрит). Там, где мы можем рассмотреть его голову, она не выглядит лысой. Он был энергичен, настойчив, изобретателен и, в зависимости от обстоятельств, мог проявить любезность или гнев. Подобно большинству «успешно правивших королей Средневековья», его можно назвать двуликим: «Его благосклонная улыбка завоевывала ему сторонников, хмурый взор устранил». Его жестокость проявилась в истории с его сыном Карломаном, которого он насильно постриг в монахи в ранней юности и ослепил в 870 г. после того, как тот попытался поднять мятеж. «В те времена считалось, что подобная бесчеловечность... даже по отношению к родственникам может быть жестокой необходимостью»¹.

В отличие от большинства своих современников, Карл в целом хранил верность женам, хотя вторая его жена, Рихильдис, вероятно, поначалу была его любовницей. Очевидно, он был весьма плодовит. Первая его жена, Эрментруда, скончавшаяся в 869 г., родила одиннадцать детей, а вторая, Рихильдис, троих, так что он стал отцом восьми мальчиков и шести девочек. Он был добрым христианином, чтит Христа и святых и ходил к мессе. Что до его манеры одеваться, то он успешно использовал облачение, дабы придать себе важности в глазах окружающих. «Бертинские анналы» опи-

¹ Nelson J.L. Charles the Bald. L., 1992. P. 14, 16.

сывают, как на синоде в Понтионе (876 г.) он «в расшитой золотом мантии, во франкском костюме», появился в окружении епископов, «облаченных согласно сану»¹.

Смерть Карла ускорила кризис в его королевстве. Из восьми сыновей его пережил лишь один Людовик Заика (дабы получить корону, ему пришлось склонять магнатов на свою сторону с помощью подкупов). Через два года, в возрасте тридцати трех лет, скончался и он, оставив троих сыновей: Людовика III, которому на тот момент было лет пятнадцать, четырнадцатилетнего Карломана и родившегося уже после его смерти Карла Простоватого. Юный Людовик III, несмотря на все свои усилия, не смог справиться с противодействием двух аристократических группировок, в результате чего королевство оказалось расколото: ему достались северные земли, тогда как Карломану — Аквитания и Бургундия. Людовику III также пришлось бороться с викингами; он одержал над ними победу в августе 881 г. при Сокуре близ устья Соммы. Но в 882 г. его настигла преждевременная смерть. Зимой 884 г. за ним последовал и Карломан II, скончавшийся в результате несчастного случая на охоте. На момент смерти Карломана II Карл Простоватый был слишком мал, чтобы носить корону: ему было всего четыре года. Магнаты принялись искать более подходящую кандидатуру.

Тем временем в германских землях Восточной Франкии дела обстояли не лучше. После смерти Людовика Немецкого, последовавшей 26 августа 876 г., королевство оказалось разделено между тремя его сыновьями. Карломан Старший получил Баварию и Каринтию, самое сердце владений Людовика, а в 877 г. также и Италию; средний сын, Людовик Младший, стал королём восточных франков, т.е. завладел остальными германскими землями, а самый младший, Карл Толстый, сделался королём Алеманнии, включавшей в себя Швабию, Эльзас-Лотарингию и Швейцарию. К 882 г. два из трёх королей скончались, не оставив законных наследников. Карломана в конце 878 г. разбил паралич, и в 880 г. его не стало; через два года умер и Людовик Младший. По какой именно причине парализовало Карломана, мы не знаем (это мог быть эпилептический припадок или даже атеросклероз). Но, как подчеркивает

---

¹ Бертинские анналы (под 876 г.).

Эрик Джозеф Гольдберг, «главной проблемой стало долголетие Людовика Немецкого¹, из-за которого его наследники были вынуждены взойти на престол в необычно позднем [для тех времён] позыре... Обычно новому королю династии Каролингов требовалось по меньшей мере десять лет, чтобы справиться с политической оппозицией и военными угрозами и таким образом укрепить свои позиции»².

Единственным достигшим совершеннолетия наследником всего Восточного Франкского королевства Людовика Немецкого оказался его младший сын, Карл III Толстый. После смерти в 884 г. Карломана II, последнего дееспособного потомка династии Каролингов в Западной Франкии, тамошние магнаты предложили Карлу взойти также и на французский трон. Таким образом, он оказался королём и императором, правителем трёх самостоятельных областей: Германии, Италии и Галлии. Однако теперь, став владыкой империи, ему предстояло немало потрудиться, чтобы удержать ее в своих руках.

Серьёзнейшим испытанием для Карла Толстого стала осада викингами Парижа. В 881 г. он отправился в Италию за императорской короной, после того как папа обратился к нему, умоляя явиться на защиту Патримония Святого Петра от «злых христиан» и расхитителей-сарацин, которыми «кишит страна» и которые «без конца опустошают и грабят [ее]». Карл благополучно принял титул императора, но ничего не сделал, дабы защитить папу. Мы уже писали, как юный граф Одон вырвался из Парижа в конце мая 886 г. и (возможно, через посредников) просил Карла, находившегося в Италии, прийти и снять осаду. Через пять месяцев Карл прибыл во главе большой армии и в конце концов заплатил викингам выкуп, чтобы те покинули Сену. После героической борьбы парижан это выглядело беспрецедентной трусостью.

Некоторые историки весьма критически относятся к Карлу, упрекая его в «слабости» и «некомпетентности». Однако мы мало что знаем о нём как о человеке. Был ли он «слаб» или «силён»? Объём талии Карла нам неизвестен; заметим, что эпитет «Толстый» подразумевает лень. Возможно, современники вообще не на-

¹ Он умер, когда ему было за пятьдесят.

² *Goldberg E.J. Struggle for Empire: Kingship and Conflict Under Louis the German 817–876. Ithaca, N.Y, 2006. P. 339.*

зывали его этим именем, поскольку оно появляется в источниках лишь с конца XII в. Доподлинно известно, что он отличался слабым здоровьем и страдал от малярии, которую подхватил в Италии в 883 г. Карл мучился и от головных болей, из-за чего был почти не в состоянии принимать решения. В начале 887 г. он «тяжко заболел, находясь в Эльзасе. Позднее он почувствовал облегчение... и ему пустили кровь, дабы облегчить боли в голове»¹. Возможно, это означает, что он подвергся трепанации — серьёзной операции, заключавшейся в том, что в черепе просверлили отверстие, дабы снизить давление, считавшееся причиной головной боли. Хотя описание его симптомов не вполне конкретно, Карл, не исключено, страдал от эпилепсии, «недуга, которому, по-видимому, был подвержен королевский род, правящий Западной Франкией»². В целом очевидно, что он был человеком нездоровым.

Также упомянем, что Карл стал жертвой настоящей кампании по дискредитации его персоны, которую затеял хронист, создатель «Фульдских анналов», вероятно, лицо из круга архиепископа Лютберта Майнцского, которого Карл лишил должности архиканцлера. Современные историки в целом полагают, что Карл был человеком слабого здоровья, столкнувшимся с весьма сложными проблемами, однако он весьма активно занимался делами управления, объединяясь с магнатами и представителями местной элиты. Саймон Маклин показал, что по сравнению с другими средневековыми монархами он действовал вполне успешно, учитывая, что им постоянно приходилось советоваться с местными влиятельными лицами и ублагать их, а те неизменно стремились к независимости. Главная слабость Карла заключалась в отсутствии законных сыновей. Он был женат на Рикарде Швабской, впоследствии канонизированной. Детей у них не было; вероятно, она дала обет хранить девственность, что, очевидно, не способствовало рождению наследника. Последние годы жизни она провела в монастыре. У Карла был незаконный сын Бернард (о его матери нам ничего не известно), и в конце своего пребывания на троне он потратил немало сил, дабы закрепить право наследования за Бернардом.

¹ Фульдские анналы (под 887 г.).

² MacLean S. Kingship and Politics in the Late Ninth Century: Charles the Fat and the End of the Carolingian Empire. Cambridge, 2003. P. 41.

В конце концов власть Карла попросту рухнула. Всю зиму 886/87 г. он тяжело болел. Постепенно он утратил поддержку; в начале ноября, когда племянник Карла, Арнульф Каринтийский, незаконный сын Карломана, появился во главе большого войска баварцев и славян близ Франкфурта, где император встречался с влиятельными гражданскими и духовными лицами, дабы разрешить вопрос о престолонаследии, разразился кризис. К середине ноября Карла оставили все его сторонники; он был низложен, утратив королевский и императорский сан. 13 января 888 г. он скончался и, оплаканный лишь монахами, был погребён в монастырском храме в Миттельцеле на острове Райхенау, находящемся на озере Констанц. Если верить «Фульдским анналам», во время похорон «многие видели, как отверзлись небеса; из сего недвусмысленно явствовало, что [Карла], с презрением отвергнутого людьми, лишённого земных почестей, Господь счёл достойным того, чтобы принять его в число своих слуг и даровать ему счастье в царствии своем»¹. Вскоре его стали почитать как святого.

Согласно общему мнению, бытующему среди историков, смерть Карла Толстого положила конец существованию империи Каролингов. Однако есть и те, кто полагает, что, несмотря на раскол, империя продолжала существовать в том смысле, что позднейшие правители неизменно декларировали свою связь с императорским родом. Также не погибли представления об идеальном правлении, бытовавшие в империи Каролингов и впоследствии воплощенные в жизнь императором Оттоном I Германским. По сути, обе точки зрения верны, но в конечном итоге наибольшую роль сыграла живучесть имперского идеала, ибо именно он лёг в основу рейха, созданного восточными франками. Иногда приходится сталкиваться с предположением, что слово «рейх» происходит от *regnum*, в средневековой латыни означавшего «королевское величие» или «трон». Это неверно. На самом деле его корни следует искать в древневерхненемецком языке и, что в высшей степени вероятно, в кельтском. Ключ к этим поискам дает современное немецкое слово *Reichtum*, означающее «богатство». Вероятно, наиболее адекватный перевод слова *Reich* на английский *realm*². Изначально в

¹ Фульдские анналы (под 887 г.).

² Королевство, владение (англ.) — Прим. пер.

древнеанглийском языке существовало аналогичное слово *nīce*, означавшее «владение», «правление» или даже «богатый». Теперь оно исчезло из английского языка и сохранилось лишь в слове *bishopric*. Само слово *bishop* происходит от древнеанглийского *bisċop*, а элемент — *ric* от древнеанглийского *nīce*, означающего власть или сан епископа, а также его епархию.

Государственный переворот, положивший конец власти Карла Толстого, принес временную стабильность в Восточную Франкию, составлявшую ядро его владений. Однако центральная власть быстро утратила свои позиции. Как сухо сообщают «Фульдские анналы», «в Европе появились многочисленные *reguli* (князьки)»¹. Хронист Регинон Прюмский оценивает низложение Карла как трагедию и замечает, что империя в муках распалась на части и «каждая часть исторгла из себя новых мелких властителей». «Королевства, подчинявшиеся Карлу, — продолжает он, — в отсутствие законного наследника, вырвались [из-под центральной власти и превратились] в самостоятельные княжества. Теперь они уже не искали наследного принца: каждое избрало себе вождя *de suis visceribus*, из своей среды. Это повлекло за собой великие войны... [потому что] судьбы вооружили их, дабы они погубили друг друга в борьбе за власть»².

Результатом стали непрекращающиеся конфликты, гражданские войны и гибель центральной власти. После ее падения, казалось, вновь настали «темные века»: оно повело к распространению своего рода бандитизма с участием местных военных лидеров, магнатов, хозяев замков, из которых со временем постепенно сформировалась европейская аристократия.

За переворотом, в результате которого Карл Толстый лишился трона, стоял Арнульф (887–899), к тому времени, о котором идет речь, широко известная личность. Впервые он появляется на исторической арене 22 февраля 896 г. в Италии, где папа Формоз возложил на его голову корону властителя Священной Римской империи. В тот момент Формоз использовал его как пешку в своей игре против Агильтруды и герцогов Сполето. Вторжение Арнульфа в Италию окончилось тем, что, осаждая Сполето, он (как

¹ Фульдские анналы (под 888 г.).

² Регинон Прюмский. Хроника (под 888 г.).

представляется) перенес инсульт. Он быстро лишился Италии и оказался втянут в борьбу за власть у себя на родине, в Восточной Франкии.

В ходе этой борьбы власть столько раз переходила из рук в руки, что современному читателю приходится иметь дело с огромным списком правителей. Арнульф скончался в 899 г.; ему наследовал его сын, Людовик Дитя, которому на тот момент исполнилось шесть лет. Он правил до 911 г. Тем временем в 888 г. Бернард Фриульский стал королём Италии, однако его тут же сместил Гвидо, герцог Сполето; после того как Арнульф отказался вмешаться, папе Стефану V ничего не оставалось, как в 891 г. возложить на его голову корону Священной Римской империи. Граф Одон, отличившийся при обороне Парижа, был избран королём Восточной Франкии (девятилетний сын Людовика Заики остался обойден магнатами). Но выбор оказался неудачен: Одон утратил власть над Аквитанией, уступив ее герцогу Рамнульфу II. Измученный постоянными нападениями викингов, он скончался в первый день 898 г. Рудольф I занял Верхнюю Бургундию и удержал ее, чему способствовал затруднённый доступ туда через горы Швейцарии. В итоге она превратилась в королевство Бургундское. Нижняя Бургундия и Прованс отошли к Людовику, сыну Босо (ум. в 887 г.), бывшего приближённого Карла Лысого, потратившему немало сил на то, чтобы основать свое королевство на юге. Людовик благополучно правил этими землями, пока не поддался искушению вторгнуться в Италию. Поначалу ему сопутствовал успех, но затем его взял в плен Беренгарий I и, в соответствии с итало-византийским обычаем, ослепил. Людовик бежал обратно, в Прованс, где правил в течение двадцати пяти лет, получив прозвище Слепого (890–928). Фактически всем от имени короля распоряжался Гуго, граф Арльский (или Прованский). Это тот самый Гуго, который уже появлялся в нашем рассказе как король Италии (924–945) и муж Марозии.

Эти князьки, явившиеся на политической сцене после 888 г. и так или иначе связанные узами родства с династией Каролингов, на деле правили лишь с согласия магнатов. Под этим расплывчатым понятием я подразумеваю местных лидеров, как мирян, так и церковников, чье дозволение и поддержка всё более и более требовались правителям для укрепления их позиций. Кто же были эти местные «сильные люди», и как они сами достигали власти? Что-

бы ответить на эти вопросы, нужно рассмотреть политическую структуру Каролингской империи на закате ее существования. В центре ее находился король. Принадлежность к династии Каролингов обеспечивала легитимность притязаний на престол потомкам Карла Великого почти сверхъестественным образом, и так продолжалось вплоть до полного распада империи после 888 г. Вступив на трон, король вёл войска в битву, составлял законы, вершил суд, заботился о слабых и наказывал злодеев, защищал церковь от внешних угроз и ересей и приводил в действие своего рода систему социального обеспечения, направленную на поддержание бедняков и незащищенных слоев населения.

Но для того чтобы обеспечить эффективность королевской власти, правителю требовались представители на местах, которым он делегировал свои полномочия. В Западной Франкии существовала давняя традиция местного правления, восходящая ещё к временам Римской империи. Но Карл Великий выступил против этого обычая: он ввел «сверху» централизованную структуру, местную же аристократию игнорировал. В Восточной Франкии сложилась иная ситуация: здесь в местных общинах сохранялось «глубокое сознание собственной индивидуальности и воспоминания о недавней независимости»¹. Оплотом власти Людовика Немецкого была Бавария, тогда как в Саксонии и Тюрингии влияние Каролингов оставалось незначительным: Людовик посетил Саксонию лишь пару раз. Графы Карла Великого обладали значительными полномочиями в военной, юридической и административной сферах, и по мере того как в ходе войн при Людовике Немецком и его потомках воздействие центра на места слабело, власть графов все усиливалась. Вскоре они начали передавать ее старшим сыновьям, в результате чего начало формироваться подобие местной аристократии.

Один из способов ограничения власти графов состоял в уменьшении их власти над теми или иными областями или народами. Короли даровали епископствам, аббатствам и храмам иммунитет от власти графов; местные епископы также могли присматривать за состоянием дел на местах. Но с течением времени эти попытки укрепления королевской власти давали всё меньший результат и в последние два десятилетия IX в. привели к ее краху. Несложно

¹ Barraclough G. The Origins of Modern Germany. Oxford, 1946. P. 11.

увидеть, что подобная ситуация могла с лёгкостью привести к тому, что позднее историки определят как «феодализм».

Итак, с началом X в. «раздоры королей» привели Западную Европу в состояние почти полной дезинтеграции. Из этого хаоса возникло самостоятельное и могущественное Германское королевство, впоследствии обеспечившее основу для формирования того, что мы бы определили как «современная европейская цивилизация». К возникновению этого Германского королевства мы и обратимся.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Спасение от «поистине свирепого народа»

Вёрден — маленький город в Северной Германии, лежащий в тридцати километрах к югу от Бремена на слиянии рек Везер и Аллер. Весенним днем 782 г. он сделался местом ужасной резни, во время которой более 4500 воинов-саксов были обезглавлены в промежутке от рассвета до заката. Виновником этого избиения явился Карл Великий. Он дождался, пока саксы сложат оружие, а затем перебил их. К этому времени ему надоело церемониться с саксами: с нарушителями он решил «воевать, не ослабляя нажима, пока не случится одно из двух: либо они потерпят поражение и примут христианство, либо подвергнутся полному истреблению»¹.

Это событие стало самым ужасным, но далеко не единственным актом вандализма, которые совершались с обеих сторон в ходе войны, продолжавшейся тридцать два года. Франки вели ее с целью завоевания Саксонии. Мы расцениваем это событие как хладнокровное убийство, но император считал, что поступает подобно библейским царям, действовавшим по велению Господа. Особое впечатление произвели на него царь Давид, после поражения моавитян убивший две трети пленников, и царь Саул, одолевший амаликитян и истребивший «мужчину и женщину, дитя и младенца, быка и овцу, верблюда и осла» (1-я книга пророка Самуила, 15:3). По мнению Карла, в Библии имелись соответствующие прецеденты. После Вердена «неизменное вероломство саксов прекра-

¹ Анналы королевства франков (под 775 г.).

тилось на несколько лет, возможно, потому, что они не могли договориться между собой о предлоге для восстания»¹.

До наступления 770-х годов саксы именовались *gentes ultra Rhenum*, т.е. «зарейнскими племенами» (Рейн образовывал северо-восточную границу Франкского королевства). Однако именно эта группа народностей, чье обращение в христианство осуществлялось долго и сопровождалось яростным сопротивлением, в конце концов своими силами внесла порядок в управление государством и коренным образом реформировала церковь. Недавно обращенные саксы положили конец хаосу и насилию, продолжавшимся в Европе годами, и навели в Европе порядок.

Саксония, расположенная на Северо-Германской равнине, представляла собой лабиринт из лесов и болот. В саксонском обществе люди делились на три жёстко структурированные касты (*ordines*). Главенствующее положение занимали *edhilingui*, знать, составлявшая также военную элиту. Ниже на социальной лестнице находились *frilingui*, свободное население, воевавшее в пехоте. Замыкали ее *lazzi*, некогда местное население данной области, теперь полузависимые работники, занимавшиеся сельским хозяйством. Браки представителей разных каст строго воспрещались. Короля у саксов не было, и сама их жизнь с её неписаными правилами препятствовала возвышению монарха. Земли делились на области числом около сотни, объединенные в три провинции: Вестфалию, центральный регион под названием Ангрия и Истфалию. Всеми тремя управляла знать, но монополии на власть не было ни у кого: в Марклохе, неподалёку от Вердена, ежегодно проходил всеобщий съезд. К родовитым саксам присоединялось двенадцать представителей каждой касты из каждой области. Съезд принимал важнейшие политические решения, рассматривал судебные дела и выбирал предводителя войска в случае объявления войны. Таким образом, низшие касты обладали значительной полнотой власти и, что понятно, не были готовы ее отдать. Система, существовавшая в Саксонии, не являлась чем-то уникальным: в Исландии также имелось нечто подобное. Неожиданные для нас демократические особенности саксонской системы также не представляли собой чего-то из ряда вон выходящего: другие племенные общества прошлого также выработали

¹ Анналы королевства франков (под 785 г.).

устройство, основанное на представительстве и обеспечивавшее учёт мнений разных его слоёв. И саксы стойко сражались против иноземца, каким явился Карл Великий, стремившийся обратить их в чуждую веру и ввести у них общественное устройство, чуждое демократии.

Ещё до того, как Карл вторгся в Саксонию, попытки крестить ее обитателей то прерывались, то возобновлялись. В основном, это делали их бывшие соотечественники — англосаксонские миссионеры, прибывшие на континент. Прежде всего их проповедь была рассчитана на *edhilingui*, знать, составлявшую также военную элиту, и отчасти они достигли своей цели, обратив некоторых ее представителей. Однако другие касты справедливо расценили новую религию как угрозу съездам в Марклохе, а также своим правам и отказались забыть веру предков.

До прихода к власти Карла Великого вооружённые стычки на плохо защищенной территории возле границы с саксами были повсеместным явлением. Между 772 и 804 гг. в результате ряда кампаний, сопровождавшихся со стороны франков проявлениями вопиющей жестокости, Карл насильно включил Саксонию в свою империю. За этим последовало принудительное обращение населения в христианство. По словам Эйнхарда, биографа Карла, «ни одна война из тех, которые вёл франкский народ, не была столь длительной, столь ожесточенной и не требовала столь значительных усилий». Он утверждает, что саксы «яростно... [и] враждебно относились к нашей вере» и что «ненависть переполняла сердца воителей с обеих сторон»¹. В «Житии Святого Стурма» (штурма) говорится, что Карл «обратил большинство населения: часть он завоевал, часть убедил, часть подкупил»².

Съезд в Марклохе упразднили. В Саксонии была введена система управления, аналогичная той, что существовала в империи Каролингов, подразумевавшая, среди прочего, передачу власти принявшим христианство знатным представителям местного населения. Те стали графами, правившими от имени императора. *Frilingi* и *lazzi* утратили политические права; массовое насильственное крещение населения привело также к забвению прежних

¹ Эйнхард. Жизнь Карла Великого. II. 7.

² Abbot Eigil. The Life of St. Sturm // The Anglo-Saxon Missionaries in Germany. London, 1954. P. 200.

верований. Специально для саксов был составлен поистине драконовский свод законов, так называемый «Саксонский капитулярий». Согласно ему смертная казнь полагалась всякому, кто «желал остаться язычником» и уклонялся от крещения, равно как и тому, кто «из презрения к христианской вере... отказывался соблюдать Великий пост и ел мясо». Смертная казнь полагалась даже за исполнение языческого обряда кремации умерших¹. Саксов обязали выплачивать церковную десятину даже несмотря на то, что проповедь новой религии велась нерегулярно из-за недостатка миссионеров. Алкуин Йоркский (ок. 735–804 гг.), духовный наставник Карла Великого, жаловался своему другу Мегинфриду, казначею императора: «Если бы благое иго и лёгкое бремя Христово проповедовали самым несговорчивым саксам с тем же усердием, с коим взимают десятину или же преследуют по закону за самые малые провинности, кои только можно себе вообразить, возможно, их неприязнь к обетам, данным при крещении, уменьшилась бы»².

Владычество франков порождало бурное негодование, и прежде всего оно оказалось обращено на христианство — символ происшедших перемен. Две низшие касты отвергли новую религию и упорно исповедовали язычество. В 841–842 гг. недовольство привело к взрыву — восстанию Стеллинга. Само слово *Stellinga* саксонское; оно означает «товарищи», причем ассоциируется с храбрыми воинами. В Средние века подобные восстания были нечастым явлением. Франки сочли это событие особенно знаменательным, поскольку увидели в нём вызов новому социальному устройству, а целью Стеллинга сочли возвращение к укладу предков.

Но зачем саксы ждали сорок лет, прежде чем поднять восстание? Какие обстоятельства изменились? Пока между сыновьями Людовика Благочестивого не вспыхнул конфликт, вылившийся в гражданскую войну, саксонская знать твердой рукой правила низшими кастами, пусть и без особых строгостей. Однако это единство распалось в 841 г., когда Людовик Немецкий поссорился с

¹ Capitulare Saxonicum. IV. 7. 8.

² Цит. по: Goldberg E.J. Popular Revolt, Dynastic Politics, and Aristocratic Factionalism in the Early Middle Ages: The Saxon Stellinga Reconsidered // Speculum. Vol. 70. 1995. P. 478.

императором Лотарем. Людовик, умный и безжалостный властитель, требовавший верности и прямоты от своих доверенных лиц через свою жену, королеву Хемму (Эмму), состоявшую в родстве с некоторыми знатными саксонскими родами. Однако раздоры между братьями раскололи саксонскую знать. Те её представители, чьи земли находились исключительно в Саксонии, поддержали Людовика, тогда как прочие могущественные аристократы выразили ему недоверие и встали на сторону Лотаря. Этот раскол создал уникальную возможность для *frilingi* и *lazzi*. В 841 г. клики Лотаря и Людовика мобилизовали и вооружили своих людей. В условиях раскола правящих кругов вскоре явились агитаторы, напомнившие населению о съездах в Марклохе и о вере отцов. Саксонская знать потеряла контроль над ополчением.

В стратегическом отношении события гражданской войны развивались не слишком успешно для Лотаря, который, потерпев поражение при Фонтенуа в июне 841 г., бежал в Аахен. Однако он не собирался сдаваться. Нитхард сообщает, что в июле Лотарь принялся разжигать страсти среди ополченцев — участников восстания Стеллинга: он «пообещал им, что если они объединятся с ним, то в будущем он позволит им частично придерживаться законов, кои соблюдали их предки в те времена, когда ещё поклонялись идолам»¹. Кроме того, он обратился к данам и славянам, обитавшим за Эльбой. Так «Лотарь втянул [участников] народного восстания местных масштабов в водоворот гражданской войны Каролингов»². Представители саксонской знати, поддерживавшие Лотаря, сражались за пределами Саксонии, предоставив тех, кто поддержал Людовика, самим себе и тем самым отдав их на расправу участникам восстания Стеллинга. «Анналы Ксантагена» сообщают, что «по всей Саксонии чернь обрушилась на своих повелителей. Без всякого права они присвоили восстанию имя Стеллинга и ввергли страну в настоящее безумие. Саксонская знать терпела жестокие гонения и унижения от низших сословий»³.

¹ *Nithardus*. *Historiarum Libri IV*. IV. 2.

² *Goldberg E.J.* *Popular Revolt, Dynastic Politics, and Aristocratic Factionalism in the Early Middle Ages: The Saxon Stellinga Reconsidered* // *Speculum*. Vol. 70. 1995. P. 495.

³ *Анналы Ксантагена* (под 841 г.).

Тем временем Людовик Немецкий нанёс Лотарю ответный удар. К февралю 842 г. совершился перелом стратегической ситуации в пользу Людовика; Лотарь лишился поддержки своих саксонских сторонников. К концу июня 842 г., в соответствии с условиями Верденского договора, Лотарь вернул власть над землями к востоку от Рейна, принадлежавшими империи Каролингов. По окончании гражданской войны он смог вплотную заняться подавлением восстания. «Людовик прошел по всей Саксонии и, сея разрушение и страх, сокрушил всех, кто ещё противостоял ему. Захватив в плен всех предводителей сего ужасного бунта (пример вопиющего неповиновения!), тех, кто имел всё, но отрёкся от веры Христовой и столь яростно противостоял Людовику и верным ему воинам, он покарал сто сорок из них, обезглавив, четырнадцать повесил, искалечил бесчисленное множество, отрубив им руки и ноги и не оставив никого, способного противостоять им»¹.

Но и это ещё не конец истории. Горсточка бунтовщиков, оставшихся в живых, вновь подняла восстание в ноябре 842 г. «Когда же дело дошло до сражения, их ждала кровавая баня»². На случай, если они вновь примутся бунтовать, архиепископ Майнцский Рабан Мавр постановил, что тот, кто «присоединится к давшим тайный обет или примет участие в заговорах, бунтах и сопротивлении», будет немедленно отлучен от церкви³. Эта мера, очевидно, возымела свое действие, поскольку бунты в Саксонии прекратились и ее жители наконец-то приняли христианство. Людовик Немецкий впредь ни разу не ступал на саксонскую землю.

Помимо умирения саксов, Людовик и его преемники также были вынуждены вести переговоры с целью установления власти над приграничными территориями на востоке. Я написал «переговоры» потому, что, как отмечает Тимоти Рейтер, «закрывать границу было не только невозможно, но и нежелательно»⁴. Миссионеры, торговцы и прочие путешественники то и дело пересекали ее, а территории за границей представляли собой удобное убежи-

¹ Бертинские анналы (под 841 г.).

² *Nithardus. Historiarum Libri IV. IV. 6.*

³ *Concilia aevi Karolini, 843–859.*

⁴ *Reuter T. Germany in the Early Middle Age, 800–1056. London, 1991. P. 77.*

ше для бунтовщиков и впадших в немилость. Кто же обитал за этими подвижными границами? Наиболее многочисленную в расовом отношении группу составляли славяне, тогда как больше всего беспокойства создавали мадьяры. Некоторые славяне уже приняли христианство. Эта общность также была неоднородна, и между Каролингами и славянскими племенами сорбами, абодритами и западославянскими моравами (последние в 833 г. основали государство, просуществовавшее семьдесят лет) зачастую возникала напряжённость и шли войны. Усмирённые саксы стали играть особенно важную роль в деле обороны восточных границ. Однако границы оставались нестабильны до самого поражения мадьяр в 955 г.

Как мы уже видели, отречение Карла Толстого в декабре 877 г. привело к краху политического устройства Каролингской империи. Западная Франкия, занимавшая большую часть территории современной Франции, распалась на множество феодальных владений. Это не могло привести ни к чему, кроме анархии. В Восточной Франкии (Германия) сложилась иная ситуация: незаконный сын Карломана, Арнульф Каринтийский, унаследовал трон и был признан верховным властителем над всеми остальными франкскими землями. Удача сопутствовала ему и в военных делах: он защищал восточные границы империи от моравов и одержал важную победу над викингами при реке Диль близ Лёвена в 891 г. Но, как мы опять-таки видели, итальянская авантюра Арнульфа в середине 894 г., затеянная в ответ на просьбу о помощи со стороны папы Формоза, завершилась для него трагедией: во время осады Сполето он перенес insult и остался калекой. Арнульф возвратился в Регенсбург, где скончался 8 декабря 899 г.

Ему наследовал шестилетний сын, Людовик IV Дитя, взошедший на трон 4 февраля 900 г. Несмотря на то что Людовика признали законным королём, графы, которым при Людовике Немцеком и Арнульфе было вверено управление на местах, начали сами активно претендовать на власть. Они всё менее охотно признавали авторитет центра и фактически сделались магнатами, правившими самостоятельно. Единственным, кто противостоял этим центробежным тенденциям, был Гаттон (Хатто), архиепископ Майнцский. Он родился на севере, близ озера Констанц, и при-

надлежал к незнатному роду. Гаттон активно поддерживал Арнульфа, сделавшего его архиепископом в сентябре 891 г. «Человек тонкого ума», Гаттон мечтал о Германии, объединившейся под рукой сильного короля¹. Это объясняет враждебность, которую питали по отношению к нему магнаты; они стремились к консолидации своей власти. Гаттон сопровождал Арнульфа в Италию и получил паллий, символ архиепископского сана, из рук папы Формоза.

В сложной политической обстановке, сложившейся из-за малолетства Людовика IV, Гаттон играл важнейшую роль, фактически являясь регентом при нем. «Магнаты заключили между собой негласный доводок: они условились вести себя так, будто [Людовик]... был настоящим королём». Однако в последние годы его правления «он, похоже, утратил влияние и способность спланировать» вокруг себя своих последователей, потерпев поражение от мадьяр в битве под Аугсбургом в 910 г.² Постепенно Гаттон терял возможность влиять на события, и, несмотря на то, что Людовика признавали королём, опасность центробежных тенденций стала весьма осязаемой: магнаты стремились расчленить страну на части. Но Восточная Франкия, в отличие от Западной, отличалась одной важной в этом отношении особенностью: здесь было очень мало магнатов и влиятельных семейств, с которыми приходилось ладить правителям. Таких семейств насчитывалось всего три: Луитпольдинги, получившие власть над Баварией после 899 г., Людольфинги, контролировавшие Саксонию, и Гундфридинги из Швабии, и все три фактически взяли на себя обязанность оборонять восточные границы от мадьяр. За три года (с 907 по 910 г.) германцы проиграли им три битвы, что, как думается нам, было вызвано прежде всего их ошибочными оценками собственного умения заранее спланировать сражение и провести его в соответствии с этим планом. В результате мадьяры получили возможность беспрепятственно устраивать набеги и пользовались полной безнаказанностью. Однако эти неудачи также усилили независимость магнатов, в первую очередь тех, что принадлежали к упомянутым трем кланам. Их владения лежали в приграничных землях, и, опираясь на давние традиции преданности им местного населения, магнаты

¹ Фульдские анналы (под 891 г.).

² *Reuter T. Op. cit. P. 127.*

присвоили эти территории. Из них вскоре сформировалось пять великих герцогств: Франкония, Бавария, Швабия, Саксония и Тюрингия. Магнаты даже начали считать, что владеют «королевствами», пусть и небольшими.

Лишь клан Конрадинов из Франконии (их владения находились на Рейне и Майне близ Франкфурта) безоговорочно поддерживал Гаттона. Сестра графа Конрада Ода вышла в 888 г. замуж за короля Арнульфа и стала матерью Людовика IV. Но между кланами Конрадинов и Бабенбергов из Северной Франконии существовала длительная кровавая вражда. Бабенберги, в свою очередь, не ладили с Арнульфом. Оба клана стремились расширить свое влияние в землях по берегам реки Майн, расположенных между Вюрцбургом и Бамбергом. В битве при Фрицларе (906 г.) Конрадины одержали победу, но герцог Конрад и двое братьев Бабенбергов пали. Существует легенда, что у них был третий брат по имени Адальберт, сдавшийся Гаттону: тот пообещал ему свою защиту и безопасность, но затем обезглавил, за что был ославлен как предатель.

Смерть семнадцатилетнего Людовика IV в 911 г. ознаменовала начало новой эпохи в истории Восточной Франкии. Из хаоса начал формироваться новый порядок. Его создали «свирепейшие из людей» — саксы.

Единственным прямым потомком Карла Великого, способным занять трон Восточной Франкии после смерти Людовика, был Карл Простоватый, правивший Западной Франкией, по крайней мере номинально, до 923 г. Не желая признать Карла своим повелителем, магнаты и Гаттон объединились и избрали правителем Конрада Младшего. Он вззошел на трон под именем короля Конрада I (911–918). Избрание того, в чьих жилах не текла кровь Каролингов, означало решительный разрыв с Западной Франкией. Конрад получил поддержку магнатов, и так продолжалось до тех пор, пока в мае 913 г. не скончался Гаттон. Многие авторы позднейшего времени крайне нелицеприятно отзывались о нём. Первыми за дело взялись саксонские хронисты, такие, как Видукинд Корвейский (925–973); затем к ним присоединились более поздние авторы, в изображении которых он выглядел таким священником-политиканом, мастером тайных интриг. Если верить «Хронике» Титмара Мерзебургского, Гаттон участвовал в сложном заговоре, составленном с целью убийства Генриха, герцога Саксонского,

который тот вскоре раскрыл. Он «отправил своего человека сообщить [Гаттону], что его происки стали известны ему, герцогу, и советовал ему позаботиться о собственной безопасности... [Гаттон] вскоре умер. Смерть его была весьма неожиданной, и удача, прежде сопутствовавшая королю [Конраду], вскоре стала благоприятствовать Генриху»¹.

В то время Конрад безуспешно пытался сдержать натиск магдьяр, сеявших хаос и разрушение. Вскоре он перессорился с магнатами и, видя, что вот-вот лишится поддержки, обратился за помощью к церкви, но практически ничего этим не достиг. Влияние оказалось в руках нового круга лиц, в котором заправлял саксонский клан Людольфингов. Его глава, Генрих I Птицелов Саксонский, находился в весьма напряженных отношениях с Конрадом. Людольфинги, родом из Восточной Саксонии, именуются в хрониках *duces orientalium Saxorum*, т.е. военными предводителями из приграничных восточносаксонских территорий. «В те дни Конрад был прикован к постели², — пишет Титмар, — [но] он позабыл всю враждебность Генриха по отношению к себе» и перед смертью, последовавшей в декабре 918 г., объявил Генриха своим преемником, тем самым недвусмысленно признав способность саксов поддерживать единство в королевстве³. Видукинд Корвейский пишет, что Конраду решительным образом не хватало *fortuna et mores*, что Рейтер перевел как «авторитет и харизма правителя нового типа»⁴.

Вскоре после короткого периода междоусобицы магнаты из Восточной Франкии собрались в Фритцларе в мае 919 г. и избрали Генриха Птицелова королём. Возможно, ему бы больше подошло прозвище Сокольник, поскольку он обожал охотиться на птиц со специально обученными соколами. Существует легенда, будто он ставил силки на птиц, когда к нему прибыла депутация и предложила ему корону. Учитывая, что он действительно хотел ее получить, можно только удивляться: почему он не поехал в Фритцлар для участия в политических играх? Тем не менее он сделался первым «королём Германии».

¹ Титмар Мерзебургский. Хроника. I. 7.

² Он страдал от раны, полученной в бою.

³ Титмар Мерзебургский. Хроника. I. 8.

⁴ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. I. 35.

Безусловно, королю Генриху (919–936) было не занимать *fortuna et mores*. Титмар отмечает: «Слава о новом короле разнеслась повсюду... [Люди] считали его человеком, который не понаслышке знает, как мудро обращаться со своими сторонниками и как одолеть врагов хитростью и силой»¹. В отличие от Конрада, он не зависел от советников из числа духовных лиц и отказался принять помазание от какого бы то ни было епископа. Помазание означало, что король это *Vicarius Christi*, Христов Наместник, что он непростой человек, что он свят и самая особа его священна. Возможно, причиной стало также и то, что Генрих не хотел создавать впечатление, будто кто-то из представителей духовенства сделал его настоящим королём. Более вероятно, что он не желал принять помазание конкретно от Геригера, архиепископа Майнцского, поскольку тот напоминал ему Гаттона. Генрих желал быть *primus inter pares* (первым среди равных), т.е. среди магнатов, и чувствовал, что помазание возвысит его над ними. Разумеется, он пользовался абсолютной властью только в Саксонии: за ее пределами ему приходилось прилагать немало усилий, чтобы укрепить свое влияние на магнатов и обеспечить их поддержку. Он заключал договоры, искусно маневрировал, шел на компромиссы, умиротворял, принимал магнатов в вассальную зависимость, подразумевавшую верность и подчинение, а при необходимости прибегал к угрозам и военным действиям. Так, что касается баварского князя Арнульфа «Плохого», чтобы привести его к повиновению, потребовалось два вторжения. Генрих также пытался наладить мирные отношения с Западной Франкией и преуспел в этом. К 925 г. он присоединил Лотарингию и исконные владения Каролингов к своему государству и установил *amicitia* (т.е. заключил мирный договор) с Бургундией. Опытный, трезвый политик, он постепенно создал королевство *Francia et Saxonia* и убедил магнатов признать его власть.

Однако Генриху пришлось столкнуться с серьёзными беспорядками на восточных границах, в землях, лежавших между Эльбой и Одером. Эти беспорядки дали мадьярам возможность опустошить страну. Чтобы разобраться с ними, Генриху пришлось навести порядок на границах. Он привел к повиновению тамошних обитателей-славян, а затем создал оборонительные пункты и укрепил

¹ Титмар Мерзебургский. Хроника. I. 9.

пил их. Он слишком хорошо помнил, какую угрозу представляют собой мадьяры: в тот год, когда он стал королём, они нанесли поражение саксонской армии.

Но самыми тяжелыми стали 924–926 гг., когда мадьяры полностью разорили Саксонию и Генриху (очевидно, с начала 926 г.) пришлось укрыться в мощной крепости в Верле, занимавшей площадь в 40 акров, или 17 гектаров, и расположенной в предгорьях Гарца, традиционном месте встреч саксонской знати. Его войскам неслыханно повезло: они захватили в плен одного из представителей королевского мадьярского рода Арпадов (хотя мы так и не знаем, кого именно). Это дало Генриху свободу манёвра. Освободив этого князька и пообещав ежегодно выплачивать мадьярам дань, он выговорил ответное обещание, что те в течение девяти лет не станут совершать набеги на восточные границы. В этот период он сумел заново укрепить приграничные территории и возродил старинный саксонский обычай сбора ополчения *agrarii milites*, состоявшего из крестьян, способных носить оружие. Они заново отстроили укрепления и составили его гарнизон. Одновременно он модернизировал саксонскую армию.

После того как Генрих в 932 г. отказался платить мадьярам дань, те вновь вторглись в Саксонию. В итоге саксы одержали решающую победу в битве при Риате в Северной Тюрингии (это произошло 15 марта 933 г.). Согласно «Анналам» Флодоарда, «мадьяры разделили свои силы на три части. Одна двинулась в Италию; другая вторглась в земли [короля] Генриха, перейдя Рейн. Генрих двинулся на них во главе баварцев, саксов и других племен, подвластных ему. Он перебил всех и буквально стёр их с лица земли. Говорят, что погибли 36 000 мадьяр, не считая тех, кто утонул в реке или был захвачен в плен»¹. Очевидно, Генрих одержал полную победу. На период его правления с мадьярской угрозой было покончено. С тех пор он смог установить порядок на границах и поддерживать его силами своей обновлённой армии.

Генрих дважды состоял в браке. Первой его женой стала Хаттебург, вдова, на короткое время ушедшая в монастырь после смерти первого мужа. Она принесла Генриху огромное приданое. После того как у нее родился сын Танкмар, Генрих развелся с ней на том основании, что она была монахиней. Тем не менее ему удалось

¹ Флодоард. Анналы (под 933 г.).

оставить за собой ее приданое. Затем он женился на Матильде Рингельхаймской, которая подарила ему троих сыновей и дочь. Старшего назвали Оттоном. Генрих мудро отказался от существовавшего у Каролингов обычая делить королевство между всеми сыновьями и решил передать право на наследование старшему сыну, хотя этот принцип в то время ещё не получил широкого распространения. Таким образом, Оттону предстояло получить всё его королевство. Этот *Hausordnung* (правила передачи правления от одного представителя династии к другому) был одобрен съездом магнатов и влиятельных епископов в Эрфурте в 935 г.

Генрих уже раздобыл жену для семнадцатилетнего Оттона — девятнадцатилетнюю англосаксонскую принцессу Идгит (Эдит), внучку короля Альфреда Великого и дочь короля восточных саксов Эдуарда Старшего (899–924). В конце 929 г. они поженились. С точки зрения Генриха, выбор представительницы англосаксонского королевского рода в качестве невесты для Оттона был весьма обоснован. Англосаксонские миссионеры активно проповедовали христианство в Германии; более того, культура и язык саксов и англосаксов имели общие корни и сохранили много общего, так что Оттон и Идгит могли понять друг друга. Их брак также свидетельствовал о том, что англосаксонские монархи, представители старейшей в Европе правящей династии того времени, признали право Генриха на престол и выказали уважение к его сану. Это, в свою очередь, укрепило его репутацию среди магнатов. Идгит прославилась в Германии как умная, решительная, одаренная и обаятельная женщина; ее благочестие и щедрость по отношению к монастырям и святыням вызывали восхищение.

Генрих I умер от апоплексического удара 2 июля 936 г. во дворце, возведенном им же самим на скалистом холме в Кведлинбурге, весьма удобном на случай обороны (он находится севернее Гарца на Северо-Германской равнине). Его супруга Матильда впоследствии выстроила там женский монастырь, дабы насельницы молились за упокой души короля.

7 августа 936 г. Оттон и Идгит прибыли в Аахен на коронацию. Церемония состоялась в сохранившейся до нашего времени богато украшенной дворцовой часовне. Это здание в плане представляло собой восьмиугольник, окружённый многоугольником с шестнадцатью сторонами и увенчанный первым куполом, постро-

енным к северу от Альпийских гор. Оттон не только получил корону Восточно-франкского королевства: факт его коронации в Аахене свидетельствовал о попытке подчеркнуть преемственность по отношению к Карлу Великому. Видукинд Корвейский пишет, что церемония началась в портике, где Оттона встретили «герцоги, наместники и прочие военные предводители». Они провозгласили его королём и в знак признания вассальной зависимости «вложили в его руки свои, предлагая ему верную службу и обещая помощь против врагов». Затем Оттон взошел в самую часовню, где его ожидал архиепископ Гильдеберт Майнцкий. Взяв его за правую руку, он обратился к собравшимся духовным лицам и простолюдинам: «Я представляю вам Оттона, избранного Господом, назначенного правителем нашим Генрихом и ныне провозглашенного князьями королём. Если вы хотите его избрания, возденьте правую руку к небесам». И все подняли правую руку и признали нового правителя»¹.

Затем облаченного в узкую франкскую тунику Оттона подвели к алтарю и вручили ему знаки королевской власти: меч, пояс и плащ, а также браслеты, посох и скипетр. Он был помазан и коронован архиепископами Гильдебертом и Викфридом (Винфрид) Кёльнским. Оттон стал «*Christi Domini*... помазанником Господним, [и] библейское предостережение «Не трогайте помазанников моих» относилось [теперь] и к нему... его приказы не подлежали критике»². После этого Оттон взошел по спиральной лестнице на верхнюю галерею, где его усадили на *cathedra regalis* Карла Великого, мраморный трон, к которому вели шесть ступеней, копию трона библейского царя Соломона (Первая Книга Царств 10:19). (Эта «кафедра» до сих пор стоит на прежнем месте.)

В церемонии сочетались мирские и сакральные элементы; тем самым Оттон очевидно стремился соблюсти франкские обычаи Карла Великого. Теперь он стал помазанником и королём, которому обязаны были хранить верность магнаты. Это подтвердилось уже после коронации на пиру, когда Оттон, согласно Видукинду, «воссел на место, уготованное ему по праву рождения, за мраморным столом, украшенным символами королевского величия, с

¹ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. II. 1.

² Fichtenau H. Living in the Tenth Century: Mentalities and Social Orders. Chicago, 1991. P. 164.

епископами и всем народом. Ему прислуживали герцоги» Гизельберт Лотарингский, Эберхард Франконский, Герман Швабский и Арнульф Баварский. Этот пир, часть праздничного ритуала, ознаменовался тем, что Оттон недвусмысленно дал понять: он верховный правитель, полный решимости привести магнатов к повиновению. Оттон начал свое правление, встав на позицию силы. В памятниках говорится, что держался он с великим достоинством; Видукинд упоминает его *oculi rutilantes*, «пламенные взоры, блиставшие, словно вспышки молний»¹. Безусловно, он был королём, в полной мере обладавшим *fortuna et mores*, влиятельным и харизматичным.

Однако не всем пришлось по нраву Оттон с его пламенными взорами. Мать его не явилась на церемонию: вероятно, завидовала Идгит, пользовавшейся значительным влиянием. Старший единокровный брат Оттона, Танкмар, и младшие братья, сыновья Матильды Генрих и Бруно, чувствовали, что им нанесена наибольшая обида, потому что в результате введения нового принципа первородства королевство отныне не подлежало разделу даже несмотря на то, что этого хотели влиятельные фамилии. Генрих I, конечно, позаботился не только об Оттоне: другим сыновьям он даровал и земли, и богатство. Но они всё же оставались недовольны и, как сообщает Флодоард, «в королевстве начались раздоры»². Они приняли такие масштабы, что юный Генрих затворился в Саксонии, покуда в Аахене длились торжества. После коронации Оттон возвратился в Саксонию, а именно в Кведлинбург, где превратил дворец места погребения своего отца в женский монастырь, ставший усыпальницей его рода. Вместе с Идгит он также основал обитель в близлежащем Магдебурге на реке Эльба, ставшую его излюбленным местом отдыха. Он, очевидно, рассматривал Магдебург в качестве базы своей миссионерской деятельности к востоку от Эльбы и сознательно стремился сдвинуть к северо-востоку то, что можно назвать центром тяжести его империи.

Но волнения и обиды затронули не только королевскую семью: то же самое происходило и в более широком масштабе. Дело в том, что Оттон решил внести новшества в свои отношения с магнатами: он ввел королевские prerogatives и запреты на пожалования и

¹ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. II. 36.

² Флодоард Реймский. Анналы (под 936 г.).

соглашения, на которые магнаты считали себя вправе рассчитывать. Как пишет Видукинд, саксов тревожило множество внешних врагов: «Славяне с востока, франки с юга, лотарингцы с запада, а викинги вместе со славянами с севера». Он также мог с полным основанием добавить в этот перечень Баварию, где в середине 937 г. начались беспорядки. Но Отгон быстро усмирил бунтовщиков. Годом позже славяне, которое, похоже, предпочитали войну миру, восстали против саксов, будучи «готовы терпеть всевозможные тяготы во имя свободы»¹. Двое самых верных военачальников Оттона вступили в борьбу на востоке, которая, казалось, не будет иметь конца: герцог Герман Биллунг сражался на северо-востоке, граф Гиро воевал на юго-востоке.

Едва вспыхнули беспорядки в Баварии, как во Франконии взбунтовался сын Конрада I, герцог Эберхард III. Мятеж начался с того, что Эберхард напал на замок Хельмерн на границе Франконии и Саксонии; когда сенешаль замка по имени Брунинг отказался принести ему присягу, поскольку тот не являлся саксом, люди Эберхарда устроили резню. Суд при дворе Оттона приговорил Эберхарда к штрафу в сто фунтов серебра (выплатить его следовало лошадьми). Но наиболее тяжким наказанием стало унижение, пережитое его воинами: их заставили нести собак в королевский дворец в Магдебурге. Это старинное наказание, принятое у германцев, считалось постыдным; претерпеть его означало потерять лицо.

Эберхард взбунтовался вновь, и к нему присоединился Танкмар — тот считал, что командование на востоке следовало поручить ему, Танкмару, и был недоволен назначением графа Гиро на этот пост. Они захватили в плен младшего брата Оттона, Генриха, и заточили в крепости Эресбург (современный Обермарсбург). Но эта крепость в начале 937 г. стала ловушкой для самого Танкмара, когда, как сообщает Видукинд, горожане, «оставшиеся верными королю, открыли ворота» Отгону². Танкмар отступил в собор Святого Петра и сдался, совершив символический жест, положил на алтарь свое золотое ожерелье и меч. Но воин по имени Мегинцо напал на него сзади и убил копьем. Убийство принца крови воином считалось страшным преступлением. Хотя считается, что

¹ Видукинд *Корвейский*. Деяния саксов. II. 20.

² Там же. II. 11.

Оттон отомстил за смерть Танкмара, Мегинцо прожил ещё больше двух лет и погиб в бою.

На короткое время Эберхард попал в заточение. Затем младший брат императора Генрих, по-видимому, предал его, вступив с Эберхардом в союз, имевший целью государственный переворот. В 939 г. герцог Гизельберт Лотарингский, приходившийся зятем Оттону, присоединился к восстанию. Считалось, что победа досталась Оттону благодаря тому, что он владел священной реликвией — копьём. По преданию, в него был вделан гвоздь из креста Иисуса и именно этим копьём пронзили бок Иисуса во время Распятия. Но затем в борьбу на стороне противников Оттона вступили король Западной Франкии Людовик IV (936–954) и архиепископ Фредерик Майнцский. Итак, вне зависимости от того, владел он копьём или нет, Оттон столкнулся с серьёзными неприятностями. «Многие перешли на сторону врага, — сообщает Видукинд, — утратив веру в саксонскую династию»¹. Лиутпранд поддерживает это сообщение: он приводит историю о том, как некий беспринципный граф попытался обратить затруднения короля себе на пользу и вынудить его «передать ему аббатство Лорш вместе с его богатыми землями». Оттон дал недвусмысленный ответ, процитировав Евангелие от Матфея: «Не бросайте святыню псам» (7:6)². Оттон был тем более заинтересован в том, чтобы аббатство Лорш находилось в надёжных руках, потому что там укрылась королева Идгит.

Мятежникам не удалось справиться с Оттоном Великим. Он сокрушил их в 939 г. в битве при Андернахе близ Кобленца. Эберхард погиб, а Гизельберт Лотарингский, спасаясь бегством, утонул в Рейне. Королевская власть выдержала испытание и вновь укрепилась. Однако опасность продолжала исходить от представителей самой королевской семьи. Юный Генрих полагал, что имеет все основания претендовать на престол. Лиутпранд Кремонский, знакомый с большинством главных действующих лиц этих событий, винит «лукавых советчиков» Генриха в том, что он усвоил «дух враждебности» [по отношению к брату]. Видукинд полагает, что дело в «молодости и необузданности» Генриха (он называет его *adolescens*, «подросток»). Титмар в «Хронике» сообщает, что королева-мать Матильда «долго и упорно боролась за то, чтобы до-

¹ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. II. 24.

² Liutprand. Antapodosis. IV. 28.

быть [королевский] престол для младшего сына»¹. Возможно, причиной была ее зависть к Идгит, имевшей влияние на Оттона. В событиях, вероятно, были виновны все трое (и кроме них магнаты, втайне замышлявшие ослабить позицию Оттона), но очевидно, что Матильда разжигала недовольство Генриха. В итоге, когда состоялся заговор аристократов, имевший целью убийство Оттона на Пасху 941 г., Генрих не сделал ничего, чтобы его предотвратить. Кто-то предупредил короля, и тот во время пасхальных торжеств усилил охрану. Затем он расквитался с заговорщиками: их заточили в императорском дворце Ингельхайм. Генрих, получив прощение уже во второй раз, примирился с Оттоном. В 948 г. он сыграл свадьбу с Юдифью Баварской, дочерью Арнульфа Злого, и взошёл на герцогский баварский трон под именем Генриха I. В 955 г. он скончался.

Королева Идгит, вот кто неизменно хранил верность Оттону. «Силою благодати Господней, по милосердию Его и непрестанным попечением святейшей его супруги... Оттон избежал всех опасностей, явных и тайных, с коими ему пришлось встретиться». Молитвы за мужа, раздача милостыни и просьбы о милости к падшим в какой-то мере определялись ролью, которую полагалось играть королеве. Но этим дело не ограничивалось. «Одаренная неисчислимыми добродетелями... она провела со своим супругом девятнадцать лет и скончалась... 26 января [946 г.]... Король получил эту скорбную весть на охоте, куда отправился, надеясь найти краткий отдых [от трудов]»². Титмар упоминает о «несказанной скорби» Оттона, а Видукинд описывает «горе и слёзы всего саксонского народа»³.

Идгит нашла последний приют в Магдебурге, в прекрасном готическом соборе. Ее могилу вскрыли в 2008 г. во время реставрации храма, и археологи, вопреки своим ожиданиям, обнаружили хорошо сохранившийся старинный шелковый покров, под которым обнаружили останки скелета. Тело королевы было перезахоронено трижды, и в последней, нынешней усыпальнице ее погребли в 1510 г. Были ли это кости Идгит? Исследования,

¹ *Liutprand. Antapodosis. IV. 18; Видукинд Корвейский. Деяния саксов. II. 12; Титмар Мерзебургский. Хроника. I. 21.*

² *Титмар Мерзебургский. Хроника. II. 3–4.*

³ Там же. Хроника. II. 2; *Видукинд Корвейский. Деяния саксов. II. 41.*

проводившиеся в Майнцском и Бристольском университетах в течение двух лет, показали, что кости принадлежали женщине в возрасте от тридцати до сорока лет, часто ездившей верхом и питавшейся богатой белками пищей, в том числе рыбой. «Все эти результаты свидетельствуют: перед нами женщина, принадлежавшая к высшей аристократии». Но вопрос оставался открытым: действительно ли это была королева Идгит? Ответ был получен в результате исследований зубов верхней челюсти, при которых использовали методику «измерения изотопов стронция и кислорода, откладывающихся в [постоянных] зубах во время их формирования. Количество этих изотопов, содержащихся в зубах, зависит от окружающей среды и состава пород, залегающих в данной местности. Соотнеся результаты замеров кислорода и стронция, можно вычислить место, где прошли первые 14 лет жизни индивида. Результаты недвусмысленно указывали на меловые районы Южной Британии»¹. Итак, сомнения отпали: то была королева Идгит.

У Оттона также был незаконнорожденный сын Вильгельм, родившийся в 929 г., т.е. в год женитьбы будущего короля. Мы не знаем, кто была его мать: о ней сообщают лишь то, что она была пленницей славянского происхождения. Ребенок был зачат ещё до свадьбы Оттона и Идгит. Брак оказался весьма кстати, поскольку он сдержал юношеские страсти Оттона прежде, чем они стали причиной серьёзных затруднений. Отношения между Вильгельмом и отцом подчас принимали весьма натянутый характер. В 954 г. Вильгельм стал архиепископом Майнцским.

К началу 940-х годов власть Оттона, по-видимому, серьёзно укрепилась. В 939 г. и Лотарингия, и Франкония лишились своих правителей. Оттон не назначил преемника Эберхарду, убитому при Андернахе, и присоединил герцогство Франконское к владениям короны. При этом он так же непосредственно правил и Саксонией; иными словами, он распространил свою власть на весьма обширную область. Последовало заключение временного соглашения, и в 944 г. наконец Оттон сделал герцогом Лотарингским Конрада Рыжего, отпрыска франконского рода Конрадинов. Позднее тот взял в жены Лиутгард, дочь Оттона. Людольф, любимый

¹ University of Bristol, «Bones Confirmed as Those of Saxon Princess Eadgyth», press release, June 17, 2010, <http://bristol.ac.uk/news/2010/7073.html>.

сын Оттона, в котором он души не чаял и которого в 946 г. назначил своим преемником, женился на Иде, дочери герцога Германа I Швабского; когда в 949 г. Герман умер, Людольф унаследовал его герцогство. Это обеспечило Оттону выход к путям, ведущим через Альпы в Италию, поскольку Швабия включала в себя не только южную часть центральных областей Германии, но и немецкоязычную часть Швейцарии. В основном путешествия из Кура в Бельинцону (и обратно) пролегали через перевал Сен-Бернар, а те, что совершались между Куром и Кьявенной, через перевалы Люкманье, Малою, Септимер и Шплюген. Все эти перевалы приобретали всё большее стратегическое значение для Оттона, поскольку он постепенно оказался втянут в события, происходившие в Италии.

Оттону мало было укрепить королевскую власть: ему требовалось поддерживать своё господство. Итак, как же функционировал «рейх»? Прежде всего в государстве не было столицы в собственном смысле слова. Оттон и его преемники создали, если можно так выразиться, правительство на колесах, которое и вершило все дела. Он путешествовал по стране, чтобы подданные «созерцали его», и укреплял отношения с важными персонами. Это способствовало формированию у них дружелюбного настроения, и вместе с тем помогало держать их под контролем. Целью его поездок было сплочение подданных: они воочию видели Оттона (это было тем более важно, что в те времена сообщение осуществлялось с большим трудом и медленно). Люди собирались, чтобы посмотреть на короля, вручавшего дары, раздававшего почести, молившегося вместе со всеми в церкви. Оттон постоянно напоминал подданным (причем делал это самолично), что он король, и его передвижение по стране стало своего рода средством управления государством. Вследствие этого королевский двор не задерживался на одном месте: он постоянно путешествовал, то останавливаясь в своих излюбленных резиденциях, то посещая местные административные центры, имевшие важное значение. Съезды, проводившиеся в тех или иных областях, на которых Оттон встречался с магнатами, также играли важную роль в административной жизни «рейха». Обычно Оттон проводил в избранном месте от двух дней до нескольких недель. Наиболее длительную остановку в шесть месяцев он сделал в Павии, столице Северной Италии.

Мы можем проследить многие его маршруты. Выделим три области, где он путешествовал: первая — это Южная Саксония, где насчитывалось до тридцати пяти королевских резиденций, содержащихся в готовности к приезду короля. Если провести линию к югу от Магдебурга и к западу от Эльбы до гор Гарца, то мы получим представление о том, где чаще всего бывал король. Магдебург был любимой резиденцией Оттона и Идгит; они имели обыкновение праздновать там Пасху. Вторая область находилась в Восточном Рейнланде и включала в себя Франкфурт, Майнц, Вормс и их окрестности. Третья лежала в нижнем течении Рейна, самом сердце франкских владений: в неё входили Аахен, Неймеген, Кёльн и близлежащие земли.

Но как управлять государством, постоянно будучи в пути? Зададим хотя бы один очевидный и принципиально важный вопрос: где хранились своды законов, сведения о собственности и другие документы, на основе которых король мог бы принимать решения? По-видимому, ответ на него следующий: все нужные сведения в письменной форме возили в обозе. Оттон не был первым, кому пришла на ум подобная идея. Мы знаем, что Карл Великий, Людовик Благочестивый и Лотарь I также пользовались архивами и библиотеками на колесах. Не имея возможности быстро доставать из хранилищ необходимые данные, люди прошлого куда эффективнее пользовались собственной памятью, чем наши современники, поэтому чиновникам и бюрократам также приходилось держать в голове максимально точные сведения.

Такого рода путешествия требовали огромной траты сил: копуша и увалень не справился бы с трудами монарха. Оттона иногда сопровождала Идгит. Поездки тщательно планировались (подчас планы составлялись на несколько месяцев вперед). Король и двор путешествовали между королевскими фискалами (поместьями) и останавливались во дворцах или резиденциях, разбросанных по всей стране, а также в монастырях и епископствах. Иногда им приходилось преодолевать весьма значительные расстояния: путь от Магдебурга до Франкфурта составляет около 230 миль (365 км), а от Франкфурта до Аахена около 140 миль (225 км). Во время самых длинных своих путешествий, например из Магдебурга в Рим, он мог бы «накрутить на спидометре» более 700 миль (1140 км), причем ему пришлось преодолевать альпийские перевалы. Отдаленные районы — Баварию, Северную Сак-

сонию, Швабию и Верхнюю Лотарингию — саксонские короли посещали реже. Королевская свита путешествовала по дорогам и мостам, которые строились и поддерживались в порядке силами наёмных работников; их предоставляли вассалы короля, епископы или храмы. Размеры свиты впечатляли: в ней насчитывалось от трёхсот до тысячи человек. Оттон и его спутники ехали на лошадях, слуги и все прочие на мулах (или шли пешком). Маршруты были чётко расписаны, так что к вечеру они неизменно прибывали либо в королевскую резиденцию, либо в монастырь, либо в главный город епископства. Там их ожидали *fodrum, gistum et servitium regis* — «корм для скота, кров над головой и королевский приём». Король и его ближайшие спутники останавливались в резиденции, тогда как остальные вставали лагерем поблизости. Всё это требовало тщательной проработки с точки зрения логистики, и в каждой резиденции должны были содержаться большие запасы, чтобы прокормить такое множество людей, лошадей и вьючных животных.

Оттон был высок и властен, он производил сильное впечатление на окружающих (что, безусловно, было ему на руку). Человек авторитарный, не обладавший чувством юмора. Очевидно, он любил власть и умел пользоваться ею. Оттон уделял все свои силы делам правления, был решителен, настойчив и целеустремлён. У окружающих он одновременно вызывал ужас и восхищение (здесь его огненные глаза были как нельзя более кстати). Он был прирождённым воителем и успешно боролся с врагами, но всегда являлся сторонником переговоров и других мирных средств улаживания политических проблем. Упомянем также его умение прощать — христианскую добродетель, которой столь многие пренебрегают. Он верил в Бога, что называется, без затей. При этом, не являясь ученым, он поощрял образование и придерживался исконно германских воззрений, согласно которым государство должно было защищать общество и наказывать преступников, но вместе с тем прилагать все силы к тому, что мы бы назвали разрешением конфликтных ситуаций. Поэтому даже самые ужасные и гнусные преступления (в особенности способные привести к кровной мести) разрешались посредством внесения вергельда — штрафа в денежном или ином выражении, служившего заменой наказания и помогавшего предотвратить кровавую вражду, которая могла продолжаться не один десяток лет.

Укрепив свои позиции, Оттон принялся уделять всё большее внимание «внешней политике» (правда, не в нынешнем понимании). Отношения Оттона с негерманскими землями определялись его стремлением восстановить империю в границах владений Каролингов и стать королём *in Francia ac Saxonia*. Это достигалось в большей мере с помощью *amicitia*, личной дружбы, родства или династических браков, нежели средствами, характерными для современной политики. Целью его была гегемония: он хотел сделаться верховным правителем, пользоваться всей полнотой власти и непререкаемым авторитетом. Однако он оставлял местным аристократам достаточно возможностей, чтобы они могли контролировать свои владения, иными словами, продолжал политику, начатую Генрихом I. В рамках этой концепции строились отношения с Западной Франкией, Бургундией, Италией и народами, населявшими приграничные земли на востоке.

Западная Франкия распалась на части. Что касается власти короля, то можно в лучшем случае сказать, что она была очень ограничена. С 936 по 954 год ею правил Людовик *d'outremer*, д'Утрмер «Заморский» (он прожил в Англии тринадцать лет), представитель Каролингской династии, который в 939 г. женился на сестре Оттона Герберге. Другую линию потомков Карла представлял Гуго Великий, граф Парижский, племянник Одона, героя обороны Парижа от викингов и муж другой сестры Оттона, Хедвиг. Таким образом, благодаря сестрам прочные родственные узы связывали Оттона с политическими деятелями Западной Франкии.

Поначалу Оттон оказывал поддержку Гуго, но после того как последний в 945 г. заточил Людовика в темницу, Оттон вмешался. После освобождения Людовика Герберга обратилась к брату с просьбой о помощи. Оттон собрал воинов со всех своих королевств и во главе «огромной армии... прибыл во Франкию. Король Людовик выехал ему навстречу; Оттону был оказан дружественный прием с подобающими почестями»¹. Вместе они осадили городок Лан, лежащий к северо-востоку от Реймса. Он представлял собой укрепленный *castrum* (город, обнесённый стенами), расположенный на высоком (590 футов, или 180 метров) меловом холме, возвышавшемся над окружавшей его плоской равниной; Людовик уступил его Гуго в обмен на свою свободу. Осада закончилась

¹ Флодоард Реймский. *Анналы* (под 946 г.).

неудачей, однако им всё же удалось занять Реймс, что стало крупным достижением. По окончании войны энтузиазм Оттона угас, и он возвратился в Германию. Чтобы уладить конфликт и укрепить свою власть, Оттон созвал собор духовенства в императорском дворце в Ингельхайме близ Майнца в июне 948 г. Туда прибыли легат папы Агапита II, а также Людовик IV и большинство епископов Германии. Синод уладил спор между двумя претендентами на пост архиепископа Реймского и вынес решение о том, что Гуго Великий должен подчиниться Людовику под страхом отлучения от церкви. На следующий год папа утвердил решение синода. По сути, Оттон, поддержав Людовика, восстановил равновесие в политической и церковной жизни Западной Франкии. Это решение стабилизировало политическую ситуацию вплоть до середины 960-х годов.

К концу 940-х годов Оттон взял под контроль центральные пути в Италию через Альпы. В начале следующего десятилетия папа Агапит пригласил его посетить Италию, но, учитывая сложность положения в этой стране, Оттона ожидала отнюдь не увеселительная прогулка. Как мы уже знаем, в 947 г. Гуго отрёкся от «королевской власти» над Италией и возвратился в Прованс. Ему наследовал сын Лотарь, которому к тому моменту исполнился 21 год, но настоящая власть принадлежала Беренгарию II Иврийскому, магнату-головорезу, в годы изгнания жившему при дворе Оттона. Лотарь скончался в 950 г. (ходили слухи, что его отравил Беренгарий); его вдова, Адельгейда, сестра графа Конрада Бургундского (937–993) также выросла при дворе Оттона и признавала его власть. Конрад состоял в браке с Матильдой, дочерью Людовика IV, короля Западной Франкии. Таким образом, Адельгейда благодаря узам крови и брака находилась в родстве с несколькими королевскими домами. Она возглавила оппозицию Беренгарию и на короткое время попала в заточение. Её биограф Одилон Ключинийский, вероятно, преувеличивает, сообщая, что она претерпела «разнообразные пытки. Её ниспадавшие волосы были вырваны; она то и дело терпела удары от своих мучителей; те били её руками и ногами. Ее заключили в ужасную грязную темницу», откуда, как сообщает Одилон, ей в конце концов удалось бежать¹.

¹ *Odilo of Cluny. Epitaph of the August Lady, Adelheid // Medieval Hagiography / Ed. Th. Head. New York, 2001. P. 262.*

Адельгейда обратилась к Оттону с просьбой о помощи (и, возможно, намекнула, что выйдет за него замуж). Оттон не питал симпатий к Беренгарию и в 951 г. вторгся в Италию во главе значительных сил. Беренгарий убрался домой, в Иврию, расположенную у самого подножия Альп. Оттон женился на Адельгейде и сделался королём Италии; его коронация состоялась в Павии в сентябре 951 г. Послы Оттона обратились к папе Агапиту II, дабы тот рассмотрел возможность короновать Оттона как императора. Папа, как мы уже видели, восхищался Оттоном и готов был дать согласие, но Альберико II убедил его отказать: он не желал, чтобы иноземные правители вмешивались в дела Рима. Таким образом, план Оттона рухнул, и тот удалился в Саксонию. Коварный Беренгарий в конце концов признал владычество Оттона; это произошло в Аугсбурге в 952 г.

Однако раздоры в королевской семье вновь дали о себе знать. Адельгейда вскоре родила сына. Королевская чета назвала его Оттоном, и разнесся слух, что именно он станет наследником. Любимый сын Оттона, Людольф, поверил этому, ему достаточно было лишь вспомнить, что произошло с Танкмаром, сводным братом его отца, после того как Генрих I женился во второй раз. Вместе с зятем Оттона, правителем Лотарингии Конрадом Рыжим (он оказал поддержку Оттону в Италии и счел себя оскорблённым, когда тот пренебрёг его советом), Людольф составил заговор: они намеревались подстеречь короля близ Майнца, когда тот будет объезжать Франконию в 953 г. Оттон вскоре раскрыл заговор и потребовал, чтобы его сын выдал заговорщиков. Людольф «не имел на то ни желания, ни возможности, поскольку не хотел нарушить клятву, принесенную им своим сторонникам»¹. Они нашли убежище в Майнце; Отгон подверг его осаде, продолжавшейся несколько месяцев. И без того сложная ситуация вновь ухудшилась, когда против брата Оттона, герцога Генриха, вспыхнуло восстание в Баварии. Мятежники заняли Регенсбург, и Людольф, бежавший из Майнца, укрылся там. Оттон потребовал, чтобы его сын и зять назвали имена товарищей по заговору, не то он объявит их врагами короны. Конрад сдался, но на сей раз Оттону пришлось осаждать Регенсбург, где прятался его сын. Осада была долгой; горожане, отказавшиеся открыть Оттону ворота, терпели ужасные мучения.

¹ *Титмар Мерзебургский. Хроника. II. 6.*

Тем временем мадьяры, всегда готовые воспользоваться междоусобной борьбой соседей и устроить набег с целью грабежа, вторглись в Баварию и Франконию. Ходили слухи, будто это Людольф навел их на Германию.

Отголоски страданий Оттона, причиной которых стало предательство сына, прослеживаются в речи, вложенной в его уста Видукиндом:

«Если бы гнев моего сына и его лукавых сподвижников терзал сердце лишь мне и не смутил всех добрых христиан, я бы принял сие. Не столь велики были бы мои муки, если бы те, подобно разбойникам вторгшись в подвластные мне города и земли, не потопили их в крови моих родичей и самых близких моих товарищей. Возрите: при мне нет сыновей, сын же мой стал моим злейшим врагом... Всё это можно было бы вынести, если бы они не призвали ненавистников Бога и рода человеческого [мадьяр]. Они опустошили мое королевство, захватили в плен и перебили моих людей, сожгли храмы, убили священников и залили улицы кровью»¹.

Однако вторжение мадьяр сплотило всех (в том числе и колеблющихся) под властью Оттона. Людольф утратил сторонников и в конце концов пал к ногам отца, умолая о прощении, когда тот охотился в Тюрингском лесу. Оттон простил сына, однако проявил твердость, лишив и его, и Конрада герцогского трона. В знак примирения он позволил им воротиться в их владения. Контроль над Лотарингией он возложил на своего младшего брата Бруно, архиепископа Кёльнского, а Майнцский диоцез передал своему незаконнорожденному сыну Вильгельму. Однако теперь ему предстояло разбираться с мадьярами.

Восточная граница являлась постоянным очагом нестабильности ещё со времен Генриха I. Двое полководцев Оттона, Герман Биллунг и граф Геро, установили свою власть над обширной территорией близ *Limes Saxoniae*, саксонских границ. Они обложили их данью, создали в этих краях епархии, повсюду насаждали саксонские обычаи и законы. Таким образом они обуздывали славян и обращали их в христианство. Главную силу саксонской армии

¹ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. III 32.

со времен Генриха I составляла тяжеловооруженная кавалерия, но *agrarii milites*, которых легко было мобилизовать (ещё одно нововведение Генриха), несколько стабилизировали изменчивую ситуацию в приграничных областях. Генрих также выстроил приграничные укрепленные пункты, откуда саксы могли распространять свое влияние на чужие земли. В итоге уже с 950-х годов можно говорить не только об их господствующем положении, но и о прямом контроле с их стороны. Славяне противились ему; Видукинд сообщает, что в 955 г. они заявили Оттону: «Мы будем платить [тебе] дань, как обычно, но управление землями останется в наших руках»¹. Итак, саксам требовалось всё больше сил, готовых к бою, ввиду возможных восстаний и вторжений славян.

С мадьярами ситуация складывалась иначе. Они неизменно придерживались тактики набегов: наносили удар и исчезали. Венгрия граничила с юго-восточными «маршами» (приграничными территориями) Австрии и Каринтии, и потому венгры часто проникали в Саксонию через эти земли. К 950 г. нападения мадьяр стали для саксов обычным делом и они хорошо изучили тактику противника. Кроме того, описание военной мощи мадьяр, по-видимому, носило несколько преувеличенный характер: к середине столетия они, что называется, выдохлись. Теперь, когда они поселились в Карпатской котловине, их образ жизни всё больше превращался из кочевого в оседлый; бывшие воины становились фермерами. Предпринятое ими в 955 г. вторжение, очевидно, носило непродуманный характер и оказалось последним всплеском их активности. Они осадили Аугсбург, укрепленный город, местонахождение епископской кафедры, стоявший на пересечении важных торговых путей. Горожане, вдохновляемые епископом Ульрихом, продержались до тех пор, пока к ним не прибыл Оттон, быстро собравший войско из жителей Швабии и Франконии. В результате его появления произошла битва на реке Лех.

Несмотря на решающее значение этого события, достоверных сведений о битве у нас не так много. Вначале армии сошлись близ реки Лех, притока Дуная, протекающего по ровной неглубокой долине южнее Аугсбурга. По-видимому, мадьяры допустили ошибку, положившись главным образом на своих лучников. Они сражались, не меняя позиции и недооценив тяжеловооруженную,

¹ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. III. 53.

дисциплинированную немецкую кавалерию. Стычки не привели к успеху ни той ни другой стороны, и мадьяры отступили. Но Оттон создал в глубине территории систему укрепленных позиций, и, отступая на восток, мадьяры оказались вынуждены преодолевать их при переправе через каждую реку. Из-за сплошных дождей реки вышли из берегов, и противник изматывал мадьяр всякий раз, когда те пытались пересечь разбушевавшиеся потоки. В конце концов силы врага оказались раздроблены, и с тех пор мадьяры более ни разу не угрожали Западной Европе. Оттон приписал победу тому факту, что владеет святыней — чудесным копьем (он уделял почитанию реликвий большое значение). Примечательно, что мадьяры приняли христианство более четырех десятилетий спустя.

К тому времени Оттон окончательно упрочил свои позиции и перешел к выжидательной тактике. Он оказался властителем большей части европейских территорий по эту сторону Альпийских гор, и, хотя Италия по-прежнему влекла его, он не спешил с вторжением. Папа Агапит II поддерживал его, тогда как его антагонист в Риме, Альберико II, скончался в 954 г. Агапит дал согласие на создание епископства с центром в любимом городе Оттона, Магдебурге-на-Эльбе, дабы оттуда распространять христианство среди славян. В 937 г. Оттон выстроил там дворец и мужской монастырь Святого Маврикия, римского военачальника III в. н.э., принявшего мученическую смерть. В часовне, поставленной в этом монастыре, нашла последнее пристанище его возлюбленная супруга Идгит. В 955 г. он возвел над ее могилой большую церковь, которую собирался превратить в собор. Однако его внебрачный сын Вильгельм, архиепископ Майнцский, не поддержал этот план, так и не воплотившийся в жизнь. В ходе переговоров с Агапитом, несомненно, не раз звучали тонкие намеки на возможность возложить на Оттона императорскую корону. Но в 955 г. Агапит скончался, и папский престол занял в высшей степени отгалкивающий персонаж Октавиан Тусколо, ставший Иоанном XII. Он был незаконнорожденным сыном Альберико.

На итальянском «фронте» царил покойствие до тех пор, пока амбициозный Беренгарий II, выговоривший себе у Оттона подобие независимости, не разграбил Папскую область и не занял Сполето. Как мы уже знаем, пресловутый папа Иоанн в конце

концов оказался вынужден просить Оттона прибыть в Рим и защитить владения Святого престола от разбойника Беренгария. Оттон с готовностью откликнулся, и 2 февраля 962 г. в соборе Святого Петра папа короновал его. Но едва новоиспечённый правитель Священной Римской империи отбыл из Рима, как папа вновь взялся за старое. Изображая Оттона в те годы, Лиутпранд описывает его как терпеливого старца, ожидающего, пока недалёкий Иоанн XII образумится. Но в конце концов его терпение иссякло, и, охваченный гневом, он возвратился в Рим, чтобы разобраться и с папой, и со строптивыми обитателями города. Как мы увидим позже, сказать это было проще, чем сделать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Франция эпохи феодализма

Нам не придется далеко ходить за классическим примером упадка центральной власти, вслед за чем в государстве воцаряется хаос: достаточно обратиться к Западной Франкии. В этой главе мы рассмотрим, как Западная Франкия эпохи Каролингов (территориально в основном совпадавшая с современной Францией) распалась на самостоятельные владения числом около пятидесяти. Это были герцогства, графства, церковные земли, приграничные области и королевские поместья. Центральной фигурой в этой ситуации оказался Одон, граф Парижский.

Мы уже сталкивались с Одоном (Эдо), героем осады викингами Иль-де-ля-Ситэ в 885–886 гг. Аббон в своем труде «Нападения викингов на Париж», созданном уже после того, как Одон сделался королём, унижается до лести (что понятно), именуя его «достойнейшим из князей, лучшим из вождей, коих рождало сие королевство»¹. Даже принимая в расчет преувеличения Аббона, мы вполне можем представить себе Одона — смельчака двадцати пяти лет от роду, храбро бросавшегося в гущу боя (в особенности в первые дни осады, когда обороняющиеся защищали остров от первого натиска викингов). «Победоносный Одон, — пишет Аббон, — не знал поражений в битве; он поддерживал изможденных,

¹ *Abbon. Bella. Letter of Dedication // Viking Attacks on Paris. Leuven, 2007. P. 23.*

укреплял их силы и, мечась по башне, крушил врагов». В лучших традициях средневековых осад, он лил «масло, воск и смолу, смешанные между собой и разогретые на огне горна, кои сожигали волосы данов; [от жара] раскалывались их черепа. И в самом деле, многие из них пали, другие же отступили, [ища защиты] у реки [Сены]». Он также убил многих данов, стреляя из лука. Во время назначенных заранее переговоров с вождем викингов Зигфридом, которые оказались ловушкой, «сонмище данов кинулось вперёд, чтобы схватить [Одона]... [но] тот сперва бросился на них, а затем могучим прыжком перескочил через ров у подножия башни со щитом и копьём в руках». Он спасся благодаря «своим воинам, ринувшимся на защиту своего предводителя»¹. Регинон Прюмский описывает Одона как «доблестного мужчину, превосходившего прочих красотой, ростом, телесною силой и великой мудростью»². Конечно, все это больше похоже на идеализацию, которая часто встречается в хрониках при описании властителей, но всё же можно сделать вывод, что Одон был храбр в бою, хорош собой и пользовался влиянием.

Наиболее впечатляющим его свершением стало бегство из Парижа в конце мая 886 г.: он намеревался получить помощь влиятельных светских и духовных лиц и сообщить императору Карлу Толстому, находившемуся в Италии, о тяжелой ситуации в Париже. К концу июня 886 г. он возвратился и привел с собой «три армии». Викинги пытались помешать ему проникнуть в город, устроив засаду на северном берегу Сены близ Иль-де-ля-Ситэ. Окружённый неприятелями, Одон бросился в атаку и «пронёсся прямо сквозь толпу безжалостных врагов» на быстром коне. В конце концов он достиг башни, где его ожидали распахнутые ворота. Часть сопровождавших его войск вступила в бой с данами, прикрывая его³. Одон остался в городе и пережил вместе с парижанами последние, самые тяжелые месяцы осады. Их усилия оказались сведены на нет, когда безнадежно больной Карл Толстый выплатил викингам выкуп, чтобы те удалились прочь.

Однако осада всё же имела важный результат: она прославила Одона и сделала его человеком, с которым нельзя было не считать-

¹ *Abbon. Bella. I. Lines 96–104, 246, II. 23–30*

² *Регинон Прюмский. Хроника (под 888 г.).*

³ *Abbon. Bella. II. Lines 203–209.*

ся. Когда в конце 888 г. Карл Толстый, «лишенный жизни и королевства [и] охваченный великой скорбью, скончался», корону предложили Одону. С великой радостью тот «принял королевский титул и власть... при поддержке всего франкского народа». Ему было около двадцати шести лет.

Что же можно сказать о человеке, ставшем королём Западной Франкии? Родившийся около 860 г., Одон был сыном Роберта Сильного, выходца из Восточной Франкии (вероятно, из области, лежащей между Мозелем и Рейном), о котором нам мало что известно. На короткое время он отложился от Карла, перейдя на сторону Людовика, когда тот в 858 г. вторгся в Западную Франкию, но затем сумел вновь вернуть благоволение Карла. В 861 г. тот сделал его герцогом Нейстрии — центральной части Западной Франкии, расположенной южнее Луары. При этом король возложил на него задачу защищать область между Сеной и Луарой от опустошавших ее бретонцев — кельтских народов, населявших территорию современной Бретани. Карл Лысый признал независимость их королевства, они же никогда не признавали власти франков. В конце концов Роберт вынудил их просить мира. Позднее он сражался с викингами и одержал над ними крупную победу при Бриссарте (недалеко от Анже) осенью 866 г., однако получил смертельную рану. В «Фульдских анналах» он именуется «вторым Маккавеем, явившимся в наше время»; если бы, утверждает автор, подробно описать «все битвы, которые он вел с бретонцами и северянами», то получилась бы история, «не уступающая деяниям Маккавеев»¹. (Иуда Маккавей известен как выдающийся иудейский военачальник, предводитель партизанской войны, сокрушивший войска Антиоха IV Епифана², пытавшегося принудить иудеев к почитанию эллинских языческих богов.)

У Роберта было двое сыновей; к моменту его смерти старшему, Одону, исполнилось шесть лет. Карл Лысый наложил руку на наследство, оставленное мальчишкам, и передал его опекуну детей Гуго, настоятелю аббатства Сен-Жермен в Осере, монаху, воителю и интригану. В 882 г., на третьем десятке жизни, Одон стал графом Парижским, а в 886 г. после смерти аббата Гуго получил все отцовские титулы. Во время осады Парижа Одон по-

¹ *Abbon. Bella. II. Lines 442–445.*

² Царь государства Селевкидов (175–164 гг. до н.э.). — *Прим. пер.*

казал себя достойным славы своего отца, сражавшегося с викингами. Однако вскоре его владениям суждено было погрузиться в хаос.

После смерти Карла Толстого франкский мир раскололся надвое, и всякая видимость единовластия исчезла. В отсутствие твердой руки решения приходилось принимать на местном уровне. Магнаты устраивали встречи, где избирались правители *reguli* (уменьшительное от латинского *rex*, король), как их именовали в насмешку¹. «Идеал» империи уцелел, и, как мы видели, саксонские монархи сумели возродить его. В 888 г., по крайней мере, было ясно, кто унаследует трон Восточной Франкии. Арнульф, внебрачный сын Людовика Немецкого, был не только главным действующим лицом в истории свержения Карла Толстого, он по закону претендовал на трон, поскольку в его жилах текла кровь Карла Великого.

Однако ситуация в Западной Франкии носила более сложный характер. Наследнику престола, отпрыску династии Каролингов, Карлу III Простоватому, исполнилось всего девять лет. Карла Простоватого уже обошли при выборе правителя в 884 г., когда его старший брат Карломан в результате несчастного случая погиб на охоте от руки друга. Ребенок вряд ли сумел бы организовать надёжную оборону от викингов, до сих пор представлявших собой реальную угрозу. Поэтому так случилось, что магнаты, чьи земли лежали на севере Франции, быстро приняли решение об избрании Одона с его блестящим «послужным списком», «временным» королём. Архиепископ Фульк Реймский выразил свое несогласие: горя желанием вступить в политическую игру, он настойчиво предлагал в качестве кандидата на трон своего дальнего родича, Гвидо II, правителя Сполето, свекра Агильтруды Беневентской. Гвидо поспешно переправился через Альпы, и в начале марта 888 г. в Лангре-на-Марне его короновал местный епископ. Но Одон предупредил соперника: всего несколькими днями ранее, 29 февраля 888 г., он короновался в Компьене. Одон имел возможность укрепить свою власть, благодаря чему получил преимущество перед Гвидо; кроме того, соотечественники видели в нём героя войн с викингами. Поэтому Гвидо вскоре предпочел возвратиться в Италию, дабы избежать проблем, которые ожидали его и с

¹ Фульдские анналы (под 867 г.).

которыми он не сумел бы справиться, взойдя на трон Западной Франкии.

У Одона, однако, возникло немало собственных проблем. Если говорить о ситуации внутри страны, то его кандидатура не устроила часть магнатов: те видели в нём узурпатора, преградившего путь к трону малолетнему Карлу, законному наследнику престола Каролингов. Существовала и внешняя угроза: предстояло немедленно разбираться с викингами. В конце июня 888 г. он одолел их в битве при Монфоконе, между Реймсом и Мецем, что помогло ему укрепить свои позиции. После неё некоторые из тех, кто прежде не определился в своих пристрастиях, поддержали его. Но в 891 г. норвежцы нанесли ему поражение. В 889 г. ему уже пришлось заплатить им выкуп, чтобы они покинули окрестности Парижа, и в результате его власть пошатнулась.

Немало проблем ему доставили и центробежные силы, чье действие дало о себе знать после падения империи Карла Толстого. На территории Южной Швейцарии и частично Южной Франции появилось новое «королевство» Верхняя Бургундия. Одон также утратил контроль над Аквитанией, т.е. фактически над южной половиной страны. Этот регион с его непростыми политическими процессами в течение нескольких десятилетий пользовался частичной свободой от центральной власти и в значительной мере консолидировался в X в. Прованс получил независимость в 879 г. Тем временем в Италии Беренгарий I захватил власть, однако ему тут же пришлось вступить в борьбу с Гвидо II Сполетским. Частичной независимостью пользовались Нормандия и Бретань. Более того, в самой Франции Одон обладал всей полнотой власти только в королевском домene, представлявшем собой узкую полосу земли, протянувшуюся от Луары и Орлеана к Парижу, а оттуда к северу, вплоть до Компьена. Но даже здесь ему приходилось быть начеку. На севере своих владений ему противостоял беспринципный интриган Болдуин Фландрский, взбунтовавшийся в 892 г. И хотя архиепископ Фульк после победы при Монфоконе в конце концов смирился, он по-прежнему оставался лидером сторонников Каролингов в Западной Франкии.

С Фульком нельзя было не считаться — ведь он занимал архиепископскую кафедру в Реймсе. Под его властью находились земли, принадлежавшие церкви и образовавшие анклав (пусть и не-

большой). Его предшественник, архиепископ Хинкмар (845–882), занимал господствующее положение как в церковной сфере, так и в политике. Архиепископ Реймский являлся митрополитом¹ Западной Франкии и, по крайней мере формально, осуществлял управление местной церковью в сотрудничестве с подчинёнными ему епископами (так называемыми епископами-суффраганами). Как пишет историк церкви Фридрих Кемпф, «жизнь митрополий, по крайней мере на западе, осуществлялась преимущественно в соответствии с принципом коллегиальности. Высшим органом правосудия в провинции являлся синод, причем митрополит был не более чем его председателем».

Однако митрополиты также могли являться с официальными визитами в диоцезы суффраганов, и, когда епископ умирал, митрополит брал «овдовевшую епархию» под свой контроль². Хинкмар был митрополитом *par excellence* (истинным), вследствие чего нередко конфликтовал с папским престолом. Фульк считал себя вторым Хинкмаром, но если харизма и полнота власти последнего никем не ставились под сомнение, то Фульку не доставало ни того, ни другого. Однако расторопности ему было не занимать. В конце 892 г. он активно интриговал с целью возвести на трон Карла III Простоватого, которому на тот момент исполнилось тринадцать лет. Согласно обычаю, принятому среди представителей династии Каролингов, совершеннолетие наступало в пятнадцать лет, однако, по мнению Фулька, Карл уже достаточно повзрослел, чтобы прислушиваться к хорошим советам и действовать в соответствии с ними. Итак, 28 января 893 г., в отсутствие Одона, отправившегося в Аквитанию, дабы утвердить там свою власть, Фульк короновал Карла в базилике Святого Реми в Реймсе, о чем немедленно сообщил папе Формозу в Рим и Арнульфу в Восточную Франкию. Формоз выразил свою поддержку Карлу и рекомендовал Арнульфу поступить так же. Однако Арнульф поступил умнее, взяв на себя (по собственному почину) роль арбитра в возникшем споре. Тем не менее начинание Фулька не имело успеха, поскольку сторонники Карла постепенно отложи-

¹ В латинском обряде католической церкви митрополитом называется глава церковной провинции, состоящей из епархий и архиепископий. — *Прим. пер.*

² *Kempf F. et al. The Church in the Age of Feudalism. New York, 1969. Vol. 3. P. 286–287.*

лись от него, и в середине 897 г. он оказался вынужден явиться к Одону и умолять о прощении (которое в итоге получил). 1 января 898 г. Одон неожиданно скончался в Ла Фере близ Суассона (ему было около тридцати семи лет). Со смертного ложа он обратился к своим сторонникам (в том числе к своему брату Роберту) с просьбой признать королём Карла. Можно сказать, что Одон не сумел сдерживать центробежные тенденции, возобладавшие в королевстве. После его кончины в период царствования Карла Простоватого центральная власть почти прекратила свое существование.

Карл вступил на престол в начале 898 г. Поначалу его позиции были достаточно прочными: обладавшие решающим влиянием на юге страны магнаты признали его, поскольку в его жилах текла кровь Карла Великого. Однако Карл III Простоватый (898–922) (его прозвище *Simplex* означало «простой» и «бесхитростный», а не «глупый») столкнулся с трудной задачей. Он получил хорошее образование, отличался благочестием и великодушием, однако занял престол, так и не достигнув зрелости и не имея необходимого жизненного опыта. Поскольку он являлся единственным отпрыском династии Каролингов, ему удавалось сохранять королевский сан благодаря постоянным напоминаниям о своих предках, даже несмотря на то, что во многих землях его власть имела чисто номинальный характер. Его окружали могущественные магнаты, чьи владения находились в Нейстрии, Бургундии, Аквитании, Фландрии, Оверни, Тулузе, Фландрии и Пуату и чья поддержка требовалась ему для сохранения единства страны. Магнаты, в свою очередь, нуждались в нем, дабы он придал их правлению статус законного.

Однако над его властью нависла нешуточная угроза, когда 17 июня 900 г. умер насильственной смертью его сторонник и советник архиепископ Фульк. Убийца по имени Винельмар, действовавший по наущению графа Фландрского Болдуина II Лысого, пронзил архиепископа копьем. Папа Бенедикт IV отлучил Болдуина и Винельмара от церкви, о чем сообщил в письме епископам. Клирики Реймса, в свою очередь, регулярно предавали обоих преступников проклятию (эта старинная христианская формула обычно использовалась при упоминании еретиков): «Проклят ты [будешь] в городе и проклят ты [будешь] на поле. Прокляты [будут]

житницы твои и кладовые твои. Проклят [будет] плод чрева твоего и плод земли твоей, плод твоих волов и плод овец твоих. Проклят ты [будешь] при входе твоём и проклят при выходе твоём... Да испустишь ты дух свой в отхожем месте, подобно вероломному Арию»¹ (еретику IV века).

Угроза, созданная Болдуином, стала лишь одной из тех проблем, с которыми столкнулся Карл. Так, непростые отношения сложились у него с младшим братом Одона Робертом. Унаследовав все земли Нейстрии, лежавшие между Сеной и Луарой, Роберт взял под контроль территории, прежде принадлежавшие короне. Это значительно ослабило свободу передвижений Карла: он лишь изредка выезжал за пределы королевских владений близ Парижа.

Карл был также признан королём, по крайней мере формально в Бургундии и Аквитании. В целом, до 910 г. Карл пользовался уважением. Он был миролюбив и не обладал талантом полководца, почему и поручил защиту Западной Франкии от викингов более способным военачальникам, в том числе и Роберту, правителю Нейстрии. Когда в 911 г. силы франков сокрушили викингов, осаждавших Шартр, и обратили их в бегство, Карл смог вздохнуть свободнее. Эта победа, как мы увидим позже, в конечном итоге привела к созданию герцогства Нормандского, которое одновременно сдерживало угрозу нападения викингов и ограничивало власть Роберта Нейстрийского.

Казалось, удача улыбнулась Карлу вновь, когда в 911 г. магнаты Лотарингии обратились к нему с просьбой взять под свою власть Лотарингию, где скончался Людовик IV Дитя, последний из живших там Каролингов. Лотарингия, владение императора Лотаря II, участника братоубийственной войны, скончавшегося в 869 г., иначе именовалась *Francia Media*, «Срединная Франкия». Население этой области не характеризовалось ни языковым, ни этническим единством; сама она была искусственным образованием, созданным с политическими целями. Территория Лотарингии протянулась от тех мест, которые в наши дни относятся к Северной Швейцарии, вдоль Рейна по обоим его берегам до Эно — провинции на юге современной Бельгии, находящейся неподалёку от границы Бельгии с Францией. Она вошла в состав Восточной Франкии в 880 г., но тамошние магнаты поддерживали то восточ-

¹ Первая часть цитаты — Второзаконие. 28.18 сл.

ных, то западных правителей, и ситуация оставалась нестабильной вплоть до смерти Людовика IV. Тогда магнаты Лотарингии, возглавляемые Ренье Длинношеим, графом Эно, решили вверить свое будущее Карлу Простоватому. Тот женился на влиятельной и богатой жительнице Лотарингии по имени Фридеруна, и у них родились три дочери.

Получив контроль над Лотарингией, Карл исполнил давнюю мечту: ведь он был потомком своего великого тезки, придавал немалое значение этому факту и всегда стремился завладеть исконными землями Каролингов вокруг Аахена. Более того, он получил богатство, земли и войска взамен тех, которые утратил, лишившись Нейстрии. Всё это побудило его окончательно поселиться в самом сердце Франкии. Теперь, по его мнению, он обрел статус *rex Francorum*, короля франков. В таковом качестве он встретился с Генрихом I, недавно взошедшим на престол Восточной Франкии и также лелеявшим замысел взять Лотарингию под свой контроль. Встреча произошла 7 ноября 921 г. на корабле посреди Рейна, неподалеку от Бонна, на своего рода нейтральной полосе между двумя королевствами. Генрих Фихтенау подчеркивает, что ранг участников имел важнейшее значение в ситуациях встреч такого рода, но в данном случае церемонии были сведены к минимуму. Было признано, что оба короля имеют статус *reges Francorum*: Карл — король франков Запада, Генрих — король франков Востока (при том, что сам он франком не являлся). Но в письменном тексте договора имя Карла стояло прежде имени Генриха, что отражало «безусловное первенство потомка Каролингов перед саксом».

Однако Лотарингии суждено было стать удавкой на шее Карла. Расставшись с первой женой, уроженкой Лотарингии, родившей ему одних лишь дочерей, он взял в жены Огиву Уэссекскую, дочь англосаксонского короля Эдуарда Старшего и сестру Идгид (жена Оттона I). На сей раз у него наконец родился сын Людовик, позднее получивший прозвище д'Утрмер (Заморский). Вскоре Западная Франкия оказалась на грани бунта: магнаты, в особенности лотарингские, негодовали по поводу вмешательства в их дела никому не известного фаворита, юноши низкого звания по имени Аганон (Хагано), у которого Карл то и дело спрашивал совета. Затем Карл лишился своего мудрого помощника архиепископа Жерве Реймского (тот скончался 2 июля 922 г.). Его место занял

ставленник Роберта Нейстрийского, архидиакон Сеульф. Ситуация ухудшилась ещё более, когда Карл отобрал аббатство Шелль, расположенное неподалеку от Парижа, у дочери Карла Лысого, снохи Роберта Нейстрийского, и подарил его Аганону. Магнаты Западной Франкии взбунтовались и избрали королём Роберта. Друг семьи Роберта, Вальтер, архиепископ города Санс, быстро совершил обряд помазания. Папа Иоанн X признал Роберта королём; так же поступил и Генрих I, король Восточной Франкии, которому было выгодно ослабление власти Карла над Лотарингией. Вспыхнула гражданская война. Роберт погиб от удара копья в битве при Суассоне 15 июня 923 г., однако его армия одержала победу.

У Карла ещё оставалась возможность оправиться от этой неудачи, но в его судьбе сыграл роковую роль Герберт II, граф Вермандуа и Труа, чья сестра Беатрис была замужем за Робертом I. Герберт предложил Карлу прибыть на переговоры, поклявшись, что не причинит ему вреда. Карл попал в западню: его заключили в тюрьму в Перонне близ Амьена. Герберт II, амбициозный, агрессивный и беспринципный, во что бы то ни стало желал расширить свои владения и собирался использовать Карла как пешку в своей игре. Заточение, на которое он обрек Карла, было расценено как преступное похищение помазанника Божия. Папа Иоанн X выразил свой протест и пригрозил Герберту отлучением, но тот не испугался. Он попытался захватить в плен и детей Карла, и законных, и внебрачных. Королева Огива бежала в Англию вместе с сыном Людовиком. Карл умер в тюрьме от дурного обращения в 929 г.

В качестве преемника Карла, само собой разумеется, избрали сына Роберта Гуго. Титул графа Парижского обеспечивал ему контроль над королевским доменом, и он уже именовал сам себя «герцог Франкский милостью Божией», имея в виду свою власть над Нейстрией. Таким образом, в его руках оказались все земли между Сеной и Луарой. Позднее он получил прозвище «Великого». Проявив дальновидность, он решил, что в качестве «серого кардинала» он сможет пользоваться куда большим влиянием, и отказался от короны. После непростых переговоров магнаты обратились к его зятю Радульффу (известны также такие варианты его имени, как Ральф или Рауль) Бургундскому.

Радульф был сыном Ричарда Заступника, первого герцога Бургундии (следует иметь в виду, что эти земли не то же самое, что королевство Верхняя Бургундия). Ричард Заступник и его брат Босо, как и их отец, изначально состояли на службе у Людовика Благочестивого и Карла Лысого. Сестра Людовика Ришильда сделалась наложницей, а потом и второй женой Карла. Тот наделил братьев землями в Провансе и Южной Бургундии. Герцог Ричард оставался последовательным сторонником династии Каролингов и яростным борцом с викингами. Трудно объяснить, откуда взялось данное этому воину высокого роста прозвище *Justiciar*, означающее справедливого правителя (оно закрепилось за ним позднее, так как само слово вошло в обиход только в XII в.). По совести говоря, Ричард проявлял изрядную жестокость, отнимая земли, принадлежавшие монастырям и аббатствам, и формируя свои владения. При этом он преследовал цель захватить все епископства Бургундии, дабы назначать туда угодных ему лиц. Сделав ловкий стратегический ход, он наложил руку на епископство Отенское, выдав дочь замуж за сына местного епископа Вало де Вержи. Куда меньшую тонкость он проявил в случае с диоцезом Лангре: в 894 г. он подговорил своего зятя и сторонника, бессердечного Манассе де Вержи, графа Отенского и Шалон-сюр-Сонского, вырвать глаза епископу Тевтобольду II и заточить в тюрьму Вальтера, архиепископа Санса. Оба священнослужителя проявили твердость в борьбе с амбициями Ричарда. Позднее папа Формоз отлучил его и графа Манассе от церкви.

В 921 г. Ричард скончался. Сын его Радульф был женат на Эмме, дочери Роберта I, и по этой причине, когда Роберт погиб в бою, магнаты обратились к Радульфу. Радульф (923–936) оказался в жёсткой зависимости от Гуго Великого, не пожелавшего принять корону. Вскоре Радульф объединился с Гербертом (Хернбертом) II Вермандуа, по-прежнему державшим в заточении Карла Простоватого и к тому же захватившим Равеннский анклав, принадлежавший церкви. Он также потребовал, чтобы ему передали Лан, часто служивший резиденцией Каролингам. Однако Лан был пужен самому Радульфу (этот город на холме, надёжно защищённый самой природой, представлял собой отличное место для обороны, и Радульф использовал его в качестве своей базы в Северной Франкии), и он отказался передать его Герберту. Жена Радульфа Эмма героически защищала «гору Ланскую», как она именуется в

«Анналах» Флодоарда, но Герберт всё же осаждал город некоторое время, пока его не оттеснили¹. Тогда он попытался пустить в дело свою козырную карту своего пленника Карла, пригрозив вновь возвести его на трон. Но угроза утратила актуальность со смертью Карла в 929 г.

Герберт также воспользовался тем, что держал под контролем Реймс: когда в 925 г. неожиданно скончался архидиакон Сеульф, он сделал его преемником своего юного сына Гуго. Он продемонстрировал полное презрение к церковным обычаям: «Прибыл в Реймс и проследил за тем, чтобы и вассалы, и клирики сего собора прислушались к его совету касательно избрания архиепископа». Несомненно, он подкрепил совет угрозами. В результате «Реймс подчинился графу Герберту, и тот правил им от имени своего сына Гуго, маленького мальчика... коему не было и пяти лет» и который едва не поставил рекорд, будучи самым молодым епископом в истории церкви².

Взятие Реймса под контроль давало Герберту возможность получать доходы с земель диоцеза и распоряжаться его казной. Один из прихлебателей Герберта Аббон, епископ Суассонский, отправился в Рим, чтобы убедить папу Иоанна X одобрить избрание ребёнка. Папа, на тот момент оказавшийся в затруднительном положении из-за конфликта с Марозией, утвердил кандидатуру Гуго, но назначил Аббона временным управляющим диоцезом. Вскоре его сменил епископ Одальрик Экс-ан-Прованский, чьи владения захватили сарацины. Но на этом история епископа-ребёнка не завершилась.

Напряжённые отношения и настоящая война между Гербертом и Радульфом продолжались (король старался расширить свое влияние в северной части Франкии), хотя временами они объединялись, чтобы сдержать натиск викингов. В конечном итоге Радульф и Гуго Великий вернули себе власть над Реймсом в 931 г. Они немедленно сместили дитя-епископа и заменили его монахом Артольдом из местного монастыря Сен-Реми.

В годы своего правления Радульф тратил немало сил на то, чтобы держать в узде под контролем непокорных магнатов и предводителей военных отрядов (весьма неблагоприятное занятие), а

¹ Флодоард Реймский. Анналы (под 927 г.).

² Там же.

также защищать королевство от викингов и мадьяр. К 935 г. силы его иссякли, и он «всю осень пролежал тяжело больной»¹. 14 января 936 г. он скончался. Как пишет Флодоард, «граф Гуго [Великий] отправил послов за море [в Англию] и призвал Людовика, сына Карла [Простоватого], чтобы тот взял в свои руки бразды правления [Франкией]». Мать Людовика, Огива, бежала с сыном в Англию, когда Карл Простоватый попал в тюрьму. Дядя Людовика, король Ательстан, «отправил его назад во Франкию вместе с епископами и другими верными (*fideles*), когда послы франков дали клятвы. Гуго и прочие знатные франки выехали, чтобы встретить Людовика, когда он сошел с корабля, и на берегу Булонь-сюр-Мер признали его власть в точном соответствии с тем, как прежде условились обе стороны». Затем они отправились в Лан, где Людовик, достигший к тому моменту шестнадцатилетнего возраста, был помазан и коронован архиепископом Артольдом. При сем присутствовали «*principes* — королевства и более чем двадцать епископов»². Таково было благоприятное начало правления Людовика IV (936–954).

Почему же Гуго Великий пригласил занять трон Людовика, а не сделал этого сам? Да, в жилах Людовика, правнука Карла Лысого, текла кровь Каролингов. Но и Герберт II Вермандуа тоже был Каролингом, потомком незаконнорожденного внука Карла Великого Бернарда, короля Италии. Некоторые утверждают, что Гуго Великий страдал от мук совести, поскольку предал Карла Простоватого, и надеялся облегчить ее, возведя на престол законного наследника. Пьер Рише замечает: «Весьма вероятно, что Гуго имел честные и искренние намерения». Однако, по словам исследователя, в любом случае молодой король находился во власти Гуго, «что позволяло ему самому фактически править королевством»³.

После коронации Людовика IV Гуго Великий кое-как восстановил отношения с Гербертом II Вермандуа, и в 940 г. тот вновь занял Реймс. Он вернул архиепископство своему сыну Гуго (тому исполнилось девятнадцать). Согласно Флодоарду, устрашённого

¹ Флодоард Реймский. Анналы (под 935 г.).

² *Annales de Flodoard*. Paris, 1905. P. 187.

³ *Riché P. The Carolingians: A Family Who Forged Europe*. Philadelphia, 1993. P. 256.

Артольда «убедили отречься от престола и власти»¹. Папа Стефан VIII послал Гуго архиепископский паллий, желая облегчить положение Людовика IV. Гуго Великий и Герберт на тот момент лишили Людовика своей поддержки и вели переговоры с Оттоном I. Конечно, в попытке магнатов сдвинуть между собой правителей Западной и Восточной Франкии не было ничего нового. Но ситуация вновь изменилась в результате внезапной кончины Герберта II 23 февраля 943 г. Инициатива вновь оказалась в руках Людовика IV, и это продолжалось до тех пор, пока в 945 г. его не предали и не отослали к Гуго Великому, заточившему его в темницу.

Удача улыбнулась Людовику, когда Оттон I и папа Марин II настояли на его освобождении. При поддержке Оттона Людовик получил возможность упрочить свою власть над землями к северу от Сены. В 946 г. он с крупными силами осадил Реймс, и союзники архиепископа Гуго убедили его сдаться, поскольку, «если *urbs* [город] будет взят штурмом, они не смогут вмешаться... дабы помешать вырвать ему глаза». Гуго уступил, и Артольд вновь сделался архиепископом. Архиепископы Роберт Трирский и Фредерик Майнцский «встретили [Артольда]. Они взяли его за руки и возвели всё на тот же епископский трон»². Он занимал его до самой своей смерти, последовавшей в 961 г.

В середине 947 г. архиепископ Гуго, объединившись с Гуго Великим, вновь атаковал Реймс, но после восьмидневной осады отступил. Боевые действия, а также переговоры, призванные разрешить вопрос о том, кто будет контролировать диоцез, продолжались и на следующий год, пока папа Агапит II, получив письмо от архиепископа Артольда, не отправил легата к Оттону I и не попросил его созвать синод всех франкских земель. Как мы уже знаем из предыдущей главы, это отвечало стратегическим замыслам самого Оттона, и 7 июня 948 г. синод в Ингельхайме, неподалеку от Майнца, приступил к рассмотрению проблемы. В его задачи также входило примирение короля Людовика и Гуго Великого. «Эти конфликты, — замечает Флодоард, — потрясали всё франкское королевство». На заседания прибыли Оттон I, Людовик IV, папский легат епископ Марин и ещё тридцать один

¹ Флодоард Реймский. *Анналы* (под 946 г.).

² Там же.

епископ, включая Артольда; архиепископ Гуго же приехать отказался. Несмотря на попытку одного из его сторонников обмануть собрание, предъявив фальшивый документ, синод подтвердил право Артольда на архиепископский престол. Собравшиеся «отлучили вышеупомянутого Гуго, [неправедно] взявшего бразды правления церковью в Реймсе, покуда он не понесёт наказание и не даст должного удовлетворения». На его тёзку, Гуго Великого, «вторгшегося во владения короля Людовика и опустошившего их, [следовало] обрушить меч отлучения, покуда он не явится пред лицом синода и не возместит убытки, нанесённые в результате его ужасающих бесчинств».

Однако привести Гуго Великого к повиновению было непросто. Он вверг в хаос Северную Франкию, во главе войска викингов осадил Суассон. «Он убил многих защитников [города] и предал огню... [собор]... а также сжег монастырь и часть города (*civitas*)». Он «разграбил *villae*¹, принадлежавшие реймской церкви... Бандиты Гуго перебили немало зависимых [крестьян], разорили [множество] церквей и бесчинствовали столь яростно, что в селении Кормиси убили почти сорок человек возле церкви и обчистили тот храм, не оставив в нём ничего».

Синод в Трире, в котором принял участие папский легат Марин, при поддержке Оттона I отлучил Гуго Великого от церкви, «покуда он не войдет в разум и не возместит [убытки]... Если же он продолжит упорствовать, то пусть отправляется в Рим за отпущением грехов». Гуго пытался сопротивляться, но к началу 950 г., когда Оттон недвусмысленно выразил свою поддержку Людовику, он подчинился и признал себя вассалом короля. В соответствии с одним из условий соглашения он передал Лан Людовику.

Увы, королю недолго пришлось радоваться достигнутым успехам. Возвращаясь из Лана в Реймс в начале 954 г., он заметил впереди на дороге волка. Не в силах удержаться от желания добыть зверя, он начал преследовать его и на полном скаку упал с лошади. В результате он получил тяжелые травмы, которые усугубили другой его недуг, — элевфантиазис (заболевание, вызванное паразитами, связанное с нарушением циркуляции лимфы и приводящее к распуханию конечности или мошонки). Король страдал им несколько лет и вскоре он умер от полученных травм.

¹ Усадьбы при полях и пастбищах.

Если мы бросим взгляд на Западную Франкию, то может показаться, что она оказалась на грани беспрецедентного хаоса. Возникает ряд вопросов. Какова, по сути, была роль королей? Были ли эти люди «королями» хоть в каком-то реальном смысле слова, или же они просто становились на короткое время первыми среди равных? Сколько магнатов и предводителей военных отрядов насчитывалось в то время и какой властью они обладали? На каких принципах строилось управление государством? В поисках ответов на эти вопросы нужно попытаться увидеть тогдашние события в перспективе психологии людей X в. и их представлений о государственном управлении.

Мы, современные люди, считаем само собой разумеющимся, что король правит королевством, тогда как последнее представляет собой целостное в территориальном отношении образование с четкими границами. Если дело обстоит иначе, то он не может быть настоящим королём. Но в те времена власть короля скорее носила личный характер, нежели определялась по территориальному принципу. Иными словами, короли обладали властью лишь там, где находились в данный момент. Более того, королевство, понятое как географическое единство, представляло собой бессмысленную абстракцию. Такое слово, как «Франкия», не использовалось для обозначения земель, лежащих в границах королевства. Скорее Франкия представляла собой область с весьма нечёткими границами, где испокон веков жили франки и по которой путешествовал король, заставляя ощутить свое присутствие самым непосредственным образом. Как пишет Томас Данбебин, «король Западной Франкии имел власть в некоторых местностях, вступал в конфликты в других, сохранял авторитет в третьих, а со временем эта конфигурация менялась»¹. Хотя представление о королевской власти как о чём-то сакральном сохранялось, непосредственная власть её обладателя ограничивалась пределами королевского домена, и даже здесь ей временами бросали вызов. В зависимости от места она была то достаточно значительной, то ничтожной, то её не существовало вовсе. *Regnum*, господство, представляло собой персональное дело правления. Оно осуществлялось в целом самим королём, а конкретно другими лицами. Магнаты и аристократы

---

¹ *Dunbabin T. West Francia: The Kingdom // Cambridge Medieval History. Vol. III. P. 37.*

«правили», и подобно королю, их власть зависела от личного присутствия, которое ощущалось тем более, что они контролировали ограниченную территорию, и это делало его более ощутимым. С одной стороны, Западная Франкия была экспериментальной площадкой для централизованного правительства. И чем более локальный характер она носила, тем более ощутимой была. Власть и авторитет монарха стремительно обесценивались, поскольку магнаты воспринимали себя как партнёры в деле управления и выборщики короля. С другой стороны, в Западной Франкии нарастала дезинтеграция по мере ослабления королевской власти. В этих условиях честолюбивые аристократы-головорезы не могли не воспользоваться открывшимися возможностями. В условиях всеобщей неуверенности народ всё больше начал воспринимать магнатов и местных военных вождей как силу, способную защитить и от грабежей, разбоев, распрей, захватов земли и зверств, совершавшихся соседними военными предводителями, стремившимися расширить свои владения. В молитве в своей «Истории» (I. 4) монах Рихер говорит Богу, что «люди отказываются признавать власть короля, но охвачены мыслью только о том, как бы награть в других наивозможно больше».

В конце концов Западная Франкия просто распалась на несколько частей. В итоге на её территории существовала теперь конфедерация из герцогств, графств, земель церкви и светских сеньоров, а также королевского домена. Между ними существовали значительные языковые, культурные, этнические (франки, бретонцы, норманны, галло-римляне, провансальцы, испанцы), экономические различия, у них были разные законы, монетные системы, даже меры и весы. Культурные и лингвистические различия между франками Севера и Юга, включая герцогства Аквитанию и Гасконь, были весьма значительными. Поскольку эта ситуация носила переходный характер и отличалась переменчивостью, нелегко определить, сколько конкретно таких образований существовало в пределах Западной Франкии в каждый конкретный момент этого периода. Около 1035 г. там насчитывалось пять герцогств, один маркизат, по крайней мере сорок два графства (но на деле, видимо, больше), две светских и восемь церковных сеньорий, а также королевский домен и две области, зависимые от короны. Нередко заключались браки между представителями семей, управлявших этими территориями, что ещё более запуты-

вало отношения родства и соперничества и способствовало как войне, так и миру. Эти династические связи представляют собой настоящий клад для современных специалистов по генеалогии. В такой обстановке оказывалась возможной определённая социальная мобильность. Пример её Бодуэн Железная Рука (ок. 830–879). Будучи человеком скромного происхождения, он сумел возвыситься, захватив малонаселённую Фландрию, и объявил себя графом. Он добился немалой известности, когда сумел убедить дочь Карла Лысого Юдит (Юдифь) бежать с ним; супружеская чета совершила путешествие в Рим, где уговорила папу Николая I признать их брак законным. Их сын, Бодуэн II, убил в 900 г. архиепископа Фулька Реймского¹. Другим удачливым честолюбцем и доблестным воином был Герберт II, который силой оружия установил контроль над графством Вермандуа и прилегающими землями. Ему пришлось защищать их. Это было обычным занятием представителей высшего класса.

В сущности, власть основывалась на способности обеспечивать защиту. Политическая поддержка носила либо региональный, либо локальный характер, и важнейшую роль играли в этом герцоги, графы и другие титулованные военные предводители с их отрядами *milites* (воинов), выполнявшими их волю. *Castellani* (замки и укрепления) возводились во всё большем числе. При этом стремились расположить их так, чтобы они господствовали над наиболее важным географическим пунктом: пересечение дорог, переправа через реку или долина в местности, игравшая ключевую роль в обеспечении контроля над территорией, обладание которой позволило бы сделать бесплодными любые попытки неприятеля осуществить вторжение»². Бытие большинства людей ограничивалось ближайшей округой и экономическими возможностями существования в рамках общины. Несмотря на то что это была весьма примитивная форма социального устройства, она в полной мере соответствовала наиболее актуальным запросам времени. Позднее историки назовут это феодализмом, хотя нельзя рассматривать его как некую систему, подходящую для всех случаев. Это устройство носило сугубо локальный характер, и двумя опорами, на которых она держалась, были землепользование и вооружённая

¹ Если быть точнее, то Фулька убил вассал Бодуэна Винемар. — Прим. пер.

² Humble R. Warfare in the Middle Ages. Lombard, IL, 1989. P. 110.

защита. Богатство зависело от обладания землёй, а вооружённая защита обеспечивалась местными феодалами, которые этой землёй владели. Данебин удачно замечает, что люди «искали поблизости своего Карла Великого в миниатюре»¹.

В результате мужчины из высшего класса постоянно сталкивались с опасностью погибнуть или получить увечья в боевых столкновениях в ходе почти не прекращавшихся конфликтов. Феодалы то и дело либо обороняли, либо расширяли свои владения, либо участвовали в более крупных войнах регионального масштаба. Такое происходило, в частности, к югу от Луары, где представители аристократии считали себя свободными от всякого контроля со стороны закона и короля. Насилие на местном уровне стало нормой жизни. Людям, привыкшим к опустошительным набегам викингов, пришлось теперь страдать от анархии, ставшей результатом поведения их собственных повелителей.

Опора на местную поддержку была обычным делом. Мы уже видели такие примеры, как Гуго Великий в Нейстрии, Герберт II в Вермандуа, Ричард Юстициарий в Бургундии, графы Бодуэн I и II во Фландрии. Ещё одним важным герцогством являлась Нормандия. Его создание оказалось наиболее важным актом правления Карла Простоватого, поскольку оно изменило баланс политических сил в Европе. Норвежские набеги не прекратились, но Нормандия всё же была буфером, до известной степени защищавшим внутренние районы Западной Франкии от нападений. После поражения под Оксерром силы викингов, возглавленные неким Роллоном (вероятно, не идентичным тому, который осаждал Париж в 885–886 гг.), вновь были захвачены врасплох, когда попытались осадить Шартр в июле 911 г. франкским войском, которое стало действовать к тому времени куда увереннее. Пользуясь возможностью, Карл Простоватый начал с Роллоном переговоры о мире.

Мы ничего не знаем о скандинавском происхождении Роллона, хотя не исключено, что по-норвежски его звали Гангером Хрольфом, или Рольфом (латинизированная форма «Роллон») Уокером («пешеходом»), поскольку он был столь тучен, что лошадь не выдерживала его и потому ему повсюду приходилось передвигать-

¹ *Dunabin J. France in the Making 843–1180. Oxford, 1985. P. 46.*

ся пешком. Хотя источников по ранней истории Нормандии мало, мы всё же знаем, что Карл и Роллон встретились в октябре 911 г. в Сен-Клер-сюр-Эпт, к востоку от Руана, чтобы обсудить вопрос о выделении викингам области для постоянного проживания. Согласно «Хронике аббатства Сен-Дени», составленной примерно двести лет спустя после событий, поначалу речь шла о Фландрии, но норманны отказались, сочтя её слишком болотистой. Или (и это более вероятно) они знали, что им придётся иметь дело с герцогом Бодуэном. В конце концов Роллон согласился на земли вокруг Руана и в низовьях Сены — ядро того, что стало графством Нормандия.

Очевидно, произошла комедия ошибок, когда Роллон принял предложение Карла, но отказался поцеловать ногу короля. Он «повелел одному из своих воинов совершить этот акт вместо него. Этот человек взял ногу короля, поднял её к своим губам и поцеловал, не склонившись над ней, так что король опрокинулся навзничь. Последовали взрыв хохота и великое смятение в толпе зевак».

Карл восстановил свою честь и мог хотя бы втихомолку усмехнуться вскоре после того, как «Роллона крестил... Франкон, архиепископ Руанский... Язычники, видя, что их вождь стал христианином, отреклись от своих идолов, приняли Христово имя и в едином порыве решили креститься. Той порою норманнский герцог всё приготовил для блестящей свадьбы и женился на [Гизеле], дочери короля, согласно христианскому обряду»¹.

Гизела была вряд ли намного старше пяти лет на момент бракосочетания. Роллон стал графом, вассалом Карла. Большая часть франкской знати покинула Нормандию, и викинги смогли беспрепятственно вселиться туда со своими семьями для постоянного проживания.

Карл поступил мудро. Таким образом до известной степени ограничивалась угроза со стороны викингов и создавался противовес могуществу Роберта Нейстрийского. Но полностью прекратить норвежские набеги не удалось. В «Анналах» Флодоарда зафиксировано двадцать одно нападение норманнов на Западную Франкию между 919 и 948 гг. И появилось ещё два крупных и

---

¹ Chronicle of Saint Denis // *Ogg F.A. A Source Book of Medieval History*. New York, 1972. P. 171.

несколько мелких поселений пришельцев с севера: наиболее крупные возникли в Нормандии и на Луаре, близ Нанта.

Викинги действовали на Луаре в течение семидесяти пяти лет. Впервые они появились здесь в 843 г. и, воспользовавшись жестокой распрей между Райнальдом, герцогом Нантским, и двумя графами Бретонскими, захватили Нант во время праздника Иоанна Предтечи 24 июня 843 г. Произошла ужасная резня. Викинги «убили епископа, многих клириков и простых людей обоего пола, а город (*civitas*) разграбили». Согласно версии, епископ Гохард был убит во время праздничной мессы. Если сведения более поздних хроник достоверны, то это особенно жестокое нападение, и совершила его группа викингов, которые, как мы уже видели, поселилась на острове Нуармутье в устье Луары. К началу X в. викинги поселились в графстве Нант, хотя сам «город Нант долгие годы оставался покинутым, опустошённым и заросшим вереском и терновником»¹. Предводителем викингов был некий Рагенольд, чьи воины рыскали по всей Франкии. Иногда вместе с норманнами из Руана.

Кельтская Британия также страдала от вторжений викингов, на нее нападали как те, кто жил по берегам Луары, так и обитатели Нормандии. Однако в 936 г. началось возрождение герцогства Бретань, когда Ален II Кривая Борода возвратился из изгнания в Англии. Он «был крепок телом, очень храбр и убивал вепрей и медведей не железным оружием, а деревянной дубиной»². К 939 г. он вернул себе Нант и изгнал викингов из низовьев Луары. Это положило конец существованию этого норманнского анклава, который стал моделью для Нормандии. Тем не менее положение Бретани при Алене оставалось уязвимым, и вскоре (в 944 г.) он потерпел поражение, которое Флодоард называл «катастрофой». Оно привело к «резне бретонцев и вытеснению с собственной земли. А те норманны, которые вторглись в их земли, недавно пришли из-за моря», т.е. из Англии³. Однако Ален остался жив, и только после смерти герцога в 952 г. в Бретани началась смута, когда сыновья Алена умерли юными, а его бастарды стали бороться между собой за первенство. Это привело к ослаблению Бретани

¹ Бергинские анналы (под 843 г.).

² Нантская хроника. Гл. 29.

³ Флодоард Реймский. Анналы (под 944 г.).

на последующие два столетия, однако её жители никогда не утрачивали сознания того, что они кельты.

Свидетельств по ранней истории норманнов немного, поскольку викинги в основном не знали грамоты, а сохранившиеся сообщения принадлежат к иной традиции. Среди них не было выдающихся хронистов; так или иначе ранние норманны представляли собой народ, находившийся в переходной стадии, и «Нормандия к середине столетия не являлась колонией викингов; это была область Франции, заметно отличавшаяся от других провинций (так же, как они отличались одна от другой), но бесспорно французская»¹. Таким образом, хотя нелегко выяснить, что происходило в ранние годы норманнской истории, но, по всей видимости, Роллон и его преемники Вильгельм I и Ричард постепенно расширили территорию герцогства Нормандского с помощью удачных политических и стратегических сделок, а заодно нападали на более слабых соседей и приводили под свой контроль других викингов, проживавших в тех краях. Роллон действовал, по-видимому, как франкский граф, представитель короля, хотя и продолжал действовать в духе викингов методами террора; наказания за уголовные преступления отличались исключительной жестокостью.

Были весьма распространены браки между норманнскими поселенцами из Дании, Северо-Восточной Англии и Ирландии и франкскими женщинами. Языческие традиции норманнов и христианство сосуществовали, многие люди носили по два имени: одно норманнское, другое христианское. Монах-хронист Адамар из Шабана приводит яркий пример следования обоим путям в последние дни жизни Роллона. Согласно его рассказу, Роллон «приказал обезглавить в своём присутствии множество пленников в честь тех богов, которых он почитал. Он также раздавал громадное количество золота храмам в честь истинного Бога, чьё имя он принял при крещении»².

Похоже, около 927 г. Роллон передал правление Нормандией своему сыну Вильгельму I Длинному Мечу (927–942). В отличие от своего отца-полуязычника, Вильгельм был глубоко верующим христианином и даже хотел уйти в монастырь, однако в конце

¹ Donald Logan F. *The Vikings in History*. London; New York, 2005. P. 118.

² Adamari *historiarum libri III*. 3.

концов женился на дочери графа Герберта I, Лиутгарде I. Ему пришлось столкнуться с сильным возмущением и даже мятежами языческих элементов норманнского общества, которые сопротивлялись христианству и отказу от традиционных обычаев. Вильгельм постепенно взял ситуацию под контроль и затем вторгся в Бретань, исходя, видимо, из того, что внешняя война лучше всего позволяет объединить людей внутри страны. Во второй половине своего царствования он втянулся в другую омерзительную войну, на сей раз с Арнульфом I Фландрским (918–965), во время которой предал огню и мечу некоторые *villae*, принадлежавшие графу Арнульфу¹. Тот немедленно отомстил. Он организовал вероломное убийство Вильгельма на небольшом острове посреди Соммы во время перемирия в конце декабря 942 г. Вильгельму наследовал его десятилетний сын Ричард I (942–996). В годы долгого и мирного правления Ричарда христианство прочно укоренилось в Нормандии, и население стало скорее «франкским, нежели норманнским». Самопровозглашённый «герцог» Нормандии ввёл систему управления на каролингский манер, женился на Эмме, дочери Гуго Великого, и сохранял мир с соседями, главной опорой которого был их страх перед его воинскими доблестями. Он также занялся реформой церкви, которая предусматривала укрепление структуры диоцезов и учреждение монастырей, включая великолепный Мон-Сен-Мишель на побережье близ Авранша. К 996 г., когда Ричард умер, герцогство Нормандия настолько усилило свои позиции, что в следующем столетии активно включилось в межгосударственные отношения.

В состав Западной Франкии также входило герцогство Аквитанское, расположенное на юге. Гильом I Благочестивый (875–918), граф Овернский, контролировал обширную Юго-Восточную Аквитанию, доставшуюся ему по наследству, а Ранульф II, (850–890) — её северо-западную часть; область к югу от Луары (за исключением Гаскони и Каталонии) находилась под властью этих двух человек. Их власть зависела от способности держать в повиновении аристократию, большинство представителей которой стремились выделить собственные сферы влияния. Гильом хорошо разбирался в делах и отличался благочестием; он основал Ключийское аббатство. Его друг Ранульф II, напротив, умер в молодом возрасте

¹ Флодоард Реймский. Анналы (под 939 г.).

(возможно, от яда), не оставив законного потомства. Титулы покойного унаследовал бастард Эбл Манцер (902–935). Слово *manzer* (или *tamzer*) в раввинской традиции относится к человеку, зачатому в результате запретной любовной связи, в данном случае предположительно между Ранульфом и еврейской замужней женщиной. После десятилетнего пребывания в качестве изгнанника при дворе Гильома Благочестивого, где ему оказывал поддержку Герберт Орильякский, Манцер вновь завоевал Пуатье и вернул себе титул графа Пуатевинского. В его правление не произошло ничего особенного, хотя он был обладателем титула герцога Аквитанского с 928 до своей смерти в 935 г.

Гильом скончался в 918 г. Ему наследовал его племянник Гильом II, который умудрился потерять всё, чего достиг его дядя. Он умер в 926 г. Последовало замешательство. Арчибальд Р. Льюис пишет, что «история первых трёх четвертей X столетия... один из случаев провала попыток создания территориального государства в этих краях и постепенного распада той системы управления, которая ещё не успела развалиться... К 975 г. то, что возникло на юге Франции, представляло собой не княжества, а нечто дезорганизованное почти до уровня анархии»¹.

В результате малой компетентности таких правителей, как Гильом II и Эбл Манцер, Южная Франция² оказалась во власти местных военных предводителей и разбойников и стала эпицентром локальных и зачастую очень ожесточённых конфликтов³.

Это обуславливалось как раздробленностью этих территорий, так и слабостью центрального правительства. Церковь пыталась положить пределы разрастанию феодальных распрей, отстаивая идею «Божьего мира». Начиная с охваченного хаосом центра Западной Франкии в 989 г. объявляется мир, позднее ставший «Божьим перемирием»⁴. Такая практика быстро распространяется в

¹ University of Bristol, «Bones Confirmed as Those of Saxon Princess Eadgyth», press release, June 17, 2010 // <http://bristol.ac.uk/news/2010/7073.html>

² Применительно к эпохе Капетингов (с 987 г.), а также в цитатах из работ других авторов мы используем название «Франция». — *Прим. пер.*

³ *Lewis R.A. The Development of Southern French and Catalan Society, 718–1050. Austin, 1965. P. 195.*

⁴ Правильно — Божий мир, *Pax Dei*. Впервые введён 31 мая 989 г. на соборе в Шарру и распространялся на определённые памятные дни, а также на многое другое. — *Прим. пер.*

течение последующих сорока лет; феодалам угрожают отлучением, если они захватят церковные земли или нарушат право убежища, когда в храме укрываются люди. Это подразумевало использование морального давления с целью защиты клира, церковного имущества, женщин, бедняков, их скота и прочей собственности, странников, купцов и всех, кто не имел оружия, чтобы защититься от кровожадных мародёров.

Самой сильной угрозой за нарушение «Божьего мира» являлось использование реликвий и мощей святых для запугивания не в меру воинственных предводителей проклятием в потустороннем мире, если они возьмутся за оружие. Сегодня нам кажется это непостижимым, но в X в. верили, что реликвии способны вызывать святого или праведника, чьи просьбы много значили для Бога. В известном смысле это напоминало порчу, однако наведённую, если можно так выразиться, христианскими средствами, и имело целью воспрепятствовать войнам и повысить уровень социальной справедливости для бедняков. Другими словами, речь не шла о явлении умершего святого, Бога карающего или ангела, чтобы приструнить неотёсанного головореза. Феодалы постепенно стали уяснять себе, что этот мир представляет собой что-то вроде соглашения с Богом, нарушение которого чревато божественным наказанием. Это движение приобрело в каком-то смысле народный характер, поскольку церковь использовала толпы простолюдинов, чтобы убедить феодалов прекратить распри.

Словоохотливый бургундский монах Родульф Глабер описывает, как «Божий мир» установился около 1033 г. Он пишет, что накануне «тысячелетия мученичества Господня» (Иисусу исполнилось тридцать три года, когда его распяли) было время голода и бедствий... и сильнейшие ливни с ураганами». За всем этим последовали годы, когда «засиял счастливый лик небес», а епископы, аббаты и другие священнослужители Аквитании впервые сошлись на всеобщий собор, которому были переданы останки многих святых и бесчисленные ларцы со святыми реликвиями. Это движение распространилось до Арля и Лиона, нашло приверженцев во всей Бургундии и в самых отдалённых уголках Французского королевства. Во всех епархиях было объявлено, что «епископы и крупные феодалы должны созвать в определённых местах советы для восстановления мира и укрепления святой

веры. Когда люди большого, среднего и малого состояния услышали об этом, они возрадовались и все до единого изъявили готовность повиноваться повелениям клира [с таким усердием, словно] то был голос с небес, обращённый обитателям Земли, ибо все по-прежнему пребывали в подавленном состоянии духа и боялись, как бы их не лишили грядущих изобилия и благ». Глабер также сообщает, что те, кто «грабит и захватывает чужие владения, должны ощутить на себе всю строгость закона сурового или телесного наказания»¹.

Есть серьёзные основания считать это первым настоящим крупным народным движением в Западной Европе. Оно началось на местном епископальном собрании 1 июля 989 г. в монастыре Шарру, близ Пуатье в Аквитании. Советы по установлению состоялись в Ле-Пюи (990), Нарбонне (994), Пуатье (1000). Это движение совпало с приближением миллениума, которое отождествлялось не только с Божьим судом на Земле, но также с миром, описанным в книге Исайи:

«Всякая обувь воина во время брани и одежда, обогрелая кровью, будут отданы на сожжение, в пищу огню... Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века» (9: 5–7).

Эти «ассамблеи мира» собирались в чистом поле, и народу стекалось всё больше и больше. Из окрестных храмов привозились святыни, и представители местной знати, аббаты и епископы обещали хранить мир. Предводители отрядов в том же клялись на реликвиях.

Из центра Западной Франции движение распространилось на север, дав о себе знать в Орлеане (1010), а затем во владениях короля Роберта II (996–1031) и на востоке, в Бургундии в 1025 г. Глабер сообщает, что Роберт II «жил в мире с соседними правителями, особенно с [германским] императором Генрихом II». Генрих и Роберт встретились в 1023 г. на реке Маас для укрепления мирных отношений. По протоколу встреча должна была произойти на середине реки, на лодках, однако Генрих II проявил инициативу и, «встав на рассвете, взял с собой небольшой эскорт и переплыл на берег, принадлежавший французскому королю; они крепко

¹ Флодоард Реймский. *Анналы* (946 г.).

обнялись и поцеловались, прослушали мессу, которую отслужили епископы, и решили вместе позавтракать»¹. Они обменялись дарами и объявили о всеобщем мире. К середине XI в. мир воцарился также в Италии и Испании.

Немалую роль в движении играли народные ассамблеи. Важным элементом в них зачастую были чудеса. Как пишет Глабер, «немало больных излечилось во время этих собраний... Чтобы не было никаких сомнений, да будет известно, что когда скрюченные [болезнью] руки и ноги выпрямлялись и принимали нормальное положение, кожа лопалась, плоть разрывалась и кровь текла ручьями... Царило такое воодушевление, что епископы подняли свои посохи к небесам и все закричали: «Мир! Мир! Мир!»

В то время как практика «Божьего мира» делала всё большие успехи и доказывала свою эффективность, разгорелись жаркие споры о пределах его результативности. Они начались на собраниях французских епископов, которым было не чуждо то, что мы сейчас назвали бы традицией социальной справедливости и сознанием обязанности защищать бедных и слабых. Каролингские монархи Людовик Благочестивый и Лотарь также созывали раз в три года местные ассамблеи, в которых участвовали простые люди, что по видимости уравнивало власть крупных феодалов. Поскольку власть Каролингов и центрального правительства клонилась к закату, церковь заняла образовавшуюся пустоту, и советы церковных диоцезов стали теми органами, где звучали выступления в защиту бедных. В результате появились законы, которые угрожали отлучением от церкви тем, кто нарушит мир. Им отказывалось в праве посещать мессу и причащаться, в отпущении грехов, в церковном погребении на освящённой земле, что обрекало их на адские муки. Как пишет крупнейший знаток традиции «Божьего мира» Рональд Мусто, «в те времена, когда спасение души было целью жизни, такие меры производили огромное впечатление»². Революционным в движении «Божьего мира» было то, что оно превратило безоружных и неимущих людей из «жертв» в активных участников общественной жизни.

Энергия, питавшая движение за «Божий мир», имела свои пределы, и всегда находились военные вожди, которые пренебре-

¹ *Glaber. Historiarum. III. 8.*

² *Musto R.C. The Catholic Peace Tradition. Maryknoll (NY), 1986. P. 72.*

гали угрозами церкви. Но настоящая опасность для движения возникла тогда, когда нашлись аристократы, которые превратили его в Божье перемирие, просто запрещавшее войну в определённое время. Оно предполагало запрет на применение насилия в воскресенье и праздничные дни, постепенно распространившись на Рождество, Рождественский и Великий пост, Пасху.

Но воинственные инстинкты вскоре проявили себя по-иному. Папа Урбан II (1088–1099), узаконив Божье перемирие особым установлением, объявил на Клермонском соборе в 1095 г. о начале Первого Крестового похода, что стало ответом на завоевания сарацин с целью отвоевать Иерусалим. Другими словами, эти инстинкты стали проецироваться вовне. Сохранить мир оказалось куда труднее, чем объявить о нём.

Мы оставили историю королей Западной Франкии, закончив разговор о 954 г., когда умер Людовик IV Заморский. Жена Людовика, королева Герберга, сестра Оттона I, начала переговоры с герцогом Гуго Великим, «прося его совета и помощи. Гуго встретился с нею, приняв её с почётом и утешив», а также пообещав ей, что её тринадцатилетний сын Лотарь IV унаследует отцовский трон¹. Лотарь был коронован и миропомазан в Реймсе 12 ноября 954 г. и немедленно принял королевский титул. Гуго наверняка сам испытывал искушение присвоить себе его, однако, видимо, чувствовал, что будет более влиятельным в качестве силы, стоящей за троном. Кроме того, его могущество «было, вероятно, значительно меньше, чем это обычно считается, поскольку его вассалы всё больше заботились об увеличении своего богатства, нежели его», и это заставляет думать, что он был слабее, чем казался². Гуго был назначен опекуном королевских поместий, однако в 956 г. неожиданно скончался. Бруно, дядя Лотаря по матери, архиепископ Кёльнский, на тот момент правитель Лотарингии и брат Оттона I, взял опекунство на себя. Гуго Великому наследовал его юный сын Гуго Капет, который стал графом Парижским и герцогом франков. Лотарю теперь уже исполнилось пятнадцать, Гуго был немного старше, вероятно, семнадцати лет от роду. Слово «капет» скорее всего происходит от латинского *sappa*, т.е. капюшона, который он носил, видимо, как светский аббат монастыря Святого Мартина

¹ Флодоард Реймский. *Анналы* (под 954 г.).

² Riché P. *Op. cit.* P. 264.

Турского и Святого Дени близ Парижа. Хотя отношения с Лотарем были дружественные, могущество Гуго Капета всё же несколько осложняло их. Дело в том, что юный король начал активные действия с целью привести к повиновению северных феодалов. Он вынудил Арнульфа I Фландрского вернуть королевский анклав вокруг Монтреля и реки Канш, которым тот завладел. Затем Лотарь забрал у него Аррас и Дуэ. Он также вторгся в Нормандию при поддержке Ричарда I. Как пишет П. Рише, в отношениях «между магнатами и королём на севере сложилось определённое равновесие»¹.

Не так гладко шли дела у Лотаря на востоке и юге, особенно когда он попытался вернуть Лотарингию, находившуюся в руках Оттона II. Лотарь правил до 986 г., и незадолго до окончания царствования его власть уменьшилась, а Гуго Капет усилился. Ему наследовал его сын, Людовик V Ленивый, который погиб в результате несчастного случая на охоте 22 мая 987 г. Он стал последним из Каролингов. Династия просто пресеклась. В некотором смысле это давало преимущество, поскольку таким образом расчищался путь для выдвижения людей, обладавших способностями к управлению. Мы уже видели такую ситуацию в Восточной Франкии (Германии), где первенствующее положение заняли Саксонская монархия и Оттон I. Западная Франкия (Франция) получила теперь аналогичный шанс, однако различные области страны были слишком не похожи друг на друга, а на смену власти центра пришло господство местных правителей, причём их было так много, что кому-то одному было очень нелегко добиться такой власти, чтобы править всей страной. В течение нескольких столетий Франция оставалась чисто географическим понятием. Однако по крайней мере на севере и в области вокруг Парижа власть оказалась в руках дельного человека. Им стал Гуго Капет, которого избрали на место Людовика V в июле 987 г.

Теперь мы направимся в Испанию, где существовало упорядоченное государство — сарацинский халифат Аль-Андалус, который охватывал большую часть современной Испании. Испания являлась южной границей между исламским и христианским мирами, местом, где происходило взаимодействие между мусуль-

¹ Ibid. P. 265.

манской и христианской верой и культурой, зачастую принимавшее напряжённые и жёсткие формы. Примерно две трети Испании находились под властью мусульман, треть полуострова оставалась в руках христиан. В течение X в. территория последних находилась под сильным давлением, но в конце концов именно оттуда началась Реконкиста, постепенное «отвоевание» Испании католиками. Оно продолжалось до XV в. Поэтому любая попытка рассуждать о Западной Европе в X в. без учета ситуации в Испании будет не просто грешить неполнотой; наши суждения окажутся односторонними и в конечном итоге ошибочными. Итак, мы обратимся к тому, что произошло в Испании, прежде всего для того, чтобы узнать, как Пиренейский полуостров был завоёван мусульманами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мусульмане и христиане Испании

После продолжавшейся столетие мусульманской военной экспансии на Ближнем Востоке и в Северной Африке алчность привела мавританского наместника Аль-Андалуса Абд ар-Рахмана к поражению, которое ознаменовало конец целой эпохи. Битва произошла в субботу в октябре 732 (вероятно, 25 октября), на старой римской дороге между Пуатье и Туром. В Мосарабской хронике 754 года сообщается, что Абд ар-Рахман сначала разграбил Бордо и разгромил Эвдона, герцога Аквитанского близ слияния рек Дордонь и Гаронна. Армия герцога «распалась и обратилась в бегство», так что один Бог знает, сколько народу погибло или пропало, большинство, вероятно, утонуло в реках. Эвдон бежал, но мавры продолжали преследовать его, продвигаясь на север, по дороге сжигая церкви и разоряя крепости, включая Пуатье¹.

Их наступление замедлялось из-за обилия добычи, которую они везли с собой. Однако, подгоняемый надеждой на большее, Абд ар-Рахман рвался к Туру — своей конечной цели. Он знал, что там находится паломническая церковь, храм Святого Мартина с его несметными сокровищами. Кроме того, он был *гази*, яростным приверженцем мусульманской веры, и это побуждало его разру-

¹ Patrologiae cursus completus. Series latina. Vol. 96. P. 1271.

шать города, сжигать церкви и убивать христиан. Но, кроме того, он мог пользоваться выгодами, которые предоставляла ему военная добыча, а заодно добавить к своим и без того обильным трофеям новые.

Случившаяся у Абд ар-Рахмана задержка дала Эвдону время отправить гонца к майордому (старшему придворному сапожнику) Карлу, фактическому правителю Меровингской Галлии, с сообщением, что мусульмане покинули Пуатье и двинулись на Тур.

Непревзойдённый мастер выживания в безжалостных и смертельно опасных условиях политики поздней монархии Меровингов, Карл, согласно Мосарабской хронике, с юных лет участвовал в битвах и стал «знатоком военного дела»¹. Он поставил своей целью остановить Абд ар-Рахмана прежде, чем тот достигнет Тура.

Две армии вступили в соприкосновение в 13 милях (20 км) к северу от Пуатье близ деревушки Муссе-ла-Батай. После недели мелких стычек произошло генеральное сражение. Мосарабская хроника сообщает, что Карл применил осторожную тактику, при которой его пехота стояла «в плотном боевом строю, словно оледенев»². Благодаря своей дисциплине его воины были в состоянии отразить неоднократные атаки мусульманской кавалерии. Две армии разошлись с наступлением ночи. Ранним утром следующего дня франки провели разведку вражеского лагеря, готовясь к новой схватке, но увидели, что мавры уже отступили. Они бежали потому, что Абдурахман был убит. Они отошли, держа сомкнутый строй, обратно через Пиренеи в Испанию. Трудно сказать, сколько людей участвовало в битве при Пуатье, но, вероятно, там сражались примерно 40 тысяч мавров и 25 тысяч французов. Карл заслужил прозвище *Martellus* (молот). Франки вернули большую часть захваченной арабами добычи.

Явилась ли победа Карла Мартелла поворотным пунктом в борьбе христиан с мусульманским нашествием? Или речь шла лишь о неудачном набеге мавров? В сущности, это было и то и другое. Во всяком случае, она ограничила господство мавров Испанией и положила конец быстрому их продвижению по Франции.

¹ *Patrologiae cursus completus. Series latina*. Vol. 96. P. 1271.

² *Ibid.*

Мы уже видели, как мощная экспансия ислама вышла за пределы Аравии и распространилась на Северную Африку. После её завоевания армия, состоявшая примерно из 12 тысяч человек (преимущественно берберов), под командованием Тарик ибн Зияда переправилась из Северной Африки через Гибралтарский пролив в начале 711 г. Христиане-вестготы, властвовавшие в Испании двести пятьдесят лет, не обеспечили стабильности и не избавили её от гражданских смут. Из-за отсутствия сплочённого сопротивления с их стороны мавры легко добились успеха. Тарик и его преемник, Муса ибн Нусайр, который привел в Испанию армию в 18 тысяч человек (в основном арабов), быстро завоевали большую часть страны.

Между 661 и 750 гг. мусульманским миром управляла из Дамаска династия Омейядов, но их прямой контроль над Северной Африкой стал слабеть. Так, Аль-Андалусом управляла группа наместников, одни из которых назначались из Северной Африки, а другие из далёкого Дамаска. Результатом этого стала политическая нестабильность. Восстание берберов в Северной Африке в 731 и 739 гг. побудили последовать их примеру земляков из оккупационных сил в Аль-Андалусе, то же сделали и дикие кровавые Аббасиды, свергнувшие власть Омейядов в Дамаске в 750 г. Мусульманские захватчики, как и вестготы до них, оказались втянуты в междоусобную борьбу.

Никогда Пиренейский полуостров не находился полностью во власти мавров. И она не являлась повсеместной: вестготы не были полностью разгромлены на севере, а вестготское восстание между 718 и 722 гг. привело к возникновению королевства Астурия на северо-западе полуострова. Король Альфонсо I Католик (739–757) вытеснил мавров из Галисии и включил её в состав Астурии, которая к 790 г. была уже вполне сформировавшимся государством на северо-западе Пиренейского полуострова. Экспансия продолжилась при короле Альфонсо II Целомудренном (791–842). Он сделал своей столицей Овьедо и возродил вестготские формы управления государством и церковью. Королевство продолжалось расширяться за счёт Кастилии (от слова *castellum*, «замок») — буфера между ним и маврами, а затем и при Альфонсо III Великом (866–910). Его сыновья перенесли столицу к югу от Овьедо в Леон, и в течение X в. их государство носило имя «королевство Леон».

Независимо от того, кто правил в тех краях, вестготы или мусульмане, места поклонения мощам и центры паломничества по-прежнему сохраняли своё значение. В королевстве Астурия-Леон находились останки апостола Иакова в Компостеле. Согласно легенде, святой Иаков недолгое время проповедовал в Испании и вернулся в Иерусалим, где и умер. Однако в начале IX в. Теодемир, епископ города Ирия Флавия (ныне Падрон близ Компостелы), заявил, что нашёл в поле тело Святого Иакова. Культ Иакова Компостельского быстро стал частью идеологии Реконкисты. Как говорили, святой Иаков (Яго) появлялся в виде всадника в нескольких крупных битвах и стал известен как *Matamoros*, «истребитель мавров».

Весьма близко в географическом отношении от Астурии находилась другая народность, не попавшая под власть мавров, — баски. Будучи докельтским этносом, баски, по-видимому, являются самым древним народом Европы. В VIII в. они жили на той части побережья Бискайского залива, где оно поворачивает на запад, занимаемая ими территория простиралась на восток до средних Пиренеев и на юг до верховьев реки Эбро. Баски поселились и за Пиренеями, в Гаскони (это слово происходит от «*Vasconia*», римского названия области басков). Некоторые баскские территории оказались в составе королевства Астурия, однако баски яростно отстаивали свою независимость, что ощутили на себе многие завоеватели, в том числе и Карл Великий с немалым для себя уроном.

Карл Мартелл и его сын Пипин III Короткий закрепили победу при Пуатье, изгнав мавров из большей части Южной Франции. Когда в 778 г. Карла Великого пригласил в Испанию восставший мавританский *wali* (наместник) Барселоны, будущий император оказался затянут в настоящее болото, его мусульманские союзники сражались друг с другом. Положение Карла стало ещё тяжелее, когда восстание в Саксонии под предводительством Видукинда вынудило его поспешно вернуться. Он ушёл за Пиренеи, воспользовавшись Ронсевальским проходом. Здесь в середине 778 г. попал в ловушку, которую устроили ему враги французов — баски.

Баски устроили засаду. Спрятавшись в лесу над проходом длиной 3470 футов (1050 м), они дождались наступления ночи, а затем напали на обоз и арьергард на вершине перевала. Биограф

Карла Великого Эйнхард сообщает, что они загнали франков «вниз, в долину», где те не имели пространства для манёвра. «Баски вступили с ними в бой и перебили всех до одного», после чего скрылись в темноте¹. Среди павших в этом сражении был паладин (рыцарь) Роланд. К XII в. история последнего боя Роланда стала восприниматься в эпических тонах, и сравнительно небольшой инцидент превратился в тему первой великой поэмы старой Франции, «Песни о Роланде». Это продукт эпохи Крестовых походов, и в ней обрекаются на заклятие не баски, а мавры.

Однако Карл Великий не забыл об Испании. Чтобы обеспечить свой южный фланг, он восстановил Аквитанское королевство, включившее в себя Гасконь, в 781 г. и назначил своего сына Людовика Благочестивого его правителем. Ворота для христианских беженцев из Испании оказались открыты в том числе для Агобарда, позднее ставшего епископом Лионским. Тем самым у франков появилась база для вторичного завоевания территорий к югу от Пиренейских гор, к востоку от Астурии и северу от реки Эбро, пограничной провинции, которой являлась Испанская марка. Однако поддерживать её единство оказалось трудно, и из неё выделилось независимое королевство Памплона, в состав которого также вошло небольшое графство Арагон.

Франки сконцентрировали свои усилия на северо-восточном углу Испании, который был тесно связан с Юго-Западной Францией. Вскоре после своего первого вторжения мавры двинулись на север, в Юго-Восточную Францию, дойдя до Авиньона и долины Роны. Контрудар со стороны франков последовал вскоре после Пуатье, так что к 759 г. Юго-Восточная Франция вернулась под власть французской короны. Франки называли эти края Готией, и управляли ими графы Тулузские. К 801 г. франки пересекли Пиренеи, проникли на юг и овладели Барселоной. Эта область стала ядром будущей Французской Каталонии. Её границы оставались неизменными вплоть до XI в.

Крупнейшим правителем IX в. был Вифред Пилос I, или Вифред Мохнатый (или Косматый) (870–897), умевший держать в повиновении Каролингской династии графов, которые оставались лояльными даже в том случае, если мало что получали взамен. В IX в. это была пограничная территория, малонаселённая

¹ Эйнхард. Жизнь Карла Великого. Гл. 9.

и не привлекавшая к себе внимание. И хотя Вифред добился усиления Каталонии, он остаётся лишь «тёмной лошадкой». Единственное, что мы знаем о нём точно, так это что он в 888 г. основал крупный монастырь Санта-Мария-де-Риполь, о котором мы ещё будем говорить, когда пойдёт речь о Герберте Орильякском¹.

Эти небольшие христианские государственные образования достойны дальнейшего исследования, поскольку они определяли границы продвижения мавров. Как пишет Стивен О'Ши, «инерция мусульманских побед могла когда-нибудь, наконец, угаснуть, однако франкская ледяная стена остановила её полностью», дав франкам возможность нанести контрудар². Эти государства суть напоминание о том, что полностью Испания никогда не подпадала под власть мусульман, и «хотя в это время ни одно из этих княжеств христианского севера не представляло серьёзной опасности для Аль-Андалус», они стали базой для Реконкисты, которая стала делать первые шаги в начале X в.³

Первое мусульманское вторжение в Испанию в 711 г. состоялось в результате решения, принятого не омейядским халифом в Дамаске, а берберами в Северной Африке. Поначалу арабы составляли меньшинство в Аль-Андалусе, но со временем их стало больше, чем берберов из Северной Африки. Берберы восстали против владычества дамасских правителей между 739 и 743 гг. Это вынудило омейядского халифа отправлять больше арабских войск в Испанию. В результате возникли арабские группировки, имевшие своими истоками разделение между племенами, фундаменталистами «ямини» из Южной Аравии и более цивилизованными арабами из завоёванных иранских и византийских земель. Последовавшие за этим смуты привели в упадок систему управления мавританской Испанией во второй половине VIII в.

Единственным фактором, обеспечивавшим целостность мавританской Испании, являлся ислам. Кроме того, он выявил важ-

¹ *Collins R.* Law, Culture, and Regionalism in Early Medieval Spain. Ashgate, 1992. P. 169.

² *O'Shea S.* Sea of Faith: Islam and Christianity in the Medieval Mediterranean World. New York, 2006. P. 76.

³ *Reilly B.F.* The Medieval Spains. Cambr., 1993. P. 79.

нейшую проблему, существовавшую во всех мусульманских странах, — проблему соотношения между религией и светской властью. Ключевой вопрос, кто стоит во главе общества, оставался нерешённым. Поначалу халифы считали преемниками Мухаммеда себя. Они утверждали, что являются «наместниками бога». Халифы взяли на себя защиту и обеспечение мусульманского культа, строительство мечетей и заботу о безопасности паломников. Они присвоили себе власть решать юридические и доктринальные вопросы и право защищать мусульманское сообщество от ересей»¹.

Однако присвоение халифами такой власти вскоре привело к тому, что она превратилась из религиозной в монархическую. Иными словами, их власть сосредоточилась скорее на светских, нежели на религиозных, делах. Это, в свою очередь, привело к появлению «мусульманских учёных и святых людей... знатоков Корана, учёных и аскетов, [которые] стали... стражами и учителями ислама»². Эти люди возглавили общины верующих, но более важные вопросы оставались: кто должен руководить политическим сообществом, чьи границы были куда шире? Кто должен управлять государством и проводить текущую политику? Надлежит ли политическому лидеру избираться в соответствии с духовными критериями из числа учёных и святых людей? Или быть политической фигурой, имеющей наследственные права на престол, подобно халифам? За теократию выступали шииты. Её главой, считали они, должен стать праведный имам, назначаемый Аллахом, человек, могущий претендовать на происхождение от Мухаммеда. Современный Иран являет собой образец этого. Сунниты же считают, что мусульмане должны сами разобраться, кому руководить, что обычно приводило к наследственной власти аристократии, а в наши дни к диктаторской форме гражданского правления.

Из хаоса VIII в. на территории Испании возникла наследственная монархия с центром в Кордове, сохранявшаяся до 1031 г. Первым наследственным кордовским эмиром стал Абд ар-Рахман (не путать с Абд ар-Рахманом, который потерпел поражение при

¹ *Lapidus I.M. State and Religion in Islamic Societies,» Past and Present. Vol. 151. 1996. P. 9.*

² *Ibid. P. 10.*

Пуатье), взошедший на престол в 756 г. Он бежал от власти Аббасидов, пришедших в Сирии на смену свергнутым ими Омейядам, прибыл в Аль-Андалус из Дамаска через пять лет, наполненных самыми разными злключениями, преследуемый охотившимися убийцами. В Испании Абд ар-Рахман получил поддержку от местных сторонников Омейядов. Захватив Кордову, он сделал её их столицей. Беглые Омейяды стекались сюда из Сирии. Двадцать лет понадобилось ему, чтобы взять под контроль арабские и берберские группировки, однако в конце концов он заложил основы процветания Аль-Андалуса. В конце жизни Абд ар-Рахман, по-видимому, сошёл с ума. В 788 г. он умер. Его преемник Аль-Хаким I (796–822) был распутником, поэтом и кровавым деспотом. При нём начались вызванные экономическими причинами восстания, которые он жестоко подавил. Наиболее распространённой формой наказания стали обезглавливание и распятие на городской стене, обычное наказание за преступления по законам шариата (исламское право). Сын Аль-Хакима, Абд ар-Рахман II (822–852), добился определённой стабильности в государстве, однако при его преемниках положение изменилось в худшую сторону. «Сильные сепаратистские тенденции в среде провинциальной мусульманской элиты» обусловили распад центральной власти¹. Эта непростая ситуация усугублялась из-за противостояния с мувалладами, местными жителями, обращёнными из христианства в ислам и требовавшими равных с арабами и берберами прав.

Сама география полуострова подталкивала к политической раздробленности. Чтобы удержать северную и северо-восточную границу в борьбе с христианскими государствами, мусульманские правители создавали особые приграничные районы, которые являлись буферной зоной между мусульманскими и христианскими территориями. Военачальники в этих районах зачастую демонстрировали полное пренебрежение к властям в Кордове. Ричард Флетчер пишет об «ограниченном характере центральной власти в отношении раздираемых враждой общин, находившихся на труднопроходимой местности»². Слабела и власть преемников Абд

¹ *Kennedy H.* Sicily and al-Andalus Under Muslim Rule // Cambridge Medieval History. Vol. III. Cambr., 1999. P. 647.

² *Fletcher R.* Moorish Spain. London, 1992. P. 48.

ар-Рахмана II. Одно время она ограничивалась долиной реки Гвадалквивир и городами Кордова и Севилья. Такова была ситуация, когда к власти пришёл Абд ар-Рахман III (912–961).

Многое из того, что касается демографии общества Испании после арабского завоевания, остаётся не вполне ясным для нас. Как известно, численность населения прошлых времён установить нелегко, однако Джошуа Рассел считает, что к 1000 г. в Испании и Португалии проживали 7 миллионов человек¹. Флетчер полагает, что к концу X в. основную часть населения (75 процентов) Аль-Андалуса составляли мусульмане. Иудеев насчитывалось примерно 60 тысяч². Они прекрасно уживались с мусульманами, чья политика принесла облегчение после антисемитизма, царившего при вестготах.

Как следует из источников, в целом это общество было мирным, хотя католикам и иудеям постоянно напоминали о том, что они люди второго сорта. Их называли *dhimmi*, «находящиеся под защитой», или «люди книги». *Dhimmi* имели особый статус для проживания в странах, где господствовали мусульмане, за что они платили *джизью*, подушный и поземельный налог. В целом их не подвергали прямым репрессиям до тех пор, пока к власти не пришёл злобный диктатор Аль-Мансур (976–1002).

Конечно, в это время немалое место занимал переход из христианства в ислам. Соображения в пользу этого были достаточно вескими: сменившие религию избавлялись от необходимости платить *джизью*, возрастали их экономические и социальные возможности и мобильность. Многие не видели особой разницы между христианством и исламом, особенно если учесть, что христиане-вестготы изначально исповедовали арианство, которое, подобно мусульманству, являло собой более простой вариант монотеизма, чем ортодоксальный католицизм с его верой в триединого бога. Многие из новообращённых были карьеристами: крупные чиновники и магнаты, обладавшие властью на местах. Тех, кто оставался верен католицизму, называли мосарабами. Этот термин возник в северных католических анклавах, поскольку люди, жившие там, видели, что их еди-

¹ Russell J. C. Population in Europe // The Fontana Economic History of Europe: The Middle Ages. Glasgow, 1972. P. 36.

² Fletcher R. Op. cit. P. 37–38.

поверцы постепенно становились двуязычными и более похожими на арабов в одежде и питании. Мосарабы говорили на народной латыни, из которой позднее развился испанский. Но их католицизм превратился во что-то безжизненное и окаменелое. У них было мало возможностей (или таковые отсутствовали вообще) вести споры с мусульманами, поскольку малейшая критика ислама могла навлечь на того, кто её высказывал, большие неприятности.

Несмотря на то что они жили в условиях яркой городской культуры, мосарабы стали замкнутой группой. Это, в свою очередь, порождало у них жажду мученичества. Истории о мучениках-мосарабах сохранил *Memorialis Sanctorum* архиепископа толедского Евлогий, который называет их «мучениками Кордовы». Хотя Евлогий, на чью долю выпала, по-видимому, та же судьба, преувеличивает их героизм, в тексте присутствуют живые детали, передающие дух времени. Большинство мучеников были монахами, священниками или отпрысками смешанных мусульманско-христианских браков. Евлогий намекает, что к 851 г. христианство никогда не одобряло *jactatio* (буквально важничанье) перед лицом палачей, когда подсудимый открыто добивался наказания для себя. Похоже, многие мосарабы ощутили, что время *jactatio* настало. В середине IX в. число обратившихся в ислам росло, а эмиграция католиков на север усиливалась. Это побуждало тех из оставшихся, кто отличался наибольшим рвением, во всеуслышание заявлять о своей вере и хулить ислам.

Движение мучеников пережило неожиданный подъём после того, как чиновник из Кордовы по имени Исаак впоследствии выступил с критикой ислама и осыпал проклятиями Мухаммеда перед ошеломлённым кади (судьёй) Кордовы. 3 июня 851 г. с одобрения Абд ар-Рахмана II Исаака обезглавили, а его тело выставили в городе вверх ногами. Через два дня солдат-христианин по имени Санктий последовал примеру Исаака, а затем так поступили ещё шесть католиков. Их представитель сказал кади: «Мы придерживаемся той же веры, о судья, что и наши праведнейшие собратья Исаак и Санктий. Выноси свой приговор, громозди жестокость на жестокость, яви свой гнев, мсти за твоего пророка. Мы исповедуем Христа истинного Бога, а ваш пророк предшественник Антихриста и лжеучитель»¹. Все они были обез-

¹ *Eulog. Tolet. Memor. Sanct. II. 4.*

главлены как богохульники. самого осторожного из священников, Перфекта, хитроумные мусульмане также уличили в том, что он хулил Мухаммеда, и ему также отрубили голову. Пять недель спустя ещё три человека открыто вступили с порицанием ислама и поплатились за это жизнью. Случаев *jactatio* не наблюдалось в течение трёх месяцев, а затем новая группа, включая нескольких женщин, бросила вызов властям. Благодаря труду Евлогия мы получаем наглядное представление о том, в каких условиях жили мосарабы.

Возьмём, к примеру, двух мирянок, Флору и Марию. Флора родилась в Кордове. Её отец-мусульманин умер, когда она была совсем юной, и мать тайно воспитывала её в христианской вере. Однако старший брат Флоры был влиятельным мусульманином. Не в силах скрывать свою веру, Флора бежала из дома. Брат-мусульманин понял, что его провели, и чтобы вернуть сестру, стал оказывать давление на католическую общину Кордовы. Чтобы её единоверцы не пострадали, Флора возвратилась, и брат выдал её властям. Девушку нельзя было обвинить в вероотступничестве, поскольку она с рождения являлась христианкой. Её подвергли жестокой порке и отдали под надзор брата. Она вновь бежала.

Во время молитвы в церкви Флора встретила Марию. Её отец был католиком, который женился на мусульманке, тайно обратившейся в христианство. Чтобы защитить её, муж переехал с семьёй в другую деревню. После того как мать Марии умерла, отец решил проводить жизнь в покаянии. Марию поселили в монастыре, аббатиса которого, Артемия, уже побывала замужем. Двух сыновей Артемии три десятилетия назад казнили, вероятно, за отступничество. Возможно, её муж был мусульманином, однако сыновья позднее стали христианами. Брат Марии, диакон Валабонс, принадлежал к числу одиннадцати мучеников, которые сдались властям. Флора и Мария решили, что они должны выступить против ислама. Они сообщили о себе кади. Формально Флора также являлась отступницей, поскольку её отец был мусульманином. Ей предложили осудить христианство и тем спасти свою жизнь. Она проявила твёрдость и была казнена вместе с Марией в июле 851 г.¹

¹ Patrologiae cursus completus. Series latina. Vol. 115. P. 835–842.

За пять лет примерно сорок три католика сами передали себя в руки властей. В их число входили двенадцать монахов, девять священников, четыре диакона, семь мирян и восемь мирянок. Но не только они подвергались казням. Пострадали и многие другие или за свои религиозные воззрения, каким-либо образом оскорбившие чувства мусульман, или потому, что они обратились в ислам, а затем вновь стали христианами.

Юный мученик святой Пелагий относится к другой категории. Он был христианином из северных краёв, переданным Абд ар-Рахману III в качестве заложника в обмен на пленного епископа. Абд ар-Рахман начал домогаться Пелагия и хотел обратить его в мусульманство. В этом не было ничего необычного; многие правители Аль-Андалуса содержали как мужской, так и женский гарем. По-видимому, им нравились светлокотые, голубоглазые, светловолосые европейские женщины и мужчины, ибо множество рабынь-конкубин ввозили с христианского Севера. Монахиня-драматург из Германии, Гросвита Гандерсгеймская, позднее рассказывала историю Пелагия, подчёркивая его телесную красоту, и что Абд ар-Рахман потерял из-за него голову. Пелагий отверг его посулы и был казнён. Для Гросвиты в этой истории главным являлось не столько любовные заигрывания со стороны Абд ар-Рахмана, сколько героизм Пелагия, свидетельствовавшего о Христе, и его отказ перейти в ислам для спасения собственной жизни. Христиане использовали эту историю в пропагандистских целях, изображая мусульман маньяками-гомосексуалистами, однако как указывает Марк Д. Джордан, упомянутый сюжет имеет двойственный характер, поскольку именно мосарабские монахи учредили праздник в честь Пелагия, воспевая хвалу его прекрасному телу и, по-видимому, его красота волновала их не меньше, чем халифа¹.

Все эти факты показывают, что Аль-Андалус отнюдь не был царством терпимости и безмятежности.

Несмотря на излишнюю склонность к любовным увлечениям, Абд ар-Рахман III был крупнейшим из властителей Аль-Андалуса. Он стал эмиром в 912 г., в наследство от деда Абдаллы ему

¹ *Eulogius Toletanus. De vita et passion SS. Virginum Florae et Mariae // Patrologiae cursus complete. Series latina. Vol. 115. P. 835–842.*

досталось охваченное хаосом и уменьшившееся в размерах государство (888–912). Мать Абд ар-Рахмана была христианкой, рабыней-наложницей с Севера по имени Мунса. Его бабкой также являлась заложницей, христианской принцессой из Наварры. Как пишет Флетчер, она «на три четверти... испано-баскского происхождения и только на четверть арабского», и он красил свои рыжие волосы в чёрный цвет, чтобы походить на собственных арабских подданных¹.

Поначалу власть Абд ар-Рахмана распространялась лишь на Кордову и ближайшие к ней районы. Его армия и административный аппарат были невелики. Предыдущие эмиры столкнулись с сильными сепаратистскими тенденциями в среде провинциальной элиты. Неугомонный Абд ар-Рахман сумел переломить ситуацию. Он сразу же начал распространять свою власть на южные области. Он увеличил численность армии, купив молодых рабов-славян, которых затем призвали в постоянную профессиональную армию, полностью ему преданную. Наёмники, местные военные наборы, добровольцы-фанатики, вступавшие в армию на время джихада против неверных, позволили дополнительно увеличить армию. К середине века она насчитывала примерно 60 тысяч человек. Затем Абд ар-Рахман стал использовать её в *sā'ifa*, летних набегах на северные государства христиан скорее для укрепления своей репутации человека, как гласит хабар (изречения, приписываемые Мухаммеду), «который один сражается за веру Аллаха», нежели для приобретения новых территорий.

В ходе кампаний против христиан Абд ар-Рахман одержал несколько побед. Один мавританский хронист сообщает, что в июле 920 г., после битвы при Вальдехункере, к юго-западу от Памплоны было так много голов убитых христиан, что караваны мулов не смогли перевезти их в Кордову, чтобы выставить на городской стене. Эти набеги также имели целью захват рабов и получение выкупа. Однако победы одерживал не он один. В 939 г. недалеко от Вальядолида христиане едва не захватили самого Абд ар-Рахмана, завладев при этом его штандартом, палаткой и личным экземплярм Корана. Помимо военной силы, могущество Абд ар-Рахмана основывалось на успехах сельского хозяйства, во многом обязанных (периоду потепления в Средние века) и развитию тор-

¹ Fletcher R. Op. cit. P. 53.

говых связей. Выросли масштабы работорговли, поскольку продажа на Ближний Восток франкских, англосаксонских, ирландских и славянских рабов шла через Аль-Андалус. Значительно укрепив свою власть, 16 января 929 г., во время джума-намаза (пятничной молитвы), Абд ар-Рахман провозгласил себя *khalifa*, халифом, что означает «преемник Пророка», и *amir al-mu'minin*, «владыкой правоверных».

Дворец халифа чем дальше, тем больше становился центром государства. В 936 г. Абд ар-Рахман начал возводить в 8 милях (13 км) к западу от Кордовы в предгорьях Сьерра-Морена новый огромный мраморный дворцовый комплекс в три уровня, украшенный яшмой и драгоценными металлами. Комплекс называли *Madinat al-Zahra*, «прекрасный город». Его окружали сады, орошавшиеся из окрестных гор, были рядом с ним также бассейны, фонтаны, зверинец, а также административные здания. Здесь Абд ар-Рахман и его преемники держали двор, при котором господствовал тот же церемониал, что и у багдадских Аббасидов. В мавританской культуре дворец считался местом, где царят великолепие, таинственность, политические интриги, происходят любовные встречи и приключения. Доступ во внутренние покои имели лишь члены семьи монарха, фавориты и домашние рабы. Придворные, чиновники и послы иностранных держав могли появляться лишь в местах, предназначенных для публики. Простолюдины видели дворец лишь снаружи, и он, как предполагалось, должен был производить на них ослепительное впечатление. К несчастью, дворец погиб от пожара в 1010 г. во время гражданской войны, и место, на котором он стоял, оказалось заброшенным. Раскопки и восстановительные работы начались в 1910 г., и сегодня это место представляет собой археологическую достопримечательность.

Абд ар-Рахман III прекрасно знал о возвышении королевства Оттона I и в начале 950-х гг. отправил послов во Франкфурт, официальной целью которого были поздравления Оттона с его победами. Последний явно не спешил с ответом; он объявил, что Абд ар-Рахман выказал недостаточное уважение к христианству. Однако в 953 г. он послал монаха-бенедиктинца Иоанна Корсе в Кордову с посланием и богатыми дарами.

Перед Иоанном, который фигурирует в рассказах об этом периоде как отъявленный ханжа, стояла непростая задача. Хотя он ехал в Испанию вместе с купцами, знавшими страну, он попал

в неприятную ситуацию, как только приехал в Кордову. В письме, которое он привёз от Оттона, главное внимание было сосредоточено на проблеме, о которой уже шла речь выше: нападениях на христианских паломников, шедших через Альпы, и разбоях на средиземноморском побережье, которым занимались сарацинские пираты, чья база находилась во Фраксинете. Тем не менее они поддерживали связи с правителями Аль-Андалуса. Не приходится особенно сомневаться, что эти пираты имели тесные связи с Аль-Андалусом и Абд ар-Рахман мог быть озабочен возможными военными действиями Оттона против них. Его беспокоило также то, что послание Оттона могло показаться оскорбительным для мусульман. Посему он отказался от встречи с Иоанном и ознакомления с содержанием письма. В ответ Иоанн отказался изложить халифу его содержание устно. Это завело ситуацию в тупик, и Иоанна поместили под фактический домашний арест. Чиновник-иудей Хасдаи ибн Шапрут и позднее другой Иоанн, мосарабский епископ Кордовы, попытались вести переговоры по этому вопросу. Согласно «Жизнеописанию Иоанна Корсе», епископ Иоанн указывал, что отказ посла вести переговоры подвергает местную христианскую общину определённой опасности, и попросил последнего «рассмотреть условия, в которых мы (мосарабы) живём... Апостол [Павел] запрещает нам сопротивляться светской власти. Только одно утешение в этом несчастье, что они не запрещают нам нашего закона... В наших обстоятельствах, следовательно, представляется правильным выполнять то, что не противоречит нашей вере». В ответ на это, согласно «Жизнеописанию», ханжа Иоанн, не выказывая никакого сочувствия тем трудностям, с которыми сталкивались мосарабы, ответил: «Вы ведь, кажется, епископ, и вам последнему пристало вести такие речи... Лучше тысячу раз претерпеть за Христа жестокие муки голода, чем есть пищу язычников ценой [потери своей] души»¹.

Чтобы разрешить ситуацию, Абд ар-Рахман отправил Ресемунда, чиновника-христианина, которого позднее халиф назначил епископом Эльвиры, прямо ко двору Оттона. Здесь он встретился с Лиутпрандом, который посвятил ему «Антаподосис». Ресемунд

¹ Цит. по: *Christys A. Christians in Al-Andalus, 711–1000. Richmond, 2002. P. 110.*

возвратился в 956 г. с письмом Оттона, составленным в более дипломатичном духе. Иоанна Корсе освободили из-под ареста и допустили ко двору, где он, что характерно, носил своё бенедиктинское облачение.

Это был не единственный дипломатический контакт с христианами. Оттон II отправил другого посла в 974 г. Имели место также связи между Кордовой и Константинополем по различным вопросам. Посол Абд ар-Рахмана II, Аль-Газзаль, позабавил императора Теофила (829–842), когда он заявил, что не может сосредоточиться на разговоре, поскольку всё его внимание поглощает красота присутствовавшей на переговорах императрицы Феодоры. Возможно, его также смущало то, что он не привык иметь дело с женщинами из высшего общества, когда их лица не были прикрыты вуалью, хотя есть некоторые сомнения в том, требовалось ли от женщин, чтобы они носили паранджу при Абд ар-Рахмане.

Помимо проблем в отношениях с христианами Востока и Запада Абд ар-Рахман столкнулся с таким важным для его международных дел обстоятельством, как падение режима Аббасидов в Багдаде. Аббасиды столкнулись с нестабильностью ещё в середине IX в., и несмотря на то, что им удавалось преодолевать трудности в 860–900 гг., в первой половине X в. для них наступила полоса полного упадка. В результате возникло несколько местных мусульманских государств, в том числе Фатимидов в Северной Африке.

Фатимиды (они считались потомками Фатимы, дочери Мухаммеда и жены Али) были исмаилитами, сторонниками одного из течений ислама шиитского толка. Исмаилиты утверждали, что нашли тайный, скрытый смысл Корана и ждут появления *махди* («ведомый Аллахом»), своего рода исламского мессии-спасителя. Их возглавлял Убейд-Аллах, беглец из Сирии, который провозгласил себя махди. Он развернул движение в Ифрикии (Тунис и Восточный Алжир), в конце концов захватив власть и провозгласив себя в 909 г. халифом. Абд ар-Рахман, видимо, в ответ принял тот же титул. Хотя конечной целью Убейд-Аллаха являлся захват Египта, он также распространил свою власть и на запад Северной Африки. Под его контролем оказалась торговля в Западном Средиземноморье. Это ставило под угрозу караванные пути из областей к югу от Сахары, откуда в Аль-Андалус везли золото и рабов,

что вызвало тревогу в Кордове, и в ответ андалусийские войска заняли Сеуту (на северо-западной оконечности Африки) и Танжер, а также поддержали сепаратистское движение среди берберов. Угроза ослабела, когда Фатимиды захватили Египет и сделали в 973 г. своей столицей Каир, что уменьшило давление на Аль-Андалус с их стороны.

Абд ар-Рахман III скончался в 961 г. Ему наследовал его сын-учёный, Аль-Хаким II (961–976), который построил великолепную библиотеку в Кордове. Миротворчивый, просвещённый и терпимый человек, он управлял преимущественно через других лиц. Не имея никакой склонности к женщинам, он содержал обширный мужской гарем. Хотя гомосексуализм в то время не находился под запретом (по крайней мере, для элиты), для Аль-Хакима это осложняло вопрос о наследнике. Вопрос разрешился благодаря его рабыне-наложнице из числа христиан-басков по имени Субх, которая, как говорят некоторые, назвала себя «Джафар», оделась как мальчик, чтобы его соблазнить. Она стала матерью наследника престола Хишама.

Несмотря на казус с Аль-Хакимом, официально гомосексуальность никогда не поощрялась, и маликиты, влиятельное течение в исламском праве, сложившееся в Аль-Андалусе, оговаривали, что активные гомосексуальные связи должны караться побоем камнями, точно так же, как и адюльтер. Тем не менее среди представителей элиты гомосексуальность оставалась распространённым явлением, в особенности у высокопоставленных лиц. Майкл Герли сообщает: «Отношения между мужчинами» часто встречались у представителей элиты Аль-Андалуса. Образ «безбородого юноши» рассматривался как воплощение божественного начала в человеческом обличье. И хотя, как уже говорилось, гомосексуализм официально не приветствовался, отсутствовали запреты на соответствующие отношения, даже для проформы¹. Соответствующая культура особенно яркое выражение нашла в поэзии. «Ожерелье голубки, или О любви и влюблённых» ибн Хазма (994–1046) является чем-то вроде описания психологии страсти и влюблённости. Поэт видит в ней сладостную болезнь, от которой мы не желаем избавляться. В большинстве его примеров описывается любовь между мужчиной и жен-

¹ Encyclopaedia of Medieval Iberia / Ed. M. Gerli. N. Y.; L., 2003. P. 398.

щиной, особенно действие чар юных рабынь. Однако в книге имеются также описания гомосексуальных отношений, причём автор не проводит границы между ними и отношениями гетеросексуальными.

Европейские христианские хронисты сообщают, что они были ошеломлены, даже шокированы столь терпимым отношением к открытому гомосексуализму. Реакция католиков на гомосексуализм в Андалусии вполне понятна, особенно если учесть, что в эти отношения вовлекалось и множество юных христиан из числа рабов. Предотвращение набегов с целью захвата рабов, выкуп рабов-христиан, а позднее и основание религиозных орденов, чьей специальной целью являлся выкуп людей из мусульманского рабства стали приоритетными целями для христианских государств Испании.

К концу X в. халифат уже клонился к упадку. Хьюго Кеннеди отмечает: «В этом замкнутом, прямо-таки вызывающем клаустрофобию политическом сообществе, где доступ к правителю жёстко контролировался, для немногих лиц было несложно завладеть гигантской властью, совершенно независимо от их происхождения или широкой политической поддержки»¹. Недолговечные преемники Аль-Хакима носили титул халифа, однако они не правили. Всё больше власти сосредотачивал в своих руках возвысившийся визирь Аль-Мансур би-Аллах («победоносный милостью Аллаха») или, как его называли на Западе, Альмансор. Он сделал карьеру чиновника, став главным управляющим при Субх, любимой жене Аль-Хакима II. Он вскоре вступил с нею в связь.

Когда Аль-Хахим в 976 г. умер, Аль-Мансур вошёл в число регентов одиннадцатилетнего Хишама II, после того как задушил старшего претендента на престол на глазах у его семьи. К 981 г. он устранил остальных регентов. Достигнув высшей власти, он предоставил Хишаму развлекаться в своём гареме и затем управлял двадцать один год, опираясь на наёмников из числа берберов и рабов. Чтобы содержать армию, он обложил податями крестьянство, что привело к упадку сельского хозяйства Аль-Андалуса. Его наиболее эффектным мероприятием стало возведение нового дворца и административного комплекса к востоку от Кордовы рядом с

¹ Kennedy H. Sicily and al-Andalus // Cambridge Medieval History. Vol. III. P. 652.

рекой Гвадалквивир, Аль-Мадина аль-Захира, «сияющего города», призванного соперничать с дворцом халифа Мединат аль-Захра к западу Кордовы. Сегодня от дворца Аль-Мансура мало что осталось.

Подобно всякому настоящему диктатору, он создал культ личности и использовал иностранные вторжения и войны для того, чтобы отвлекать население от экономических проблем. Поскольку основное внимание Фатимидов переместилось на восток, к Каиру, Аль-Мансур захватил Западное Марокко, к северу от гор Атласа, чтобы иметь возможность набирать берберских наёмников для своей армии и контролировать шедшие из областей к югу от Сахары караваны с рабами и золотом. Однако куда больших успехов добился он в ходе почти непрерывного джихада против христианских государств на севере Испании.

Хотя он и изображал из себя правоверного мусульманина, чтобы произвести впечатление на консервативных религиозных авторитетов, он не был религиозным фанатиком. Цели его походов на север, согласно Флетчеру, были «дань, скот, рабы, сокровища, а вовсе не борьба против христианства во имя ислама»¹.

Трудность состояла в том, что Аль-Мансуру требовались деньги, причём много. Ему нужно было оплачивать содержание армии, строительную программу, снижение налогов, подарки, подкупы. В конце концов он напал на монастыри и церкви, и скорее чтобы захватить их богатства, нежели навредить христианству. Наиболее эффектная операция такого рода состоялась в 997 г., когда он поехал через горы Галисии, чтобы разграбить святыню Сантьяго-де-Компостела, захватил церковные колокола и установил их в великолепной мечети, которую он расширил.

Аль-Мансур умер в августе 1002 г., что стало предвестием конца Аль-Андалуса. Жители Кордовы жаловались, что теперь нет того, кто поставлял им рабов. Католики благодарили Бога за то, что дьявол забрал к себе Аль-Мансура и сжёг в преисподней. Ему наследовал его сын, который продолжал политику отца, пока не умер от сердечного приступа в 1008 г. Затем началось царствование его ничем не примечательного сводного брата, которому не хватило способностей для управления Аль-Андалусом, который всё больше сползал к анархии.

¹ Fletcher R. Op. cit. P. 75.

Диктатура Аль-Мансура нанесла ущерб государству и культуре. Оттеснив законных властителей халифата, он непоправимо ослабил систему управления. Не случайно, что в 1031 г. халифат распался в результате гражданской войны. Это дало христианским государствам на севере полуострова усилиться до такой степени, что они добились определённого равновесия между собой и мусульманами. Решающих успехов Реконкиста достигла в XI и XII вв., когда в Испанию прибыло много добровольцев, желавших понести епитимью, сражаясь с маврами. К 1249 г. отвоевание Португалии завершилось, а к 1252 г. вся Испания уже находилась под контролем христиан за исключением Гранадского эмирата, который был окончательно завоёван при католических монархах Изабелле Кастильской и Фердинанде Арагонском в 1492 г.

Значительные достижения Абд ар-Рахмана III в области культуры имели своей основой ислам. Первоначально ислам в Испании носил скорее примитивный и фундаменталистский характер, однако постепенно прибывали учёные с Востока, придерживавшиеся более ортодоксального варианта версии мусульманства. Это имело немалое значение, поскольку число обратившихся в ислам христиан возрастало, и они нуждались в наставничестве, чтобы интегрироваться в мусульманское сообщество. К началу IX в. господствующей исламской школой, имевшей влияние в Аль-Андалусе, были маликиты — старейшая и наиболее приверженная традиции толкования Корана и хабара¹. В школе маликитов факихи (законоведы) следовали трактовкам богослова Малика ибн Анаса, который умер в Медине в 795 г. Маликиты были консерваторами-традиционалистами в отличие от сторонников более прямолинейного подхода, принятого в другой части мусульманского мира. Их толкование предполагало, что Коран в буквальном смысле написан самим Аллахом, и потому обязателен для всех людей во все времена. Эта точка зрения легла в основу мусульманского права со времён эмира Аль-Хакима (796–822). Правители Аль-Андалуса назначали кади из числа адептов школы маликитов, и эти судьи, в свою очередь, оказывали поддержку ре-

¹ Рассказ, содержащий слова пророка Мухаммеда или повествующий о его жизни.

жиму. Ислам в Испании находился на задворках мусульманского мира, вдали от центров вероучения, так что правоверные, по-видимому, неосознанно чувствовали потребность в более ортодоксальном подходе. Консерватизм маликитов обретает смысл в рамках исторической перспективы. Ранний ислам, подобно раннему мусульманству, столкнулся со сложнейшей теологической проблемой: являлся ли Коран — откровение ислама — совершенной книгой? Был ли он создан и написан самим Аллахом и, следовательно, столь же, как и его творец, безначален и пребывает за пределами человеческого контекста и толкования? Или этот вдохновлённый Аллахом и созданный человеком в особых исторических условиях труд явил божественную истину, уяснению которой могли помочь исторический контекст и исторический опыт? (Таково христианское понимание откровения.) Толкование маликитов предполагало, что Коран находится за пределами человеческого постижения, поскольку существовал всегда, как и Аллах, который сам написал его на арабском и явил его Мухаммеду через архангела Гавриила. Следовательно, всё, что могут сделать правоверные, — это разработать правовую систему (шариат), которая позволила бы осуществить на деле учение Корана. В этом смысле законничество заменяет теологию. Такова на сегодняшний день позиция суннитов.

В отличие от них более умозрительное богословское учение мутазилитов предполагает нечто более близкое к христианскому представлению об откровении: Коран был создан, т.е. написан, определённым человеком в конкретных исторических условиях. Он не существовал всегда. Как и Аллах, и поэтому его содержание доступно рациональному осмыслению и трактовке. Разум занимает центральное место в религии, и оба они одинаково важны. Богословие становится, таким образом, посредником, связующим религию и культуру. Золотой век этого учения пришёлся на правление в Багдаде Аббасидов. Однако к концу X в. мутазилиты (это слово означает «раскольник», «еретик») с их акцентом на примате разума стали занимать маргинальное положение в исламе.

Учение мутазилитов никогда не приветствовалось в Аль-Андалусе. Конечно, там также существовали различные секты, однако их влияние было незначительным. Просвещённые халифы, такие, как Аль-Хаким II, больше интересовались книгами, мате-

матикой, наукой, медициной, чем богословием, и религиозное устройство их не особенно беспокоило. При Аль-Мансуре ортодоксы-маликиты усилились, однако его собственное благочестие было скорее показным. Он уничтожал книги из богатой библиотеки Аль-Хакима II, которые смущают правоверных, и распял учёного-мутазилита, чью точку зрения счёл еретической. Аль-Андалус отнюдь не был открытым и терпимым обществом даже для мусульман.

Однако даже несмотря на все стеснения, связанные с маликитским толкованием ислама, достижения Андалусии в интеллектуальной и культурной областях были впечатляющими, даже если они вторичны и зависимы от питавшей их ближневосточной культуры. Лучшим достижением стала сама Кордова. Гросвита называла её «красою мира... великолепно обустроенным городом... знаменитым своей красотой... прославленным всяческой премудростью, особенно в том, что касается семи наук», хотя сама никогда не была в этом городе¹.

В течение X в. Кордова являлась крупнейшим городом Западной Европы, с населением примерно 100 тысяч человек. На её архитектуру повлияли дамасские образцы, и она свидетельствовала о богатстве и красоте Кордовы, особенно её большая мечеть, духовный и интеллектуальный центр города. На этом месте раньше стоял римский храм и вестготский кафедральный собор. Строительство её началось в 784 г. при Абд ар-Рахмане I. Абд ар-Рахман III, Аль-Хаким II и Аль-Мансур расширили мечеть. В 1236 г. в результате Реконкисты Кордова перешла в руки христиан, которые превратили мечеть в кафедральный собор. Он в целом сохраняет прежний вид с «лесом» из 856 (первоначально 1293) колонн, когда-то являвшихся частью римских сооружений, которые поддерживают удивительно пропорциональные оранжевые и красные арки. Основная часть первоначального мавританского декора сохранилась. Ныне этот храм, включённый в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, является одним из самых красивых зданий в Европе.

В Аль-Андалусе имела место своего рода «зелёная революция», как называет её Флетчер. Благодаря ирригационным сооруже-

¹ *Patrologiae cursus completus. Series latina. Vol. 137. P. 1098.*

ям на его земле произрастали завезённые сюда культуры, в том числе и рис, распространившись в течение IX и X вв. по всему Аль-Андалусу¹.

Мохаммед Абуль-Касим ибн Хаукаль приехал в Кордову около 950 г. и сообщал, что нет «в Магрибе города, равного ему, и едва ли есть в Египте, Сирии и Месопотамии по размерам, численности населения, величине рынков, чистоте улиц, красоте мечетей, количеству бань и караван-сараев»². К несчастью, в XI в. Кордова уменьшилась в размерах и отчасти утратила былой блеск из-за упадка халифата и гражданской войны.

Особого успеха достигли в Аль-Андалусе в изучении наук и космологии. Эти отрасли знания стали развиваться в исламской культуре, когда эллинистическо-христианские интеллектуальные центры в Сирии и Египте оказались в руках мусульман. Таким образом, ислам стал наследником традиций Платона, Аристотеля, греческой философии и науки. Мусульманское господство распространилось на восток до Персии и Индии, где арабы ознакомились с математическими и научными знаниями, которые развивались в рамках этих культур. Конечно, чтобы усвоить эти знания, требовался поистине «интеллектуальный атлетизм»³. Поэтому даже если знания арабов носили в основном вторичный характер, то у них всё же хватило мудрости усвоить их, особенно в той части, которая касалась практических потребностей, среди прочего медицины (анатомия, фармакология), математики (алгебра и тригонометрия), мореплавания (компас, астрология), философии. Гениальность арабской научной мысли состояла в том, что её представители объединили эти дисциплины во всеобъемлющую систему знаний, а также перевели соответствующие тексты на свой язык.

Аль-Андалус дал миру нескольких выдающихся мусульманских математиков, географов и астрономов. Родившийся в Мадриде Маслама аль-Маджрити (ок. 950—1008) был математиком (он создал учебник по прикладной арифметике для коммерсантов) и астрономом (перевёл «Планисферу» Птолемея на арабский язык), который заново определил положение звёзд. Он также был

¹ Fletcher R. Op. cit. P. 65.

² Ibid.

³ Reilly B.F. The Medieval Spains. Cambr., 1993. P. 69.

химиком и, по сути, изобрёл межевание и триангуляцию. Маслама аль-Маджрити глубоко интересовался вопросами использования астролябии и написал несложное руководство по её устройству. Чуть позже жил Абу Исхак Ибрагим аль-Заркали (1029–1087), который начал свою карьеру как мастер по металлу и изготовитель инструментов, однако более всего он известен как астроном. Большинство арабских учёных много путешествовали и знали несколько языков, выступая в роли распространителей эллинистического и восточного знания.

Географ Мохаммед Абуль-Касим ибн Хаукаль (920–990) был типичным арабским учёным. Он родился в Насибисе (Северный Ирак). Его «Книга путей и стран» основывается на тщательных наблюдениях и многочисленных путешествиях. Книгу отличает острая наблюдательность и научный подход. В ней содержится карта мира, в центре которой река Нил, что отражало арабские представления о мире того времени. Ибн Хаукаль начал путешествовать, когда ему было двадцать три года, и делал это последующие сорок лет. Он посетил Северную Африку, Испанию, Алжир, Южную Сахару (возможно, добрался до самой Ганы), Египет, Армению, Азербайджан, Ирак, Персию, Афганистан и Центральную Азию. Есть подозрения, что ибн Хаукаль занимался шпионажем в пользу Фатимидов, когда они сделали базой своей власти Египет. Эти подозрения подтверждаются тем обстоятельством, что он выяснял, насколько уязвимы в военном отношении халифы в Аль-Андалусе, зажатые между христианами на севере и Фатимидами на востоке. Ибн Хаукаль также был чем-то вроде экономического географа, и в его текстах особое внимание сосредотачивается на основных сельскохозяйственных продуктах и ремесленных изделиях, а не на предметах роскоши¹. Он удалился на Сицилию и исчез со страниц истории.

Поскольку имелись различия между государством и религией, халифы, подобно их современникам, католическим правителям, держали под контролем и то и другое. Правители Аль-Андалуса использовали религиозных воспитателей и гражданских чиновников так, что эрудированные богословы могли среди прочего

¹ Encyclopaedia of Islamic Science and Scientists / Ed. N. K. Singh et al. New Delhi, 2005. Vol. 1. 373–374.

играть роль начальников полиции. Двор привлекал книжников, писателей, поэтов, филологов, философов, естествоиспытателей, математиков со всех концов мусульманского мира. Как пишет Бернард Рейли, «богослов, поупражнявший в поэзии, оказывался вполне готов к роли придворного»¹. Особенно ценились поэты, и в Аль-Андалусе рождались великолепные творения арабской поэзии. Развивались новые жанры, в рамках которых поэты экспериментировали с ритмом и размером, расширяли круг своих тем, углубляли разработку старых тем, особенно любовную и пейзажную лирику, обогащая её новыми живыми красками. Возможно, некоторые из этих поэм предполагалось исполнять в виде песен.

Особое внимание уделялось изящной словесности, и одним из способов для эрудированного и желавшего выдвинуться человека, который хотел развить свой литературный вкус, нужно было изучать адаб, своего рода энциклопедию мировой мудрости, сборник образцов поэзии, поговорок, практических советов и даже общих знаний. Учёный и поэт Ибн Абр Рабби (860–940) составил «Дивное ожерелье», чтобы заполнить эту нишу.

Библиотека, составленная Аль-Хакимом II, поражала как обилием, так и разнообразием книг и намного превосходила любую библиотеку христианской Европы того времени. Возможно, наиболее полезная рукопись являлась даром византийского императора Константина VII Багрянородного, сделанного им в 949 г. Абд ар-Рахману III, — это был греческий перевод трактата *«De materia medica»* хирурга I в. н.э. Педания Diosкорида, который в течение 1500 лет считали весьма авторитетным трудом по фармакологии и целебным свойствам растений. Его перевели на арабский греческий монах по имени Николай и сицилийский араб, который знал греческий. Он уже был переведён на латинский и стал доступен в нескольких библиотеках монастырей Европы. Одним из тех, кто использовал труд Diosкорида, был хирург из Кордовы Абу Касим ибн Аббас аль-Захрави (936–1013). Его иллюстрированная многотомная энциклопедия по медицине и хирургии «Катиб Аль-Тасриф» («Метод медицины») охватывала значительную область медицинских знаний и сохраняла своё значение не одно столетие.

¹ Reilly B.F. Op. cit. P. 70.

Участие в переводе «*De materia medica*» принял иудейский учёный, знаток Талмуда, личный врач Абд ар-Рахмана III, Хасдай ибн Шапрут (ок. 915–975). Ведущий представитель иудейского ренессанса и яркий пример космополитизма Аль-Андалуса при Абд ар-Рахмане III, он оказывал поддержку иудейскому образованию в мусульманском мире, в том числе талмудистским академиям в Месопотамии. Ему удалось установить связи с «тринадцатым коленом», находившимся на Северном Кавказе и Южной Украине Хазарском царстве, где исповедовали иудаизм. У себя на родине он покровительствовал различным деятелям иудейской культуры, таким, как поэт, грамматик и комментатор Дунаш бен Лабрат (ок. 920–990) и Менахем бен Сарук (ок. 920–970), поэт и автор еврейского словаря, которого сурово критиковал Лабрат. Шарпут использовал своё медицинское искусство, чтобы помочь избавиться от лишнего веса королю Санчо I Толстому (966–956), которого не могла выдержать ни одна лошадь.

В наши дни нередко идеализируют Аль-Андалус, противопоставляя его Европе X в. Культура, терпимость, система управления в мусульманской Испании сейчас нередко воспринимаются как выгодно контрастирующие с Европой того времени, в исторической литературе и телепередачах на аналогичные темы сложился упрощённый образ: Аль-Андалус противопоставляется христианскому Северу как безнадёжно погрязшему в варварстве и суевериях. Дэвид Ливеринг Льюис, например, утверждает, что было две Европы¹.

Один Аль-Андалус был «надёжно укреплен, отличался веротерпимостью, в нем процветала культура, достигли больших успехов науки; другой (христианская Европа) страдал от бесконечных войн, суеверия заменяли там религию, и огонь знаний лишь едва теплился»².

Льюис доказывает, что поражение мусульман при Пуатье обернулось трагедией: если бы ислам стал господствующей религией в Европе, это пошло бы ей только на пользу. Другую, католическую, Европу он описывает как экономически отсталую, раздробленную, раздираемую братоубийственными распрями... где за благо почи-

¹ Lewis D.L. *God's Crucible: Islam and the Making of Europe, 570–1215*. N.Y., 2008. P. 335.

² Там же.

тались родовитость, религиозная нетерпимость, преследование неверных, культурная обособленность и непрекращающиеся войны». Всё это контрастирует с представлениями о «не стеснённом границами царстве ислама... свободном от касты священнослужителей, одухотворённом учением о равенстве между собой всех правоверных, где царит уважение ко всем религиям»¹. Обе эти характеристики носят упрощённый характер. В действительности обе культуры представляли собой нечто намного более сложное. Подобный подход к истории был отчасти порождён постколониальным мультикультурализмом и своеобразной теорией столкновения цивилизаций, в рамках которой христианский мир систематически сопоставляется с мусульманскими режимами, разумеется, не в пользу первого.

Истина заключается в том, что историческая реальность не соответствует такой интерпретации. Доказательство Льюиса основывается на принципе «конвивенции», сосуществовании, основанном на терпимости, противопоставляемом насильственному обращению в христианство, которое осуществил, например, Карл Великий в отношении саксов. Проблема состоит лишь в том, что на самом деле Аль-Андалус вовсе не был тем оазисом терпимости, каковым его считает Льюис, особенно когда дело касалось христиан. В этом обществе царила строгая иерархия с жёстким распределением ролей — настолько жёстким, что в течение некоторого времени иудеям и христианам полагалось носить на одежде опознавательные знаки. Мосарабские католики были запуганы; они являлись людьми второго сорта в некогда принадлежавшей им стране.

Это не означает отрицания высокого уровня культуры Аль-Андалуса. Просто необходим определённый баланс. Как заметил Флетчер, всю жизнь изучавший Испанию, Аль-Андалус «не был терпимым и просвещённым даже в дни своего наивысшего расцвета». Он доказывает, что «важнейшей функцией, которую выполняла мавританская Испания, была передача знаний Востока Западу в один из наиболее «сенситивных» периодов восхождения Европы к господству»². Флетчер прав, поскольку большая часть

¹ *Lewis D.L. God's Crucible: Islam and the Making of Europe, 570–1215. N.Y., 2008. 174, 173.*

² *Fletcher R. Op. cit. P. 173.*

знаний попадала в Западную Европу через Аль-Андалус. Но это была улица с односторонним движением. Ислам, изолированный, убеждённый в собственном превосходстве, чувствовал, что ничему не может научиться у христианской Европы. Мы ещё вернёмся к вопросу о передаче знаний, когда речь пойдёт о Герберте Орильякском. Всё это показывает, что к оценке Аль-Андалуса надо подходить с большой осторожностью. Так или иначе, его величие вызывает смешанные чувства.

Если Аль-Андалус находился на окраине мусульманского мира, то Англия пребывала в аналогичном положении, будучи отрезана от мира христианского. Однако она отнюдь не представляла собой того варварского, подверженного суевериям общества, каким упрощённо изображает христианскую Европу того времени Льюис. Несмотря на почти непрерывные набеги викингов, продолжавшиеся в течение двух столетий (с середины IX до начала XI в. включительно), страна всё же достигла определённого политического и культурного единства при западносаксонских монархах, которые, как мы видели, были признаны саксонским королём Генрихом Птицеловом, древнейшей королевской династией. Итак, оставим позолоченный мир мусульманского Аль-Андалуса и пересечём Ла-Манш, чтобы взглянуть на суровых англосаксов, сыгравших столь же, если не большую роль в истории Европы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Англосаксонская Англия

Шёл 866 год. По словам «Англосаксонской хроники» (под 866 г.), «в этот год... в Англию пришло большое языческое войско и расположилось на зимние квартиры на востоке Англии, где воины вскоре обзавелись лошадьми, и местные жители заключили мир с ними». Так началось организованное норманнское вторжение в Восточную Англию, которое определило порядок вещей на следующие полтора столетия.

«Большое языческое войско» насчитывало, вероятно, 3000 или 4000 человек, в основном датчан, которыми предводительствовали

сыновья Рагнара Лодброка («Кожаные штаны»), который, вполне возможно, возглавлял набег на Париж, прежде чем Карл Лысый откупился от него. Лодброк стал легендарным персонажем сказаний о викингах ещё до того, как умер в Англии, вероятно, около 865 г. Связь между его кончиной и вторжением большого языческого войска во главе с его сыновьями Иваром Бескостным (с ним мы уже встречались в прологе) и Хальвданом не очевидна.

Существует легенда о том, как Лодброк попал в плен во время набега на Англию к королю Нортумбрии Элле, который бросил его в змеиный ров, где он умер в страшных мучениях. Очевидно, его сыновья повели армию в Англию с целью отмщения. Но какими бы ни были мотивы их действий, они высадились в Восточной Англии в 865 г. Эдмунд (841–869), король Восточной Англии, откупился от данов, предоставив им лошадей. Они провели зиму в Третфорде, а затем направились на север к *etropium* (торговому центру) Йорку. Как оказалось, это был не случайный набег, а спланированное нападение. Англия, подобно Франции, была богатой страной, и викинги вновь воспользовались местными распрямами из-за вопросов наследования между провинциальными правителями, чтобы напасть на них и дестабилизировать ситуацию в дальнейшем.

Из-за бесконечной распри в Нортумбрии между королями Эллом и Осбертом Йорк (в ту пору назывался Эофорвиком) остался без защиты. День Всех Святых, пятница 1 ноября 866 г. стал роковым: даны овладели городом. В Йорке это был праздничный день. Все видные горожане присутствовали на мессе в кафедральном соборе, потому завоевателям было легко окружить властей предержащих, убить одних и задержать для получения выкупа других. После этой лёгкой победы в Йорке кое-кто из данов, по видимому, и дальше зимовал за рекой Тайн. Большинство, однако, осталось в Йорке.

Словно не испугавшись нашествия викингов, нортумбрийцы продолжали распрю. После того как король Элл победил Осберта, тот попытался вернуть Йорк в следующем году, в Вербное воскресенье, 21 марта 867 г. Он потерпел поражение и был убит викингами, и согласно «Англосаксонской хронике», «великую бойню учинили здесь нортумбрийцам, одним внутри [Йорка], другим за [его] пределами». Это был не обычный для викингов набег по принципу «ударил—убежал»; воины сразу захватили эту террито-

рию и удерживали ее в течение длительного времени. В течение следующих восьмидесяти девяти лет Эофорвик, превратившийся в Йорвик (а затем в Йорк), оставался городом викингов.

При викингах школы, церкви и библиотеки (библиотека Йорка была одной из самых лучших в Европе) в Нортумбрии пришли в упадок. Присутствие викингов не способствовало стабильности в этом краю или во всей стране. Однако викинги поощряли торговлю, и Йорвик стал своего рода связующим звеном между городом викингов Дублином на западе, Европой и скандинавскими землями на востоке. Это было не первое вторжение викингов в англосаксонскую Англию. Впервые норманны появились в большом монастыре Линдисфарн к югу от Твидмута в 793 г. Атака, по-видимому, оказалась полной неожиданностью как для монахов, так и властей Нортумбрии. Несмотря на это, Англия, в отличие от континентальной Европы, избежала наиболее опустошительных набегов в конце IX в. Большое языческое войско нанесло первый организованный удар. В последующие восемь лет события привели к хаосу, и в конце концов датские захватчики утвердились в нескольких районах Англии.

Англия, в которую пришли даны, была политически раздроблена. Поскольку многие из старых римских дорог по-прежнему были годны к эксплуатации, захватчики смогли быстро продвигаться вглубь, нападая на незащищенные пункты. Хотя остров находился под властью нескольких небольших воинственных англосаксонских королевств, они не смогли объединиться и дать отпор завоевателям. Жители в большинстве своем просто бежали от жестоких викингов.

Нортумбрия была старейшим королевством и первой подверглась ударам захватчиков. Она быстро оказалась под контролем викингов. Помимо Нортумбрии, королевство Мерсия, которое первоначально охватывало большую часть Южной Англии, постепенно лишилось своей территории — её захватило западно-саксонское королевство Уэссекс, превратившееся со временем в наиболее могущественное и организованное в политическом отношении. Восточная Англия, где впервые высадилось войско язычников, была невелика и к тому же занимала уязвимое положение на побережье Северного моря.

После захвата Йорка в 866 г. большое войско вторглось в Мерсию и захватило Ноттингем, где его осадили соединенные мерсий-

ские и восточно-саксонские силы, редкий случай совместных действий англосаксонских королевств. Данам пришлось отступить из Йорк, но они по-прежнему контролировали четверть Англии. В 871 г. они вторглись в Уэссекс. Только здесь захватчики столкнулись с сопротивлением королевства со стороны хорошо организованной системы руководства и правительства. Уэссекс возник в VI в. как небольшое королевство. В течение нескольких веков он постепенно расширился, так что к 825 г. западно-саксонский король Эгберт (802–839) контролировал большую часть Южной Англии, в том числе Кент, Сассекс и Суррей, области, первоначально занятые южными и восточными саксами. Эгберт также, по-видимому, покорил Корниш. В 830 г. Эгберт даже взял под контроль королевство Мерсия, хотя и ненадолго. Потомки Эгберта продолжали править Уэссексом, обеспечивая свои позиции, поскольку умело распоряжались своим семейным имуществом и выступали в качестве покровителей храмов, монастырей и могущественных мирян. Их сплочённость вынудила короля Этельвульфа (839–858) покинуть Англию на два года (855–856), чтобы совершить паломничество в Рим и побывать при дворе Карла Лысого, когда он оказался в Северной Франции.

Вопросы наследования были разработаны в Уэссексе лучше, чем в других английских королевствах этого времени. Четверо сыновей Этельвульфа от первой жены, Осбурги, наследовали ему по соглашению, благодаря которому Уэссекс избавился от правления младших детей, когда над королевством нависла угроза со стороны викингов. Это оказалось удачным решением вопроса: Этебальду (855–860), женившемуся на Джудит, второй жене своего отца и дочери Карла Лысого, которая, как мы видели, сбежала с Балдуином (Болдуэном) II Фландрским, наследовали Этельберт (860–866), Этельред (866–781) и Альфред (871–899). Все четверо грамотно управляли королевским имуществом и, в отличие от преемников Карла Великого, стремились ограничить соперничество родственников короля и свести его к минимуму.

Викинги нападали на южное побережье Англии с 836 г., и постоянные оборонительные войны против них высасывали ресурсы западных саксов. Эти атаки усилились с 850-х гг. Учитывая, что некоторые из групп, устраивавших набеги на Англию, активно действовали и во Франции, прибытие языческого воинства не стало неожиданностью для Уэссекса, потерявшего множество лю-

дей в борьбе с викингами. Возможно даже, что краткость правления трёх «Этелей» (префикс, означающий «имеющий землю», или благородный») объясняется ранами, полученными в войне при защите Уэссекса.

В 871 г. произошла, наконец, решающая битва. В Англосаксонской хронике 871 г. сообщается, что в этот год языческое войско, усилившееся благодаря подходу «великой летней армии», вторглось в Уэссекс. «В течение года девять решающих сражений дали возможность противнику (викингам) продвинуться в королевстве к югу от Темзы, не учитывая великого множества стычек... которых никто не считал». Король Этельред умер в разгар кампании, а 21-летний Альфред стал королём в 871 г.

К концу года обе стороны исчерпали свои силы. Даны провели зиму в Лондоне. Армии Уэссекса сумели дать им отпор, однако нападение викингов на эту область в действительности представляло собой лишь отвлекающий манёвр. Их задачей было закрепиться в Нортумбрии. Добившись этого, они вторглись в Мерсию, в 873 г. захватив королевский центр Рептон в долине Трента близ Дербии. Король Мерсии бежал и в изгнании умер.

В Рептоне армия викингов разделилась: Хальвдан вернулся в Йорк, чтобы удерживать его, а новый командующий по имени Гутрум продолжил наносить удары по Уэссексу. Альфред сумел удержать викингов до середины зимы 878 г., когда они захватили Чиппенхем на границе Уилтшира и Сомерсета и нанесли западным саксам поражение. Затем согласно Англосаксонской хронике (под 878 г.) «викинги промчались по Уэссексу, заняли его и угнали значительную часть населения за моря [в рабство], и из оставшихся большинство принудили к повиновению, кроме короля Альфреда. Он же с малым отрядом двинулся с великим трудом через леса в недоступную местность на болотах», на равнине Седжмур, к востоку от Таунтона. Возможно, в юности он охотился в этих краях. Он предложил план и собрал мобильную армию из жителей Уилтшира и Хэмпшира. Используя партизанскую тактику, Альфред начал истощать силы данов Гутрума. Западные саксы хранили нерушимую верность королевскому дому, поскольку род Альфреда длительное время весьма успешно правил Уэссексом.

В мае 878 г. Альфред, по-видимому, решил, что стал достаточно силён, чтобы схватиться с Гутрумом в решающей битве при

Эдингтоне в Уилтшире. Биограф Альфреда Ассер рассказывает, что «сражаясь крепко против всей армии викингов, составив стену из щитов, он стойко держался долгое время; наконец он по воле Бога одержал победу. Он разгромил викингов, учинив им великую резню... Он захватил всё, что оказалось за пределами стен: людей (которых он тотчас убил), лошадей и коров. Он осаждал крепость в течение четырнадцати дней, и викинги наконец сдались»¹.

Это была решающая победа, и последующие события показали, что он был великодушным победителем. Данам позволили и дальше жить к востоку от пограничной линии, которая проходила от Лондона до Честера вдоль старой римской дороги, называемой Уотлинг-стрит. Гутрум согласился принять христианство (причём Альфред выступил в роли его крёстного отца) и стать королём Восточной Англии.

Последующее десятилетие, 880-е годы, было относительно мирным для Англии. Викинги, всегда готовые захватить пришедшее в состояние хаоса королевство, возобновили свои нападения на ослабленную Францию Карла Лысого. Уэссекс на десятилетие оставили в покое. Это дало возможность Альфреду передышку для подготовки к неизбежному вторжению.

Многие историки видят в Альфреде величайшего английского монарха, поскольку он сумел защитить остров от иноземных завоевателей. Мы также знаем о нём и много другого. Патрик Уормолд утверждает, что «Альфред предстаёт перед нами в трёх измерениях, как ни один другой правитель ранней Англии»². Оценка Уормолда подтверждается всей жизнью Альфреда и выдающимися достижениями в различных отраслях. Он решил немало проблем, главной из которых являлась военная. Нужно было что-то делать, чтобы остановить викингов. Они отличались подвижностью не только на море, но и на суше. Они умело использовали преимущества передвижения по рекам и римским дорогам, что продемонстрировали, когда фактически оккупировали Уэссекс в 870-х годах. Однако Альфред использовал 880-е годы для укрепления обороны. Первым делом он создал флот.

¹ Ассер, *епископ Шерборнский*. Жизнь Альфреда Великого. Гл. 56.

² *Wormald P. The Ninth Century // The Anglo-Saxons / Ed. J. Campbell. London, 1982. P. 135.*

Как сообщает Англосаксонская хроника (под 896 г.), «король Альфред приказал построить военные корабли, чтобы встретить суда данов. Они были почти в два раза длиннее, чем суда [данов]... Одни имели шестьдесят вёсел, другие больше; они были быстроходнее, устойчивее, с более высокими бортами, чем другие; их построили не по фризскому образцу и не по датскому, но, похоже, по особому собственному, который им больше всего подходил для эксплуатации».

По-видимому, корабли Альфреда оказались эффективными, хотя некоторые из них вынесло приливом на берег, после чего они не могли использоваться. Он также позаимствовал у Карла Лысого метод возведения низких деревянных мостов через реки, чтобы препятствовать проникновению флота викингов или заманивать их в ловушку в верховьях реки сразу после того, как они туда попадали.

Однако главных своих достижений Альфред достиг в области административной. Он создал бурговую систему, сеть укреплённых пунктов разной величины, или *burhs* (от чего происходит слово *borough*, город). Альфред укрепил старые римские города, такие, как Эксетер с его полуразрушенными стенами или Винчестер (где находился дворец Альфреда), чьи стены он восстановил. В других городах, таких, как Уоллингфорд на Темзе или Уилтон, по его распоряжению построили земляные стены, а на них деревянные палисады. Существовала централизованная система комплектования *burhs* гарнизонами. При этом исходили из оценки численности людей на местах, которые требовались для защиты каждого *burh*. Например, в Уинчестере было 2400 человек, в Оксфорде 1400, в Бате 1000, Хастингсе 500 и, наконец, в крохотном Лидфорде 140. Эти люди были скорее чем-то вроде сельского ополчения, постоянной армией. Они собирались для защиты своего города, когда ему угрожала опасность. Бурговая система стала первой удачно организованной и регулярной системой обороны от викингов в Европе, при которой каждый оказывался вблизи от безопасного места.

Альфред также реорганизовал регулярную армию численностью примерно 5000 человек, основанную на системе воинского набора, так что всегда имелось достаточно работников дома, чтобы обеспечивать продовольствием армию и остальное население. Мобильные силы своевременно могли реагировать на непосредствен-

ную угрозу со стороны викингов. Небольшая численность отрядов свидетельствует о том, что и численность завоевателей-викингов не могла быть много больше и была, вероятно, меньше.

К началу 880-х гг. викинги контролировали Нортумбрию (королевство Йорк) и Восточную Англию. Примерно половина Мерсии также была под властью «датского права», областью, где датское или скорее англосаксонское право, обычаи и язык преобладали. После отвоевания Альфредом Лондона в 886 г. королевство Мерсия (точнее, то, что от него осталось) начало сотрудничать с Уэссексом, и в Англосаксонской хронике (под 886 г.) сообщается, что «весь английский народ подчинился ему (Альфреду), за исключением тех, кто находился в плену у данов».

В 892–893 гг. викинги вернулись в Англию по прошествии более чем десяти лет, когда они пользовались хаосом и ослаблением государства во Франции при Карле Толстом. 80 кораблей викингов отплыли из Нуармуте в устье Луары и пристали к берегам Кента. Одновременно примерно 50 судов отбыли из Булони и достигли окрестностей Фолкстоуна. Однако Альфред хорошо воспользовался мирной передышкой; в конце концов он разгромил силы викингов на суше, учинив им «великую резню»¹. Тем временем датский флот под командованием короля Зигфрида Йоркского безуспешно попытался напасть на Эксетер и был вынужден возвратиться в Дублин. Это стало обычным делом: когда викинги продолжали свои атаки, они терпели поражение. Система обороны, созданная Альфредом, позволяла сдерживать захватчиков, хотя Уэссексу и самому Альфреду по-прежнему приходилось очень нелегко.

К 896 г. силы викингов стали дробиться. «Затем следующим летом... [896 г.] рать [их] рассеялась, одни по Восточной Англии, другие по Нортумбрии, а те, у кого не было ни гроша за душой, погрузились на корабли и отправились на юг за море, к Сене». Однако то, что не удалось сделать викингам, сделали чума, мор и падеж скота. «Английский народ, — продолжает автор Англосаксонской хроники (под 896 г.), — потерпел намного больший урон за эти три года от падежа скота и мора, [а] больше всего оттого, что многие из слуг короля в этой стране умерли за те три года». По существу, викинги не были разбиты, и Уэссексу, понёсшему ужаса-

¹ Англосаксонская хроника (под 894 г.).

ющие потери, по-прежнему приходилось защищаться. А затем в 899 г. Альфред умер.

Во многих отношениях наследие Альфреда оказалось необычным. Именно его заслугой являлась удачная организация сложной бурговой системы Уэссекса. Кроме того, еще одной важной целью было превращение этих городов в центры торговли и пункты, где могли располагаться королевские монетные дворы. Альфред унаследовал западно-саксонскую систему графств во главе с элдорменами (отсюда происходит английское слово «олдермен», т.е. член городского совета), обычно людьми знатного происхождения или высокого положения, которых назначал король. Ещё до Альфреда Уэссекс расширился, то же происходило и в его правление. Соответственно деление на графства (*shires*) распространялось и в какой-то степени совпадало с современными графствами (*counties*) Южной Англии. Графства делились на сотни: десять групп по десять семей, и у каждой из них участок величиной в один гайд (мера земли от 60 до 120 акров (от 25 до 50 гектаров)). Однако независимо от уровня организованности управление в IX и X вв. не было простым делом. Патриотизм в смысле преданности королю и тому, что мы называем «нацией», не являлся бессознательным; многих современников Альфреда вполне устроило бы делать общее дело с викингами, если считали это выгодным независимо от того, насколько дурного отношения к себе заслуживали викинги.

Однако Альфред был не просто воином, но и педагогом, писателем, религиозным реформатором и пионером в области законодательства. В его правление произошли фундаментальные изменения в правовой сфере, влияние которых ещё долгое время давало о себе знать в английской истории. Он был глубоко обеспокоен тем, что в Уэссексе царили невежество и суеверия, и разработал программу обучения чтению и письму. Король начал с себя. Он на четвёртом десятке научился читать и писать на староанглийском и латинском языках настолько хорошо, что в конце концов перевёл «Проповеди» Августина, «Утешение философией» Боэция и «Пастырское правило» Григория I. Альфред начал, но не закончил перевод «Псалмов». Он требовал, чтобы его чиновники учились читать и писать, и разработал программу всеобщей грамотности; насколько она оказалась успешной, мы не знаем. Он

также собрал вокруг себя местных и зарубежных учёных, как это сделал в своё время Карл Великий. Религия и культура в Уэссексе находились в плачевном состоянии, и целью создания «придворной школы» Альфреда было обновление в обеих этих сферах для улучшения дел в королевстве. Судя по всему, Англосаксонская хроника начала вестись в Уэссексе в конце IX столетия, т.е. скорее всего в правление Альфреда. Она писалась на староанглийском языке и представляла взгляд на историю с точки зрения восточных саксов.

Альфред также создал кодекс законов, в котором нашли отражение законы Моисея, церковное право и юридические традиции англосаксов. Его интересовало не только практическое применение права в том, что касалось клятв, измены и кровной мести; он хотел представить себя законодателем в духе Моисея, Соломона и царя Давида. Альфред осознавал себя вождём новой избранной нации — английского народа. При нём Англия двигалась в ином направлении, нежели континент. В то время как Альфред стремился консолидировать Англию в единое королевство, ядром которого являлся бы Уэссекс, с эффективно действующим правительством, на востоке и западе Франции в то время брала верх политическая разобщённость, отдельные области страны обособлялись, центральная власть разваливалась. Контрасты были поучительны.

Каков был Альфред как человек? Многое об этом мы знаем благодаря «Жизнеописанию Альфреда» валлийца Ассера, епископа Шерборнского. Ассер из монастыря в крошечном королевстве Дайфед в юго-западном углу Уэльса был призван Альфредом работать при его дворе. То, что написал Ассер, не похоже на биографию в современном смысле. Подобно другим биографам того времени он идеализирует этого короля. Как замечает Ричард Эйбелс, «Жизнеописание Альфреда» подразумевало собой энкомий, восхваление торжества величия Альфреда в назидание его многочисленной аудитории: монахам... королевскому двору, сыновьям короля и в первую очередь для самого Альфреда, которому был посвящён этот труд¹. Находясь под влиянием «Жизнеописания

¹ Abels R. Alfred and His Biographers // Writing Medieval Biography 750–1250: Essays in Honor of Frank Barlow / Ed. D. Bates, J. Crick, S. Hamilton. Melton, 2006. P. 63–64.

Карла Великого» Эйнхарда, Ассер написал, что Альфред родился в королевском поместье Вэнтидж близ Оксфорда. Ещё будучи ребёнком, он дважды посетил Рим, один раз, когда ему было четыре года, в 853 г.

Папа Лев IV «помазал [его] на царство, как подобает, принял его как сына и утвердил его» на престоле¹. Альфред приехал в город через два года со своим овдовевшим отцом. Он женился на Элсвит, родственнице королевского дома Мерсии по материнской линии. Ассер ничего не говорит нам о внешности Альфреда, и, в отличие от правнучки Эдит (Идгит), останки которой частично сохранились, возможность изучить кости Альфреда утрачена более двух столетий назад. Короля похоронили в Уинчестере, затем его могилу дважды переносили, и в конце концов в 1110 г. его останки упокоились вместе с другими представителями династии в аббатстве Хайд за пределами городских стен. Монастырь был разрушен в 1539 г. Генрихом VIII, однако королевские погребения сохранились. Но в 1788 г. местный совет продал это место для возведения там исправительного дома, или тюрьмы. Заключённые, расчищавшие участок, обнаружили могилы, вскрыли их, похитили свинцовое покрытие гробов и разбросали кости.

Даже если кости невозможно восстановить, Ассер определённо говорит нам о многих болезнях Альфреда и о том, что он был болезненным человеком. Как ни странно, первые симптомы этого появились во время свадебных торжеств в Мерсии, ещё до того, как он стал королём. Ассер пишет: «Когда все собрались, его поразила внезапный приступ болезни, совершенно неизвестной для всех врачей. Эта хворь продолжалась с двадцати лет до сорока и далее». С молодых лет, пишет Ассер, Альфред страдал от геморроя, который он считал «даром» Бога, который помог ему подавить в себе юношеское либидо. Он провёл много времени в молитвах, прежде чем «понял, что не в состоянии воздерживаться от плотских желаний», и попросил Бога «укрепить его решимость с любовью служить Ему, послав ему во испытание болезнь, которую окажется в силах терпеть»². Ассер сообщает, что перианальная проблема разрешилась, когда его поразила острая болезнь во время свадьбы.

¹ Ассер, епископ Шерборнский. Жизнь Альфреда Великого. Гл. 8.

² Там же. Гл. 74.

Симптомы болезни Альфреда были тщательно изучены исследователями, как медиками, так и историками. Имеющиеся данные указывают на воспаление кишечника¹. Иначе говоря, он страдал болезнью Крона — хроническим воспалением, затрагивающим окончание тонкой и начало толстой кишки или их обеих. Причины неизвестны. Это означает, что всю жизнь Альфред большую часть жизни мучился от болей в животе, лихорадки, утомления, что делает его успехи заслуживающими особого уважения.

Альфред оказался единственным английским монархом, получившим прозвище Великого, и монеты конца его правления свидетельствуют о том, что он рассматривал себя (и он им действительно был) как «короля английского». У него было видение лучшей, более мирной и хорошо управляемой Англии, и Альфред, как подобает настоящему государственному деятелю, обладал способностью воплощать свои воззрения в реальность, по крайней мере в той части Англии, над которой он властвовал. Учитывая, что Англии суждено было сыграть важную роль в развитии «Запада», роль Альфреда в процессе зарождения его истоков стала ключевой. Кроме того, он явил образец, которому потом стремились следовать средневековые правители Англии. Альфред умер в возрасте пятидесяти лет, «за шесть ночей до Дня Всех Святых» (1 ноября 899 г.), после того как он «правил королевством двадцать восемь с половиной лет»².

Но с наследованием всё оказалось не так просто. Преемником был назначен старший сын Альфреда, Эдуард I Старший (899–924), которому было примерно девятнадцать лет. Однако имелся и другой претендент, этелинг (принц) Этелволд, племянник Альфреда и кузен Эдуарда. Действуя напролом, Этелволд захватил Уимборн-Минстер в Дорсете, в самом сердце Уэссекса. Это было место захоронения его отца, находившееся поблизости от двух римских дорог. На него не обращали внимания, когда Альфред стал королём, поскольку Этелволд был младшим ребёнком в семье на тот момент. Когда же Альфред умер, его вновь проигнорирова-

---

¹ *Craig G. Alfred the Great: A Diagnosis // Journal of the Royal Society of Medicine. Vol. 84. 1991. P. 305.*

² *Англосаксонская хроника (под 899 г.).*

ли. Вероятно, он надеялся, что Эдуард поделит королевство между ним и собой. Действия Этелволда были типичны для раннего Средневековья: вызовы на поединок, бахвальство, угрозы, претензии на титулы — всё это он использовал куда чаще, нежели участие в сражениях.

Но Эдуард и слышать не хотел ни о каком разделе. «Король и его воины продолжали путь до тех пор, пока не разбили лагерь в Бэдбери-Рингс», укреплении времён каменного века к западу от Уимборна, которое господствовало над окружающей местностью¹. Тем самым Эдуард предотвратил возможность расширения его власти дальше на запад. Эта тактика оправдала себя, поскольку Этелволд ночью бежал в Нортумбрию и соединился с викингами. Он взял с собой отвергнутую жену (постригшуюся в монахини); возможно, она принадлежала к королевской династии, в переговорах с которой Этелволд собирался использовать супругу как заложницу или предмет торга.

Этелволд быстро укрепил себя в качестве лидера, короля среди викингов Нортумбрии. Он добился серьёзного успеха, поскольку к 902 г. сумел высадиться в Эссексе «из-за моря со всеми кораблями, какие смог собрать». С ним шли норманнские авантюристы и наёмники, которые всегда были готовы участвовать в набегах. Этелволд убедил присоединиться к нему жителей Восточной Англии. Как говорится в Англосаксонской хронике под 901 г., «они опустошили всю Мерсию, дошли до самого Криклэйда, пересекли Темзу и вторглись [в Уэссекс]: они захватили всё что могли в Брэйдон Форсете и окрестных деревнях, а затем повернули на восток, домой». Этелволду не удалось занять криклэйдский *burh*, а потому он и его воины ограничились набегом на земли вокруг Брэйдона в Уилтшире. Вместо того чтобы атаковать неприятелей в лоб, Эдуард, полагаясь на оборонительные сооружения, возведённые его отцом, обошёл их и разорил Восточную Англию «до самых болот»².

Подвластные Этелволду жители Восточной Англии бросились на защиту родного края. Эдуард, стремясь избежать множества сражений на вражеской территории, начал отход, однако люди из Кента отказались и сразились с Этелволдом и его союзниками

¹ Англосаксонская хроника (под 901 г.).

² Там же (под 904 г.).

13 декабря 902 г. при Холме, неизвестном местечке в Восточной Англии; «у данов погибли их король Эрик и принц Этелволд, который воодушевил его на этот мятеж... и многие другие, помимо них... Обе стороны понесли немалый урон, и хотя даны удержали за собой место битвы, потери их были велики»¹.

Король Эдуард избавился теперь от угрозы со стороны Этелволда. Это дало ему возможность взять инициативу в свои руки, особенно теперь, когда его сестра Этельфледа стала, как её называли, «повелительницей мерсийцев», после того как её муж Этельред, элдормен Мерсии, погиб в бою в 911 г.

Уже в 909 г. Эдуард при поддержке Этельреда и Этельфледы предпринял из Мерсии нападение на Область датского права. Контрудар данов по Мерсии, нанесённый ими из Йорка, отряды Эдуарда отразили, разгромив их при Тетгенхолле в начале августа 910 г. Мощь Йоркского королевства викингов была сломлена, и теперь Эдуард и Этельфледа начали отвоевание Области датского права, по существу, земли старого англосаксонского королевства Мерсия к югу от Хамбера. Отвоевание шло всё энергичнее, особенно после 917 г., когда мерсийцы во главе с самой Этельфледой взяли приступом Дерби и Датское королевство в Восточной Англии после того, как Эдуард разгромил данов в битве при Темпсфорде. К концу 918 г. король Эдуард завоевал всю Англию к югу от Хамбера.

После смерти своей сестры он аннексировал Мерсию в результате того, что можно считать государственным переворотом. Перед самой кончиной Этельфледы даны Йорка покорились ей, однако её смерть привела к изменению ситуации; Йоркское королевство данов захватил Регнальд, викинг из Дублина, который признал верховенство Эдуарда, как это сделали король скоттов, правитель Бернисии (юго-восток Шотландии и северо-восток Англии) и соседнее королевство Стратклайд. Так же поступили князя Уэльса.

Эдуард был теперь «королём Англии». Он достиг этого благодаря тому, что ему досталась от Альфреда постоянная армия, которая могла находиться в походе столько, сколько требовалось, имела резервные отряды, позволявшие обеспечивать безопасность и продовольственное снабжение на территории Уэссекса. Не менее

---

¹ Англосаксонская хроника (под 901 г.).

важно было и то, что викинги разъединились и расселились вместе с семьями, перейдя к обороне. Тем самым они утратили своё преимущество.

Когда 7 июля 924 г. Эдуард умер, ему наследовал его сын Этельстан (924–939), которого историк Саймон Кейнс назвал одним из самых выдающихся деятелей X столетия¹. Если Эдуард создал «Англию», то его сын наполнил это понятие конкретным содержанием. Он оказал такое влияние на события своего времени, что мы можем по праву говорить об эпохе Этельстана. Матерью его была Эгвин, первая жена Эдуарда, хотя некоторые утверждают, что она являлась его любовницей весьма скромного происхождения. Этельстан вырос под опекой своей тётюшки в Мерсии, где его провозгласили королём в двадцать пять лет. Его сводного брата Эльфледа объявили королём Уэссекса, но он скончался через две недели. Хотя Этельстану пришлось столкнуться с некоторым сопротивлением в Уинчестере, он тем не менее был коронован в Кмигestone-на-Темзе летом 924 г. как «король англосаксов». Он стремился стать не просто королём Англии, но *rex Anglorum*, «королём англов»².

Этельстан добился этого с помощью войны и ловких политических манёвров. Он выдал свою сестру замуж за Ситрика Узкоглазого, дублинского викинга, который был правителем Йоркского королевства. Ситрик вскоре принял католичество и столь же быстро вернулся к религии викингов, оставив свою жену. Ситрик умер в 927 г., ему наследовал его брат Гутфрит. Этельстан выбил Гутфрита из Йорка и, согласно Англосаксонской хронике, «захватил королевство Нортумбрию; он привёл к покорности всех королей на этом острове... Они заключили мирный договор, скреплённый обетами и клятвами, в месте, называемом Имонт Бридж [в Кумбрии] 12 июля [927 г.]. Они запретили всякое идолопоклонничество и затем расстались в согласии»³.

Этельстан был теперь королём Англии и *rex totius Britanniae*, «королём всей Британии». Однако Уэльс и Шотландия думали на сей счёт по-иному. С самого начала здесь были против англосак-

¹ Keynes S. England, c. 900–1016 // Cambridge Medieval History. Vol. III. P. 466.

² Foot S. Athelstan: The First King of England (New Haven (CT), 2011.

³ Англосаксонская хроника (под 927 г.).

сонского короля Британии. В сущности, многие кельты по-прежнему были бы не прочь, чтобы англосаксов изгнали из Британии. В 937 г. Константин мак Аэда, король Альбы (большей части Шотландии) решил, что настал час положить конец претензиям Этельстана. Он и Овейн I, король Стратклайда (юго-запад Шотландии, Кумбрия, Северный Уэльс), объединились с королём Дублина Олафом III и вторглись в Англию.

Этельстан двинулся на север, собирая англосаксонскую армию. Силы противоборствующих сторон сошлись летом 937 г. в самой кровавой битве столетия. Сражение произошло под Брунандургом, чьё местоположение неизвестно, но это скорее всего Бромборо на полуострове Уиррал близ устья реки Мерси и города Ливерпуль. Викинги предпочли сразиться в эстуарии реки, чтобы иметь возможность быстро отступить по морю. Англосаксонская хроника (под 937 г.) в лирических тонах описывает победу Этельстана в жестокой битве:

В это лето Этельстан державный,
Кольцедробитель, и брат его, наследник,
Эдмунд, в битве добыли славу
и честь всевечную мечами в сече
под Брунандургом: рубили щитов ограду,
молота потомками ломали конья
Эдверда отпрыски, как это ведётся
в их роде от предков, ибо нередко недругов
привечали они мечами, защищая свои жилища,
земли и золото, и разили противника:
сколько скоттов и морских скитальцев (викингов)
обреченных пало, поле темнело
от крови ратников...¹

Кельты и викинги были разгромлены, но какой ценой — по-прежнему остаётся предметом споров. Погибли многие, в том числе Овейн Стратклайдский, но Англосаксонская хроника сообщает лишь о победителях. Тем не менее эта битва способствовала консолидации англосаксонской Англии. Викингам пришлось прекратить свои набеги, а кельты оказались ограничены пределами Уэльса и Шотландии. В известном смысле с этого дня «страна англов» стала Англией.

¹ Пер. З. Ю. Метлицкой.

Этельстан был человеком исключительных способностей, и Кейнс доказывает, что он установил «монархию, в которую вдохнули жизнь его успехи, выдвигал претензии, соизмеримые с собственными достижениями, и придал ей формы нового политического порядка»¹. Двор Этельстана был просвещённым и культурным, а система управления эффективной. Особенно много внимания уделял он вопросам законодательства, чтобы способствовать общему благу и добиться мира и процветания. Королевство по-прежнему оставалось в значительной степени раздробленным, и локальные тенденции по большей части сохраняли преобладание. Так что постоянно шла борьба за контроль над плохо управляемым населением, недовольным господством восточных саксов. Сам Этельстан был правоверным католиком и, хотя оставался холостяком, заботился о своей большой семье, состоявшей из восьми сводных сестёр и трёх сводных братьев, рождённых тремя жёнами Эдуарда Старшего. Этельстан умер 27 октября 939 г. Ему наследовал его брат Эдмунд (939–946), прозванный Великолепным.

В правление Эдмунда консолидация Англии продолжалась, хотя поначалу север её оказался утрачен. В 940 г. Олаф Гутфритссон, не встречая сопротивления, вновь захватил Йорк и Нортумбрию, а затем вторгся в Восточный Мидлендс. Уотлинг-стрит вновь стала границей, однако после того, как Олафа убили в Нортумбрии в 941 г., Эдмунд вернул себе власть над Восточным Мидлендсом, а в 944 г. двинулся на север и захватил Йорк, сбросив господство викингов и «приведя всю Нортумбрию под свою власть»². Йорк имел большое значение как торговый центр, и экономические интересы вынуждали местных жителей сохранять лояльность. Большая часть Нортумбрии по-прежнему жила по собственным законам. Дублинские викинги обычно имели доступ в Йорк и на Север через Стратклайд, и Эдмунд был полон решимости лишить их его. Поэтому в 945 г. он вторгся в Стратклайд, убил короля Дональда мак Дональда (937–945) и передал всю эту область Малькольму, королю Шотландии, с условием, что тот должен будет при необходимости остановить дублинских викингов, используя Кумбрию как путь на Йорк.

¹ Keynes S. Op. cit. P. 470.

² Англосаксонская хроника (под 944 г.).

Эдмунд погиб 26 мая 946 г., убитый изгнанником по имени Леофа. Это случилось на празднике Святого Августина Кентерберийского, и Эдмунд пришёл на пир в королевской резиденции в Паклчёрч к северу от Бата. Он уже хорошо выпил, когда заметил Леофу — человека, прежде уже объявленного вне закона, который теперь присутствовал на пиру. Разъярённый Эдмунд напал на Леофу и повалил его на землю, но в схватке получил смертельную рану ножом. Ему было двадцать пять лет.

Трон перешёл к брату короля Эдреду (946–955), который продолжал политику Эдмунда и тем обеспечил преемственность в делах управления. Однако в 948 г. Датское королевство Йорк снова обрело независимость (оно сохраняло её до 954 г.), когда северяне пригласили на престол Эрика Кровавую Секиру, сына норвежского короля Харальда Прекрасноволосого. Согласно одному из рассказов, Эрик получил своё прозвище за убийство двух своих братьев в борьбе за власть в Норвегии. Другая история гласит, что это прозвище имело иронический характер: он был полностью под властью своей жены Гунхильд, которую в сагах изображают как настоящую ведьму. Войско Эдреда разбило Эрика, он был предан и убит в Стэйнморе (Кумбрия) в 954 г. Эрик стал последним королём Йорка, который, как и Нортумбрия, стал теперь неотъемлемой частью Англии. Шотландия также признавала главенство Эдреда.

Благочестивый и добрый человек, Эдред «любил блаженного отца Дунстана» и сделал его главным советником и администратором. Аббат Дунстан из Гластонбери (909–988), позднее архиепископ Кентерберийский, покажет себя в течение двух последующих правлений. В королевских грамотах Эдред называется по-разному: королём англосаксов, нортумбрийцев, язычников, британцев. Он сумел добиться немалых успехов, несмотря на свои болезни и тошноту, от которой страдал большую часть правления из-за серьёзного желудочно-кишечного заболевания, вероятно ахалазии, врождённого сужения пищевода или неспособности нижней части пищевода к расслаблению, в результате чего происходит срыгивание пищи. Это ведёт к серьёзной потере веса; в результате больной нередко умирает от пневмонии. В «Житии Святого Дунстана» рассказывается, что Эдред высасывал сок из пищи, жевал то, что осталось, а потом выплёвывал. Возможно, в последние годы правления он был недееспособен. Согласно тому же

источнику (гл. 20), «беспокоясь за свою жизнь из-за продолжительной болезни», Эдред начал распределять своё имущество «охотно и по доброй воле», но ещё до того, как успел закончить это, 23 ноября 955 г. умер в возрасте 30 лет.

Король Эдви (Эдвиг) Красивый (955–959), сын короля Эдмунда, родился около 940 г., стал преемником своего дяди 1 октября 959 г. Проблемы начались сразу же. В «Житии Святого Дунстана» говорится, что он был «совсем молод и имел мало мудрости в делах правления», иными словами, капризный юнец примерно шестнадцати лет. Ему вскружила голову женщина [по имени Ательгифа], глупая, хотя и знатного рода, у которой была дочь [Агильфа] в возрасте на выданье... он вёл с ними безрассудно, расточая им постыдные ласки, они же не соблюдали никаких приличий». Когда Эдвиг не явился на пир после своей коронации, поскольку у него было свидание с ними, Дунстана и епископа Личфилда отправили позвать его. Они застигли только что коронованного Эдви, что называется, на месте преступления: королевский венец «был небрежно брошен на пол, далеко от его головы, а сам он постоянно валялся между ними самым неприличным образом, словно в отвратительном хлеву». Не склонный к церемониям, Дунстан просто вытащил короля, небрежно развалившегося рядом с женщинами, водрузил ему на голову корону и увёл его с собой на королевскую ассамблею¹. Едва ли нужно говорить, что это не понравилось ни Эдвигу, ни обеим женщинам.

Хотя нет никаких сомнений в том, что король имел связь с обеими женщинами, трудно сказать, в какой степени эта история соответствует истине. «Житие Святого Дунстана» писалось уже много лет после событий, а Дунстан и Эдвиг были лютыми врагами. Дунстана из-за его вражды с королём изгнали во Фландрию.

Поведение Эдвига, напоминавшего в этом отношении его современника папу Иоанна XII, становилось всё более безответственным, особенно если учесть, что король полагался на мнение юнцов, людей столь же несерьёзных, как и он сам. Эдвиг грабил монастыри, захватывал их земли и продолжал спать со многими женщинами. Ясно, что, как пишет Кейнс, его неспособность к правлению «привела к социально-политическим потрясениям в [его] королевстве, что едва ли положительно сказалось на качестве его

¹ Житие Св. Дунстана. Гл. 21.

управления»¹. В итоге Мерсия и Нортумбрия отказались признавать его власть и провозгласили королём Эдгара, младшего брата Эдвиги.

В конце 956 г. Эдвиг попытался устроить свой брак с юной дамой по имени Агильфа. Однако его враги из числа церковных иерархов объявили, что степень родства жениха и невесты делает этот брак недопустимым. Вероятно, она была его четвероюродной сестрой. В ту эпоху церковь препятствовала бракам лиц, состоявшим между собой в четвёртой степени родства. Между тем Эдвиг умер 1 октября 959 г. при загадочных обстоятельствах в возрасте примерно восемнадцати лет. Ему «наследовал Эдгар, его брат, правивший в Уэссексе, Мерсии и Нортумбрии; Эдгару было шестнадцать лет от роду»².

Эдгар (959–975) родился в 943 г. Его мать умерла в год рождения мальчика, а отца убил Леофа, когда ему было три года. Эдгара короновали в Кингстоне-на-Темзе, и он наследовал объединённое королевство. Он создал эффективную систему управления, и его мирное царствование способствовало укреплению стабильности в обществе. Его реформы в области права коснулись и местного уровня. Они были достаточно суровыми, предусматривая увечья за многие преступления. Предполагалась также и коллективная ответственность. Например, в 969 г. Эдгар «приказал [разорить] весь остров Танет» в восточном углу Кента за то, что кто-то из его жителей ограбил купцов, которые высадились здесь³. Он также придавал большое значение своей роли христианского короля, поставленного самим Богом. Чтобы продемонстрировать это, он сам короновал и помазал себя в Бате в 973 г. вторично. В этой коронации прослеживались императорские обертонны, напоминавшие коронацию Оттона I. В то время Эдгара иногда величали «императором Альбиона». После совершения упомянутой церемонии он повёл войско на север, в Честер, где принял изъявления покорности от королей Шотландии, Уэльса и других местных правителей.

Подобно Эдвигу, Эдгар до крайности обожал любовные утехы. Хотя он и женился на Этельфлеме, «Белой Утке», в 960 г., его по-

¹ *Keynes S. Op. cit. P. 477.*

² *Англосаксонская хроника (под 959 г.).*

³ Там же (под 969 г.).

хождения вошли в легенду. Однажды он попытался соблазнить дочь знатного человека по имени Эндовер, но чтобы оградить девушку, родители подменили её простодушной служанкой, которая оставила постель госпожи ранним утром на следующий день, чтобы заняться делами по дому. Когда Эдгар понял, что его обманули, он пришёл в ярость, но затем поставил служанку во главе всего своего домашнего хозяйства. Даже монахини и послушницы не могли быть спокойны за себя.

«Женщины в эти беспокойные времена были особенно беззащитны перед угрозой изнасилования и соращения. Монастырские стены давали некоторую защиту, однако, по-видимому, женщины нигде не чувствовали себя в полной безопасности от притязаний со стороны могущественных поклонников»¹. Подтверждение этого — история Вульфилды, юной послушницы из Уилтонской обители, чья тётушка, аббатиса Уэрвелла, потворствовала Эдгару, пригласив Вульфилду приехать к ней в Уэрвелл, где король собирался обольстить девушку. Когда та поняла, что произошло, то убежала, спустившись по водосточной трубе, и вернулась в Уилтон. Эдгар начал преследовать её, но она вновь ускользнула и стала искать убежища у церковного алтаря. В Уилтоне Вульфилда постриглась в монахини, и позднее Эдгар сделал её аббатисой монастыря в Баркинге. Она умерла около 1000 г. и была причислена к лику святых. Возможно, её спасла другая послушница из Уилтонской обители, Вильфруда, которую Эдгар соблазнил. Затем он похитил её и держал у себя как сексуальную рабыню. Она родила ему ребёнка, будущую святую Эдгиту (Эдифь). После рождения дочери Вильфруда вернулась в Уилтон и продолжила жизнь монахини, ухаживая за своей дочерью. Эдгар, по-видимому, действительно любил их и в конце концов сделал Вильфруду аббатисой Уилтонского монастыря. После смерти в 963 г. своей жены Эдгар несколько раз пытался убедить Вильфруду стать его супругой, но она категорически отказалась.

В 962 г. король стал ухаживать за другой красивой дамой, Эльфрид. Он отправил к ней своего молочного брата и друга Этельвольда, чтобы, так сказать, подготовить почву, но молодой человек сам влюбился в неё, они тайно поженились и поселились

¹ *McNamara, J. A. K. Sisters in Arms: Catholic Nuns Through Two Millennia. Cambr. (Mass.), 1996. P. 192.*

в Девоне. Эдгар вскоре понял, что произошло, пригласил обоих ко двору и затем «случайно» убил Этельвольда копьём на охоте в Хейрвудском лесу. После этого в 964 г. он женился на овдовевшей Эльфрид.

Несмотря на чрезвычайную увлечённость любовными утехами, Эдгар оказывал поддержку возрождавшемуся монашеству. Он вернул Дунстана в Англию и в 960 г. сделал его архиепископом Кентерберийским. Дунстан реформировал уже существовавшие религиозные братства в соответствии со строгим бенедиктинским уставом и создавал другие. Это обновление являлось частью общеевропейского обновления монашества, о котором пойдёт речь ниже. Учитывая тесную связь между церковью и государством, реформы в монашеской жизни оказывали важное влияние на государство. Эта связь была формой цезарепапизма, системы, при которой государство осуществляло эффективный контроль над церковью.

Ключевой фигурой в этих преобразованиях играл Дунстан. Изгнанный Эдвигом в 956 г., он нашёл убежище в монастыре Святого Петра в Генте, где узнал о монастырской реформе на континенте. Принципами этих реформ он стал руководствоваться в Англии и, получив поддержку со стороны Эдгара и влиятельных епископов Этельвольда Уинчестерского и Освальда Уорчестерского, начал преобразования. К концу столетия в Южной Англии уже насчитывалось тридцать четыре новых или заново основанных монастыря и шесть обителей для женщин. Книга, призванная регулировать жизнь и обычаи монахов, *Regularis Concordia*, была утверждена около 970 г. королевским советом в Уинчестере.

Эдгар скончался 8 июля 975 г.; ему было тридцать два года. Автор Англосаксонской хроники (под 975 г.) с гордостью пишет, что «ни надменный флот, ни сильный враг не смог добыть себе трофеев в Англии, пока этот благородный правитель оставался на королевском престоле». В действительности это было не совсем так. Спору нет, Эдгару повезло: викинги оставались дома во время его царствования, а его администрацию возглавляли люди весьма компетентные в национальных и религиозных делах. Да и он сам был компетентен в отличие от своих предшественников и неудачливых преемников.

Ранняя смерть Эдгара привела к династическому кризису. Было два претендента на трон. Один тринадцатилетний Эдуард, очевидно, сын Эдгара и, вероятно, Этельфледы; другой Этельред, второй сын Эдгара от Эльфриды, восьми или девяти лет от роду. У обоих имелись свои группы сторонников. Окончательное решение было принято в Уитане на консультативной ассамблее советников, епископов и других важных лиц, которым надлежало обеспечить переход власти к новому королю. Примечательно, что о разделении королевства никто и слова не сказал. Всем было ясно, что Англия единая страна, хотя право первородства и не было англосаксонским обычаем: все сыновья короля считали себя достойными трона, никаких попыток разделить государство не делалось в Уитане. Группировка Этельреда состояла из элдорменов и лендлордов, которые пострадали из-за того, что Эдгар жаловал земли монастырям, из-за чего аббаты постепенно превратились в крупнейших землевладельцев в своих краях, а экономика того времени, как известно, зависела именно от землевладения. Однако сторонники Эдуарда переиграли приверженцев Этельреда, их возглавил хорошо разбиравшийся в делах архиепископ Дунстан. В результате королём стал Эдуард. Эдуард II (975–979) известен под прозвищем Мученика, которое позднее стало неотделимо от его имени. Похоже, он был капризным и даже жестоким.

Анонимный автор «Жития Святого Освальда», архиепископ Йоркский, пишет, что «он вызывал у всех не только страх, но и ужас как словами, так и ударами хлыста, особенно у своих домочадцев»¹. Люди вспоминали аналогичные выходки юнца Эдвигу пятнадцать лет назад. Историк сэр Фрэнк Стентон отмечает, что Эдуард «обидел возмутительными словами и поведением многих важных персон. Несмотря на то что много времени спустя он стал святым, люди не забыли его вспышек ярости, которые пугали всех, кто его знал, и особенно его домашних»².

Поскольку на троне очутился взбалмошный юнец, вскоре начались волнения. Предзнаменования этого наблюдались в приро-

¹ The Historians of the Church of York and Its Archbishops. London, 1879. P. 449.

² Stenton F. Anglo-Saxon England. 3rd ed. Oxford, 1971. P. 372.

де. Согласно Англосаксонской хронике (под 975 г.) «осенью [975 г.] появилась звезда, известная как «комета». В следующем году начался голод и многие нестроения по всей Англии». Для средневекового человека это означало предвестие грядущих бед. Упомянутая комета была кометой Галлея; её также наблюдали (и зафиксировали её появление) в Константинополе и Китае. Страна бурлила из-за монастырских реформ Эдгара, особенно из-за отчуждения им земли в поддержку обитателей, особенно недовольство было распространено среди землевладельцев. Поскольку Дунстан и епископы-реформаторы попытались и дальше проводить эту линию, это усилило позиции антимонастырской партии. «Учитывая, что он (Эдуард) был ещё юн, враги Бога нарушали божеские законы. Элдормен Элфер и многие другие... разрушали монастыри, разгоняли монахов, обращали в бегство слуг божьих... Вдовы часто и много подвергались ограблению, и процветала несправедливость и [совершались] чудовищные злодеяния... дела шли всё хуже и хуже»¹.

Возник заговор с целью убийства короля. В нём приняли участие Этелинг, Этельред, элдормен Элфер и скорее всего мать Этельреда Эльфрида. Всё тщательно спланировав, 18 марта 978 г. убийцы исполнили задуманное в Корфе, к югу от Тонтона, что в Сомерсете. Цель состояла в том, чтобы улучшить момент, когда Эдуард окажется без защиты. Короля, который жил в тех краях, пригласили в корфский замок встретиться со сводным братом и мачехой. Ничего не подозревавший шестнадцатилетний юнец приехал без сопровождения. Его стащили с коня и тотчас убили вооружённые даны. «И затем очень скоро» Этельреда II помазали и короновали в Кингстоне. За убийство его предшественника никто наказан не был.

Долгое правление Этельреда II «Неразумного» (978–1016) стало началом конца англосаксонской Англии. Прежде процветавшая и хорошо управлявшаяся нация была поставлена на колени перед единовластным королём. Хотя Этельред едва вышел из детского возраста, когда убили Эдуарда, в некотором смысле его жизнь оказалась запятнана этим событием. Тем не менее в течение его катастрофического царствования люди сохраняли ему верность. В марте 979 г. в порядке покаяния элдормен Элтер переза-

¹ Англосаксонская хроника (под 975 г.).

хоронил тело Эдуарда в монастыре Шефтсбери «с большой помпой»¹.

В 980 г. возобновились набеги викингов. На семи кораблях они напали на Саутгемптон. Это было лишь начало более масштабной кампании. В течение первого десятилетия правления Этельреда даны всё чаще совершали нападения по принципу «ударил—убежал», грабя слабеющее, но по-прежнему богатое королевство. Поскольку флот стоял на приколе (экономили средства), то отпора неприятели не встречали. Элдормены, которым была поручена защита побережья, были слишком стары и ленивы, чтобы сопротивляться нападавшим. К середине 980-х гг. стало ясно, что недавно обратившиеся в христианство даны намерены эксплуатировать слабеющую Англию и в конечном счёте превратить её в часть скандинавской империи. Датское государство консолидировали несколько его правителей: Харальд Синезубый, обративший Данию в христианство, Олаф Трюггвасон, Свен и Кнут (или Канут). Всё, что создал Альфред Великий, оказалось под угрозой.

Хотя нельзя отрицать, что Этельред лишился своих лучших советников (Дунстан умер в 988 г.) и наиболее опытных военачальников в начале 990-х гг., ответственность за несчастья Англии лежит прежде всего на самом Этельреде. Системы управления и обороны государства трещали по швам, а Этельреду, по мнению Кейнса, «недоставало твёрдости, проницательности и решительности, чтобы достойно руководить своим народом во времена тяжёлого национального кризиса; вскоре он увидел, что не может ожидать ничего, кроме предательства своих высших военачальников, и в течение своего царствования не изведal ничего, кроме позора поражений»².

Первые набеги викингов произошли в 991 г., когда Олаф Трюггвасон во главе флота в 93 корабля появился в устье Темзы и высадился у Ипсуича. Их загнали в ловушку на намывном острове на реке Блэкуотер близ Мэлдона элдормен Бюрхтнот и эссекское ополчение (*fyrd*). То, что мы знаем о сражении, известно нам из фрагментарно сохранившейся эпической поэмы «Битва при Мэлдоне». Согласно этой поэме, гигант элдормен Бринтот (на самом

¹ Англосаксонская хроника (под 980 г.).

² Keynes S. Op. cit. P. 483.

деле он имел чуть больше шести футов роста) рыцарски позволил данам покинуть остров, чтобы честно биться на сухой почве. Это привело к полному истреблению английского войска. После гибели Бюхтнота эссекские воины продолжали сражаться, воодушевляемые «старым ратником», чья речь звучала весьма волнующе:

Духом владейте,
доблестью укрепитесь,
сила иссякла — сердцем мужайтесь,
вот он, вождь наш, повергнут наземь,
во прахе лежит добрейший,
да будет проклят навечно,
кто из бранной потехи
утечь задумал,
я стар, но из стычки
не стану бегать,
лучше, думаю, лягу
на ложе смерти
рядом с господином,
с вождем любимым¹.

Этельред и его советник архиепископ Сигерик Серьезный (с ним мы уже встречались на пути в Рим), который сразу же начал платить выкуп, а не занял непримиримую позицию в отношении Олафа Трюггвасона, по сути, предали храбрых воинов, сражавшихся под Мэлдоном. Они заключили договор, представлявший собой фактическую капитуляцию, и согласились платить 22 000 фунтов серебра *Danegeld* (ежегодная дань). Налицо закономерность: в 994 г. было внесено 16 000 фунтов, в 1002 г. — 24 000, в 1007 г. — 36 000². Величина этих сумм отражает богатство Англии и жадность данов.

Следующие два трагических десятилетия стали свидетелями некомпетентности, малодушия и мстительности короля; а также бездарности правительства; элдормены охотно вели двойную игру, сотрудничая с данами, когда считали это выгодным. В Англосаксонской хронике отразилось разочарование англов, когда в 999 г. они столкнулись с некомпетентностью высших кругов в делах войны и управления:

¹ Пер. В. Г. Тихомирова.

² Logan F.D. The Vikings in History, 3rd ed. London; New York, 2005. P. 155.

«В этом году повелитель [данов] вновь появился на Темзе, а затем продвинулся до Мидуэя и до Рочестера. А там они столкнулись с войском из Кента, и произошло жестокое сражение: но увы! Все они скоро показали спину и обратились в бегство, поскольку не получили той поддержки, которую им должны были оказать, и даны завладели местом побоища, захватили лошадей и стали разъезжать в разных направлениях, разорив почти весь Кент. Затем король и его советники решили выступить против них на море и на суше. Но когда корабли уже были готовы, отплытие откладывалось со дня на день, что очень раздражало несчастных моряков... так в конце концов эти приготовления на суше и на море закончились полным провалом, только добавив несчастий народу, приведя к растрате средств и воодушевив врага»¹.

Откровеннее не скажешь.

Другое вторжение произошло в 994 г., им руководили Свен и Олаф Трюггвасон. Вновь даны пришли в 997 г. и оставались на острове до 1000 г. Они вернулись в 1001 г. и в 1002 г. с ними заключили мир, выплатив 24 000 фунтов *Danegeld*. Но чудовищным глупостям Этельреда, казалось, не будет конца. 11 ноября 1002 г. он отдал тайный приказ провести нечто вроде этнической чистки в отношении данов, многие из которых уже десятки лет проживали в Англии и были вполне лояльны английской короне. «В день святого Бриса (13 ноября) король повелел убить всех данов, которые жили среди англов, перебить, поскольку ему сказали, что они обманом хотят лишить его жизни, а после этого завладеть его королевством»². Особенно отвратительная бойня произошла в Оксфорде, где даны пытались найти убежище в монастырской часовне. Она сгорела дотла, большинство скрывавшихся там погибло. Вероятно, было убито несколько тысяч ни в чём не повинных данов. Это стало чудовищной прелюдией ко второму браку Этельреда с его второй женой, Эммой, дочерью герцога Ричарда I Нормандского, на которой Этельред женился весной 1002 г. Эмме (имя звучит как иноземное) пришлось сменить имя на Эльгильфу (так звали и первую жену Этельреда). Королеве суждена была долгая

¹ Англосаксонская хроника (под 999 г.).

² Англосаксонская хроника (под 1002 г.).

жизнь; она оказала значительное влияние на людей и события, которые привели к нормандскому завоеванию 1066 г.

Месть короля данов Свена, чья сестра Гуннхильда погибла в день Святого Бриса, не заставила себя ждать. Он вторгся с войском в незащищенную страну в 1003, 1004, 1006 и 1007 гг., благоразумно воздержавшись от нападения в 1005 г., когда случился голод. В 1007 г. англам пришлось выплатить 36 000 фунтов серебра. В 1009 г. явился с большими силами Торкель Высокий, который опустошил сельскую местность. В результате англы были вынуждены внести 48 000 фунтов серебра в качестве выкупа. Свен вернулся в 1010 г. с огромной армией. Попытка остановить данов оказалась безуспешной, и Этельред, согласно Англосаксонской хронике, запросил мира, пообещав, что [англы] заплатят им дань и дадут припасы, если они прекратят грабежи. К этому времени даны разграбили: 1. Восточную Англию; 2. Эссекс; 3. Миддлсекс; 4. Оксфордшир; 5. Кембриджшир; 6. Хертфордшир; 7. Бэкингемшир; 8. Бедфордшир; 9. половину Хантингдоншира, а южнее Темзы Кент, Суссекс, Гастингс, Суррей, Беркшир, Гемпшир и много земель в Уилтшире. Все эти беды постигли нас по неразумности, из-за того что не захотели заплатить дань вовремя, а заключили мир только после того, как даны уже натворили много зла¹.

В 1013 г. Лондон сдался, и Свен стал контролировать большую часть Англии. Этельред вместе с королевой Эммой отправился в изгнание в Нормандию. Однако в феврале 1014 г. Свен умер, и его сын Кнуд был избран королем датчанами, хотя они, кажется, были ослаблены смертью Свена. Это дало Англии шанс, и витан (народное собрание) призвал Этельреда из Нормандии, но, будучи крайне трусливым, он отправил своего младшего сына Эдуарда посмотреть на ситуацию в Англии. Убедившись в безопасности, Этельред вернулся и был радушно принят. Кнуд же отправился в Северную Англию, откуда, вытесненный армией Этельреда, он удалился в Данию. Сын Этельреда, Эдмунд Железнобокий, быстро стал настоящим вождём англов. Но ему приходилось иметь дело с бестолковым Этельредом, до его смерти 23 апреля 1016 г., а также с постоянно изменявшим, склонным к предательству Эдриком Мер-

---

¹ Англосаксонская хроника (под 1011 г.).

сийским. Кнуд вернулся в конце лета 1015 г. и к лету следующего года контролировал большую часть Англии, кроме Лондона и Уэссекса, остававшихся у Эдмунда Железнобокого.

В конце концов, 18 октября 1016 г. армии Эдмунда (преданного в последнюю минуту Эдриком Мерсийским) и Кнуда встретились около Эшингдона в Эссексе, «и состоялась ожесточенная битва. Кнуд победил и захватил всю Англию. Среди погибших [был] весь цвет Англии». Но Эдмунд выжил, оправдав свое прозвище «Железнобокий». Он продолжал сражаться до тех пор, пока они с Кнудом не подписали договор, по которому Уэссекс был возвращен Эдмунду. Впрочем, этот договор оказался бесполезным, т.к. 30 ноября 1016 г. Эдмунд внезапно умер. Он был похоронен в Гластонбери рядом с королем Эдгаром.

Теперь король Кнуд владел всей Англией. Величайшие достижения королей Уэссекса, в частности Альфреда Великого, казалось, были уничтожены. По крайней мере Англия показала, как трудно восстановить нормальное управление и сопротивляться как внешним, так и внутренним врагам, которые были нацелены уничтожить общее благо ради личного грабежа. Если у саксонского монарха Оттона I были *fortuna et mores*, авторитет и харизма, то у его англосаксонских родственников, возможно, и были *mores*, но им определенно не хватало *fortuna*. Но по крайней мере пример был создан.

Другой страной, которую в течение X в. постоянно беспокоили викинги, была Ирландия. Но даже Ирландия, для всей истории которой характерно сопротивление любой форме централизации, в итоге пришла к идее объединенного государства под властью выдающегося лидера Бриана Бору. Но национальное объединение, как мы увидим, оказалось лишь чем-то эфемерным.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кельтские земли: Ирландия, Шотландия и Уэльс

В начале этой книги мы встретили монаха, изучавшего латинскую и греческую грамматику в Бангоре. Подобно многим ирландским монахам, он был также студентом. Как справедливо указал Томас Кахилл, именно ирландцы в конечном счете «спасли цивили-

лизацию» в Европе в VII — начале VIII в.¹ Ирландские монахи сохранили латинскую и греческую учёность задолго до мусульманского Аль-Андалуса, и те же самые монахи, начиная с VII в., своим миссионерским трудом распространяли эту образованность и культуру по всей континентальной Европе и Англии. Поистине, они были странствующими преподавателями и учителями. Они обеспечивали преемственность между древним греко-римским миром и миром Средневековья. Без них цивилизация Запада не сохранилась бы. Они делали это разными способами, вопреки трудностям. Их страна традиционно находилась в состоянии племенной раздробленности с её междоусобными войнами, которые казались бесконечными, и на всём протяжении IX и X вв. Ирландию постоянно опустошали викинги. Но, несмотря на всё это, ирландская монастырская образовательная и культурная традиции выжили.

Наш монах из Бангора служит иллюстрацией того, что существовал непрерывный интерес к книгам и грамматике, и многие странствующие ирландские ученые объездили Европу вдоль и поперёк, изучая литературу. Например, ирландский ученый середины IX в. Седулий Скотт (латинское *Scottus* как результат путаницы означает «Ирландец») был своего рода придворным книжником при льежском епископе. Очевидно, будучи человеком, получавшим удовольствие от жизни, он говорил: «Я читаю, и учу, и молюсь, и сплю, похрапывая»². Однако не ведая лени, Седулий оставил после себя комментарии к Библии, тексты по грамматике, собрание редких римских и греческих сочинений, книгу о поведении для христианских государей и переводы библейских книг с греческого. Мы знаем, что он боялся викингов и, возможно, бежал из Ирландии, чтобы спастись от них, хотя трудно представить, как он мог быть в безопасности от них, находясь в Льеже.

Но гораздо более ярким ученым-философом IX в. был Иоанн Скот Эриугена (Иоанн, «Рождённый в Ирландии»). Родившись около 810 г. где-то в Ирландии, он большую часть своей жизни провел за границей. Сперва он появляется в Реймсе и получает поручение архиепископа Хинкмара написать опровержение на

¹ Cahill T. How the Irish Saved Civilization. New York, 1995.

² Waddell H. The Wandering Scholars. London, 1942. P. 62.

сочинение о предопределении монаха Готтшалька. Тот обосновывал «двойное предопределение», подразумевая, что некоторые люди предназначены Богом к спасению, а прочие к вечным мукам (позже мы вернемся к Готтшальку). Иоанн кое в чем симпатизировал взглядам Готтшалька, поэтому его ответ *De praedestinatione* («О предвидении») современники восприняли как несколько двусмысленный. Как бы то ни было, он выдержал эту критику и стал другом Карла Лысого, который назначил его руководителем школы в Лионе. Есть замечательная история, которая повествует, что однажды ночью, когда король и ученый крепко подвыпили, Карл, стараясь быть остроумным, спросил: «*Quid distat inter sottum et Scottum?*» «Каково различие между пьяницей и ирландцем?»). Иоанн мгновенно ответил: «Ширина стола»¹. К сожалению, немецкий учёный продемонстрировал, что эта латинская конструкция не характерна для Иоанна, но я принимаю ее за чистую монету как образец ирландского юмора².

Иоанн был глубоко оригинальным философом-неоплатоником, который считал, что Бог в конечном счёте непознаваем, если он не обнаружил себя через откровение или творение. Иоанн учил с уклоном в мистицизм и перевел с греческого на латинский важные мистические сочинения сирийского монаха и/или епископа Дионисия Псевдо-Ареопагита (около 500 г.). Последние годы жизни Иоанна полностью окутаны тайной, и у нас нет данных о том, где он умер. После него ирландская ученость пришла в упадок.

В IX веке также появились на свет последние великие произведения ирландской книжной миниатюры, в частности Келльская книга. Происхождение и точная дата этой книги являются предметом горячих споров, но, вероятно, она относится к концу VIII или началу IX в. Согласно одной теории, её изготовили в Айоне, на Шотландском побережье, и принесли в Келл, к северу от Дублина, для сохранения после набега викингов и резни монахов в Ионе в 806 г.

После IX в. художественное значение перешло к камню, который продемонстрировал бóльшую прочность перед лицом разру-

¹ Латинская шутка содержит двусмысленность, которая теряется в современных языках. Начало вопроса, «*quid distat...*», можно перевести не только «каково различие...», но и «какое расстояние...» — Прим. пер..

² O Crónín D. Early Medieval Ireland 400–1200. Harlow, 1995. P. 227.

шительной деятельности викингов. X в. стал временем, когда были возведены большие кресты, такие, как в Клонмакнойсе, Келлсе и Монастербойсе. На Кресте Муирдаха в Монастербойсе представлены живые сценки из Ветхого и Нового Заветов, вырезанные в отдельных панелях с обеих сторон креста, а две кошки у основания его западной грани сообщают кресту ощущение почти домашнего уюта. Монастыри тоже всё чаще строились из камня; им сопутствовали круглые башни, которые и теперь ещё столь характерны для Ирландии. Однако как обнаружили люди, которые укрывались в монастырских башнях во время набегов, они, к несчастью, служили прекрасными дымоходами в случае использования огня, оставляя находящимся внутри, вместе с их сокровищами и книгами, мало надежды уцелеть.

Художественная и интеллектуальная жизнь пришла в упадок, политика и управление оставались столь же запутанными и хаотичными, как то характерно для племенного общества. Это было догородское общество, и до прихода викингов единственными местами сосредоточения населения и деловой активности были крупные монастырские центры. Всё население Ирландии в это время насчитывало, возможно, 300 тыс. человек. Но к IX в. эти монастыри находились в упадке после золотого времени VI—VII вв.

Политически этой территорией правила сложная иерархия королей. *Lebor nag Cert*, «Книга прав», делит Ирландию на семь верховных и более ста мелких королевств. Она также определяла взаимоотношения между этими уровнями королевской власти и подати или налоги, которых требовал каждый из них. Король не был собственником всей земли; она распределялась между аристократическими семьями и семьями простых общинников. Точно так же, как среди франков, лежавшая в основе идея о «христианском короле» сформировалась в рамках контекста ветхозаветных представлений о царской власти.

Короли делились на четыре группы. Местные короли управляли туатами (*túath*), мелкими королевствами. Верховные короли правили своими собственными туатами и были повелителями нескольких других туатов. Выше них стояли те, кто управлял семьёй королевств. Даже до прихода викингов эти мелкие и местные короли переживали не лучшие дни, поскольку господствующие династии постепенно захватывали их земли и собственность. Высшим господином Ирландии был верховный король, *ard*

rí, король Тары. На протяжении столетий клан Уи Нейл (*Uí Néil*) из Ольстера и внутренней части страны контролировал королевскую власть в Таре, которая имела в основном символическое и почетное значение. На юго-западе клан Эоганахта контролировал Скалу Кэшел, откуда в качестве королей-епископов они властвовали над большей частью своего региона. Всё это устройство вело лишь к хаосу. Когда в начале IX в. пришли викинги, они не встретили никакого организованного сопротивления выше, чем на местном уровне.

В период, предшествовавший вторжениям викингов, изменялась роль церкви. Новейшие исследования показывают, что изначально ирландская церковь не была высокоорганизованной, хотя более или менее основывалась на епископской модели, в основном принятой на континенте. Однако к VIII в. церковное управление, каким бы оно ни было, перешло от формы епископского контроля к форме монастырского контроля. Другими словами, центральное значение для ирландского католицизма приобрели монастыри. Крупнейшие монастыри с многочисленным населением и крупным землевладением начали формировать *parouchiae* (древнее латинское слово для «епископства») с аббатами, частично заменявшими епископов¹. Сохраняя свое значение в образовании, монастыри всё больше секуляризировались благодаря их социальному и экономическому значению. Патрик Дж. Кориш указывает: «Они стали действовать совместно с официальными главными династиями и в результате сделались центрами светской власти... Монастырские армии сражались вместе с королями и против королей». Тем не менее в обществе, охваченном страхом смерти и Суда Божьего, монастыри по-прежнему «предоставляли покровительство их святых основателей и Жития, составленного для их прославления, и показывали, как язычество растворяется в христианстве: святые здесь являются властными фигурами, имеющими силу для благословения, а особенно для проклятия»².

Королевские семьи нападали на монастыри и безжалостно грабили их, когда это было им необходимо. У некоторых монастырей были свои собственные ополчения, которые они использовали

¹ O Crónín D. Op. cit. P. 147 ff.

² Corish P.J. The Irish Catholic Experience: A Historical Survey. Dublin, 1985. P. 21.

для борьбы с другими монастырями. «Анналы Ольстера» дают как пример «битву между общиной Клуайн Мокку Нойс (Клонмакнойс) и общиной Дермаг (Дарроу), в которой пали... двести человек из общины Дермаг». Довольно много для «возлюби ближнего своего»!¹

Для тех, кто, подобно древним ирландцам, верил в предзнаменования, признаки надвигавшегося бедствия были видны ясно. Случилась засуха, голод, скот поразила болезнь, а затем в 774 г. «Эоган, сын Колгана умер от кровавого поноса (дизентерии), и многие другие умерли от той же самой болезни»². «Ольстерские анналы» сообщают, что после эпидемии дизентерии «луна стала красной, как кровь, в двенадцатые календы марта (788 г.)», а в 789 г. случился не соответствовавший времени года «сильный снегопад в третьи календы мая». «Анналы» сообщают, что в 784 г. произошло «опустошение язычниками всех Британских островов»³. 795 г. стал поворотным для Ирландии: прибыли «люди с востока» (*Ostmen*). Сперва они пришли из Норвегии и поселений викингов в Шотландии. Вторжения осуществлялись по той же самой схеме, что и во Франции, и в Англии. Начальный период набегов длился примерно до 836 г. и ограничивался монастырями на побережье и до 20 миль (32 км) в глубь страны. Монастыри рассматривались как богатая пожива: у них было много земли, сырья, продовольствия и людей для продажи в рабство. Их художественные и религиозные ценности имели второстепенное значение.

В начале IX в. схема изменилась: большие флоты приходили летом, и захватчики стали использовать большие судоходные реки, такие, как Шаннон, Лиффи, Эрн и Бойн, для проникновения внутрь страны. После 836 г. Клонмакнойс, один из крупнейших монастырей Ирландии, расположенный в 145 милях (230 км) вверх по Шаннону, подвергался нападениям викингов шесть раз. (Для сохранения перспективы: за тот же самый период он одиннадцать раз подвергался нападению в междоусобной борьбе ирландцев.) Глендалох, к юго-западу от Дублина, и Клонмор, неподалёку от

¹ Ольстерские анналы (под 774 г.).

² Там же.

³ Там же (под 784, 788, 795 гг.).

Карлоу, первый раз подверглись нападению в рождественскую ночь 835 г. Оба монастыря были сожжены, многие их обитатели были убиты или обращены в рабство.

К тому времени викинги точно так же, как во Франции и Англии, начали проводить зиму в хорошо защищённых *longphuir* (мн. ч. от *longphort*, ограждённое место, защищающее и людей, и корабли). Первым из них был Дублин, где в 837 г. находилось около 60 кораблей на Лиффи в *duibh linn* («тёмной заводи»). Постоянное поселение основали здесь в 841 г. «Анналы» сообщают: «В. Дуиб Линн был морской лагерь, из которого грабили Лайгин (кланы Лейнстера) и Уи Нейл как страну, так и церкви»¹. Одним из первых вождей севера был Тургейс, который, кажется, краткое время правил над большей частью восточных викингов (он был убит в 845 г.) и, видимо, утвердился как языческий верховный жрец в Арме. Другая история была с его женой-язычницей, пророчицей, обладавшей сверхъестественным могуществом, Отой, дававшей предсказания с церковного Престола в Клонмакнойсе. Дублин быстро вырос в торговый пункт и центр работоторговли. Другим ранним *longphort* был Аннагассан на северном побережье.

Значительная часть наших знаний о Дублинском поселении оказалась бы навсегда утрачена, если бы не историк-священник отец Френсис Ксавье Мартин, широко известный как «FX». В конце 1970-х гг. Дублинская корпорация хотела построить новый офис на месте разрушенного викторианского строения в районе Вуд Ки (*Wood Quay*, Лесная пристань) на южном берегу Лиффи в центре Дублина. Предварительные археологические исследования на этом месте обнаружили остатки изначального *longphort* викингов. Но археология не являлась приоритетом для Дублинской корпорации; она хотела возвести свой офис вопреки шумным международным протестам, связанным с её решением уничтожить самый важный памятник эпохи викингов в Европе. FX и кампания «Спаси Вуд Ки!» (*Save Wood Quay*) с помощью успешных судебных исков и общественных демонстраций замедлили разрушение. Хотя сейчас это место занимает чрезвычайно уродливое современное здание, его построили только после того, как были проведены обширные археологические работы.

¹ Ольстерские анналы (под 841 г.).

В ранней колонизации викингами Ирландии важно то, что она никогда не была широкомасштабной, в отличие от Англии, где было занято почти полстраны. Одна причина этого заключается в том, что первоначально в ней участвовало меньшее число пришельцев, и они, как только организовывали поселение, делались уязвимыми для нападений. Другой причиной было то, что со временем Ирландия достигла некоторого единства и оказала пришельцам сопротивление. В 848 г. викинги потерпели четыре крупных поражения. «Ольстерские анналы» сообщают, что «верховный король Маэл Сехнайл одержал победу в битве с язычниками при Форaxe (близ Скрина, *County Meath*), в которой пали 700 человек». В двух других битвах этого года, о которых нам сообщают, были убиты соответственно 500 и 200 викингов, а затем «Тигернах (король из Уи Нейлов в центральной части страны) наголову разгромил язычников в дубовом лесу Дисерт До-Хома (местоположение неизвестно), и погибли там 1200 человек»¹.

Первые викинги-поселенцы теперь тоже находились под угрозой последующих волн вторжений их сородичей. В 849 г. «морская экспедиция счетом в семь кораблей приверженцев чужеземного короля пришла для того, чтобы потребовать покорности у чужеземцев, прибывших в Ирландию до них, и вследствие этого они привели в смятение всю страну». «Ольстерские анналы» характеризуют новых викингов как «темных язычников», по-видимому, подразумевая не их цвет лица, а тот факт, что они, вероятно, были данами, возможно, из Англии. «Тёмные язычники пришли в Ат Клиат (Дублин) и устроили большую резню белокурым чужеземцам (норвегам), и разграбили морской лагерь, и людей, и имущество. Темные язычники совершили набег на Линн Дуахайл (Аннагассан), и большое число (норвегов) были убиты»².

Начиная с 850-х гг. Дублин сделался центральным очагом активности викингов в Ирландии. Одно время он контролировался Иваром Бескостным, с которым мы уже встречались. Дублинские викинги были активны также в Нортумбрии и Шотландии. Они привозили рабов и захваченное добро в Дублин, который стал чем-то вроде эмпории, торгового поселения. Викинги, безусловно, были капиталистами и мелкими бизнесменами X века.

---

¹ Ольстерские анналы (под 848 г.).

² Там же (под 851 г.).

Дублинское поселение пришло в упадок к началу 870-х гг., поскольку многие викинги отправились с набегами во Францию и Англию, и ирландцы начали выигрывать большее число сражений с ними. «Аэд, сын Ниала (северный король Уи Нейл) разграбил все крепости чужеземцев... на территории севера... и забрал их головы и их скот, крупный и мелкий... Победа была одержана над ними у Лох-Фегайл (*Louch Foyle*) и в результате было взято 240 голов»¹.

С 902 по 917 г. само дублинское поселение находилось под ирландским контролем. Когда викинги покинули его, они «бросили значительное число своих кораблей и бежали полумёртвые, после того как были изранены и разбиты»². Взаимные браки ирландцев и викингов уже встречались, и период с 876 по 914 г. был относительно свободен от набегов последних.

Передышка дала ирландцам возможность заняться тем, что у них получалось лучше всего, — борьбой друг с другом! Затем в 914 г. датчане устроили второе «вторжение» в Ирландию, поскольку англосаксонская Англия была лучше защищена после реформ Альфреда Великого, а Франция менее привлекательна из-за ряда трудных лет. В 914 г. большой флот прибыл из Северной Франции в Уотерфорд, который отныне стал постоянным поселением викингов, как и Уэксфорд (921 г.) и Лимерик (922 г.). Нанеся поражение ирландцам в 917 г., викинги восстановили свое присутствие в Дублине, который теперь вырос в настоящий город, а не был просто поселением. Викинги вновь сделали серьёзной угрозой, совершая набеги через сельскую местность из их прибрежных анклавов.

«Весь Мумхайн (Манстер) был затоплен огромным наводнением и полон бесчисленных кораблей с моря... так что ни гавани, ни порты для высадки, ни Дун (крепость), и вообще никакая твердыня во всем Мумхайне не остались недосыгаемы для флотов данов и пиратов... И конечно, беды, которые Эрин перенёс раньше, были несопоставимы с бедствиями, которые принесли эти пираты»³. Хотя и составленный в начале XII в. и, вероятно, содержащий преувеличения для придания истории интереса, этот рассказ из

¹ Ольстерские анналы (под 866 г.).

² Там же (под 902 г.).

³ The War of the Gaedhil with the Gaill. London, 1897. P. 41.

«Войны Гедхила с Гайлом» передает в некотором отношении атмосферу разорения времени второй волны викингов. Но викинги второй волны скоро подхватили ирландскую «болезнь»: междоусобные войны в своей среде точно так же, как и ирландцев, приобретали всё больший опыт отношений с ними. Постепенно викинги стали неотъемлемой частью ирландской политики, вступая в постоянно меняющиеся свой состав альянсы и коалиции, которые сражались за контроль над Ирландией.

Между тем дублинских викингов всё больше затягивали меркантильные интересы за Ирландским морем, на острове Мэн, Гебридах, в Исландии и Северной Англии, особенно в Йорвике и Нортумбрии. Но это создало уязвимость. Победа короля Этельстана при Брунанбурхе в 937 г. положила предел амбициям викингов, стремившихся контролировать Северную Англию. Постепенно, через смешанные браки правители Дублина стали, по крайней мере, номинально католиками, поскольку они медленно утрачивали свою идентичность как викинги. Они уже страдали от оспы и дизентерии, вспыхнувших в Дублине в 951 г., и в «Ольстерских анналах» говорится, что в 965 г. был «великий и нестерпимый голод в Ирландии, так что отец обычно продавал своего сына и дочь за пищу»¹. Затем в 960 г. дублинские норвежцы потерпели серьёзное поражение. «Битву при Тимайре (Тара) выиграл Маэл Сехнайл (некий Уи Нейл) против чужеземцев из Фех Клиатх (Дублин)... и там произошло страшное избиение чужестранцев. И чужеземная власть была изгнана из Ирландии»². Пусть изгнание не стало полным, но, по крайней мере, Дублинское королевство викингов платило теперь дань ирландским королям. Разбитый дублинский правитель, Амлайб Куаран (945–980), закончил свою жизнь в 981 г. как пилигрим в Ионе, первом ирландском монастыре, атакованном его предшественниками.

К концу X века в стране возвысился новый человек. Он был наиболее известным из всех ирландских королей: Уи Бриан, или, как его называют сегодня, Бриан Бору. В народе на Бриана смотрят как на почти мифическую фигуру в ирландской истории, борца за независимость родины, который изгнал викингов. Однако исто-

¹ Ольстерские анналы (под 965 г.).

² Там же (под 980 г.).

рики, такие, как Майкл Рихтер, предпочитают более трезвый взгляд, видя в Бриане «талантливое, амбициозное и беспринципное политическое, который среди прочего сражался и против викингов, но чья действительная цель состояла в том, чтобы стать верховным королём»¹. Иными словами, он был человеком, стремившимся прежде всего к достижению личных целей.

Для того чтобы понять его возвышение, мы должны вернуться назад. В начале 930-х гг. в восточном графстве Клэр, к северу от устья Шаннона, возвысился клан, известный как Дал Кайс. Они были выскочками темного происхождения, которые изобрели для себя знатную родословную, что не составляло труда в Ирландии X в. Предводительствуемые Кеннетигом мак Лоркайном, они дали почувствовать свое присутствие в северном Манстере. У Кеннетига было, вероятно, одиннадцать сыновей, четверо из них погибли в межклановых войнах. Орлайт, единственная дочь, о которой мы знаем, была второй женой верховного короля из Уи Нейлов Доннхада Донна. Он убил ее, обвинив в супружеской измене с ее пасынком. На протяжении десятилетий сыновья Кеннетига боролись за контроль над Манстером; центром политической власти в нём служил трон в Кэшеле, который занимал король-епископ.

Тем временем происходила другая важная смена политической власти. Правящие группы клана Уи Нейлов остались без наследника верховного королевства, чья кандидатура была бы согласована с ними, что, в свою очередь, привело к жестокой междоусобной войне. На протяжении трех десятилетий она шла между северными и южными Уи Нейлами, порождая сложные и изменчивые союзы, включая привлечение дублинских викингов. Эта война ослабила «династию и оставила ей мало возможностей сохранить ее старинное господство»². Она также создала возможность для клана Дал Кайс захватить королевство Кэшел, что Бриан Бору не замедлил сделать.

Бриан родился в области Лух Дерг на Шанноне, возможно, в Киллало или в раскопанной ныне небольшой крепости у Беал Бору, в миле к северу от поселка Киллало. Если даже он родился в другом месте, Бриан, вероятно, провел свою юность в этой

¹ Richter M. *Medieval Ireland: The Enduring Tradition*. Dublin, 1988. P. 112.

² O Corráin D. *Ireland before the Normans*. Dublin, 1972. P. 120.

кольцеобразной крепости площадью около 4 акров (1,6 га). Эта крепость контролировала брод через Шаннон, который в нижнем течении в основном находился под властью викингов. Частью легенды о Бору является то, что он проводил время в крепости Клэр как своего рода вождь герильи, сражаясь с лимерикскими викингами, однако сейчас это считается более поздней пропагандой клана Дал Кайс. Несомненно, ко времени захвата им королевства Кэшел в 976 г., Бриан уже был испытанным бойцом. Он нанёс поражение лимерикским викингам и убил Ивара, их местного предводителя, вместе с двумя его сыновьями, после того, как они отступили в Скэтери Айленд, монастырское поселение в миле от Килруша в устье Шаннона. Затем Бриан разгромил и умертвил убийцу своего брата, Маэл Мауда, одного из своих соперников в борьбе за королевство в Кэшеле. Следующие четыре года он провел, занимаясь консолидацией своих владений в Манстере.

Бриана отличало умение мыслить стратегически, не отвлекаясь на мелочи. Его завоевание Ирландии можно разделить на три этапа. На первом из них, между 985 и 997 гг., при помощи сложной комбинации военной силы и тактического маневрирования, он в конечном счете установил контроль над Манстером и Лейнстером, в сущности, над всей южной Ирландией. Это было признано в 997 г. при встрече на высшем уровне в Клонферте в Центральной Ирландии с верховным королём из клана Уи Нейлов Маэл Сехнайллом (979–1002). Маэл, человек весьма способный, стоял во главе сил, стремившихся сдержать экспансионистские поползновения Бриана. За этим последовала атака Бриана на Дублин, вынудившая предводителя викингов Ситрика Шелковая Борода стать зависимым от него королём и жениться на его дочери — второй этап завоевания всей Ирландии.

Теперь он был готов к третьему этапу, наступлению на северную половину Ирландии. И вновь, после ряда побед и отступлений стратегического масштаба, он к 1007 г. более или менее контролировал север, но этот успех не был окончательным вплоть до 1011 г. Маэл Сехналл признал его в качестве *ard rí* в 1002 г., и он короновался в Кэшеле, но, несмотря на все достижения, власть Бриана ограничивали короли и царьки, которые всё ещё правили по всей провинциальной Ирландии. Однако «претензиям клана Уи Нейл монополизировать королевскую власть в

Таре впервые был нанесён решительный удар, и начиная с этого момента стало ясно, что началось соперничество за верховную королевскую власть¹. Оно продолжалось до норманнского вторжения в 1169 г.

Бриан стал теперь верховным королём Ирландии, и «Книга Армы» именует его *Imperator Scottorum* (император ирландцев)². Он, безусловно, обладал немалыми способностями, в особенности полководческими. Бриан также мог похвалиться ещё и удачливостью, обладая *fortuna et mores*. Его противники, в особенности Уи Нейлы, были безнадёжно разобщены. К тому же традиционная система политической власти в кельтской Ирландии находилась в состоянии коллапса, что в значительной степени объясняет разгул насилия в то время, когда честолюбивые личности боролись за упрочение собственного положения и уничтожение своих противников. Как верховный король Бриан был способным администратором, поощрявшим учёность, и отправлял молодых людей на континент для дальнейшего образования. Он также улучшил дороги и мосты, так что его армия могла быстро двигаться по стране. Он использовал традиционную систему дани как форму налогообложения, которая практиковалась у местных королей и была наиболее эффективной. Из-за постоянных требований денег за ним закрепилось прозвище «Бриан Податей».

Если вчитаться в источники, то люди едва сдерживали свою неприязнь к Бриану. История из произведения середины XII в. «Война Гэдхилла с Гайлом», независимо от того, правдива она или нет, иллюстрирует это. Маэл Мордха, король Лейнстера, был вместе с дублинскими викингами разбит Брианом в сражении при Глен Маме неподалеку от Дублина в 999 г. Маэл бежал с поля боя и взобрался на тисовое дерево, с которого его снял сын Бриана. В 1013 г. Бриан в качестве дани с Лейнстера потребовал три корабельные мачты. Маэл лично содействовал доставке некоторых из этих мачт во дворец Бриана в Кинкору (Киллало). По ходу дела он потерял пуговицу с прекрасной туники, которую ему дал Бриан; прибыв во дворец Бриана, Маэл просил свою сестру Гормлет, бывшую женой (или любовницей?) Бриана, снова пришить пуго-

¹ Richter M. Medieval Ireland: The Enduring Tradition. Dublin, 1988. P. 113.

² The Book of Armagh, 16 / Ed. J. Gwinn. Dublin, 1913. P. 32.

вицу. Она бросила тунику в огонь и зло выбрала Маэла за то, что он опозорил себя своим раболепием перед Брианом. Это привело к большой семейной ссоре, в которую оказался вовлечённым и сын Бриана, напомнивший Маэлу об инциденте с «тисовым деревом». Маэл разбушевался и позже сильно ударил по голове одного из посланцев Бриана¹.

В 1012 г. на севере случилась смута. Маэл воспользовался возможностью объявить Бриану войну. Это раскололо юг, где некоторые короли поддерживали Маэла, а другие сохранили верность Бриану, которому теперь было несколько больше семидесяти лет и часть войск которого составляли наемники-викинги. Однако дублинские викинги поддерживали Маэла, и их предводитель, Ситрик, призвал на помощь норвегов, ярла Сигурда с Оркнейских островов и Бродина, предводителя викингов острова Мэн. Бриан двинулся через Лейнстер и осадил Дублин весной 1014 г. Попытка викингов снять осаду привела к битве при Клонтарфе в Страстную пятницу, 23 апреля 1014 г.

Когда Бриан приготовился к нападению на город, заморские викинги мастерским манёвром вклинились между силами Бриана и Дублином у Клонтарфа, ныне что-то вроде богатого пригорода Дублина на северном берегу устья Лиффи. На рассвете обе армии, построившись стеной, вступили в бой. «Ольстерские анналы» повествуют: «В битве они проявили столько доблести, как никогда прежде. Затем чужеземцы (викинги) и лайгины (люди из Лейнстера) первыми были сломлены, и все полностью уничтожены. В этом сражении погиб, сражаясь на стороне чужеземных войск, Маэл Мордха... король [Лейстера]... Шесть тысяч были убиты или утонули»².

Это из 7–8 тысяч участвовавших в сражении! Сам Бриан был предательски убит, когда молился в своем шатре, пиратом-викингом Бродином с острова Мэн. Позже его самого захватил и зверски умертвил, привязав к дереву своими собственными кишками, Ульф (или Вольф) Забияка, возможно, приёмный сын Бриана. После Клонтарфа уцелели только два сына Бриана.

Хотя, по широко распространённому представлению, в результате битвы при Клонтарфе викинги оказались изгнаны из Ирлан-

¹ The War of the Gaedhil... P. 81–83.

² Ольстерские анналы (под 1014 г.).

дии, фактом является то, что их мощь уже была сломлена к тому времени. Скорее Клонтарф стал, как говорит Дональд О'Корран, «одним из событий борьбы за верховную власть и явился, в сущности, восстанием населения Лейнстера против господства Бриана, в котором их норвежские союзники играли важную, но не первостепенную роль»¹. Наиболее важным результатом сражения было то, что власть клана Дал Кайс и манстерских королей оказалась сломленной, точно так же, как сам клан Дал Кайс сломил могущество клана Уи Нейл.

Смерть Бриана Бору положила конец всяким надеждам на консолидацию под сильным, централизованным руководством. Напротив, она положила начало полутора столетиям раздоров и мелочного соперничества, что и сделало Ирландию легкой добычей для англо-норманнов, которые появились здесь в 1169 г. Англичане оставались до понедельника, 16 января 1922 г., когда дублинский замок был формально передан британцами Майклу Коллинзу, представителю ирландского Временного правительства. Он опоздал на церемонию на семь с половиной минут, и когда напыщенный английский офицер упрекнул его за задержку, колко заметил: «После семи с половиной столетий вы должны радоваться семи с половиной минутам!»

Для римлян Каледония, или Шотландия, была за пределами известного мира. Но на протяжении семи лет, начиная с 77 г. н.э., под командованием весьма способного наместника Британии, Секста Кальпурния Агриколы², около 5 тыс. человек воинов Девятого легиона проложили себе путь через ту землю, которую мы ныне именуем Шотландией. В 83 г. Девятый легион встретился примерно с 30 000 каледонцев (*Caledonii*), полуобнаженных людей с рыжими волосами и татуированным телом, одетых в ярко раскрашенные клетчатые штаны, близ места, которое римляне называют гора Гравпий (*Mons Graupius*), наиболее вероятно Беннахи, похожая на грудь гора примерно в 20 милях (32 км) к востоку от Абердина. Результатом стал разгром аборигенов. Погибли, возможно, 10 000 каледонцев при римских потерях всего в 360 чело-

¹ O Corráin D. Op. cit. P. 130.

² Ошибка автора. Имя полководца было Гней Юлий Агрикола, в Британию он прибыл в 78 г. и оставался там до 84 г. — Прим. пер.

век¹. Однако выиграв сражение, римляне тем не менее проиграли войну.

Политическая необходимость потребовала возвращения Агриколы. Римляне отошли к югу от Адрианова вала, который протянулся на 72 мили (117 км) через Британию от Ньюкасла на Тайне до Карлейла. В 159 г. римляне вновь продвинулись на территорию Каледонии, построив Антонинов вал от Форта до Клайда. Эта оборонительная линия вскоре была оставлена, и римляне постепенно отодвигались к Адрианову валу до тех пор, пока они вообще не отказались от Британии в 410 г., когда Западная империя находилась в состоянии коллапса. Римляне называли каледонцев *Picti* (пикты), что означало, вероятно, «раскрашенные люди», из-за их татуировок, и это имя сохранилось за ними.

Значительная часть римской Британии стала христианской в IV в. После ухода римлян уцелевшие христианские общины начали посылать к кельтским народам миссионеров, самым известным из которых стал святой Патрик в Ирландии. Мы знаем, что христианство распространялось и на север: христианская община в середине IV в. была в Уайтхорне на побережье шотландского Галлоуэя. Согласно «Церковной истории» Беды Достопочтенного, некий британский епископ по имени Ниниан основал там монастырь и *candida casa* (белый дом). Западное побережье Шотландии имело тесные контакты с Ирландией, и христианство вскоре распространилось и в северной части Ирландского моря, с монахом по имени Колум Киле, или Колумба по-латински, основавшим монастырь Айона у берегов острова Малл. Позже Колумба отправился в *perigrinatio*, род добровольного изгнания, странствуя по всей Шотландии и вступая в контакт с пиктами на севере страны, вокруг Инвернесса и Абердина. Он встретил пиктского короля Бридея (555–584), который, может быть, номинально уже принял христианство (о его смерти сообщают «Ольстерские анналы» (под 584 г.). Другим миссионером был шотландский христианин Кентигерн, или Мунро, который стал монахом и действовал в районе современного Глазго.

---

¹ Естественно, это цифры, основанные на римских данных, в которых потери неприятеля вполне могли быть преувеличены, а войск Агриколы — уменьшены (например, за счёт умолчания о потерях союзников). — *Прим. пер.*

К началу IX в. население Шотландии отличалось чрезвычайной пестротой. Обитавшие там народы жили племенами, большая часть которых приняла христианство, и у них всё ещё сохранялась экономика бронзового века. Пикты обитали в Хайленде и районе к северо-востоку от Фёрт-оф-Форт, в Аргайле и на островах было христианское гэльское королевство Далриада, связанное с графством Антрим в Северной Ирландии. Существовали также группы кельтов-бриттов в северных пограничных землях. Одна из групп бриттов занимала Кумбрию и Вестморленд, ее король Урнен Регед (около 530–590) был христианин, а другая образовывала королевство Стратклайд, с центром на скале Думбартон на Фёрт-оф-Клайд неподалеку от Глазго. В VII в. англосаксы продвинулись на север вплоть до Фёрт-оф-Форт. Они принесли с собой христианство. Как бы то ни было, ко времени короля Эдгара (957–975) река Твид сделалась постоянной границей между англосаксами и шотландцами.

В 794 г. явились викинги и напали на Айону, убивая и обращая в рабство монахов, разграбляя сокровища. Они вернулись в 802 г., и снова в 806 г., когда «шестьдесят восемь (монахов были) убиты язычниками»¹. Начиная с этого времени и до конца X в. норманны стали важным деструктивным элементом шотландской истории. Они заняли Кейтнесс (Шотландию к северу от озера Лох-Шинн), внутренние и внешние Гебриды, западную часть Стратклайда, западную Далриаду (отрезав таким образом эту область от Ирландии), остров Мэн, Оркнейские и Шетландские острова. Шотландия «оказалась отрезанной от основного направления английских влияний на своем южном фланге, точно так же как на западе были насильственно пресечены ее контакты с Ирландией»². Расселение норвегов положило начало процессу оттеснения на юг и восток северных и западных пиктов и западных ирландцев (скоттов), и эти две группы постепенно слились. Этому помогло общее для них христианство. Они образовали королевство «Скотия», или «Альба». Мы не знаем деталей того, как это произошло, но первым в этом королевстве, о ком мы можем сказать хоть что-то определённое, был Кеннет мак Альпин

¹ Ольстерские анналы (под 806 г.).

² Smyth A.P. Warlords and Holy Men: Scotland AD 80–1000. London, 1984. P. 176.

(король Кеннет I). Кажется, изначально он был гэльским королём из Далриады, который при помощи брака унаследовал власть над пиктами и ускорил уже шедший процесс слияния и объединения пиктов и гэлов.

Этот процесс, кажется, достиг своего завершения при короле Константине II Мак-Аэда (900–943). И вновь: детали его правления установить трудно, хотя мы знаем, что он старался установить мир с викингами, выдав замуж свою дочь за дублинского Олафа III. Олаф стремился проложить коридор через Северную Англию для того, чтобы обеспечить допуск в Йорвик, и союз с ним Константин привёл последнего на поле битвы при Бунанбурге, в которой оба они, а также Оуэн I из Стратклайда потерпели решительное поражение от короля Этельстана. Константин отрекся от престола в 943 г. в пользу Малкольма I и принял монашеский сан в монастыре в Сент-Эндрьюсе, где и умер в 952 г.

В конце X в. королевство распалось на части с тремя группировками, которые сражались друг с другом. Уничтожив всех соперников, путь на трон в 1005 г. расчистил для себя Малкольм II (1005–1034). Но затем ему пришлось иметь дело с одолеваемым раздорами королевством. Он знал, что бесполезно бороться с викингами, которые теперь стали частью структуры Шотландии, и что его настоящими врагами были англосаксы на юге. В 1006 г. он двинулся на юг в Дархем, где был остановлен англосаксонским ярлом Утредом. Спустя десять лет Малкольм, заключив союз с Оуэном Храбрым из Стратклайда, вернулся. Вместе они разбили Утреда, которого затем вызвал на юг и убил король Кнуд, что привело к кровавой расправе, длившейся несколько поколений. Когда умер Оуэн, Стратклайд перешёл под власть внука Малкольма, Дункана.

Малкольма убили в 1034 г. в охотничьем домике в Гламисе, и трон наследовал Дункан I, внук Малкольма (1034–1040). Вовлечённый в распри, казавшиеся бесконечными, Дункан был разгромлен Макбетом и погиб в битве при Питгавени близ Элгина. Оба сына Дункана в битве остались живы. Макбет Морейский (1040–1057), внук Кеннета II, также имевший серьёзные притязания на трон, наследовал Дункану. Шекспировский «Макбет» исторически неточен, поскольку исторического Макбета не преследовала маньячно-депрессивная мысль о вине за предполагаемое убийство Дункана. Прозванный «Рыжим королём», Макбет был

не тираном, но способным и благородным правителем, который поддерживал церковь и бедных. Он посетил Рим с паломничеством в 1050 г. Но в конце правления он совершил ошибку, вмешавшись в английские дела, и, согласно «Ольстерским анналам», был разбит в 1054 г. в «сражении между людьми Шотландии и англичанами, в котором пали 3000 шотландцев и 1500 англичан»¹. В конце концов, в 1057 г. разгромленный Малкольмом III, сыном Дункана I, в битве при Лампфанане, к западу от Абердина, он умер от ран.

Как пишет историк Альфред П. Смит, теперь «шотландцы установили наиболее стабильную и благополучную монархию в Британии во времена до норманнского вторжения»². Это было, конечно, достижение, которое определённо составляло контраст междоусобной борьбе в Ирландии в начале XI в. Подобно Англии при Альфреде, Шотландия вырвалась из племенного хаоса с тем, чтобы сделаться единым государством, и государство оказалось способным сохранить традиции хорошего управления на протяжении более полутора столетий, до тех пор пока из-за злосчастного вторжения Англии при Уильяме I «Льве» в 1174 г. мир не увидел побеждённой и фактически поставленной под непосредственный английский контроль Шотландии.

Одним из любимейших маршрутов для долгих прогулок (177 миль, 284 км) в Великобритании является маршрут вдоль вала Оффы от Престатина на побережье северного Уэльса вдоль нынешней англо-уэльской границы до Чепстоу в устье реки Северн, неподалёку от Севернского моста. Итак, кто такой был Оффа и чем являлся его вал? Биограф короля Альфреда, епископ Ассер, говорит, что «некий могучий король по имени Оффа, который устрашал все соседние земли и провинции вокруг себя, имел большой вал, построенный между Уэльсом и Мерсией от моря и до моря»³. В действительности вал был короче, простираясь примерно на 63 мили (103 км). Оффа был англосаксонским королем Мерсии (757–796), крупные неприятности которому доставляли валлийцы.

¹ Ольстерские анналы (под 1054 г.).

² Smyth A.P. Op. cit. P. 238.

³ Ассер, епископ Шерборнский. Жизнь Альфреда Великого. Гл. 14.

Уэльс, Корнуолл и Камбрия были осколками кельтского мира в Британии после англосаксонских нашествий с IV по VI столетие. В VIII в. Уэльс состоял из двух больших королевств, Гвинед на северо-западе и Поуис вдоль восточной границы с Англией. На западе и юге находились ещё девять других мелких королевств. К этому времени употреблялся общий валлийский язык. Уэльс был христианским; вероятно, его обращение датируется четвертым столетием римского владычества в Британии. Хотя в валлийской духовности был очень сильный пелагианский, или аскетически-моралистический, оттенок (в конце концов, теолог Пелагий (около 350–425) и сам был британским кельтом), в ней чувствовалась также и осведомлённость о красоте мира, как демонстрирует эта молитва-поэма IX в. «*Juvencus englinion*»:

Мир не может выразить в песне, красивой и мелодичной, даже если бы
Трава и деревья запели, всю Твою славу, о Истинный Господь!
Отец сотворил столько чудес в этом мире,
Что трудно найти столько же равных им! Буквы не могут вместить его,
Буквы не могут его выразить...
Он, Кто создал чудо мира, спасёт нас, спас нас...
Чисто, смиренно, искусными стихами мне хотелось бы вознести хвалу
Троице!¹

Но вернёмся к валу Оффы. Напряжённость по линии разделения кельтов-валлийцев и англосаксов существовала всегда. В середине VII в. королевство Поуис было достаточно сильным для того, чтобы разбить Мерсию, но Оффа дал на это решительный ответ сооружением вала. Он состоял из рва и насыпи, ориентированной так, чтобы давать ясный обзор в направлении Уэльса. Ров имел около 88 футов (27 м) в ширину и 25 футов (8 м) от дна до основания вала. Поражающий искусностью своей конструкции, он позволял контролировать передвижение людей и товаров, но его оборонительное значение представляется сомнительным.

В IX в. в Англии происходили крупные изменения, поскольку различные англосаксонские королевства оказались поглощены Уэссексом. Внутренние проблемы у Англии означали, что Уэльс мог сконцентрироваться на своих собственных делах. Король Гви-

¹ Juvencus Englynion // Williams I. The Beginning of Welsh Poetry. Cardiff, 1972. P. 101.

неда Родри Маур (844–878) унаследовал Поуис по линии своей матери Нест, дочери короля Поуиса. При помощи брака он приобрёл Дехейбарт (юго-западный Уэльс) и разбил викингов у острова Англси в 856 г. Он сопротивлялся притязаниям короля Альфреда на сюзеренитет над Уэльсом, но некоторые из более мелких королевств видели в признании Альфреда способ ограничить могущество Родри и защитить себя от викингов. Валлийцы, подобные епископу Ассеру, появляются при дворе Альфреда, и в 893 г. Гвинед признает власть Альфреда.

Десятое столетие принесло изменения к лучшему в судьбе Гвинеда. Новый король, Хивел Да Добрый (920–950), внук Родри, унаследовал Дехейбарт. При помощи женитьбы он присоединил маленькое королевство Дайфорд. В 942 г. король Гвинеда Идвел Фоел Лысый (916–942) погиб в битве с англичанами, и Хивел захватил его королевство. Теперь он стал королём всего Уэльса, кроме его юго-восточной части. Он поддерживал мир с англичанами и посетил Уинчестер. Образованный человек, говоривший на английском и латинском так же, как и на валлийском, он в 928 г. совершил паломничество в Рим. Вдохновлённый примером Альфреда и своими наблюдениями во время путешествия, Хивел решил объединить и кодифицировать законы Уэльса. Он сделал это, собрав на совещание людей со всего королевства. Большое внимание в его своде законов уделялось регулированию отношений между родовыми группами. Знаменательно, что у нас нет сведений о нападениях викингов на королевство Хивела во время его правления. Учитывая то, что мы уже видели, это было важное достижение.

После его смерти королевство распалось на три части: Дехейбарт, Гвинед и Поуис. Это открыло путь вторжениям дублинских викингов, и во второй половине X в. они действовали весьма активно. Одной из их основных целей был Англси, наряду с Сент-Дэвидом на юго-западном побережье. Но точно так же, как и в Ирландии, в конечном счёте не викингам, а англичанам суждено было воздействовать на Уэльс сильнее всего. Однако это уже совсем другой сюжет.

До сих пор наша история была историей дезинтеграции всех государственных структур, оставшихся от Каролингской империи, или историей стран, которые, подобно Италии, Англии, Ирландии

или Шотландии, вплоть до королей, подобных Альфреду Великому и его англосаксонским наследникам, никогда не имели или не имели в течение долгого времени преимуществ единой политики и управления. Но, несмотря на труды этих великих королей, в конце IX — начале X в. преобладал акцент на местный патриотизм с доминирующими центробежными силами. Поэтому X в. начинается с Европы, раздробленной на составные части на наиболее базовом и локальном уровне.

В третьей части нашей истории мы встретимся с реакцией, направленной на стабилизацию и унификацию, а также на создание больших сообществ людей, у которых был общий язык и одинаковое ощущение культурной идентичности. Конечно, на протяжении всего этого периода большинство людей всё ещё сохраняли их сильное чувство местной идентичности, сознание принадлежности к месту, где человек родился и где большинство людей жили всю свою жизнь. Эта идентификация с местом была особенно сильна среди крестьян и низших сословий. Принадлежность к церкви, сообществу, которое представляло собой *Christianitas* (христианство), или католицизм, должно было давать людям чувство тесной связи, особенно среди грамотных и лучше образованных.

Но в течение X в. стал возникать и третий уровень принадлежности. Это было чувство отношения к большей общности с общими узами места и культуры, которые переступали пределы местного патриотизма, чувство того, что ты германец или англичанин. Это новое сознание примыкало к развитию лучшего государственного управления, руководимого такими монархами, как Генрих Птицелов или Оттон I. Саксонское правительство добилось успеха потому, что им хорошо руководили, но ещё и потому, что оно создало небольшую, но компетентную бюрократию.

Мы начнём наше исследование этого нового мира с встречи с одним из наиболее грамотных администраторов Оттона I и, несомненно, величайшим в X в. знатоком латыни и писателем Лиутпрандом из Кремоны.

Часть третья

ВТОРАЯ ВЕСНА

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лиутпранд из Кремоны: циник, дипломат и мастер стиля

Был полдень вторника, 4 июня 968 г., и Лиутпранд, епископ Кремоны, несносный человек во цвете лет, был удручен и разгневан. Тяжким пасмурным утром он как посол императора Оттона I прибыл к громадным стенам Константинополя. Но его свиту впустить отказались. Вполне сознавая, что он был оскорблен преднамеренно, и чванясь, как всегда, он немедленно предположил, что византийский император-выскачка Никифор II Фока приказал, чтобы его заставили дожидаться под сильным проливным дождем. Не имея зонтика, он вскоре промок до нитки. Такое отношение не улучшило мнение Лиутпранда о Византии. Его наблюдения отличали проницательность и цинизм, его желчные характеристики византийской жизни, нравов и ведущих личностей должны были иметь широкое влияние в Западной Европе на протяжении нескольких наступающих столетий, усиливая общие негативные оценки Восточной империи.

Большинство других европейцев должно было бы остановиться в благоговении перед исключительными размерами Константинополя с его населением более чем в 600 тыс. чел. Посетители Константинополя бывали поражены рвом и стенами, большие секции которых до сих пор стоят в пригородах Стамбула. Стены, протянувшиеся на 4 мили (примерно 6,5 км), пересекали полуостров от Мраморного моря, или Пропонтиды, на юге, до Золотого Рога, узкой бухты Босфора, на севере. Они окружали территорию в 6400 акров (2600 га). Сложенные из белого кирпича, камня и мрамора, стены сияли даже в угрюмом свете этого утра. Белая кладка членилась полосами красного кирпича в стене, арками над бойницами и верхушками зубцов. Построенные императором Феодосием II, стены были завершены в 423 г. и в значительной степени перестроены после сильного землетрясе-

ния в 447 г. Вдоль них через определённые промежутки находились прямоугольные и восьмиугольные башни с узкими бойницами, которые позволяли изрыгать огонь на атакующих, сумевших прорваться сквозь внешнюю защиту. Пройдя через одни из десяти не военных городских ворот, турист X в. обнаружил бы, что стена не была единой, но являлась комплексом нескольких оборонительных систем, которые все предназначались для того, чтобы вынудить осаждающую армию дважды подумать, прежде чем проникнуть в город.

Однако Лиутпранд не был туристом. Он прежде уже ездил в качестве посла в византийскую столицу и ориентировался хорошо. Немедленно по прибытии в Константинополь он направился к *Pyli Charisiou*, Харизийским воротам. Он ожидал, что его немедленно впустят, как то подобало его важному рангу. Однако по пути его свиту остановила стража. Никаких причин представлено не было. Лиутпранд был наблюдательным человеком. Часть задач его как посла заключалась в том, чтобы доложить Оттону I о положении дел в византийской столице. Поэтому он, несомненно, отметил, что византийские стражники были рослыми, хорошо вооружёнными, почтительными, дисциплинированными людьми, которые, вероятно, принадлежали к регименту Схола (*Scholae*), старейшему из четырёх основных региментов, полков, составлявших *Tagmata*, ядро византийской армии.

Воин, остановивший свиту первым, был *scutatos*, солдат лёгкой пехоты, вооружённый мечом и копьём и одетый в круглый конусообразный шлем, сужающийся кверху до острия, и доходящий до бёдер пластинчатый доспех, состоящий из небольших соединённых металлических пластин, которые удерживали вместе кожаные ремешки, поверх красной туники с золотыми вплетениями длиной чуть выше колен. Ноги его были закрыты чем-то подобным современным кальсонам с сапогами высотой до колена. Он отвел Лиутпранда, который хорошо говорил по-гречески, к офицеру. Этот человек, одетый в легкую голубую тунику длиной до колен, оранжевый плащ и более тёмные голубые чулки и черные башмаки, почтительно, но твердо вывел Лиутпранда и его свиту назад из защищенного пространства у ворот на открытое место за пределами городских стен. Здесь их оставили ждать у моря погоды, рядом с большим некрополем и лесопарком под «проливным дождем»,

как именует его Лиутпранд, между тем как менее важные люди приходили и входили¹.

Лиутпранд думал, что стражники консультируются с самим императором. На самом деле они получали инструкции от чиновников Льва Фоки, который был братом императора, куропилатом (*curopilates*)², придворным канцлером, и логофетом (*logothetes tou dromou*), министром или секретарем почтового департамента, что включало в себя надзор за почтовой службой, имперскими коммуникациями, полицией и зарубежными дипломатами, находящимися в пределах империи. Он был то, что сегодня мы назвали бы «министр внутренних дел» или «секретарь по национальной безопасности».

К совершеннейшему огорчению Лиутпранда, он был не способен сделать что-либо с никуда не спешившими чиновниками. Не было сомнений, что имперские чиновники знали о его прибытии и знали, кого он представляет. Они, вероятно, даже догадывались о его целях. Византийская разведывательная система была тогда лучшей в мире, и шпионы вряд ли не заметили его отправление из Рима в конце марта или начале апреля 968 г., как и его прибытие в Бриндизи в Южной Италии, где он впервые ступил на византийскую территорию. Оттуда он пересек Адриатическое море на византийском корабле до Корюфо (Корфу), а затем окольным путем направился в Салоники, чтобы избежать посещения Центральной Греции, которая тогда была захвачена болгарами. За дипломатическими миссиями должны были внимательно следить, и о предполагаемом времени ее прибытия в столицу должны были донести. Имперские гонцы со сменой свежих лошадей должны были путешествовать гораздо быстрее, чем конная свита Лиутпранда, состоявшая, вероятно, из четырёх человек с парой выючных мулов на буксире, медленно двигавшаяся вдоль Эгнациевой дороги через юго-восточную Европу. Теперь же, как комментирует Лиутпранд, византийцы нанесли ему сознательное оскорбление, подвергая «постыдному обращению». Это обращение было на-

¹ *Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana*. II (сочинения Лиутпранда цитируются в переводе И. В. Дьяконова по изданию: *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчёт о посольстве в Константинополь / Изд. подг. И. В. Дьяконов. М., 2006. — Прим. пер.).

² Или куропалат. — Прим. пер.

правлено, конечно, против его императора-господина, Оттона I, по чьим делам епископ Кремоны прибыл в Константинополь. Лиутпранду и его спутникам пришлось остановиться также потому, что они ехали верхом, что можно было позволить только богатым людям или тем, кто ехал по официальному делу. Как путешествующий посол-епископ он, несомненно, тоже имел удобное седло с опорой для спины.

Стоя под дождем у Харизийских ворот, Лиутпранд имел возможность близко наблюдать защитный комплекс Константинополя. Атакующие силы прежде всего наталкивались на облицованный камнем и наполненный водой ров, чуть более 60 футов (18 м) шириной и 20 футов (6 м) глубиной. Водопроводы, проведенные под землёй, проходили через ров, чтобы снабжать город водой во время осады. За ровом была стена около 6 футов (2 м) высотой, а за ней плоское, открытое место, именуемое паратейхион, предназначенное для того, чтобы нападающие, которые преодолели ров и стену, оказались под губительным перекрестным обстрелом. Далес над паратейхионом возвышалась на 26 футов (8 м) внешняя стена. Башни этой внешней стены были в среднем немного выше 32 футов (10 м) и выступали за саму стену примерно на 16 футов (5 м). Позади этой стены находилось другое, более высокое, плоское пространство около 65 футов (20 м) в ширину, именуемое периболос. Оно служило местом сосредоточения войск, защищавших внешнюю стену и, в случае прорыва оборонительной линии, оказывалось открытым пространством, на котором нападающие подвергались перекрестному обстрелу с башен внутренней стены. Это была сильнейшая линия обороны, большая часть которой всё ещё стоит, обозначая границы старого города Стамбула. Брешь в этих стенах проделали только дважды за тысячу лет: первый раз головорезы четвертого крестового похода в 1204 г., второй турки-османы в 1453 г., что было финальным актом в разрушении Византийской империи.

В конце концов Лиутпранд и его свита дождались и вступили через Харизийские ворота из-под дождя в город. Он говорит, что «в пять часов Никифор приказал нам войти, но решил, что мы... не достойны прибыть верхом»¹. Лиутпранд поспешил в свое помещение, чтобы переодеться в сухую одежду. Но его ожидало

---

¹ *Liutprand. Ibid.*

другое огорчение. В облицованном мрамором правительственном доме для гостей отсутствовало собственное водоснабжение, и был он «довольно большим и открытым, который не защищал ни от холода, ни от жары. Вооруженные люди были поставлены на страже и запрещали моим людям выходить оттуда, а всем остальным туда входить. Этот дом был настолько удален от дворца [около 2 миль (3 км)], что мы, добираясь туда не верхом, но пешком, едва дышали [от усталости]»¹. Даже вино было скверным: «В довершение наших бед греческое вино оказалось невозможным пить из-за примешанных к нему сосновой смолы и гипса»². Их домохозяин был каким угодно, но только не приветливым. Лиутпранд именует его «страж». «Если захочешь найти ему подобного, то найдешь не на земле, а разве что в преисподней.... В течение 120 дней не было ни одного, который бы не доставил нам стонов и стенаний»³.

Мы уже встречали Лиутпранда несколько раз. Джон Джулиус Норвич называет его «одним из наиболее ценных и, определенно, наиболее колоритным, из наших источников по истории X в. как в Восточной, так и в Западной империи»⁴. Будучи высокообразованным человеком, он был наилучшим латинистом своего века. Его история своего времени, «Антаподосис» («Возмездие», или «Воздаяние») является хроникой интриг, скандалов и мести, в которой нет ничего тайного или скрытого. Она претендует на то, чтобы подробно изложить новейшую историю Италии, но «стала способом свести счеты с его главными противниками-итальянцами»⁵. Фактически, мы впервые познакомились с ней как с источником для скандальной саги о ненавистном ему клане Теофилактосов.

Написать «Антаподосис» его вдохновил Рецемунд, посол Абд ар-Рахмана III, во время визита ко двору Оттона. Эти двое подружились, и Лиутпранд посвящает ему свою книгу. «Начал

¹ *Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana. I.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Norwich J. J. Byzantium. The Apogee. L., 1993. P. 169.*

⁵ *Squatriti P. Introduction // The Complete Works of Liutprand of Cremona / Transl. P. Squatriti. Washington, 2007. P. 9.*

я ее [в 958 г.] во Франкфурте... и продолжаю писать [960] на острове Паксу», где он застрял во время второго, очевидно, прерванного путешествия в Константинополь¹. Другие сочинения Лиутпранда — это «Хроника правления Оттона», «Посольство в Константинополь» и недавно найденная проповедь — являются апологией Оттона I; папский историк Гораций Мани называет его «приживальщиком» Оттона². Хотя аккуратность и объективность сочинений Лиутпранда должны быть тщательно взвешены, он позволяет нам проникнуть в суть отношений той эпохи. «Антаподосис» приводит в восхищение описанием грязного разврата жизни высших классов Италии, позволяющего ловко манипулировать людьми; это описания, в которых факты и слухи о выдающихся «персонах» смешаны в пленительное и непристойное повествование, заставляющие выглядеть совершенно пресными современные глянцевого журналы и бульварные газеты.

Ключевым здесь является слово «персона». Лиутпранд оставил нам скорее эскизы *personae*, масок, под которыми люди представляют себя и воспринимаются остальными, чем объяснение их сокровенного «я». В то время, как мы чувствуем, что можем «узнать» Лиутпранда из его сочинений, большая часть из того, с чем мы в действительности встречаемся, — это тщательно выписанная личина. Новейший переводчик последнего, Паоло Скватрити, говорит о «его тонком понимании того, как написанные слова могут стать лучшим средством для самопрезентации или даже самофабрикации»³. Лиутпранд вызывает интерес как предшественник нашего времени, когда сфабрикованный имидж и «сконструированная» знаменитость являются критериями изысканности. Хотя психоанализ личности, жившей тысячу лет назад, процесс опасный, я думаю, мы можем сказать, что Лиутпранд был человеком с высокоразвитым интеллектом, чувствовавшим себя окруженным могущественными выскочками, глупыми придворными и прихлебателями. Он дал выход своему негодованию в язвительной прозе, которая трепещет от непосредственности и живости

¹ *Liutprand. Antapodosis. III. 1.*

² *Mann H. K. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. L., 1925. Vol. 4. P. 255.*

³ *Squatriti P. Op. cit. P. 7.*

чувств. Хотя «Антаподосис» не является автобиографией, формой выражения, редко встречающейся в его время, книга дышит гневом, её автор демонстрирует свой извращённый юмор и нездоровый интерес к подробностям, связанным с сексом. При отсутствии закона о клевете, который ограничивал бы его, сочинения Лиутпранда агрессивны резки, и он рисует замечательные прозаические портреты и живописные картины, которые ничего не оставляют для воображения. Он преследует свои жертвы независимо от их могущества, демонстрируя их глупые стремления, насилия, вульгарность, ничем не спровоцированную жестокость, садизм и непристойное поведение.

Лиутпранд руководствовался этикой возмездия по отношению к тем, кто, как он считал, задел его, отнесся к нему с пренебрежением или вызвал раздражение. Он верил в карательное правосудие и считал: то, что не было наказано в этой жизни, определенно будет наказано на Суде Божьем. Его теология отражает жесткий, неистовый политический мир, в котором никакой пощады не дается и не ожидается. Исследователь Лиутпранда Йон Н. Сазерленд именует его «моралистом» в силу того, что он объясняет мир в терминах воздаяния и возмездия. Я бы назвал его «любителем сенсационных разоблачений», который беспощадно разоблачает макиавеллистскую политику и личную порочность своего времени. Сазерленд характеризует его как «закомплексованного человека» со склонностью «к паранойе»¹.

Особенно суров Лиутпранд к могущественным женщинам. Вновь и вновь рисует он их как находящихся во власти сексуальных манипуляций и похоти к власти. Он утверждает, что женщины в меньшей степени, чем мужчины, способны сопротивляться своим сексуальным побуждениям и что они безжалостно эксплуатируют свою половую принадлежность, чтобы использовать глупых мужчин, которых они зачастую дурачат. Сазерленд говорит, что его отношение к женщинам указывает на «существование некоторой ненормальности в его взглядах на жизнь... Отношение Лиутпранда к женщинам не только подтверждает подозрение, вызываемое его вспышками раздражения и самовосхвалением, оно также дает наилучшую возможность исследовать его способности

¹ *Sutherland J. N. Liudprand of Cremona: Bishop, Diplomat, Historian. Studies of the Man and His Age. Spoleto, 1988. P. XVI.*

к экстравагантной инвективе и его склонность к фантазии»¹. Хотя клерикальное женоненавистничество было широко распространено, Лиутпранд, кажется, поднял ненависть к женщинам на новый уровень.

За его женоненавистничеством, возможно, была и другая цель. Оценка могущественных женщин из клана Теофилактов как шлюх позволяет Лиутпранду подвергнуть сомнению их легитимность, что делало этот клан уязвимым перед притязаниями Оттона на верховное господство. Данный тезис усиливался тем обстоятельством, что Лиутпранд одновременно восхвалял красоту и доблесть женщин своего германского покровителя. Например, он превозносит императрицу Адельгейду, «отличающуюся не только красотой, но и чистой нравов», одновременно заявляя, что Эрменгарда, вторая жена Адальберта, маркграфа Ивреи, получила власть, потому что «вступала в плотские связи со всеми, не только со знатью, но и с простолюдинами»². Лиутпранд был обеспокоен последствиями буйной сексуальности того и другого пола. Она нарушает должный порядок в обществе, и он тревожился, что отсутствие верности может привести к социальным беспорядкам. Он ценил порядок высоко, так как рос во времена хаоса. Уже будучи опытным политиком и дипломатом, он был при этом проницательным судьей политиков, связавших свою судьбу с саксонской монархией, так как почувствовал в саксонцах будущую влиятельную силу.

Лиутпранд родился в Павии в конце 921 или начале 922 г. Он рос в богатой семье, готовой поддержать придворных чиновников и дипломатов. Учитывая небезопасность времени, семья и клан были исключительно важны, и Лиутпранд пример этого. Ближайшие родственники человека являлись наиболее надёжными людьми, и фамильная лояльность была базовым качеством. Отец Лиутпранда рано умер, но о нём позаботился его отчим. Сам он говорит о «добrote отцов и сыновей моей семьи» и о необходимости «высказать им сердечную благодарность»³. В то время Павия на реке Тичино, чуть выше её слияния с рекой По, была столицей

¹ *Sutherland J. N. Liudprand of Cremona: Bishop, Diplomat, Historian. Studies of the Man and His Age. Spoleto, 1988. P. XVI. P. 16–17.*

² *Liutprand. Antapodosis. V. 13; III. 7.*

³ *Liutprand. Antapodosis. III. 1.*

Северной Италии. Расположенная на главном пути паломничества из Северной Европы в Рим, Павия стала столицей во времена Лангобардов и сохранила этот статус. В ней были королевский дворец, несколько прекрасных церквей и школа, в которой в 820-е гг. учил выдающийся ирландский монах, учитель, астроном и поэт Дунгал. Экономика Павии процветала; она осуществляла серебряную чеканку, монеты которой признавались по всей Италии. Лиутпранд любил свой родной город, который считал далеко превосходящим Рим.

Павия пережила трудный период в начале X в., когда Беренгарий I, король Италии (888–924) боролся за сохранение своих позиций с Гвидо I и Ламбертом II Сполетскими. Ситуация осложнялась периодическими набегами мадьяр, которые впервые вторглись в Италию в 898 г. Даже несмотря на то, что они никогда здесь долго не задерживались, поскольку им нужно было найти пастбище для своих коней на летние месяцы, мадьяры приносили в Италию ужас. Около 920 г. Беренгарий заключил с ними сделку против своих противников в Италии. Заключение сделки с мадьярами было полностью неприемлемым для других итальянских магнатов, которые восстали против Беренгария и нанесли ему поражение в битве при Фьоренцуоле д'Арда (17 июля 923 г.). Джузеппе Серджи говорит, что это было «одно из самых кровавых сражений в истории королевства [Италии], [и] большое количество смертей с обеих сторон произвело опустошение среди итальянской аристократии»¹.

Это предоставляло мадьярам возможность разорять всю долину По, что они и сделали в 924 г. Они осадили Павию и сожгли ее утром 12 марта 924 г. Лиутпранду в это время было около четырех лет, и его семья бежала из города. Он говорит о «диком неистовстве мадьяр» и о гражданах, которые «из-за грехов своих не могли ни оказать им сопротивление, ни смягчить их дарами». Мадьяры соорудили вокруг стен земляной вал, который позволял им забрасывать в город горящие головни. В результате многие деревянные строения охватил огонь, а мартовский ветер погнал пламя вперед. Граждане, пытавшиеся бежать, были перебиты мадьярами с «нечестивым ликованием». Описывая эту сцену, Лиутпранд прибегает к поэзии:

¹ Sergi G. The Kingdom of Italy // The New Cambridge Medieval History. Vol. III. P. 349.

То золото, что время долгое хранилось в сундуках,
 Везде лежит, открытое преступным взорам,
 Огнём рассыпано по многочисленным клоакам.
 И Павия несчастная, а некогда прекрасная, горит!
 Ты видишь реки серебра и чаши жертвенные здесь лежат, блистая,
 Тела сожжённые прекраснейших мужей¹.

Флодоард говорит, что мадьяры уничтожили «огромные запасы» и что «сорок четыре церкви были преданы огню, и епископ Иоанн вместе с епископом Верцеллом, который оставался с ним, погиб в огне и дыму». В живых осталось только две сотни людей². Мадьяры не заняли город, но оставили его в руинах и продолжали совершать набеги на Италию. Бежавшие граждане вернулись, и Павия быстро восстановилась.

В 924 г., после поражения Беренгария I, королём Италии был избран Гуго Арльский (924–945); он отстроил Павию как свою столицу (позже он стал мужем Марозии). На протяжении первой декады своего правления ему приходилось бороться за сохранение своего положения против продолжающихся вторжений мадьяр. Около 931 г. Лиутпранд стал певчим при дворе Гуго. Никогда не склонный к ложной скромности, Лиутпранд говорит, что он «благодаря приятному голосу приобрёл расположение короля Гуго. Ведь он очень любил пение, в котором меня не мог превзойти ни один из моих сверстников»³. Хорошо знавший латинскую литературу, Лиутпранд стал клириком и диаконом. Несмотря на ненасытное влечение Гуго к красивым женщинам, Лиутпранд относился к королю с большим почтением, возможно, за то, что он окружал себя учёными людьми и любил музыку. Дж. Норвич комментирует, что «характерное для Лиутпранда сочетание ханжества и похоти вполне может восходить к его юности, проведенной среди куртизанок, которые толпами приходили в Павию как со всей Италии, так и из-за границы»⁴.

Но к 945 г. звезда Гуго закатилась, он был разбит маркграфом Иврей Беренгарием, внуком Беренгария I. Всегда отличавшийся трусостью, Гуго вернулся в свой родной Прованс и умер там в

¹ *Liutprand. Antapodosis. III. 3.*

² *Флодоард. Анналы. 6.*

³ *Liutprand. Antapodosis. IV.1.*

⁴ *Norwich J. J. Byzantium. P. 169.*

своей постели. Тем временем ловкая в делах политики семья Лиутпранда обеспечила его постепенное удаление от двора Гуго и сближение с Беренгарием II (950–966). «Столь великая слава Беренгария, его человечность и кротость побудили моих родителей отдать меня ему в услужение. Преподнеся ему богатые дары, они добились того, что я стал поверенным его тайн и ответственным за его переписку»¹. Это преувеличение — он был, вероятно, каким-то младшим чиновником. Он не был поклонником Беренгария, но скрывал это. Позже он описал его в «Антаподосисе» как «негодяя, под властью которого сейчас стонет вся Италия»².

Тем не менее Лиутпранд был назначен послом Беренгария в Константинополь в 949 г. Византия отвоевала у сарацин большую часть Южной Италии, переживала экономическое оживление и хотела улучшить отношения с Западом. Отец и отчим Лиутпранда уже побывали послами в Константинополе. Теперь настал черед самого Лиутпранда. Непосредственными обстоятельствами назначения было то, что император Константин VII Багрянородный (913–959), который поощрял дипломатическое искусство, отправил дружественное посольство к Беренгарию II и Оттону I. Оттон быстро назначил своего посла, Лиутефреда из Майнца, и, чтобы не позолить превзойти себя, Беренгарий, «будучи преисполнен коварства», искал способ отправить посла задешево. Поэтому он предложил отчиму Лиутпранда заплатить за поездку двадцатидевятилетнего пасынка. Отчим согласился только потому, что Лиутпранд сможет там выучить греческий язык. «Воодушевленный этой надеждой, мой отчим тотчас оплатил все расходы и отправил меня с богатыми дарами в Константинополь»³. Покинув Павию 2 августа 949 г., он спустился по реке По до Венеции. Присоединившись здесь к византийским послам к Оттону, а также Лиутефреду, послу Оттона, Лиутпранд отплыл из Венеции 25 августа 949 г. и после четырнадцатидневного путешествия прибыл в тепло встретивший его Константинополь.

Лиутпранд сообщает, что он был потрясён тем, что увидел во время первого посещения Константинополя. Его описание показывает, какое впечатление произвел на него дворец и особенно

¹ *Liutprand. Antapodosis. V. 30.*

² *Ibid. V. 8.*

³ *Ibid. VI. 3.*

тронный зал. Здесь было «дерево, бронзовое, но позолоченное, на ветвях которого сидели птицы различных видов, тоже бронзовые с позолотой, певшие на разные голоса, согласно своей птичьей природе». Императорский трон сперва «казался низким», но он соединялся с устройством, которое поднимало его «высоко в воздух», чтобы предотвратить беседу с императором лицом к лицу. Его охраняли львы, изготовленные из бронзы или из дерева, которые «били хвостами о землю и, разинув пасть, подвижными языками издавали рычание». После обычного тройного поклона Лиутпранд, взглянув, обнаружил «[Константина VII], кого прежде видел сидевшим на небольшом возвышении, почти под самым потолком зала и облаченным в другие одежды»¹. Хотя в таких трюках есть нечто детское, техника, которая ими управляла, была изощренная. «Зачастую в пустяковых артефактах историки техники узнают начало богатой и длительной традиции, ведущей... к точным механизмам современной науки и промышленности»². Придворный церемониал был формой театра, призванной возвеличить императора, подчеркнуть «гармоничное движение вселенной» в пользу императора и «явить его величественным и прекрасным и произвести впечатление на подданных» и на прибывших к нему послов³. Лиутпранд говорит, что «[Константин] тогда ничего не сказал,...но через логофета осведомился о жизни и здоровье Беренгария»⁴. Вслед за этими любезностями секретарь отпустил Лиутпранда кивком головы.

Обычаем послов было поднесение даров, но Беренгарий отправил лишь одно письмо, «насквозь лживое». Поэтому Лиутпранд преподнёс набор даров, данный его отчимом, «от имени Беренгария и постарался словами насколько возможно приукрасить сей малый дар». Он поднёс Константину набор оружия, щиты, котлы и «четырёх хорезмийских рабов, которые для названного императора были ценнее всех [прочих даров]. Хорезмийцами же греки называют молодых евнухов»⁵. Трудно понять, как Константин мог

¹ *Liutprand. Antapodosis. VI. 5.*

² *Trilling J. Daedalus and Nightingale: Art and Technology in the Myth of Byzantine Court // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / Ed. H. Maguire. Washington, 1997. P. 223.*

³ *Piltz E. Middle Byzantine Court Costume // Ibid. P. 40.*

⁴ *Liutprand. Antapodosis. VI. 5.*

⁵ *Ibid. VI. 6.*

посчитать этих евнухов «ценнее всех» прочих даров, учитывая то, что у него был дворец, полный евнухами и рабами. Но эти дары оказались в состоянии обеспечить Лиутпранду приглашение на императорский пир, во время которого было дано удивительное акробатическое представление. После пира Константин одарил Лиутпранда богатыми дарами¹.

В Вербное воскресенье 950 г. он был вновь приглашен во дворец, на этот раз на церемонию ежегодной выплаты имперским чиновникам и придворным. Это происходило в большом зале девятнадцати столов. Здесь Константин стоял у большого стола, покрытого мешочками с золотом и драгоценными серебряными покровами. Чиновники были собраны по порядку рангов для получения их жалованья из рук императора. Эта церемония подчеркивала личные связи Константина с его сотрудниками и их зависимость от него. Им платили ежегодно золотом, многие получали больше, чем они были в состоянии унести сами. Константин отправил своего логофета спросить Лиутпранда, как ему нравится эта церемония. Всегда оставаясь приспособленцем, Лиутпранд ответил: «Очень понравилась... если бы принесла мне доход». Цитируя евангельскую историю о богатее в аду и бедном человеке Лазаре на небесах, он более или менее открыто просил у императора подаяния. «Император засмеялся и, несколько смутившись, кивнул мне головой, чтобы я подошел к нему, после чего охотно вручил мне большой плащ вместе с фунтом золота, который я принял ещё охотнее»².

Фунт золотых монет представлял собой не слишком большую сумму; в «Антаподосисе» он говорит, что это было эквивалентно тому, что ежегодно получали третьеразрядные рыцари, управляющие и казначейские и административные чиновники. На этом месте история внезапно обрывается; «Антаподосис» остался незавершённым.

Лиутпранд, кажется, оставался в Константинополе около семи месяцев, возможно, до Пасхи 950 г., чтобы изучить греческий язык. Впоследствии он использовал греческие слова и выражения в своих сочинениях, очевидно, демонстрируя свою лингвистическую эрудицию обществу, где очень немногие могли говорить или писать

¹ *Liutprand. Antapodosis. VI. 7–9.*

² *Ibid. VI. 7–10.*

на чужом языке. К тому же он установил в Константинополе добрые отношения с некоторыми представителями правящей элиты и, вернувшись в Италию, был признан экспертом по Византии.

Но Лиутпранд не был счастлив, трудясь на Беренгария II. И не только он один. «Воздаяние [Беренгария] довело бы меня до отчаяния, если бы не поступил он подобным образом со многими из моих товарищей»¹. Проблема, вероятно, была отчасти связана с конфликтом Беренгария с североитальянскими городами и епископами, которые были их фактическими правителями, часто совместно с собраниями граждан. Имея укрепления, города могли сопротивляться вторжениям мадьяр, и они приобретали влияние за счет сельской землевладельческой аристократии, которая страдала от венгерских набегов. В результате, говорит Джеффри Барракло, «епископ и коллектив граждан совместно добивались привилегий, которые делали их независимыми от графа и графства, и удерживали их». Правители, подобные Гуго и Беренгарию, никогда по-настоящему не контролировали эти городские центры, а это на деле означало передачу «высшей власти в руки ломбардских епископов. Возможно, они не могли сделать кого-либо королём; но и ни один король не мог сохранить надолго свои позиции без их поддержки или вопреки их оппозиции»². Именно эти епископы воодушевили Оттона I прийти в Италию для того, чтобы избавиться от Беренгария II. Всегда отличавшийся ловкостью в политических делах, Лиутпранд быстро почувствовал, в каком направлении она движется. Саксонская звезда восходила, и это должно было мотивировать его перемещение ко двору Оттона.

Несомненно, его печаль углубилась, когда Беренгарий в 950 г. был коронован королём Италии. Это в сочетании с отказом короля финансировать дипломатическую миссию Лиутпранда было для него, вероятно, последней каплей. Когда Оттон I в 951 г. вторгся в Италию, Лиутпранд немедленно осознал, что правление Беренгария закончено и что местом, где следует находиться, был германский двор. Лиутпранд пересек Альпы где-то в начале 950-х гг. с тем, чтобы присоединиться к непрерывно возрастающей толпе итальянцев при дворе Оттона. Будучи теперь слугой Отто-

¹ *Liutprand. Antapodosis. V. 30.*

² *Barraclough G. The Crucible of Europa: The Ninth and Tenth Centuries in European History. L., 1976. P. 103.*

на, Лиутпранд постарался изобразить Беренгария II и его жену Виллу главными негодьями в «Антаподосисе».

Для стиля Лиутпранда, подвижного идеей возмездия, характерна история, которую он рассказывает о королеве Вилле. Лиутпранд говорит, что на службе у Виллы «был один священник, капеллан по имени Доминик, [человек] малого роста, [с волосами] цвета сажи, мужиковатый, вечно небритый, грубый и неотёсанный варвар, суровый, косматый, блудливый, вздорный, дурной, упрямый и злой». Вилла вверила своих дочерей, Гизелу, Гербергу и Доминику, для обучения грамоте. В действительности, согласно Лиутпранду, Вилла страстно желала этого «неотёсанного, грязного священника» и использовала его близость к девочкам для того, чтобы давать ему «роскошные яства и дорогую одежду» и, в конце концов, совратить его. Их отношения были «не только известны управляющим и другой дворовой прислуге, но были на устах и у всех торговцев в городе», очевидно, у всех, кроме Беренгария! Однажды ночью «этот неотёсанный мужлан», совершая свой путь к ложу Виллы, потревожил собаку. Она залаяла и укусила его несколько раз, разбудив весь дом. Когда его спросили, что он тут делает, Вилла вмешалась первая и сказала всем: «Этот негодяй шёл к нашим женщинам». Поняв намек своей любовницы, Доминик подтвердил, что это была правда. После этого Вилла, «стремясь его погубить, обещала награду тому, кто лишит его жизни. Но, поскольку все были богобоязненны, смерть его пришлось отложить... [Она] обратилась к услугам гаруспиков и знахарей, надеясь, что их заговоры помогут ей». Слухи дошли до Беренгария, и он спросил, что случилось. «Не знаю, их ли заговоры помогли ей, мягкость ли Беренгария, повествует Лиутпранд, но дух его склонился к тому, чтобы добровольно глупый рот свой протянуть к недоуздку... Беренгарий ещё сильнее стал любить свою жену. Бедный Доминик был кастрирован, и Лиутпранд сообщает, что «те, кто его кастрировал, говорили, что... он был вооружен как Приап», что, по его словам, объясняет влечение Виллы¹.

Бежав от Беренгария, Лиутпранд во Франкфурте вошёл в число клириков при дворе подававшего гораздо большие надежды Оттона I. Здесь он служил капелланом, администратором и ди-

¹ *Liutprand. Antapodosis. V. 32.*

пломатом, обладающим особой компетенцией в североитальянских и византийских делах благодаря личному знакомству с центральными действующими лицами. Несомненно, он поливал грязью Беренгария, который, как он заявлял, «не правит ныне, но тиранствует в Италии... а также жену его Виллу, достойную имени второй Иезавели за безмерность ее злодеяний и Ламии за ненасытную страсть к грабежам»¹. (В классической литературе Ламия была свирепая, похищающая детей женщина.) Даже несмотря на то, что при германском дворе были и другие итальянцы, Лиутпранд чувствовал себя в Германии одиноко. В сущности, он был порождением итальянской городской культуры с ее стимуляцией умственного труда и социальными взаимосвязями. Теперь ему приходилось иметь дело с двором, который постоянно передвигался по сельской местности, имея дело с магнатами-землевладельцами.

Раздражение, которое он проявляет в своих нападках на Беренгария и Виллу в других частях «Антаподосиса», возможно, выдает также его реакцию на насмешки, которым он, может быть, подвергся при дворе Оттона в первое время после своего прибытия. Быть может, служащие сомневались в его способностях и вставал вопрос о его иностранном происхождении и лояльности к саксонской монархии. Но его значение как советчика возросло, как только Оттон обратил внимание на итальянские дела и в конце 960 г. потребовал от папы императорскую корону.

Повод Оттону для вторжения в Италию дал Беренгарий II. Он уже потерпел поражение от Оттона в 951 г., и ему было позволено оставаться «королём Италии», но управлял он как германский вассал, хотя его деспотическое правление в конце концов настроило против него североитальянских епископов и местных правителей. Когда он вторгся на папскую территорию, это послужило последней каплей. Иоанн XII (955–964) воззвал к Оттону, предлагая ему императорскую корону за освобождение Италии от Беренгария II. Лиутпранд в своей *Liber de rebus gestis Ottonis* («Хроника правления Оттона»), апологии итальянской политики Оттона, сообщает, что «благочестивейший король, тронутый их слезными жалобами, заботясь не о своем, а о том, что угодно Иисусу Христу... собрав войско, поспешно двинулся в Италию», ран-

¹ Liutprand. Antapodosis. III. 1.

ней весной 961 г. перейдя перевал Бреннер¹. Не встретив сопротивления, он вступил в Павию. Беренгарий отступил к своей цитадели во Фриульских горах.

Лиутпранд либо сопровождал армию Оттона в походе через Бреннер, либо вскоре последовал за ним. Когда Оттон в Милане был утвержден в качестве короля Италии, он постарался, чтобы крупные епископства долины По поддержали его. Нуждаясь в верных сторонниках в этой епархии, он 14 января 962 г. назначил Лиутпранда епископом Кремоны как в награду, так и для того, чтобы обеспечить ему средства к существованию. Как мы видели, Оттон был коронован императором в Риме в феврале 962 г. Вскоре он захватил Беренгария и Виллу. Они были отправлены в изгнание, что для Виллы означало женский монастырь. Если верить Лиутпранду, жизнь в условиях celibата должна была показаться ей довольно стесненной, учитывая ее ненасытный сексуальный аппетит!

Приблизительно в то время, когда он был назначен епископом, Лиутпранд, кажется, отказался от работы над «Антаподосисом». Несомненно, его заботы в епархии и калейдоскоп политических событий отвлекали его, а происшедшее в итоге убийство Беренгария удовлетворило его жажду мщения. Следовательно, как указывает Скватрити, «Антаподосис», подобно большинству средневековых сочинений, отличался от современной книги, которая имеет завершением труда над ней написание и издание. Средневековые писатели могли изменять и адаптировать их рукописные труды, которые не публиковались в современном смысле, и они делали это, так что книга бывала окончательно завершена, только когда писатель умирал или окончательно отказывался продолжать ее².

Почему же с Лиутпрандом столь плохо обошлись, когда он прибыл в Константинополь во время своего второго путешествия в июне 968 г.? Первую причину он узнал спустя два дня по прибытии. Накануне Троицы он был вызван на встречу с важным, практично мыслящим логофетом Львом Фокой. Как тот дал понять Лиутпранду: византийский император обеспокоен тем, что Оттон I

¹ *Лиутпранд*. Книга об Оттоне. II.

² *Squatriti P. Op. cit.* P. 9–10.

принял титул *basileus*, император по-гречески, и его коронацией в соборе Святого Петра. Это вызвало тревогу в Константинополе, где были убеждены, что есть только один *basileus* и что германский «варвар» является просто выскочкой.

Однако такая византийская чувствительность, очевидно, и в самом деле не приходила Оттону в голову, хотя Лиутпранд наверняка осознавал, что византийский император считает только себя наследником римских императоров. Единственной заботой Оттона было достижение респектабельности в качестве «нового» императора, получив византийскую принцессу в жены своему сыну. Он также хотел заключить мир в Южной Италии.

Сношения по поводу дипломатических браков между Востоком и Западом начались ещё в 765 г. и продолжались всё IX столетие. Большинство более ранних брачных предложений исходили не с Запада, а из Константинополя, и уже совершилось два брака. Поэтому Оттон был настроен оптимистично, и, позволив ситуации после его коронации стабилизироваться, он отправил Лиутпранда в Константинополь с тем, чтобы попытаться побудить императора Никифора II Фоку (963–969) заключить дипломатический брак между сыном Оттона и дочерью императора. Другим ключевым вопросом в этих переговорах была необходимость урегулирования положения в Южной Италии для защиты её от сарацин. Но византийцы были глубоко возмущены. Лиутпранд говорит, что он и Фока «выдержали большой спор об императорском титуле [Оттона]. Ибо он называл вас не императором, то есть *basileus* на их языке, а с целью унижить *rhēga*, то есть по-нашему королём; когда я сказал ему, что это одно и то же, хотя и обозначается по-разному, он заявил мне, что я пришел не ради мира, но ради того, чтобы вести споры». Конечно, Фока был прав; эти слова не означали одно и то же. Поэтому, изобразив возмущение, Фока «встал в гнев» и отказался принять письма Лиутпранда лично, но сделал это «через переводчика»¹.

Вторая причина, вызвавшая гнев византийцев, была более важной. Оттон занял Рим и попытался сломить власть местных кланов. Они были союзниками Константинополя, и это использовалось византийцами для того, чтобы удержать свою власть, сохраняя раздробленность Италии на анклавы и мешая возвышению

¹ Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana. I.

любого сильного государства, которое представляло угрозу их контролю над Южной Италией. К тому же в конце 967 г. Оттон добавил к оскорблению ущемление прав, вновь заявив претензии Карла Великого на господство над Римом и контролируемую Византией Южную Италию. Он заключил союз с Пандульфом I «Железной Головой», князем Капуи и Беневенто, местным правителем, стремящимся получить выгоду за счет византийцев, и вторгся на византийскую территорию. Позорное поражение при Бари вынудило Оттона совершить быстрый отход. Лиутпранд мудро не упоминает об этом в своём *Relatio* («Отчёте о путешествии в Константинополь»). Учитывая, что Лиутпранд был направлен в Константинополь очень скоро после этого, вероятно, в начале апреля 969 г., неудивительно, что он встретил холодный приём.

С учётом этой ситуации, появляется в качестве вероятной третья причина: Лиутпранд мог действовать как шпион, по крайней мере, в том, что касалось византийцев. Тогда обращение с ним в резиденции дипломатов объяснимо подозрениями византийцев относительно его намерений и необходимостью держать его под надзором. Карл Лейсер предполагает, что реальной миссией Лиутпранда могло быть установление контактов с недовольными людьми, настроенными против Никифора, «под предлогом исполнения официального поручения, которое... как знали он и Оттон I, не могло завершиться успехом»¹. Определенно, настойчивость византийской полиции, охранявшей подворье, в котором остановился Лиутпранд, так же как и поведение его домовладельца, указывает на их подозрительность и нервозность. Лиутпранд сообщает: «Латиноязычных бедняков [вероятно, прибрежных венецианцев или итальянских торговцев], которые пришли ко мне ради милостыни, они схватили и либо убили, либо бросили в тюрьму»², — это новое указание на беспокойство византийцев. Он также говорит о «моих греческих друзьях», может быть, ссылаясь на элементы, оппозиционные правительству Никифора. Эти подозрения подкреплялись секретной встречей, которая произошла у него в церкви, где хранились остатки Креста Господня. Лиутпранд говорит: «...там [в церкви], в толпе народа, втайне от стражей, ко мне

¹ *Leyser K. The Tenth Century in Byzantino-Western Relationship // Relations Between East and West in the Middle Ages / Ed. D. Baker. Edinburgh, 1973. P. 48.*

² *Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana. XLVI.*

подошли кое-какие люди и доставили моему опечаленному сердцу радость от выкраденных речей»¹. Эти попытки установить контакты могли быть вполне невинными, но это могли быть и тайные встречи с противниками режима.

Каковы бы ни были его реальные цели, Лиутпранд был принят Никифором II Фокой в воскресенье Троицы, 7 июня 968 г. Как постоянно подчёркивает *Relatio*, Никифор был узурпатором, захватившим трон в результате своего рода *coup de mariage* (брачного переворота). Он, опираясь в основном на силу, уже проложил себе путь к могуществу, когда его недолговечный предшественник Роман II (959–963) внезапно умер при неясных обстоятельствах в возрасте двадцати трёх лет. Был слух, что жена Романа, императрица Феофано, отравила его. Это не было правдой, но, учитывая происхождение Феофано, понятно, почему люди этому верили. Она была дочерью грека, хозяина постоянного двора. Потрясающе красивая, амбициозная и бессовестная, она сметала любого, кто вставал на её пути. У нее было два сына от Романа, шестилетний Василий и трехлетний Константин. Внезапная смерть мужа поставила ее в опасное положение.

Наиболее могущественными людьми в империи были два брата, имевшие хорошие позиции, оба способные полководцы, Никифор Фока и Лев Фока. Они добились немалых успехов на воинском поприще, потому что проявили инициативу и изменили методы действий византийской армии. На протяжении столетий Византия занимала оборонительные позиции даже против яростных исламских нападений. Никифор перешел к нападению и впоследствии получил прозвище «Белая Смерть сарацин». Добившись значительных успехов на восточном фронте, он также отвоевал Крит, который на протяжении ста пятидесяти лет являлся базой мусульманского пиратства. Никифор изменил позиции Византии, и Ромилли Дженкинс замечает, что его армия «напоминает нам кромвелевскую»; его воины были столь же беспощадными, дисциплинированными и преданными своему полководцу»². Но, хотя он был удачлив и его войска преклонялись перед ним, он никогда не пользовался популярностью среди простонародья, особенно в Константинополе.

¹ *Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana. LV; XLIX.*

² *Jenkins R. Byzantium. P. 274.*

Никифор был амбициозным. Услышав, что 15 марта 963 г. умер Роман, он, одержавший ряд блестящих побед в Сирии, устремился назад в Константинополь, свергнул непопулярного главного министра Иосифа Врингу и провозгласил себя императором. Несмотря на то что он был закоренелым холостяком, Феофано неожиданно вскружила ему голову, и он побудил ее вступить с ним в брак. Совершенно невероятно, что она увлеклась им. Ему было больше пятидесяти лет, будучи аскетом, он носил в качестве епитимьи власяницу; имел склонность к монашеской жизни; и, как Лиутпранд с удовольствием рассказывает, отличался уродливостью. Как элегантно определяет это Дж. Норвич, «трудно поверить, что молодая императрица, любительница утонченных наслаждений, сразу же после счастливого, хотя и недолгого брака с красавцем Романом, чувствовала что-либо кроме отвращения к этому ханже-пуританину, который был более чем вдвое старше нее»¹. Но она хотела сберечь себя и своих детей, так что брак с Никифором представлял собой, вероятно, наиболее приемлемый выход из положения. Никифор правил уже пять лет, когда он встретил Лиутпранда в Троицу 968 г., и до его собственного падения оставалось всего полтора года. К этому времени он умудрился заставить отвернуться от себя как гражданские службы, так и церковь, и, хотя он расширил пределы империи, эти победы создали огромное бремя налогов, которое в основном легло на рядовых граждан. Он оказывался всё в большей и большей изоляции.

С Лиутпрандом во время его встречи с Никифором обращались почтительно, но ему прямо было сказано, что его монарх, Оттон, не император, а только король. Лиутпранд говорит, что он непоколебимо защищал своего Оттона, но на самом деле, вероятно, он был гораздо более смиренным и кротким, чем старается изобразить себя. Грубо лстя, он в *Relatio* сравнивает привлекательную внешность, величие, могущество, милосердие и доблесть Оттона с уродством Никифора: «Меня ввели... к Никифору, довольно нелепому человеку, пигмее с тупой головой и маленькими, как у крота, глазками; короткая, широкая и густая с проседью борода, а также шея в палец высотой уродовали и безобразили его; мохнатый из-за обильно и густо растущих волос, цветом кожи эфиоп, с ко-

¹ Norwich J.J. *Byzantium*. P. 192.

торым не захочешь повстречаться посреди ночи, он имел одутловатый живот и тощий зад; бедра сравнительно с его малым ростом были слишком длинны, а голени слишком коротки; пятки и стопы соразмерной длины, одет он был в роскошное шерстяное платье, но слишком старое и от долгого употребления зловонное и тусклое, обут в сикионские башмаки; дерзкий на язык, с лисьими повадками, по вероломству и лжи истинный Улисс»¹.

В другом месте он говорит, что Никифор «носит длинные волосы, тунику, длинные рукава и теристру, головной платок; он лжив, коварен, безжалостен, хитер, как лис, высокомерен, притворно скромн, скуп и алчен; живет на чесноке, луке и порее, а пьет «банную воду»»².

Автор портрета не польстил оригиналу!

У императора не было собственных детей, и он не произвел потомство от Феофано, но у нее было четверо детей от Романа, два уже упомянутых принца и две *porphyrogenetoi*, принцессы, рожденные в завешанном пурпуром помещении во дворце, традиционном месте рождения сыновей и дочерей правящего императора или назначенного наследника престола. Пурпур был императорским цветом, и его носил только император. Но у Никифора не было никакого намерения, чтобы кто-либо из четырех его приемных детей был использован в западной дипломатии. Поэтому когда Лиутпранд, по поручению Оттона, попросил, чтобы «дочь императора Романа и императрицы Феофано», здесь он, вероятно, имел в виду принцессу Анну, была отдана в жены Оттону-младшему, Никифор решительно отказал³. Хотя во время переговоров со Львом Фокой Лиутпранду было заявлено, что византийский император отдаст ему порфирородную невесту, если Оттон I добровольно уступит контроль над Равенной, Римом, Капуей и Беневенто. Если о Капue и Беневенто ещё можно было говорить, то о Центральной и Северной Италии не могло быть и речи. Переговоры закончились неудачей.

Потерпев неудачу в своей миссии, Лиутпранд приготовился к возвращению в Италию. Но византийцы не намеревались позволить ему легко уехать, особенно учитывая опасения насчет

¹ *Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana. III.*

² *Ibid. XL.*

³ *Ibid. VI.*

того, что он был шпионом. Они испытали новое унижение, когда на праздник Успения Богородицы (15 августа) прибыло посольство от папы Иоанна XIII (965–972) с письмом, адресованным Никифору как «императору греков». Это посчитали умышленным оскорблением для преуменьшения его положения, но более вероятно, что это была непреднамеренная ошибка протокола. Несмотря на это, она значительно усложнила положение Лиутпранда.

Теперь, опасаясь за свою собственную безопасность и, как кажется, будучи болен какой-то болезнью, Лиутпранд был приглашен во дворец 17 сентября, где имел беседу с патриkiem (благородным), евнухом Христофором и тремя другими должностными лицами. Лиутпранд говорит, что Христофор радушно его принял. Он сказал епископу: «Бледность, разлитая в лице твоём, худоба, истощившая тело, заросшая голова и, вопреки обычаю, свисающая борода говорят о безмерной печали в твоём сердце, вызванной тем, что срок твоего возвращения к господину был отложен. Однако мы умоляем тебя, не сердись ни на священного императора, ни на нас. Ибо мы скажем тебе о причинах этой задержки. Папа римский... послал к нашему святейшему императору письма... называя его греческим, а не римским императором, что было сделано... [несомненно], по совету твоего господина»¹.

Лиутпранд утверждает, что он непоколебимо защищал и папу, и императора, но Христофор и его помощники продолжали говорить: «Так слушай! сказали они: Папа, тупой и бестолковый, не знает, что святой Константин перенёс сюда императорский скипетр, перевёл весь сенат и всё римское рыцарство, оставив в Риме лишь простой люд, а именно: рыбаков, торговцев всякой снедью, птичников, бастардов, плебеев и рабов. Он никогда не написал бы этого без наущения твоего короля; сколь опасным это будет для обоих, если они не образумятся, покажет ближайшее время»².

Лиутпранд пытался объяснить, но византийцы решили быть оскорбленной стороной. Тогда он попытался протестовать, но не сработало и это. После «энергичной перебранки» они почти согласились с различием во мнениях. Тогда Христофор «отпустил меня,

¹ *Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana. L.*

² *Ibid.*

подарив на прощание довольно милый и любовный поцелуй»¹, но не раньше, чем они конфисковали несколько пурпурных нарядов, купленных Лиутпрандом, и, предоставив коней для него и свиты, они отказались дать ему выючных мулов для его багажа. Поэтому «сильно раздосадованный, как того требовали обстоятельства, я дал моему *diosostes* [проводнику] в качестве вознаграждения 50 золотых»². Наконец, после ста двадцати разочаровывающих дней, Лиутпранду позволили покинуть Константинополь 2 октября 968 г. Он был задержан на Корфу землетрясением и затмением солнца до января 969 г. Месяцем позже он достиг Кремоны.

Второе посещение Лиутпрандом Константинополя очень озлобило его на всех византийцев. Самое большое, что он мог сделать, чтобы досадить византийцам, — это оставить надпись, которую он вырезал на стене своего ненавистного жилища и на деревянном столе. «Не доверяй грекам; они живут для того, чтобы предавать; не обращай внимания на их обещания, что бы они ни говорили»³. Его мнение, что грекам невозможно доверять, стало общим по всей Западной Европе. Трагедией такого отношения было то, что оно углубляло отчуждение между Востоком и Западом и привело в следующем столетии к окончательному разделению православной и католической церкви. Расколу между западным и восточным христианством способствовал не столько отказ в царственной византийской невесте; как мы увидим, уже в следующее правление византийскую невесту сосватают для Оттона II; сколько тот факт, что Лиутпранд как писатель влиятельный, особенно среди элиты, укрепил на Западе стереотипную карикатуру на жителей Востока как на упрямых, лживых и надменных.

Будучи столь сварливым, Лиутпранд, несомненно, обрадовался, когда год спустя услышал новость, что император Никифор II Фока был убит. Дело это чрезвычайно запутано и связано с кровосмешением; Никифора умертвили в опочивальне в результате заговора, организованного Феофано и ее новым любовником, старым другом и соратником Фоки, некогда спасшим ему жизнь,

¹ *Liutprand. Relatio de legatione Constantinopolitana. LVII.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.* (В русском переводе «Отчёта» Лиутпранда слова эти даны стихотворно, как в оригинале, но смысл их смягчён:

«Вера аргосцев не безопасна; Остерегайся её, латинянин!

Не доверяй их словам, не внимай им. Помни об этом!» — *Прим. перев.*)

энергичным, красивым полководцем Иоанном Цимисхием (969–976). Императрица принимала участие в убийстве, позаботившись о том, чтобы убийцы получили доступ во дворец и в опочивальню. Итак, во время свирепой бури, тёмной зимней ночью 10 декабря 969 г., после шести лет пребывания на троне, Никифор был подвергнут мучениям и зверски убит группой, возглавлявшейся Иоанном Цимисхием. Епископ Лиутпранд наверняка улыбнулся этой новости.

Вновь оказавшись в Кремоне, Лиутпранд погрузился в жизнь, которую он вёл со времени назначения его епископом и до отъезда в Константинополь. Прежде чем отправить его с посольством, Оттон использовал его как итальянского чиновника, дающего советы, переводящего и помогающего в управлении. Император посетил Италию на полуофициальной основе, и именно тогда Лиутпранд выдвинулся на важные роли. В первые пять лет своего епископства он делил время между Кремоной и Римом. В Кремоне он посвящал время делам епархии и написанию *Liber de rebus gestis Ottonis*. Как мы видели, в Риме он провёл большую часть времени в общении с отвратительным Иоанном XII. Он выполнял функции переводчика при Оттоне и немало способствовал смещению папы. В апреле 967 г. Лиутпранд посетил собор в Равенне, созданный Оттоном и Иоанном XIII. Собор обсуждал назначение Магдебурга резиденцией архиепископа и центром христианской миссии в славянских землях, сместил архиепископа Зальцбурга, назначил преемника и вернул Равенну и другие земли в состав Патримония Святого Петра (папских владений). После нового посещения Рима в начале 968 г. Лиутпранд отправился в Константинополь со своей злополучной миссией.

Когда он вернулся в феврале 969 г., то возобновил свою прежнюю управленческую деятельность, и, как кажется, Оттон начал относиться к нему более благосклонно, возможно, потому, что император был доволен его дипломатической деятельностью, даже несмотря на то, что тот вернулся без ожидаемой императорской невесты. Лиутпранд, вероятно, провел несколько месяцев в Кремоне за написанием *Relatio*. К маю 969 г. он вновь был в Риме, а позже в этом же году получил от Оттона полномочия для восстановления угнетенной епархии Альба к юго-востоку от Турина. Его также сделали графом Феррары. «В последние годы жизни Лиут-

пранд, очевидно, заслужил значительное почтение в имперских кругах; определенно, его звезда находилась в стадии восхождения»¹. Однако он никогда не был лично близок к Оттону, который видел в нем преимущественно дипломата и защитника саксонского режима на литературном поприще.

Поскольку он имел значительный опыт в византийских делах, его включили в другую миссию к византийскому двору, возглавленную кёльнским архиепископом Героном, в конце 971 г., вновь в поисках невесты для императорского сына, Оттона II. Миссия увенчалась успехом, но это путешествие оказалось последним для Лиутпранда. Судя по всему, он умер в начале 972 г. Было бы иронией судьбы, если бы его похоронили в Константинополе, городе, который он терпеть не мог. Хотя есть свидетельства, что он вернулся в Италию, но умер до возвращения в Кремону. Точно известно, что в марте 973 г. в Кремоне был другой епископ.

В некотором смысле Лиутпранда можно рассматривать как фигуру, которую христианство почти не затронуло, полностью подчиненную этике отщепенца. Под этим я подразумеваю то, что Лиутпранд, номинально являясь христианином, никогда не включал в свою картину мира базовую христианскую ценность прощения и концепцию милостивого Бога. Его Бог мстителен и лишён любви. Лиутпранд находит себя в мире, который он не может контролировать и которым управляют подонки вроде Беренгария II и Виллы, в мире событий, которыми он не в силах управлять и которых он не может избежать, и это придаёт его сочинениям «непосредственность, незнакомую каролингской историографии». Клаудио Леонарди говорит, что если «христианский Бог существует в его сочинениях, Его действия машинальны»².

Но это не вся история. Лиутпранд также демонстрирует близкое знакомство с текстом Библии. Открытие в 1984 г. в епископской библиотеке во Фрайзинге одной из его поэм показало, что он был гораздо ближе к истинному христианству, и дало нам иное представление о его духовности. Почти наверняка написанная самим Лиутпрандом «Гомилия Люция, итальянского дьякона» не явля-

¹ Sutherland J.N. Op. cit. P. 98.

² Leonardi C. Intellectual Life // The New Cambridge Medieval History. Vol. III. P. 206.

ется «гомилией» в строгом смысле слова (проповедь, содержащая толкование мест Святого Писания); это поэма в традиционном смысле, наполненная богословскими наставлениями. Она обнаруживает, что епископ Кремонский переживал из-за многих зол, которые он видел, особенно в церкви. В то время было несколько особенно хороших проповедников; Лиутпранд был одним из лучших. Текст содержит диалог между Лиутпрандом и иудеем. Поскольку его тональность больше подходит для лектория, чем для собора, то в качестве проповеди это сочинение вряд ли произносилось. Его теология напоминает мрачную теологию Августина; она подчёркивает падение человечества, грех и необходимость искупления и милости Божией. Самое удивительное здесь то, что в этом произведении нет того антисемитизма, который мы видим у Агобарда Лионского. В сочинении Лиутпранда отношение к евреям терпимое и во многом благосклонное. Воображаемый иудей в поэме не карикатура, но эрудированный учёный, хорошо знающий Писание. Хотя Лиутпранд обращается к нему как к «глупцу», иногда он уступает: «О иудей, я позволяю тебе задать самый подходящий вопрос»¹. На протяжении всей поэмы иудей выступает как вполне учтивый джентльмен, а Лиутпранд как христианин до мозга костей.

Первая часть вращается вокруг того, на самом ли деле христианская вера в Троицу предполагает наличие трех богов. Лиутпранд отвечает, что в книгах Ветхого Завета Бог часто являет себя в трех лицах: три человека посетили Авраама, три ангела явились Моисею. Из этого он заключает, что Авраам и Моисей веровали в Троицу. Этот вид аллегорического аргумента нам чужд, но он имеет смысл в век, более приученный к символу и метафоре в библейском тексте. Затем дискуссия переходит на роль Христа, и иудей спрашивает: «Как непорочный, бессмертный Сын Божий смог слиться с порочной, смертной человеческой природой, не делаясь сам порочным»? Лиутпранд отвечает, что царь Соломон, «чьё несравненную мудрость ты не можешь отрицать, предсказал Воплощение... когда написал: «Премудрость построила себе дом» (Притчи 9:1). Под этим [Соломон] подразумевает, что Сын Божий подготовил себе подобающую обитель в Деве, которая была святая, непорочная и достойная Его, и где Он принял эту воплощённую

¹ *Liutprand. Homilia. 8.*

форму, которую Его Отец поместил чуть ниже ангелов и к ногам которой Он поверг всё»¹.

Этот текст переполнен скрытыми ссылками на Библию, что отражает близкое знакомство Лиутпранда с Писанием. Приведя свои аргументы, он обращается непосредственно к своим католическим слушателям. Он предупреждает, что Суд Божий ожидает всех: «Если вам нравится, что мы проповедуем милостивого и всепрощающего Бога, пусть вас также и устрашает то, что мы уверовали в истинного и справедливого Судью»². Затем Лиутпранд неожиданно проявляет заботу о бедных, это свидетельство истинного христианства. Бедные являются *familiares*, близкими друзьями Христа. Подчёркивая, что Бог любого может сделать бедным или слепым, он цитирует евангельскую историю о богаче и бедняке Лазаре у его дверей (Лука 16:19–31). Он критичен даже в отношении епископов, которые живут очень даже хорошо, когда бедняки ничего не имеют: «Ведь он, который отказывает бедняку в том, что сам имеет в изобилии, должен будет на суровом допросе Суда объяснить, почему он незаконно крал»³.

Лиутпранд, хотя и был интеллектуалом, оставался человеком своего времени в своем интересе к реликвиям. Это иллюстрирует довольно неприглядная история о том, как он захватил тело святого Гимерия. Его коллега, епископ Амелии в Умбрии, утратил благосклонность императорского двора. Он попросил Лиутпранда похлопотать в его пользу. Лиутпранд согласился, но только на условии, что епископ поможет ему выкрасть тело Гимерия, который умер около 560 г., из кафедрального собора Амелии. Два епископа вынесли похищенное тело ночью после того, как Лиутпранд подкупил стражу. Когда Лиутпранд привёз тело в Кремону, местные жители были в экстазе от своего нового покровителя и ходатая пред Богом. Тело Гимерия всё ещё в Кремоне; что случилось с епископом Амелии, мы не знаем.

Лиутпранд пример новой для X в. категории людей, учёного-бюрократа. Оба аспекта его жизни важны в равной степени. Как писатель, он влиял на образованную элиту в том, чтобы она рас-

¹ Liutprand. *Homilia*. 19.

² *Ibid.* 24.

³ *Ibid.* 28.

смаatrивала восстановление Оттоном I Священной Римской империи как позитивный шаг к хорошему управлению и как создание основ широкого видения подлинно «европейской» общности. Будучи глубоко преданным своему родному городу Павии, он умел видеть и итальянскую политику как нечто целое. Как бюрократ и советник Оттона в сложных итальянских делах, он трудился ради того, чтобы сделать мечту о единой Италии реальностью. Есть вполне конкретный смысл и в том, что Лиутпранд в X столетии был первым настоящим «интернациональным» человеком. Немногие другие европейцы посетили Константинополь три раза и немногие говорили по-гречески столь же свободно, как он. Даже если его мнения по многим вопросам страдали предубеждённостью, он всё же куда лучше представлял себе мировую политику, нежели большинство его современников с их узким кругозором. Безусловно, ему повезло в том, что он состоял при таком монархе, как Оттон I, стремившийся к восстановлению империи Каролингов; в отношении нее обоим была свойственна пангерманская точка зрения. Но Лиутпранда интересовала и другая половина христианского мира, олицетворением которой являлась Византия. Сейчас мы обратимся к более широкому политическому контексту, в котором Лиутпранд прожил последние годы своей жизни как бюрократ и советник Оттона I.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Эта греческая женщина: Феофано, её свекровь и Оттон II

Когда мы в последний раз прервали рассказ о папстве, речь шла о 964 г.; папа Иоанн XII только что умер в возрасте около тридцати лет после любовных утех с замужней женщиной. Какую роль в его смерти сыграл муж-рогоносец, остаётся неясным. Наиболее важным событием этого скандального понтификата стала коронация Оттона I в качестве императора Священной Римской империи. Однако после смерти Иоанна XII вновь воцарился хаос.

Угодного императору Оттону I папу Льва VIII изгнали римляне. 22 мая 964 г. они избрали другого папу, Бенедикта V. Раз-

гневанный Оттон вернулся в Рим в конце июня. Он немедленно низложил Бенедикта V, отправив его в изгнание в далёкий Гамбург и восстановив на папском престоле Льва VIII. Лев VIII очень кстати умер всего десять месяцев спустя, сделав возможными легитимные выборы понтифика. Тем не менее после того, как был избран папой Иоанн XIII (965–972), против него вспыхнуло непродолжительное восстание, поднятое господствовавшим в Риме кланом, что привело к возвращению из Германии Оттона на Рождество 965 г. и суровой расправе с зачинщиками.

Непокорность римлян утомила императора, и он был полон решимости как следует взяться за дела, связанные с папством и вообще Италией. Чтобы добиться своих целей, Оттон провёл в Италии шесть лет, с конца 965-го по 972 год. Через несколько дней после коронации он издал *Privilegium Ottonianum* (Оттонова привилегия или договор), грамоту, написанную на пурпурном пергамене золотыми письменами Каролингов и определявшую отношения между папой и императором. Документ предоставлял папе обширную Папскую область в качестве «дарения» и гарантировал ему защиту со стороны императора. Кроме того, последний обрёл верховную власть над Римом. Хотя грамота и предполагала свободные выборы папы, новый понтифик должен был уведомить императора о своём избрании прежде инаугурации и принести ему клятву верности, признавая его сюзереном папского государства.

Необычной была не сама привилегия, в которой шла речь лишь о принесении папой присяги, существовавшей ещё со времён Карла Великого, или императорской коронации — ничего существенного к власти Оттона это не добавляло. Новым было то, что восстанавливался титул «священный римский император». Впервые этот титул принял Карл Великий, и коронация в качестве императора обеспечила Оттону статус, возвышавший его над всеми другими властителями Европы, а его правление выглядело как важная часть божественного мироустройства. Как пишет историк церкви Фридрих Кемпф, этот титул наделял Оттона «мистическим обаянием, поддерживаемым поистине символической силой... Казалось, что ему особым образом доверена защита папы»¹. Это означало,

¹ Kempf F. et al. The Church in the Age of Feudalism. Vol. 3. New York, 1969. P. 206.

что император несёт ответственность за папство и в то же время обладает определённой властью над ним. Кроме того, с германской точки зрения, коронация Оттона превращала эту империю в продолжение древней римской (сам Оттон называл себя *Imperator Augustus*), это обстоятельство не ускользнуло от византийцев. В Германии считали, что главная задача папы с помощью коронации обеспечивать преемственность германской монархии. Но папы и римляне смотрели на это дело по-другому, полагая, что императорская коронация нужна для того, чтобы они увенчивали императорской короной того, кого сами сочтут нужным. Это стало причиной весьма сложных отношений.

В каком-то смысле коронация Оттона стала *подлинным* рождением Запада. Будучи сама по себе не слишком важным событием, она всё же стала символом чего-то очень важного: признанием власти, выходившей за местные, ограниченные пределы и потенциально распространявшейся на Германию, Италию, земли на восточной границе империи и отчасти на Западную Франкию. Позднее, в XI в., Империи пришлось приступить к реформе папства, которое само могло стать игроком на международной арене. Реформированное папство после этого бросило вызов германским императорам, положив начало тому, что позднее станет крупнейшим «конституционным» конфликтом Средневековья.

Италия, похоже, являла собой желанную добычу для германцев. Это было связано не только с более тёплым климатом и её ярким солнцем, их привлекали её развитая экономика и богатые ресурсы (особенно в Северной Италии). Кроме того, влияние, которое могли оказывать императоры на папство, косвенным образом укрепляло их власть над церковью в самой Германии. Благодаря таким придворным чиновникам, как Лиутпранд, администрация Оттона обрела лоск, которого раньше ей не доставало.

После того как удалось установить контроль над Северной, Центральной Италией и Патримонием Святого Петра, император занялся Южной Италией, значительная часть которой находилась в сфере влияния Византии. Он возобновил притязания пап на эти земли и заключил союз с Пандульфом I Железной Головой (961–980), князем Капуанским и Беневентским, который стремился расширить свои владения. Чтобы снискать благоволение Оттона I, Пандульф оказал поддержку папе Иоанну XIII, когда того изгнали из Рима в 965 г., за что император пожаловал ему Сполето и

Камерино. Титмар Мерзебургский в своей «Хронике» (II. 15) пишет, что Оттон также «хотел сосватать жену для своего сына у императора константинопольского». Согласно Титмару, он отправил послов, однако «греки со свойственным им коварством» совершили на них нападение в Калабрии. Оттон, «разгневанный потерей своих посланцев», двинул в Южную Италию карательный отряд, который вернулся «с победой и нагруженный добычей». Титмар не сообщает больше никаких подробностей, не упоминает об этом инциденте и Лиутпранд, а потому вполне возможно, что нападение на послов совершили сорвиголовы из числа местных жителей, продемонстрировав, насколько в Южной Италии недовольны германским вмешательством в её дела.

В начале 968 г. Оттон и Пандульф снова вторглись в византийские владения и направились к стратегически важному городу Бари, главному порту и административному центру. Окружённый с двух сторон водой, он был практически неприступен. Оттон не смог овладеть им. Униженный император решил отправить Лиутпранда в Константинополь; малоприятная поездка туда началась в первых числах апреля 968 г. Формальной причиной этой дипломатической миссии являлся вопрос о браке, но также и соглашение о мире в свете неудачной попытки Оттона захватить Бари. Как пишет Барбара Кройц, в действительности это была ловкая (хотя и неудачная) попытка «превратить поражение в победу»¹. Становится понятно, почему Лиутпранд встретил холодный приём в Константинополе и почему его собеседники говорили с ним так раздраженно.

Как мы видели, миссия Лиутпранда закончилась неудачей, переговоры провалились. Зимой 968/69 гг. Оттон возвратился в Южную Италию, чтобы начать новую кампанию, но затем ему пришлось направиться на север, чтобы разобраться с другими делами. Византийцы воспользовались его отсутствием. Командовал здесь Пандульф, но они быстро взяли его в плен и отправили в Константинополь. Действуя в согласии с неаполитанцами, византийцы начали расчленение княжества Пандульфа. Вскоре Оттон вернулся с новой армией, напал на тех и на других, наказав их

¹ *Kreutz B.M. Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries. Philadelphia, 1991. P. 104.*

тем, что захватил весь принадлежавший им скот. Казалось, обе стороны перешли к войне на истощение, когда обстановка в Константинополе внезапно изменилась.

Император Никифор II Фока (963–969) был убит, и на престол вступил Иоанн I Цимисхий (969–978). Цимисхий стремился к установлению хороших отношений с Западом, поскольку его больше беспокоило одоление сарацин и болгар, нежели оборона всей Южной Италии. Он не мог держать второй фронт в Италии. Поэтому Пандульфа отпустили из Константинополя, в центре Южной Италии установился мир, и Цимисхий пытался выяснить, насколько возможно заключение брачного союза. Оттон дал положительный ответ; пробыв в Италии четыре года, он осознал, что византийцы в их неприступных *kastra* (крепостях) были неуязвимы. Ещё одна дипломатическая миссия отправилась в Константинополь в начале 971 г., на этот раз во главе её стоял Геро Кёльнский, которого сопровождали два других епископа. Лиутпранд наверняка был в их числе, однако если он в своё время потерпел фиаско, то Геро добился успеха, поскольку политика Константинополя изменилась и там проявили готовность к переговорам. По-видимому, Геро поручили обсудить вопрос о браке принцессы Анны, дочери императора Романа II, однако в случае отказа он имел полномочия рассматривать и другие кандидатуры. Когда такой случай представился, Цимисхий предложил в невесты свою племянницу Феофано, а в качестве приданого готов был оставить Оттону Капую и Беневент. Геро принял предложение. По крайней мере, это обеспечивало Оттону мир и стабильность на юге Италии.

Кем была Феофано? Она состояла в родстве с Цимисхием, но не принадлежала к числу багрянородных, рождённых во дворце. Появившаяся на свет в Константинополе в 960 г. Феофано являлась дочерью приближённых ко двору аристократов Константина Склира и Софии Фоки, а также племянницей Никифора II Фоки¹. На момент женитьбы ей должно было исполниться как минимум двенадцать — минимальный брачный возраст для девочки, но, вероятно, на год или два больше. Видукинд Корвейский называет

---

¹ Р. Дженкинс доказывает, что она была дочерью императора Романа II (959–963) (*Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries AD 610–1071. Toronto, 1987. P. 294*).

её *puella* — девушкой, достигшей половой зрелости (подходящий возраст для замужества). В её брачном договоре, копия которого (возможно, принадлежавшая самой Феофано) хранится в Нижнесаксонском государственном архиве в Вольфенбюттеле, о ней говорится как о *neptis clarissima*, «сиятельнейшей племяннице» императора. Несмотря на то что его жена состояла в родстве с убитым Никифором Фокой, отец Феофано поддерживал Иоанна Цимисхия, и Феофано выросла, пребывая рядом с самыми могущественными людьми. Смышлёная девушка наверняка имела неплохое представление о византийской культуре, имперской идеологии, церковных делах и политике. Несомненно, она была очень умной и способной к адаптации девушкой, а потому для неё не представляло большого труда приспособиться к саксонским порядкам. Когда стало ясно, что дипломатические соображения требуют выдать её замуж за Оттона II, она, очевидно, прошла ускоренное обучение латинскому языку, манерам и правилам этикета, необходимым в её новом положении.

Так, в возрасте примерно четырнадцати лет Феофано выехала вместе с посольством архиепископа Геро в Рим. В своей «Хронике» Титмар (II. 15) пишет, что её «сопровождала блестящая свита с богатыми дарами». Она намеревалась пустить в ход весь свой ум и усердно учиться жить в новых условиях, не в последнюю очередь освоить литературную и разговорную латынь, а также некоторые диалекты, на которых говорили подданные её мужа. В Трире специально для помощи ей в изучении латинского изготовили греко-латинскую псалтырь¹. Ей также нужно было в определённой степени овладеть староверхненемецким. Латинский наверняка помог справиться с итальянским. Хотя итальянский восходит к разговорной латыни, он возник в X в. как самостоятельный язык с несколькими диалектами. Как следует из «Магдебургских анналов» (под 982 г.), Феофано была весьма сведуща в языке, овладела и литературным, и разговорным языком. Судя по всему, молодая женщина продемонстрировала необыкновенные работоспособность и ум.

Вместе со священником, советниками, камеристками и служанками, смотревшими за её гардеробом, украшениями и богатым приданым, привезённым с нею, Феофано прибыла на кора-

¹ Trier. Stadtbibliothek, MS, 7/9 8.

бле в Отранто, что в византийских владениях Италии, откуда они продолжили путь по суше и преодолели 325 миль (520 км) по направлению к границе княжества Беневенто, где их по поручению Оттона I встретил епископ Дитрих Мецский. Он провожал их до Рима, и там Феофано впервые встретилась со своим женихом.

Оттон II имел прозвище *Rufus*, «рыжий», за цвет волос. В 967 г. его короновали в качестве соправителя императора, когда впервые появились планы брака с византийской принцессой, хотя какой-либо власти ему не дали. Сын Оттона I от второй жены, Адельгейды, был человеком умным и хорошо образованным. Хотя мальчик и не отличался высоким ростом, Титмар (III. 1) говорит, что он обладал выдающейся физической силой, которая поначалу «толкала его на разные буйства»; он «не внимал мудрым советам, однако подвергшись порицанию со стороны многих, научился сдерживать себя с помощью похвальной добродетели». Другими словами, он повзрослел. Феофано способствовала этому, они стали править вместе. Таков был обычай Оттонов: императрица не только смотрела за королевским хозяйством, но и помогала в управлении королевством.

Женитьба Феофано и Оттона II сопровождалась поистине грандиозной церемонией. Её отпраздновали перед алтарём собора Святого Петра 14 апреля 972 г., сразу после коронации императрицы папой Иоанном XIII. Среди гостей на свадьбе был один из великих умов своего времени, бывший наставник Оттона II, Герберт Орильякский. Многих поразила красота Феофано, однако ни одного её подлинного изображения, к несчастью, не сохранилось. В брачном договоре за Оттоном II закреплялись её земли и имущество Германии, Италии и Нидерландов. Однако то обстоятельство, что она не была багрянородной, вызывало немало нареканий. Некоторые советники Оттона I, и Лиутпранд, возможно, в их числе, намекали ему, что византийцы обманули его. Титмар (II. 15) утверждает, что «были такие, кто старался отговорить императора от этого союза и советовал отослать невесту домой». Но хотя Оттон I и пребывал в зените могущества, он уже постарел и устал почти за шесть лет пребывания в Италии вдали от родной Саксонии. Его беспокоило обеспечение преемственности. Феофано была эффектной молодой дамой, и едва ли она приехала с пустыми руками. И дело не только в сокровищах; она привезла с

собой дружбу Иоанна I Цимисхия и свободу для множества пленников, в том числе старого друга и вассала Оттона I, Пандульфа Железной Головы, которого император послал управлять Центральной Италией от своего имени. Итак, он решил, что Феофано останется.

Учитывая, что в Саксонии были недовольны его долгим отсутствием на родине, Оттон I и молодожёны отправились в Германию вскоре после свадьбы. В новых условиях Феофано быстро преобразилась, особенно если учесть влияние со стороны её свекрови, императрицы Адельгейды. Последняя считала себя ответственной за воспитание невестки. Вместе со своей дочерью, аббатисой Матильдой Кведлинбургской, Адельгейда стала вводить Феофано в курс её обязанностей как будущей императрицы. Будучи дамой весьма влиятельной, Адельгейда поддерживала связи с несколькими королевскими домами, а потому в её интересах было контролировать Феофано. Но молодая женщина не так легко поддавалась влиянию, и между нею и императрицей, по-видимому, возникли напряжённые отношения. По-видимому, именно это стало одной из причин нареканий в адрес Феофано после её смерти. В отличие от Адельгейды золовка Феофано, аббатиса Матильда, стала её советницей и подругой.

Брак Оттона и Феофано носил династический характер, но, очевидно, супруги любили друг друга и, пока Оттон был жив, Феофано обладала реальной властью и пользовалась влиянием. Она носила титулы *consors regni* (соправительницы) и *coimperatrix augusta* (императрицы-августы); последний был нов для Запада и, вероятно, происходил из Византии. Ее положение живо иллюстрирует резьба по слоновой кости, изображающая стоящую лицом к зрителю высокую фигуру Христа, коронуящего Оттона и Феофано. Изображения обоих несут на себе одни и те же знаки императорского достоинства. (В действительности фигура Феофано немного выше, нежели фигура Оттона, поскольку тот попирает побеждённого врага, и скамеечка для ног, на которой он стоит, чуть выше, нежели у Феофано.) Также нам известно, что она вмешивалась в дела мужа, дабы дать ход делам, важным для нее. Милости и пожалования даровались королевскими *diplomata* (официальными документами, которыми занималась королевская канцелярия), и нам известно, что в годы правления Оттона Фе-

офано вмешивалась в ее деятельность 76 раз. Как замечает Карл Лейзер, «из формулировок, содержащихся в текстах, зачастую явствует, что *petitio* или *rogatio*, просьбы о деньгах, исходили от нее».

То были времена, когда женщины, наделённые решительностью и выдающимися способностями, могли получить доступ к власти. Согласно нормам римского права, бытовавшим в Италии и усвоенным потомками Оттона, женщины могли владеть собственностью и увеличивать принадлежавшее им достояние, причём независимо от своих мужей. Также они могли получить в собственность имущество супруга после его смерти. Нам уже приходилось писать о правившей Римом Марозии; равным образом и обе жены Оттона I, Эдит и Адельгейда, играли значительную роль в политической жизни королевства. Тем не менее первой задачей супруги императора было произвести на свет потомство, причем как можно скорее, и Феофано выполнила своё предназначение. Она родила пятерых детей: трёх дочерей, а затем близнецов, один из которых, сын, также названный Оттоном, стал наследником престола. Оттон III и его сестра родились в середине 980-х годов, когда двор путешествовал из Аахена в Нимвеген через Райхвальд — лес, расположенный неподалеку от Кесселя; роды произошли где-то в девяти милях (около 15 км) от дворца в Нимвегене. Вероятно, они были трудными, поскольку появившаяся на свет девочка прожила только два месяца. Феофано проследила за тем, чтобы все её дети получили хорошее образование; она воодушевляла сына, разворачивая перед ним картину Европы, объединённой с Византией, что было весьма необычно для X в.

Оттон I скончался всего лишь по прошествии года и месяца после женитьбы сына, в возрасте 60 лет, 7 мая 973 г., в своём любимом дворце *villa regia* в Мемлебене, к северу от Веймара. Императора погребли в Магдебургском соборе, и его могила до сих пор находится там, в алтаре. Оттон II, уже избранный королём и коронованный, стал императором, а Феофано правящей императрицей.

* * *

Это был важный момент. Власть была обретаема императором мирным путем, причем как в Германии, так и в Италии. Сын наследовал отцу как король Германии и властитель Священной Рим-

ской империи, не встретив соперников. Два титула фактически слились в одно целое, как доказывает Джеймс Вайкаунт Брюс в созданной им в конце XIX в. истории империи:

«Естественно, огромная масса подданных Оттона [I], для которых императорский титул, смутно ассоциировавшийся с Римом и папой, звучал более величественно, нежели королевский¹... оказалась сбита с толку... Монарх и его советники, служители церкви, имевшие более ясное представление о новом сане и о том, как соотносятся они между собой, сочли невозможным различать их на практике и с радостью объединили их, включив менее значительный в более значительный. Ибо Оттон был властителем мира, и его признавали императором как к северу, так и к югу от Альп»².

Другими словами, создалась соответствующая модель, и империи суждено было просуществовать до 1807 г., когда ее полностью упразднил Наполеон I. Власть Оттона основывалась на ряде серьезных оснований: военной мощи, эффективном управлении, способностях правителя, а также общем признании его со стороны магнатов. При Оттоне I восточные границы империи расширялись по мере того, как славянские народы принимали христианство, а княжества, где они обитали, переходили под сюзеренитет императорской династии (с образованием церковных епархий). Завоевания (если понимать это слово как оккупацию) не происходило: в большей мере это объединение напоминало конфедерацию народов, согласившихся стать частью империи. Вследствие этого потомкам Оттона приходилось постоянно удостоверяться, что народности, представлявшие собой немалую силу, по-прежнему им верны. В своих путешествиях по империи они напоминали жонглёров, которым приходится постоянно удерживать в воздухе несколько шаров. Не имея столицы, они вынуждены были постоянно перемещаться с места на место. Оттон II действовал аналогичным образом, и Феофано постоянно сопровождала его. Последнее свидетельствует о выдающихся способностях Феофано, пожалуй, более, нежели что бы то ни было ещё. Ей удалось не просто приспособиться к формам правления, ей совершенно чуждым, она сумела мастерски овладеть ими.

¹ Имеется в виду титул германского короля.

² Bryce J.V. The Holy Roman Empire. London, 1925. P. 124–125.

С Феофано Оттон обращался как с равной себе, а вот с её свекровью Адельгейдой всё шло не столь гладко. Если верить аббату Одилону Ключийскому (ок. 962–1049), Адельгейда была святой. По общему мнению, ее останки имели чудотворную силу, и папа Урбан II (1088–1099) канонизировал ее. В энкомии, хвалебной песне, вызывающей в памяти монолог преподобного мистера Коллинза о леди Кэтрин де Бург из романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение», Одилон описывает «благородство духа» Адельгейды, превосходившее, согласно его утверждениям, «пределы, дозволенные смертным». Напротив, Феофано Одилон именуется *illam Grecam*, «той гречанкой», и *illa imperatrix Greca*, «та греческая императрица». Монах-хронист Альперт из Меца утверждает, что Феофано была неприятна в общении и болтлива. Несомненно, те, кто привык оскорблять собеседников, находили трудным для себя выслушать женщину. Очевидно, между Феофано и Адельгейдой существовали тесные отношения, которые в какой-то момент вылились в нешуточный семейный скандал. Причин для напряжения имелось несколько: отношения между матерью и невесткой, тот факт, что обе являлись сильными личностями, каждая из которых имела свою сферу влияния, различия культур, к которым они принадлежали (франкской и греческой), и ожидания по отношению друг к другу.

* * *

После смерти отца Оттон II (к тому времени ему почти исполнилось восемнадцать) столкнулся с проблемами как в Италии, так и в Германии. Некоторые из них возникли по его собственной вине (причиной стали его импульсивность и незрелость характера). Трудности в Германии требовали немедленного вмешательства; на их разрешение ему потребовалось не менее пяти лет. Для начала ему предстояло разобраться с персонажем, именуемым *Henry der Zänker* (955–976 и 985–995), Генрихом Сварливым, герцогом Баварским, племянником Оттона I и двоюродным братом Оттона II. Причину конфликта сложно определить с точностью, но, по-видимому, Генрих чувствовал себя в чем-то задетым Оттоном, не воздавшим ему должного уважения. Герд Альтхоф отмечает, что не воздаяние магнату почести, на которые тот претендовал, «могло с легкостью быть воспринято как неуважение или [более

того] оскорбление, *offensio*. Если они не отвечали на него... их последователи теряли веру в них, что означало утрату ими власти; их соперники и противники переставали их уважать, что создавало дополнительную угрозу их положению».

Генрих также питал честолюбивые замыслы расширить границы Баварии и вскоре создал недвусмысленную угрозу для правления Оттона. Магнаты всегда были готовы воспользоваться любым проявлением слабости королевской власти, дабы расширить собственную, и тут же предприняли попытку извлечь выгоду из незрелости и неопытности Оттона. Генрих инициировал волнения на восточных границах империи, объединившись с Мешко Польским и Болеславом II Богемским. Но Оттону удалось не только укрепить свои позиции, но и переиграть Генриха и низложить его: тот на девять лет был лишен герцогского трона и заключён в тюрьму в Утрехте. Бавария лишилась Каринтии — области в Южной Австрии. Оттону удалось подавить ещё несколько менее масштабных восстаний, и, наконец, он оказался в состоянии разобраться с ситуацией на восточной границе и урегулировать отношения со своим «коллегой», королём Лотарем (954–986). Как отмечает Тимоти Рейтер, судьба этих восстаний свидетельствовала о «внутренней стабильности империи», получившей эффективно действовавшее правительство. Стабильность возвратилась на земли Германии.

Тем временем разразился неизбежный семейный скандал. Влияние Адельгейды при дворе ослабело после смерти мужа. Очевидно, она приняла это далеко не благосклонно. Одилон сообщает, что разладу способствовали «злодеи», которые ввели Оттона в заблуждение «лестью», а это послужило причиной охлаждения его отношений с матерью. Итак, Адельгейда, охваченная яростью, бежала на родину, в Бургундию, где, согласно Одилону, ее брат, король Конрад, и его жена Матильда «оказали ей тёплый и почётный приём». Несомненно, напряженные отношения между Адельгейдой и Феофано усугубили ситуацию. Феофано, очевидно, была бы рада расстаться со своей беспокойной свекровью, но ситуация в целом обеспокоила правящую чету. Итак, по сообщению Одилона, Оттон, «побуждаемый глубоким сожалением», направил посредников к матери: он «должен был вернуть ее благорасположение, коего лишился в результате собственных ошибок». Мать и сын встретились в Павии в декабре 980 г. Одилон сообщает, что при

встрече они «простерлись на земле, рыдая и печалуясь... Сын смиренно изъявил свое сожаление, мать благосклонность и прощение». Очевидно, случившееся знаменовало разрешение конфликта, поскольку с того времени Феофано и Адельгейда действовали сообща на разумных основаниях, в особенности после рождения третьего Оттона, сына и наследника. Именно в это время в документах канцелярии Оттона II он начал именоваться *imperator Romanorum augustus* (августейшим императором Рима). Византийцы вновь подчеркивали свою преемственность по отношению к Риму.

Уладив дела в Германии, в 980 г. Оттон пересёк Альпы и направился в Италию, дабы разобраться с ситуацией в Риме, поскольку Бенедикт VII (974–983) просил его о защите. Как обычно, проблемы, возникшие у папы, появились в результате грязной политики, проводимой римскими знатными семействами. На место Теофилактов, бывших правителей Рима, пришли их близкие родичи, Кресценции. Род этот пришёл к власти, когда Джованни Кресценций женился на племяннице Марозии, Феодоре III. Как уже убедился Оттон I, главную проблему в Риме составляло напряжение, существовавшее между «местным» и «внешним», между римскими кликами, видевшими в папстве игрушку, и интересами империи, в свете которых папство имело общеевропейское значение. Папы, можно сказать, путались в этих тенётах; наиболее ответственные из них боролись за сохранение некоторой духовной независимости. К ним относился и Бенедикт VII. Он взойшёл на святой престол после того, как его предшественника, Бенедикта VI (973–974), задушил в замке Сант-Анджело священник, действовавший по поручению узурпатора-антипапы Бонифация VII.

Убийство это явилось ярким проявлением описанного выше напряжения. Бенедикт VI был креатурой Оттона I. У Кресценциев, чьё влияние всё более усиливалось (их возглавляли Джованни и сын Теодоры Кресценций I, получивший прозвище *de Theodora*, то есть «Теодорин»), имелся свой кандидат, диакон Франко. В результате выборов папой стал Бенедикт, и, пока Оттон был жив, он оставался в безопасности. Но в мае 973 г. Оттон скончался, и, пока его сын улаживал ситуацию в Германии, Кресценции начали вести подкоп под Бенедикта. Через месяц после смерти Оттона вспыхнуло восстание, возможно поддержанное византийцами, стремившимися подорвать германское влияние на Рим, и, несмотря на вмешательство графа Сикко, представителя императорской влас-

ти, ещё через месяц, в конце июля 974 г., Бенедикт был задушен. Его преемник, упомянутый Бонифаций VII, целиком и полностью зависел от Кресценциев. Однако толпа вскоре обратилась против Бонифация. Тот бежал, захватив с собой папскую казну, в Северную Италию, принадлежавшую византийцам. В результате очередных выборов определился новый кандидат Бенедикт VII, состоявший в родстве с Альберико и потому приемлемый для римской знати. Однако Бонифаций по-прежнему представлял собой угрозу, и в 980 г. он нанёс по Риму удар, в результате которого Бенедикт VII отправился в изгнание. Именно в тот момент Бенедикт воззвал к Оттону II.

В пасхальное воскресенье 981 г. Оттон и Феофано прибыли в Рим. Чтобы скрыться от Оттона, Бонифаций бежал в Константинополь. Но планы Оттона не сводились к изгнанию бунтаря. Совместно с Бенедиктом и Майолом, настоятелем Ключийского аббатства, Оттон начал реформу монашества в Риме, Италии, Германии и Франции. Бенедикт поощрял деятельность миссионеров в землях, населенных славянами: он учредил епископскую кафедру в Праге. Он запретил симонию, продажу церковных должностей, и его реформаторская деятельность совместно с императорской четой возвысила престиж папства по сравнению с тем, каким он был при негодях вроде антипапы Бонифация.

Теперь, находясь в Риме, Оттон (возможно, поддавшись на уговоры Феофано) поддался искушению вторгнуться в Южную Италию. Известна личная преданность Феофано императору Иоанну Цимисхию, скончавшемуся 10 января 976 г. Возможно, его отравил подкупленный китонит (служитель покоев, один из евнухов), однако он мог скончаться и от инфекционного заболевания, такого, как брюшной тиф. Дж. Норвич именует Цимисхия «одним из величайших византийских императоров»¹, однако тем не менее он являлся узурпатором. Его сменил на престоле Василий II Болгаробойца (976–1025), законный наследник. Феофано не питала симпатий к Василию и укрепляла Оттона в честолюбивом желании распространить власть империи на всю Италию. После нападения сицилийских сарацин под предводительством эмира Абу аль-Касима, стремившегося начать джихад против населения Германии, он нашел уместным начать вторжение на юг. Оттону II не следо-

¹ *Norwich J.J. Byzantium: The Apogee. London, 1993. P. 230.*

вало забывать о сокрушительном поражении, которое потерпел его отец в Южной Италии четырнадцатью годами ранее. Но, живя в Риме, Оттон, очевидно, уверил себя в том, что он *римский* император, а завоевание Южной Италии казалось заманчивой перспективой.

Император Василий II оказался между двух огней и не смог направить подкрепления в Южную Италию, поэтому к январю 982 г. Оттон, взяв под контроль ломбардские княжества Центральной и Южной Италии, вторгся в принадлежавшую византийцам Апулию. Поначалу ему сопутствовал успех: в марте он занял Таранто и нанёс поражение сарацинской армии 13 июля 982 г. Однако для борьбы с германцами византийцы на время заключили союз с сарацинами, и события приняли дурной оборот во время битвы против последних при Стило близ мыса Колонна к югу от Кротона на восточном побережье Калабрии. На первом этапе сражения армия Оттона добилась преимущества: Аль-Касим был убит, и сарацины бежали. Однако они перегруппировались и контратаковали, убили около 4000 германцев, включая многих представителей военной элиты оттоновской империи. Сам Оттон чудом спасся в лодке.

Эта катастрофа стала самым крупным поражением Германии со времен вторжений мадьяр в начале столетия. К счастью, Феофано и ее дети прятались значительно севернее, в Россано, и находились в безопасности. Хотя сарацины оказались вынуждены отступить на Сицилию, они продолжали играть роль в итальянской политике, создавая трудности как для византийцев, так и для независимых княжеств. Известие о поражении вызвало восстания среди славян в приграничных областях на востоке, и миссионерские труды Оттона I в значительной степени оказались сведены на нет. Оттон II переоценил свои силы; сейчас ему пришлось кардинальным образом пересмотреть свою политику, военную тактику и даже всерьез задуматься о том, насколько он способен управлять империей. Оттон возвратился в Северную Италию. В мае 983 г. на имперском сейме в Вероне трёхлетний сын Оттона был провозглашён соправителем отца, дабы обеспечить преемственность престолонаследия. Также сейм фактически объединил Германию и Италию в единую империю. Некоторое время Оттон именовал себя августейшим римским императором (*Romanorum imperator augustus*), и решение превратить два отдельных королев-

ства в одно целое, несомненно, сложилось не без влияния представлений Феофано о единой империи, в основе которого лежала византийская модель. Затем малыш Оттон отправился на коронацию в Аахен; он прибыл туда в конце мая 983 г. Оттон II и Феофано тем временем возвратились в Рим, дабы начать переговоры в связи с предстоящим избранием преемника Бенедикта VII (папа скончался в июле). Сперва император предложил папскую тиару известному своими добродетелями Майолю Ключийскому, но тот отказался. Тогда Оттон назначил папой своего архиканцлера в Италии, Петра, епископа Павийского; тот взойшёл на святой престол под именем Иоанна XIV (983–984). По-видимому, выборов как таковых не состоялось.

Однако Оттон заразился малярией (несомненно, это случилось в Южной Италии). Медицинское вмешательство, по-видимому, только усугубило ситуацию. Принципы лечения в X в. были заложены греко-римским врачом Галеном, предписывавшим кровопускание и очищение кишечника (или же сочетание того и другого), дабы вывести из организма «гуморы», предположительно ставшие причиной болезни. В результате этих процедур малярийная анемия усиливалась, а затем быстро следовала смерть. Оттон не стал исключением: после кровопускания и стула его состояние резко ухудшилось. «Исповедовавшись на латинском языке перед папой и другими епископами и священниками, он получил желанное отпущение грехов» и умер на руках у Феофано 7 декабря 983 г.

Оттона погребли в соборе Святого Петра. Ему было всего двадцать восемь лет. Как сообщает Титмар, «императрица, госпожа Феофано... подавленная ужасной недавней потерей, а также отсутствием своего единственного сына, отправилась к императрице Адельгейде в Павию. Адельгейда приняла ее, [выказав] искреннее и глубокое сочувствие и смягчила ее [горе], с нежностью утешив ее». Друг Феофано, аббатиса Матильда Кведлинбургская также прибыла в Павию, чтобы поддержать ее.

Но времени для печалей не было. Трёхлетнего Оттона III помазали и короновали в качестве императора Германии и Италии на Рождество 983 г. в Аахене архиепископы Иоанн Равеннский и Виллигис Майнцский (что символизировало союз Италии и Германии) перед тем, как города достигло известие о смерти его

отца. Когда новости дошли до Южной Германии, «веселье закончилось, сердца многих охватила несказанная скорбь»¹. Епископ утрехтский Фолькмар немедленно освободил из-под ареста кузена Оттона II, Генриха Сварливого, личного пленника императора, и закон требовал освободить его, как только Оттон II умрёт. Не тратя времени даром, тот воспользовался ситуацией, стремясь занять ведущую роль в управлении при юном короле. На правах ближайшего из его родственников мужского пола он потребовал, чтобы Оттона III передали ему. Люди сочли это требование справедливым, а потому оппозиции оно почти не встретило. Кроме того, Генрих ловко использовал в своих интересах близкую сердцу магнатов идею о том, что опекуном должен быть воин, а не женщина. Как комментирует Рейтер, «не было свода правил, который регламентировал бы вопросы престолонаследия», и в каждом случае проблема решалась в зависимости от обстоятельств². Но сей неистовый воитель сильно недооценил политических талантов Феофано. При поддержке Адельгейды она в конце концов сумела вернуть себе сына и укрепить собственную власть. Генрих захватил ребёнка в Кёльне, отняв его у архиепископа Варина, которому на время вверили попечение об Оттоне, и увёз его назад, в Саксонию. Вскоре стало понятно, что Генрих стремится узурпировать трон, хотя поначалу позиционировал себя как регента. Немедленное возвращение Феофано в Германию стало насущной необходимостью. Однако ей было необходимо создать коалицию против Генриха. В Павии она повстречалась с великим учёным Гербертом Орийльякским, которого убедила выступить в роли посредника от имени церкви перед епископами Юго-Западной Германии. Наконец она пересекла Альпы и достигла Германии в конце мая 984 г.

Генрих продолжал занимать первенствующее положение, но при этом совершил немало стратегических ошибок, особенно важной из которых стало нежелание проявить *clementia* (милосердие и умение прощать) по отношению к двум представителям саксонской знати, которые просили его об этом. Иными словами, он продемонстрировал недостаток великодушия, одного из важней-

¹ *Tummar Merzeбургский*. Хроника. III. 26.

² *Reuter T. Germany in the Early Middle Ages, 800–1056*. London, 1991. P. 188–189.

ших качеств истинного короля в глазах людей Средневековья. Это серьёзно повредило его политической репутации. Он отпраздновал Страстную неделю в Магдебурге, а Пасху в Кведлинбурге, словно уже был монархом, однако вскоре стало очевидно, что поддержка его со стороны знатных сеньоров и церкви ослабевает. Генрих видел, что ему придётся добиваться своего силой оружия, однако проявлял осторожность. Он осознавал, что это может привести к гражданской войне, и ему хватало мудрости понять, что скорее добьётся своих целей (в том числе возвращения ему герцогства Баварского) с помощью переговоров, нежели военных действий. Поэтому Генрих начал в Роре (Тюрингия) длительные переговоры с Феофано и её советниками, включая Адельгейду и Матильду. Ни в одном из источников нет сведений о ходе переговоров, но в них в характерном для X в. стиле подчёркивается, что «чудесный и приснопамятный знак явился на небе всем, кто присутствовал и кто видел его». В «Кведлинбургских анналах» под 984 г. сообщается, что «яркая звезда воссияла над соперниками в середине неба, неслыханным образом среди бела дня, словно желала даровать помощь пленённому королю»¹. В результате длившихся месяц переговоров Оттона передали его матери, и было достигнуто окончательное урегулирование.

Об этом было сообщено перед всем двором во Франкфурте в 985 г. В типичном для X в. стиле в соответствии с требованиями церемониала Генрих объявил о заключённом соглашении. «Кведлинбургские анналы» (под 985 г.) так описывают происшедшее:

«Когда во Франкфурт пришёл малолетний король Оттон III, [Генрих] также прибыл туда и явил смирение, как того требовал обычай... Показывая смирение всем своим видом и жестами, сложив руки, он не постеснялся принести клятву на глазах у собравшегося народа и в присутствии императриц, заботившихся о королевстве, бабушки малютки [короля] [Адельгейды], матери [Феофано] и тётушки его [Матильды]. Он передал им юного короля, коего пленил, когда тот осиротел и чьё королевство отнял силой. В словах клятвы он обещал впредь служить ему, не прося ничего, кроме [сохранения ему] жизни и умоляя лишь о пощаде».

¹ *Reuter T. Germany in the Early Middle Ages, 800–1056. L. 1991. P. 188–189.*

Женщины отвечали, что принимают Генриха, прощают его и вновь даруют ему «герцогское достоинство... как того требуют законы королевства».

Это было поистине королевское великодушие в саксонском стиле, являвшее собой противоположность поведению итальянских кланов и византийского правящего класса того времени, которые, заполучив в свои руки ребёнка, принадлежавшего к семье соперников, немедленно убили бы или изувечили его. Генрих не только не лишил юного Оттона дееспособности путём ослепления, после чего тот не смог бы править королевством, но и вернул его целым и невредимым, как только понял, что его надеждам не суждено сбыться.

Вся эта история свидетельствует о том, что способность к разрешению конфликта с помощью компромисса была одним из характерных особенностей саксонской верхушки. Стоит заметить, что она приняла христианство лишь в VIII в., и здесь речь идёт о христианах в третьем или четвёртом поколении, но они уже усвоили евангельскую добродетель прощения и миролюбия. Это также показывает, каким образом ритуал мог играть роль формы общения. Как пишет Альтхоф, «ритуалы, демонстративные акты и символические жесты со всей их театральностью давали возможность заявить о каких-либо требованиях, новостях или обстоятельствах». Способность прощать и идти на примирение предполагала «развитость методов любовного разрешения конфликтов», и это наглядно характеризует германскую элиту X в.¹

Способность правящего класса империи Оттонов использовать метод переговоров играла значительную роль в течение всего регентства Феофано. Она никогда не обладала неограниченной властью. Хотя последнее слово оставалось за ней, все грамоты выдавались от имени Оттона III. Адельгейда также принимала участие в делах регентства; похоже, она считала себя ответственной за управление Италией, хотя истинная её роль станет ясной лишь после смерти Феофано. Между тем последнюю любили отнюдь не все, кое-кого раздражали её иностранное происхождение и решительность. Ей оказывали поддержку и помогали советами придворный капеллан епископ Хильдебольд Вормский и

¹ *Althoff G. Otto III. University Park, 2003. P. 40.*

канцлер Виллигис Майнцский. Эти клирики пользовались большим влиянием во времена регентства. Власть Феофано также зависела от доброй воли магнатов. Империя представляла собой, по выражению Альтхофа, «государство личных союзов», политическое образование, в котором порядок сохранялся благодаря родственным обязательствам¹. То, что десятилетнее регентство было мирным и свободным от конфликтов, во многом являлось заслугой Феофано.

В своей «Хронике» Титмар (IV. 10) восхищается достоинствами Феофано: «Она, хотя и принадлежала к слабому полу, отличалась скромностью, твёрдостью характера и, что в Греции редкость, отменной обходительностью, служа защитой власти своего юного сына, постоянно поддерживая благочестивых, утрашая и смиряя высокомерных». Титмар, будучи клириком, радуется тому, что две её дочери стали монахинями. «От плода чрева своего она [словно] десятину отдала Богу, первую из которых отдали в Кведлинбург Адельгейдой, а вторую, Софию, в Гандерсгейм». Едва ли нужно говорить, что обе женщины стали могущественными настоятельницами в своих монастырях.

Но регентство Феофано не было безмятежным. Ей пришлось столкнуться с трудностями на западной и восточной границах империи. Отношения с западными франками зависели от контроля над Лотарингией — областью, вклинивавшейся между империей и Северной Францией. Хотя она и являлась неотъемлемой частью империи, западнофранкский король Лотарь IV (954–986) попытался отнять Лотарингию, но безуспешно. В смутный период после смерти Оттона Лотарь опять проявил активность, получив поддержку от Генриха Сварливого. Однако смерть самого Лотара в 986 г. положила конец всему этому. После того как его брат и наследник, импульсивный Людовик V, в середине 987 г. погиб на охоте в результате несчастного случая, не оставив наследника, королём западных франков 1 июня 987 г. избрали Гуго Капета, что принесло Лотарингии мир.

Накануне избрания Гуго Феофано приложила немало усилий, чтобы сохранить мир и при этом удержать Лотарингию. Она использовала родственные связи с другими знатными дамами, чтобы через их посредничество добиться своих целей. Например, в 985 г.

¹ Ibid. P. 39.

в Меце происходит *colloquium dominarum*; представительницы королевских семейств встретились для того, чтобы обеспечить мир между соперничающими королевскими домами. Помимо Феофано там, возможно, присутствовали королева Эмма (жена Лотаря IV и дочь Адельгейды и, таким образом, золовка Феофано), герцогиня Беатриса Верхнелотарингская (сестра Гуго Капета), Адельгейда (жена Капета), королева Матильда Бургундская, Герберга (сестра Генриха Сварливого и аббатиса Гандерстеймская), аббатиса Матильда Кведлинбургская и Гизела (жена Генриха Сварливого), своего рода «*who's who*» представительниц королевских домов X в. Есть свидетельства, что было по крайней мере ещё три такие встречи, и Феофано присутствовала на них всех или присылала своих представителей. Женщины не всегда добивались успеха, но главное было в том, что они играли ведущую роль в достижении мира с помощью переговоров.

Ещё более нестабильная ситуация досталась в наследство Феофано на востоке. Лютичи, одно из славянских племён, живших к востоку от реки Эльбы, подняли восстание после того, как получили известие о поражении Оттона II в битве при Стило (982) на юге Италии. Они разграбили бранденбургскую и хавельбургскую епископии, которые были созданы как центры распространения христианства среди язычников-славян. Они пересекли Эльбу и вторглись на землю Саксонии. Положение оставалось нестабильным и после смерти Оттона II и даже усугубилось из-за интриг Генриха Сварливого. Двое христианских правителей славян, Мешко I Польский и Болеслав II Чешский, поддерживали притязания Генриха, хотя они и были соперниками. После заключения мира с Генрихом Феофано предстояло восстановить стабильность на северо-восточной границе.

Она решила внести раскол между двумя монархами и одолеть их поодиночке. Сначала Феофано вступила в союз с Мешко. Затем в соответствии со своей стратегией в 985–986 гг. саксонцы напали на лютичей с запада, в то время как поляки нанесли удар с тыла. Их племена вынуждены были отступить. Но саксонская династия лишь номинально контролировала ничейные земли между Эльбой и Одером, пока жившие там славянские народы не были обращены в христианство в конце XI в. Эта кампания стала первой, в которой принял участие Оттон III, хотя ему исполнилось всего шесть лет. Признав его верховную власть во время пасхальных

празднеств в Кведлинбурге, Мешко подарил ему верблюда¹. Однако сохранявшаяся нестабильность на границе и территориях за нею усугублялась тем обстоятельством, что «саксонские маркграфы и епископы проявляли активность даже в отсутствие короля, без разрешения с его стороны, явно жаждая мести и наживы, будь то добыча или подати»². Феофано лишь один раз побывала в Италии за время своего регентства, в 989–990 гг. Главной её целью было посетить могилу Оттона II в соборе Святого Петра в годовщину смерти мужа, вознести молитвы и отслужить мессу по нему. В «Хронике» Титмара (IV. 10) говорится, что она заботилась о спасении души Оттона II, особенно после сна, в котором мученик святой Лаврентий появился перед ней со своей «искалеченной правой рукой». Святой Лаврентий сказал ей: «То, каковым ты меня сейчас видишь перед собой, сотворил меня твой господин, который оказался прельщён словами человека, чьи речи породили раздор среди множества избранных Христом». Этим человеком был архиепископ Гизилер, являвшийся епископом Мерзебурга и убедивший Оттона II «закрыть» (технический термин для ликвидации) его диоцез, так что он смог перебраться в Магдебург. Упразднение упомянутой епископии, не вызванное необходимостью, было животрепещущим вопросом для Титмара, который происходил из Мерзебурга и которого возмутила ликвидация его родного диоцеза. По его словам, упомянутое сновидение достаточно напугало Феофано, чтобы она вознесла молитвы о «вечном спасении» Оттона II и попыталась восстановить диоцез. Однако это произошло лишь в 1004 г. И публично, и тайно Феофано проводила политику благотворительности по отношению к бедным, надеясь на то, что тем самым сможет освободить мужа от *ab incendio*, от огня чистилища.

Пока Феофано оставалась в Италии, где саксонские порядки не сковывали её, она действовала более самостоятельно и от своего имени. Она писала его в мужском роде: *Theophanius gratia divina imperator augustus*, «Феофаний, божией милостью император август». В Риме поддерживала связи с греческими общиной и духовенством. Феофано встретила со знаменитым святым Сабой, который помог ей советами и которого она посетила, когда он

¹ Титмар Мерзебургский. Хроника. IV. 9.

² Althoff G. Otto III. University Park, 2003. P. 48.

лежал на смертном одре. Похоже, что жена Оттона II способствовала проникновению византийской иконографии, особенно изображений Распятия и Девы Марии. «Ныне учёные уверены, что прибытие Феофано на Запад способствовало развитию там культа и иконографии Девы Марии»¹.

Несмотря на всё своё благочестие, именно во время пребывания в Италии Феофано оказалась под растущим влиянием Иоанна Филагата, архиепископа Пьяченцы. Грек по происхождению, родом из Россано в Южной Италии, Филагат стал виновником скандала, отравившего жизнь Феофано. Впервые императрица заметила этого честолюбивого, уверенного в себе человека, когда он работал в её канцелярии. Филагат стал учителем греческого у юного Оттона III, а затем и канцлером (главой финансового ведомства) Италии. В «Кведлинбургских анналах» под 997 г. сообщается, что он всё больше и больше стал «походить на лису», «он пустил в ход всё своё коварство, стремясь обмануть» Феофано и что в результате она «милостиво даровала ему свою благосклонность». Одилон Ключийский, который, как мы видели, являлся активным сторонником императрицы-матери Адельгейды, намекает, что Иоанн был по отношению к Феофано не просто добрым советчиком, но и другом. То, что представляло собой чуть больше, чем сплетню, позднее подавал как факт малоприятный монах Пьетро Дамиани. Он прямо утверждал, что между Феофано и Филагатом имел место роман. Пьетро характеризует Филагата как «пронырливого и коварного человека... сгоравшего от жажды славы и высокого положения... у него [была] в то время позорная связь с императрицей» (Письма. 89.20). Дамиани ненавидел греков и высокородных дам, так что оба вполне подходили для карикатуры. Подобная крайность суждений делает его ненадёжным свидетелем, особенно в том, что касается любовных отношений. Как мы увидим, ставший антипапой Филагат обрёл печальный и жестокий конец.

Несмотря на это, Феофано удавалось править в течение десяти лет, избегая кризисов и конфликтов. Как отмечает Альтхоф, «это было, безусловно, крупным достижением, особенно если

¹ Ciggaar K. Theophano: An Empress Reconsidered // Davids A. The Empress Theophano: Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium. Cambridge, 1995. P. 61.

учесть, сколь немногим правителям удавалось это в то время»¹. Вскоре она умерла; отношения её с Адельгейдой, которая подолгу жила в Павии, перед кончиной были весьма натянутыми. Одилон сообщает, что эта напряжённость вылилась в полномасштабный конфликт перед самой смертью Феофано. По словам Одилона, она «поверила словам некоего грека (очевидно, Филагата), равно как и других льстецов... [будто ей] угрожает [Адельгейда]... поскольку [сама] она объявила: «Если я проживу этот год, то Адельгейда нигде в целом мире не будет править, её власть легко уместится на ладони одной руки»». Одилон почти с радостью добавляет: «По воле Божией это опрометчивое утверждение оказалось истинным. Менее чем через четыре недели греческая императрица покинула этот мир, а императрица Адельгейда счастливо пережила её»². Для Одилона было ясно, что Адельгейда не могла делать что-то не так. Как тут не вспомнить преподобного м-ра Коллинза!

Феофано умерла 15 июня 991 г. в своём любимом дворце в Нимвегене совсем молодой, между 31 и 33 годами. Мы не знаем причин её смерти. Её сыну было десять лет — слишком мало, чтобы править самостоятельно. Адельгейда стала регентшей. Феофано похоронили в восстановленном соборе Святого Пантелеймона в Кёльне. Она привезла с собой из Константинополя мощи Пантелеймона, врача и мученикам (умер ок. 305), и он, возможно, стал её святым покровителем. Ныне останки Феофано покоятся в маленькой капелле в роскошном саркофаге. Церковь эта находится теперь в ведении священников из организации *Opus Dei*.

Важно отметить, что она умерла именно в Нимвегене; она любила это место. Из 107 различных мест, где останавливалась Феофано во время своих путешествий, когда уже была императрицей, она 8 раз посетила *palatium* в Нимвегене, три из них во времена регентства. Два из этих восьми случаев были связаны с двумя важнейшими моментами её жизни: рождением сына, Оттона, и её смертью. Однако не стоит видеть в пребывании там Феофано нечто сугубо романтическое: это было важное для неё место, поскольку здесь находились её обширные владения, которые перешли к ней как часть приданого.

¹ *Althoff G.* Otto III. University Park, 2003. P. 51.

² *Одилон.* Эпитафий госпоже нашей августе Адельгейде. 8.

Не только Одилон осуждал Феофано. Многие из современников не любили её: вероятно, их возмущало то, что она чужеземка, да ещё и *женицина*, получила доступ к власти. Не шло ей на пользу и то, что она была гречанкой, поскольку на Западе греков зачастую презирали, как это мы видели в случае с Лиутпрандом Кременским. Над их *fallacia* (лживостью), *invidia* (подозрительностью и предвзятостью) и *arrogantia* (гордыней) нередко насмехались. После смерти Феофано вскоре начали говорить, что она попала в ад. Рассказывали, будто одной немецкой монахини было видение, где та пребывала *in maximo tormento*, в великих мучениях. Монахиня рассказала о своём видении монаху Отлону Сент-Эммеранскому: по ее словам, Феофано признавала, что заслужила вечные муки за пристрастие к «роскоши» (распространённое в тот период обвинение в адрес женицин из высших слоев общества). Пожалуй, это вызывает в памяти скорее чистилище, нежели ад, коль скоро молитвы монашенки могли помочь Феофано освободиться. Отлон зафиксировал эту историю в своей *Liver visionum*, «Книге видений».

В особенности доставалось Феофано от церковных авторов за то, что она якобы приучила к «роскоши» западное общество. Фактически они критиковали её за то, что она привнесла, так сказать, некоторую утончённость, принятую в Константинополе, например обычай ежедневного мытья и пользование вилок (в этом она стала первой в Западной Европе). Византийцы пользовались двухзубым орудием, чтобы донести пищу от тарелки до рта. На Западе еду обычно брали руками, хорошо вымыв их, и клали в рот. Если пища бывала жирной, руки мыли по несколько раз во время трапезы (а также обязательно делали это после еды). Тот, кто не мыл руки, считался образцом невоспитанности. По-видимому, в XI в. вилка ненадолго вошла в употребление, но затем повсюду, кроме Италии, ею перестали пользоваться до раннего Нового времени. Некоторые утверждают, что на самом деле вилку на Западе первой стала использовать жена венецианского дожа Доменико Сельво, уроженка Византии, но влияние жившей прежде Феофано, императрицы, на застольный этикет должно было быть существенно важнее, чем влияние простой догарессы.

Феофано во многом остается загадочной фигурой, хотя ей посвящено множество исследований. Несомненно, она была выдающейся женщиной, чья способность успешно адаптироваться к

социальным, религиозным, культурным и языковым условиям, коренным образом отличавшимся от тех, в которых она родилась и выросла, свидетельствует едва ли не о гениальности. Ее ранняя смерть обернулась трагедией: вероятно, она оказала бы благое влияние на сына, Оттона III, в его стремлении осуществить свою мечту о едином христианском мире. Но главное, история регентства Феофано свидетельствует, что государство, созданное Оттоном I, оказалось достаточно сильным, чтобы преодолеть затруднения, неизбежно возникающие перед властями в период правления от имени малолетнего короля (Оттону III было три года, когда он вступил на престол). Другими словами, империя уже представляла собой, так сказать, зрелое государственное образование, администрация которого могла не только вести переговоры и разрешать ситуации вроде похищения юного короля Генрихом Сварливым, но и благополучно существовать в течение двенадцати лет регентского правления. Очевидно, саксонская верхушка сформировала стабильное государство, которому суждено было пережить эпоху Средневековья.

Сейчас мы сделаем перерыв в нашем рассказе о политических событиях X в., чтобы посмотреть, что представляла собой в те времена жизнь простого народа.

Часть четвёртая

БЫТ И НРАВЫ В X ВЕКЕ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Монахи и монахини

В этой главе мы рассмотрим попытки достижения относительной стабильности в западноевропейских государствах X в. В Германии такая попытка удалась, в то время как в Западно-Франкском королевстве (совр. Франция) аналогичная политика увенчалась полным крахом. В Англии централизованная монархия возникла благодаря трудам Альфреда Великого и его преемников из Саксонской династии, однако в недалёком будущем её сокрушили опустошительные набеги викингов и бездарность Этельреда II Неразумного (Нерешительного). Кроме того, мы наблюдаем мощное и на редкость успешное миссионерское движение в странах Восточной Европы и Скандинавии, в результате которого к концу XI в. все народы этого региона были обращены либо в католицизм, либо в православие. Христианизация несла с собой определённую политическую стабильность; в качестве мощного фактора культурного единства церковь преодолевала местный партикуляризм и ту узость мышления, которая поощряет людей всецело сосредотачиваться на решении локальных проблем.

За всеми этими усилиями, направленными на развитие общеевропейской христианской культуры, включая распространение христианства в результате миссионерского движения, стояло монашество. В самом деле, тот новый мир, который возник предположительно во второй половине X в., своими корнями уходил в монашескую жизнь. *Stabilitas loci*, или «оседлость», являлась одним из тех идеалов, которые святой Бенедикт постарался внушить своим последователям в качестве духовной основы их религиозного и общежитийного бытия. Однако помимо духовной жизни монастыри были средоточием образованности и культуры, храня и передавая знания через посредство своих библиотек и школ. Как

мы уже видели в самом начале книги, именно ирландские монахи «спасли цивилизацию» и возродили образование на Западе; этот культурный феномен пережил эпоху Каролингов и имел продолжение в X в. Одна из сильных сторон монашества заключалась в способности к самореформированию; едва ли не самая известная реформа западного монашества родилась в стенах аббатства Клуни в Верхней Бургундии, в X–XI вв. распространившись по всей Западной Европе. В этой главе мы, рассмотрев повседневную жизнь в мужских и женских монастырях, увидим то, благодаря чему она стала отправной точкой всех важных сдвигов в жизни европейского общества X в. Вместо введения к рассказу о монашестве я позволю себе обратиться к биографии одного хорошо известного монаха, который был не слишком успешен на религиозной стезе.

Это был сакс Готшалк (ок. 804–868), уверявший, что он стал монахом против своей воли, когда его в возрасте то ли семи, то ли десяти лет отдал в Фульдский монастырь в качестве облата («пожертвованного») вместе с причитавшимся ему наследством собственный отец, саксонский граф Бернон. Этот акт навсегда «привязал» Готшалка к аббатству в Фульде; принесённые им впоследствии монашеские обеты рассматривались церковью и монашеской традицией как конфирмация акта, совершённого его отцом за него, поскольку Готшалк тогда был ещё ребёнком. Нам всё это представляется несправедливым, даже вопиющим; однако в те времена это было в порядке вещей.

Многих детей их родители отдавали в аббатства, принося монашеские обеты за своих малолетних чад во время совершения божественной литургии. Родителям приходилось давать те обеты, которые их дети должны были соблюдать, став взрослыми, включая пожизненный celibat, бедность, монашеское общежитие и послушание. Вплоть до XII в., когда духовные лидеры монашества запретили эту практику, «пожертвование мальчиков» (*oblatio puerorum*) оставалось главным источником пополнения монашеской братии. Некоторые историки, такие, как Джон Босвелл, высказывали предположение, что те родители, которые по причине бедности были не в состоянии прокормить своих детей, отдавали их в монастырь, как в приют; по словам Мейк де Йонг, это было «нечто вроде религиозно окрашенного планирования семьи». Однако факт заключается в том, что большинство детей,

переданных родителями в монастыри, происходили, подобно Готшалку, из знатных семей, которые вполне могли позволить себе их содержание. «Пожертвование» детей, как считает де Йонг, представляет собой одно из тех явлений, которые иллюстрируют глубокую пропасть, разделяющую нашу современную жизнь и реалии X в.¹

Средневековые родители отдавали своих детей в монастырь как дар Богу. «Безоговорочно принесённые в дар своими родителями, дети-облаты должны были стать жертвами Богу, в назначенное время превращая родительские обязательства в акт самопожертвования через жизнь в послушании»². Влияние Ветхого Завета во многих аспектах духовной жизни в X в. было преобладающим, поэтому родители посвящали своих детей Богу, как предписывала Библия. Яркий образец поведения в аналогичной ситуации изложен в Первой книге Самуила (1:24–28), когда мать Самуила посвящает его в качестве служителя Божия в Храм. Она говорит: «Когда младенец отнят будет от груди и подрастёт, тогда я отведу его, и он явится пред Господом и останется там навсегда». Произносились особые формулы, когда детей передавали в монастырь: «Я желаю передать своего сына в руки Всемогущего Бога, чтобы он служил Ему в этом монастыре, ибо Господь заповедал в Законе детей Израиля, чтобы они своё потомство посвящали Богу»³. Родители видели, что их дети вступали в иную родственную группу, которая будет воспитывать и опекать их чад точно так же, как это делали бы они сами. Почти всегда монастырское образование далеко превосходило всё то, что биологические родители могли дать своим детям в плане «материального обеспечения, личной безопасности и обучения ремеслу с целью предоставить ребёнку новые возможности»⁴.

Оказавшись в Фульдском монастыре, Готшалк получил прекрасное образование. Его наставником (*scholasticus*) был Рабан Мавр (ок. 776–856), который в своё время учился у Алкуина из Йорка. По словам Рабана, «некоторые [облаты], принятые в мо-

¹ John Boswell, *The Kindness of Strangers* (Chicago: University of Chicago Press, 1988); Mayke de Jong, *In Samuel's Image: Child Oblation in the Early Medieval West* (Leiden: Brill, 1996), P. 5.

² De Jong, *Samuel's Image*, P. 286.

³ Hildemar of Corbie, *Expositio*, 59, in De Jong, *Samuel's Image*, P. 8.

⁴ De Jong, *Samuel's Image*, P. 214.

настырь *in infantia* [в детстве]... с молодых ногтей, посвящают себя изучению священных книг... пока не становятся достаточно образованными для назначения на церковные должности»¹. После постижения грамоты Готшалку предстояло овладеть латынью и изучить Библию, патристику (труды ранних христианских богословов) и основы классической литературы. После того как он лично принёс в Фульдс монашеские обеты, его направили в начальную школу IX в. монастыря Райхенау, обладавшего богатой библиотекой и расположенного на одноименном острове посреди Боденского озера.

Именно здесь Готшалк подружился с Валафридом Страбонном, или Валафридом Косым (ок. 809–849 гг.), поэтом и богословом, а впоследствии аббатом Райхенау (их дружба продолжалась до самой смерти Валафрида). Мы уже встречались с Валафридом: он был другом Диакона Бодона, принявшего иудаизм и уехавшего в Андалузию. Дружба Валафрида и Готшалка не являлась в то время чем-то необычным; мужской дружбе тогда придавалось немалое значение, особенно в монашеском сообществе, люди же были более открытыми, чем мы сегодня в том, что касается чувств и эмоций. Люди того времени были в высшей мере склонны к страстному, откровенному выражению своих симпатий. Возьмём, к примеру, группу монахов, обучавшихся у Алкуина, диакона, который впоследствии стал «министром» или секретарём Карла Великого от образования; литературный стиль Алкуина в его письмах и стихах, адресованных его ученикам, друзьям и монахам, был, мягко говоря, пылким и эротичным, особенно когда предмет его симпатии находился в отлучке. Он часто использовал применительно к своим ученикам ласковые имена вроде «Дафнис» и «Додо»; своему старому другу он пишет, что хотел бы припасть губами к его груди, «оросив её своими слезами»². Поэтические послания, которыми обменивались Готшалк и Валафрид, находятся в том же контексте. Однажды Валафрид написал Готшалку, который пребывал в далёком Фриули (Италия), и попросил его ответить в стихах. Вот как ответил Готшалк на просьбу Валафрида:

¹ *Rabanus Maurus*, De oblatione puerorum, in *PL*. P. 107, 419, author trans.

² *John Boswell*, *Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality* (Chicago: University of Chicago Press, 1980), P. 189–190

О, мой мальчик, ты хотел бы, чтобы я спел, —
Зачем? О, зачем?
Какую песню, мой мальчик, ты думал услышать
Из моих уст?
Пение сладостно, но не из уст того,
Кто оказался далеко, за синим морем. —
Зачем ты просишь меня спеть?
О, мой сынок, с большей охотой
Я оплакиваю мои несчастья —
Слёзы текут из разбитого сердца.
Они звонче, чем песни.
Любимый мой, не может быть,
Что ты ждёшь от меня пения, подобного этому!
Зачем ты просишь меня спеть?
Знай, братец, что я жажду
Твоей приязни;
Малыш, пусть не иссякнет твой сострадание —
Сжался надо мною!
Благородное сердце и смиренная душа,
Твои и мои, я хотел бы, чтобы это было так, —
Зачем ты просишь меня спеть?¹

Латынь в этом стихотворении отличается исключительной выразительностью; автор использовал уменьшительные выражения вроде *pusiloe* («малыш»), *filiole* («сынок»), *puerile* («мальчик») и *fratercule* («братец»), передающие ощущение нежности и вызывающие, по словам Босвелла, «множество ассоциаций, светских и религиозных, эротических и духовных, напоминающих чувства отца и любовника»². Как отмечает Хелен Уодделл, «стихи Готшалка представляют собой наиболее музыкальный текст из всех, что были созданы в Европе за века», в то время как их лиризм перекликается с сократовскими рассуждениями о благородной и чувственной дружбе³. В эпоху Каролингов франки придавали огромное значение мужской дружбе, поэтому Валафрид ответил Готшалку не менее изящным стихотворением «*Ad amicum*» («Моему другу»). Однажды вечером в монастырском саду Райхенау (его

¹ *Gottschalk. A Song in Exile*, in Philip Schuyler Allen, *The Romanesque Lyric: Studies in Its Background and Development* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1928). P. 150–151.

² *Boswell. Christianity*. P. 193.

³ *Waddell. Wandering Scholars*. P. 57.

перу принадлежит книга «*De cultura hortorum*», посвящённая садоводству). Валафрид глядит на луну и звёзды, размышляя о том, что небеса соединяют «двоих, что любили, а теперь далеки друг от друга, но, соединённые узами любви, в сердце своём они вместе»¹. Это было то самое проявление нежности, в котором так нуждался Готшалк. Уодделл называет его «глубоко страдающим трагическим персонажем», находящимся во власти «тёмной стихии своей мрачной и чувственной искренности»².

Валафрид внезапно умер в 849 г. Живя в начале XXI в., нельзя не задать вопрос: были ли эти отношения исключительно платоническими? Данные наших источников со всей определённой свидетельствуют о существовании гомосексуальных связей в некоторых монастырях и вообще в клирической среде, при том, что в IX–X вв. такие связи обычно не рассматривались как греховные. Если где-то происходило что-либо подобное, окружающие в целом терпимо к этому относились, поскольку гомосексуальные отношения не могли привести к появлению нежеланного потомства или угрожать целостности церковного имущества и не были связаны с религиозными табу в отношении женщин и менструационных циклов. Так или иначе, но ответить на поставленный вопрос со всей определённой не представляется возможным.

Когда Готшалк вернулся в Фульдское аббатство, он был явно от этого не в восторге, а потому заявил, будто Рабан, который в то время являлся аббатом, вынудил его, Готшалка, принести монашеские обеты и выбрать tonsuru против его воли. Готшалк испросил для себя позволения распрощаться с монашеской жизнью и потребовал вернуть ему его наследство. Рабан, будучи убеждённым консерватором, свято оберегавшим свои властные prerogatives, ответил Готшалку категорическим отказом, мотивировав своё решение тем, что подобное проявление «либерализма» с неизбежностью повлекло бы за собой социальные потрясения. Помимо всего прочего, это было время, когда шла междоусобная война между императором Людовиком I Благочестивым и его сыновьями, так что Западно-Франкское королевство уже испытало на себе последствия тех самых социальных потрясений, которых так боялся Рабан.

¹ *Walafrid Strabo. Ad amicum*, in *ibid.* P. 55.

² *Ibid.*

Готшалк утверждал, что монашеская жизнь сродни рабству, которое не в силах терпеть свободные саксы, подобные ему. Рабан считал такие взгляды еретическими. В своём трактате «*De oblatione puerorum*» («О пожертвовании мальчиков») он признал, что монахи суть рабы, но рабы Божии, и притом рабы особого свойства. Оспаривать это утверждение означало «бороться против Господа», вставая на те позиции, которые противоречили католическому вероучению¹. В июне 829 г. в Майнце состоялся синод, на котором Готшалку, использовавшему поддержку своей семьи, была дарована свобода под тем условием, что он не будет впредь претендовать на возврат своего наследства. Вскоре после этого синод в Вормсе, на котором председательствовал Людовик Благочестивый, подтвердил данное решение, и Готшалк сделался кем-то вроде странствующего учёного. Он посетил аббатства Корби близ Амьена и Овилле (спустя века оно получило известность как обитель, где жил монах Пьер Периньон, в честь которого была названа известная марка шампанского «Дом Периньон»), а также побывал в Реймсе, где прожил какое-то время при дворе архиепископа Эббона.

По неизвестным причинам Готшалк вновь оказался в монастыре, на сей раз в аббатстве Орбе в суассонском диоцезе. Там он надолго не задержался, поскольку оказался под подозрением у имперских властей благодаря своей близости к архиепископу Эббону, который поддерживал Лотаря в его борьбе с родным отцом, Людовиком Благочестивым. В 835 г. Готшалк был опрометчиво рукоположен в пресвитеры без ведома суассонского епископа Ротхада. Он вновь отправился странствовать, на сей раз в качестве миссионера; этот статус позволил ему обойти такое правило монашеской жизни, как *stabilitas loci* («постоянство места», или «оседлость»), означавшее, что человек, поступивший в монастырь, должен оставаться в нём до конца своих дней. Подвиг миссионера стал для Готшалка предлогом для бегства из монастыря. Благодаря Валафриду Страбону он свёл знакомство с образованным и благочестивым франкским герцогом Эбергардом Фриульским, который был женат на Гизеле, дочери Людовика Благочестивого и сестре Карла Лысого. В 829–838 гг. Валафрид пребывал в Аахене в качестве наставника Карла Лысого и духовника императрицы

¹ *Rabanus Maurus. De oblatione puerorum, in PL. P. 107, 431, author trans.*

Юдифи Баварской, второй жены Людовика Благочестивого. Эбергард собрал богатую библиотеку и состоял в переписке с учёными богословами.

Мы мало что знаем о годах пребывания Готшалка в Италии. Он мог побывать в Риме и даже в Болгарии. Известно, что какое-то время он находился в Северной Далмации (совр. Хорватия) в качестве миссионера. Область Фриули представляла собой марку, находившуюся на границе Далмации; это регион был населён хорватами, которые в то время ещё только приобщались к христианству. Правил Хорватией верный союзник франков герцог Борма (ум. в 821 г.). Существует предположение, что «герцог Борма был не кто иной, как Бернон, отец Готшалка»; это предположение позволяет понять интерес монаха к этому региону, а также его пребывание здесь в качестве миссионера в 846–848 гг.¹

Во Фриули на Готшалка вновь обрушились несчастья. «Анналы» Сен-Бертенского монастыря сообщают, что Готшалк, «возгордившись своей учёностью, всецело посвятил себя распространению еретических учений. Он отправился в Италию будто бы с благочестивыми намерениями, однако вскоре был с позором оттуда изгнан. Затем он проник в Далмацию, Паннонию и Норик; рассуждая о сомнительных вещах, он устно и письменно проповедовал учения, совершенно расходившиеся с нашей верой, особенно по вопросу о предопределении»². Учение Готшалка о предопределении во многом определило драматический финал его жизненного пути.

Готшалк внимательно изучил учение Блаженного Августина о благе, свободе и предопределении. Проще говоря, Августин полагал, что человеческая природа оказалась настолько испорченной грехами и пороками, что человек не может рассчитывать на спасение. Следовательно, мы всецело зависим от Божией милости. По причинам, недоступным человеческому разумению, Господь дарует конечное спасение и жизнь вечную тем, кого он свободно избрал. Разделяя учение о свободе воли (хотя это трудно понять), Августин утверждает, что всё зависит от Бога. Спасение не зависит от поступков, которые мы совершаем; оно зависит исключительно

¹ Victor Genke. Gottschalk of Orbais and the Controversy over His Teaching on Twofold Predestination, 16, www.lectio-divina.org.

² AB, 849, in Nelson, 67.

от Бога. Это опасное утверждение, поскольку подразумевает вывод: если Господь предопределил немногих ко спасению, следовательно, всех остальных Он обрёл на вечную гибель; то, что называют «позитивным предопределением». Августин в своих рассуждениях так далеко не заходит, хотя он приближается к такому умозаключению в своём трактате «О Граде Божием». Это была та область теологии, вступить в которую вслед за Августином большинство средневековых theologов было не готово.

Однако Готшалк прошёл этот путь до конца. Он верил в предопределение и пришёл к убеждению, что спасение — это произвольный дар, которым Господь награждает немногих избранных и лишает всех остальных, вне зависимости от их нравственного облика. Эти идеи Готшалка скоро начали получать признание. Они производили впечатление в первую очередь на тех, кто страшился вечной гибели. В то же время идеи Готшалка вызывали сильную обеспокоенность в среде епископата. Наконец, длинная рука Рабана, ставшего к тому времени архиепископом Майнца, дотянулась до Готшалка в далёкой Далмации. Рабан направил письма графу Эбергарду и епископу Вероны с нападками на учение Готшалка о предопределении. Готшалк поспешил вернуться в Фульду, где аббатом был тогда его друг Хатгон. Хотя прежде Готшалку удалось отстоять свою личную свободу, теперь ситуация изменилась: Рабан был одним из самых могущественных людей в империи, а Готшалк нищим монахом-скитальцем, к тому же одержимым еретическими идеями. Ирландец Иоанн Скотт Эриугена, являвшийся, без сомнения, наиболее выдающимся мыслителем IX в., к сожалению, был привлечён к организованной травле еретика.

1 октября 848 г. имперским сеймом, на котором председательствовал Людовик Немецкий и присутствовал Рабан, Готшалк «был изобличён и осуждён. После этого ему пришлось вернуться в главный город (*civitas*) его диоцеза, а именно в Реймс, где кафедре [архиепископа] занимал преподобный отец Гинкмар». О чём умолчали «Бертинские анналы», так это о том, что Готшалк был подвергнут публичной порке. Из Реймса он отправился в Орбе, где ожидал вызова в суд от Гинкмара, который стремился раз и навсегда разделаться с учением Готшалка. В марте 849 г. состоялся синод в Кьерси, что к северо-западу от Суассона. Вновь осуждённому Готшалку был вынесен «приговор, который заслужила его злокозненность. Самый ревностный защитник христианской

веры, король Карл [Лысый]... повелел Готшальку предстать перед ним. В назначенное время еретик был доставлен и подвергнут публичной порке, а книги с его учением были преданы огню»¹. Он был лишён сана и заточён в аббатстве Овилле.

Идеи Готшалька продолжали жить, и у него самого нашлись защитники. То тут, то там достоянием гласности становились сомнения в справедливости выдвинутых против Готшалька обвинений, однако более десяти лет Гинкмар стойко отбивался от нападков со стороны многих епископов, недовольных тем, как обошлись с Готшальком. Сам папа Николай I (858–867) вмешался в этот конфликт и в 863 г. распорядился, чтобы Готшальк и Гинкмар предстали перед двумя папскими легатами на соборе в Меце. Оробевший Гинкмар сообщил Николаю, что он слишком поздно получил папское послание, чтобы принять участие в работе собора и что, если папа желает судить Готшалька, он волен это сделать, если же захочет освободить, он, Гинкмар, не станет этому препятствовать. Однако за этим ничего не последовало; к тому времени, видимо, Готшальк впал в помешательство. Он умер в октябре 868 г., перед смертью умоляя о причастии, которого он был лишён на протяжении двадцати лет. Непреклонный Гинкмар соглашался допустить Готшалька к причастию только при условии его отречения от ереси. Готшальк отказался отречься и умер без покаяния. По словам Евгена Эвига, Готшальк являлся «выдающейся личностью, наделённой редкими дарованиями... Он был человеком необычайной внутренней силы... которая нашла своё выражение в его бессмертной поэзии»². Большая часть произведений Готшалька была утеряна. Лишь в 1931 г. учёный бенедиктинский монах Дом Жермен Морен обнаружил его сочинения в библиотеке Бонгара, находящейся в Бернском университете. Эти рукописи были опубликованы в 1945 г.

История Готшалька наглядно показывает огромное значение монашества в структуре европейского общества X в. В этом обществе бытовало представление о том, что монахи и монахини в своей земной жизни уподобляются святым, живущим на небесах. В самом деле, многие монахи, такие, как Рабан Мавр, были глубоко вовлечены в мирскую суету, хотя в основе монашеского идеала

¹ AB, 849, in Nelson, 67.

² Kempf. Age of Feudalism, P. 163.

лежал созерцательный образ жизни. И в то время как далеко не все монахи были образованными людьми, монастыри оставались центрами науки и образования. Монашество стояло вне подвижных границ королевств и выходило за пределы локальной политики периода раздробленности. Монастыри были маяками стабильности и просвещения в том политическом пространстве, для которого характерно отсутствие какого бы то ни было государственного единства.

Монашество не осталось в стороне от политических преобразований Карла Великого, который поручил монаху-аскету Бенедикту Анианскому (ок. 750–821) реформировать монастырские правила и распространить устав Святого Бенедикта Нурсийского на все монастыри в империи. Эта реформа явилась одним из самых значительных и прочных достижений императора, переживших его на века; в результате монашество стало той основой, на которой выросла культура не только X в., но и последующих столетий. Монашеская община (*familia*) предоставила людям той эпохи шанс преодолеть жёсткие сословные барьеры, стоявшие на пути выходцев из простонародья. Не все монахи были священниками; весьма многочисленное само по себе меньшинство было представлено обычными «братьями», не имевшими сана и не являвшимися клириками. Принадлежность к мужской или женской монашеской общине означала, что человек относится к той весьма немногочисленной элите, которую отличало умение читать и писать. Это обстоятельство надёжно гарантировало кров, пропитание и должный уход в случае болезни. Зачастую служащие монастырских лазаретов разбирались в лекарственных травах и терапии гораздо лучше мирских врачей. Монашеская жизнь обеспечивала систему основных социальных гарантий и играла роль стабилизатора, который сглаживал социальные противоречия. В иерархическом обществе монашество являлось той средой, где все были равны, а социальный статус, по крайней мере в теории, мало что значил. Тем не менее различия в социальном происхождении монахов с неизбежностью вели к разного рода конфликтам внутри монашеской общины (пример — история Готшалка).

Хотя большинство монахов рекрутировались из числа детей-облатов, некоторые приходили в монастырь уже в зрелом возрасте, имея за плечами более или менее продолжительную жизнь в миру. Большая часть выдающихся деятелей из числа монашествующих

принадлежала ко второй группе, тогда как монастырские учёные и хронисты были выходцами из первой, что отражало, без сомнения, существенные различия в становлении личности: облаты с младых ногтей воспитывались в тесных рамках монастырского пространства, получая при этом прекрасное образование, в то время как монахи, пришедшие в монастырь в зрелом возрасте, приносили с собой опыт взросления и возмужания в миру, обладая более широким кругозором. Порой мужчины приходили в монастырь, чтобы там умереть. Так, император Лотарь I стал монахом в аббатстве Прюм за шесть дней до смерти (сентябрь 855 г.). Дело в том, что удручённый болезнями человек, в конце жизни особенно нуждавшийся в уходе, обретал его, став монахом.

Говоря языком цифр, существовали крупные монастыри, такие, как Фульда, Горце и Корби, где временами насчитывалось до 300 монахов; аббатства среднего размера, в которых проживали от 70 до 100 насельников; наконец, небольшие обители, обычно насчитывавшие до 12 монашествующих. Как правило, монахам принадлежали все земли вокруг монастыря. В X в. эти владения были весьма небольшими; их едва хватало для пропитания монахов и крестьян, арендовавших землю у монастыря.

Все монастыри в Западной Европе были бенедиктинскими, жившими по уставу Святого Бенедикта Нурсийского (ок. 480–550). В соответствии с бенедиктинским уставом, монахи приносили обеты послушания (включая бедность и целомудрие), «оседлости» (хотя в эту эпоху было немало бродячих монахов) и «обращения сердца». Мы располагаем архитектурным планом идеальной обители, возможно, разработанным для монастыря Сен-Галлен и скорее всего воплощённым в Райхенау. Являясь образом Града Небесного на земле, план представляет собой «виллу» с математически точно рассчитанными пропорциями, стремящуюся к гармонии сфер, где предусмотрено всё необходимое для жизни. На плане мы видим жилые и хозяйственные помещения, предназначенные для 95 монахов и 12 послушников, а также каменную церковь и примыкающий к ней клуатр с аркадой. Над помещением с очагом располагалась спальня (повсеместный холод в зимнее время года представлял собой серьёзную проблему даже в так называемый «период оптимального климата», т.е. в IX–XII вв.); кроме того, здесь находились трапезная, кухни, винные погреба, лазарет, огород, школа, бани, уборная, монастырская гостиница и

рядом отдельное здание, в котором приезжие монахи могли спокойно поспать вдали от шумной суеты, возникавшей среди ночи по вине припоздавших путешественников. Согласно уставу святого Бенедикта, бедняка или странника следовало принимать как самого Христа, предоставляя ему кров и еду. На плане также показаны место для торговли с мастерскими ремесленников, жилыми помещениями для прислуги, скотный двор и фруктовый сад. Тепло и свет обеспечивались огнём в очаге и восковыми свечами.

Если социальная роль монастыря достаточно ясна, то каково же было его религиозное назначение? Во-первых, монахи и монахини жили в соответствии с религиозными предписаниями не только ради собственного спасения; их монашеская жизнь характеризовалась более широкими социальными, политическими и религиозными целями. Себя они рассматривали как «воинство Христово», для которого полем битвы являются сердца людей. Это то, что светскому сознанию труднее всего понять. Для людей X в. духовный мир был не менее (если не более) реален, чем окружающий мир: природа, политика, общественные отношения. Для этих людей защита и безопасность их сообщества зависела от молитв, строгой жизни и добрых дел монахов и монахинь передовой линии «бойцов духа», отражавших натиск сил зла и сатаны. Как свидетельствуют статуты большого аббатства в Винчестере, «аббат препоясан духовным оружием, подкреплённым фалангой монахов, которые наделены небесным даром защищать с помощью Христа короля и духовенство от тщетных ухищрений демонов»¹.

Кроме того, монахи исполняли епитимьи по искуплению чужих грехов. Церковная система наказаний предусматривала довольно тяжёлые епитимьи (обычно различные формы поста), в том числе и за коллективные грехи. Поскольку все люди грешны, их жизнь в течение длительного времени вполне могла быть ограничена какими-либо запретами, являя собой, по сути, одни бесконечные епитимьи. Однако этого не происходило, поскольку считалось, что кто-то мог исполнять епитимью за другого человека. Даже такой крайний ригорист, как Пьетро Дамиани, говорит: «Когда священники налагают епитимью на некоторых грешников, порой они

¹ *Liber Vitae*. Register and Martyrology of New Minster and Hyde Abbey, Winchester, ed. Walter de Gray Birch (London: Simpkin, 1892). P. 241–242, author trans.

назначают определённую сумму денег за несоблюдение постов в течение года, так что те, кто страшится длительного воздержания, могут искупить свои прегрешения милостыней»¹. В этом смысле вся жизнь монаха была одной сплошной епитимьей за чужие грехи. Монахи исполняли епитимьи посредством *Opus Dei*, Божьего дела, состоявшего из слушания мессы и пения псалмов семь раз в день, а также учёных занятий, тяжёлого физического труда и, помимо всего прочего, послушания. Изначально святой Бенедикт предполагал, что подавляющее число монахов будет происходить из мирян, однако к X в. большая часть монахов имели священнический сан, поскольку в то время как «молитвы всех верующих хороши, но лучшие — это те молитвы, которые возносят во время мессы монашествующие священники»². Особенно это относилось к панихидам.

Это обстоятельство объясняет, почему короли и магнаты постоянно основывали монастыри и откуда возникла такая заинтересованность в продолжении реформирования монашеской жизни. Обычные монахи и монахини видели, как деньги вторгаются в религиозную жизнь, так что всегда существовал соблазн купить себе освобождение от наиболее строгих предписаний монастырского устава. Мы уже наблюдали коррупцию в монастырях, находившихся в самом Риме, а также на территории Патримония Святого Петра (таких, как Фарфа). Именно поэтому к началу X в. возникла потребность в *semper reformanda*, «непрерывном реформировании»; это был обращённый к монашеству призыв вернуться к изначальному бенедиктинскому идеалу. В Лотарингии такие обители, как Горце близ Меца, аббатства Трира и Айнзидельна в Швейцарии, стали центрами реформы; в Западно-Франкском королевстве эту роль исполняли аббатства Флёри и Ключи. В Англии видным реформатором монашества стал святой Дунстан. По мнению Джеффри Барраклу, «трудно переоценить важность этих реформаторских течений в изменении настроений в обществе». Он считает, что «возрождённое монашество сводило на нет значение региональных различий и подготавливало создание единой цивилизации» и «общего чувства идентичности». Кроме того, ре-

¹ Pietro Damiani. Epistolarum libri octo, Liber V, esp. VIII, in *PL*. P. 144, 351, author trans.

² Fichtenau. Living in the Tenth Century. P. 276.

формы стимулировали развитие литературы и искусства¹. Эти реформаторские течения получили весьма широкое распространение, тем самым повсеместно внедряя те идеи и культуру, которые стали основополагающими в процессе эволюции Запада.

Вне всякого сомнения, наиболее значительная из этих реформ зародилась в аббатстве Ключни в Южной Бургундии. Одна из проблем, с которыми сталкивались монастыри, заключалась в том, что зачастую их основывали светские магнаты, рассчитывавшие на то, что эти монашеские общины будут возносить молитвы и служить обедни за здоровье или за упокой как их самих, так и членов их кланов. Другая проблема состояла в том, что те, кто передал монастырю земельный надел или иное имущество в качестве вклада, естественным образом считали себя их владельцами. Мирская собственность стала одним из проклятий церкви и монашеской жизни. Зачастую худшие беды для монастыря проистекали от потомков его основателя. Те считали, что имеют полное право вмешиваться в жизнь монастыря, назначая аббатами мирян или лиц, которые даже не жили в монастыре. В большинстве своём эти люди были членами феодальных кланов; все они становились аббатами с целью обеспечения контроля над монастырскими доходами и земельными владениями, что, безусловно, ослабляло приверженность монахов к уставу. В результате социального кризиса в конце IX в. стандарты монашеской жизни и соблюдение устава существенно снизились. Многие монастыри были разрушены, и контроль светских властителей над духовной жизнью распространился повсеместно.

Ситуацию коренным образом изменила ключнийская реформа. Основанное в 910 г. в широкой долине, окаймлённой поросшими лесом холмами, аббатство Ключни было расположено в любимых охотничьих угодьях Гильома I Благочестивого (875–918), герцога Аквитании и графа Оверни. Под влиянием своей жены Ангельберги Гильом подарил участок земли аббату Бернону из Бом (совр. местечко Бом-ле-Мессьё), стороннику церковной реформы в духе святого Бенедикта Анианского. Бернон сплотил вокруг себя братию из 12 монахов, и 11 сентября 910 г. герцог Гильом издал хартию о создании аббатства Ключни «с двором и земельным владением и церковью... вместе со всеми вещами, принадлежащими к ней, до-

¹ Barraclough. Crucible of Europe. P. 154.

мами, часовнями, крестьянами обоих полов, виноградниками, пашнями, лугами, лесами, водоёмами, доходами и приходами... полностью и без изъятия». Согласно тексту «Хартии Ключни», Гильом полагал, что Бог «предоставил возможность богатым людям, благодаря правильному использованию их временных богатств, стяжать для себя вечную награду». Поэтому он желал бы вернуть «некоторую часть [Богу] ради спасения моей души». Монастырь был посвящён святым Петру и Павлу: «Монахи сойдутся и будут жить здесь в соответствии с уставом Святого Бенедикта, и всё это время они будут владеть и пользоваться указанными вещами». После смерти Бернона «означенные монахи будут иметь власть и полномочия, чтобы избрать любого из своей среды... на должность аббата». «Хартия» передавала монастырь непосредственно под покровительство папства.

Чтобы обеспечить будущее монастырской братии, Гильом постановил, что «ни один из светских князей, ни один граф, ни один епископ и даже ни один понтифик вышеупомянутого римского престола не должен покушаться на собственность этих слуг Божьих, или отчуждать её, или ущемлять её, или обменивать её, или передавать её кому-либо в качестве бенефиция, или ставить над ними какого бы то ни было прелата против их воли»¹. Другими словами, Ключнийское аббатство освобождалось от любой церковной или светской власти и должно было подчиняться непосредственно Риму, который был далеко и в ту эпоху, как мы видели, не пользовался особым влиянием. Папа Иоанн X в 928 г. принял Ключни под своё покровительство, а в марте 931 г. Иоанн XI подтвердил «свободу, блага и привилегии» аббатства. Означенные привилегии были подтверждены и последующими папами, а в 999 г. Григорий V (996–999) даровал Ключни полное освобождение от контроля со стороны епископата. Лишь аббат имел право приглашать епископов в Ключни отслужить торжественную мессу или рукоположить в сан кого-либо из монахов².

С самого начала Ключнийское аббатство процветало благодаря сильной и эффективной власти. Бернон строго следил за соблюдением устава; после смерти Бернона в 927 г. аббатом стал его ученик Одон. Право аббата назначать себе преемника в Ключни

¹ *Charter of Cluny*, in Ogg, *Source Book*. P. 247-249.

² *Jaffe. Regesta Pontificum*. P. 452, 454, 494.

превратилось в норму, обеспечившую преемственность (даже не смотря на то, что это право сводило на нет обещание, данное Гильомом в «Хартии», что монахи смогут сами выбирать себе аббата). Являвшийся насельником монастыря с самого его основания, Одон был аббатом в 927–942 гг. Человек по натуре гибкий, щедро благотворивший бедным и отверженным, он установил высокий стандарт монашеской жизни, требуя от братии соблюдения обетов молчания, целомудрия, простоты, а также постоянного молитвенного бдения и пения псалмов во время богослужений. Если говорить об основном наполнении монашеской жизни, то в Ключни литургическая практика получила приоритет перед тяжёлым физическим трудом.

Успех реформирования Ключнийского аббатства вдохновил Одона на попытку распространения реформы на более широкое монашеское сообщество. Приглашённый Альбериком II заняться реформированием местных монастырей, Одон после 936 г. шесть раз приезжал в Рим; обосновавшись в базилике Сан-Паоло-Фуори-ле-Мура, он стал приором для всех монастырей в Патримонии Святого Петра. Несмотря на то что визиты Одона были слишком непродолжительными, чтобы достигнуть значительных результатов, он сумел убедить большинство монастырей Патримония присоединиться к принятому в Ключни строгому следованию бенедиктинскому уставу. Реформа так же быстро распространилась среди монастырей Бургундии и Южной Франции. Многие монахи сами приезжали в Ключни, и вскоре движение стало напоминать современную церковную организацию с подчинёнными общинами, созданными в русле ключнийской традиции под надзором приора, ответственного перед аббатом Ключни. Сегодня в Южной Бургундии повсеместно встречаются храмы, многие из которых были построены в ключнийском стиле уроженцами Ломбардии (Северная Италия), а также монастырские поместья, которые становились собственностью аббатства по мере роста его богатства и влияния. Значение этих поместий трудно переоценить: ключнийские аббаты уделяли большое внимание управлению хозяйством и обретению гарантий от финансового вмешательства со стороны светских властей и епископата.

Ключнийское аббатство сохраняло за собой лидерство в деле реформирования монашеской жизни на протяжении многих лет. Преемники аббата Одона были не только людьми святой жизни,

но и способными администраторами, поэтому их часто приглашали в другие монастыри для оказания содействия их реформированию. Отличавшегося смирением и личной скромностью Одона не раз призывали помочь в урегулировании политических конфликтов (например, спора между королём Гуго и Альбериком II в Риме). Кроме того, Одон нашёл сторонников при дворе бургундского короля Рудольфа II (912–937), и в 929 г. внучатая тётка принцессы Адельгейды (будущей императрицы), дочери Рудольфа II, поручила ему реформировать монастырь в Роменмотье (ныне находится на территории Швейцарии). Одон установил тесные контакты с императрицей Адельгейдой, сохранявшиеся до самой его смерти; один из преемников Одона, аббат Одилон, впоследствии написал её биографию, выдержанную в апологетических тонах. Под руководством Одона были реформированы и другие крупные монастыри, такие, как Флёри-сюр-Луар близ Лиможа и Сен-Жюльен в Туре. В 942 г. Одона сменил Аймард, по причине слепоты в 948 г. передавший свой пост Майолу, бывшему архидиакону Макона.

Будучи прекрасно образованным человеком, Майоль выполнял дипломатические поручения и пользовался в Бургундском королевстве значительным влиянием. Его длительное аббатское служение (948–992 гг. Некоторые датируют избрание Майоля 965 г., когда умер Аймард) и продолжительные контакты с императрицей Адельгейдой в дальнейшем обусловили немалый вес Ключийского аббатства в верхних эшелонах власти при Оттонах. Отгон I, Оттон II и Адельгейда неоднократно призывали Майоля для разрешения спорных ситуаций, как политических, так и церковных. В то время как множество аббатств во Франции и Италии перешли в подчинение Ключи, чтобы ключийский аббат реформировал их напрямую, в большинстве своём блестящие результаты Ключи при Майоле были достигнуты скорее благодаря примеру, чем прямой юрисдикции. В 972 г. Майоль был захвачен в плен сарацинами, когда он со спутниками пересекал перевал Большой Сен-Бернар в Альпах. Майоля освободили за выкуп. В должности аббата его сменил Одилон, пристрастный биограф Адельгейды.

Низкорослый смиренный человек с железной волей, Одилон был аббатом в 994–1048 гг. Он был погружён в заботы о бедных; в 1033 г., во время страшного голода, последовавшего за пятью годами неурожая, Одилон велел переплавить и продать дорогие

вещи из ризницы Клюни, чтобы оказать помощь голодающим. Кроме того, он стоял у истоков движения, известного как «Мир Божий» и созданного с целью прекратить феодальные усобицы. Молитва за умерших была одним из главных оправданий монашеской жизни, и в Клюни серьёзно относились к этой обязанности. Одилон ввёл особый день поминовения усопших членов монашеской общины, жертвователей и всех почивших христиан. «Космический всеобъемлющий масштаб этого проекта потрясает»¹. Католики до сих пор празднуют 1 ноября — День Всех Святых. Постоянная борьба с демонами и их происками как в душе человека, так и в его повседневной жизни также являлась составной частью клюнийского проекта.

Одилон оказал немалое влияние на средневековую религиозную мысль, привлекая внимание верующих к теме воплощения и человеческой природы Христа, а также роли Девы Марии; таким образом, в духовной жизни той эпохи наметился резкий поворот от акцентирования в образе Христа того, что Фридрих Хеер называл «Богом силы», к установлению более субъективной, личной связи с Христом в любви и вере². По приглашению Оттона III Одилон продолжил труды Одона по реформированию монастырей Патримония Святого Петра, включая аббатство Фарфу, которое следовало клюнийской практике, сохраняя за собой собственную юрисдикцию. Фарфа и сегодня является действующим монастырём.

Именно Одилон сплотил клюнийские братства в чётко структурированную систему. Он сделал это как по экономическим соображениям, так и исходя из интересов церковной жизни. С экономической точки зрения его целью, как пишет Фридрих Кемпф, было «избежать дробления собственности, которое началось во Франции и Италии в конце X в.» и могло негативно сказаться на экономической самодостаточности клюнийской системы. С точки зрения интересов церковной жизни, система инкорпорировала монастыри в самых разных регионах, приведя их «под юрисдикцию [клюнийского] аббата посредством пастьерских визитов и другими

¹ *Michael E. Hoenicke Moore. Demons and the Battle for Souls at Cluny, Studies in Religion* 32 (2003). P. 490.

² *Friedrich Heer. The Medieval World: Europe from 1100 to 1350* (London: Sphere Books, 1974). P. 50.

способами»¹. Марсель Пако считает, что Одилон ввёл в Ключни модель управления, которая в своей основе несла попытку «адаптации к феодальному обществу»².

Что же это значило: быть монахом Ключни при Одилоне? Типичный монах, давайте назовём его «брат Эбл», поступал в монастырь в зрелом возрасте. Он уже имел сан священника, а значит, был начитанным, образованным человеком и знал латынь. Когда он прибывал в Ключни, ему предстояло вступить в новициат, где послушник должен был пройти основные ступени обучения как монах. Новициат был, в известном смысле, учебным лагерем для новобранцев. В рамках новициата послушнику предстояло познакомиться с другими людьми зрелого возраста, такими же, как и он сам, а также с юношами, которые поступали в монастырь в качестве облатов (как Готшалк) и получали свою образовательную базу в монастыре ещё в подростковом возрасте. Этим молодым людям разрешалось поступить в новициат из монастырской школы по достижении ими 15 лет. Сегодня этот возраст может показаться нам слишком юным, однако надлежит учесть малую продолжительность жизни в те времена и то обстоятельство, что совершеннолетие наступало тогда в 15 лет, поэтому означенный возраст не считался слишком ранним для того, чтобы стать монахом. Наконец, в X в. господствовало убеждение, что девушки достигают половой зрелости в подростковом возрасте, когда им едва исполняется 12 или 13 лет. Во время своего новициата Эбл должен был хорошенько запомнить непростые составляющие ключнийского распорядка, включая язык жестов, который использовался во время *magnum silentium*, «великого молчания» в ночи, и других периодов, когда монахи не имели права разговаривать друг с другом. Кроме того, Эбл должен был знать ключнийскую интерпретацию устава Святого Бенедикта и путанные тонкости литургической практики.

По прошествии 12 месяцев, возможно, даже более короткого срока, поскольку Эбл уже имел священнический сан, аббат и братья должны были поставить на голосование вопрос о его принятии в монастырь, и Эблу предстояло дать монашеские обеты во время общей мессы: обеты *stabilitas loci* («оседлости»), *conversio morum*

¹ Kempf. Age of Feudalism. P. 335–336.

² Marcel Pacaut. L'Ordre de Cluny (Paris: Fayard, 1986). P. 73.

(«обращения сердца», что включало бедность и целомудрие) и послушания уставу. Отныне брат Эбл мог носить одеяние монаха. Как справедливо говорится в 55-й главе устава Святого Бенедикта, «пусть одежда будет дана братьям в зависимости от условий места и климата, в котором они живут». Эбл, вероятно, носил нижнее бельё, состоявшее из свободных льняных подштанников или коротких штанов, которые поддерживались верёвкой, затянутой на талии. Поверх основной одежды он носил длинную шерстяную рясу, перетянутую на талии поясом, а поверх неё скапуляр, закрывавший плечи и спускавшийся до пят. И ряса, и скапуляр были чёрного цвета. Эбл также должен был носить носки, туфли, зимние ботинки, шерстяные перчатки, а также длинную мантилью из овечьей шерсти и капюшон зимой. Монашескую одежду стирали еженедельно. У монаха также должны были быть таблички для письма, стило, деревянный гребень, нож, чтобы резать пищу, а также иголки и нитки. Подобно всем монахам, Эбл был гладко выбрит и носил широкую тонзуру. Наконец, он мог рассчитывать ежедневно на две плотные трапезы, которые, правда, обходились без мяса. Монаху обеспечивались качественная медицинская помощь и хороший уход в больнице в том случае, если он заболел. В целом, для крестьянского сына в X в. это была очень даже неплохая жизнь!

Безусловно, Эбл ощутил призвание к монашеской жизни, поскольку она означала прообраз Града Небесного на земле. Клунийский монах жил для того, чтобы постоянно возносить хвалы Господу, как делали это ангелы на небесах. Братия отныне являлась его «совершенной» семьёй в том смысле, что она была заботливо организована в соответствии с бенедиктинским уставом. Это была семья со своей иерархией; она управлялась аббатом, которому помогал приор, направлявший повседневное течение монашеской жизни. Не будем забывать, что Эбл был рождён в иерархической культуре; для него земная иерархия являлась отражением ангельской иерархии на небесах.

Жизнь подчинялась строгим правилам, и даже самые незначительные нарушения устава разбирались на ежедневных собраниях братии. Наказания за самые мелкие проступки и нерадивость были весьма суровыми (в частности, битьё розгами). В случае серьёзных нарушений, таких, как драка, отлучка без разрешения, разговор с женщиной, пьянство, богохульство и ругань, наказание было

более продолжительным и суровым и могло выражаться в изгнании из монастыря, унижении, порке и тюремном заключении. Это была жизнь не для слабонервных! Собственность монаха была сведена к минимуму. Эбл спал в собственной кровати в общей спальне. К тому времени, когда он поступил в Ключи, т.е. в конце IX в., присущее каролингской эпохе акцентирование мужской дружбы уступило место более пуританским отношениям и молчаливому страху перед гомосексуализмом. Личные отношения между монахами подвергались гораздо большему ограничению, чем прежде. Недостаток личного пространства сегодня мог бы показаться нам недопустимым, однако понятия о личном, каким мы его знаем, в те времена просто не существовало. Кроме того, поскольку жизнь в те времена была чересчур опасной, большинство людей ощущали себя в тем большей безопасности, чем ближе друг к другу они находились.

Обстоятельство, которому Эбл должен был быть признателен в высшей степени, заключалось в том, что строгая литургическая практика в Ключи заменила ту приверженность тяжёлому физическому труду, которая характеризовала традиционное монашеское общежитие в соответствии с бенедиктинским уставом. Отныне Эбл проводил большую часть своего времени в капелле, исполняя предписанные уставом циклы псалмов, читая Священное Писание и молитвы, которые были разделены на девять частей, или «часов», как они назывались. Это был строгий режим. Летом монахи вставали задолго до рассвета, зимой в два часа ночи (дефицит сна отчасти компенсировался послеполуденным отдыхом) для исполнения псалмов, чтения священных текстов и заупокойных молитв, вслед за чем наступал короткий сон, после которого на рассвете они вновь вставали на заутреню петь антифоны и псалмы, читать Священное Писание и молитвы. Время молитвенного бдения наступало в первом, третьем, шестом и девятом часу, когда монахи пели антифоны, псалмы и молитвы; последние исполнялись с интервалами в три часа. Приватная, а затем и общая мессы служились в эти часы. На закате служили вечерню, а с наступлением ночи повечерие. Ежедневно Эбл исполнял 138 псалмов. По праздничным дням к этому добавлялись процессии, дополнительные молитвы и литании. Большая часть времени бодрствования Эбла уходила на исполнение этих литургических обязанностей. За побудку монахов в Ключи отвечал

ризничий; поскольку никаких часов у него не было, ему приходилось определять время для ночных служб по небу или по звёздам (если он мог их видеть). Это должна была быть очень первичная работа!

Таков был круг ежедневных обязанностей Эбла на всю его оставшуюся жизнь. Свободное время он мог посвятить науке, приватной молитве и переписыванию манускриптов. Временами в этом размеренном образе жизни случались перерывы, когда монаху приходилось отлучиться из монастыря по какой-либо причине, связанной с церковными нуждами. Фактически жизнь Эбла была, пожалуй, менее тягостной, чем это кажется на бумаге; несомненно, монахи путешествовали по Европе по самым разным причинам. В то время как средняя продолжительность жизни обычных людей составляла 30 с небольшим лет, она была скорее всего значительно больше у монахов, которые вели упорядоченную жизнь в условиях хорошего питания и качественного лечения. Кроме того, в целом они были ограждены от непрерывных войн, в которых получало ранения и погибало такое множество людей. Не все монахи пели в хоре, как Эбл. Некоторые из них были освобождены от участия в ряде богослужений по причине их занятости в монастырском хозяйстве, имеется в виду приготовление пищи, стирка, решение хозяйственных вопросов с крестьянами, работавшими на монастырских землях, закупка материалов, в которых нуждался монастырь, а также продажа излишков. Всё это предполагало расширение контактов с внешним миром.

Клюнийское аббатство являлось основным центром церковной реформы в XI в. Но были и другие центры. Святой Ромуальд Равеннский (около 950–1027) поступил в реформированное по клюнийскому образцу аббатство Сант-Аполлинаре-ин-Класе близ Равенны в знак покаяния, после того как его отец убил наединке своего родственника. Неудовлетворённый порядками в Сант-Аполлинаре-ин-Класе, Ромуальд удалился в болотистую местность в долине По, где поселился в уединении и стал вести жизнь, полную самого строгого аскетизма. Пребывавший в сомнениях и печали юный император Оттон III навестил его здесь, ища у святого утешения и наставления. Изучение Ромуальдом опыта святых отцов-пустынников, раннехристианских отшельников Египта и Сирии убедило его в том, что уединение и строгий аскетизм явля-

ются идеальной формой монашеской жизни. Покинув болота По, Ромуальд в течение почти 30 лет странствовал по Италии, основывая монастыри и скиты. Из них наиболее значительными были Фонте-Авеллана (1012 г.) и Камальдоли (1023 г.), расположенные в поросших лесом горах над Ареццо. Оба монастыря являются действующими и сегодня.

Одним из учеников Ромуальда был Пьетро Дамиани (1007–1072), который, в 1035 г. вступив в основанный Ромуальдом монастырь Фонте-Авеллана, с тех пор вёл жизнь, исполненную крайнего аскетизма. Он прославился своими выступлениями против мирского «многословия» в среде клириков и монахов. В унисон с другими известными аскетами того времени Дамиани в своей «*Liber Gomorrhianus*» («Книга Гоморры») обличал распространившуюся в среде духовенства терпимость к гомосексуальным отношениям. Даже если мы предположим, что во времена Дамиани сильные выражения с драматическими интонациями были в порядке вещей, в ламентациях Пьетро на темы нравственности есть что-то истерическое, ведь в своей книге он представляет гомосексуальные отношения как своего рода эпидемию, распространившуюся в среде монахов и клириков, особенно между юными монахами и их духовными «отцами», или наставниками. Он делит «эту форму преступной склонности» на четыре категории: «Некоторые грешат наедине с собой; иные мастурбируют, «помогая» друг другу... другие блудят чреслами [когда один «партнёр» помещает свой детородный орган между бёдрами другого]... прочие же совершают противоестественный акт [речь идёт об анальном сексе]». Он заходит настолько далеко, что заявляет: «Мне кажется, что скорее можно простить гнусное грехопадение со скотом, нежели с мужчиной»¹. Подобная лексика кажется нам отвратительной, поскольку мы рассматриваем сексуальные контакты в их непосредственной связи с любовью и глубоко интимными переживаниями, в то время как Дамиани и его современники рассматривали секс исключительно с точки зрения воспроизводства. Поэтому для Дамиани «содомия», как он называет гомосексуальные контакты, представляла собой эротизм в чистом виде без возможности вос-

¹ *Pietro Damiani. Liber Gomorrhianus*, chaps. I, VI, in Pierre J. Payer, trans., *Book of Gomorrah: An Eleventh-Century Treatise Against Clerical Homosexual Practices* (Waterloo, ON: Wilfred Laurier University Press, 1982). P. 29, 42.

производства, который как таковой противоречил естественному порядку вещей, установленному Богом.

Несмотря на писания Дамиани, именно реформа монашества создавала основу и импульс для самого широкого реформирования в культурной, духовной и церковной сферах, развернувшегося в Западной Европе во второй половине X в. Выдающиеся монахи, как мы видели, становились значительными фигурами в политической и церковной жизни. Клонийское аббатство существовало вплоть до начала Великой французской революции, когда революционные власти сперва наложили арест на монастырские здания, а затем продали их по сходной цене некоему предприимчивому дельцу из Макона, который использовал величественное аббатство как каменоломню.

Испытываешь подлинное облегчение, когда покидаешь в значительной степени порочный мир Дамиани с его нравственным пессимизмом и вступаешь в гораздо более человеческий мир обитательниц женских монастырей. Пожалуй, самой известной монахиней того времени была Гросвита Гандерсгеймская, первая в Европе женщина-драматург. Всё, что мы о ней знаем, проистекает из её собственных произведений. Появившись на свет около 935 г. в знатной саксонской семье, она поступила в монастырь Гандерсгейм в Нижней Саксонии то ли ещё ребёнком, то ли когда ей было уже немного за двадцать. Гросвита была представительницей того интеллектуального ренессанса, который имел место в период правления трёх Оттонов. Другим известным писателем того времени был Лиутпранд Кремонский; величайший учёный и эрудит эпохи, Герберт Орильякский (папа Сильвестр II), также являлся «продуктом» этого периода. Кроме того, оттонианский ренессанс проявился в изобразительном искусстве, архитектуре и создании иллюстрированных манускриптов. В основе всего этого лежали последовательная политическая теория и упорядоченная система имперского управления. Живя в условиях оттонианского ренессанса, Гросвита изучала Вергилия, Теренция, Овидия и других латинских классиков, равно как и раннехристианских писателей, философов, таких, как Боэций, музыку, богословские труды и математику. По словам Гросвиты, она была широко образована «благодаря попечению нашей мудрой и доброй наставницы Рихарды и иных, что учили меня помимо неё; наконец, благодаря... королевской [аббатисе] Герберге... которая обучала меня знанию

всех тех авторов, которых она сама изучала под руководством своих учёных наставников»¹.

Аббатиса Герберга, управлявшая Гандерсгеймом в 949–1001 гг., была племянницей Оттона I и кузиной Оттона II. Основанный в 852 г. дедом Генриха Птицелова, Гандерсгейм был королевским монастырём. Он был тесно связан с династией Оттонов вплоть до 947 г., когда Оттон I даровал аббатисе иммунитет с правом содержать свой собственный двор и войска для защиты аббатства, чеканить свою собственную монету и участвовать в работе имперского сейма. Герберга первая воспользовалась этими привилегиями в полном объёме.

Формально Гросвита была канониссой. Это означает, что она не являлась монахиней с точки зрения бенедиктинской традиции. Гросвита дала обеты целомудрия и послушания, но не бедности. Она могла владеть личными вещами и иметь своё собственное жильё и слуг. Чем отличались канониссы от монахинь, трудно сказать. Как пишет исследовательница места и роли женщин в церковной жизни Джо Энн Кей Макнамара, «современные историки испытывают серьёзные затруднения, пытаясь установить различия между «канониссами» и «благочестивыми сёстрами» [т.е. монахинями или теми, кого мы сегодня называем монахинями], в то время как наши источники вовсе не освещают этот предмет, а всему тому, что имеет отношение к культу, как кажется, зачастую вообще избегают давать чёткие дефиниции»². Для этих знатных, свободных женщин было важно сохранять подвижными границы своего статуса, так что они не были связаны религиозными ограничениями вследствие пожизненных обетов. Сами канониссы считали, что они не являются монахинями, и это позволяло им заниматься благотворительной деятельностью вне стен монастыря. Принесённые ими обеты целомудрия не были пожизненными, поэтому теоретически они сохраняли возможность выйти замуж.

Гросвита в полной мере использовала своё образование. Она была драматургом, историком и поэтом, написала шесть пьес в подражание древнеримскому драматургу Публию Теренцию Аф-

¹ *Anne Lyon Haight. Hroswitha of Gandersheim: Her Life, Times, and Works* (New York: Hroswitha Club, 1965). P. 14.

² *McNamara. Sisters*. P. 178–179.

ру, чьи пьесы были созданы в 166–160 гг. до н.э. Кроме того, Гросвита написала дактилическим гекзаметром, размером классической поэзии, восемь поэм, посвящённых житиям святых, две исторические поэмы, одну о деяниях Оттона I («*Carmen de gestis Ottonis imperatoris*») и другую, посвящённую истории её монастыря, а также одну небольшую поэму, все на латыни. Всю свою жизнь Гросвита провела в Гандерсгейме и, вероятно, немного не дожидаясь конца тысячелетия. Её произведения пребывали во мраке забвения вплоть до конца XV в., когда они были обнаружены в Регенсбурге; есть свидетельства, что эти произведения в XI–XII вв. вдохновили других монахинь-драматургов. В одной из её поэм описывается жизнь Святого Пелагия, молодого католика, оказавшегося заложником в мусульманской Испании, с которым халиф Абд ар-Рахман III пожелал вступить в гомосексуальную связь. Гросвита, которая, видимо, почерпнула свои сведения от подлинного свидетеля тех событий, даёт понять, что настоящий грех заключается скорее в сексуальном контакте между крещёным христианином и некрещёным мусульманином, нежели в половом акте как таковом. Как пишет Гросвита, Пелагий заявил халифу:

Не должен христианин, принявший святое миропомазание,
Принимать поцелуй от раба мерзкого демона¹.

Пьесы Гросвиты, хотя и написанные в стиле Теренция, представляют собой целомудренную альтернативу явной сексуальной подоплёке пьес Теренция. Как она пишет, «я, громкий глас Гандерсгейма, не побоялась подражать в своих писаниях поэту, чьи сочинения читаются повсюду; моей целью было прославить... похвальную чистоту христианских дев в той же стихотворной форме, которую [Теренций] использовал, чтобы описать бесстыдные деяния распущенных женщин». Гросвита признаёт, что «покраснела от стыда», когда ей пришлось описывать «отвратительное неистовство этих женщин, одержимых беззаконной любовью и обманчивой сладостью страсти чувствами, которые в нашей среде не стоит даже называть»². Однако на этом она не останавливается. В двух её пьесах их героини-блудницы раскаиваются и начинают вести

¹ Boswell. Christianity. P. 199.

² Haight. Hroswitha. P. 21.

аскетический образ жизни; так Гросвита изображает силу женского характера. В других пьесах она обращается к теме женской слабости, одолевающей мужскую силу; так, например, она восхваляет мужество женщин, противостоявших могуществу римского императора-язычника. Таким образом, описывая поступки женщин, Гросвита фактически предлагает свой взгляд на проблему, альтернативный по отношению к взгляду клириков-женоненавистников вроде Лиутпранда, Ратера Веронского и Атто из Верчелли, низводивших женщин до положения искусительниц доверчивых мужчин и нечистых существ, которые не смеют прикоснуться ни к одной святыне. Гросвита пользовалась влиянием при дворе: Оттон II поручил ей сочинить эпическую поэму в честь его отца; наконец, неизменная покровительница Гросвиты, аббатиса Герберга, попросила её написать историю Гандерсгейма.

Впрочем, в женском монастыре жили не одни лишь канониссы. Кроме них, там жили монахини, которых отличал весьма строгий образ жизни в соответствии с бенедиктинским уставом; подобно монахам, они были обязаны исполнять песнопения во время богослужений и свято хранить обеты оседлости и бедности. Изначально женщина просто приносила обет перед аббатисой и надевала монашеское покрывало. Однако этот обряд стал более сложным, когда монахинь начали рассматривать как «невест Христовых». К X в. ритуал настолько эволюционировал, что включал даже «посаженного отца», который «выдавал замуж» будущую монахиню во время мессы. Покрывало монахини и кольцо, символы её обручения с Христом, многократно благословлялись аббатисой. Иногда этот обряд называли *castimonia*, что означает «целомудренный брак», рассматривая обет целомудрия как своеобразную аналогию бракосочетания. Современники видели в этом не эротическую фантазию, а законную связь. «Если бенедиктинские реформаторы предпочитали рассматривать монахинь как чистых и непорочных «Христовых невест», канониссы были склонны понимать «целомудренный брак» скорее как чисто бытовой институт домоводства и гостеприимства. Они непрерывно творили молитвы... но делали это в суете и суматохе повседневной жизни»¹.

Между тем число монастырей возрастало, поскольку женщины из высшего общества, обладавшие собственностью, на которую

¹ McNamara. Sisters. P. 195.

посягали феодальные хищники, основывали монашеские общины, чтобы защитить себя и других. В X в. могущество аббатис зиждилось не только на их правовом статусе, но и на том обстоятельстве, что их посвящали в духовный сан. Исследователь женского священства Гэри Мэйси убедительно показал, что аббатисы не просто «назначались» на должность; они действительно посвящались в сан. Он приводит в качестве примера несколько церемоний посвящения аббатис и показывает, что эти женщины на деле исполняли функции священников и, в частности, исповедовали и благословляли верующих как в своих обителях, так и порой в зависимых от них землях. Аббатисы обладали, как минимум, статусом посвящённых в сан диаконисс в раннехристианской церкви. Мэйси приходит к однозначному выводу: «Во-первых, и это самое важное, в раннем Средневековье женщины посвящались в духовный сан. В соответствии с тем пониманием таинства священства, которое бытовало у них и их современников, женщин столь же правомерно посвящали в сан, как и любого епископа, священника или диакона... Далее, клир, к которому принадлежали эти женщины, осуществлял ритуальные действия, которые традиционно были закреплены лишь за мужскими представителями диаконата и священства»¹.

Всё это справедливо в отношении уехавших в монастырь представительниц Саксонской королевской династии. Это были женщины, привыкшие повелевать и считавшие себя равными епископам, а потому свысока смотревшие на местных священников. В качестве примера можно привести Матильду, аббатису Кведлинбурга. Она была дочерью Оттона I и внучкой Матильды фон Рингельгейм, жены Генриха Птицелова, которая основала монастырь, чтобы его обитательницы молились о душе её мужа. Находящийся на расстоянии немногим более 30 миль (ок. 50 км) от Магдебурга, Кведлинбург расположен в местности к северо-востоку от гор Гарца и западнее Эльбы, в родовой области династии Оттонов. Они возвращались сюда по самым разным семейным поводам, а также для празднования Рождества и Пасхи. Оттон I и его первая жена, Эдит (Идгит), были погребены в соборе Магдебурга, а королева Матильда, жена Генриха Птицелова, была похоронена рядом с мужем в Кведлинбурге в 968 г. Придворный жен-

¹ Masy. Women's Ordination. P. 86.

ский монастырь здесь был построен для канонисс на холме, окружённом плодородными землями Северо-Германской низменности.

Аббатиса Матильда была незаурядной личностью. Младшая дочь Оттона I и близкая подруга Феофано, она стала аббатисой в апреле 966 г. в возрасте 11 лет и впоследствии зарекомендовала себя как женщина выдающихся способностей. Осуществляя власть сродни епископской, она вела себя как полновластный регент в Германии, когда её брат Оттон II в 980 г. уехал в Италию. В лучших традициях женщин из династии Оттонов Матильда успешно достигала желаемого посредством скорее молитвы и убеждения, нежели насилия. Она приложила максимум усилий к тому, чтобы вернуть малолетнего императора Оттона III его матери, Феофано, после того как он был похищен Генрихом Сварливым. По сути дела, её главное достижение заключалось в создании небольшого монастырского государства, которое сохраняло независимость на протяжении 800 лет, вплоть до 1802 г., когда оно было ликвидировано Наполеоном.

Близ Кведлинбурга находится Гернроде, ещё один монастырь канонисс; эта обитель была основана маркграфом Героном, зависимость от которого Оттон I ощущал всякий раз, когда ему приходилось думать о защите восточных границ империи, а также о покорении и обращении в христианство славянских племён. Изначально Гернроде представлял собой крепость, которая носила имя Герона и была возведена в лесной просеке. После смерти своего единственного сына Герон отправился в паломничество в Рим и вернулся с мощами Святого Кириака, христианского мученика, погибшего в период гонений на христиан при императоре Диоклетиане в начале IV в. Основанный Героном монастырь был посвящён памяти святого и процветал на протяжении следующих двух столетий. До наших дней сохранился монастырский собор, представляющий собой один из лучших в Германии образцов оттониианского стиля в архитектуре. Начатый в 959 г. собор был завершён к 1014 г.

В большинстве своём монастыри были небольшими, в них проживали, вероятно, от 10 до 12 монахинь, причём в самых крупных обителях насчитывалось менее сотни насельниц. Как кажется, в IX–X вв. имело место очевидное уменьшение числа благочестивых женщин, и число это стало расти только в XI в. За исключением более крупных королевских монастырей в Германии, большинство обителей были бедными, их владения небольшими, а это

означало, что главной проблемой таких монастырей зачастую становилось пропитание сестёр. То небольшое, что мы знаем о питании монахинь, свидетельствует о том, что оно было несбалансированным, в нём не хватало протеинов и витаминов, зато не было недостатка в калориях. К примеру, в женском монастыре Нотр-Дам в Суассоне каждая монахиня получала дневной рацион в размере 1 кг 440 г хлеба, 1,38 литра вина, 70 г сыра, 133 г вяленых овощей, 16 г соли и 0,6 г мёда. В сумме это составляло 4,727 калории, т.е. вдвое больше той нормы, которую потребляет среднестатистическая европейская женщина в наши дни¹.

Можно с уверенностью сказать, что мужские и женские монастыри являлись островками стабильности, культуры и интеллектуальной деятельности среди общего хаоса в конце IX — начале X в. Несмотря на то что в них видели воплощение порядка и иерархии Града Небесного, фактически монастыри моделировали реальные особенности жизни здесь, на земле. Внутренняя организация таких аббатств, как Ключи, доказывала, что вполне реально было создать нечто вроде монашеской «державы», которая была обширнее и более эффективно управлялась, чем любое политическое объединение во Франции того времени. Более того, мужские и женские монастыри обеспечивали общество образованными людьми, которые могли помочь монархам развивать более упорядоченные и эффективные управленческие структуры, создавая при этом некое подобие культурного и интеллектуального образа жизни, который должен был стать основой обновления светского общества. Жизнь в мужских и женских монастырях обеспечила создание той упорядоченной среды, в которой зародился современный Запад.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Повседневная жизнь в X веке

До сих пор мы говорили о папах, императорах, монахах и монахинях — одним словом, обо всех тех, чья деятельность так или иначе получила своё отражение в исторических источниках. Но что сказать о тех, о ком молчат источники? Какой была жизнь в

¹ Jonathan Jarrett. A Corner of Tenth Century Europe — Eat Like a Carolingian Nun. September 25, 2010, <http://tenthmedieval.wordpress.com/tag/jean-verdon>.

основании общественной пирамиды? Как жили и чем занимались обычные люди?

Чтобы хотя бы частично реконструировать жизнь этих людей, нужно провести работу сродни детективному расследованию. Мы наблюдали хаос и насилие, от которых слишком часто страдали люди того времени; несмотря на внешнюю неупорядоченность, общество X в. было в известном смысле высокоорганизованным. Оно было иерархическим, и каждый из его членов занимал определённое место, символами которого служили жизненный уклад, обряд и костюм.

Общество X в. довольно приблизительно можно разделить на сословия, *ordines*. Каждый член общества имел определённый ранг в зависимости от своего места в этом общественном порядке: короли, епископы, клирики, знать, крестьяне, крепостные, рабы. Различия между названными категориями определялись костюмом, социально мотивированным поведением и, наконец, экономическим статусом. Как церковная, так и светская жизнь отличались в высшей степени ритуализованным характером. Каждого человека от колыбели до могилы сопровождали обряд, молитва и благословение применительно к любому общественно значимому событию или свершению. В обществе, где умение читать и писать оставалось прерогативой клириков, монахов, монахинь и учителей в монастырских школах, ритуалы и правила поведения обретали всё большую значимость как символы закрепления за каждым членом этого общества его места в социально детерминированной иерархии и вместе с тем фиксации сословных различий. Сословный строй формировал основу общества и общины.

Тем не менее существовала незначительная, но вполне реальная возможность социальной мобильности. Церковь, к примеру, порой предоставляла одарённому мальчику из деревни возможность подняться на вершину церковной иерархии. Пример — Герберт Орильякский, родившийся в крестьянской семье и умерший в 1003 г. в ранге папы под именем Сильвестра II. Однако мир, во главу угла которого была поставлена сословность, был очень не простым. Он был неоднородным, сложным, а иногда и довольно непредсказуемым. Точно определить, как именно работали на практике такие социальные институты, как церковь, очень трудно. Основные контуры можно с лёгкостью очертить, однако существ-

вовали исключения, и, несмотря на то что каждый человек знал своё место, это общество было более нестабильным, непредсказуемым и подверженным переменам, чем может показаться на первый взгляд. Порядок в нём поддерживался не столько за счёт прямого принуждения, сколько благодаря социальному угнетению; каждый человек знал, *quid agendum sibi esset*, «что он должен был делать», чтобы сохранять за собой свою социальную нишу. Внешняя социальная упорядоченность имела приоритет по отношению к развитию в людях внутренней сознательной приверженности «правильному» поведению. Осознанное поведение, шедшее вразрез с привычным образом жизни, расценивалось в этом обществе как эксцентрическое и даже демоническое.

Начнём с нижнего яруса общественной пирамиды и познакомимся с крестьянином Бодоном, его женой Эрментрудой, их сыновьями, Видоном и Гербертом, и дочерью Хильдегард. Все эти имена упоминаются в полиптихе писцовой книги, или инвентаре, составленном где-то между 809 и 839 гг. аббатом Ирминьоном, настоятелем аббатства Сен-Жермен-де-Пре близ Парижа¹. Незавершённый и трудный для понимания, тем не менее, этот полиптих является наиболее полным из тех, которыми мы располагаем, и называет имена почти 8 тыс. человек, проживавших в 1378 домохозяйствах. (Речь идёт о монастырских владениях, однако аналогичные категории применялись к землям, находившимся под властью светских господ, или магнатов.) Разделённые на множество участков, владения аббатства занимали не менее 91 500 акров (37 тыс. га) в окрестностях Парижа, из которых около 56 800 акров (23 тыс. га) составляли пахотные земли.

Семья Бодона проживала в фиске, или отдельном имении аббатства, которое называлось Вилларис, ныне парк Сен-Клод на берегу Сены в западном предместье Парижа. Фиск был разделён на собственно поместье, представлявшее собой землю аббатства, которая обрабатывалась под надзором сенешаля, и усадебные участки разного размера, которыми владели держатели. Проживая на монастырских землях, держатели обладали правом пожизненного владения своими наделами, которыми они пользовались для прокормления себя и своих семей. Мы знаем, что Бодон владел

¹ *Polyptychum Irminonis abbatis sive Liber censualis antiquae monasterii sancti Germani Pratensis*, <http://www.kobobooks.com/ebook>.

«небольшим участком пахотной земли и угодьями с несколькими виноградными лозами»¹.

«Писцовая книга» также описывает 28 других фисков, принадлежавших аббатству, в том числе фиск Вильнёв-Сен-Жорж (совр. парижское предместье рядом с аэропортом Орли). Здесь мы находим некоего Арктарда, колона (*colonus*), свободного человека, который обладал пекунием (*pecunium*), т.е. «вечным» правом обрабатывать землю, держателем которой он являлся, поскольку он улучшил её, вложив в эту землю собственный труд; кроме того, здесь фигурируют Элигильда, жена колона Арктарда, также свободная, и шестеро их детей: Агетей, Тендон, Симеон, Адальсида, Деодата и Электард. В пределах того же фиска «Писцовая книга» называет крестьянина-цензитария Аклеберта и его жену, Фротлинду, их сына, Аклебруга, а также крепостного Теутфрида, который жил под одной кровлей со своей матерью.

Таким образом, существовало три уровня, или категории зависимого населения, различия между которыми на практике были минимальны. Бодон и Арктард являлись колонами, или арендаторами (*coloni*). Аклеберт был крестьянином-держателем, или цензитарием, его жена крепостной (*serva*). Теутфрид также являлся крепостным. Бодон и Арктард были свободными людьми (*liberi*), имевшими право передавать по наследству свои небольшие участки земли (мансы). При этом они платили аббату оброк деньгами и продуктами, а также были обязаны работать на монастырь. Вторая группа *liberi* включала в себя крестьян-цензитариев вроде Аклеберта. Они арендовали свои участки у землевладельца, светского сеньора или аббата. Помимо выплаты натуральной ренты, они работали в установленные дни на земле господина. До 85% простонародья были свободными людьми, т.е. они не являлись ни рабами, ни крепостными. Этот факт противоречит современному искажённому представлению о средневековом обществе, которое якобы состояло из элиты, представленной феодальной знатью и духовенством, немногочисленной группы свободных крестьян и огромной массы крепостных. Впрочем, трудно сказать, что именно упомянутая «свобода» означала на практике, поскольку различия в образе жизни между свободными и крепостными крестьянами были минимальны, а те сведения,

¹ Eileen Power. *Medieval People* (London: Methuen, 1924). P. 23.

которыми мы располагаем, по словам Робера Фоссье, тонут «в неизвестности и неразберихе»¹.

Существовала ещё одна группа зависимых людей, которая обслуживала владения монастырей и феодальные хозяйства светских сеньоров. Большинство в этой категории зависимых составляли незамужние женщины, девушки и множество неженатых крепостных (*servi*). Анализируя «Писцовую книгу», Дэвид Херлихи приходит к выводу, что «система феодального хозяйства была двухуровневой. В более богатых имениях... эксплуатировался труд подростков... особенно девушек, которые по достижении ими брачного возраста возвращались в свои семьи»². Это были дети беднейших крестьян, которых чаще всего выгоняли из дома, чтобы хоть как-то облегчить жалкое существование семьи в условиях скудных ресурсов.

Крепостные, или вилланы, как их называли в Англии во времена господства англосаксов, были зависимыми людьми, которые находились в зависимости от светского сеньора или аббата и были лишены ряда прав свободного человека. Некоторые крепостные являлись бывшими домашними рабами, получившими вольную; другие были свободными от рождения, попавшими в крепостную зависимость, поскольку они искали покровительства сеньора или были не в состоянии выплатить долги; третьи являлись домашними слугами. Большинство зависимых крестьян являлись держателями земельных участков, обязанными в установленные дни отрабатывать барщину в хозяйстве своего сеньора. Кроме того, они сталкивались с ограничениями в отношении их личной жизни, среди которых была необходимость получать разрешение на женитьбу или вносить платежи вроде драконовских налогов на наследство, разорявшие этих несчастных. «Они не являлись скотами: они были крещены, могли владеть движимым имуществом и имели определённые умения и навыки», однако, как говорит Фоссье, «ясно, что «крепостничество» было столпом [экономической структуры]»³.

«Писцовая книга» детально описывает фиск Вильнёв-Сен-Жорж. Прежде всего, речь идёт о принадлежавшем аббатству вла-

¹ Robert Fossier. Rural Economy and Country Life. in *CMH* III. P. 35, 37.

² David Herlihy. Medieval Households (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985). P. 69.

³ Fossier. Rural Economy. P. 38–39.

дении, за которым следил сенешаль, или дворецкий, собиравший платежи в пользу землевладельца. Зачастую сенешалей ненавидели. Владение включало в себя:

«172 *bunnaria* [ок. 145 акров], которые могут потребовать 800 модиев [кубический объём, приблизительно равный 41 200 л] зерна для посева; 91 арпан [ок. 76 акров] виноградников, с которых может быть собрано около 1000 модиев [примерно 51 500 л] урожая; 166 арпанов угодий [ок. 140 акров], с которых может быть собрано 166 повозок сена; три мельницы, с которых в качестве ренты было получено 450 модиев [ок. 23 175 л] зерна... Здесь же лес размером четыре лье в окружности [ок. 12 миль], где могут прокормиться 500 кабанов»¹.

Ясно, что монахи приберегли для себя лучшие земли. Там была также «церковь, добротнo построенная, со всей обстановкой»². В этой церкви должны были служить мессу и совершать требы для местных крестьян; вероятно, всё это осуществлял один из монахов-священнослужителей.

Свободный крестьянин Арктард и его семья были людьми среднего достатка, владевшими «пятью *bunnaria* и двумя *antsingas* пахотной земли [ок. 5,75 акра], четырьмя арпанами виноградников [3,35 акра] и четырьмя с половиной арпанами [ок. 3,7 акра] угодий», всего около 12,8 акра. Семья была обязана выплачивать аббатству денежные суммы, размер которых менялся год от года: один год это была сумма в четыре солида за защиту и покровительство, в другой год два солида «как налог на скот»; в третий год они платили «овцу и ягнёнка» в качестве пастбищного сбора. Кроме того, семья осуществляла и другие, менее значительные платежи, включая определённое количество вина за право выпаса скота. Наконец, Арктард пахал и сеял для монастыря, а также выполнял в его пользу другие неоплачиваемые работы. Аклеберт, его жена и Теутфрид, «проживавший под одной кровлей со своей матерью»,

¹ *Irminon*. Polyptyque de l'Abbe Irminon, 1, 2, in Roy C. Cave and Herbert H. Coulson, eds. and trans., *A Source Book for Medieval Economic History* (New York: Biblo and Tannen, 1965), 43; Ronald Edward Zupko, *French Weights and Measures Before the Revolution: A Dictionary of Provincial and Local Units* (Bloomington: Indiana University Press, 1978).

² *Ibid.*

были держателями, совместно владевшими наделом, или мансом, «состоявшим из четырёх *bunnaria* пахотной земли, одного арпана виноградника, четырёх арпанов угодий», всего около 7,5 акра. Объём их работ в пользу аббатства был гораздо более обременительным, нежели объём аналогичных работ их свободных соседей, и вдобавок они платили «три модия вина в качестве пастбищного сбора, один сестарий [мера объёма для вина или зерна, равная 29 л] горчицы, пятьдесят вязанок ивовых прутьев, три цыплёнка, пятнадцать яиц». Кроме того, эти крестьяне должны были исполнять «рукоделие, когда и где это от них потребуют. А несвободная женщина обязана шить одежду из шерсти, которая поступит из поместья, и готовить тесто в таком количестве, в каком ей будет приказано»¹.

Хотя в основе своей это было натуральное хозяйство, деньги здесь тоже имели хождение. Основной монетой был серебряный денарий (*denarius*). 12 денариев составляли золотой солид (*solidus*), 20 солидов фунт (*libra*), очень большую сумму денег. Невозможно дать точную оценку покупательной способности солида и денария в современных денежных единицах; самое большое, что можно сказать, это что за один солид можно было купить средней величины быка.

Интересно, что в этих усадьбах проживали почти исключительно представители одного поколения, ибо Ирминон назвал всего лишь 26 бабушек (из 3404 женщин) и не упомянул ни одного деда. Херлихи так комментирует этот факт: «Во владениях аббатства Сен-Жермен не была представлена классическая патриархальная семья»². Это обстоятельство отражает структуру сельского населения, для которого были характерны средняя продолжительность жизни примерно 35–40 лет для обоих полов, а также относительно поздний брачный возраст (источники свидетельствуют, что мужчины и женщины вступали в брак, когда им было уже около 25 лет), что снижало темпы роста населения. Семьи были билинеарными, когда мужская и женская линии родства считались одинаково важными. Это характеризует «дух семейной сплочённости, который приводил к тому, что члены одной и той же родственной группы продолжали жить под одной крышей даже

¹ *Irminon*. Polyptyque. 3, 84, in Cave. P. 44.

² *Herlihy*. Medieval Households. P. 71.

по достижении ими совершеннолетия»¹. Кроме того, данное обстоятельство указывает на то, что женщины играли в хозяйстве такую роль, которая нашла своё отражение в преобладающем мнении, что невеста и жених должны быть приблизительно одного возраста. Люди старались держаться вместе в расположенных близко друг от друга деревнях, предоставляя свиньям пастись в окрестных лесах (что имело смысл в особенности после того, как начались набеги викингов). Почти 8 тысяч человек, проживавших на землях аббатства, составляли своего рода «островки» населения. Крестьяне должны были не только обеспечивать себя и свои семьи, но и производить прибавочный продукт, чтобы обеспечивать своих сеньоров, как светских, так и духовных.

Историки в большинстве своём говорят о средневековом обществе как о феодальном, преувеличивая значение крепостного крестьянства. Сам термин «феодализм» был придуман французскими юристами и антикварами XVII в., пытавшимися разобраться в хитросплетениях юридических норм и обычаев, обнаруженных ими в средневековых документах, которые хранились в местных французских архивах. Чтобы придать хоть какой-то смысл всей этой массе средневековых документов, со временем они создали теорию «феодализма», с помощью которой постарались описать самые разнообразные институты, возникшие по разным причинам в разное время и в разных регионах. Радикальные мыслители эпохи Просвещения и Великой французской революции конца XVIII в. использовали идею феодализма, чтобы представить аристократию как эксплуататора третьего сословия и тем самым очернить её в глазах современников. Впоследствии в исторической теории Карла Маркса феодализм предстал как непосредственный предшественник капитализма. Таким образом, феодализм стал, с одной стороны, исторической теорией, а с другой фактом, хотя и с «плохим» названием, особенно с точки зрения левых.

Одним из наиболее выдающихся историков феодализма в XX в. был француз Марк Блок. Его книга «Феодальное общество» (1939 г.) была написана в русле французской исторической школы «Анналов». Эта школа переместила историографический фокус с изучения политики аристократических элит на исследование со-

¹ Herlihy. Medieval Households. P. 72.

циально-экономических структур общества, конкретных мест и местечек, а также образа жизни простых людей. Историки школы «Анналов» изучали местные документальные источники с целью расширения нашего взгляда на прошлое и практиковали преимущественно социологический подход к истории. Опираясь на такой всесторонний анализ, Блок утверждает, что подобно тому как вассал нёс военную службу в пользу своего сюзерена, так и крестьянин работал на своего сеньора в обмен на защиту и покровительство, поэтому оба являлись существенными «компонентами» феодализма. Бельгийский историк Франсуа-Луи Ганшоф подошёл к изучению истории с точки зрения права. Он определяет феодализм более описательно и фокусирует внимание на связях между сеньором и его вассалом. В книге Ганшофа «Феодализм» (1944 г.) прослеживается зарождение этих связей в ходе церемонии оммажа, что было характерно для эпохи феодальной раздробленности, наступившей после смерти Карла Великого. Ганшоф определяет феодализм как «совокупность институтов, создающих и регулирующих обязательства подчинения и службы главным образом военной службы со стороны свободного человека (вассала) по отношению к другому свободному человеку (сеньору) и обязательства защиты и покровительства со стороны сеньора по отношению к своему вассалу»¹.

Однако сравнительно недавно произошла кардинальная переоценка феодализма. Сюзан Рейнолдс считает, что этот термин является бессмысленным, вводящим в заблуждение конструктом, придуманным с целью осмысления доставшейся нам в наследство запутанной массы средневековой документации. С точки зрения исследовательницы, термин «феодализм» не имеет никакого отношения к исторической реальности. Рейнолдс недвусмысленно утверждает, что «фьефы и вассалитет — это постсредневековые конструкты... Историки... пытаются ввести свои изыскания в рамки той интерпретации, которая была изобретена в XVI в. и доработана в XVII–XVIII вв. ...Мы не сможем понять средневековое общество и присущие ему отношения собственности, если мы будем смотреть на него сквозь... [эту] призму»².

¹ *Francois-Louis Ganshof*. Feudalism (London: Longman, Green, 1952), xvi.

² *Susan Reynolds*. Fiefs and Vassals: The Medieval Experience Reinterpreted (Oxford: Oxford University Press, 1994). P. 2–3.

Рейнолдс права. Разумеется, мы знаем, что свободные крестьяне, такие, как Бодон, Арктард, Аклеберт и крепостной Теутфрид должны были работать на аббатство в обмен на защиту и покровительство; более того, они поступали бы точно так же, если бы являлись держателями земли у светского сеньора. Однако чтобы превратить эти отношения в структурированную систему, следовало сильно усложнить то, что являлось простой договорённостью о защите. Ганшоф правильно считает, что договоры о защите имели важное значение. И Блок был прав в том, что главной в X в. являлась проблема безопасности в условиях нестабильности. Реальность заключается в том, что люди X в. жили отнюдь не в спокойном, стабильном обществе, которое регулировалось «системой» феодального права. В лучшем случае имелись разные формы местного обычного права. Личные связи и взаимные отношения играли в реальной жизни большую роль, нежели упорядоченный правовой кодекс.

Крестьяне были свободными людьми, прикреплёнными к земле, и были обязаны нести повинности по отношению к своему сеньору в обмен на защиту и покровительство. Эта комбинация порождала взаимные обязательства: служба и преданность со стороны крестьян и защита наряду с элементарным правосудием со стороны сеньора. Эта практика являлась частью германо-франкской традиции, и она вновь проявилась в условиях раздробленности конца IX в. Единственным эффективным ответом на эту дезорганизацию стало присвоение политической власти местными магнатами, представлявшими короля в регионах, или авантюристами, которые попросту использовали свой шанс. У простых людей не было иного выбора, кроме как поддерживать «сильных людей».

Кроме того, здесь был задействован экономический фактор. В то время как в обращении находилось некоторое количество денег, основным источником благосостояния и экономического могущества являлось землевладение. По некоторым оценкам, в X в., вероятно, до 25% земли в Европе принадлежало церкви и монастырям, тогда как короли и магнаты контролировали 40% или более. Простые люди владели 30 или 35% земли, однако постоянная угроза их личной безопасности и хаос означали, что они находились в зависимости от местного «сильного человека», поскольку нуждались в его защите. Чем большим количеством земли владел человек,

тем более могущественным он был. Западно-Франкское королевство к концу X в. напоминало лоскутное одеяло, состоявшее из шести или более графств, герцогств и других территориальных образований. Каждое из них обладало суверенитетом и управлялось «сильным человеком» с претензиями на знатное происхождение. Юридически каждое из этих образований являлось фьефом короны, т.е. землёй, «дарованной» сеньору в обмен на военную службу в пользу короля. Однако каждый «сильный человек» вполне успешно управлял своим доменом независимо от короны. Напротив, Германия была гораздо менее раздроблена; в ней было намного меньше могущественных магнатов, которые управляли гораздо более обширными областями.

Этот порядок вещей был вполне самодостаточным. Существенно важной чертой для любой сельскохозяйственной системы является периодичность. Ритмы сельскохозяйственной жизни зависят от смены времён года. Даже месяцы в календаре были переименованы по приказу Карла Великого, чтобы отразить этот факт. Май стал называться *Winnemanoth*, т.е. месяцем пастбища, когда животные возвращались на луга; июнь стал месяцем пахоты (*Brachmanoth*), июль — месяцем сенокоса (*Hewimanoth*), август — месяцем сбора урожая (*Aranmanoth*); в сентябре готовиться к зиме начинали с заготовки дров, отсюда его название «месяц леса», *Witumanoth*; октябрь был «месяцем вина», *Windumemanoth*. Перерывы в этом замкнутом круге сельскохозяйственных работ случались по воскресеньям и церковным праздникам: это были Пасха, Пятидесятница, Рождество, Богоявление, Вознесение; праздники в честь Девы Марии, такие, как Очищение, или Сретение (2 февраля), Успение (15 августа), Рождество (8 сентября); дни памяти святых, включая День святых Петра и Павла (29 июня), святого Лаврентия (10 августа), архангелов Михаила и Гавриила (29 сентября), Всех Святых (1 ноября), святого Мартина Турского (11 ноября), святого Николая (6 декабря), святого Сильвестра (31 декабря); наконец, годовщина освящения местной церкви. Эти дни отдыха строго соблюдались. В 827 г. Людовик Благочестивый постановил:

«Барщины не должно отбывать по воскресеньям, равным образом люди не должны работать в своих хозяйствах, возделывать виноградники, пахать поля, жать колосья и собирать сено в стога,

строить изгородь или заготавливать дрова, рубить лес, работать в карьерах или возводить жилища; также не должны они работать в саду, являться в суд или ходить на охоту... Женщины не должны ни прясть, ни ткать, ни шить, ни чесать шерсть, ни трепать коноплю, ни стирать прилюдно, ни стричь овец, ибо надлежит отдыхать в день Господа нашего»¹.

После совместного посещения мессы люди танцевали, пели, пили и нередко принимали участие в неистовых празднествах с явными языческими мотивами, к вящему раздражению строгих священников и епископов. Кругозор крестьян был весьма ограничен; их единственная связь с внешним миром зависела от случайного посещения какого-нибудь путешественника или от рассказов и слухов. Зачастую слухи носили фантастический характер, что легко могло повлечь за собой панику. Любые чужаки вызывали подозрение, как показал пример безвинных «небесных странников», спасённых архиепископом Агобардом.

Женщины также принимали активное участие в экономической жизни. Наряду с выполнением повседневных работ в доме и на приусадебном участке, женщины заботились о домашнем скоте и птице, доили коров и коз, стригли овец, готовили еду и стирали одежду. Кроме того, они шили одежду для членов семьи и, собираясь все вместе, ткали, кроили и вышивали. Одежда крестьянина была практична и лишена каких бы то ни было изысков. В зависимости от времени года, мужчины носили тёмных расцветок рубахи до колен, сшитые из грубой шерсти или льна и подпоясанные в талии, надевали шерстяные штаны до колен или гамаш. Женщины носили длинные шерстяные платья и что-то наподобие женской сорочки с нижней юбкой, тогда как мужчины надевали нечто вроде нижней рубашки или нательного белья, чтобы защитить тело от соприкосновения с грубой шерстяной рубахой. И мужчины, и женщины носили что-то похожее на капюшон или шляпу, чтобы покрыть голову и плечи. Мужчины и женщины надевали на ноги башмаки или туфли, сделанные из кожи или толстого сукна. Изготовленную из шерсти или овчины верхнюю одежду носили зимой, чтобы защитить себя от холода.

---

¹ Power. Medieval People. P. 30.

Верхняя одежда никогда не стиралась. Цвета в основном представляли собой оттенки тёмно-коричневого, серого или красного.

И всё-таки, что все они носили собственно под верхней одеждой? Это остаётся загадкой, поскольку нам редко удаётся заглянуть под одежду, за исключением тех редких эпизодов в иллюстрированных манускриптах, когда их авторы-монахи описывали сцены повседневной жизни. Мужчины порой носили льняные исподние штаны на тесёмке, которая шла вокруг талии. Жарким летом они иногда снимали с себя всё вплоть до этих подштаников. В другое время года крестьяне носили нечто вроде детской пелёнки, которая прикрывала их бёдра. Обычно они, как и женщины, обходились вовсе без нижнего белья. Женскую скромность защищало длинное платье, которое просто подбирали в случае отправления естественных надобностей. В период менструации женщины носили одежду со сборками, закреплёнными поясом. Нижнее бельё всегда тщательно стирали.

Мужчины и женщины просыпались на рассвете. Позавтракав домашним хлебом и крепким, сваренным дома элем, мужчины отправлялись в поле, невзирая на погодные условия, работать либо на себя, либо на своего сеньора. Женщины занимались работой по дому, присматривали за огородом, ухаживали за домашними животными и пекли хлеб впрок. Кроме того, они возделывали виноградники, а во время пахоты могли править рогатым скотом. Тем не менее гендерные различия сохранялись, и тяжёлая работа считалась неподходящей для женщин. Выходец из знатного рода, святой Жерар из Орильяка (855–909), был шокирован, когда увидел женщину, шедшую за плугом. Она поведала Жерару, что её муж болен и не может работать. Святой пожурил её, дал денег и велел заставить мужа работать. Он сообщил этой женщине, что то дело, которым она занималась, по словам святого Амвросия Медиоланского, противно природе и «Господь это не одобряет»¹.

Пищевой рацион в X в., как правило, состоял из сезонных овощей, свежего хлеба, похлёбки, каши, фруктов, а порой и мяса. После забоя домашнего скота, обычно в начале зимы, мясо солили впрок. Если река была рядом, у крестьянина на столе появлялась рыба. Поскольку водоём рядом с селением зачастую был загрязнён нечистотами, как показывал опыт, для здоровья предпочтительнее

¹ Odo of Cluny. Vita Geraldi, I, 21, in *PL*. P. 133, 656, author trans.

было потреблять вместо воды алкогольные напитки, поэтому все крестьяне, включая маленьких детей, пили сваренный в домашних условиях эль (лучший эль варили в монастырях), мёд (алкогольный напиток из забродившего мёда и воды) и домашнее вино, приготовленное из фруктов и ягод. Качественное вино, как правило, являлось достоянием элиты и, по-видимому, потреблялось главным образом во Франции, Италии и Испании.

Дома с двумя комнатами сооружались либо из ивовых прутьев, обмазанных глиной, либо из дерева, либо из камня и покрывались соломенной кровлей. Обстановка в доме была грубой, постелями служили соломенные тюфяки. Небольшие окошки без стёкол едва пропускали свет и воздух. Грубая кухонная печь обогревала общую комнату, а дым уходил через отверстие в крыше. В результате одежда была пропитана запахом древесной гари. Зимой домашние животные делили общую комнату с людьми, что, по меньшей мере, помогало сохранять тепло.

Рождение ребёнка в любом архаическом обществе всегда было сопряжено с угрозой для жизни и его, и матери. Безусловно, роды были весьма мучительны для роженицы, поскольку не существовало эффективных обезболивающих средств, хотя женщины в то время знали растения, которые облегчали боль. Когда дети появлялись на свет, сам процесс родов был сопряжён с тревогой относительно его исхода. Уровень детской смертности, вероятно, был не такой высокий, как предполагают современные историки-медицисты, хотя данные по кладбищу при соборе в Цюрихе свидетельствуют о том, что 19% детей умирали, не дожив до двух лет, а 27% не доживали до 18. Лишь 54% детей удавалось дожить до совершеннолетия. Деторождение было уделом женщин; участие мужчин в самом процессе родов исключалось, а докторов-мужчин звали только тогда, когда требовалось хирургическое вмешательство. За родами наблюдала опытная повитуха; при ней зачастую находились и другие женщины, которым повитуха передавала свой опыт. При этом присутствовали также родственники и друзья роженицы.

Детоубийство не было широко распространено, хотя аборт и убийства младенцев иногда практиковались, чтобы контролировать рождаемость, особенно если ребёнка не на что было содержать. Церковь пыталась положить этому конец. Детоубийство не считалось убийством до того момента, как ребёнок был крещён; тем не

менее такие случаи заметно поредели к X в., хотя всё ещё имели место, как свидетельствуют покаянные книги, чаще всего в периоды голода или политической нестабильности.

Обычай крещения ребёнка сразу после его рождения не был широко распространён в Европе вплоть до XI в., хотя для детей, находившихся на грани жизни и смерти, была предусмотрена сокращённая процедура крещения. Её мог совершить отец ребёнка или повитуха. Трудно сказать что-либо определённое относительно практики крещения в X в., когда многим детям, чтобы креститься, по-видимому, приходилось ждать ближайшей Пасхи. Как отмечает историк христианских таинств Джозеф Мартос, «в начале XI в. некоторые епископы и церковные соборы обратили внимание на то, что дети всегда подвергаются опасности умереть неожиданно, и начали побуждать родителей не дожидаться ежегодного крещения на Пасху»¹. Крещение делало ребёнка членом церкви, тем самым помещая его в рамки общины, более обширной, чем клан или родственная группа. В результате таинства крещения дети получали трёх крёстных родителей, которые должны были вступить в родительские права, если биологические родители умирали, и такой вариант был вполне реален.

Детство (*infantia*) продолжалось от рождения до 7 лет, отрочество (*pueritia*) длилось с 8 до 15 лет. Затем человек считался совершеннолетним. Хотя они уже оказывали посильную помощь в работе по дому, маленьким детям позволяли играть, их любили и ценили, на них не смотрели как на «маленьких взрослых», согласно утверждениям историков вроде Филиппа Арьеса. К. Х. Тэлбот верно отмечает, что европейцы в X в. знали детскую психологию и «были прекрасно осведомлены о различных потребностях детей, которые росли физически и духовно»². Когда наступало отрочество, от подростка ждали, что он возьмёт на себя больше забот по хозяйству: мальчик в поле, девочка в доме. Даже в крестьянских семьях неграмотность, безусловно, не была так широко распространена, как это часто представляют. Крестьянские дети имели возможность посещать и посещали церковно-приходскую школу, где они постигали азы грамоты. Дети феодалов ходили либо в монастырскую школу, либо к персональному наставнику.

¹ Martos. Doors. P. 162.

² C. H. Talbot. Children in the Middle Ages, Children's Literature 6 (1977): 17.

Дисциплина в школе была суровой, и розги применялись весьма часто.

Крестьянин как никто другой был заложником капризов погоды и, как следствие, гибели урожая. Сельскохозяйственная экономика была хрупкой, и крестьяне жили с незначительными, а порой и недостаточными запасами продовольствия. Трудно со всей уверенностью сказать, сколько крестьяне ели в ту эпоху. Источники, происходящие из аббатства Корби, расположенного к востоку от Амьена, свидетельствуют, что средняя крестьянская семья получала около 6 тыс. калорий ежедневно, а её дневной рацион составлял около 4,2 фунта хлеба, 10,5 унции овощей, 3,5 унции сыра и яиц, а также около 2 пинт эля. Этот рацион представляется минимальным для тяжело и много работающего мужчины, его жены и двух или трёх детей. Впрочем, данные цифры могут отражать «плохой» год, когда продовольствия было мало. Допустим, что в хороший сезон среднестатистический крестьянин вполне мог иметь ежедневно однообразный, зато сытный продовольственный паёк энергетической ценностью 6 тыс. калорий. Тем не менее пищевой рацион раннего Средневековья не всегда был гарантированным, зачастую недостаточным и, как правило, несбалансированным в отношении питательности. По словам К. Л. Пирсон, «большинство людей раннего Средневековья, похоже, в известной степени страдали от недостаточной питательности рациона, что являлось следствием периодического отсутствия продуктов, необходимых для сбалансированного питания». Она отмечает, что показатели детской смертности были высоки, женщины жили меньше мужчин и «в целом средняя продолжительность жизни как мужчин, так и женщин изредка превышала 35–40 лет». Даже продолжительность жизни хорошо питавшихся членов королевского дома в конце каролингской эпохи составляла «36 лет для женщин и 39–40 лет для мужчин»¹. Однако если кому-нибудь удавалось «перевалить» за сорок, он получал хороший шанс прожить до 60 лет и дольше.

Положение начало меняться в «период оптимального климата»; есть данные, что за два столетия между 850 и 1050 гг. средний европейский мужчина имел рост около 1,7 метра, что свидетель-

¹ Kathy L. Pearson. Nutrition and the Early Medieval Diet, *Speculum* 72 (1997): 28.

ствуется о приемлемом уровне питательности повседневного рациона. Археологические изыскания, проведённые музеем Лондона, показали, что «лондонцы в англосаксонский период... ростом были как мы сегодня»¹. Это можно объяснить тем, что Лондон был оживлённым портом, где был доступен обильный пищевой рацион. Рост начал снижаться с приходом так называемой «малой ледниковой эпохи» (XV–XIX вв.), так что самые низкорослые люди тысячелетия жили в XVIII в. Мы знаем наверняка, что в «период оптимального климата» в Европе наблюдался рост населения: примерно с 18 млн в 650 г. до 38,5 млн в 1000 г.² Вероятно, здесь сказалось несколько причин: в более благоприятном климате качественный пищевой рацион стал более доступен, люди стали раньше создавать семьи и дольше жили, качество питания улучшалась, и больше детей доживали до совершеннолетия.

Но это вовсе не означало, что люди теперь были полностью гарантированы от голодной смерти. Под 975 г. «Англосаксонская хроника» сообщает, что были «великий голод и очень много волнений»³. Положение отчасти спасали великодушные благотворители, такие, как Гитфледа, богатая женщина из Дурхама. Во время голода 975 г. несколько человек вместе с детьми продали себя в рабство, чтобы выжить. Гитфледа купила их; когда голод миновал, она отпустила их на свободу. «Гитфледа даровала свободу из любви к Богу и ради спасения своей души: именно кузнецу Эккеарду, Эльфстану и его жене и всем их потомкам, рождённым и нерождённым, Арсилю, Коулу, Экферту, дочери Эалдхуна и всех тех людей, чьи головы она взяла за их пропитание во дни бедствий [т.е. они были куплены как рабы]... А также она освободила мужчин, которых вымолила у Квэспатрика»⁴. Далее следуют ещё девять имён. Ясно, что Гитфледа была искренней и деятельной христианкой; она использовала своё богатство, чтобы помогать бедным.

Основой пищевого рациона были зерновые. Из пшеницы изготавливали прекрасного качества белый хлеб. Впрочем, выращивать пшеницу было гораздо сложнее, чем ячмень, рожь и овёс. Рожь давала низкокачественный, более тёмный и жёсткий хлеб, являв-

¹ <http://www.museumoflondon.org.uk/archive/exhibits/bodies/bodies.htm>.

² Cipolla. Fontana Economic History. 1: 25–27.

³ ASC, 975, in Garmonsway. P. 121.

⁴ EHD. P. 1, 610.

шийся основной едой. Однако на ржи паразитировала спорынья (*Claviceps purpurea*), что могло привести к эрготизму — отравлению рожками спорыньи, которое вызывало жгучую боль в конечностях, диарею, рвоту, закупорку крупных артерий, следствием чего были гангрена, психоз (отсюда название «священный огонь», или «огонь святого Антония») и мучительная смерть. Вспышки эрготизма имели место в долине Рейна в 857 г., когда умерли тысячи людей, и в 943 г. в окрестностях Лиможа, когда опять-таки было множество жертв. Кроме того, крестьяне ели ячменный хлеб и пили ячменную воду, которую использовали в качестве лекарства от лихорадки, пиво и эль тоже изготавливались из зерновых. Овёс служил фуражом для животных, а в голодные времена пищей для людей. Просо использовалось как корм для скота, а также шло в супы и каши.

Одним из основных продуктов питания были бобы. Бобовые (садовый горох, чечевица, нут, фасоль) весьма широко распространились в это время, особенно среди монахов и крестьян. Несмотря на то что они вызывали метеоризм, бобовые являлись источником протеина, использовались в качестве фуража для рогатого скота и удобряли почву азотом. Гороховый суп, бобы и бекон были весьма распространённой едой. По мнению Умберто Эко, бобы, горох и чечевица «спасли цивилизацию». Поскольку бедные не ели много мяса, выращивание бобовых «оказало огромное воздействие на Европу. Люди труда получили возможность употреблять в пищу больше протеина; в результате они стали физически более крепкими, жили дольше, рожали больше детей и вновь заселили континент»¹. X в. стал «веком бобов». О чём Эко умолчал, так это о том, что потребление протеина ведёт к появлению особенно сильного метеоризма, а это обстоятельство всегда вызывало приступы смеха как в высших, так и в низших слоях общества. Овощи, когда они были доступны, также составляли важный компонент ежедневного рациона. Корнеплоды (свёкла, морковь, репа и пастернак посевной), капуста (из неё приготавливали квашеную капусту), кольраби, салат-латук, лук-порей, лук-резанец, петрушка, обыкновенный лук, шалот, чеснок, огурцы, сельдерей, фенхель и редис можно добавить к рациону для разнообразия. Наиболее

¹ *Umberto Eco. It Was the Bean That Set Pulses Racing*, trans. William Weaver, http://www.themodernword.com/eco/eco_bean.html.

привычными фруктами были яблоки, груши, сливы, персики, айва, тутовые ягоды, инжир и вишни.

Свежее или вяленое мясо обычно употреблялось крестьянами в пищу только по выходным и в праздники. Чтобы его сохранить, мясо солили, коптили, заготавливали сало. В тех местах, где водилась рыба, её употребляли в пищу как ещё один источник протеина. Свиньи обеспечивали хозяйство мясом и салом. Обычно их закалывали в конце года, получая ветчину, бекон и сало на весь год; таким образом, не было такой части свиной туши, которая не шла бы в пищу. Коровы давали молоко, из которого производились масло и сыр, а также мясо, когда их пускали под нож. Овцы, козы, цыплята, кролики, оленина, утки и другая птица являлись дополнительными компонентами рациона. Яйца, сыр и мёд были основными продуктами питания для представителей как элиты, так и низших классов. Между тем размеры животных и урожаи в земледелии были меньше, чем современные результаты генной инженерии и гибридизации. «Цыплята в целом были мельче и несли меньше яиц, да и яйца были более мелкими... Домашний скот в целом был на 40–60% мельче, чем особи современных пород»¹. Надои молока также были меньше, чем в наше время.

В ту эпоху ценились физическая активность и сила; на внешности людей, как правило, сказывались последствия образа жизни на свежем воздухе, во власти стихий на протяжении большей части их жизненного срока, когда они работали, охотились и воевали. Большинство представителей всех слоёв общества были загорелыми людьми с обветренными лицами и загорбевшей кожей. Вот почему изящная, хрупкая комплекция и тонкие конечности считались красивыми и привлекательными как в мужчинах, так и в женщинах.

Если одним словом попытаться охарактеризовать жизнь крестьянина, вероятно, это будет слово «небезопасность». Те люди, о которых мы знаем благодаря «Писцовой книге» аббата Ирмиона, люди вроде Бодона или сыновей и дочерей Арктарда пострадали от серии набегов викингов на окрестности Парижа; вполне вероятно, что они и их дети были убиты врагами. По крайней мере, их усадьбы были разграблены или сожжены. Представители всех социальных слоёв, а особенно люди из низов общественной иерар-

¹ Pearson. Nutrition. P. 16.

хнии, постоянно сталкивались с опасностью того, что их дома будут разрушены, урожай похищен, а они сами ограблены, изнасилованы, убиты или изранены в результате нападения какой-нибудь банды головорезов из соседней области либо отрядов прибывших изда- лека викингов или мадьяр. Таков был прямой результат исчезно- вения эффективной центральной власти. Возможно, единственным преимуществом, которое люди X в. имели перед нами, была жизнь, протекавшая гораздо медленнее, чем наша, вследствие чего они располагали временем, чтобы подготовиться к защите или спастись бегством. Ибо, какова бы ни была угроза, она не могла реализо- ваться быстрее самого быстрого скакуна.

К X в. 90% населения Европы проживало в сельской местности, тогда как старые римские города были либо покинуты, либо пред- ставляли собой лишь тени прошлого. Прекрасным примером яв- ляется Рим. Как мы видели, его население, в I в. насчитывавшее около миллиона человек, к 900 г. уменьшилось до 35 тысяч. Тем не менее Италия была одним из тех немногих регионов, где города в значительной степени сохранились. Традиции городской жизни здесь были гораздо сильнее. Города с крепостными стенами имели намного больше шансов защитить своих жителей, а люди, прожи- вавшие в городах, гораздо меньше подвергались опасности насилия со стороны магнатов, викингов или мадьяр, хотя это не всегда работало, как показали осада и сожжение мадьярами Павии в 924 г. Однако огромное большинство европейского населения не могло и мечтать о таком уровне безопасности. Эти люди проживали в беззащитной сельской местности.

Другим источником насилия было право талиона (*lex talionis*), обычай кровной мести, который особенно широко распространил- ся, когда центральное правительство прекратило своё существо- вание. Эта кровная вражда носила личный характер, могла рас- пространяться на несколько поколений и зачастую приводила к чему-то вроде небольшой войны между кланами и феодальными сеньорами. Там, где существовало правосудие, оно, как правило, было примитивным и карательным, скорым, кровожадным и без- апелляциянным. Эмоции и чувства зачастую выражались в сило- вых действиях и гораздо более резко, чем принято у нас сегодня. Личного самоконтроля не доставало. Люди говорили то, что они чувствовали и соответственно поступали зачастую так, что мы сочли бы это неприемлемой жестокостью. Например, выкалывание

глаз, вырезание языков, отрубание рук и бичевание плетью были наказаниями, принятыми практически повсеместно. Были, впрочем, и примечательные исключения из этого правила. Саксонская династия, к примеру, была известна своим милосердием и готовностью миловать преступников, даже тех, кто изменял королевскому дому. Саксонские короли создавали союзы и заключали договоры о дружбе (*amicitia*) с недавними своими соперниками и даже врагами. Генрих Птицелов был известным мастером по созданию таких союзов, и, как пишет Герд Альтхоф, они «представляются основополагающими для консолидации [его] власти»¹.

Мы обычно исходим из того, что раннесредневековое общество было иерархическим и зависимые люди не имели иного выбора, кроме как подчиниться тем, кто стоял над ними. Однако ситуация была гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Мы видели, что короли Саксонской династии тратили очень много времени и сил, чтобы убедиться в том, что зависимые от них магнаты сохраняют свою лояльность. Эта модель отношений не ограничивалась государством Оттонов, но распространялась на всё тогдашнее общество. Следуя Альтхофу, это было «государство», состоявшее скорее из групп людей, нежели из институтов»².

Интересным и необычным для нас феноменом являются личные союзные договоры, которые феодалы заключали друг с другом. Речь не шла непосредственно о дружеских связях в нашем смысле слова; как правило, это были объединения, создававшиеся для охот и пиров. Порой в их основе лежало семейное или духовное родство (имеются в виду крёстные родители). На деле «союзы родства, дружбы и сотрудничества зачастую оказывались гораздо более крепкими, нежели [иерархический] союз»³. Альтхоф считает, что раннесредневековое общество было не столько государством в современном смысле этого слова с управленческим аппаратом на самом верху, сколько сложной ассоциацией родовых групп, связанных между собой благодаря не менее сложной системе обязательств, которыми отдельные личности и группы людей обладали по отношению друг к другу. В таком обществе устное слово обла-

¹ Gerd Althoff. *Family, Friends, and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004). P. 83.

² Ibid., vii.

³ Ibid. P. 162.

дало не меньшей значимостью, чем слово написанное, и в этом смысле человек стоил столько же, сколько стоило его слово.

Ритуальные действия занимали значительное место в жизни X в. Нам особенно трудно принять это как данность, поскольку наша эгалитаристская общественная жизнь в целом не придаёт никакого реального значения ритуалу. Раннесредневековая политика представляла собой управление, основанное не на отвлечённых принципах и публичных процедурах, а на кулуарных, частных (с глазу на глаз) переговорах и на личном общении. Эти соглашения затем публично оглашались с максимальной торжественностью, чтобы народ знал, что именно решили их сеньоры. Мы уже видели пример такого подхода в изысканной демонстрации покорности, устроенной Генрихом Сварливым, когда он вернул похищенного им юного Оттона III его матери и бабке. Такой тип управления неизбежно являлся весьма неустойчивым, поскольку не каждому можно было доверять и приходилось создавать столько политических союзов, сколько было возможно. Нам легче понять представителей элиты, нежели крестьян, если учесть, что их жизнь подвергается изучению в современных исторических трудах гораздо чаще. Правда, мы не можем сказать с полной уверенностью, как именно становились знатными людьми. Это непростая проблема, и в ходе её разрешения следует учесть две точки зрения.

«Старый» взгляд на вещи, который красноречиво отстаивал Блок, заключался в том, что знать была в основном представлена «новыми» людьми, солдатами удачи, которые получали возможность выдвинуться и максимально её использовали. «Современная» точка зрения исходит из того, что знатные люди указанной эпохи являлись потомками должностных лиц времён Каролингов. Некоторые из этих людей, особенно в Западно-Франкском королевстве, начинали с графского титула. Граф был наместником императора в графстве. Он исполнял судебные, военные и фискальные обязанности. Граф председательствовал в судебном собрании графства (*mallus*), которое разбирало серьёзные правонарушения и тяжкие преступления. В местных судах (*placita generalis*) председательствовали виконты, которые разбирали основной объём заурядных правонарушений и другие дела. Виконты являлись должностными лицами более низкого уровня, который можно условно приравнять к рангу бейлифа, или судебного пристава.

Многие представители знати начинали свою карьеру с титула виконта.

Граф защищал вверенное ему графство от внешних вторжений, опираясь на свои войска, других местных сеньоров, церковных землевладельцев и отряды свободных людей, обязанных взяться за оружие в кризисной ситуации. Кроме того, граф исполнял обязанности сборщика королевских податей, куда входили платежи свободных крестьян, которые не несли военную службу, судебные пени и пошлины за пользование реками, мостами и дорогами. В случае военной угрозы он мог взыскать чрезвычайный налог для защиты своей области. «Все эти подати, в сущности, являлись *regalia*, поскольку граф собирал их в качестве представителя короля; однако его доля в них неуклонно возрастала... [Граф] должен был рассматриваться теми, кем он управлял, прежде всего как сборщик податей; в X в. это зачастую и являлось его главным занятием»¹.

Поскольку графам доставалась реальная власть, они имели возможность стать независимыми правителями. Короли тщательно подбирали кандидатов на должности графов, которые при Карле Великом находились под жёстким контролем. В графства приезжали королевские уполномоченные (*missi dominici*), или инспекторы, чья функция заключалась в том, чтобы проверять исполнение графами их должностных обязанностей. Однако к моменту смерти Карла III Толстого в 888 г. вся система центрального управления сошла на нет. Графы становились всё более независимыми, поскольку располагали своими собственными войсками. Естественно, они передавали власть по наследству своим сыновьям, тем самым устанавливая наследственную преемственность власти.

Подобная дезинтеграция угрожала Восточно-Франкскому королевству после безвременной кончины императора Ариульфа (896–899) и восшествия на престол Людовика IV Дитяти (900–911). Архиепископ Майнца Гаттон, будучи регентом, сумел противостоять некоторым центробежным поползновениям магнатов. Большое преимущество Восточно-Франкского королевства заключалось в том, что там было очень мало сильных родовых группировок. Они управляли политическими образованиями, которые

¹ *Dunbabin. France. P. 7.*

иногда называют «племенными герцогствами». Речь идёт о бывших племенных объединениях Саксонии, Баварии, Франконии и Швабии; иногда к ним добавляют Лотарингию, Каринтию и Тюрингию. В герцогствах Франконии и Швабии родовые группировки боролись между собой до тех пор, пока каждое из герцогств не попало под власть победившего клана. Геней Генриха I Птицелова, избранного германским королём, заключался в его способности укротить магнатов и сохранить единство Германии.

Однако магнаты Восточно-Франкского и Западно-Франкского королевств были не единственными врагами централизации. Были и другие феодальные хищники, которые особенно активно действовали в Италии. Альберик I, герцог Сполето, первый муж Марозии, изначально был амбициозным франкским выскочкой. Впервые он появляется в источниках как паж герцога Сполето Гвидо III. Затем, по-видимому, Альберик стал маркграфом Каме-рино; убив Гвидо IV, он стал герцогом Сполето. Альберик был типичным авантюристом: такие люди использовали предоставленный им шанс и просто захватывали власть. Другой пример Роберт Сильный, родоначальник династии Капетингов. Ришар из Сен-Реми сообщает, что Роберт происходил «из всаднического сословия» (*ex equestri ordine*), другими словами, был обыкновенным рыцарем¹. По словам Констанс Бушар, «он достиг могущества, воюя с варварами на стороне Карла Лысого, и его генеалогия это фактически чистый лист, несмотря на множество хитроумных попыток... выяснить происхождение Роберта»². Правление Карла II Лысого стало тем переломным этапом, когда произошли многие из указанных возвышений.

Этот способ взлёта к вершине социальной лестницы можно проследить на примере графов Анжуйских, чья резиденция находилась в Анжере, там, где река Мен впадает в Луару. Изначально находясь под властью Роберта Сильного, Анжер в конечном счёте попал в руки человека по имени Ингелгарий, или Ингелгер, которого разные источники называют и «деревенским жителем» (*habitor rusticanus*), и «клиентом» (*cliens*) Карла Лысого (т.е. человеком низшего социального ранга), и «лучшим воином» (*miles*

¹ Richer. *Historiae*. I, 5, in MGH SS 38, 41.

² Constance B. Bouchard. *The Origins of the French Nobility: A Reassessment*, AHR 86 (1981): 512.

optimus). Вероятно, всё это было так: обитателя лесной глуши Ингелгера Карл Лысый возвысил, приняв его на военную службу. Как и многие из «новых людей», Ингелгер породнился со знатной семьёй, женившись на племяннице архиепископа Тура и епископа Анжера. Наконец, он стал графом Анжуйским, по некоторым сведениям, в награду за организованную им защиту региона от викингов, но в действительности, скорее всего, благодаря родственным связям своей жены. Скончавшийся в 898 г. Ингелгер передал власть своему сыну, Фульку I Рыжему (898–941), который расширил пределы графства, воевал с викингами и бретонцами, а также сумел выгодно жениться. Фульк II Добрый (941–958) был скорее учёным, чем воином, но его сын, Жоффруа I Серая Тунника (958–987), консолидировал графство под своей властью и женился на Адели, дочери Робера Вермандуа, прямого потомка Карла Великого. Таким образом, на протяжении четырёх поколений семья, родоначальником которой стал *habitor rusticanus*, сумела превратиться в династию графов одного из ключевых регионов средневековой Франции, в конечном счёте ставшего ядром Анжуйской державы, в состав которой вошла и Англия.

Новая форма политического устройства появлялась там, где королевская власть слабела, а центральное правительство приходило в упадок. На протяжении жизни нескольких поколений реальная власть на местах перешла в руки магнатов и их клановых группировок. Крушение центрального правительства представляется нам симптомом политического упадка, однако для людей того времени это было больше, нежели просто перемена в политической структуре, ибо в результате власть перешла из центра в руки местных феодальных хищников, многие из которых были заурядными грабителями. Как пишет Блок, «самая поразительная черта истории знатных семейств в... [X в.] это краткость их родословных»¹. Впоследствии это привело к тому, что многие знатные люди стали заботиться о создании задним числом своих фиктивных генеалогий, которые порой восходили ко временам Древнего Рима или даже Троянской войны.

Где же и как жили люди вроде Фулька Рыжего? Он обитал вместе со своим разросшимся семейством в хорошо укреплённой

¹ Marc Bloch. Feudal Society (Chicago: University of Chicago Press, 1961), 2:284.

усадебные или деревянные замки на холме (т.н. «мотт-и-бейли»); каменные замки появились лишь в начале XI в. Собственно жилище феодала представляло собой деревянную башню, возведённую на невысоком холме или на мощной земляной насыпи. В Англии деревянная башня называлась «мотт». Её высота могла составлять от 30 до 80 футов (9,25 м); зачастую башню окружал деревянный частокол. У подножия башни располагался двор площадью от 1 до 3 акров (0,4–1,2 га) под названием «бейли». Иногда два или три двора примыкали к одной башне. На дворе располагались конюшни и другие хозяйственные постройки, а также открытое пространство для домашних животных. Двор был окружён рвом с водой около 10 футов (3 м) глубиной и 30 футов (9 м) шириной. С внутренней стороны рва возвышались деревянный палисад и хорошо укреплённые ворота с подъёмным мостом. Эти оборонительные сооружения были довольно примитивными, однако они прослужили несколько веков, до тех пор, пока в XII в. не появились более изощрённые средства осады. Разумеется, деревянные сооружения были уязвимы для огня, но осаждавшим требовалось подойти достаточно близко, чтобы поджечь мощные брёвна. Каменные замки впервые появились в Западно-Франкском королевстве в конце X в.; что же касается деревянных замков «мотт-и-бейли», их можно было построить сравнительно легко и быстро. Обычно рядом с каждым из них располагалась деревня с парой сотен обитателей.

Для людей вроде Фулька кровные узы, формировавшие клан и семью, были главными показателями знатности. Фульк жил в замке «мотт-и-бейли» вместе со своей женой, Росциллой де Лош, и своими близкими. В том же замке проживала большая родственная группа, или *familia* (то, что немцы называют *sippe*, т.е. клан), в которую входили дяди, тёти, двоюродные братья и сёстры, а также масса приживалов, бедных родственников и разных нахлебников, из которых кто-кто, возможно, и оказывал какие-то услуги хозяину замка, а все вместе они рассчитывали на хороший стол и содержание. Приоритетом для обитателей замка была защита земли, принадлежавшей семье сеньора, а не своей собственности. Зачастую жена сеньора и её родственники вносили в этот клан в плане родовитости, богатства, земли и общественного положения гораздо больше, чем сам сеньор. В особенности это было справедливо в том случае, если жена сеньора была особой королевской крови, по-

сколько подобная близость к королю приносила с собой более высокий статус. На протяжении X в. многие аристократы начали готовить из числа юношей, принадлежавших к *familia*, профессиональных, как правило, конных воинов, которые впоследствии посвящали в рыцари. Нечто подобное происходило в Германии, но здесь социальные группы, из которых набирались будущие рыцари, были гораздо шире и включали даже людей рабского происхождения.

Выше мы уже видели, что крестьянская одежда была грубой и лишённой каких бы то ни было украшений. Представители элиты носили, как правило, специально пошитую одежду; женские одеяния были более свободными и широкими. Мужчины обычно ходили с непокрытой головой; женщины наоборот. Знатные люди носили подпоясанные в талии туники до колен и с длинными рукавами, а также капюшоны, брюки и высокие сапоги. Одежда была ярких расцветок. Знатные женщины носили платья длиной до пола, а поверх них одеяния с исключительно широкими рукавами. Верхняя туника зачастую была вышита в византийском стиле.

Если принять во внимание низкий уровень медицины того времени, число детей, появлявшихся на свет с серьёзными проблемами со здоровьем, с какими-либо травмами или получивших их в раннем детстве, должно было быть очень высоким. Однако таких детей не бросали. Ярким примером является необычайная жизнь Германа Калеки. Рождённый в июле 1013 г. в 30 милях (50 км) к северу от Боденского озера, сын графа Вольфрада Альтсхаузена Герман с детства страдал от церебрального паралича, вследствие чего с трудом передвигался и говорил. В 1020 г. его отдали в монастырскую школу в Райхенау, где он в конечном счёте и стал монахом. Герман проявил выдающиеся способности в области математики, астрономии и музыки. Он был одной из ключевых фигур, наряду с Гербертом Орильякским, в деле постижения и распространения арабских астрономических знаний в странах латинского Запада, включая астролябию, портативные солнечные часы, квадрант и абак; Герман написал трактаты, посвящённые этим инструментам. Он также был композитором, написавший гимн Пречистой Деве, «*Alma Redemptoris Mater*» («Благодатная Матерь Спасителя»), исполняемый и сегодня. Герман умер в 1054 г.

Хотя в большинстве своём люди X в. были озабочены решением своих локальных проблем, а власть всё более дробилась в результате краха системы централизации, римская имперская идея «государства» (*res publica*) не была забыта. То же самое относится к концепции законного порядка, взлелеянной в недрах римского права, и к смутному, но зато повсеместно распространившемуся воспоминанию о том, что Европа некогда была частью империи, объяввшей весь известный в то время мир. Таким образом, эпоха Древнего Рима была тем мифическим Золотым веком, на который люди взирали как на модель культуры и гражданского порядка. К этому стоит добавить роль католической веры, которая, подобно могучей связующей силе, сплачивала раннесредневековое общество. Наконец, по-прежнему была жива идея «Священной Римской империи» Карла Великого. В IX в. было немало претендентов на императорскую корону, однако вплоть до Оттона I никому из них не удалось добиться могущества, достаточного для восстановления империи. Для сплочения этого нестабильного общества требовалась связующая сила, источником которой, как мы увидим далее, стала церковь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вера и церковь в X столетии

Религия в X столетии занимала центральное место. Всё население Западной Европы исповедовало католицизм. И духовенство, и правители верили, что язычников надлежит обратить в христианство как можно скорее, чтобы они могли воспользоваться возможностью прощения первородного греха и спасения при помощи крещения. Чтобы постичь эти религиозные чувства, нам следует проникнуть в мир, отличный от нашего собственного. В отличие от нынешней «приватизированной» религии, вера X века была очень публичной.

Для нас природный мир является упорядоченным, самостоятельным и объяснимым при помощи науки; для них он был хаотичен. Для нас Бог обособлен от мира; они же считали, что Бог постоянно вмешивается во всё происходящее, будучи его непосредственной причиной. Это превращает природу, общественную жизнь и повседневное общение в некий вид постоянной «теофа-

нии», или проявлений Божества. Люди чувствовали, что их жизнью управляют силы, которым невозможно сопротивляться, как добрые, так и зловредные, которые необходимо умилостивить. Людей пугали темнота, гроза и молнии, затмения луны или солнца.

Монах Родульф Глабер сообщает, что в 989 г. явилась комета, которая осветила половину неба, вероятнее всего комета Галлея. Глабер сомневается, «была ли это новая звезда, посланная Богом, или звезда уже существующая, чей свет Он усилил как знамение, известно только Ему, чья святая премудрость устраивает все вещи». Тем не менее она «ясно возвещает некие удивительные и повергающие в трепет события в мире, имеющие произойти краткое время спустя». Когда через три года сторел дотла монастырь и центр паломничества Мон-Сен-Мишель, Глабер «получил» свое «повергающее в трепет» событие¹. Бурхард Вормский рассказывает, что характерным для того времени был страх темноты: «Если необходимо отправиться в путь до первого света, многие на это не решаются, говоря, что откладывают свой отъезд, и что до криков петухов отправляться не дозволено, и что бесам легче вредить человеку перед рассветом, чем после него»². Тем не менее люди ревностно вели астрономические наблюдения. «Англосаксонская хроника», например, сообщает об одиннадцати кометах, которые наблюдали между 679 и 1114 гг., а также о тридцати пяти затмениях солнца или луны, падающих звездах и полярных сияниях.

Реальность рассматривали как расположенную на двух уровнях; каждый человек жил в двойственном мире, и материальном, и духовном. Материальный мир познавался чувствами непосредственно, но свой контекст и значение он получал от гораздо более обширного духовного мира. Между этими двумя мирами было тесное взаимодействие, так что Бог, ангелы, Пресвятая Дева и святые, так же как сатана и демоны, оказывались непосредственно включенными в повседневную жизнь. Небо и преисподняя вторгались в сегодняшнюю жизнь, и границы между земным и потусторонним мирами были проницаемы. Молитва и ритуал в значительной степени имели целью побудить могущественные лица (Бога и, до некоторой степени, Иисуса, но особенно Пресвятую Деву и святых), которые обитают в духовной сфере, непосредст-

¹ Glaber. Historiarum. III. 3.

² Burchard. Decretum. XIX.

венно вмешаться в дела материального мира в интересах молител^{ей} и защитить их от нечистой силы. При этом люди зачастую интерпретировали всё необычное как чудесное или демоническое.

Другой группой проницаемых границ были границы между языческим германским миром и христианскими верованиями. Для рядовых священников и сельского населения эти реальности неразрывно проникали друг в друга. Параллельно с официальной церковной службой существовал широкий мир того, что мы назвали бы «народной религией», сфера чудотворных святых, реликвий, ангелов, дьяволов, заклинаний, заговоров и магии, обширная амальгама христианства и всё ещё сохранявшихся пережитков крестьянского язычества. Границы между жизнью и смертью были тоже проницаемы. Датский король Англии Кнут (Кнуд) (1016–1035), например, издевался над мыслью о том, что Святая Эдит, незаконнорожденная дочь короля Эдгара (957–973) и монахини Вульфилды, может оказаться святой. История продолжает, что, когда он при помощи взлома открыл гробницу Эдит в Вилтоне, тело приняло сидячее положение и хлестнуло Кнута по лицу. Король, грубый, выдававший виды воин, был охвачен ужасом и с тех пор выказывал великое почтение к святой Эдит.

Это не значит, что люди совершенно не принимали в расчет естественных причин событий. Есть даже свидетельства того, что люди той эпохи в полной мере понимали красоту природы. Однако они чувствовали, что сверхъестественные силы были также чрезвычайно важны в управлении природой, особенно погодой, урожаем и неурожаем, здоровьем и болезнью. Подчиненные силам природы, кажу^{щимся} зловещими в своём бесстрастии, люди прекрасно знали о трудностях и исключительной тяжести труда, который требовался, чтобы произвести базовые для жизни предметы первой необходимости. Это означало, что у них не было романтического взгляда на мир природы. Они нуждались в помощи сверхъестественных сил, какую только они могли получить, чтобы заставить землю и животных произвести количество продуктов, необходимое для того, чтобы они не умерли от голода.

Христианское понимание реальности воспринималось как основополагающее, и представления о религиозном плюрализме были немыслимы. Индивидуальность в современном смысле, обладающая личным, субъективным взглядом на веру, встречалась редко. Точность формы и внешних проявлений была гораздо более

важной, чем тот вид внутренней чистоты, который, по нашим заявлениям, мы ценим столь высоко. Поскольку христианство объясняло всю реальность, и каждый был крещен и подготовлен к жизни в общине в его рамках, отказ принять его, по крайней мере, внешне, давал возможность применить к личности санкции, как светские, так и церковные. Крайней мерой было отлучение от церкви, которое имело своим результатом одновременно и лишение гражданских прав, и исключение из общения с католической общиной. Это переносилось и на будущую жизнь; считали, что отлучение от церкви означает изгнание с небес после смерти.

Религиозная мания и отклонения были в то время необычны, но, как мы увидим в последней главе, имели место, и в значительной части такое поведение было связано с приходом миллениума. Конечно, встречались и сильные личности, как мужчины, так и женщины, как миряне, так и духовные лица. При этом, хотя неверие представляло собой крайнюю форму социального отклонения, против него предпринимались слабые меры до тех пор, пока люди держали свои взгляды при себе. Как мы видели, личности, подобные Готшалку (ок. 804–869), выказывали необычное свободомыслие, но и у них инстинкт приспособления оставался сильным. Возможно, ключевое различие между нашим и их взглядом на религию состоит в том, что мы рассматриваем веру как внутренние, духовные обязательства, которые требуют особых норм морального поведения, в то время как для людей, живших в X столетии, вера была внешней; она состояла в исполнении правильных обрядов и соблюдении того поведения, которого требовало общество. Это было, скорее, приспособление, чем исполнение обязательства. Важную роль играл страх. Смерть и страх осуждения укоренились в душах людей, что, в свою очередь, вело к пессимизму относительно спасения. На народном уровне это вызывало, как пишет Джонатан Сампшен, «фатализм, в рамках которого обращение к ритуалам с целью искупления греха, делается легче для понимания»¹.

Двумя наиболее важными ритуалами являлись паломничество к святым местам и почитание реликвий. Хотя для многих мир ограничивался теми местами, где они родились и жили, и их селе-

¹ *Sumption J. Pilgrimage: An Image of Medieval Religion. L., 1975. P. 21.*

ния с окружающими оные лесами были границами их мира, немало людей также совершало длительные путешествия, отчасти из-за того, что их земельные владения оказывались на поверку довольно маленькими. Жак Ле Гофф говорит, что они «легко покидали родину, потому что вряд ли она у них была». Собственность в нашем смысле «была почти неизвестна»; каждый держал землю на началах доверительной собственности от кого-то еще¹. Но более важной мотивацией для путешествий являлась вера.

Католицизм подчеркивал, что жизнь — это вечное паломничество. Как говорит Иисус, «нет никого, кто оставил бы [всё]... ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне... во сто крат более» (Марк 10: 29-30). Как последователи Иисуса, который «не имел, где преклонить свою голову», ранние ирландские монахи покидали клан и родину ради жизни на чужбине, странствуя по земле и морю, побуждаемые страстным желанием обрести в диких местах Бога. Ими двигали «своего рода неумная энергия и дух покаяния...искать Бога через трудную жизнь отшельника или одинокую жизнь того, кто является пришельцем в чужой земле... где ты чрезвычайно уязвим и потому зависим от Бога и открыт Ему»². Люди отправлялись в паломничество и по другим причинам: подвергаясь епитимье, или наложенной на самого себя, или во искупление греха; для получения чудесного исцеления в силу вмешательства святого в его или её святилище, или из-за почтения к отдельному святому; выполняя личные обеты; добываясь отпущения грехов; или просто удовлетворяя свою любознательность об окружающем мире. Самыми отдалёнными местами паломничества являлись Рим и Иерусалим, и к концу X в. был освоен довольно безопасный сухопутный маршрут в Палестину. В Европе места паломничества насчитывались сотнями. К концу века, в связи с упадком халифата, смертью в 1002 г. Альмансора и долгим правлением короля Наварры Санчо Великого (970–1030), очень большую популярность приобретает монастырь Сант-Яго-де-Компостела. Вдоль *Camino de Santiago* (Пути Святого Иакова), с дорогами, начинавшимися в Париже, Везеле, Ле Пюи и Трире, были построены монастырские гостиницы.

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 162–163.

² Collins P. Between the Rock and a Hard Place: Being Catholic Today. Sydney, 2004. P. 54.

Нет нужды говорить о том, что между разными центрами существовала острая конкуренция. Предприимчивые монахи Сен-Фуа (святой Веры) в Конке, расположенном среди холмов центральной части Южной Франции, оказались в стороне от дороги в Сант-Яго из Ле Пюи, шедшей через старинный римский город Агены. В аббатстве в Агене находились останки девы-мученицы III в. Веры, которую казнили как христианку во времена диоклетиановских гонений. Заботясь о том, чтобы отклонить путь паломничества в свое аббатство, монахи Конке в конце IX в. сговорились и похитили останки. Они поместили их в золотой реликварий, который проносили под звон кимвалов вокруг монастырских земель всякий раз, как угрожало вторжение врагов. В полном соответствии с их надеждами, паломнический маршрут (вместе с сопутствующими экономическими выгодами) переместился из Агены в Конке.

От паломников ожидали щедрости, и в Конке они незамедлительно откликались на призыв. «Ступай в мою обитель в Конке и пожертвуй мне твои золотые браслеты!» — объявила, как говорят, святая Вера жене Гильома Тайлифера, графа Тулузского¹. В другой истории некая женщина, которая отказалась отдать свое золотое кольцо, в результате претерпела лихорадку и ночные кошмары. Везель был другим местом остановки при паломничестве к Сант-Яго. Монастырь здесь построили около 860 г., и вскоре монахи обрели предполагаемые останки Святой Марии Магдалины, верной спутницы Иисуса.

Многие паломники считали, что их святые должны быть окружены подобающим великолепом. Они надеялись увидеть импозантный реликварий и впечатляющие здания. Д. Сампшен упоминает женщину, жившую в середине IX в., которая была разочарована, прибыв в аббатство Прюм, которое только что обрело некую новую реликвию: «Одна женщина прибыла [в Прюм] с повозкой, полной пищи, напитков и дорогих вещей, которые она намеревалась поднести Богу и святым мученикам. Но, увидев, что гробница святых не блестит золотом и серебром, она расхохоталась грубо и презрительно, как свойственно душам глупым и невежественным. Затем, поспешив обратно домой, она постаралась, чтобы вернуться и ее друзья, говоря им: «Вы не найдете в этом месте ничего священного!»²

¹ *Sumption J. Op. cit.* P. 158–159.

² *Ibid.* P. 153.

Те, кто отправлялся в долгие паломничества, обычно путешествовали налегке, поскольку дороги были в плохом состоянии. До некоторой степени всё ещё служили старые римские дороги, но их не поддерживали в порядке, а в некоторых местах перекапывали или использовали как каменоломни для строительства других дорог. Часто путешественникам приходилось использовать узкие тропы, которые зачастую проходили по опасным глухим местам или через горные массивы, подобные Альпам. Мостов было мало, находились они далеко друг от друга, и даже маленькие речки было невозможно перейти во время разлива. Обычно путешественникам приходилось перебираться через брод, который мог быть и довольно глубоким. Самое лучшее, на что они могли рассчитывать, — это канат, протянутый от одного берега до другого. Легенда о святом Христофоре, которая впервые обрела популярность в Европе в IX столетии, вероятно, происходит от мысли о сильном человеке, который переносит паломников на своих плечах на трудной речной переправе.

Паломничество стимулировало дорожное строительство. Диана Вебб подчёркивает, что «святые места и дороги существовали в тесной взаимосвязи»¹. Дороги шли вдоль невысоких гор, чтобы избежать речных долин, которые часто бывали заболоченными и малярийными. Начали появляться стоянки, где имелись пища, вода и жильё, обычно на расстоянии дневного пути друг от друга. Опытные купцы или путешественники могли покрыть от 16 до 38 миль (26 и 60 км) ежедневно, в зависимости от условий. Пилигримы путешествовали медленнее. Путешествия по морю были обычно гораздо быстрее, но также и гораздо опаснее.

Тесно связан с паломничествами был культ реликвий, поклонение телам святых или предметам, которые с ними соприкасались. Психологически этот культ вырос из естественного инстинкта чтить тела мертвых. Всё началось с останков христиан, которые приняли мученичество во время римских гонений. После обращения германских племен на останки мучеников существовал возрастающий спрос. Это вело к расчленению тел в катакомбах, даже невзирая на то, что это противоречило римскому гражданскому праву. Римляне, всегда чувявшие конъюнктуру, начали торговлю

¹ Webb D. Medieval European Pilgrimage, c. 700 — c. 1500. Basingstoke, 2002. P. 114.

подлинными и фальшивыми реликвиями, несмотря на церковные законы, управлявшие их торговлей и обменом. Навинным северянам было продано много фальшивых реликвий, таких, как кости животных. Родульф Глабер рассказывает, как один мошенник, который использовал множество кличек, раскапывал могилы, складывал кости в короб «и широко продавал их как останки исповедников и мучеников». Одна из его наиболее успешных жульнических проделок заключалась в помещении предполагаемых останков святого Юста (Иуста) в алтарный камень аббатства Сан-Джусто в Валь-ди-Суза, ниже перевала Мон-Сени, в районе, опустошенном сарацинами. Глабер, который присутствовал при освящении алтаря, утверждает, что он и «многие рассудительные люди» не позволили проходимцу себя обмануть, но «толпы сельского люда, развращённые этим торговцем...долгое время упорствовали в своём заблуждении»¹.

Другая необыкновенная история касается останков святого Гинефора из деревни Сандранс к северу от Лиона. Хотя и святой, Гинефор был вовсе не человеком, а героическим борзым псом, любимцем хозяина! Однажды, когда владелец собаки отсутствовал, большая змея подползла к колыбельке его ребенка. Гинефор набросился на неё и убил, но сам был жестоко изранен. Ребенок уполз в другую комнату. Когда родители вернулись, они обнаружили, что колыбелька и пёс покрыты кровью. Думая, что Гинефор напал на ребенка, они убили его, но затем нашли невредимое дитя и растерзанную змею. Местные женщины-крестьянки стали «приходить на это место и почитали пса как какого-нибудь мученика, молились ему об исцелении от увечий и по другим надобностям», в особенности же для того, чтобы борзой пёс позаботился о больных детях².

В основе культа реликвий лежала мысль о том, что соприкосновение с ними явит власть Бога при помощи вмешательства святого персонажа. Именно в силу этого, как считалось, реликвии творят чудеса или изгоняют бесов. Важность они приобрели, основываясь на трех положениях, на которые делала акцент теология: во-первых, повсеместно распространенном сознании соб-

¹ *Glaber. Historiarum. IV. 6–8.*

² *Etienne de Bourbon. De Supersticione* (Русский перевод этого фрагмента см.: Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск, 1994. С. 76–79).

ственной греховности и страхе наказания, который доминировал в средневековой религиозной психологии; во-вторых, на сдвиге от акцента на милосердии Божиим в сторону мнения о Его инаковости и суровом суде; и, в-третьих, на чрезмерном подчеркивании божественности Христа и его отстраненности от повседневной жизни. При господстве мнения о Боге/Христе как судье, люди почувствовали нужду в посредниках, и потому важную роль стал играть культ Пречистой Девы и святых. Люди смотрели на святых как на влиятельных лиц при небесном дворе, которые могли ходатайствовать перед Богом за просителя. Святой рассматривался не как кто-то давно умерший, но как могущественный персонаж, который может создать связь между небесами и землей и сфокусировать милость и власть Бога на нужде просителя.

Реликвии были столь важны для церквей и монастырей, что во время набегов викингов клирикам и монахам приходилось забирать их с собой во время бегства. Как пишет Дэниэл К. де Селм, «вдобавок к тому, что они были объектом поклонения, [реликвии] представляли собой и стабильный источник «духовного капитала»....Такой капитал мог послужить средством для достижения цели монахам и клирикам, стремившимся восстановить потери, понесённые во время набегов викингов»¹. В некотором смысле термин «духовный капитал» прекрасно суммирует, как реликвии служили тем, кто ими владел. Они были полезным ресурсом, который приводил людей в соприкосновение с тем святым, которому они принадлежали; взамен тот обеспечивал божественное вмешательство в жизнь просителей. Чем больше святых люди имели на своей стороне, тем больший духовный капитал у них был для того, чтобы сфокусировать его на своих нуждах.

Если для духовности X столетия были важны реликвии, то в ещё большей степени это можно сказать о духовенстве. Оно стояло в промежуточном пункте между земной и сакральной реальностью, между повседневным и святынями, которые давали людям доступ к божественному. Скромный и зачастую невежественный местный священник, таким образом, считался самым важным че-

---

¹ *De Selm D. C. Unwilling Pilgrimage: Vikings, Relics, and the Politics of Exile During the Carolingian Era (c. 830–940). PhD thesis. Ann Arbor, 2009. P. VI–VII.*

ловеком в своём селении, поскольку стоял на грани священного. Тем не менее условия жизни его были немногим лучше, чем у крестьян, для которых он совершал богослужение. Он не имел профессиональной подготовки или разве самую незначительную. У немногих было «призвание» в современном смысле. Одни оказывались рукоположены как сыновья или племянники священников, другие назначены местными магнатами, а третьих посвятили церковному служению их родители. Большинство было бедняками, стремившимися повысить свой социальный статус и статус своей семьи. Епископ Верцелл Аттон (924–961) отмечает, что люди часто приходят *nudi ad Ecclesiam*, т.е. они приходят в церковь ни с чем с целью поправить свое положение при помощи священства¹. В своем капитулярии (эдикте) Аттон требует, чтобы священники были знакомы с Писанием и церковным правом и, по крайней мере, знали наизусть Апостольский и Никейский Символы веры. Они должны были уметь отслужить мессу на латинском языке и совершать таинства, свободно исполнять погребальные обряды для своих прихожан и давать им наставления в чтении и письме. Им не следовало заниматься предпринимательством, сдавать землю в аренду или брать проценты с долга². Во франкских землях священникам рекомендовалось носить вокруг шеи столу, особенно во время путешествий, чем-то напоминающую нынешние собачьи ошейники.

Интересно, что Аттон был также уверен, что в ранней церкви существовали рукоположенные женщины-священники и диаконы. Священник по имени Амвросий спросил его, почему в древних священных канонах слова «пресвитер» и «диакон» встречаются в женском роде (*presbyterae, diaconae*). Аттон ответил недвусмысленно, что эти слова не относятся к мужчинам-священникам и вдовам диаконов, но к женщинам, которые в древней церкви «именовались *presbyterae* (женщины-священники) и выполняли обязанности проповеди, рукоположения и наставления, точно так же, как диаконы, принимали на себя обязанность службы и крещения»³. Это, наверное, была логичная позиция для того, кто так протестовал против браков духовенства, как Аттон.

¹ *Atto Vercellensis. Epistolae. IX.*

² *Atto Vercellensis. Capitulare. III, IV, VII, XVII–XX.*

³ *Atto Vercellensis. Epistolae. VIII. 4.*

Подобно Аттону Ратерий, епископ Веронский, у которого собственная церковная карьера была довольно переменчива, имел скептический взгляд на мораль подчиненного ему духовенства. Обращаясь к ним на соборе во время Великого поста 966 г., он жалуется, что есть священники, «которые днем служат мессе... [но которые] постоянно производят сыновей и дочерей в блудных связях»; другие «извергают вчерашние пьянство и излишества прямо перед алтарем Господа». А ещё другие «постоянно поглощены судебными процессами, рождены алчными, истощены ненавистью и завистью» или совершают мошенничества¹. Особенно Ратерий нападает на священника по имени Иоанн, который «помолвил [обещал] своего сына [тоже священника] с девушкой [дочерью другого священника] во время Поста и... сочетал их браком в Ночь Господа», т.е. в Великую Субботу, совершив таким образом «двойное беззаконие»: нарушение Великого Поста празднованием помолвки и замена празднования Воскрешения Христа совершением церковного брака. Ратерий заявляет, что «всем известно... у священника или диакона не может быть законной жены». Поэтому, если сына, «рождённого в этом... блуде, отец делает священником, а тот подобным же образом делает священником своего собственного сына», церковный блуд делается повальным, и священническое место переходит от отца к сыну. Было бы лучше, говорит Ратерий, «вашему потомству быть мирянами, и выдавать замуж ваших дочерей за мирян, с тем чтобы блуд имел пределом вашу кончину»². Тем не менее Ратерий поневоле признаёт, что «если бы мне пришлось изгнать из рядов духовенства тех, кто имеет многих жён, с кем бы я остался в церкви кроме мальчиков?»³

Аттон Верцелльский тоже жалуется на то, что «этой неводержанностью охвачены многие» и что некоторые духовные лица «будучи охвачены похотью, позволяют грязным блудницам жить в своих домах, есть вместе с ними и появляться вместе с ними на публике»⁴. Реформаторы, подобные Аттону и Ратерию, постоянно именовали жен священников «сожительницами», «проститутка-

¹ *Ratherii Synodica* // *The Complete Works of Rather of Verona* / Trans. P. L. D. Reid. Binghamton; N. Y, 1991. P. 445.

² *Ratherii Opusculum de nuptu cuiusdam illicito* // *Ibid.* P. 452, 454.

³ *Ratherius. Itinerarum. December 966* // *Ibid.* P. 472.

⁴ *Atto Vercellensis. Epistolae. IX.*

ми» или «прелюбодейками», заявляя, что священники не могут вступать в канонически законный брак, а потому живущие с ними женщины на самом деле являются любовницами. Аттон был клерикальным женоненавистником, который рассматривал брак как отвлекающий от стремления к Богу фактор. «Жизнь без женщин является благом», — заявляет он¹.

К концу X столетия возрос нажим, имеющий целью наложить целибат на всё духовенство. При попытках сделать это особенно важным были три момента. Первым была боязнь отчуждения церковной собственности, боязнь, которую ясно иллюстрирует пример Теофилактов и Альберика, которые обращались с церковной собственностью как со своей личной. Второй нам довольно чужд: ритуальное табу на сексуальное осквернение, берущее начало в языческих обычаях и Библии. Месячные считались пораженными вредоносной магией, и священника, который служит мессе после половых сношений с менструирующей женщиной, очень опасались. Третий фактор был связан с господствовавшей тогда теологией Святого Причастия: подобно тому, как Христос был рождён Девой, так и Христос при Причастии должен родиться на алтарях целомудренных, неосквернённых, безбрачных священников.

Несмотря на законодательные акты соборов и синодов, требовавшие целибата, и обвинения со стороны епископов-реформаторов, браки в среде духовенства были весьма распространены, будучи тесно связаны с *ecclesia propria*, «частной церковью», которой владели местные светские магнаты, монастыри, подобные аббатству Сен-Жермен-де-Пре, или сами священники. Для того чтобы понять значение выражения *ecclesia propria*, нам следует учитывать, что структура церкви X в. очень отличалась от сегодняшней. Наиболее важным средоточием церкви был местный священник. Епископ жил в городе, а папа в далёком Риме, который люди того времени воспринимали примерно так же, как наши современники Тимбукту. Большинство людей даже не знали имени папы. Сегодня вся церковная собственность, включая церковные приходы, принадлежит епархии и управляется епископом (исключением является собственность религиозных орденов). Тогда большая часть церковной собственности, включая приходы, принадлежала

¹ *Atto Vercellensis. Epistolae. I.*

мирянам. Такую форму права собственности обычно называют «частной церковью», хотя этот термин и вводит в заблуждение, поскольку нам в этом случае не следует думать в современных категориях абсолютного права собственности. Сьюзан Вуд определяет частную церковь как «церковь, которая была собственной у некоего лица или группы...владение, включающее не только церковное здание вместе с тем, что в нём находится, но и относящиеся к нему земли, строения и инвентарь, десятину, сборы, продукты, и назначение в церковь священников»¹. Однако в методах осуществления права собственности и в том, как люди думали о вещах в качестве «своей» собственности, существовало много вариаций.

Мирская собственность на церковь являлась результатом сдвига от преимущественно городского мира поздней Римской империи, когда в большинстве городов были епископ и небольшая группа пресвитеров (священников) к германскому сельскому миру. В римском праве церковную собственность держали от имени епископа. После падения Западной Римской империи города стали приходить в упадок, а церковь начала осуществлять длившийся несколько столетий процесс обращения германских племён в христианство. К середине шестого столетия по всей Европе существовали сельские приходы, распространявшиеся сначала с юга на север Галлии, а затем в Англию и Германию. К VII в. местные магнаты строили церкви в своих собственных землях и принимали на службу священников, часто людей из самого этого селения. Начиная со смерти в 639 г. Дагоберта I, последнего сильного короля из династии Меровингов, началась массовая секуляризация церковных земель, когда могущественные миряне захватывали у церкви ее владения. Германские народы воспринимали общество как вырастающее снизу, а не как подчинённое контролю сверху, поэтому они посчитали традиционную централизованную епархиальную систему чуждой себе. Поэтому они не могли помыслить церковь как общественное единство и провести различие между *ius publicum* и *ius privatum*, правом собственности в публичном праве и правом частной собственности. Поэтому они просто трактовали церковь как частную собственность. Тогда не существовало связно организованной «системы» приходов, подобной нынеш-

¹ Wood S. The Proprietary Church in the Medieval West. Oxford, 2006. P. 1.

ней. Все распоряжения делались *ad hoc*, к случаю, и были частичными.

Епископы, особенно в Италии и Испании, сопротивлялись светской собственности. Карл Великий и его преемники пытались регулировать собственников церковей, оговаривая в качестве условия, что, хотя земля и строение принадлежит земельному собственнику, местный священник непосредственно подчинён епископу, который наблюдает за его профессиональной подготовленностью. Другой процедурой, которую контролировали епископы, являлось рукоположение священников. Но земельный собственник предоставлял священникам работу, давал пристанище и плату. Обычно он был обязан предоставить в свободное от арендной платы использование одну гайду (около 60 акров) поля и сад. Таково происхождение того, что именуется «бенефиций», платой за исполнение обрядов церковной службы.

Собственник был подобен держателю церковных привилегий. Он располагал прибыльными статьями доходов, которые включали землю, на которой стояла церковь, церковное здание, дом священника, десятину (налог в 1/10 сельскохозяйственной продукции), выкуп за столу и подарки людей и кладбище. Эти права собственности могли быть проданы, переданы во временное пользование, подарены, заложены, изменены, унаследованы или разделены между несколькими людьми. Однако такой порядок не был чётко разработанной, юридически оформленной «системой», которая была признана как правомерная по всей Европе. Фундаментальное исследование С. Вуд «Частная церковь на раннесредневековом Западе» показывает, что на самом деле никакой системы не было и что понимание собственниками своего права собственности было многообразным, сложным и неопределённым. Оно стало ещё более запутанным в результате практики наследования. Недавние исследования множества раннесредневековых завещаний, грамот, земельных дарений и контрактов обнаруживают изобилие различных распоряжений. В документации на землю и распоряжениях по поводу прав собственности, которые были гибкими и регулировались обычным правом, последовательности не существует.

Священники тоже могли быть собственниками. Иногда священник строил церковь сам или наследовал ее, обычно от родственников. Согласно С. Вуд часто священник просто занимал «место своего отца или дяди или мог приобрести церковь как подарок

или покупку». Он мог назначить своего преемника (по непонятной причине это называлось в средневековой латыни *ordinatio*) «или иным способом передать церковь избранному им наследнику; или... мог рассчитывать на ее передачу естественному наследнику (сыну или племяннику)». Священники могли владеть и более, чем одной, церковью, а также иметь различные интересы в нескольких церквях, «может быть, как единственный священник в группе сородичей, или как один из небольшого сообщества священников»¹.

Есть много примеров подобных практик. Например, в Болье-сюр-Дордонь в 868 г. священник Адальберт сообщает, что его церковь, вместе со всем, что ей принадлежит, перешла к нему от его деда Стардигия, который оставил ее «моему отцу Рагамфреду, а мой отец моему брату, священнику Ландрику, а Ландрик мне, в силу того же самого *carta testamenti*²». Некоторые священники продавали, покупали или раздаривали церкви почти так же, как действуют современные спекулянты земельными участками. С. Вуд описывает священника и диакона, которые в 958 г. отдали 2/3 церкви и ее земель городу Безье в Лангедоке. В другом случае, в 971 г., три священника «отдали Леза³ аллод⁴, включая церковь и ее книги, облачения, сосуды, земли, виноградники и луга ради душ их сородичей (двух священников)... Те же самые три священника приобрели церковь у двух супружеских пар мирян»⁵. Хотя церковную собственность нельзя было отчуждать или использовать не по назначению, хозяйственная деятельность в целом, очевидно, оставалась открытой для широко распространенных злоупотреблений.

Поскольку такие подходы были глубоко укоренены в культуре, казалось вполне естественным, что церковь должна быть собственностью местного лорда, а священник одним из его людей. Общим результатом мирского права собственности было то, что и священник, и община были в большей степени связаны с местным лордом или магнатом, чем с епископом и епархией. Это также повышало роль священника за счет епископа. Ещё более важным

¹ Wood S. Op. cit. P. 659.

² Завещательное письмо или завещание.

³ Селение во французских Альпах.

⁴ Имение, которое держали на условиях полной собственности.

⁵ Wood S. Op. cit. P. 661.

было отсутствие различий между священником и мирянами. Рукоположение не создавало клерикальной касты сегодняшнего католицизма. После него священники жили той же самой жизнью, что и их прихожане. Хотя священнический celibat был правилом, его гораздо больше чтили официально, чем соблюдали, особенно в сельских районах. До XI в. серьезных попыток принудить к celibату было немного, и сельские священники счастливо жили со своими женами или «сожительницами», как называли их радикальные реформаторы. В сущности, священник был семейным человеком, точно так же, как и его прихожане.

Мы получаем полезные сведения о повседневной жизни и обязанностях священников из инструкций для епископских посещений приходов. Одним из примеров является «Книга о церковной дисциплине» Регинона Прюмского, из текста которой вырисовываются черты, характерные для идеального священника; несомненно, уровня высоких ожиданий Регинона достигали немногие¹. Первый круг вопросов в «Дневнике» относится к церковным зданиям и инвентарю. Епископ должен удостовериться, что церковь освящена, и осмотреть церковное строение, обращая внимание, что крыша невредима и птицы, особенно голуби, не могут садиться в гнёзда, разнося птичий помёт и мешая богослужению. Церковь не следует использовать в качестве амбара. Он должен следить за качеством и чистотой алтарного покрывала, чаши и дискоса. Ему надо удостовериться, что церковные реликвии невредимы и что в ризнице или близ алтаря есть проточная вода для того, чтобы отправляющие службу священники могли омыть руки перед Причастием и после него. Там должна быть и дарохранительница, в которой находится до освящения хлеб Причастия, хранимый в алтаре для принятия последнего причастия умирающим. В церкви также должны быть молитвенник, книга «Апостол» и антифон. Епископу надлежит проконтролировать, какие ещё книги есть в церкви, количество и качество священнических одеяний, освещение церкви и число наличных восковых свечей. Атриум церкви должен быть закрыт, чтобы там не могло случиться никакого *immuditia* (проявления похоти или сладострастия).

Упоминание одеяний здесь интересно, поскольку именно в IX и X вв. облачение для мессы приняло свою окончательную форму.

¹ *Regino Prumensis. Libellus de ecclesiasticis disciplinis* // PL. 132. P. 187–456.

Вплоть до этого времени оно было лишённой украшений формой римского мужского одяния. Но теперь оно стало тщательно декорироваться, всё более символизируя отделение духовенства от мирян. Кроме того, именно в этот период возникла епископская митра, странный треугольный щитообразный головной убор, который епископы до сих пор носят во время церковных церемоний. Ее происхождение остается неясным.

Регинон говорит, что затем епископ должен исследовать личную жизнь священников. Есть ли у него женщина, живущая в его доме? Есть ли там *mulier subintroducta*, женщина, тайно проведенная в дом священника? Хотя о celibате было много разговоров, церковные власти обычно не обращали внимания на женатых священников, и мы знаем, что женаты были многие епископы, включая нескольких живших в первом тысячелетии пап, таких, как сам святой Пётр. Последним женатым папой стал Адриан II (867–872). Более важными были пастырские обязанности священника. Регинон спрашивает: посещает ли он больных, примиряя и соборую их, и приносит ли им причастие лично? Настаивает ли он на необходимости крещения для младенцев, примирения для больных и погребения для мёртвых? Не проводит ли он мессу в частных домах, что запрещалось. Не пьёт ли он в тавернах и не является ли пьяницей? Не является ли он сутягой, любителем охоты с собаками или соколом? Не является ли крамольником? Затем шли вопросы, касающиеся отправления мессы, с упором на проповедь слова Божия людям на их родном языке.

Несомненно, у священников было много книг проповедей, на основе которых они могли строить свои собственные наставления. Ожидалось, что они поднимутся рано, чтобы отслужить заутреню или утреннюю службу, за которой следовала месса. Иногда священнику приходилось голодать до самой ночи, если из-за стечения паломников в селение он служил мессу вновь. Уделялось внимание и социальной справедливости: заботится ли священник о бедных, паломниках и сиротах? Приглашает ли он их к своему столу для трапезы?

Другим созданием раннего Средневековья, имевшим долговременные последствия для католицизма, была практика, которая тогда именовалась «тариф на покаяние», а позже была переименована в «исповедь» или «тайна покаяния». Ныне она именуется

«примирение с Богом». В ранней церкви только за наиболее серьёзные грехи (отступничество, убийство, прелюбодеяние) наказывали в соответствии с церковным Уложением о наказаниях, что зачастую означало публично наложенные долговременные, унижительные и обременительные кары. К VI в. эта дисциплина вышла из употребления, и в ирландских монастырских кругах постепенно укоренилась новая форма покаянной дисциплины. Она включала в себя тайную исповедь священнику и наложение покаяния, за которым следовало отпущение грехов. Алкуин был и остается прав, говоря молодым монахам в Туре, что Бог «предоставил нам место для самообличения наших грехов перед Божиим священником»¹. Для сельских священников составлялись Уложения о наказаниях, или справочники о видах покаяний, содержащие покаяния, «точно определенные за все проступки, будь они лёгкими или тяжёлыми по характеру». Эта форма покаяния, широко известная как «тариф на покаяние» («цена», уплаченная за отдельный грех), распространилась из Ирландии на Англию, а затем на Европу².

Слово *paenitere* означает «голодать», и воздержание от пищи и питья часто бывало частью покаяния, налагаемого Уложениями. Налагались отказ от хлеба и воды, воздержание от мяса и вина. Отказ от использования оружия налагался за нападение на другое лицо, раздача подаяния часто бывала покаянием за богатство. «Длительность этих покаяний зависела от тяжести грехов и была разной в [различных] книгах Уложений». Например, за пьянство назначалось семидневное покаяние, в то время как за чревоугодие один день. Для повторных поступков в расчет принималось каждое отдельное деяние. Со временем это приобретало всё более механический характер. Например, долгое покаяние могло быть сокращено более интенсивным исполнением на протяжении более короткого периода: годовое покаяние, например, могло быть сокращено до трехдневного полного голодания. Покаяние можно было также «выкупить», получив полномочия понести его вместо того, на кого оно было наложено. Началось это, когда отдельным личностям мешала совершить покаяние болезнь, но выродилось в плату кому-либо ещё за то, чтобы покаяние совершил он. В покаянных канонах,

¹ *Alcuin. Litterae.* 131.

² *Poschmann B. Penance and the Anointing of the Sick.* L., 1964. P. 125.

неправильно приписанных королю Эдгару, «некий магнат смог завершить семилетнее покаяние в три дня при помощи соответствующего числа голодовок среди наёмных людей». Хотя «исповедь была в первую очередь средством...помочь священнику определить покаяние, подобающее...данному греху», теологи считали, что «искупление [через покаяние] было всё же серьёзной причиной для прощения греха»¹.

Бернхард Пошманн указывает, что Уложения о покаянии были написаны для относительно примитивного общества и что, хотя опасность чисто механического подхода всегда присутствовала, теологи подчёркивали важность искреннего раскаяния и обращения. Священник был ключевой фигурой для действия всей этой системы. Ведомый своим Уложением, он должен был адаптировать покаяние к серьёзности греха и личным обстоятельствам кающегося грешника. На сексуальных грехах внимание сосредотачивалось из-за убеждённости в том, что воспроизводство было не чисто личным делом, но в значительной степени затрагивало семью, наследование, и в конечном счете социальный порядок сам по себе, а потому касалось всех, особенно церкви.

«*Decretum*» Бурхарда, епископа Вормского, который отражает практику конца X в., дает нам некоторое представление о том роде подробностей, которые обнаруживают Уложения о покаянии². Этот текст охватывает широкий круг проявлений человеческой безнравственности, включая насилие, убийство, кровосмешение, колдовство, заклятия, чревоугодие, блуд, клятвопреступление, божба, кража, похищение людей. «*Decretum*» повествует лаконично, фактично и бесстрастно. Иерархия покаяний соответствует проступкам и «суровость наказаний зависит от того, нарушает данный грех общественный порядок или нет»³. Чисто «субъективные», личные грехи заслуживают и менее сурового наказания. Кроме того, Бурхарт считает, что женщинам нужно специальное руководство, поскольку их влияние действует на мужчин разрушительно⁴. Подобно распутному герцогу Мантуанскому в «Риго-

¹ Poschmann B. Penance and the Anointing of the Sick. L., 1964. P. 125. P. 126, 128, 141.

² Burhard. Decretum. XIX.

³ Duby G. The Knight, the Lady, and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France. Harmondsworth, 1984. P. 66.

⁴ Burhard. Decretum. IX.

летто», Бурхарт считает, что *La Donna è Mobile*, «женщина переменчива». Он говорит, что женщины слабы, лживы, легко сбиваются с пути, и их следует держать под жестким контролем их мужей. Они также похотливы, и Бурхард рассматривает интимные подробности женской сексуальности, включая мастурбацию, сношения между женщинами, а также между женщинами и детьми. Истинно клерикальный женоненавистник, он обвиняет женщин в проституции, абортах и смерти их детей, пусть даже случайной.

Особо сосредотачиваясь на сексуальных грехах (главная забота уложений о покаянии), Бурхард говорит, что священник должен расспросить грешника о точных подробностях его греха, заботясь в то же время о том, чтобы не проговориться о других сексуальных возможностях и изменениях. Девятнадцатая книга «*Decretum*» настолько детально говорит о сексуальных грехах, что является своего рода раннесредневековым докладом Кинси! Мужская мастурбация заслуживает десяти дней голодания на хлебе и воде, как и блуд с незамужней женщиной или служанкой. За взаимную мастурбацию полагается тридцать дней. Женская мастурбация с фаллоимитатором влечёт годовое покаяние. Половой акт не в миссионерской позе предполагает десятидневный пост, хотя в том случае, если грешник был пьян, требуется только пять дней. Сурово наказывался оральный секс. Сексуальные сношения запрещались во время менструации у жены, её беременности или вскармливания ребенка, как и во время Великого поста, Рождественского поста, Пятидесятницы, Пасхальной недели, а также постных дней и воскресений. Нарушения, совершённые в это время, стоили сорокадневной голодовки.

Для грехов, которые расстраивают социальный порядок, таких, как похищение людей, прелюбодеяние, жестокость, захват чужой жены или монахини, или предложение своей жены другому мужчине, грешнику полагалось сорокадневное покаяние ежегодно на протяжении семи лет, тому, кто убил ближайшего или кровного родственника, — от семи до десяти лет покаяния, убившие ребёнка после крещения — десять лет. Как говорит Жорж Дюби, «похищение людей и прелюбодеяние... уничтожали брачные контракты, совершая общественное преступление, которое возбуждало ненависть между семьями, порождало месть... и раскалывало общность»¹.

¹ Duby G. Op. cit. P. 68.

Убийцы получали то же самое наказание. Бурхард снисходителен к проступкам молодых неженатых людей и к мужскому гомосексуализму, который, подобно Гинкмару Реймскому, он приравнивает к блуду. Джон Босуэлл считает, что, судя по покаянию, назначаемому за гомосексуальные действия, за исключением анальных сношений с женатым мужчиной, они «были распространены примерно так же, как вовлечение друга в запой»¹.

Учитывая, что священники должны были применять эту систему покаяний, важно выяснить, насколько они были подготовленными. По большей части подготовки они не имели. Хотя некоторые получили довольно хорошее образование в монастырях, они были исключением. Подготовка сельского духовенства была в лучшем случае *ad hoc* и обычно исходила от местного священника. Священник-отец, конечно, обучал своих детей основам: латинскому языку мессы и таинств; символу веры, молитвам и ритуалам и социальной роли священника в селении.

Уровень подготовки был важен, поскольку от сельского священника зависело очень многое. Духовная жизненная сила общины возрастала от качеств ее священника или полностью от них зависела. Конечно, местные лорды хотели компетентных священников, поскольку у них были старинные интересы в их церковной собственности. Но когда в дело вступала протекция, духовная и образовательная компетенция не была высшим приоритетом. Все, чего желали на деле, — это чтобы он был хорошим смотрителем.

Выше местных общин стояли епархии и епископы. В X в. в Европе было чуть больше 350 епархий и территорий их миссионерской деятельности; 170 из них находились в Италии. Хотя Рим считался епархией апостола Петра и центром церковной общины, епископы господствовали в своих епархиях, значительной была и власть 57 архиепископов. Местные епископы обычно назначались местными правителями или иногда избирались духовенством. За этим следовало одобрение и посвящение со стороны архиепископа. Рим при назначении епископов играл незначительную роль или не имел таковой вообще. Некоторые епископы не только возглавляли местную церковь; они бывали также и гражданскими

---

¹ Boswell J. Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality. Chicago, 1980. P. 206.

чиновниками в королевской администрации, или управляли одним из пяти небольших церковных анклавов, подобных Реймсу в Северной Франции.

Церковь и государство были неразрывны, и действовали они в реальности, именуемой *Christianitas*, которую мы можем назвать «Христианский мир». Это было отклонением от цезарепапизма позднеримского и византийского мира, в котором теократическое государство контролировало церковь, т.е. церковь была государственным институтом. В X в. церковь и государство рассматривались как различные аспекты одной и той же реальности, как две стороны одной монеты. Королевская власть была священна, и помазание монарха было столь же священным, в значительной степени в том же самом смысле, как рукоположение священников и епископов. Поскольку король являлся священной персоной, священникам и епископам вполне подобало получать от него назначения и трудиться в качестве гражданских должностных лиц.

Но здесь существовала и опасность для церкви. Поскольку действенного разделения между священным и мирским не существовало, амбициозные аристократы могли приобретать всё больший контроль над церковными должностями и землями. Знать трактовала свой географический домен и всё внутри его как личную собственность. В итоге церковь более не являлась противовесом аристократии; они были взаимосвязаны и взаимозависимы. Это относилось даже к пастырским обязанностям. Взаимозависимость подкреплялась ритуалом. После своего рукоположения с соблюдением священных обрядов епископ преклонял колени перед назначавшим его королём или лордом и получал от него кольцо и пастырский посох. Это символизировало вступление епископа во владение имуществом, которое приходило с его должностью. Так обрела почву идея о том, что местный аристократ или король на самом деле владеет должностью и тем, что с ней связано, и что он возлагает её на избранное духовное лицо. Это вело к полному смешению между духовными и мирскими ролями. Часто духовные и пастырские обязанности церковной должности находились в пренебрежении, широко распространялась симония (продажа и покупка церковных должностей), и такие совершенно недостойные фигуры, как младшие сыновья аристократов, некоторые из них (как мы видели) ещё в детском возрасте назначались на столь важные церковные посты, как епископ или архиепископ.

Гаттон I, архиепископ Майнцский с 891 по 913 г., был типичным епископом этого времени, человеком, который являлся одновременно и церковным, и политическим администратором. Исторически он имеет незаслуженно плохую репутацию. Существует его изображение конца XV в. в полном епископском облачении с крысами, ползающими вокруг него. Оно восходит к недостоверной легенде, которую в Англии сделала популярной поэма Роберта Саути «Суд Божий над Гаттоном» (1799 г.), согласно которой он во время голода заманил голодающую бедноту в большой амбар, пообещав ей пищу, но затем запер дверь и сжёг строение. Однако, говорит легенда, возмездие было быстрым. На следующий день крысы пожрали собственные запасы Гаттона, и он укрылся в *Mäuseturm*, Мышиной Башне, на рейнском острове напротив Бингена. Здесь крысы напали на него самого. «Они обгрызли его плоть до последней косточки», и он погиб ужасной смертью. С этой легендой связано две проблемы. Впервые она появляется в XIV в., почти четыре столетия спустя после Гаттона I, и *Mäuseturm* реставрировал именно его наследник, Гаттон II, в 968 г. Тем не менее ясно, что характер Гаттона I был достаточно неуживчив, это и создало ему дурную репутацию. Имя его, человека амбициозного и беспощадного, очернил Генрих Птицелов, который давно распространял дурную молву о нём.

Он родился около 850 г. в швабской аристократической семье близ озера Констанц, получил образование в аббатстве Эльваген, стал монахом в Фульде и был избран аббатом Райхенау в 888 г. Но все его политические действия не означали, что Гаттон перестал быть епископом. Наряду с управлением своей епархией и провинцией (Майнцское архиепископство было столичным для Восточно-Франкского королевства), он оказался вовлечён и в церковные дела. Его влияние можно усмотреть на Трибурском соборе (5 мая 895 г.), где он председательствовал вместе с архиепископами-митрополитами Гериманом Кёльнским и Ратбодом Трирским. В этом соборе участвовало двадцать шесть епископов из Восточной Франции. Его решения охватывают ряд спорных вопросов, относящихся к пастырскому служению, включая рекомендацию совершать крещение тройным погружением, чтобы напомнить христианам о трёх днях, которые Христос провёл в гробнице; появление из воды рассматривалось как символ воскрешения. Далее, собор постановил, чтобы бракосочетание завершалось обменом согласием и ри-

туальным благословением, чтобы ни один мирянин не мог быть погребён в церкви, чтобы, если разбойники будут схвачены или ранены, они могли исповедаться священнику или диакону и им не отказали в причастии. Собор также принял, как обычно, множество мелких решений, относящихся к жизни священников.

Этот собор разбирал давний спор между архиепископом Германом Кёльнским, архиепископом Гамбурга—Бремена и папством. Этот спор начался в 845 г., когда Гамбург разрушили викинги, и две епархии, гамбургская и бременская, были объединены. Папа Николай I утвердил это решение в 864 г. Этим он задел митрополию Кёльн, поскольку Бремен являлся её викарной епархией. Несмотря на приказ папы Формоза передать это дело на рассмотрение в Рим, Трибурский собор отказался повиноваться папскому эдикту, и дело оставалось не улаженным до тех пор, пока Сергей III не утвердил решение Николая I.

Епископы имели достаточно большое значение. Первоначально они избирались *electio canonica* (каноническими выборами) духовенством и людьми местной церкви. К концу X в. это стали делать короли и магнаты. Однако представление о выборах сохранялось благодаря участию соборных каноников, влиятельных мирян, вассалов епархии и даже местного населения. Часто между этими разобщёнными по интересам группами существовали конфликты, но их участие церковь считала важным. Церковный историк Фридрих Кемпф считает: «Поскольку дело выбора всё ещё считалось полным, активным процессом, в котором участвовало духовенство и миряне, нежелательный главный пастырь не мог быть навязан населению епархии. Независимо от того, каким способом духовенство и миряне изъявляли согласие, их согласие как-то должно было быть выражено; в противном случае выборы были неканоническими, незаконными»¹.

Согласно требованиям обряда рукоположение новых епископов осуществляли три других епископа, после чего следовало введение в должность королем или местным лордом. Это вело к представлению о том, что правитель дарует *beneficium* новому епископу, т.е. дарует собственность и финансовые блага, принадлежащие епархии. Впоследствии этот акт будет называться «инвеститурой». Инвеститура, хотя и не предполагалось, что она имеет сакральный

¹ Kempf F. Age of Feudalism. P. 275.

или хотя бы канонический/юридический статус, легко могла внести путаницу в положение дел.

Однако не всякий епископ был королевским администратором, подобно Гаттону. Некоторые епископы из Северной Италии, например, проявляли склонность к большей независимости, возможно, потому что там больше, чем в других местах, сохранялась городская структура церкви. Одним из них был Ратерий Веронский (887–974), невротичный, эксцентричный, грубый человек, который перессорился едва ли не со всеми, с кем только можно. Он родился в Льеже и получил образование в монастыре Лоббе на французско-бельгийской границе. Охарактеризованный своим современником Фолькуином как «самый находчивый грамотей», он покинул Лоббе, не в силах переносить дольше монастырскую жизнь, отправился в Италию и в 931 г. был избран епископом Вероны¹. В 934 г., после ссоры с королём Гуго, мужем Марозии, его лишили епископского сана и заключили на два с половиной года в одной из многочисленных башен Павии. Лиутпранд Кременский говорит, что «именно там он и начал писать свою изящную и остроумную книгу о тяготах своего изгнания»². Его сочинение *Praeloquia* («Вступительные речи») и в самом деле было написано как предисловие к другому труду, озаглавленному *Agonistic* («Борец»), который он так и не написал. Переводчик Ратерия Питер Рейд говорит, что *Praeloquia* является «уникальной книгой, которая охватывает функции человеческого бытия во всей их многогранности». Она дает замечательный срез веронского общества, и одновременно с этим обсуждает проблемы, такие, как отношения между церковью и королём, между каноническим и гражданским правом, подвергая при этом критике коррупционные практики и отдельных церковников. Без всяких пособий Ратерий приводит цитаты из Писания, ранних Отцов церкви и теологов, и классических авторов, демонстрируя тем самым «чрезвычайно сильный ум»³. За его освобождением из темницы последовало десятилетие не вполне добровольных странствий.

¹ *Folcuin. Gesta abbatum Laubiensium // Duckett E.S. Death and Life in the Tenth Century. Ann Arbor, 1971. P. 309.*

² *Liutprand. Antapodosis. III. 52.*

³ *Reid P. Complete Works... P. 5–6.*

Затем неожиданно-негаданно Ратерия пригласил назад в Верону доведённый до отчаяния король Гуго, который боролся за сохранение своих владений против Беренгария II. Но на обратном пути в Италию люди Беренгария схватили Ратерия. После хитрых манёвров он вновь обрёл свой престол в 946 г., но только на два года. Местный граф, Милон, обратил против него всех. «Я был настолько несчастен, возбуждён, изнурён, утомлён своей жизнью, — пишет Ратерий папе Агапиту II, — что с удовольствием оказался бы лучше в той башне... в Павии, чем в кафедральном соборе в Вероне»¹. Он вновь утратил Веронскую епархию в 948 г., когда Гуго проиграл войну Беренгару. Снова Ратерий оказался в пути, бесцельно перебираясь с места на место. В 951 г., после краткого возвращения к монастырской жизни, он присоединился ко двору Оттона I, где встретил Лиутпранда, и в сентябре 953 г. стал епископом Льежа. Но вновь дал знать о себе его раздражительный характер, епархия восстала, и он покинул свой пост. Последовал новый период странствий и литературного труда; короткое время он был аббатом в небольшом монастыре.

К 961 г. Оттон вновь прибыл в Италию; он в третий раз вернул Ратерия в Верону. Епархия восстала вновь, на сей раз во главе с бывшим епископом. В 963 г. Ратерий в длинном занудном послании жаловался на высшее духовенство своей епархии епископу Губерту Пармскому. Он обвинял их в сексуальной неводержанности, страсти к азартным играм, алчности, пьянстве, пренебрежении духовным долгом, чревоугодии и непочтительном отношении лично к нему². В его бесконечных жалобах содержится что-то глубоко невротическое, однако его честность в отношении самого себя является обезоруживающей. Например, в конце 964 г. он говорит, что после обеда «свалился с лестницы на пятнадцать ступеней вниз... Я сломал свою правую руку, которая срослась не так давно. Заключение в четырех стенах, я проводил время в постоянном унынии от того, что вернулся [в Верону] не для воскрешения своего, а для погубления»³.

Постоянная мелочная борьба со старшим духовенством по целому ряду вопросов в конце концов измотала его. Ситуация

¹ *Ratherius. Letter // Duckett E.S. Death and Life... P. 310.*

² *Ratherius. Letter to Bishop Hubert // Reid P. Complete Works... P. 353–380.*

³ *Ratherius. Fragment // Reid P. Complete Works... P. 412.*

достигла критической точки в начале июля 968 г., когда клир публично обвинил его перед всем городом в разграблении епископского дворца и других нарушениях. Он умолял о спасении Амвросия, итальянского канцлера Оттона I: «Ради Господа помоги мне, молю я, потому что я вскоре погибну, если мне срочно не оказать помощь!» Но Амвросий проигнорировал его просьбы, и Ратерий жалуется: «Император не может меньше заботиться о моих безопасности и выживании! Если только эти...насилие, подстрекательство и заговор против меня не будут пресечены письмом от императора, со мной всё кончено!»¹ Но императорское письмо не пришло, и Ратерий покинул Верону в последний раз. Он вернулся в Лотарингию, требуя для себя назначения аббатом в Лоббе; нет нужды говорить, что это привело к соперничеству между ним и занимавшим тогда эту должность Фолькуином, который обвинил его в том, что он явился из Вероны с большими суммами золота и серебра. Учитывая его нападки на алчность и симонию духовенства, мы можем заключить только, что, как говорит Рейд, «он ощущал себя настолько подавленным тем, как с ним обошлись в Вероне, что решил использовать столько средств, сколько мог увезти с собой, для обеспечения материального благополучия в своем весьма почтенном возрасте»². Ратерий добился своего в Лоббе, но в конце концов ему пришлось покинуть аббатство и вернуться в маленький монастырь, где он и умер в 974 г. в возрасте под 90 лет — чрезвычайно долгая жизнь для человека X в.! Особенности его бурной карьеры и многие несчастья имели причиной его самодовольство, капризность, нетерпимость и реформаторское рвение. В то же время он был неординарной личностью, образованной и очень хорошо начитанной, и его «внутренние сомнения, постоянные размышления о своем значении дают нам образец самоанализа, редкий до наступления Нового времени»³.

Поведение большинства епископов предпочитало линию поведения где-то между политическими интригами Гаттона I и невротическим состоянием Ратерия. Все они тем или иным способом оказывались включены в частную церковную систему. Во всех их дебатах папство со времени Николая I и Формоза играло незна-

¹ *Ratherius*. Letter to Ambrose // *Ibid*. P. 529, 530.

² *Reid P.* Complete Works... P. 11.

³ *Ibid*. P. 12.

чительную роль. Как говорит Розамонд Маккиттрик, «во всех спорах и решениях того времени, касающихся управления церковью и ее организации, на папу и его роль по отношению к церкви, провинциям и епархиальным кафедрам христианского мира, ссылаются редко»¹. Самое большее, что можно сказать, — это то, что многие архиепископы приезжали в Рим для того, чтобы получить свои паллии. За вычетом его роли как двора последнего прибежища, Рим, по большей части, игнорировался остальной церковью.

IX и X вв. были также важными для литургии. На протяжении столетий существовал ряд различных способов отправления богослужения. Существовали различные галльские обряды, кельтские обряды, древнеиспанские (мосарабские) обряды и амвросиевский обряд в Милане. Для того чтобы содействовать унификации Франкского королевства, Пипин Короткий и Карл Великий пытались ввести римский обряд во всех своих владениях. Ключевую роль в этом процессе в качестве советника Карла Великого по делам богослужения играл Алкуин. Эта попытка не была вполне успешной, в основном из-за разницы в характерах между более сдержанным и умеренным римским обрядом и более драматичным франкским.

Но тенденция к унификации продолжилась при оттоновских правителях. Частью этого процесса было то, что около 950 г. группа монахов в аббатстве Санкт-Альбан в Майнце составила «Понтификал» (*Pontificale* — книга богослужения, излагавшая церемонии с участием епископа), который включал римские, франкские и германские литургические элементы. Это сочинение, которое часто именуют «Оттоновский понтификал», было составлено по приказу Оттона I под надзором его брата Бруно, архиепископа Кёльнского. В мессе было всё больше драматических элементов, добавленных в нее, таких, как процессии, воскурение ладана, произнесение торжественной проповеди, более разработанные облачение и пение, и, самое важное, своего рода чувство таинственности, создаваемое возрастающим исключением мирян, которые больше не могли понимать латинского из-за возникновения отдельных национальных языков. Эта дистанция выросла из-за удаления алтаря к задней стене церкви с запретом мирянам входить в святыню.

¹ McKittrick R. The Church // CMH. 2000. Vol. III. P. 137.

Теперь месса стала делом епископа и священника. Новый жанр, франко-римская литургия, медленно вернулась назад в Рим, с тем чтобы стать универсальным богослужением западной церкви вплоть до реформ Второго Ватиканского собора в 1960-х гг.

Первым теологически осмыслил это новое литургическое развитие Валафрид Страбон. Впервые мы встречаем его как друга Бодона и Готшалка. Сын швабского крестьянина, он пришел в Райхенау как посвященный Богу ребенок и получил образование там и в Фульде. После пребывания в Ахене в роли воспитателя Карла, сына Людовика Благочестивого (Карла Лысого), он в 838 г. стал аббатом Райхенау. Человек высокообразованный и отзывчивый, Валафрид не имел времени для безделья, поскольку независимая община Райхенау чувствовала (и не без основания), что его ей навязали. Он утонул в Луаре в августе 849 г. в возрасте сорока лет, выполняя дипломатическую миссию по поручению Карла Лысого.

Валафрид принадлежал к первому поколению, которое извлекло пользу из образовательных реформ Карла Великого и Алкуина, и он получил обширное классическое и теологическое образование. Хотя его родным наречием было ранненемецкое, он блестяще владел латинским. Несмотря на свою активную жизнь, Валафрид в начале 840-х гг. написал на тот момент первое историческое исследование литургии *Libellus de exordiis et incrementis quarundam in observationibus ecclesiasticis rerum* («Книжица о происхождении и развитии некоторых вещей, относящихся к церковному служению»). Написанная по просьбе Регинберта, много лет служившего в Райхенау монахом-библиотекарем, *Libellus* была предназначена как наставление обучающимся и инструкция священникам, которые имеют дело с современными проблемами в богослужении. Книга охватывает различные вопросы: церковную архитектуру, причастие, различные литургические проблемы. Хотя Валафрид защищал римский обычай, он с удовольствием признавал, что существуют и другие формы литургического выражения, которые остаются в рамках церковной доктринальной традиции, и обращался и к тем, кто их использовал. Как он говорит, «внутри единой веры расхождение церковных практик не является вредным»¹.

---

¹ *Walahfrid Strabo's. Libellus de exordiis et incrementis quarundam in observationibus ecclesiasticis rerum: A Translation and Liturgical Commentary / Transl. A. L. Harting-Correa. Leiden, 1996. P. 127.*

Что поразительно в этой книге, так это то, что Валафрид, как говорит его исследовательница Алиса Л. Хартинг-Корреа, пишет «подобно современным историкам, чьей целью является установление исторических фактов, основывающихся на точно цитируемых источниках». Но в силу своего классического образования Валафрид понимал и то, что история есть форма риторики, «достойная наиболее гармоничного сочетания стиля и темы». Он признаёт, что само богослужение есть «риторика в действии»¹. Другими словами, литургическое действо (т.е. слова и движения участников обряда), здание и архитектура (сакральное пространство), пение, музыка и единство чувств (слуха, зрения и запаха воскурений), и общее чувство, происходящее от самой поклоняющейся Богу общины, соединяются в единстве, которое увлекает участников в трансцендентное пространство, где и происходит истинное поклонение Богу.

Как часть унификации литургии, во Франкском королевстве была введена римская форма хорала. Римский хорал был, вероятно, византийским по происхождению, а из Рима отправлялись регенты для того, чтобы обучать ему на местах. Но франки уже имели свою собственную традицию хорала и то, что мы сегодня называем «григорианским хоралом», вероятно, является соединением франкской и римской традиции. Относительно него мы можем быть уверены в одном: папа Григорий I его *не* изобретал. Подобно франко-римской литургии, григорианский хорал вернулся в Рим начиная с X в.

Хорал для своего исполнения требовал обученного хора. Обычно он состоял из монахов и клириков. Языком хорала был, конечно, латинский. Это ещё больше исключало мирян из активного участия в богослужении, несмотря даже на то, что народное пение являлось традиционной частью Евхаристии. Но с профессионализацией литургии и возрастанием жёсткости её формы народ был вынужден прибегнуть к нелитургическим гимнам. Они иногда допускались во время мессы, например, после проповеди, но постепенно их исключили из Евхаристии. В результате написанные на родном языке гимны стали петь во время паломничества или религиозных событий.

Но исключение из богослужения мирян не означало, что религия находилась в упадке. Ведь по мере того, как X столетие двига-

¹ Ibid. P. 21, 18.

лось к концу, возрастали миллениаристские ожидания. Прихожане и народ спрашивали: будет ли миллениум концом света? Наступит ли 1 января 1000 г. Судный день? Кто будет спасен, а кто осужден? Когда 1000 г. настал, эти вопросы всё больше стали относить к будущему, хотя преувеличивать их значение не стоит. Как мы увидим, миллениаристские ожидания в большей степени сделались проблемой для историков и комментаторов XX в., чем были таковой для их предшественников в X в., многие из которых даже не знали точной даты. В апокалиптической перспективе 1000 г. разочаровал почти так же, как 2000, когда компьютерный сбой Y2K так и не произошёл.

Ни Герберт Орильякский, который в 1000 г. был папой (под именем Сильвестра II), ни Оттон III, который был императором, не проявляли особого интереса к миллениуму. Они пытались реализовать гораздо большую и грандиозную мечту: восстановить Римскую империю и достичь религиозного и светского единства Запада и Византийской империи. Поэтому прежде чем мы поговорим о миллениаристских ожиданиях, какими они были в X в., мы расскажем историю одного из величайших гениев раннего Средневековья и величайших эрудитов в западноевропейской истории, Герберта Орильякского, который родился крестьянином, а умер папой. Как мы увидим, он, может быть, в большей степени, чем любая другая личность, внес вклад в формирование того, что мы именуем Западом, потому что был человеком, сделавшим возможными западную науку и технологию. Тесно связан с ним единственный сын Теофано, Оттон III, в возрасте трех лет похищенный Генрихом Сварливым и выросший с тем, чтобы стать императором-идеалистом, чья жизнь была трагически пресечена болезнью. Именно к этим двум поистине значительным фигурам мы сейчас и обратимся.

Часть пятая

В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Герберт-чудотворец на рубеже тысячелетий

Французский город Орильяк (или Аврилак) в наши дни не представляет собой ничего заслуживающего внимания. В нём насчитывается 27 тысяч жителей; основным видом промышленного производства является изготовление зонтов. Город расположен на возвышенности Канталь на высоте 640 метров над уровнем моря, близ реки Жордан, южнее цепи потухших вулканов, именуемой Центральным массивом. Ныне она покрыта лесами, изобилует озерами и представляет собой крупнейший в Европе горный массив вулканического происхождения. Близ центра города, на северном берегу реки, стоит почти четырёхметровая бронзовая статуя папы римского. Это изображение самого выдающегося из сынов города Герберта, или папы Сильвестра II (999–1003). Воздвигнутая в 1851 г., статуя напоминает скорее об ультрамонтанстве, распространившемся во Франции в середине XIX в., нежели о самом Сильвестре. Словом «ультрамонтанство» (от латинского выражения *ultra montes*, т.е. «из-за гор») именуется обыкновение с надеждой взирать по ту сторону Альп и видеть в папстве единственный источник авторитета, дисциплины и церковного учения как такового, характерное для многих католиков-французов XIX и первой половины XX в. Парадоксальным образом эта идеология представляет собой противоположность взглядам самого Сильвестра. Облик статуи, можно сказать, выдает ультрамонтанистские взгляды создателей памятника: на голове у статуи, обращённой лицом к крохотной Площади Герберта, а спиной к ничем не примечательной автостоянке, тройная тиара, украшенная лентами, она облачена в ризы, выполненные в барочной манере, и длинный кружевной стихарь, и куда более напоминает Пия XI (1846–1878), нежели папу, жившего тысячу лет назад. Несомненно, Герберт ужаснулся бы, увидев ее.

Герберт, несомненно, один из наиболее эрудированных за всю историю Европы людей, появился на свет около 945 г. и, скорее всего, происходил из свободных крестьян. Он родился где-то неподалёку от Орильяка, хотя точное место остается неизвестным. Постригшийся в монахи ученый Рихер Реймский сообщает в сочинении под названием «История» (III. 43)¹, что Герберт был *Aquitanus genere*, т.е. рождён в Аквитании, вероятно в маленькой деревушке Бейяк. Есть некоторые свидетельства в пользу того, что его отца звали Агильберт.

О том, как и когда он оказался в монастыре Сен-Жиро в Орильяке, славившемся строгими порядками, с уверенностью судить нельзя. Может быть, ему предложили пройти обучение в монастырской школе или же родители отдали его туда в качестве послушника. Так или иначе, юный Герберт был счастлив в монастыре и считал настоятеля Жиро отцом в большой семье, питавшей его и заботившейся о нём. В аббатстве он сделался монахом; образование, полученное им, превосходило пределы его воображения и (тем более) все, что он смог бы получить в другом месте. Здесь Герберт постиг основы наук; тем самым был заложен базис для развития его выдающихся дарований.

Монастырь Сен-Жиро был основан около 904 г.; впоследствии жизнь в нем подверглась преобразованию в соответствии с принципами клюнийской реформы. Орильяк также являлся местом отдыха для паломников, направлявшихся в Компостелу, а это означало, что монашеская община поддерживала контакты с гостями-мирянами. Подобно Клюнийскому аббатству, Сен-Жиро напрямую подчинялось папскому престолу, не будучи в зависимости от графа Оверни. (К сожалению, в наши дни от первоначальных построек монастыря почти ничего не осталось.)

Монашеская жизнь дала Герберту возможность узнать широкий мир, что, если можно так выразиться, распахнуло врата его разума, подстегнуло его любопытство и на всю жизнь приучило к дисциплине. Однако, как замечает Фридрих Кемпф, «чрезмерно частое совершение обрядов [введённое в рамках клюнийской реформы] оставляло монахам мало времени для занятий, а ручной

¹ Далее ссылки в тексте даются только на это сочинение Рихера, его название специально не оговаривается. — Прим. пер.

труд и вовсе почти исчез»¹. Возможно, пытливый ум Герберта оказался в какой-то степени зашорен бесконечными богослужениями, хотя благодаря им ему открылся духовный мир с его красотой. Настоятель Жеральд поручил монаху Раймунду Лаворскому заняться образованием Герберта, и заложенный тем фундамент оказался весьма солидным. Письма Герберта свидетельствуют о глубокой привязанности к обоим. О Жеральде он отзывается так: «Не знаю, существует ли лучший дар небес, нежели друзья... Черты моего друга запечатлены в сердце моём. Я говорю о господине и отце моём Жеральде».

Раймунд занимался с Гербертом дисциплинами, составлявшими *тривиум*, т.е. основами латинской грамматики, диалектики и риторики, представлявшими начальное образование (так велось со времён падения Империи вплоть до XVII в.). Диалектика, или логика, представляла собой искусство ясно и связно мыслить и критически рассматривать чужие мнения, ведя диспут с рациональных позиций; грамматика — способность веско и внятно выражать мысль; риторика же (искусство убеждать со всей полнотой и изяществом) подразумевала всестороннее овладение языком, необходимое для общения.

По прошествии лет Герберт также вспоминал Раймунда с благодарностью. В письме к Жиро, написанном в зрелые годы, он упоминает, что был бы рад, если бы «прежний его наставник, Раймунд» присоединился к нему в Реймсе, дабы занять место учителя в соборной школе, и через год повторяет свое приглашение. Позднее он говорит о Раймунде, что «обязан ему всем». Герберт поддерживал переписку с Раймундом (хотя и нерегулярную) после того, как тот сделался аббатом в Орильяке, заняв место Жиро.

Раймунд был свободомыслящим человеком настолько, что дал Герберту возможность изучать латинскую классику (многие «реформаторы» монашества не разрешили бы ввести в обиход труды язычников). Герберт быстро освоил тривиум, однако здесь его ожидала трудность: на юге Франции не было никого, кто смог бы взять на себя дальнейшее обучение одарённого мальчика. Следующим курсом наук должен был стать квадравиум: арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Ученик, прошедший оба курса,

¹ Kempf F. et al. The Church in the Age of Feudalism. Vol. 3. New York, 1969. P. 325.

считался должным образом подготовленным к изучению философии и теологии. Однако те, кто наставлял в квадривиуме, были немногочисленны, и Раймунд не принадлежал к их числу: точные науки его не интересовали. Аббат Жиро понял, что Герберт перерос Орильяк.

Решение пришло в тот момент, когда Орильяк посетил Борель II, граф Барселонский (в тот момент он готовился к свадьбе со знатной особой по имени Ледгарда, проживавшей в этих краях). Аббат поинтересовался у Бореля: есть ли в Испании настоящие знатоки свободных искусств? Когда же Борель ответил утвердительно, аббат настоял, дабы тот взял на себя заботу об одном из монахов и обеспечил ему возможность получить образование в этой области по ту сторону Пиренеев. Итак, Герберт покинул Орильяк вместе с Борелем и отправился на юг. Их путь пролегал либо через Коль д'Арес, перевал в Пиренейских горах, лежащий на высоте 1513 м, и тогда они очутились бы прямо в Барселоне, или вдоль побережья, по *Via Domitia* — старой, ещё римской дороге в Северную Испанию. Между Южной Францией и Каталонией со времён поздней Римской империи существовали тесные политические связи, так что для Герберта эти края не были вовсе чужими. Церковь в Северной Испании переживала период реформирования, причем соответствующие процессы, получившие весьма широкое распространение, шли из Ключийского аббатства; ощущение порядка всё больше ассоциировалось с церковной жизнью, тем более что светская власть на юге Франции и в Каталонии пришла в упадок.

Рихер умещает рассказ о пребывании Герберта в Испании с 967 до 971 г. в полтора предложения. Он сообщает, что Герберт «двигался семимильными шагами в изучении математических искусств» под руководством Аттона, епископа Викского (город Вик находится в 75 км севернее Барселоны). Очевидно, Рихер имеет в виду квадривиум. В годы пребывания Герберта в Испании Кордовским халифатом правил просвещённый Аль-Хаким II (961–976). По-видимому, Герберт всё сильнее отвыкал от монашеской жизни и всё больше приобщался к укладу жизни ученого. Рихер (III. 44) пишет о «прилежании и любви к учению», присущим молодому человеку. Тому исполнилось, вероятно, двадцать один или двадцать два года, и уже тогда он принял решение посвятить жизнь делу наставничества.

Краткость, с которой Рихер отзывается об испанском периоде жизни Герберта, создала почву для самых невероятных домыслов, которым предались средневековые хронисты. Через сто с лишним лет после кончины Герберта английский монах Вильям Малмсберийский (1095–1143) сообщает, что тот «с отвращением относился к монашеской жизни или был снедаем жаждой славы» и по ночам бегал к сарацинам «изучать астрологию и другие науки». То, что Герберт приобрёл астрольбию, как о том сообщает Вильям, было правдой; он действительно занимался астрономией, астрологией, арифметикой, музыкой и геометрией; благодаря ему в Европе в обиход вошел абак. Он также изучил то, что «предвещает появление птиц в небесах и их пение и овладел искусством вызывать духов из Ада». Повествование Вильяма приобретает фантастические черты, когда речь заходит о том, как Герберт сдружился со старым колдуном-мусульманином. Тот якобы дал ему переписать все свои книги, кроме книги заклинаний; тогда Герберт соблазнил дочь своего учителя, вдвоём они напоили его допьяна, и девушка украла книгу из-под подушки отца. Герберт пустился в бегство, преследуемый магом (по-видимому, старику пришлось нелегко, если он едва держался на ногах!). Герберт спрятался под мостом и в итоге ушёл от погони. В конце у Вильяма всё же просыпается совесть, и он высказывает предположение, что «возможно, кому-то эта история покажется вымыслом». Однако вымысел этот укрепил веру его современников в мрачную легенду, бытовавшую и ранее (в том числе среди историографов), будто Герберт, занимая папский престол, был при этом колдуном или заключил союз с дьяволом. А как можно иначе объяснить, спрашивали современники, его огромные знания? К счастью, благодаря недавним исследованиям с этим вздором покончено раз и навсегда. Современные историки ударились в другую крайность, недооценивая или даже отрицая вклад Герберта в знакомство европейской науки, в том числе математики, с достижениями арабской мысли. Они утверждают, что достижения эти датируются лишь XI веком, и утверждают, что, как бы ни стремился Герберт получить интересовавшие его знания, он попросту не мог этого сделать, ибо никто из обитателей христианской Испании не владел ими. Где, вопрошают они, те библиотеки, где хранились переводы трудов арабов на латинский язык, которые Герберт изучал в Каталонии? Кто мог быть его учителем? Эти историки (по большей части французы)

утверждают, что если *они* не понимают, как удалось Герберту обрести знание, значит, он не мог этого сделать. За подобной аргументацией стоит «любопытная» логика; как показано в наши дни, она не выдерживает проверки фактами.

Да, Рихер мало пишет об «испанском» периоде жизни Герберта, но недвусмысленно сообщает, что в 970 г. Герберт произвел впечатление на папу Иоанна XIII знаниями в области музыки, астрономии и математики настолько сильное, что папа немедленно уведомил об этом императора Оттона I. Рихер также описывает, как Герберт преподавал математику в Реймсе. Среди предметов, которым учил Герберт, упомянуты арифметика, музыка, астрономия и геометрия; дается детальное описание различных инструментов, созданных Гербертом для того, чтобы ознакомить учеников с математикой и наблюдать небесные светила и созвездия. Очевидно, Герберт был хорошо знаком с научными достижениями арабов, в том числе в математике и астрономии, даже если кому-то из французских историков-педантов непонятно, как ему удалось получить соответствующие сведения.

Что нам доподлинно известно, так это то, что, находясь в Испании, Герберт посещал школу при соборе в Вике, возглавляемую Аттоном (здесь он овладел квадривиумом, прежде всего математикой и астрономией), а также близлежащий монастырь Санта-Мария-де-Рипол, основанный в 879 г. графом Уифредом Волосатым. Монастырь располагал большой библиотекой и служил своего рода мостом между христианской и исламской культурами. Однако несомненно и другое: расцвет библиотеки, сопровождавшийся поступлением ряда переводов научных текстов, пришелся на период, наступивший уже после того, как Герберт покинул Испанию.

Кроме того, известно, что в библиотеке Вика отсутствовали книги авторов классического периода, а также учебная литература. Так как же удалось Герберту овладеть упомянутыми дисциплинами, если переводы арабских научных текстов в те времена не были известны в Испании и доступны в каталонских библиотеках? Ответ следует искать не там.

Обратим внимание на дипломатические, политические и культурные связи, существовавшие между Аль-Андалус и Каталонией, а также на человека, о котором уже шла речь: еврейского ученого, знатока гуманитарных и естественных наук, облеченного админи-

стративными обязанностями, дипломата Хасдая ибн Шапрута. Известно, что он питал глубокий интерес к естественным наукам, медицине, математике, находился на административной службе при халифах Абд Аль-Рахмане III и Аль-Хакиме II и был весьма активен в ходе переговоров между Кордовой и Каталонией, благодаря которым между двумя халифатами удавалось поддерживать мирные отношения. Длительный период мирного существования создал возможности для появления небольших групп населения, хорошо знакомых с обеими культурами и обменивавшихся идеями между собой. Одна из таких групп сформировалась вокруг Готмара, епископа Жиронского, друга и покровителя Аттона, чья карьера началась со священнического служения в Жироне. В этот кружок входили граф Миро Бонфил, образованный человек, впоследствии жиронский епископ (971–984), и сам Борель II; нет сомнений, что к нему принадлежал и Герберт; Хасдай, очевидно, играл роль члена-корреспондента. Очевидно, Готмар в качестве посла бывал в Кордове вместе с Хасдаем. Историк Марко Цуккато, впервые проливший свет на эти связи, замечает: «Итак, если Готмар привёз из Кордовы или получил из рук Хасдая те или иные научные труды, то Герберт, оказавшись в Каталонии, мог с легкостью получить их у своего наставника, Аттона Вискского, или его друга Миро», таким образом впитывая учёность Аль-Андалуса¹.

По прошествии лет Герберт поддерживал связи со старыми друзьями в Испании. В письме к архидиакону Барселоны Лупиту он просит выслать ему экземпляр книги «*Sententiae astrolabii*», переведённой тем с арабского языка. Герберт замечает, что это «один из древнейших трудов, переведённых с арабского на латынь»². Ранее (письмо 25) Герберт просил аббата Жиро отправить ему «книжицу «*De multiplicatione et divisione numerorum*», принадлежащую перу Иосифа Испанского», оставленную в Орильяке их общим другом, аббатом Гуарином, испанцем, знакомым также и с Миро. В более позднем письме (33) к Миро он высказывает просьбу насчет той же книги Иосифа Мудрого (*Sapiens*). Кто такой этот Иосиф Мудрый? В недавних исследованиях содержатся веские аргументы в пользу того, что это не кто иной, как Хасдай

¹ Zuccato M. Gerbert of Aurillac and a Tenth-Century Jewish Channel for the Transmission of Arabic Science to the West // *Speculum*. Vol. 80. 2005. P. 752.

² Герберт Орильякский. Письма. 32.

ибн Шапрут. Очевидно, что благодаря Хасдаю труды, созданные в Аль-Андалусе, стали доступны в Каталонии; он же знакомил исламский мир с трудами иудеев. Цуккато обращает внимание на бросающиеся в глаза переключки между трудом по астрономии, принадлежащим перу проживавшего в Северной Африке иудейского ученого Дунаша ибн Тамима, и курсом, читанным позднее Гербертом в Реймсе. «Учебная программа Дунаша, — замечает Цуккато, — полностью вошла в курс астрономии [Герберта], как его описывает Рихер»¹. В особенности поражает тот факт, что Герберт использовал представление о небесной сфере именно в том виде, в каком оно встречается у Дунаша. Ознакомиться же с ней он мог только благодаря своим связям с Иосифом Мудрым, он же Хасдай ибн Шапрут.

Бывал ли Герберт в Аль-Андалусе или даже в Кордове? Принимая во внимание его пытливый ум и присущую ему тягу кключениям, кажется вероятным, что он во всяком случае отважился на поездку на мусульманскую территорию, хотя, возможно, не добрался до Кордовы, лежащей на юге. Разумеется, он не стал бы привлекать внимание к своему путешествию. «Здравый смысл политика, присущий такому человеку, как Герберт, стремившемуся к высокой церковной должности, — замечает Оскар Дж. Дарлингтон, — заставил бы его скорее промолчать [насчет поездки в земли мусульман], нежели пойти против мнений, господствовавших среди современников-христиан»².

Находясь в Испании, Герберт, очевидно, познакомился с западноарабским вариантом индийско-арабской системы счисления, включавшим в себя цифры от одного до девяти (ноль появился позднее). Арабы заимствовали эту систему у индусов. До той поры христианский Запад вынужден был пользоваться римской системой счисления; из-за громоздкости этой системы применять ее при совершении арифметических действий, в том числе элементарного сложения, было непросто. Благодаря использованию более совершенной системы счисления, арабы достигли гораздо больших успехов в арифметике, нежели их западные коллеги, перешли к алгебре, развили астрономию; они пользовались абаком (Герберт

¹ Zuccato M. Op. cit. P. 757.

² Darlington O.G. Gerbert, the Teacher // American Historical Review. Vol. 52. 1947. P. 463.

приспособил ее к вычислениям с использованием индийско-арабских цифр). Как уже говорилось выше, ему приписывают введение арабских цифр и астролябии в обиход европейцев. Последняя позволяла точно измерять время и «значительно улучшить результаты определения локализации астрономических явлений и небесных тел во времени и пространстве».

По возвращении из Каталонии, в конце 969 г. Герберт отправился в Рим в свите графа Бореля и епископа Аттона (на встрече с папой Иоанном XIII предполагалось обсудить возможность создания архиепископства Вискского). Блестящий ум и образованность Герберта произвели на папу сильное впечатление; в особенности это касалось его математической подготовки, в отношении которой молодой человек мог дать значительную фору любому обитателю Европы. Папа не только разрешил создать в Вике архиепископскую кафедру (пусть она и просуществовала лишь короткое время), он оставил Герберта в Риме, дабы учиться у него. Чтобы дать возможность Герберту преподавать и путешествовать, папа освободил его от монашеских обетов. Позднее (вероятно, в конце 972 г.), в Реймсе, Герберт принял сан священника. Тогда же папа представил Герберта Оттону I, и тот доверил ему преподавание латинского языка своему юному сыну, будущему Оттону II. Во время этого краткого знакомства с саксонскими монархами Герберт мог увидеть в действии германско-римскую идею мощной, частично централизованной империи. Герберт, выросший в условиях хаоса, царившего в Южной и Центральной Франции и Испании, сделался поклонником порядка, восстанавливаемого саксонцами, создателями Священной Римской империи.

* * *

Несомненно, Герберт был человеком честолюбивым; неизменное желание возвыситься, по-видимому, было обусловлено его крестьянским происхождением. В те времена обычно лишь знатные достигали высокого положения как в церкви, так и в миру; он был одним из немногих, кому удалось подняться по социальной лестнице из низов. Кроме того, ему была присуща жажда знаний; он всё больше убеждался в том, что его призвание — наставничество. Когда молодой Оттон вступил в брак с Феофано, Герберт перестал давать ему уроки; новая возможность проявить свои таланты пред-

ставилась ему во время торжеств по случаю этой свадьбы в Риме в апреле 972 г. Случайная встреча с выдающимся логиком Геранном, архиепископом Реймским, привела к тому, что Герберт решил покинуть имперскую службу и поступить в школу при Реймском соборе в качестве «схоластика», преподавателя. Реймс представлял собой независимый церковный анклав крохотных размеров, вклинившийся между германским королевством на северо-востоке, Францией на юго-западе, королевством Бургундским на юго-востоке и герцогством Лотарингским на западе. Таким образом, в этом городе, находившемся на перекрёстке торговых путей, встречались учёные мужи со всей Франкии.

Что представлял собой тот ученый мир, куда попал Герберт, с точки зрения принципов преподавания? Главными теоретиками в этой области во времена упадка римского мира почитались Марциан Капелла, живший в начале V в., и Кассиодор Сенатор (ок. 490—ок. 593). Им принадлежат выработка философских принципов и разделение учебных дисциплин, господствовавших в сфере образования в течение тысячелетия. Ни тот, ни другой не являлись оригинальными мыслителями. Аллегорический трактат Капеллы *De nuptiis Philologiae et Mercurii* («О браке Филологии и Меркурия») в целом оставляет странное впечатление: это причудливая аллегория, смесь поэзии и прозы.

Христианин Кассиодор, сделавший карьеру на закате Римской империи, позднее ушёл в монастырь, располагавшийся в его владениях в Южной Италии. Стилль его сочинений многословен; читая их, сразу понимаешь, что они принадлежат перу сановника. Его *Historia tripartita* («История в трёх частях») читалась не одно столетие несмотря на то, что она изобилует ошибками. Учебное «пособие», принадлежащее его перу, *Institutiones divinarum et saecularium litterarum* («Основы словесности, от Бога и людей идущей») производит лучшее впечатление. Целью его был синтез светской и библейской мудрости; в своей работе он придерживался разграничения свободных искусств, предложенного Капеллой. Кассиодор отделяет диалектику, грамматику и риторику от наук арифметики, астрономии и музыки. Также его интересует теология. Подобно Капелле, он не включает медицину и архитектуру в число свободных искусств.

Наибольшее воздействие на средневековое образование оказал Боэций (ок. 475—ок. 526), блестящий философ, музыкант, политик,

переводчик Аристотеля. Он интересовался квадривиумом; его переводы трудов Аристотеля по логике и математике, а также принадлежащие его перу теологические сочинения сохраняли свою актуальность целое тысячелетие. Наконец, репаяющее влияние исходило от Исидора, епископа Севильского (ок. 560–636), трудившегося в школе при севильском соборе во времена вестготов, то есть за столетие до вторжения мусульман. Как и Герберт, он испытывал неослабевающую жажду знаний; его труд, получивший название «Этимологий» и посвященный истории слов, сосредоточил в себе универсальное знание, причём акцент в нём, в отличие от многих других сочинений того времени, делался на теологии. Исидор знал греческий и древнееврейский языки и способствовал изучению греческой философии (в частности, Аристотеля) за два столетия до того, как в Аль-Андалусе вновь возник интерес к ней.

К середине VI в. Европа вступила в период «тёмных веков», предшествовавший правлению Каролингов, однако перечисленные выше образовательные традиции сохранились по большей части в монастырях и школах при соборах. К примеру, в Реймсе такая школа существовала уже к VII в., а возможно, и раньше; в ней велась подготовка мальчиков к священничеству, а также к деятельности в качестве политиков. (В монастырях мальчиков готовили к монашеской жизни.)

Настоящее возрождение образования пришлось на годы правления Карла Великого. Эйнхард, его биограф, сообщает, что император мог изъясняться по-латыни; что касается греческого, он лучше понимал его, нежели говорил на нём. Он также «уделял немало времени и усилий изучению риторики, диалектики и в особенности астрологии. Он прилежно занимался математикой, внимательно и усердно следил за движением звёзд». Император умел читать и отличался незаурядным умом, но, увы, не умел как следует писать. «Он пытался выучиться письму... У него была привычка держать у себя в постели под подушками тетради и таблички для письма... Но несмотря на то, что он старался изо всех сил, он начал слишком поздно и достиг лишь незначительных успехов».

Весьма озабоченные невежеством и ленью клириков, Карл Великий и Людовик Благочестивый со вниманием относились к развитию образования. (Велось оно, как уже говорилось выше, в

школах при соборах и монастырях, и религиозное и «мирское» знание переплетались в процессе преподавания весьма тесным образом.) Благодаря их усилиям, количество грамотных значительно возросло: по выражению Розамунды Маккиттрик, письменное слово сделалось «основополагающим элементом каролингской культуры». Реймская соборная школа получила широкую известность во второй половине XI в. при архиепископе Хинкмаре и пережила новый расцвет в конце X в., на который пришёлся пик активности Герберта. Начали формироваться интеллектуальные связи. В обучении мирян и клириков всё большее внимание уделялось свободным искусствам; многие из этих учеников впоследствии заняли посты в бюрократической системе, на которую опиралось правление Оттона. Епископам, аббатам, священникам и монахам постоянно приходилось выполнять обязанности, обычно возлагавшиеся на мирян, даже водить войска в битву.

Герберт провёл в Реймсе восемь весьма плодотворных лет, посвятив их учёным занятиям, преподаванию, составлению личной библиотеки и развитию своих технических талантов (а в этой области он мог похвастаться редкой одарённостью). Здесь его творческие способности впервые нашли себе выход. Заметим, что Герберт не занимал должности «факультетского преподавателя» в «университете»: кафедральные школы состояли из студентов, группировавшихся вокруг одного наставника. В этом смысле Герберт фактически и являлся Реймской кафедральной школой в те годы, которые провел в этом городе. Рихер же был одним из ярких энтузиастов среди его студентов.

Подход Герберта к обучению отличался значительной гибкостью: он приспособил тривиум к нуждам студентов и собственным интересам, следуя общей концепции образования, сложившейся в период владычества Каролингов. Преподавая диалектику, он видел в ней средство развития тонкости мышления учащихся, своего рода гимнастику ума. Значительно позже он написал на соответствующую тему краткое руководство для Оттона III, озаглавив его *De rationali et ratione uti* («О рациональном и о пользе разума»). Рихер сообщает, что Герберт также преподавал логику и риторику, знакомил учащихся с поэтами, «которые, как он считал, могут научить этому. Он читал и объяснял им поэтов Марона, Стация и Теренция, сатириков Ювенала, Персия и Горация, [а

также] историографа Лукана¹. Когда ученики ознакомились с ними и усвоили от них основы красноречия, он перешёл к риторике»².

Герберт написал комментарий к Аристотелю; значительное влияние на него оказал Цицерон, который считал, что риторика тесно связана с достоинствами характера. Герберт сообщал аббату Эббарду Турскому: «Поскольку философия не делает различия между учением о морали и учением о слове, я всегда полагал равенство между познанием того, как вести правильную жизнь, и того, как правильно говорить... Кто, как мы, погружён в общественные дела, нуждается и в том, и в другом»³. Представления о морали и коммуникации как о едином целом актуальны для нашей современности, когда так распространена предвзятая подача информации, а новости сообщаются круглые сутки, и ни у кого нет времени проверить, истинны они или ложны.

Для того чтобы улучшить преподавание «светских» дисциплин, входивших в квадривиум, Герберт пересмотрел учебные курсы, привлекая труды Боэция и Кассиодора. Некоторые из его учеников, будучи духовными лицами, не желали изучать квадривиум, поскольку не видели, как можно использовать полученные знания в деле служения Господу. Отвечая на их запросы, Герберт развернул перед учащимися картину практического применения того, чему они учились. Он «приложил немалые усилия» к преподаванию «математических искусств», как их именует Рихер (История. III. 49). Он познакомил студентов с индо-арабскими цифрами, заменив ими устаревшие римские. Для арифметических расчетов он создал специальную абак — плоскую доску с двадцатью семью желобками и «тысячей косточек, сделанную из рога»; нуль здесь символизировало пустое пространство. Его руководство «*Regula de abaco computi*» («Правила счета на абак») объясняли, как использовать это устройство для сложения, вычитания, умножения и деления⁴. В 2001 г. две такие абак, принадлежавшие студентам Герберта, были обнаружены в монастыре Эхтернах в Люксембурге. Герберт

¹ Марк Анней Лукан — не историограф, римский поэт I в. н.э.; другое дело, что в его «Поэме о гражданской войне» («Фарсалия») повествуется об исторических событиях — гражданской войне Цезаря и Помпея. — Прим. пер.

² Рихер Реймский. История. III. 47. Пер. А. В. Тарасовой.

³ Герберт Ориляжский. Письма. 50.

⁴ Рихер Реймский. История. III. 54.

знал, как считать в уме (вероятно, став первым человеком в Европе, научившимся этому искусству). Из его переписки с другом, Константином из Флёри, явствует, что на него оказал влияние трактат Боэция «Об арифметике» (*De arithmetica*): они обсуждают арифметические дроби, в которых делимое на единицу больше делителя. В данном случае интерес Герберта был связан с музыкой: такие расчеты полезны для понимания гармонии.

От математики Герберт перешел к астрономии. Мир представлялся ему не плоским, но сферой или шарообразным телом. Он настаивал на том, что наблюдения за звездами — неотъемлемая составляющая астрономии, и создал соответствующий прибор — большую гемисферу, предшественницу телескопа. Герберт, как замечает Цуккато, превосходно владел знаниями в области астрономии, которые можно назвать традиционными, но вместе с тем его подходу была присуща «странный неортодоксальность», носившая революционный для своего времени характер. В помощь студентам он разработал наглядные пособия: с их помощью традиционный способ [постижения знаний, заключающийся] в усвоении классических источников, оказался замещён практическим использованием настоящих сферических инструментов», причем для одного из них «не имелось аналогов в латиноязычном мире»¹. Герберт смастерил четыре небесные сферы, чтобы учащиеся могли составить представление о движении небес. Изображение его планетарной сферы находится в Ватиканской библиотеке. С помощью некоторых из его приспособлений можно было определять время, и, возможно, у него был хронологий — водяные часы. Однако, несомненно, приписывать ему изобретение механических часов, как это делают некоторые, неосновательно.

Если говорить о музыке, то Герберт изобрел монохорд — инструмент, состоявший из резонансной деки, единственной струны и подвижного порожка для установки необходимого натяжения. С особым успехом прибор этот использовался для настройки органа. Герберт соотносил между собой органные трубы, опираясь на математические знания, так что протяжный звук и гармоническое сочетание тонов создавали эффект, неведомый прежде слушателям в западном мире. Ходили слухи, что Герберт сконструировал водяной орган, но в настоящее время они опровергнуты.

¹ Zuccato M. Op. cit. P. 757–758.

Теоретический интерес Герберта в этой области стал причиной его размышлений о музыке небесных сфер, функциях человеческого тела и звуках голосов и инструментов.

Герберт был столь же замечательным педагогом, сколь и изобретателем. Многие из его учеников достигли высот. Он воспитал по крайней мере тринадцать епископов, шесть настоятелей монастырей, короля (Робера II) и папу римского (Григория IV), а также немало выдающихся ученых, политиков, крупных чиновников. Несомненно, он был величайшим ученым X столетия и сыграл неопценимую роль в формировании основ современной науки.

* * *

Когда Герберт явился в школу при Реймском соборе, Адальберон, тамошний архиепископ, не мог поверить своему счастью. Герберт был настоящим подарком судьбы: учитель, способный значительно поднять уровень образования будущих духовных лиц в Реймской школе, он также мог оказать Адальберону, занимавшему высокий пост во французской церкви, неопценимую помощь советом. Адальберон, покровительствовавший библиотекам и скрипториям (в Реймской области их насчитывалось не менее пяти), продолжал начинания Хинкмара: он проводил церковные реформы и пользовался значительным влиянием в делах церкви и государства. Уроженец Лотарингии, представитель знатного рода, он был монахом в монастыре Горце, где была проведена реформа, и каноником в соборе Меца; когда в 969 г. его избрали архиепископом, он способствовал продвижению реформ в Реймской епархии, установил свод правил для кафедральных каноников (именно эту должность занял Герберт) и способствовал процветанию кафедральной библиотеки.

Находясь на службе у Адальберона, Герберт оказался вовлечен в сферу церковной политики. В ноябре 980 г. он прервал преподавательскую деятельность, чтобы сопровождать Адальберона в Рим, где должен был собраться синод. По пути они побывали у Оттона II в Павии; тот воспользовался случаем, чтобы пригласить своего бывшего наставника и архиепископа провести Рождество 980 г. в Равенне, куда сам собирался отправиться вместе с Феофаном. Итак, все они отправились на судне вниз по реке По в Равенну, где Феофано ощущала себя как дома в окружении великодушных визан-

тийских зданий и мозаик. Оттон не предупредил Герберта, что хочет побудить его принять участие в дебатах с Отриком Саксонским, схоластом из дворцовой школы в Магдебурге. Рихер пишет, что молодой, импульсивный Оттон рассчитывал, что, если «к Герберту приступить внезапно, он как следует отделает своего противника в споре». Отрик, чрезвычайно высоко ставивший собственную особу, уже заслал в Реймс монаха-шпиона, дабы тот разузнал о недостатках в педагогике Герберта. Сведения относительно воззрений Герберта, с которыми шпион воротился в Магдебург, оказались весьма приблизительными.

Через несколько дней после Рождества Оттон инициировал дебаты (успев перед тем пригласить целую толпу ученых и студентов в качестве слушателей). Спор сосредоточился на классификации знаний. Отрик сделал ошибочное заявление, что Герберт считает физику разделом математики, тогда как, по словам Рихера (III. 54), в действительности Герберт утверждал, что «математика, физика и теология суть виды, относящиеся к одному и тому же роду, который они и образуют, будучи равны между собой». Нам это может показаться вовсе не важным, но в контексте того времени, о котором идет речь, дело касалось интерпретации суждений авторитетов прошлого, скажем Боэция с его «Арифметикой». Герберт был в выигрышном положении: он ясно понимал, о чем говорил Боэций, в то время как Отрика сбил с толку рассказ его же шпиона о позиции Герберта. Ценность этих дебатов заключалась в том, что они укрепляли способность спорящих и (что тем более важно) их учеников к анализу и умению ясно и точно высказываться. Герберт, по-видимому, был объявлен победителем, и его репутация интеллектуала ещё более укрепилась. Он продолжил свой путь в Рим вместе с Адальбероном. В Вечном городе они посетили важное мероприятие — Латеранский синод (прошедший 9–10 марта 981 г.), где подверглась осуждению симония, а также, ради умиротворения Оттона, реформированы саксонские епархии.

Дебаты с участием Герберта заставили Оттона вспомнить о его талантах. Примерно в 918 г. Оттон сделал его настоятелем аббатства Боббио, учрежденного папой Бенедиктом VII (974–983). Однако в результате этого необдуманного поступка Оттон, если можно так выразиться, поднёс Герберту чашу с ядом. Власть Оттона над Италией, в отличие от власти его отца, была непрочной, и он направлял туда, на важные посты, верных ему людей. Согласно его

замыслу Герберт должен был управлять этим важным аббатством и его обширными владениями как граф и настоятель в интересах саксонской монархии. Герберт отправился из Рима в Боббио (в те времена путь был труден и сопровождался неприятностями) и вступил в должность. Монастырь, основанный в 612 г. ирландцем, святым Колумбаном в северных предгорьях Апеннин, сделался центром образования и приобрёл существенное политическое влияние в области, расположенной в течении реки По. Внимание Герберта привлекла огромная библиотека, насчитывавшая почти 670 манускриптов. Однако к X в., как мы уже видели в случае с Патримонием, магнаты, стремившиеся расширить свои владения, начали считать монастырские земли своей законной добычей. Магнаты безжалостно отчуждали владения, арендованные на длительный срок монастырями, и превращали их в собственные фригольды, пользуясь «лазейками» в законе. Аббаты зачастую не располагали силами, достаточными, чтобы предотвратить подобные вещи, и вынуждены были принимать их как данность. Герберт, можно сказать, попал как кур в ощиц: будучи иностранцем, он совершенно не представлял себе происходившее и вызывал у местных захватчиков земель, считавших монастырь своей вотчиной, тем более сильную неприязнь. Такую же неприязнь питали к нему монахи, надеявшиеся, что настоятелем станет кто-то из их среды. В этой ситуации, чтобы защитить себя и сохранить сведения о том, что случилось, в начале 982 г. он начал снимать копии со своих писем. В мае–июне 982 г. он сообщил Оттону, что его «монахи слабеют от голода и страдают от наготы» и что монастырь доведён до нищеты тем, «что именуется книжицами». Речь шла о письменных соглашениях об аренде земли (арендаторы же, в свою очередь, доставляли монастырю разного рода материальные блага и услуги). Герберт сожалеет о том, что эти соглашения не выполняются. Он сообщает Оттону, что «собранные деньги отсутствуют; амбары и житницы опустели; в кошельках не осталось ничего». Герберт вступает в конфликт с Босоном Небианским, постоянно грабившим аббатство: «Не нужно лишних слов... будем придерживаться фактов... Возврати Святому Колумбану сено, которое твои люди взяли [украли] у монастыря». Предшественник Герберта, аббат Петр, самолично произвёл отчуждение движимого имущества монастыря, пользуясь лазейками в законодательстве, и передал ее приору Петроальду, представителю местной знати. Герберт доходил до

грубости в общении даже с наиболее влиятельными особами. Он сообщает императрице Адельгейде, что не может передать имущество монахов ее фаворитам: «Если мы всё раздадим, как нам поддерживать существование [монахов]?» Он обвиняет Пьетро Канепанова (впоследствии папу Иоанна XIV), епископа Павии и канцлера Оттона в «хищениях у нашей церкви... [и] распределении нашего имущества среди своих рыцарей, словно оно твоя собственность»¹. Масштабы коррупции, с которой столкнулся Герберт, были чудовищны.

Боббио расположено в 50 милях, т.е. в 80 км, от императорского дворца в Павии, и Герберту часто приходилось ездить туда по делам. Недовольство предпринятыми им реформами создало ему много врагов, тайных и явных, что неизбежно вызвало распространение о нем слухов и сплетен. Говорили, что у него есть жена и дети; его называли *equum emissarium* (что-то вроде жеребца или любовника распутных женщин). Ничего, кроме этих слухов, не указывает на то, что Герберт находился в связи с кем бы то ни было, хотя он симпатизировал и доверял женщинам. Клевету эту он приписывал «обычаям этих мест», т.е. Северной Италии (что свидетельствует о присущем ему простодушии). Однако она уязвляла его, и к сентябрю 983 г. он впал в отчаяние. «Ибо есть ли в Италии край, где у меня нет врагов [?]... Там, где они не могут нанести мне удар мечом, они осыпают меня дротиками слов. Я отказался подчиниться, не стал раздавать [земли по] «книжицам»... и вот, меня упрекают в вероотступничестве, жестокости, тирании. Негодяи уподобляют самого цезаря (Оттона III)... ослу»².

После смерти Оттона, последовавшей 7 декабря 983 г., Герберт оказался под угрозой физической расправы со стороны многих представителей местной знати; он был непопулярен и среди монахов. Передав власть над обителью Приору Петроальду, он бежал в императорский дворец в Павии, где вновь встретился с Феофаном (та держала путь на север, чтобы разобраться с похищением юного Оттона III Генрихом Сварливым). Вероятно, она была рада любому союзнику и, по-видимому, привлекла Герберта в качестве, говоря современным языком, лоббиста: он должен был убедить влиятельных деятелей германской церкви на юге, чтобы те оказа-

¹ Герберт Орильякский. Письма. 12, 13.

² Там же. 18, 19.

ли ей поддержку в деле спасения сына. В поисках места, где он будучи в безопасности, смог бы помочь Феофано, Герберт направился обратно через Альпы в Реймс и оставался там следующие четырнадцать лет, т.е. до 998 г.

Тем не менее *de facto* Герберт оставался аббатом Боббио, пока его не избрали папой римским 2 апреля 999 г. Приор Петроальд управлял монастырём от его имени. Время от времени Герберт проявлял интерес к монастырским делам. 18 марта 984 г. он объявил порицание взбунтовавшимся монахам, нарушившим устав бенедиктинского ордена, «покинув своего пастора» Петроальда, и присоединившимся к людям, которых Герберт отлучил от церкви. Верный ему монах по имени Ренар в письме сообщил ему о низложении Петроальда. «Что ему делать?» — вопрошал он. «Я желаю и настоятельно советую тебе, — отвечает Герберт, — думать и поступать наилучшим образом в соответствии со своими знаниями и способностями». По прошествии некоторого времени он именует верных ему монахов и вассалов из Боббио «истинными своими сынами... за постоянную преданность мне». Он обещал им, что скоро вернётся, но, по-видимому, этого так и не произошло. Через три года он вновь пишет Ренару, позволяя ему сменить обитель. По-видимому, с этого времени его интерес к Боббио угасает: политические события того времени затягивают его в свой водоворот.

* * *

Вернувшись в Реймс, благодаря архиепископу Адальберону Герберт быстро становится участником дел, касавшихся как империи в целом, так и Франции. На повестке дня стоял вопрос помощи Феофано, пытавшейся спасти Оттона III от Генриха Сварливого. Усилия Герберта отражены в ряде писем начиная с 984 г. Он обратился к влиятельному епископу Ноткеру Льежскому, обвиняя его в «непонимании того, что происходит в наши дни» и предостерегая насчет «амбициозных планов Генриха», желавшего сделаться королём и низложить Оттона. Следующее письмо он адресовал своей знакомой леди Имизе (дружеское прозвище, образованное от ее имени «Ирминтруд»), племяннице Адальберона, состоявшей при дворе Феофано. Он просит ее сообщить Феофано «от моего имени» о том, что «короли франков (форма мн. ч. относится к королю Лотарю и его сыну Людовику V) благоволят её

сыну и что ей следует предпринять не что иное, как [попытку] разрушить тиранические планы Генриха Сварливого, ибо он желает сделаться королём под предлогом опекунства». (По правде сказать, план Адальберона и Герберта сделать Лотаря опекуном Оттона III оказался неудачным.) В том же письме к Имизе Герберт замечает: «Я вижу большую удачу в том, что такая замечательная женщина, как вы, почитает меня своим другом»¹. Мы не располагаем никакими сведениями о том, что их отношения выходили за рамки чисто платонических (как то утверждали сплетники в Италии), однако, несомненно, Герберт питал к ней искреннюю привязанность.

Главная задача Герберта состояла в том, чтобы обеспечить Оттону поддержку епископов Лотарингии и Южной Германии. В письме, написанном от имени Адальберона, Герберт безуспешно побуждает Эгберта, архиепископа Трирского, не беспокоиться о том, что Оттон наполовину «грек» (очевидно, Эгбер испытывал беспокойство по поводу не столько Оттона, сколько Феофано); он призывает Эгберта вспомнить благодеяния, кои расточал ему Оттон: «Побуди же вновь [к труду] свой светлый ум; помысли об их великодушии, коли не хочешь навлечь вечный позор на свою расу». Он пишет епископу Дитриху Мецскому, саксонцу и бывшему советнику Оттона II, умоляя того «встать на защиту дома Израилева», т.е. Оттона III. Архиепископа Виллигиса Майнцского также оказалось непросто убедить. В новом письме от имени Адальберона он предупреждает Виллигиса, занимавшего архиепископскую кафедру в Германии, об опасности, связанной с поддержкой Генриха. «Неужто он, — вопрошает Герберт, имея в виду последнего, пытавшийся убить двоих Оттонов, — пожелает оставить третьего в живых?» Три месяца спустя он доверительно обращается от своего имени к Виллигису, сообщая ему, что, несмотря на необходимость отвлечься на борьбу с итальянскими врагами, он по-прежнему глубоко заинтересован в судьбе Оттона. Правильно было «вверить агнца матери, а не волку»². Через три дня (26 июня 984 г.) «волк» Генрих передал «агнца» Оттона в руки Феофано.

Герберт, будучи верным слугой, чувствовал теперь, что вправе рассчитывать на награду императрицы-регентши. Преданность его

¹ Герберт Орильякский. Письма. 30.

² Там же. Письма. 34, 45, 35, 42.

была связана не только с выгодой; он был убежден, что процветание церкви возможно только при ее тесной связи с империей. В письме, написанном в середине июля 984 г. и выдержанном в слегка патетическом тоне, Герберт просит: «Госпожа моя Феофано, будь милостива ко мне». Он подчеркивает, что ему удалось привлечь Лотарингию на сторону Оттона и что он поднял на его защиту всех, кого было возможно. Он вопрошает далее, что ему делать: остаться ли в Реймсе, как «солдату запаса», или присоединиться ко двору Феофано, «как мы решили во дворце в Павии»? Через шесть месяцев Феофано призвала его, но он не мог добраться до Саксонии из-за беспорядков в землях близ Реймса, имевших место в январе 985 г.¹

Тем временем Адальберон и Герберт оказались вовлечены в хитросплетения междоусобной борьбы во Франции. В конце X в. на французскую корону претендовали король Лотарь и его сын Людовик V, последний из династии Каролингов, а также Гуго Капет, граф Парижский. И архиепископ, и ученый поддерживали Гуго, которого пытались убедить объединиться с Оттоном. Герберт дезавуировал кандидатуру Лотаря, высказав предположение, что тот правит Францией лишь формально, тогда как настоящим властителем является Гуго, что соответствовало истине. Дело усложнялось решительным стремлением Лотаря отнять Лотарингию у потомков Оттона. Адальберон же был связан с этим краем благодаря родственным узам: брат его Годфруа был графом Верденским (Лотарь захватил этот город), а двоюродный брат и два племянника занимали в тех местах епископские кафедры. Вследствие этого Герберт и архиепископ оказались в самом центре конфликта, связанного с проблемами лояльности. Письма Герберта врагам короля свидетельствуют о том, что он пытался подорвать авторитет Лотаря, что побудило некоторых из них отзываться о нем как об «интригане»². Герберт был искренен, когда в апреле 985 г. жаловался, имея в виду Адальберона и себя: «Французы относятся к нам не лучшим образом, ибо в вопросе верности вам мы не разделяем их позиций». Он вопрошает, «нет ли свободного пути через [земли] врага», дабы он смог приехать и увидиться с ней. Он пишет, что жизнь Адальберона находится под угрозой, «и моя также, —

¹ Герберт Орильякский. Письма. 45, 51.

² Dunbabin J. France in the Making 843–1180. Oxford, 1985. P. 129.

прибавляет он, — будто я побуждаю его мешать политике французов». (Заметим, что именно это он и делал.)¹

Однако прошло почти два года, прежде чем он снова увидел Феофано: у нее хватало других забот. Тем временем Лотарь обвинил Адальберона в измене на соборе в Компьене, однако того спасла от судебного преследования внезапная смерть Лотаря, последовавшая 2 марта 986 г. Болезнь, погубившая императора, сопровождалась лихорадкой, рвотой, судорогами и кровотечением, и это породило слухи об отравлении. Адальберон устроил Лотарю в Реймсе пышные похороны.

Ему наследовал Людовик V, вспыльчивый юнец девятнадцати лет, прозванный в народе Ленивым², и в значительной мере находившийся под властью матери, королевы Эммы. Она приходилась дочерью королевы Адельгейды от первого брака и, таким образом, сводной сестрой Оттону II. Эмма благоволила Адальберону и Герберту: Герберт по ее поручению писал к Адельгейде, дабы опровергнуть слухи (по-видимому, фальшивые), будто он состоит в связи с племянником Адальберона, епископом Лаона. Люди, утверждала она, «злоумышляют, как могут, против епископа Лаонского, позоря меня и всю мою семью». Она признаётся, что видит врага в собственном сыне, Людовике, поскольку он внезапно вырвался из-под её опеки и напал на Реймс. Адальберона вновь обвинили в измене и вновь, не успел он прибыть на суд, его спасла смерть правителя. Людовик упал с лошади во время охоты и скончался. Уверяли, что он был отравлен.

Наилучшие шансы занять престол были у его дяди герцога Карла, правителя Нижней Лотарингии. Но под влиянием Адальберона и Герберта французская знать предпочла определить кандидата путем выборов. Единственный реальный кандидат, Гуго Капет, победил на них 1 июня 987 г. Через месяц Адальберон короновал и помазал его на царство в Реймсе. Он полил голову Гуго елеем из фиала, который, по преданию, принёс с небес голубь во время крещения Хлодвиг, и таким образом освятил власть короля. (Хлодвиг был первым королём франков; он принял католицизм в 496 г.) Новоизбранный король также нуждался в поддержке германского двора, поэтому он отправил Герберта (ныне своего

¹ Герберт Орильякский. Письма. 59.

² *Fainéant* — от *qui nihil fecit*, «тот, который ничего не делал».

секретаря и советника) в качестве посланника, дабы заручиться одобрением со стороны Феофано.

Герберту удалось перехватить императрицу где-то по дороге близ Франкфурта. За свою поддержку германский двор потребовал вернуть империи Верден. Однако за пределами оплота власти Гуго, то есть земель между Парижем и Орлеаном в Центральной и Северной Франции, власть эта носила скорее символический, нежели реальный, характер: страна оставалась разделена на владения множества феодалов, в ней говорили не менее чем на двенадцати языках и пользовались двенадцатью законодательствами. Разумеется, герцог Карл не собирался сидеть сложа руки. Он осадил Реймс, а в мае 988 г. овладел хорошо укрепленным городом Лаоном, захватив королеву Эмму и епископа Аскеллина, считавшегося её любовником, на месте преступления. К этому времени влияние Герберта в политической среде и присущая ему проницательность оказались повсеместно признаны, и Карл попытался привлечь его на свою сторону, в то время как Герберт прежде всего хотел спасти Эмму и Аскеллина. В середине 988 г. Герберт страдал от истощения и «жестоких лихорадок», возможно симптомов дизентерии. К концу августа он всё ещё не выздоровел. Затем 23 января 989 г. скончался архиепископ Адальберон, что дополнительно усложнило ситуацию. Герберт был несколько уверен, что он займёт архиепископскую кафедру, что отклонил аналогичное предложение, последовавшее из Германии. Он сообщает своему корреспонденту, что Адальберон, «при согласии всего клира, всех епископов и некоторых рыцарей назначил меня своим преемником».

Но каково же было разочарование Герберта, когда король Гуго назначил архиепископом Реймским его бывшего ученика Арнуля, двадцатичетырёхлетнего незаконного сына короля Лотаря и племянника герцога Карла. Герберту следовало предвидеть, что побочного сына короля предпочтут сыну крестьянина вне зависимости от того, насколько последний будет образован и искушён в делах, и что, с точки зрения Гуго, в политике следовало придерживаться прагматических позиций. Затем Арнуль неожиданно предложил Герберту пост секретаря. Тот согласился, рассчитывая, что сможет влиять на нового епископа. Однако он понимал всю опасность и шаткость своих позиций и продолжал поддерживать отношения с двором Феофано. В 989 г. он просит архиепископа Виллигиса «нижайше

напомнить владычице моей Феофано о той верности, которую я всегда блюл по отношению к ней и к ее сыну. Не допусти, чтобы я стал добычей ее врагов, коих по ее велению я повергал во прах, оставляя им в удел презрение, всегда, когда мог». Феофано не ответила, что до некоторой степени свидетельствует о ее неблагодарности: она отвечала лишь тогда, когда Герберт мог сослужить ей службу.

Вскоре архиепископ Арнуль продемонстрировал, кому он на самом деле служит. Однажды ночью, в сентябре 989 г., он отдал тайный приказ священнику по имени Адальжер, дабы тот открыл ворота Реймса войскам Карла. Те ворвались в город и принялись грабить его. Арнуль притворился, будто ни в чем не виноват: в качестве «пленника» Карла его увезли в Лаон. Оставшийся в Реймсе Герберт оказался в ловушке. Пытаясь сохранить город как административную единицу, он предпринял необыкновенно ловкий ход: обратился к архиепископу Эгберту Трирскому от имени Арнуля с письмом, где просил совета: кого следует поддержать Арнулю — Гуго или Карла? В мае 990 г. Гуго созвал синод епископов в Санлисе, дабы разрешить ситуацию в Реймсе. Герберт бежал из Санлиса и присоединился к синоду, который принял решение отлучить «священника Адальжера и тех, кто стоял за этим предательством... К сим злодеям мы причисляем и тех, кто напал на епископа Лаонского». После такого предупреждения в адрес Арнуля Гуго велел Герберту написать папе Иоанну XV и сообщить, что «архиепископ воспользовался тем, что ворота [Реймса] были открыты, чтобы бежать к врагу, клир же и народ, вверенные ему, при его попустительстве [враги] поделили меж собой и пленников, и добычу», вынудив их нарушить данную ими клятву верности и восстать против королевской власти Гуго. Епископы в Санлисе просят папу принять меры против Арнуля, «отъявленного изменника... и второго Иуды». Папа не отреагировал на письмо.

Патовая ситуация в отношениях между Гуго и Карлом разрешилась тем, что находчивый епископ Аскелин перехитрил герцога Карла и архиепископа Арнуля и передал их в руки короля Гуго. Карл умер в тюрьме два года спустя (вероятно, его отравили). Что было делать с Арнулем? Его вынудили отречься, что он и сделал на соборе в базилике Сен-Базиль-де-Верзи в июне 991 г. Архиепископом Реймским избрали Герберта. Этот акт подверг критике аббат Аббон Флёрийский (ок. 940–1004), поборник главенства папы: он отрицал право церковных соборов низлагать епископов,

утверждая, что это может делать один лишь понтифик. В действительности он пытался защитить независимость, дарованную его монастырю папой, от посягательств местных епископов, стремившихся взять его под свою юрисдикцию. В результате на свет появилась речь, направленная против папы; возможно, ее авторство принадлежало Герберту, произнёс же её другой Арнуль, товарищ последнего, епископ Орлеанский. Он справедливо напоминает другим епископам о том, что папство пришло в упадок. «В давние годы [Рима] явил нам знаменитых Львов, великих Григориев... Но что мы видим [там] ныне?» Имея в виду Иоанна XII, он вопрошает: «И таким злобным чудовищам, не имеющим никаких знаний ни о божеском, ни о человеческом, вынуждены подчиняться бесчисленные добрые пастыри, превзошедшие науки [?]... По сравнению с [невежеством] римского понтифика невежество других епископов до некоторой степени терпимо. Но если говорить о том, кто судит о вере, жизни и нравах других епископов и всей католической церкви, его невежество недопустимо»¹.

Новость о низложении Арнуля Реймского в Риме встретили без одобрения: французские епископы, по мнению святого престола, держались чересчур независимо. Герберту это не предвещало ничего хорошего.

На тот момент ему перевалило за сорок, и он страдал от непрерывно посещавших его болезней. В письме, написанном в декабре 990 г., он сообщает, что «заразился этими болезнями, в результате чего губительная осень едва не унесла нашу жизнь». Согласно средневековым представлениям, осень считалась наиболее опасным временем, когда можно заболеть. Возможно, Герберт перенёс тяжёлый грипп или воспаление лёгких².

* * *

Теперь Герберта обвиняли в том, что, стремясь стать архиепископом Реймским, он проявил чрезмерное тщеславие. Если это и было так, то его усилия оказались направлены на ложную цель, ибо архиепископство не принесло ему ничего, кроме огорчений.

¹ Цит. по: Mann H.K. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. Vol. 4. L., 1925. P. 358–359.

² Герберт Орильякский. Письма. 170.

Несомненно, он был искренен, когда писал Иоанну XV: «Бог свидетель (а равно и те, кто знает меня), что я не надеялся узурпировать его [Арнуля] трон, как говорят мои соперники». Вспомним, что Арнуль был не зрелым служителем церкви, но неискушённым юнцом, побочным сыном короля (Гуго назначил его на этот пост с чисто политическими целями), тогда как Герберт был крупнейшим учёным своего времени, имел большой опыт административной и реформаторской деятельности в сфере церковной жизни — словом, наиболее подходящим кандидатом для того, чтобы занять епископскую кафедру. Тем не менее этот изнуряющий конфликт с папством по поводу Реймса продолжался более шести лет.

Несмотря на всё вышесказанное, Герберт был хорошим епископом. Его правление зиждилось на дисциплине, однако он был милосерден, а кроме того, заботился об образовании клириков. После трёх лет хаоса диоцез пребывал в плачевном состоянии. Герберт и местные епископы пригрозили отлучением «захватчикам, негодяям, тиранам... [ибо те] убивали клириков и не прекращали грабить духовных лиц, монахов и бедняков». Традиции поведения епископа, которых придерживался Герберт, заложил ещё Григорий Великий в своем труде *«Regula Pastoralis»* («Пасторские правила»). Григорий заботился не только о клире: так, он предусмотрел ведение службы для клириков на чистом латинском языке, а для народа на «народной» латыни. По его мнению, епископу следовало посещать приходы, самому проводить обряды конфирмации и присоединяться к каноникам в соборе, когда те поют в часы молитв. И главное, епископ призван служить живым примером служителя церкви, безупречного с духовной и моральной точки зрения. В отношении всего перечисленного Герберт был настоящим образцом епископа. Когда он высказал совет: «Спасение душ следует верить [кому бы то ни было] с величайшей осторожностью», он опирался на свой пасторский опыт.

Однако его попечению о чадех церкви решительно мешала постоянная борьба с Римом по поводу его назначения. Приверженцы Арнуля, в основном упрямые монахи, такие, как Аббон, защищавшие собственные интересы, быстро склонили на свою сторону Иоанна XV: тот отказался признать Герберта епископом и обвинил его во «вторжении» в Реймс. Герберт всё больше и больше сосредоточивался на самозащите, и, поскольку он не отличался знатным происхождением и не мог опереться на семью,

ему оставалось прибегать к одним лишь своим выдающимся способностям, дабы удержаться на занятом им посту. В декабре 992 г. король Гуго пригласил папу посетить Францию, но Иоанн XV отказался.

По иронии судьбы, Герберт, которому суждено было занять папский престол, оказался в конфронтации с папой. Как он расценивал роль папства? Как архиепископ, под властью которого находилась Реймская метрополия, и верховный епископ Франции, он, что понятно, хотел ограничить вмешательство далёкого папы в то, что он сам и большинство его товарищей считало местными церковными делами. Репутация папства упала ниже некуда (причем вполне заслуженно), и деятели местных церквей задавались вопросом: почему им следует подчиняться решениям дурных, скандально известных людей? Сторонники папства склоняются к тому, чтобы видеть в Герберте протогалликанина, т.е. того, кто рассматривал французскую церковь как независимую от власти папства как верховного церковного института. Однако они, что называется, идут по ложному следу: ведь Герберт считал себя принадлежащим к ряду владык митрополий, таких, как Хинкмар, властвовавших над провинциальной церковью и не терпевших вмешательства далёкого Рима в свои дела. В длинном, обременённом аллюзиями на классиков, витиеватом трактате, написанном в декабре 995 г. и посланном епископу Вильдероде Страсбургскому, Герберт оправдывает изгнание Арнуля, опираясь на тот факт, что папа ничего не предпринял в отношении неотёсанного молодого епископа, поэтому французским предстоятелям пришлось действовать самим, руководствуясь старинными церковными законами и обычаями. Герберт не был ни теологом, ни экклезиологом (теоретиком, интересующимся вопросами сущности церкви и церковного управления). Этнос (привычные формы общественного поведения) X в. отличали близость скорее к практике и духовному началу, нежели к теологии и умозрительным рассуждениям, поэтому Герберт подходил к проблеме избрания или низложения архиепископа с практической точки зрения: её следовало разрешить в контексте ограниченности папской власти, а также прав, которые имело собрание местных епископов.

В сущности, вся борьба сводилась к противостоянию французских интересов (т.е. интересов короля Гуго и французских епископов), поддерживавших Герберта, и чаяний французских монахов,

возглавляемых Аббоном Флёрийским, которые поддерживали Арнуля. Иоанн XV принял сторону Арнуля, дабы защитить свое суверенное право низложения архиепископов. Императорский двор также присоединился к лагерю сторонников Арнуля, поскольку в 991 г. скончалась Феофано и регентшей стала Адельгейда, которая терпеть не могла Герберта. Как сообщает Рихер, «германские епископы в посланиях папе Иоанну часто советовали объявить недействительным посвящение Герберта, реймского архиепископа, и отменить низложение Арнульфа, совершенное вопреки закону»¹. В конце концов папа собрал 2 июня 995 г. синод в Музоне, к востоку от Реймса. Председателем Иоанн назначил своего легата по имени Лев, аббата Сант-Алессио на Авентине.

Стратегической целью в данном случае был контроль над Лотарингией, которую германский *Reich*, очевидно, не желал уступать французам. Рихер (IV. 96) намекает, что все попали в тенета заговора, составленного епископом Лаона и амбициозным Одоном I, графом Шартрским, и имевшего целью «сделать Одона королём Галлии и низложить Гуго и Робера [сына последнего] хитростью и силой». Германцы преследовали цель захватить французских королей в Музоне и низложить их. Именно по этой причине, заявляет Рихер (IV. 99), король Гуго запретил французским епископам присутствовать на синоде. Таким образом, Герберт оказался вынужден противостоять своим врагам практически в одиночку.

Итак, французские епископы, за исключением Герберта, подчинились давлению Гуго и отказались прибыть на синод. Однако туда явилось четыре епископа из Германии и «множество аббатов из разных мест». Герберт произнёс убедительную, исполненную достоинства речь, доказывая, что Адальберон публично объявил о назначении его преемником, однако Арнуль заполучил епископскую кафедру, прибегнув к «симонии» (имелось в виду, что Арнуль подкупил короля Гуго). Он заявил, что «верно служил» Арнулю, пока «не уяснил себе, что тот открыто отложился» от церкви. Вероятно, Герберт подразумевал, что Арнуль передал епархию в руки герцога Карла. Затем он напомнил синоду, что, лишь после того как «церковь испробовала все свои средства» и Арнуль был смещён со своего поста, его, Герберта, призвали «братья и первые люди этих земель», и он «неохотно» принял епископскую митру.

¹ Рихер Реймский. История. IV. 95. Пер. А. В. Тарасовой.

«Все свои деяния я совершил с чистой совестью», — говорит он. Что касается совета папы, он замечает, что французские епископы ждали «решения [Рима] восемнадцать месяцев», но так и не получили ответа. Лишь после этого они решились действовать¹.

Замечательная речь Герберта не произвела впечатления на синод. Примерно в это время папа Иоанн отлучил его от церкви, хотя французские епископы и король отказались признать это решение. Стычки имели место и в дальнейшем, но к январю 996 г. стало ясно, что Герберт больше не может удерживать свои позиции в Реймсе. Фанатик Аббон побывал в Риме в 996 г., и, как Герберт писал своему корреспонденту, «власть, влияние и достоинство епископов» оказались под угрозой². К середине 996 г., очевидно, он исчерпал свои возможности и потому покинул Реймс, чтобы никогда более не вернуться туда. Однако его карьера ещё не закончилась.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Оттон III: «Новый Рим»?

Будучи выдающимся ученым, Герберт время от времени мог быть до странности доверчивым. На протяжении всей его ученой карьеры в Реймсе он был практически не в состоянии осознать, что его благополучие и виды на карьеру мало интересуют Феофано как регентшу при Оттоне III. Несмотря на это, он продолжал попытки привлечь к себе внимание. Когда внимания на него не обратили вновь, он начал просить друзей при дворе «замолвить за меня доброе словечко» и «напомнить обо мне моей госпоже Феофано». Он наивно говорит своему корреспонденту в 986 г., что «императорский двор скоро призовет меня», и позже сообщает своему старому учителю Раймонду, что Феофано приказала ему «отправиться с ней в Саксонию», чтобы подготовиться к войне со славянами на восточных границах³. Помимо прочего, он хотел быть епископом в германских землях, столь велико было его почтение к оттоновскому правительству. 21 июня 988 г., в письме от имени

¹ Рихер Реймский. История. IV. 104.

² Герберт Орильякский. Письма. 204.

³ Gerbert. Epistulae. 29, 45, 79, 102.

архиепископа Адальберона, он напрямую просил Феофано о епископстве: «Если хоть в какой-нибудь церкви в пределах королевства недостает пастыря, не назначайте в нее никого, кроме того, кого мы (Адальберон), рассудив беспристрастно, представили Вам как подходящего во всех отношениях»¹. На самом деле это был окольный путь, чтобы сказать: «Пожалуйста, дайте епископство Герберту!» Ирония заключается в том, что, как мы видели, германские епископы и регентша при Оттоне III Адельгейда в конечном счете расстроили его карьеру как реймского архиепископа.

Перед Феофано стояли куда более значительные проблемы, чем предоставление епископства Герберту. Ее регентство началось с похищения трехлетнего Оттона его ближайшими родственниками по мужской линии, и, как мы видели, остаток жизни она посвятила борьбе за сохранение политических позиций Оттона III. Ко времени ее смерти в июне 991 г. ему было ещё только десять лет. Императрица-бабушка Адельгейда приняла регентство и сохранила стабильность и политику, установленные при Феофано. Что удивительнее всего во время несовершеннолетия Оттона III, так это та роль, которую сыграли *dominae imperiales*, «императорские дамы», остававшиеся и физически, и эмоционально близкими Оттону. Кроме Феофано и Адельгейды, это были тетка Оттона и подруга Феофано Матильда, аббатиса Кведлинбурга, и его сестры, Адельгейда и София, обе ставшие аббатисами. Поскольку семейные связи были такими сильными и близкими, трудно указать точную дату, когда Оттон достиг совершеннолетия, но около 995 г. он определённо пролагал королевский маршрут по своему собственному усмотрению. Однако влияние родственниц оставалось сильным, и движение от регентства к самостоятельному правлению было постепенным.

Одной из первых проблем, с которыми Оттон имел дело как правитель, был реймский диспут, однако его точная роль в этих событиях неясна. После того как на соборе в Музоне не удалось решить спор, а позиция Герберта стала совершенно неприемлемой, 5 февраля 996 г. был созван германский собор в Ингельгейме. Готовясь к нему, Герберт написал длинное послание в своё оправдание к Страсбургскому епископу Вильдероде, датированное 31 декабря 995 г., на которое мы ссылались в предшествующей главе.

¹ *Gerbert. Epistulae.* 125.

Кажется, в Ингельгейме не решили ничего, и Оттон в феврале 996 г. отправился из Регенсбурга в Рим по просьбе покровительствовавшего своим родственникам и алчного Иоанна XV, которого изгнал из Рима местный политический лидер Кресценций II Номентан. Новость о том, что Оттон направляется на юг, заставила Кресценция примириться с Иоанном XV, который, однако, умер от жестокой лихорадки, когда Оттон ещё находился в Павии. Возможно, в силу своей незрелости (ему тогда было около пятнадцати лет) Оттон назначил папой своего прекрасно образованного 24-летнего троюродного брата Бруно Каринтийского. Он принял имя Григория V (996–999) и стал первым папой, происходившим из земель к северу от Альп. Между тем Герберт последовал за Оттоном в Рим. В праздник Вознесения (апрель 996 г.) папа Григорий увенчал Оттона короной императора Священной Римской империи.

Оттон явно питал слабость к Герберту, которого он теперь принял к себе на службу как нотарию и личного секретаря. Почти сразу же тот составил для Оттона письмо, уведомлявшее его бабушку Адельгейду о коронации. К августу Оттон был в Павии, направляясь назад в Германию. Но покровительство Оттона не помогло Герберту в Риме, поэтому он вернулся в Реймс. Его праги, включая коварного Аббона Флерийского, который теперь втирался в доверие к Григорию V, продолжали обвинять его перед новым папой, но тот откладывал принятие решение до тех пор, пока не выслушает Арнульфа.

По возвращении в Реймс Герберт заболел малярией, которую он явно подцепил в Риме, где эта болезнь была обычным делом. В феврале 997 г. он говорит императрице Адельгейде: «Преклонный возраст грозит мне приближением моих последних дней... Весь этот год видел меня лежащим больным в постели, я перенёс рецидив, и меня попеременно охватывали то озноб, то лихорадка»¹. От следующих нескольких месяцев дошло несколько писем, в которых Герберт поощряет архиепископов Тура и Санса настаивать на своем отказе от уступок независимо мыслящим монахам или папскому вмешательству. К апрелю 997 г. его положение в Реймсе усложнилось настолько, что оставаться ему там было уже невозможно, в первую очередь из-за того, что в октябре 996 г. умер король

¹ *Gerbert. Epistulae*. 212.

Гуго Капет, а Герберт отказался совершить бракосочетание Роберта II, его сына и наследника, с его кузиной, графиней Бертой, после развода с первой женой.

Ситуация ещё ухудшилась в мае 997 г., после того как Григорий V объявил Герберта «самозванцем» в Реймском архиепископстве, а Арнульфа его законным епископом. Решение отдать епископство плохо образованному юнцу было вопиюще неразумным, но Герберт ничего не мог поделать. Это был явно тот случай, когда благородство происхождения имело перевес над благородством характера. От Герберта отреклись даже его ближайшие сотрудники; он говорит о «незаслуженном гонении со стороны моих братьев»¹. Поэтому, удрученный, преданный и измученный, он бежал к королевскому двору в Ахен, попросив своего друга, орлеанского епископа Арнульфа, позаботиться о его интересах во Франции. В это время ему было 52 года от роду; он никогда больше не ступал вновь на землю Франции.

К июню Герберт был в Магдебурге с Оттоном. 21 октября 997 г. Оттон предложил Герберту стать его учителем и избавить его от его саксонской *rusticitas* (неотёсанности), заменив её греческой *subsilitas* (утончённостью)². Теперь он вошел в состав двора Оттона надолго. Титмар говорит, что он соорудил хорологий (часы, хронометр или даже координатную сетку) в Магдебурге; «чтобы правильно его установить, он посредством [зрительной] трубы наблюдал за звездой, указующей путь морякам»³.

Отношения с Оттоном имели свои взлеты и падения. Например, Оттон дал Герберту имение в Засбахе неподалеку от Страсбурга, которое было частью императорского фиска. Но кто-то, заявив, будто действует от имени Оттона, пока император сражается со славянами на восточной границе, забрал это поместье назад. Оскорблённый Герберт напомнил Оттону, что служил ещё его отцу и деду, что он «проявил самую неподкупную верность... [и] подставляя под удар разъяренными королям и взбешённому народу свою особу, как бы мала она ни была», для того, чтобы поддер-

¹ *Gerbert. Epistulae.* 220.

² *Ibid.* 230.

³ *Титмар Мерзебургский.* Хроника. VI. 100. (Текст «Хроники» Титмара цитируется по русскому изданию в переводе И. В. Дьяконова: *Титмар Мерзебургский.* Хроника / Пер. И. В. Дьяконова. М., 2009. — Прим. пер.)

жать оттонианцев. И потому он спрашивает: «Каким несогласием, как мне говорят, я оскорбил Вас и Ваших служителей настолько, что моя служба так неожиданно делается не угодной»¹. Десятью днями позже Оттон пишет ему, обращаясь с просьбой стать его наставником, но игнорируя засбахское дело. Герберт принимает приглашение, становится придворным и остается близок к Оттону на протяжении остатка их жизни.

Годом ранее, в октябре 996 г., Герберт присоединился к Оттону в Майнце и провел несколько недель, ведя беседы в обществе императора. При них, очевидно, имевших своим результатом глубокие изменения взглядов, присутствовал также пражский архиепископ Адальберт. Эти три человека удалились в нечто вроде духовного и философского пристанища, и такие беседы стали в жизни Оттона обычным делом. Ему в тот момент было шестнадцать лет; он уже не искал общества молодёжи того же возраста и класса. В то время как Крис Уикхем несправедливо называет Оттона «раздражающе юным», Герд Альтхофф показывает, что он был очень чувствителен к политическим и социоритуальным процессам своего времени². Он понимал, что «воплощает» государство в своей персоне и должен действовать в соответствии с неписаным и сложным набором правил и процедур. Собеседники Оттона, особенно Герберт, должны были в полной мере понимать его внутренний мир и проблемы, с которыми он сталкивался. Королевский сан в эпоху Средневековья предполагал совещания и выслушивание мудрых советов, особенно от церковников почтенного возраста, хотя Альтхофф интересуется, «как члены церковной иерархии, особенно кто-либо подобный архиепископу Майнцскому Виллигису, реагировали на то, что молодой император удалялся для долгих совещаний с такими людьми, пусть даже образованными и достойными служить примером»³. Оттону повезло, что он правил в период относительной стабильности.

Итак, что должно было нравиться при общении с этим шестнадцатилетним императором? Нам не следует проецировать на Оттона никакие современные представления о подростковой пси-

¹ *Gerbert. Litterae.* 229.

² *Wickham Ch. Rethinking Otto III or Not // History Today.* 2011. Vol. 61. P. 72; *Althoff G. Otto III.* University Park, 2003. P. 8–22.

³ *Althoff G. Otto III.* P. 71.

хологии; это был период, когда короткая продолжительность жизни заставляла людей раньше достигать зрелости. Тем не менее иногда непоследовательные действия Оттона и его пылкий идеализм склоняют нас к тому, чтобы рассматривать их как обычное юношеское поведение. Если оставить в стороне многочисленные ловушки исторического психоанализа, современная психология развития говорит нам, что высокая интенсивность чувств и импульсивность характерны для молодых людей. Они побуждают их стремиться к идеалам в духовности, красоте, музыке, искусстве и других возвышенных сферах деятельности. Но проблема состоит в том, что их нейроповеденческая система является незрелой и самоконтроля достигнуть нелегко. Это может помочь нам понять идеализм и неустойчивость Оттона.

Оттон вырос в обстановке господства могущественных женщин и старших сестер. Хотя они и развили мягкую, женственную сторону его личности, общение с ними стимулировало также его нужду в сильных мужских жизненных образцах. Возможно, это позволяет нам в некоторой мере объяснить его стремление к обществу старших по возрасту людей, подобных Герберту. Феофано позаботилась о том, чтобы ее смысленный ребенок был хорошо образован. Его главным наставником был друг Феофано, грекоязычный архиепископ Иоанн Филагат, который обучил Оттона греческому языку и культуре, и с 987 по 993 г. Бернвард, высокообразованный священнослужитель, имперский капеллан, отпрыск знатной саксонской семьи и епископ Хильдесхайма, чьи советы Оттон весьма ценил и к которому был очень близок после смерти Феофано в 990 г. Другими *familiares* (близкими советниками) были пражский епископ Адальберт, святой греко-итальянский пустынник Нил и монах-аскет Ромуальд. Вормский епископ Франко и архиепископ Кёльнский Герберт были более молодыми друзьями, находившимися с Оттоном в очень близких отношениях. Именно от этих людей он впитал глубокую мистическую духовность наряду с блестящим образованием.

Существовали два других человека, с которыми Оттон был ещё более близок, что, конечно, являлось необычным для саксонских монархов. Согласно *Vita Romualdi* (Житие святого Ромуальда) монаха Пьетро Дамиани, граф Таммо, капеллан Оттона и брат епископа Бернварда, был «так близок и дорог королю, что они носили одежду друг друга и часто использовали во время еды

одну ложку», и они соединяли руки, погружая их перед едой в сосуд для омовения¹. Обмен одеждой особенно обращает внимание на близость между этими двумя молодыми людьми. Дамиани говорит и о подобной же близости Оттона и Бруно Квертфуртского, которого тот называл *anima mea* (душа моя), подразумевая свое «второе я» или задушевного друга. «Хроника» Титмара сообщает, что «будучи призван и принят Оттоном III, он вскоре его покинул, чтобы жить плодами своего труда». Позже он стал епископом-миссионером близ границы Пруссии и России (нынешняя Литва), где и принял мученичество в 1009 г.²

В нашем помешанном на гениталиях, постфрейдистском мире по поводу этих отношений немедленно встает проблема гомосексуализма. Но человеческая сексуальность гораздо более многообразна, чем воображаем мы, и понятия об *amicitia* (дружбе) в X в. были совершенно отличными от наших. Мы почти не можем вообразить тесную дружбу без сексуальных формулировок, но тогда сексуальность была гораздо менее гнетущей проблемой, чем теперь. Оттон и его друзья находились под влиянием сочинений Платона и Цицерона об идеализированной дружбе, и обобщенный гомоэротизм был широко принят. Как мы видели, панику по поводу гомосексуализма сеяли более поздние фанатики, подобные Пьетро Дамиани.

Оттон в раннем возрасте начал выполнять военные обязанности саксонского короля. Получив в Кведлинбурге на Пасху 986 г. от польского князя Мешко верблюда и другие дары, он «не переставал беспокоить славян многочисленными жестокими войнами. Он победил дерзнувшие восстать против него восточные [народы]»³. Даже будучи мальчиком, он участвовал в ряде других походов, включая завоевание Бранденбурга в сентябре 991 г. Хотя он и ценил превыше всего внутреннюю жизнь, Оттон отнюдь не был монархом, искавшим уединения. С четырнадцати лет он действовал как король и император и не оставлял без внимания ни одну из главных проблем своего времени. Именно к его активной военно-политической жизни мы сейчас и обратимся.

¹ *Pietro Damiani. Vita Romualdi. 25.*

² *Титмар Мерзебургский. Хроника. VI. 94–95.*

³ Там же. IV. 9.

Достигнув совершеннолетия, Оттон вынужден был заняться доставшейся ему от предшественников проблемой всегда беспокойной восточной границы. Здесь поднимались три новые нации. Первой из них была Венгрия, которая после решающего поражения, понесенного мадьярами от Оттона I в битве на реке Лех, возникла в бассейне Среднего Дуная в Карпатах. Вождь мадьяр, князь Гёза (972–997), по договору с Оттоном II, отверг миссионеров из Константинополя и обратился к католицизму для «политического выживания», хотя и всё ещё «приносил жертвы языческим идолам, чтобы почтить старцев»¹. Превращение в Венгрию было закреплено его сыном Стефаном (997–1038). Венгрия возникла как не славянский клин между западными (или северными) (ныне поляки, словаки и чехи) и южными (ныне включающими Сербию, Хорватию, Болгарию, Румынию, Боснию и Македонию) славянами. За исключением герцогства Хорватии, которое было католическим, восточные славяне в основном оказались под церковным влиянием восточной православной церкви из Болгарии, бывшей независимым царством до 1014 г., когда византийский император Василий II (976–1025) нанёс болгарам поражение² и безжалостно ослепил 10 тысяч человек.

Западные славяне имели другую историю. Богемия и Польша возникли около середины X в., и обе безрезультатно вмешались в германские дела, пытаясь оказать поддержку Генриху Сварливому после смерти Оттона II. В 962 г. князь Болеслав I (ок. 935–ок. 967) получил княжество Богемия, убив своего брата, «доброго короля Венцеслава», признал господство Германии, это положение сохранилось при Болеславе II (ок. 967–999). В Праге в 973 г. была учреждена епархия; епископом туда был назначен Адальберт, друг Оттона III.

Языческая Польша первоначально предпочла остаться вне пределов рейха, но, припертый германцами к стенке, князь Мешко I (ок. 960–992) обратился в католицизм в 966 г., хотя это не давало ему гарантии от нападений на переменчивой границе. Например, в июне 972 г. маркграф саксонской Остмарки Одон I внезапно атаковал Мешко. Но сражение закончилось поражением германцев,

¹ Kosztolnyik Z. J. Hungary Under the Early Arpads, 890s to 1063. Boulder, 2002. P. 113.

² В битве при Беласице в 1014 г. — *Прим. пер.*

приведшим к гибели «всех лучших воителей». Это испугало Оттона I, который тогда находился в Италии. Согласно Титмару, он «приказал Одону и Мешко, если они хотят сохранить его милость, оставаться в мире»¹. Предвидя будущие трудности, Мешко учредил в Познани католическую епархию, которую он дальновидно поместил непосредственно под власть папы, таким образом обеспечивая уверенность в том, что его епископы не будут викариями германского столичного архиепископа. Викарный епископ имел полную власть в своей епархии, но его сотрудничество могло понадобиться столичному архиепископу по местным вопросам. К этому времени Польша простиралась от реки Одер на западе до балтийской Пруссии на севере и Руси на востоке. Для того чтобы сопротивляться германскому натиску, князь Мешко в марте 991 г. передал всю страну, хорошо организованное государство, под власть папства, делая ее таким образом частью Патримония Святого Петра. Не имея большого практического значения, эта акция символически поместила Польшу вне власти рейха. Князю Мешко в мае 922 г. наследовал его сын, Болеслав I «Храбрый». Он сотрудничал с германцами в попытках умиротворить и обратить в христианство славянские племена, живущие к северо-востоку от Эльбы и далее на восток в Померании.

Одним из самых экстраординарных событий правления Оттона III стала его поездка в святилище его старого друга, мученика епископа Адальберта в Гнезно. Жизнь Адальберта была необыкновенной. Он родился в Богемии, по-чешски его звали Войтеком («Войцех» по-польски). Образование он получил в Магдебурге, где принял имя Адальберт в честь своего учителя. Вскоре назначенный архиепископом в Прагу, он старался углубить христианскую веру у полуобращённых богемцев. Он был изгнан в 990 г., отправился в Рим и принял монашество. Болеслав II убедил его вернуться в Прагу и поддержал его, но беспорядки начались вновь, и в 995 г. он вернулся в Рим. Как мы видели, он стал другом Оттона III и его советником по славянским делам. Вечно неутомимый, теперь при поддержке польского Болеслава I, Адальберт вернулся в Восточную Европу и попытался обратить пруссов, исчезнувшее ныне балтийское племя, обитавшее в Восточной Померании близ Данцига. 23 апреля 997 г. он был убит в то время, когда служил

¹ Титмар Мерзебургский. Хроника. II. 29.

мессу в священной роще, в чем местные язычники, понятное дело, усмотрели осквернение. Возможно, его считали также польским шпионом. Его тело было возвращено в Польшу князем Болеславом I и погребено в Гнезно.

В феврале 999 г. Оттон узнал, что умерла его сестра, аббатиса Кведлинбургская Матильда; затем, в декабре 999 г., скончалась также его бабка Адельгейда. Поэтому он решил, что ему нужно вернуться в Германию и совершить паломничество к могиле Адальберта в Гнезно. Отправившись из Рима на Рождество 999 г., Оттон в середине зимы (январь 1000 г.) перешел перевал Бреннер, совершая путешествие через Баварию и Юго-Восточную Германию, собирая толпы желающих посмотреть на него, а также епископов и магнатов, которые его приветствовали. Это путешествие не было импульсивным; оно имело свой маршрут, на котором Оттона на границе встретил князь Болеслав I, сопроводивший его в Гнезно. Титмар рассказывает: «Увидев издали желанный город, Оттон босиком и со смирением вошел в него... [он был] введён... в церковь. Добываясь для себя милости Христовой, он со слезами призывал заступничество мученика Христова»¹.

Болеслав проводил Оттона обратно в Германию и заключил *foedus amicitiae*, договор о дружбе, который был скреплён обменом дарами и щедрым пиром. Титмар, презиравший Болеслава (он называет его «этот хитрец») критикует Оттона, который «сделал данника (*tributarius*) господином (*dominus*)»². Оттон также основал в Польше новую церковную провинцию с Гнезно как столичным архиепископством. Подарком, который Оттон получил в Польше и который доставил ему наибольшее удовольствие, стали триста закованных в латы всадников. В сопровождении Болеслава Оттон отправился для празднования Пасхи в Магдебург, а затем, всё ещё с Болеславом, который хвостом следовал за ним, в Ахен.

Ныне Оттон III достиг того, чего не смогли выполнить его отец и дед: стабилизации и обеспечения безопасности восточной границы рейха. Теперь славяне были скорее друзьями, чем постоянной угрозой сердцевине саксонских земель. Справедливости ради заметим, что сделать это Оттону III было легче; тяжкий труд обращения западных славян и мадьяр в католицизм уже выпол-

¹ Титмар Мерзебургский. Хроника. 45.

² Там же. V. 10.

нили двое его предшественников. Стабилизация границы означала, что Германия отныне являла собой культурное и этническое целое, и её восточные соседи тоже достаточно далеко продвинулись на пути к подобному положению. Европа, насколько нам это известно, стала принимать свои очертания, и культурный мир и цивилизация, которые мы унаследовали как представители Запада, начали свой путь в сегодняшний день.

Вернувшись в рейх, как мы видели, Оттон III провел длительное время в беседах с Гербертом и Адальбертом в октябре 996 г. Значит, император провел следующий год в Германии — необходимость для любого саксонского монарха. Долгое отсутствие при поездках в Италию и в другие места возмущало магнатов, и королевские путешествия и присутствие были нужны, чтобы сохранять лояльность этих могущественных людей. В первой половине 997 г. он также участвовал в двух неудачных походах против полабских славян, или вендов, широко расселившихся между реками Заале и Эльбой к западу от Польши и востоку от Тюрингии, которым ещё предстояло быть обращенными в католичество и ассимилированными.

Но беспорядки назревали и в Риме. В конце сентября 996 г. римляне под предводительством Кресценция II вновь восстали и изгнали Оттоновского папу, Григория V, из города, сперва в Сполето, затем в Павию. Григорий умолял Оттона вмешаться, но император не спешил, и только в начале декабря 997 г. он вновь перешел Бреннер и направился в Павию, где отпраздновал Рождество вместе с Григорием.

Десятью месяцами ранее римляне избрали себе нового папу, которым стал не кто иной, как крестный отец Оттона и его бывший наставник в греческом, Иоанн Филагат, в прошлом канцлер по делам Италии, архиепископ Пьяченцы и, согласно Пьетро Дамиани, любовник Феофано. Совсем недавно Иоанн действовал как специальный посол в Константинополе, добиваясь византийской невесты для Оттона III. Но, побуждаемый тем, что святой отшельник и аббат Нил именует *insatiabili aviditate* (ненасытное честолюбие), и под нажимом со стороны Кресценция, он в феврале 997 г. принял избрание как Иоанн XVI¹. На Филагата влиял византий-

¹ Vita St Nili. 89 // MGH SS. Vol. 4. P. 616.

ский епископ Синады во Фригии (ныне Центральная Турция) Лев, который заявлял, что манипулировал римлянами, чтобы обеспечить ему избрание. Лев находился в Риме на протяжении двух лет, представляя императора Василия II в переменчивых сношениях между Оттоном и Византией по поводу брака, и в начале 997 г. он писал другу при константинопольском дворе: «Я знаю, что ты смеешься надо мной, но ты будешь просто хохотать, когда услышишь, что я назначил Филагата папой в то время, когда мне следовало его удавить»¹. Лев, который обладал отменным чувством юмора, имел целью освободить Рим из-под германского влияния и включить в византийскую сферу влияния. Интересно также, что римляне предпочли греческого папу (пусть даже из южноитальянских греков) германскому. Несомненно, в самом Риме и вокруг него было всё ещё много греческих клириков, и среди римской элиты всё ещё существовали прочные связи с Константинополем. Однако кажется, что большинство современников имели очень низкое мнение о Филагате; к их числу принадлежал и архиепископ Лев, который говорит: «Этот Филагат, чьи уста были полны кощунств и злобы, богохульства, пороков и оскорблений... этот кровавый папа, эта напыщенная и чванливая креатура»².

Действия Иоанна понять трудно. Почему он изменил оттонинцам после того, как был в фаворе у Феофано, а сам Оттон награждал его, причем он мог с полным основанием ожидать от него новых милостей после относительно успешных брачных переговоров с византийцами, для того, чтобы связаться с таким головорезом, как Кресценций? Несомненно, причиной были амбиции, но он, вероятно, оправдывал их для себя наивной верой в то, что он может принести мир между германцами и византийцами. Западные епископы и Григорий V быстро предали его анафеме. Теперь его выживание в Риме зависело от Кресценция, а также всецело полагалось на защиту византийцев, которой, однако, не последовало. Действительно, в одном письме к Герберту (вероятно, от майнцского архиепископа Виллингса) есть свидетельство о том, что Иоанн XVI написал Оттону примерно в апреле 997 г., предлагая сдаться и подчиниться «правлению нашего Цезаря»³. Это означа-

¹ *Leo Synadensis. Epistulae.* 6.

² *Leo of Synada. Correspondence.* 1.

³ *Gerbert. Epistulae.* 225.

ет, что Иоанн хотел осуществить ритуальный акт сдачи императору, тем самым веря себя милосердию Оттона.

Оттон ехал в Рим без всякой спешки. Он посетил Кремону, затем вниз по течению По спустился до Равенны на украшенном корабле, который предоставил венецианский дож. На Рим он двинулся в середине февраля 998 г. и обнаружил, что город лишен защиты. Кресценций с небольшим отрядом приверженцев нашел убежище в замке Святого Ангела, а Иоанн XVI бежал в укрытие в замке в Кампании, возможно, надеясь ускользнуть на византийскую территорию после того, как накал событий остынет. Тем временем находившиеся в панике римляне тотчас же достигли с Оттоном соглашения, и он вступил в город как захватчик. Однако он, конечно, был бдительным, подобно своему деду Оттону I, сказав своему меченосцу, графу Ансфриду: «Сегодня, пока я не окончу молитву у священного порога апостолов, ты всё время держи меч над моей головой. Мне ведь известно, что римская верность часто казалась подозрительной моим предкам»¹.

Иоанна Филагата быстро выследили и схватили люди графа Бертольда Брейсгаузского в конце февраля 998 г. Почти наверняка именно Бертольд отвечает за нанесённые Иоанну страшные увечья; позже Оттон наградил его за отвратительное насилие над антипапой. Византийский епископ Лев так описывает то, что случилось: Иоанн «был предан анафеме западной церковью; во-вторых, ему выкололи глаза, в-третьих, ему отрезали нос и, в-четвёртых, губы; в-пятых, его ошеломляющий язык, который постоянно болтал о том, чего и упоминать нельзя. В-шестых, после этого он был проведён в торжественной процессии, восседающий верхом на облезлой маленькой ослице, которую он держал за хвост. Козлиная голова со свисающим лоскутом старой козлиной шкуры покрывала его собственную голову. В-седьмых, он был приведён в суд, обвинён, облачён в церковные одеяния, которые затем с него сорвали, вытащен назад через сам неф, нартекс, внутренний двор с фонтаном и, словно для отдыха от мучений, брошен в темницу»².

Лев здесь объединяет две различные стадии наказания Филагата. Ужасные увечья, которые даже современники считали шоки-

¹ *Tutmar Мерзебургский*. Хроника. IV. 32.

² *Leo of Synada*. Correspondence. 1.

рующими, были нанесены вскоре после его захвата. Именно после этого его земляк, аббат Нил, которому было почти девяносто лет, возмущенный всем случившимся, отправился в Рим и безуспешно умолял как императора, так и папу вверить Иоанна его заботам. Григорий V явно всё ещё был не удовлетворён и хотел предать Филагата суду, что и имело результатом его осуждение и лишение церковных одеяний. Заключённый в темницу в римском монастыре, Филагат умер в августе 1101 г., мы надеемся, с миром.

Ситуация с захватом Кресценция II была более сложной. Он находился в безопасности, пока отсиживался в почти неприступном замке Святого Ангела. Только после Пасхи Кресценция схватили, казнили, его тело подвергли поруганию, а жену его император взял в наложницы. Согласно одному сообщению, Оттон обманул его, ложно пообещав свободный проход. По другому же, переданному Радульфом Глабером, Кресценций сдался на милость Оттона, но тот отверг капитуляцию. Он вернулся в замок, куда вскоре проникли войска Оттона. Кресценций в бою был тяжело ранен и затем схвачен. «Те, кого нашли вместе с ним, все были убиты». Когда Оттона спросили, что делать с Кресценцием, он ответил: «Сбросьте его с вала на глазах у народа, чтобы римляне не могли сказать, что вы похитили их князя!» Так они и сделали, а потом связали его и проволокли, привязанного к волам, по уличной грязи, и оставили его висеть на высокой виселице на виду у всего города»¹. Согласно Титмару, он «был обезглавлен и повешен на верёвке за ноги»². Версия Глабера, по-видимому, настолько близка к истине, насколько последняя вообще достижима, потому что его источником, вероятнее всего, являлся аббат Одилон Ключийский, который находился в Риме в «партии» Оттона.

За эту омерзительную жестокость в первую очередь несли ответственность папа Григорий V и Оттон III. Хотя некоторые источники говорят, что Оттон раскаивался в своих действиях, такое обращение, как кажется, было частью осознанной политики устрашения. Окружение императора считало, что римляне стали *sentina*, быдлом, клоакой, нижайшими из низких, и что оба этих человека были *perversi* и *apostata*, ренегатами и отступниками, с

¹ Glaber. Historiarum. I. 12.

² Титмар Мерзебургский. Хроника. IV. 31.

которыми и поступать надлежало как с таковыми. При этом ранее Кресценцию уже была явлена императорская милость, а она не повторялась применительно к её нарушителям. Этим можно объяснить, почему в версии Глабера Оттон отказывается вступить в переговоры или использовать королевскую доблесть — пощаду. Труднее объяснить обращение с Филагатом, хотя некоторые источники утверждают, что он планировал передать Рим и папство византийцам. Очевидно, весь оттоннианский лагерь, включая Герберта, решил сделать двух «ренегатов» примером. Поэтому жестокость здесь не следует считать личной; не было это и желанием отомстить со стороны императора или папы. Это было просто правило игры. Терпение и милосердие имели свои пределы. Альтхофф говорит, что «личность могла надеяться на *pietas* (снисходительность) лишь однажды»¹. Тем не менее, как кажется, со стороны Оттона было хотя бы некоторое раскаяние. Вскоре после расправы с Филагатом и Кресценцием он совершил паломничество босиком в келью Святого Нила в обитель Святого Михаила Ангела на горе Гаргано неподалёку от Фоджи на расстоянии примерно 210 миль (340 км) от Рима.

В разгар всех этих жестокостей, 28 апреля 998 г., Оттон побудил Григория V поставить Герберта архиепископом Равенны после смерти прежнего. Папа отправил Герберту паллий² и сделал его князем Равенны. Так проблема Реймса была, наконец, решена. Но принципы, которые Герберт защищал на диспуте: традиционные права митрополитов и епархий по отношению к папству и монастырским порядкам, — остаются важными и в современной католической церкви. Герберт основывался на традиционном церковном праве и считал, что любое папское решение, ему противоречащее, не имеет законной силы и недействительно. Ему пришлось кое в чем модернизировать свои взгляды, когда он стал папой, но эта позиция отражала его твёрдое мнение. Став архиепископом, Герберт начал проводить реформы в Равенне; впрочем, он сохранил определённые контакты со своим аббатством в Боб-

¹ Althoff G. Otto III. P. 80.

² Паллий — элемент облачения высшего католического духовенства, белая лента из овечьей шерсти с вышитыми на ней шестью крестами. Паллий вручался папой епископу как символ его подчинения папе и власти над епархией. — *Прим. пер.*

био. Но хаос и насилие отнюдь не закончились. Оттон думал, что его решительные действия, наконец, положат конец склонности римлян к восстаниям; в этом он ошибался более, чем в каком-либо ином случае.

Сейчас в Риме на Авентинском холме близ жилищ, принадлежащих высшим классам, резиденций и зданий, связанных с религией, находится любимый всеми общественный парк. Он называется Джардино делли Оранчи (Апельсиновые сады) или Парко Савелло. Он полон гранатовых деревьев, оттуда открывается замечательный вид через Тибр и город в направлении собора Святого Петра. Расположен он сразу позади прекраснейшей древней базилики Рима, Санта-Сабина. Именно здесь, вероятнее всего, Оттон и жил в бывшей крепости-дворце Теофилактов. Сохранилась только одна стена со стороны сада; возможно, это место было избрано, потому что оно считалось одним из немногих мест в городе, куда почти не проникала малярия.

Для римлян это выглядело так, как если бы Оттон намеревался вновь занять их город в качестве своего рода римского императора, и в придворных кругах шли разговоры о *renovatio imperii Romanorum*, «восстановлении Римской империи». Но всё это было, видимо, не более чем разговорами. Существовали мечты о христианской Римской империи Константина, о возможности обновления римского идеала универсального правления, в котором все христианские народы, и византийцы, и европейцы, сойдутся вместе в некой конфедерации. Герберт, несомненно, воодушевил Оттона великими идеями. «Нам, нам, — говорил он ему, — принадлежит Римская империя! Наш же Август, император римлян, это ты, Цезарь, происходящий от знатнейшей греческой крови, превзошедший греков империей и управляющий римлянами по праву наследования, но и тех, и других ты превзошёл своими талантами и красноречием!»¹

Эта *renovatio* никогда не планировалась как новое наложение римского *imperium* (господства), но, скорее, как конфедерация, которая соберет христианские народы вместе в некий вид транснационального единства. Не было это и «политикой» в современном смысле слова. Оттонианские монархи не думали о политике;

¹ Gerbert. Epistulae. 232.

у них были идеалы, за которые они боролись, по крайней мере, теоретически. И думали о себе в понятиях этих идеалов.

Другой манифестацией этой идеализированной империи является известный портрет императора в Евангелии Оттона III, созданном в скриптории Райхенау и сейчас хранящемся в мюнхенской *Staatsbibliothek* (Государственной библиотеке), на котором мы видим Оттона облачённым в императорское одеяние в окружении воинов и ученых-клириков. Он восседает на троне, держа скипетр и державу с крестом, символизирующую универсальную власть. Напротив портрета четыре женские фигуры, приближающиеся к нему в позе покорности. Они символизируют европейские «нации»: Рим возглавляет шествие, за ним следует Галлия (старая каролингская империя в Нидерландах, Франция и Юго-Западная Германия), затем Германия (территория между Рейном и Эльбой) и, наконец, Славия (славянские нации). Такой род портрета показывает, что Оттон воображал себя некой комбинацией новых Константина и Карла Великого.

Очевидно, Оттон, Герберт и, по крайней мере, некоторые из их советников начали мыслить в терминах своего рода наднационального государственного образования, союза христиан, который выходит за пределы границ и, кроме того, признает Священного Римского императора как символ этого единства. Знаменательно, что в эту *renovatio* они надеялись включить и Византию, но они не продумали до конца реальную политику, а именно как два императора (византийский и германский) намерены делить их относительные полномочия. Хотя всё это, вероятно, было чем-то из области мечтаний, двор Оттона не особенно сомневался в собственном господстве над Германией и Италией и потому мыслил в таких спекулятивных терминах. Помимо прочего, Оттон, Герберт и их приближённые не мыслили более в местных и провинциальных понятиях. За пару поколений оттонианцы поднялись гораздо выше хаоса, возникшего в результате распада империи Каролингов, и даже если рассматривать мнение Герберта о реставрации Римской империи как не более чем мечту, они чувствовали возможность восстановления империи Карла Великого, в соотнесении с которым, несомненно, рассматривал себя Оттон III.

Это его представление о самом себе нашло подтверждение, когда Оттон лично с несколькими товарищами вскрыл гробницу

Карла Великого в дворцовой капелле в Ахене на Пятидесятницу 1000 г. Он только что вернулся из паломничества в Гнезно. Одним из его товарищей был граф Оттон Ломеллийский, чей рассказ очевидца был записан в «Хронике Новалезе», монастыря неподалеку от Сусы в Северо-Западной Италии. Согласно графу Оттону, тело Карла Великого не лежало, «но сидело, как если бы он был жив». Когда они вошли в гробницу, их «поразил сильный запах». Тело было облачено в императорские одежды, а «ногти на руках проткнули перчатки и высывались». Они переодели тело «в белые одеяния и подстригли ему ногти». Иначе говоря, они нашли тело, погребенное 186 лет назад, неиспорченным: «император Карл не утратил от гниения ни одного члена своего тела, за исключением только кончика носа... Император Оттон заменил его золотым, взял зуб изо рта Карла, замуровал вход в гробницу и вновь удалился»¹.

Что нам делать с этим несколько жутким происшествием? Подобно Константину до него, Карл Великий рассматривался как свято-жреческая фигура, и Оттон, вероятно, хотел канонизировать его формально, что наводит на мысль о том, что он считал тело реликвией. Гробницы святых часто бывали открыты. Невредимость была надёжной характеристикой святости, и зуб был взят как реликвия. Джон Ф. Моффитт показывает, что погребение важных персон сидящими на троне вовсе не являло собой нечто необычное и что тела оставались неповреждёнными не так уж редко, так как их иногда предохраняли от разложения при помощи воска. Все внутренние органы извлекались, а тело изнутри и извне покрывалось восковым составом. Таким способом тело могло сохраняться много лет и способствовать мнению о его нетленности. Моффитт доказывает, что это, вероятно, произошло и в случае с Карлом Великим².

Молодой Оттон не только играл роль Карла Великого, некоторые современные изображения представляли его даже в почти божественной роли. В Ахенском Евангелии есть другой его портрет, также из скриптория Райхенау, примерно 996 г. Здесь Оттон изображён как Христос, окружённый символами четырех евангелистов

¹ *Chronicon Novaliciense*. III. 32.

² *Moffitt J. F. The Enthroned Corpse of Charlemagne: The Lord-in-Majesty Theme in Early Medieval Art and Life*. Jefferson, 2007. Chap. 5.

и свитком, который представляет текст Евангелия. Выше его головы мандорла¹, символ божественности, обычно связанный с изображением Христа во славе. Нечто подобное отражено в «Кембриджских песнях», собрании континентальных стихов или песен, которое хранится в Кембриджской университетской библиотеке. Большинство из этих стихов дают оценку отдельным германским императорам. *Modus Ottinc* (ок. 1000 г.) фокусирует внимание на Оттоне III:

Великий Цезарь Оттон...
Храбрый на войне,
Могущественный в мире,
Но снисходительный и там, и там...
Во время войны или мира
Он всегда думает о своих бедняках,
И потому он
Зовется отцом бедных².

После связанных с Карлом Великим событий в Ахене, Оттон III в середине 1000 г. вернулся в Италию через озеро Констанц, Кур, и, вероятно, перевал Септимер, а затем в Комо и Павию. Здесь он встретил венецианского посла, с которым обсудил чрезвычайную секретную встречу с дожем Пьетро II Орсеоло (поскольку эта встреча произошла в апреле 1001 г., мы поговорим о ней позже). В последней четверти 1000 г. он возвратился в Рим.

Замечательно, что Оттон, как кажется, сделал очень немного в делах управления, особенно в германских землях. Это был период стабильности, и есть мнение, что общественные дела шли достаточно гладко и сами по себе. «Кведлинбургские анналы» говорят, что Оттон провел неделю в самом сердце Саксонии в 1000 г. «царствуя, прощая людей и возвращая им вещи, раздавая щедрые дары и награды»³. Это были главные задачи, стоявшие перед саксонским монархом. Большую часть работы уже проделала Матильда, аббатиса Кведлинбурга, тётушка Оттона, которая действовала как его «вице-король в Саксонии». Она вынудила к сдаче славян «не при помощи военных средств (хотя она в доста-

¹ М а н д о р л а — вид нимба, вертикальное мидалевидное сияние, внутри которого помещали изображение Христа или Богоматери. — *Прим. пер.*

² MGH SSRG. 40. 33. 11.

³ Кведлинбургские анналы (под 1000 г.).

точной мере знала в них толк), но скорее молитвами и бдениями»¹. Когда она умерла в 999 г., это было для императора настоящей утратой.

Но это путешествие отнюдь не было спокойным. Два церковных спора тревожили правящие круги. Объектом первого стала мерзебургская епархия, расположенная к западу от Лейпцига. Учреждённая в 968 г., она была упразднена Бенедиктом VII по предписанию Оттона II в 981 г., когда епископа Гизилера перевели из Мерзебурга в Магдебург. Затем, в начале 999 г., Григорий V внезапно приказал Гизилеру явиться в Рим для оправдания своего оставления Мерзебурга и «захвата» Магдебурга. В соответствии с «Хроникой» Титмара (источник предвзятый, поскольку Титмар сам впоследствии сделался епископом Мерзебурга и был разъярён ликвидацией епархии), Оттон III хотел восстановить эту епархию из-за страшного сна о «вечном спасении» Оттона II, приснившегося Феофано. Ей привиделось, что он утратил душу, потому что уничтожил епископство, «сбитый с толку убеждением того (Гизилера), по чьей вине немало избранников Христовых пребывает в несогласии»². Мерзебургский вопрос был постоянным раздражителем всё время правления Оттона III. Возможность что-нибудь предпринять для его решения появилась, когда Гизилер лишился милости по причине своих военных неудач в борьбе со славянами, а в Хальберштадт в 996 г. был назначен епископом близкий друг императора. При упразднении епархии Хальберштадт получил часть мерзебургской территории и теперь был готов отказаться от нее. Окончательно Мерзебургскую епархию восстановили в 1004 г.

Второй церковный спор разгорелся из-за старшей сестры Оттона III, Софии, в королевском женском монастыре в Гандерсхайме. Родная обитель Росвиты, Гандерсхайм сделался почти столь же важным, как и Кведлинбург, и Оттон II и Феофано поместили туда свою дочь Софию (975–1039), чтобы та получила образование у аббатисы Герберги II. Как мы видели, сёстры были канониссами, ведшими монашескую жизнь, принёсшими обет пастырского служения женщинами, подобными девам и вдовам ранней христианской церкви или различным нынешним общинам сестёр. Статус

¹ Кведлинбургские анналы (под 999 г.).

² Титмар Мерзебургский. Хроника. IV. 10.

канонисс давал этим женщинам больше возможностей для приспособления и потому скорее подходил для принцесс королевской крови, подобных Софии.

Проблема возникла 18 октября 987 г., когда София в возрасте около двенадцати лет была готова постричься в монахини. Обычно в таких случаях служилась торжественная месса, епископское рукоположение и традиция, и общественная обязанность по отношению к общине. София потребовала, чтобы ее рукоположил майнцский архиепископ Виллигис, а не несколько мужиковатый епископ Хильдесхайма Осдаг, который притяжал на то, что по закону монастырь находится под его юрисдикцией. Юная София была непреклонна, и она желала, чтобы обряд над ней совершил только самый старший прелат. Поэтому Виллигис вмешался даже без разрешения Осдага, заявив, что Гандерсхайм находится в дальнем северном углу Майнцской епархии. Возникла безвыходная ситуация, и в конце концов было решено, что Осдаг совершит обряд над остальными сестрами, кроме Софии, над которой его проведут совместно Осдаг и Виллигис. Но в день свершения ритуала, в присутствии Оттона III, Феофано, князей и епископов, Осдаг опередил Виллигиса, поместив свой епископский трон справа рядом с алтарем, начав обряд раньше времени, потребовав, чтобы те, кто будет посвящен, признали его как своего епископа, и добившись от них клятвы повиноваться ему и его наследникам. Дерзость Осдага ошеломила всех, и знаменательно, что «захолустный» епископ смог, в сущности, настоять на своем, несмотря на присутствие наиболее могущественных людей рейха, включая императора, регента и архиепископа Майнцкого.

В 1000 г. София и Гандерсхайм вновь стали причиной раздора. Несмотря на протесты аббатисы Герберги, София между 995 и 997 гг. часто бывала при дворе, действуя почти как супруга Оттона III. Аббатиса Герберга, хотя она была уже преклонных лет и немощная, построила для монастыря новую церковь. Предполагалось, что ее освятит наследник Осдага и бывший воспитатель Оттона, епископ Бернвард. Будучи прикованной к постели, Герберга назначила своим представителем Софию, а та немедленно попросила совершить освящение своего друга, архиепископа Виллигиса. Уже ходили слухи, что отношения этой парочки были «больше», чем платоническая дружба. Датой освящения назначили 14 сентября 1000 г., и оба епископа согласились приехать. Но в

последний момент Виллигис отказался и перенёс дату на 21 сентября. Бернвард заявил, что эта дата для него неудобна, и прибыл 14 сентября. Для освящения ничего не было готово, тем не менее он отслужил мессу и произнес проповедь. На протяжении всей мессы среди канонисс раздавался громкий шёпот, а во время дароприношения началось настоящее светопреставление. Согласно «*Vita Bernwardi*», когда сёстры приблизились к Бернварду с хлебом и вином, они «с гневом отбросили свои подношения и с невероятной яростью изрекали дикие проклятия на епископа». Бернвард «в глубоком раскаянии духа» закончил мессу¹. Действия сестёр символичны. Это был способ продемонстрировать неудовольствие тем, что они считали незаконным вторжением в их мир. Несомненно, что за этой сценой стояла София.

Когда на следующей неделе прибыл для освящения Виллигис, он обнаружил, что в качестве представителя Бернварда присутствует его друг Эккехард, изгнанный епископ Шлезвига. Эккехард потребовал отложить церемонию до тех пор, пока совет епископов рейха не сможет собраться, чтобы решить, что делать. Тем временем Бернвард отправился в Рим, где его хорошо приняли Оттон и Герберт, к тому времени папа Сильвестр II. Император «не мог ждать из-за страстного желания увидеть своего старого учителя... [Оттон] принял [Бернварда] с большой любовью, прижал к груди и расцеловал как своего лучшего друга... Пока тот оставался при нём, император вполне позаботился обо всех его нуждах»².

Поездка в Рим была сильным ходом со стороны Бернварда, поскольку ничто не может заменить физического присутствия могущественных людей и общения с ними. Нет нужды говорить, что собор в Риме принял решение в пользу Бернварда, а собор в Гандерсхайме, созванный Виллигисом, сосредоточил внимание на проблеме границ епархии. Сильвестр отправил в Германию легатом молодого и способного кардинала Фридриха фон Саксена, наделив всеми полномочиями для того, чтобы председательствовать на совете в Пёльде в Нижней Саксонии, который попытался бы решить спор между двумя епископами. Но всё, чего удалось достигнуть, — это то, что Виллигис взбунтовался и покинул помещение. Фон Саксен временно отстранил его от архиепископства. Тем

¹ *Thangmar. Vita Bernwardi*. 17.

² *Ibid.* 19.

временем в Гандерсхайме сестры дали понять, что Бернвард нежелательный гость в их монастыре. Ещё два собора, во Франкфурте и Фитцларе, оказались не в состоянии решить эту проблему. Бернвард вновь обратился в Рим, и собор в Тоди (27 декабря 1001 г.), в присутствии папы, императора и кардинала-легата в качестве свидетеля, отложил решение до прибытия достаточного числа германских епископов. Когда Оттон умер, 23 января 1002 г., решение по спору было отложено ещё раз, и это тянулось следующие сорок лет!

Этот спор некоторым образом иллюстрирует ограниченность королевской власти. В таких делах Оттон самое большее мог использовать своё влияние, но не принимать решение. Архиепископу Виллигису могущество обеспечивало его возможность возглавлять соборы в рейхе. Кроме того, Оттон был зажат между двумя группами родственников и друзей: с одной стороны, его напористая сестрица, теперь аббатиса, София и ее старший архиепископ Виллигис; с другой — его учитель и друг Бернвард. Он демонстрирует и ограниченность папской власти в это время: могущественные митрополиты, подобные Виллигису, могли просто игнорировать папу и римские соборы. Как точно указывает Альтхофф, «ход этого конфликта показывает, сколь мало в этот период была оформлена иерархическая структура церкви с Римом на ее вершине»¹.

18 февраля 999 г. неожиданно скончался Григорий V не от яда, как поговаривали, а от малярии. Назначение пап было во власти Оттона III, который как раз в это время посещал аббатство Святого Нила в Гаэте. Приняв совет Ключийского аббата Одилона, Оттон 2 апреля 999 г. сделал Герберта папой. Дело обошлось, похоже, без выборов.

Герберт, теперь прочно обосновавшийся в Равенне, не мог стремиться к папству. Хотя он и был амбициозным, он уже потерпел неудачи в Боббио и Реймсе. И Герберт, который столь непреклонно защищал права митрополитных архиепископов против притязаний папства, ныне стал папой! Папская тиара едва ли могла привлекать человека, не являвшегося римлянином, поскольку Рим представлял собой опасное место жительства для того, кто не был римлянином или хотя бы итальянцем. Хотя после казни Кресцен-

¹ *Althoff G. Otto III. P. 113.*

ция обстановка в нём стала спокойной, для чужеземцев она оставалась опасной не только из-за всегда готовых к мятежу местных жителей, но и из-за малярии. В отличие от постоянных жителей, неримляне не выработали иммунитета против этого заболевания, которое разносили москиты из заболоченных местностей вдоль Тибра. Страх перед малярией оказывался для римлян лучшей защитой против назойливых чужаков; оставаться в Риме слишком долго было опасно.

Тем не менее Герберт являлся достойным кандидатом и, несомненно, наиболее талантливым человеком из всех, кто когда-либо делался папой. Герберт избрал имя Сильвестра II в честь Сильвестра I (314–335), который вместе с Константином трудился над тем, чтобы вывести христианство из катакомб на магистральный путь римского общества и культуры.

После казни Кресценция в качестве доминирующего местного магната выдвинулся потомок Теофилакта, Григорий Тускуланский, и хотя святой Нил объявил его «тираном», он пользовался благосклонностью Оттона и Сильвестра. По жене Григорий приходился родственником также Кресценциям. Однако когда Оттон в июле 1000 г. вернулся из Ахена в Италию, то обнаружил, что бо́льшая часть не принадлежавшей византийцам Южной Италии охвачена восстанием и что беспорядки распространяются по всему Итальянскому полуострову. На встрече в Комо Сильвестр напирал на Оттона, требуя возвращения церковных земель, захваченных императором, который справедливо проявлял глубокую обеспокоенность тем, чтобы церковные земли не оказались в руках у местных магнатов. Оттон не сомневался, что так называемый «константинов дар», которым император Константин передавал под власть пап Папское государство, является фальшивкой. Он был прав: этот документ составили при папском дворе в VIII в., хотя Оттон считал его более свежей подделкой. Несмотря на свою глубокую озабоченность отчуждением церковных земель местными магнатами, он в январе 1001 г. всё-таки передал Сильвестру как папе Пентаполис — пять городов, составлявших старый Равеннский экзархат, северную часть Папского государства вдоль Адриатического побережья, но подчеркнул, что он как император имеет право сделать этот подарок папству.

Политика Оттона по отношению к папству становилась всё более самовластной. Цезарепапизм императора (идея о том, что

церковь является инструментом государства) нашёл отражение в его риторике. Он относился к себе как к *servus Jesu Christi* (слуге Иисуса Христа), а в императорской грамоте от конца января 1001 г., адресованной Сильвестру, называл себя *servus apostolorum*, «слуга апостолов и, по воле Господа нашего Спасителя, август император римлян». В том же самом документе он ссылается на себя как на самого преданного и верного «расширителя» (*dilatators* от латинского глагола со значениями «расширять», «распространять») церкви. В грамоте Оттона Рим рассматривается как *caput mundi*, «глава мира», в том смысле, что это церковь Петра и апостолов, как и «мать всех церквей»¹. Этот документ по-прежнему говорит о том, что Оттон хочет совершить дарение папской территории (а именно, Пентаполиса) святому Петру строго из-за того, что то, что он собирался отдать, было его собственностью. Другими словами, как донатор свободно может поднести дары в церковь святого, так император может преподнести в свободный дар святому Петру земли. С точки зрения на это Оттона, Папское государство являлось, скорее, даром святому Петру не Константина, а фактически Оттона III.

Но Сильвестр не позволил этому цезарепапизму нанести себе ущерб. Став папой, он немедленно приступил к реформам церкви, выступая против симонии, непотизма, вступления церковников в брак. Он регулярно созывал соборы в епархиях. Дважды в год он проводил собор Римской церкви. Он поддерживал монастырские реформы и дал нескольким важным монастырям иммунитет от местного контроля, поставив непосредственно под контроль папы и предотвратив таким образом их покупку и продажу. Несомненно, он отменил отчуждение монастырских земель в Боббио. Но, выводя монастыри из-под епископского контроля, он ослаблял авторитет местных епископов. В королевском женском монастыре в Кведлинбурге он оказал папскую поддержку сестре Оттона, аббатисе Адельгейде I, гарантировал свободные выборы будущих аббатис и определил, что «ни одному епископу, кроме римского понтифика, да не будет позволено вмешиваться в вышеуказанное»².

Он вмешивался в церковные дела по всей Европе, работая над реформой епископатов, которую он рассматривал как основу для

¹ MGH Dip, *Diplomatum regnum et Imperatorum Germaniae*, 2, 819–820.

² *Gerbert. Epistulae*. 237.

реформы церкви. Например, в январе 1002 г. он попытался инициировать реформу венецианского духовенства, потребовав, чтобы дож Пьетро II Орсеоло и патриарх Градо (старший епископ венецианского региона) собрали местный синод для энергичной борьбы с браками духовенства и симонией. «Ваши священники и епископы открыто помогают вдов и, подобно менялам и ростовщикам, стремятся к мирскому богатству». Он защищал право папства принимать решения, обязательные для всей церкви, и налагать взыскания на упорно отказывающихся подчиняться епископов и архиепископов. Это был большой сдвиг по сравнению с теми временами, когда он отрицал, что любой папа может вмешиваться во внутренние дела епархий, особенно столичных, подобных Реймсу. Он заставлял непокорных епископов посещать соборы и вызвал истинно церковного политика, епископа Лаонского Адальберона, который прожил, присоединяясь то к одной, то к другой стороне, «Иуду», приказав ему в декабре 999 г. явиться на Римский собор для того, чтобы предстать перед судом. Самое великодушное письмо Сильвестра — это письмо Арнульффу, архиепископу Реймса, в декабре 999 г. В нём он в полной мере восстанавливает епископский авторитет Арнульффа, говоря, что тот был «лишён священнических почестей из-за прямого произвола», но сейчас он восстанавливается в силу «дара сострадания со стороны Рима»¹. Письмо Герберта выражает подлинно пастырское отношение; прощение для него является сердцевиной христианской веры. Он инструктирует Арнульффа, чтобы тот не лишал умирающих причастия. «Мы предписываем, чтобы ни к кому не было предвзятого отношения и чтобы причастия не лишали никого, кто к моменту смерти выразил раскаяние»².

Сильвестр трудился вместе с Оттоном, который всегда заботился о мире на восточных границах, организовывая церковь в Польше и Венгрии. Титмар говорит, что «с милости и поощрения [Оттона] зять Генриха, герцога Баварского Вайк³, учредив в своем королевстве епископскую кафедру, принял корону и помазание»⁴. При отце Стефана, Гезе, Венгрия была полуобращена в католицизм. Но Вайк (Стефан было его имя во крещении), человек невысокий,

¹ *Gerbert. Epistulae.* 256, 257, 253, 244.

² *Ibid.* 263.

³ Венгерский король Стефан I (1001–1038).

⁴ *Титмар Мерзебургский. Хроника.* IV. 59.

но с высоким умом, был воспитан дома вполне по-христиански. Он женился на Гизеле, сестре баварского герцога Генриха IV, который наследовал Оттону как император Генрих II (1002–1024). Стефан, человек гуманный, который, как говорят современники, никогда не смеялся, решил ввести Венгрию в сферу западного католицизма. Венгры всё ещё имели в себе многое от духа старых воинственных мадьяр, но Стефан знал, как убедить их в правоте христианской веры, используя свою способность к отождествлению с людьми всех социальных слоёв. Когда он унаследовал княжескую власть, он отправил в Рим епископа Астрика, попросив у Сильвестра освящённую королевскую корону для своей коронации. Кажется, что папа должен был специально изготовить корону, хотя существуют противоречащие друг другу истории и о ее подлинной модели, и о ее изготовлении. Верхняя часть этой короны, как кажется, является той самой, которую Сильвестр отправил Стефану. Последний раз ее использовали в 1916 г., при коронации австро-венгерского императора Карла I (Карла IV в Венгрии), а теперь она хранится в здании парламента в Будапеште. Нижняя часть короны византийская по дизайну и, вероятно, более поздняя по дате. У Стефана при распространении христианства не всё шло гладко, но он обеспечил Венгрии прочное место внутри сферы западной цивилизации, в союзе с рейхом.

Богемия в это время оставалась под германским влиянием, с пражской епархией, находившейся в церковном подчинении у архиепископа Майнцского. Иное дело Польша. Как мы видели, Оттон уже заключил *foedus amicitiae* с князем Болеславом I. 11 марта 1000 г. Оттон в одностороннем порядке основал новую церковную провинцию в Польше с Гнезно как столичным епископством. Болеслав решил не переходить в подчинение к Магдебургу и стал приобретать всё большую независимость, особенно после смерти императора. Это в конце концов привело к войне с императором Генрихом II. Сильвестр написал также королю Олафу Трюггвасону, который насильственно обращал в христианство Север. Заглядывая ещё дальше, папа в декабре 999 г. попытался вступить в переговоры с Владимиром I, князем Новгорода и Киева, и от него в один из дней 1000 г. прибыло посольство. В тот момент между русской и западной латинской церковью ещё не было антагонизма, и Владимир был настроен дружески, поддержав западную миссию и старого друга Оттона III, Бруно

Квиртфуртского, во время их путешествия для обращения печенегов, тюркского народа, жившего на юго-восточных границах Киевской Руси.

Возвратившись в Северную Италию в июне 1001 г., Оттон в конце лета, наконец, достиг Рима. За остаток года он сделал многое. Сильвестр тем временем столкнулся с волнениями в мае во время мессы в Орте в 43 милях (70 км) к северо-востоку от Рима, в Сабинской области, которая контролировалась семейством Кресценциев. Сильвестр писал Оттону, что «беспорядки и мятеж» вспыхнули во время мессы, когда некоторые люди «подносили ему небольшие римские дары». «И поэтому были обнажены мечи, и нас изгнали из города среди мечей взбешённых врагов»¹. Это точно показывает, сколь непрочным был мир в Патримонии, и это был сигнал ухудшений, наступавших из-за перемен в Италии. Здесь всегда были важны городская и региональная автономия, и, как только экономическое благосостояние возросло, города стали требовать больше свободы, особенно от чужеземных правителей. «В самом Риме коммунальные республиканские традиции были теперь укоренены гораздо глубже, чем казалось любому чужеземному императорам, даже если он именовал себя «римским»².

Вскоре беспорядки вспыхнули снова, на сей раз в Тиволи, городке на холмах к востоку от Рима. В январе 1001 г. он восстал против оттоновского наместника Маццелина, и тот был убит, возможно, из-за того, что нарушил муниципальные свободы города. Тиволи занимал хорошее стратегическое положение, и захватить его вновь оказалось сложно. Сильвестр и архиепископ Бернвард Хильдесхаймский в это время были вместе с Оттоном (кажется, Бернвард постоянно отсутствовал в своей епархии); последний, согласно его «Жизнеописанию», играл важную роль в понуждении горожан к сдаче. Затем он и Сильвестр побудили Оттона выказать милосердие по отношению к жителям, когда те совершили *deditio*, ритуальный акт капитуляции, в соответствии с которым они отдавали себя на милость императора. Во главе с папой и Бернвардом, важные горожане явились к Оттону обнажёнными, поднеся ему меч и розгу. «Кого он посчитает виновным, он может наказать

¹ Gerbert. Epistulae. 246.

² Morrall J. B. Otto III: An Imperial Ideal // History Today. 1959. Vol. 9. P. 820.

мечом или, если предпочитает явить милосердие, приказать пороть их розгами у позорного столба»¹. Оттон простил их всех.

Тиволи было симптомом надвигавшихся беспорядков. Пару недель спустя произошло неожиданное восстание в Риме, как кажется, подготовленное Григорием Тускуланским, оттоновским *praefectus navalis* (корабельным префектом, или адмиралом), хотя и не имевшим кораблей, которыми он мог бы командовать, и другими представителями знати. Кажется, что это восстание не имело определённой цели, начавшись с попытки устроить на Оттона засаду и похитить его. Некоторые из его приверженцев были убиты, и началась вялая осада императорского дворца на Авентине. Поскольку большая часть его войск находилась вне города с Генрихом Баварским, Оттон собрал те войска, которые были в городе, и демонстрация силы дворцовой гвардии, сопровождаемая дипломатическими переговорами, привели дело к мирному завершению. «Римляне же, сознавая свою вину, устыдились тогда совершенного ими преступления и, упрекая друг друга, отпустили всех ими задержанных, всячески пытаясь добиться мира и милости императора. Цезарь же не верил их лживым словам»².

Оттон задал им головоломку. В его речи есть элемент раздражения и оскорблённого самолюбия: «Я принял вас (римлян) как сыновей, я всегда предпочитал вас всем остальным... Я сделался отвратительным и ненавистным для всех... а в ответ вы отреклись от вашего отца и жестоко убили моих друзей»³. Римляне ответили слезами и зверским избиением двоих из зачинщиков. И снова их поведение было ритуальным действием, символизирующим желание мирно окончить раздор.

Но Оттон всё ещё гневался на римлян, и в апреле 1001 г. он пошел на то, что казалось импульсивной выходкой, но для чего были причины. В прошлом году в Комо и Павии он принимал венецианского посла и условился тайно посетить дожа. Из Равенны он с несколькими спутниками ночью поднялся на венецианском корабле до нынешней Лидо-ди-Помпоза. Оттон оставался в Венеции три дня, ведя с дожем Пьетро II Орсеоло осторожные переговоры, на которых обсуждался *foedus amicitiae*, договор о дружбе.

¹ *Thangmar. Vita Bernwaldi.* 23.

² *Титмар Мерзебургский.* Хроника. IV. 48.

³ *Thangmar. Vita Bernwaldi.* 25.

Император также выступил как крёстный отец при крещении дочери дожа. Только после возвращения Оттона в Равенну и император, и дож открыли, что произошла тайная встреча. Дож признал старшинство императора, но сложно сказать, чего Оттон этим добился. Причиной секретности, видимо, были чувства византийцев в отношении Венеции и возможность срыва переговоров.

Затем Оттон посетил известного отшельника Ромуальда, жившего в болотах и топях дельты По. Мистические настроения императора были по-прежнему сильны, и его влекло к аскетам, подобным Ромуальду. Ранее он провел некоторое время в келье отшельника в римской церкви Сан-Клименте неподалеку от Колизея и оттуда отправился в монастырь Святого Бенедикта в Субьяко. Во время посещения Ромуальда Оттон казался угнетённым и смущённым.

Как бы то ни было, он решил взять ситуацию в Риме под контроль и вызвал войска из Германии. Но ещё до того как они собрались, Оттон заболел. Они двигались на юг, но дошли только до Чивита Кастеллана в 65 милях (100 км) к северу от Рима. Здесь, накануне своего двадцатидвухлетия, в окружении друзей, Оттон принял причастие и умер 22 января 1002 г. от *morbus Italicus*, что может означать малярию или какую-то форму эпидемического заболевания. Его войска, соблюдая всю возможную секретность, отступили с его набальзамированным телом, хотя и подверглись нападению головорезов из римских кланов. Наконец они доставили тело через Альпы в Кёльн и далее в Ахен, где его и погребли в Пасхальное воскресенье 1002 г. в алтаре величественной дворцовой церкви Карла Великого. Смерть Оттона была трагедией. Не будучи женат, он не оставил прямого наследника. Хотя некоторые пренебрежительно отзываются о нём как о юнце-мечтателе, он определённо был провидцем, в котором тогда нуждался мир. Он имел истинное представление о том, чего может добиться германский рейх.

Оттон оставил после себя трёх сестёр, две из которых были аббатисами. Прямой наследник отсутствовал, поэтому германские магнаты предложили трон герцогу Баварскому Генриху, сыну Генриха Сварливого, троюродному брату Оттона. Генрих, которого предназначали к сану священника, был хорошо образован, благочестив и предусмотрителен. Тем не менее германский контроль над Италией быстро сошёл на нет. Выходка маркграф Ардуин Иврийский, постоянный враг германской гегемонии, захватил

королевство Италия. Рим снова перешел под контроль клана Кресценциев, который ныне возглавлял Иоанн III Кресценций.

Мы не знаем, присутствовал ли Сильвестр у смертного ложа Оттона. Но теперь он был политически бессилен и в Риме, и в Патримонии. Однако он собрал в Латеране 3 декабря 1002 г. совет по поводу спора епископа Перуджии и местного монастыря, который претендовал на обладание предоставленным папой иммунитетом. О последних пяти месяцах его жизни известно немногое, и 12 мая 1003 г. он умер.

Герберт был поразительно привлекательной, живой личностью. Его знания отличались универсальностью, а идеи такой оригинальностью, что немногие из его современников могли осознать, что он энциклопедист и гений, далеко опередивший свое время. Но он был также великим и преуспевшим во многих своих начинаниях папой. Чрезвычайно широкая миссионерская экспансия ко времени миллениума имела результатом то, что католицизм распространился от Исландии и Гренландии до границ Византии. Но границы Герберта были не географическими, а интеллектуальными. Его видение христианской веры в союзе с наукой и разумом найдет свое воплощение лишь позже, в гении Фомы Аквинского, и останется проблемой для католицизма вплоть до наших дней.

За смертью Сильвестра последовала нестабильность. На протяжении следующих девяти лет были избраны три папы, все крестуры Иоанна Кресценция. Самым большим долгожителем из них оказался Иоанн XVIII (1003–1009). Титмар говорит, что его прозвище «Фазан» означает «петух» или «повар» и он следовал политике Кресценция по примирению с восточной церковью. Согласно Титмару, и Иоанн, и его преемник Сергей IV «с нетерпением ожидали прибытия короля¹, которое замедлилось из-за противодействия различных врагов»; главным врагом был Иоанн Кресценций, твердо державшийся провизантийской ориентации². В последние годы папства Иоанна на страну обрушились голод и мор, и у итальянского побережья между Пизой и Римом вновь появились сарацины. Незадолго до смерти Иоанн XVIII покинул свой пост и удалился в монастырь Святого Павла за городскими

¹ Генрих II (1002–1024).

² Титмар Мерзебургский. Хроника. VI. 100.

стенами, где и умер в июле 1009 г. Ему наследовал Сергей IV (1009–1012). Происходивший из римлян низшего класса и имевший кличку *bucca porci* («Свиное рыло»), Сергей был креатурой Иоанна Кресценция. Тем не менее он поддерживал связи с Генрихом II и поддержал создание им епархии в Бамберге в верховьях реки Майнц. Сергей и Кресценций умерли на протяжении недели друг за другом в начале мая 1012 г. Последовали крупные беспорядки на политической почве.

Теофилакты, лишённые власти на протяжении поколения, внезапно во главе с графом Григорием совершили нападение из своей крепости в Тускуле, захватили Рим и изгнали клан Кресценциев, которые отступили в свой опорный пункт в Сабинских холмах. Граф Григорий в середине мая 1012 г. поставил своего второго сына, Теофилакта, на пост папы; возможно, до выборов тот был мирянином. Он принял имя Бенедикта VIII (1012–1024). Кандидат клана Кресценциев, другой Григорий, бежал в Германию, куда явился «во всем папском облачении... и, рыдая, сообщил всем о своем изгнании»¹. Генрих II оказал ему холодный приём.

Хотя его отец и был противником империи, Бенедикт продолжил политику примирения с Генрихом II, утвердив права Бамберга, любимой епархии Генриха, предоставив палий епископу Майнца и пригласив Генриха в Рим. В конце 1013 г. Генрих, которого сопровождала его жена Кунигунда, принял это приглашение, перешёл Бреннер и встретился с Бенедиктом в Равенне. Ардуин бежал, и Генрих с сильной армией двинулся к Риму, где ему, как обычно, оказали слишком уж радушный приём, который скрывал тот факт, что, пока императорская партия его приветствовала, в городе было много и тех, кто презирал германцев до крайности. Генрих и Кунигунда получили императорские короны из рук Бенедикта VIII в соборе Святого Петра в феврале 1014 г. Но, в лучших римских традициях, спустя несколько дней произошло большое побоище на мосту Святого Ангела; вероятно, его начали хулиганы из партии Кресценциев, действуя как приверженцы короля Ардуина. К счастью, Ардуин умер в 1015 г., уйдя перед тем в монастырь. Северная Италия вновь могла чувствовать себя в безопасности.

После возвращения Генриха в Германию Бенедикт действовал как местный барон и политический руководитель, используя свою

---

¹ Титмар Мерзебургский. Хроника. VI, 101

собственную армию для противодействия могуществу местных магнатов в Папском государстве и в Италии. Его целью было сделать Рим центром Италии. В 1016 г. вблизи Ломбардии снова начали проявлять активность сарацины; «они остались жить в пределах этой земли, пользуясь женами ее жителей»¹. В союзе с Пизой и Генуей Бенедикт собрал христианскую армию и флот, которые, после первоначальной неудачи, разгромили сарацин. Сардиния была отвоёвана.

В Южной Италии вновь усиливалось недовольство византийцами, и Бенедикт усмотрел в этом возможность предъявить папские притязания. Он пригласил норманнских рыцарей, основателей Норманнского королевства на Сицилии. Но византийцы успешно перешли в контрнаступление, и Бенедикту пришлось принять предложение отправиться в Германию просить у Генриха помощи. Папа и император совместно отпраздновали Пасху 1020 г. в Бамберге, и папа завершил свое посещение Германии торжественной мессой в Фульдском аббатстве 1 мая 1020 г. Генрих в 1021 г. последовал за ним, вторгнувшись в Южную Италию, но смог всего лишь остановить продвижение византийцев. Здоровье германцев, кажется, сильно подорвала малярия, и они поняли, что нужно как можно быстрее уходить на север, в края с более холодным климатом. Генрих остановился в Падуе.

Затем Генрих и Бенедикт обратили пристальное внимание на церковную реформу. Совет по поводу реформ собрался в Павии, вероятно, в конце 1022 г. Он был посвящен бракам клириков и симонии. Папу более всего заботило отчуждение церковной собственности, происходившее в результате таких браков. Он объявил, что худшими из преступников являются корыстолюбивые рабы, которые, не имея своей собственности, делались священниками и затем брали в жены свободных женщин, чтобы их дети становились свободными. Будучи посвященными в сан священника и породив сыновей, они имеют возможность передать им церковную собственность. Чтобы предотвратить такое отчуждение, Бенедикт провозгласил, что всем клирикам запрещается вступать в брак и что любой ребенок, рожденный клириком в таком браке, должен быть обращен в рабство. Его заботила исключительно церковная собственность, а не духовность или эффективное отправление обязанностей священника.

¹ Там же. VII. 45.

Бенедикт умер 9 апреля 1024 г., и ему наследовал его младший брат Роман, ещё один мирянин, принявший имя Иоанна XIX (1024–1032). Глабер говорит о «бесстыдстве римлян» и о том, как Роман получил «папский престол за взятку», что несколько забавно после всех благочестивых разговоров о бедных женатых священниках, отчуждающих церковную собственность¹. Иоанн XIX подвергся жестокой критике со стороны аббата Гильома, из аббатства Сен-Бенинь в Дижоне, который заявил ему: «Если река загнивает близ истоков, не может быть никакого сомнения, что она смердит в своем низовье. Кто покупает заботу о душах, тот приобретает и свое проклятие. Я хочу, чтобы вы, священники и епископы, помнили о суде, который орудует топором и стоит перед дверью!»²

Иоанн был ловок в делах политики и использовал кланы, включая Кресценциев, к своей выгоде. Кажется, он достиг также базового соглашения с византийцами, относящегося, соответственно, к римской и восточной сферам влияния в Юго-Восточной Европе. В марте 1027 г. в Рим прибыл король Германии Конрад II (1024–1039), наследник Генриха II, и был коронован как император Священной Римской империи. Конрад, человек способный, но заносчивый, обращался с Иоанном без всякого почтения, хотя к папе относился с высоким почтением король Англии Кнут, который оказался в Риме во время императорской коронации. Иоанн XIX был покровителем искусств и ценителем красоты, а потому позаботился отслужить литургию с тщательностью и старанием. Он умер в октябре 1032 г. Его преемник на папском престоле достойно соперничает с Иоанном XII по своим мерзостям.

Подкупленные его отцом, графом Альберико III «Старшим», выборщики подали голоса за Теофилакта; он принял имя Бенедикта IX и трижды занимал папский престол: 1032–1044, 1045, 1047–1048. «Избрание», конечно, является эвфемизмом. То, что произошло, выглядело так: правящая семья назначила папу, священники и местное население дали свое «одобрение», и имя кандидата отправили императору за санкцией. Но реальную власть удерживал правящий клан, и выборы ещё одного Теофилакта

¹ *Glaber*. *Historiarum*. IV. 4.

² *Glaber*. *Vita Sancti Guillelmi*. X.

показывают, что управляли графы Тускуланские. Прошло как раз 120 лет с тех пор, как первый Теофилакт прибыл в Рим из Тускула и заложил основу семейной власти; процесс совершил полный цикл.

Теофилакт в свои двадцать с чем-то лет был жестоким и аморальным типом, о котором Пьетро Дамиани говорит: «До конца жизни он оставался мастером в мерзостях распутства»¹. Но, как и при других «омерзительных» папах, работа канцелярии не прекращалась: учреждались новые епархии, давались привилегии, поддерживались контакты с отдалёнными церквями, и политика предшественников Бенедикта продолжалась. Мы немного знаем о первых трех годах его папства, за исключением того, что, как рассказывает Глабер, в пятницу 29 июня 1033 г., в тысячный год со времени распятия Христа, во время «ужасного события», на деле бывшего затмением солнца, было совершено покушение на жизнь Бенедикта. Солнце было темным «с шести до восьми часов. Оно приобрело цвет сапфира, и его верхняя часть выглядела как Луна в последней четверти. Каждый видел, что его сосед бледен, как пред лицом смерти; всё, казалось, купалось в испарениях шафранового цвета. Крайний ужас охватил сердца людей».

Кое-кто в Риме решил воспользоваться затмением, чтобы устроить покушение на жизнь Бенедикта IX. «В тот самый день... в соборе Святого Петра некоторые из римских князей составили заговор и восстали против Римского понтифика. Они хотели убить его». Заговорщики не добились успеха и «сумели только изгнать его»².

Бенедикт, должно быть, решил вернуться в Рим, потому что в 1037 г. Кресценции предприняли новую попытку удалить его. Это им удалось, и именно это побудило императора Конрада II вновь вторгнуться в Италию. Он пересек Альпы и вызвал Бенедикта к себе. Они встретились в Кремоне. Императорская поддержка гарантировала возвращение Бенедикта в Рим. Но беспорядки происходили также в Капуе и Неаполе, они были связаны с норманнами, роль которых в Южной Италии становилась всё более дестабилизирующей. Наведя порядок в Северной Италии, Конрад двинулся на юг, но в его войске началась эпидемия. Ему

¹ *Pietro Damiani. Opusculum decimum novum. 3.*

² *Glaber. Historiarum. IV. 24.*

пришлось отступать вдоль Адриатического моря и в конце концов вернуться в Германию. Конрад внезапно умер 4 июня 1039 г., и ему немедленно наследовал его образованный, сильный и политически даровитый двадцатидвухлетний сын, Генрих III (1039–1056).

Мы мало знаем о том, что делал Бенедикт между возвращением в Рим в 1039 г. и его следующим изгнанием в сентябре 1044 г. Причина изгнания, как было заявлено, состояла в его аморальной жизни и насилиях, но действительным основанием являлось то, что политические группировки обратились против тускульской клики; Кресценции составляли план возвращения к власти. В конце января 1045 г. они осуществили избрание Сильвестра III, который сохранял свой пост только два месяца. Контратака со стороны приверженцев Бенедикта вернула его в Рим, но менее чем через два месяца он отрёкся в пользу своего крёстного отца, Джованни Грациано, Григория VI (1045–1046). Кажется, Бенедиктом двигало желание вступить в брак с его кузиной и положить в карман значительную сумму (между 1000 и 2000 фунтов золота), полученную от Грациано за продажу папства.

Григорий был достаточно честным человеком, и покупка им папства, как кажется, обуславливалась желанием спасти его от порочного Бенедикта. За свои двадцать месяцев пребывания на папском престоле Григорий постарался восстановить общественный порядок и стабилизировать папские финансы. Укоренившаяся коррупция, однако, победила Григория, и как Бенедикт (возможно, раздумавший жениться), так и Сильвестр, вернувшись, создали в городе вооруженные анклав. Для многих этого было достаточно. Сформировалась группа клириков, епископов, монахов, кардиналов, мирянок и мирян под предводительством некоего архидиакона по имени Петр, которая вступила в контакты с Генрихом III, обратившись к нему с просьбой приехать в Рим и разобраться со всеми этими неурядицами. Генрих жаждал императорской короны, но не хотел получать ее от папы со столь дурной репутацией. В конце 1046 г. он прибыл в Италию с большой армией и приказал созвать собор в Сутри (20 декабря 1046 г.), на котором были низложены и Сильвестр, и Григорий. Бенедикт, который отказался повиноваться, был смещен римским собором накануне Рождества 1046 г. Затем Генрих срочно назначил бамбергского

епископа папой под именем Климента II (1046–1047), который короновал его в Рождество в соборе Святого Петра.

Климент, сохранивший свое положение архиепископа Бамберга, совершал обширные поездки вместе с Генрихом и приступил к осуществлению церковной реформы. Но он неожиданно умер 9 октября 1047 г., после возвращения Генриха в Германию. Его тело забрали в Бамберг, где оно до сих пор покоится в кафедральном соборе. Его гробницу вскрыли в 1731 г.; оказалось, что он был высоким блондином гораздо выше шести футов ростом. Токсикологическое исследование его останков в середине XX столетия подтвердило давний слух о том, что он был отравлен «свинцовым сахаром», токсичным составом со сладким вкусом.

Бенедикт явился снова и вновь проложил себе дорогу к папству при помощи взятки. Но по приказу Генриха его изгнали из Рима. Он вернулся в Тускул. Бенедикт до самой смерти около 1055 г. настаивал на том, что именно он законный папа. Его преемник, Дамас II, пробыл понтификом только три недели (июль–август 1048 г.).

Третий выбор Генрихом кандидатуры на папство оказался более удачным. Лев IX (1048–1054) наследовал в деле преобразования папства. Власть кланов была окончательно уничтожена, и началась его радикальная реформа.

Теперь мы прошли полный круг. Мы начали с узкого провинциализма Рима и Папского государства. Теперь мы подошли к началу грандиозной реформы папства, к которой на протяжении ста лет, начиная с Оттона I, призывали германские императоры и за достижение которой они боролись. Этой реформе предстояло сделать папство, после грандиозной борьбы с самой империей, которая положила ей начало, величайшей силой в Европе. Что здесь важно, так это то, что к 1050 г. хаос конца IX — начала X в. был преодолен, и возникла новая форма правления, германский рейх. Европа родилась, но ей всё ещё было необходимо завершение реформы церкви и папства. Но реформа папства, в свою очередь, породила борьбу за определение западной политики и до сих пор влияет на наши идеи разделения церкви и государства.

Однако это уже история, которая относится к XI и XII столетиям.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Миллениум

Для многих людей упоминание о миллениуме вызывает в воображении картины видений и безумства. Действительно, приближение нового тысячелетия было связано с идеями апокалипсиса, по большей части восходящих к последней книге Библии, Откровению Иоанна Богослова, и ветхозаветной Книге пророка Даниила. Обе они питали сознание свихнувшихся на почве религии чудаков в течение многих веков, есть такие и сегодня. В обоих случаях в центре внимания идеи наступления тысячелетнего царства, сокрушения дьявола, Страшного суда, видение новых небес и новой Земли. Живая поэтическая образность обоих произведений обеспечила любителей буквального понимания текстов и фундаменталистов богатым материалом для спекуляций на тему апокалиптических сценариев и конца света. Это было неизбежно, поскольку приближался 1000-й год, и религиозные экстремисты и проповедники, любившие порассуждать об адском огне, сосредоточили внимание на обеих книгах.

Литературную форму книге пророка Даниила и Откровению Иоанна Богослова придавал язык иудейской апокалиптической литературы, кроме того, они отражают атмосферу гонений. Автор Откровения, обычно идентифицируемый с апостолом Иоанном, пишет о преследовавшихся в I в. христианах в высшей степени метафорически, и это потому, что Бог творец истории, он вмешается, чтобы ниспровергнуть гонителей и спасти верующих в Него. Откровение исполнено символов, понятных читателям того времени, хотя они и могут уже быть загадкой для нас. Это, по сути, призыв к тому, чтобы верить в Бога и надеяться на него во времена гонений. Книга Даниила приобрела свою окончательную форму во времена гонений на иудеев во времена сирийского владычества¹ во II в. до н.э. Трудность состоит в том, что неясность символов Откровения и Книги Даниила открывает возможности для самых различных трактовок намерений авторов, представляя собой золотую мину для религиозных эксцентриков. Таким же образом использовали их некоторые, когда приблизился 1000 год. Особое внимание привлекало видение тысячелетнего Царства

¹ Правильнее говорить о владычестве Селевкидов. — *Прим. пер.*

Христа (Откр. 20:4–5) и победу над сатаной, который захватил власть над миром; этот текст был предметом большинства спекуляций накануне 1000 года. Грядёт Судный день, а затем возникнут новые небеса и новая Земля, начнётся время процветания и мира.

На деле существовало два христианских миллениума. Первый, в 1000 г. от Рождества Христова (ныне считается, что Христос появился на свет в 5–6 г. н.э.), а второй в 1033 г., через тысячу лет после распятия Иисуса.

Но прежде чем проследить, как сошёл на нет первый миллениум, посмотрим, как его ожидали в годы накануне 1000 г. Хорошим примером этого является описание монахом-хронистом Родульфом Глабером безумия, охватившего крестьянина Лётара «из деревни Вертю в графстве Шалон-на-Марне в Галлии... Его тяжёлое безумие началось следующим образом». Как-то раз около 1000 года Лётар «работал один в поле, [когда] он устал, заснул и ему приснилось, что большой рой пчёл проникает в его тело через потайные места, [сделанные в нём] природой. Они вылетели из него, громко гудя и многократно уязвляя его». Затем пчёлы повели ему делать «вещи, невозможные для человека». Проснувшись, Лётар отослал свою жену, оправдывая развод ссылкой на тёмное место из Евангелия от Матфея (19:29) о том, что нужно всё оставить и следовать за Христом. «Затем, когда он пришёл в церковь, то схватил и сломал крест и образ Спасителя. Все, кто увидел это, задрожали от страха, считая его сумасшедшим (каким он, впрочем, и был), но ему удалось убедить их, что он делал это в результате чудесного откровения от Бога... Он произнёс множество пустых и бесполезных проповедей и, стремясь быть великим наставником, заставил людей забыть Того, от кого истекает всякое наставление». Его худшим преступлением стало то, что он «объявил, будто нет никакой необходимости платить десятину». Это было серьёзным отклонением от социальной нормы и связано с тем, что он претендовал на репутацию человека, достойного веры... и вскоре снискало ему многих сторонников». Местный епископ, вероятно, опытный Жебен I, оказался достаточно умен, чтобы не рубить с плеча, но постепенно открыл глаза людям на то, «как безумие Лётара привело к ереси»¹. Епископ Жебен не стал торопиться с

¹ Glaber. Historiarum. II. 22.

тем, чтобы выразить своё мнение, но, ведя разговоры с людьми, сделал так, что Лётар оказался в изоляции. Оставленный своими сторонниками, он покончил с собой, бросившись в колодезь. Это один из немногих случаев самоубийства в тот период.

У Лётара, по-видимому, произошёл психотический приступ, выразившийся в терминах религиозного и социального инакомыслия. Хотя нам не всё ясно с его верой, она, похоже, перекликается с идеями богомилов, балканской манихейской сектой, для адептов которой было характерно отвержение материи и тела как творения сатаны; только душа от Бога. Идеи такого рода всё чаще звучали во Франции; Лётар, по-видимому, услышал их от заезжих торговцев. Его деревня Вертю находилась в краях, где процветала торговля шерстью, и здесь наверняка появлялось немало купцов.

Интерес к первому христианскому миллениуму в историографии оживился по мере приближения 2000 г. В 1830-х гг. французский историк Жюль Мишле заговорил об «ужасах 1000-го года», и в течение XIX столетия в историографии господствовала та точка зрения, что накануне 1000 г. в Европе распространился страх перед приближающимся концом света. Однако начиная с 1900 г. в научной литературе стала набирать силу более скептическая и светская точка зрения, представленная прежде всего трудами Фердинанда Лота. В соответствии с новой теорией практически никого не интересовало и уж тем более не пугало в X в. приближение миллениума. Это был обычный бизнес. Призыв к осторожности, обращённый к сторонникам такой позиции, содержится в труде авторитетного французского историка Жоржа Дюби «Тысячный год» (1980).

За прошедшие тридцать лет многое изменилось, и сторонники скептической позиции сталкиваются с энергичными возражениями. Историк из Бостонского университета Ричард Ландес доказывает, что, хотя страх перед Апокалипсисом и был весьма распространён, общим настроением оставалась надежда на лучшее будущее, особенно среди бедных и обездоленных. Он ссылается на комментарий Глабера, согласно которому «добрый Творец явил мужчинам видения, чудеса и знамения в природе... [чтобы породить] страх и надежду»¹. Ключевое значение, по словам Ландеса,

¹ Glaber. Historiarum. I. 26.

имеет то, что простые люди надеялись, что мир может стать лучше. Представители же церковной и светской элиты придерживались иного мнения, поскольку теряли куда больше.

Проблема в том, что зачастую эти надежды разделялись угнетёнными, а не сильными мира сего. Они, таким образом, как кажется, предвосхищали ныне столь нежеланный марксистский язык революции. В результате мы редко сталкиваемся с тем, чтобы эти надежды находили отражение в письменных источниках, которые отражали точку зрения *potentes* (могущественных), господствующей аристократической элиты; и в то же время такие надежды находили самый широкий отклик у *pauperes* (бедняков), этой бесправной массы, которая не оставила документальных свидетельств о своих мыслях и поступках.

Ландес также доказывает, что люди знали точную дату миллениума и что в некоторых случаях даже имеются свидетельства обратного отсчёта по отношению к этому событию. А потом, когда 1000-й год прошёл без происшествий, они стали ждать тысячелетия смерти Христа. Оно тоже обошлось без инцидентов.

Концепция Ландеса положила начало оживлённым спорам. Примирение этих двух точек зрения возможно благодаря разумной средней позиции, сформулированной Тимоти Рейтером. По его мнению, даже если многие люди в канун миллениума не были охвачены страхом, «более вероятно, что рост религиозных страстей по поводу миллениума, который можно воспринимать по-разному (по крайней мере, отчасти), являлся реакцией на сам миллениум¹.

Так какие же свидетельства говорят о том, что людей пугало приближение миллениума? Это было, конечно, всеобщее опасение того, что он станет «последним веком» и что конец света не за горами. Особым вниманием пользовалась Книга пророка Даниила. Её литературная форма едва ли поддаётся классификации; вероятно, лучше всего говорить здесь об «апокалиптическом романе». Написанный в апокалиптическом стиле, он адресован иудеям, испытывавшим на себе тяготы оккупации со стороны Антиоха IV

¹ Reuter T. Introduction: Reading the Tenth Century // Cambridge Medieval History. Vol. III. Cambr., 1999. P. 21.

Эпифана (175–163 гг. до н.э.), сирийско-греческого правителя, который пытался насадить язычество среди иудеев. В 7-й главе Данииил видит во сне четырёх животных, которые символизируют собой четыре царства, обычно отождествляемые с Нововавилонским царством, империями Кира Великого, Александра Македонского и Римом. За ними следует пятое, более праведное царство, управляемое «Ветхими Днями», которому «дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему» (Дан. 7:13–14). Французские короли и саксонские императоры того времени видели себя в качестве правителей этого последнего царства, защищающего мир от Антихриста. За ним наступят последние дни, правление Антихриста и второе пришествие Христа для совершения суда. Но как широко были распространены эти воззрения?

Главным источником для выяснения вопроса о том, насколько были распространены ожидания Апокалипсиса, являются проповеди, наиболее распространённая форма религиозного общения в то время. Аббат Аббон Флёри в своей «Апологии», посвящённой королям Гуго и Роберу, заявляет, что категорически не приемлет проповедей о конце света. Он говорит, что, будучи молодым человеком, «слышал проповедь к народу в кафедральном соборе Парижа — проповедь о конце мира, в которой утверждалось, что, как только минет тысяча лет, явится Антихрист, а вскоре после этого произойдёт Страшный суд. Я возражал этой проповеди так сильно, как только мог, [приводя цитаты] из Евангелий, Откровения Иоанна Богослова и Книги пророка Даниила... Почти по всему миру распространился слух, будто когда совпадут праздник Благовещения (25 марта) со Страстной пятницей, без сомнения наступит конец света»¹. Это подтверждает тот факт, что произносились проповеди по поводу приближения миллениума, однако Аббон даёт понять, что по крайней мере более осведомлённые монахи и клирики, включая его самого, противились таким проповедям.

Другой пример являет англосаксонский аббат Эльфрик из Эйншема, что к западу от Оксфорда. В сборнике из сорока пяти проповедей только две напрямую связаны с темой наступления последних времён. В одной обсуждается текст из Евангелия от Матфея, где идёт речь о Страшном суде (25:31–46). Эта проповедь

¹ *Patrologiae cursus complete. Series latina. Vol. 139. P. 471–472.*

являет собой образец сдержанности, и Эльфрик просто позволяет евангельскому тексту говорить самому за себя; здесь нет отсылок к миллениуму и вообще Апокалипсису. В другой, более драматической, он описывает видения шотландского священника по имени Фурсей, который пережил несколько раз «предсмертное» состояние. Хотя некоторые из них весьма драматичны, это всё же не тот материал, который свидетельствует о нарастающем страхе перед концом света¹.

Ок. 950 г. младшая сестра Оттона I королева Герберга, жена западнофранкского короля Людовика IV, обратилась с серией вопросов по поводу Антихриста к аббату Адсону (ум. в 992) из Монтье-ан-Дер, клюнийского монастыря близ Труа. Адсон подробно рассказал королеве Герберге о появлении на свет Антихриста и сроках его жизни. Однако Антихрист явится (и это ключевой момент) лишь после падения Римской империи и что этого не произошло, поскольку она по-прежнему остаётся под властью франкских королей. Кроме того, христиане получают предупреждение о грядущем конце света; пророки Енох и Илия «защитят веру в Господа... божественным оружием и будут наставлять, подбадривать и готовить избранных для битвы в течение трёх с половиной лет с помощью учения и проповеди». Но в конце концов Бог восторжествует, Христос или архангел Михаил сразят Антихриста. Затем наступят сорок дней искупления и покаяния накануне Страшного суда². Вопросы Герберги и рассуждения Адсона говорят о том, что людьми владела мысль о приближении последних времён, и не приходится сомневаться, что тексты Книги пророка Даниила и Откровения Иоанна Богослова использовались в проповедях, которые порождали заметную нервозность в связи с приближением миллениума как среди знати, так и простых людей.

Природные явления также трактовались в апокалиптическом духе. После 11 августа 911 г. комета Галлея была видна целый месяц. Об этом не особенно много сообщали в Европе, хотя китайцы были вполне осведомлены. Среди европейцев, поминавших о

¹ The Homilies of the Anglo-Saxon Church. L., 1846. Vol. 2. P. 107–109, 343.

² *Adso of Montier-en-Der. Letter on the Origin and Time of the Antichrist* // Bernard McGinn, *Apocalyptic Spirituality*. Mahwah, NJ, 1979. P. 89–95.

ней, можно назвать Глабера. «Звезда особого рода под названием комета появилась в западной части неба... От неё исходил такой яркий свет, что он занял большую часть неба». Однако Глабер не интерпретирует её появление в апокалиптическом духе. «Была ли это новая звезда, посланная Богом, или уже существующая, свет которой он усилил во знамение, известно только Ему»¹. Глабер также говорит, что в 991 г. случились многочисленные пожары в Италии и Риме, в результате которых оказался под угрозой даже собор Святого Петра. Он также упоминает, что в 1007 г. гора Везувий близ Неаполя «изверг из большего количества жерл, чем обычно, сатанинский огонь и множество камней, которые разбросало более чем на три мили вокруг». Однако и эти события не интерпретируются в духе Апокалипсиса. Его переводчик, Джон Франс, пишет, что Глабер весьма скептически относился к рассуждениям о скором приходе Антихриста².

Глабер также сообщает о плачущем распятии и о волке, звонившем в колокол в Орлеане в 988 г. Распятие находилось в монастыре, где «в течение нескольких дней слёзы рекой текли из глаз образа». Было множество свидетелей, они сочли «это божественным знамением какого-то бедствия, которое должно было обрушиться на этот город». Затем волк, любивший звонить в колокола, появился в Орлеане. Однажды ночью перед заутреней «неожиданно появился волк; войдя [в собор], он схватил шнурок колокола в свою пасть и, потянув за него, издал звон колокольчика». Местные жители выгнали волка, но, согласно Глаберу, «эти события оказались предзнаменованиями», потому что в следующем году «весь город со всеми его домами и даже церквями сгорел» в результате пожара³. Огонь всегда представлял угрозу, поскольку все постройки возводились из дерева.

Другой характерной чертой миллениума стала мода на паломничества в Иерусалим. Глабер сообщает, что «сначала отправлялись простые люди, затем люди среднего положения и потом могущественные короли, графы, маркизы и епископы; наконец, и это

¹ *Glaber. Historiarum. III. 9.*

² *France J. Review of: Richard Landes et al. The Apocalyptic Year 1000 // Medieval Review, October 4, 2003, <http://scholarworks.iu.edu/dspace/handle/2022/5729>.*

³ *Glaber. Historiarum. II. 8.*

то, что никогда не случалось раньше, многие женщины, как благородные, так и бедные, отправлялись в путешествие. Многие хотели умереть там»¹.

Даже направляясь в Святую землю по суше через Венгрию, люди сталкивались с опасностями, которые могли встретиться им на территории Болгарии или Византии, а затем и с вполне серьёзной угрозой в землях Фатимидов мусульманской династии, правившей в Египте и контролировавшей в 969–1161 гг. Палестину. Ещё более опасным местом Иерусалим стал при безумном халифе Аль-Хакиме (996–1021), который приказал разрушить церковь Гроба Господня и множество других храмов и часовен в Египте и Палестине. Такие паломничества были связаны с немалым риском.

Ереси и проявления социального протеста также трактовались как признаки грядущего Апокалипсиса. Один из самых ранних случаев такого рода, совершённых девушкой-рабыней Флотильдой (ум. в 942), которая была связана с монастырём Авене в Нормандии. У неё было два «сеанса» видений, что вызвало настоящий переполох. Первый был связан с тем, что ей мерещилось, будто она спасается от мужчин на лошадях и от искушения демонами, которые являлись отражением понятного для юной впечатлительной девушки беспокойства по поводу сексуальных домогательств. Вторая серия видений была связана с церковной политикой в Реймсе, угрозой, перед лицом которой оказалась Франция, и падением нравов в среде духовенства. Флотильда умерла вскоре после того, как видения прекратились.

Более важное значение имели вспышки манихейства в 1018–1022 гг. Манихейство — радикальное дуалистическое вероучение, основанное на представлениях об изначальном конфликте между светом и тьмой, вечной борьбе между Богом и дьяволом. Чтобы вырваться из тьмы, манихеи практиковали суровый аскетизм, celibat и вегетарианство. В секте существовали разные уровни, и постепенно adepts достигали всё более высокой степени «просветления». Орлеан представлял собой настоящий рассадник этой ереси.

В городе существовала группа манихеев, в состав которой входили миряне, монахини, некоторые высокопоставленные священнослужители. По словам Адемара Шабанского, их вводил в заблуждение безымянный крестьянин, «который утверждал, что может

¹ *Glaber. Historiarum. IV. 6.*

дать им великую силу и который носил с собой прах мёртвых детей, который быстро превращал в манихейя любого, кто соприкасался с ним». Адемар утверждает, что они отрицали вочеловечение Христа, действительность святых таинств, авторитет Священного Писания и что хотя внешне вели себя как аскеты, «в своей среде они позволяли себе разные наслаждения»¹. Обвинение в беспорядочных половых связях среди манихеев и еретиков вообще, по-видимому, не соответствовало истине. Хотя невозможно точно определить, что обусловило этот всплеск манихейства, но истоки его, возможно, также восходят к богомилству.

Согласно монаху Павлу из монастыря Святого Петра в Шартре, орлеанских манихеев разоблачили, когда явившийся в город шпион Арефаст «с невероятной хитростью, данной ему от природы», проник в секту. Он обманул их, уверив, будто является обращённым, и убедил предать гласности их учение. Павел и Адемар обвиняют манихеев в групповом сексе. Павел говорит, что после своей литургии «каждый из них хватал первую попавшуюся под руку женщину и завладевал ею, чтобы дурно поступить с нею... Они считали соитие делом святым и богоугодным». Каждого ребёнка, родившегося от таких союзов, они сжигали, а «пепел хранили, чтобы давать его как последнее средство больному, когда он уже должен был умереть»². Слухи о групповом сексе и сжигание детей всегда окружали тайные секты инакомыслящих.

Когда король Роберт Благочестивый и королева Констанция приехали в Орлеан в 1022 г., собрался совет по настоянию Арефаста, чтобы допросить десятиерых членов манихейской секты. Когда те отказались отречься от своей веры, Роберт лишил их сана и осудил. Один из них, Стефан, являлся духовником королевы Констанции. Она ударила его в глаз «посохом, который был при ней». За городской стеной их посадили под арест в какой-то дом, и «зажгли большой костёр, и все они были сожжены на нём... за исключением одного служителя и монахини, которые раскаялись по воле Бога»³. Это был наиболее ранний из известных случаев сожжения еретиков по приговору суда в европейской истории.

¹ *Adhémar of Chabannes. Chronicle // Moore R.I. The Birth of Popular Heresy. London, 1975. P. 9–10.*

² *Paul of St. Pere de Chartres. Gesta Synodi Aurelianensis // Ibid. P. 12–13.*

³ *Ibid. P. 15.*

Но о «страхах» можно говорить и в более широком контексте. X столетие стало временем заметных перемен, когда новая культура начала возникать из руин каролингской империи, что я и назвал «рождением Запада». Культурные перемены никогда не бывают лёгким процессом, сдвиги в сфере культурных ценностей создают ощущение неосознанных страха и неопределённости. Склонные к упрощённому мышлению люди зачастую ищут убежища в ортодоксии и ожиданиях Апокалипсиса. Возможно, по такой причине эти страхи, оставаясь неосознанными и не выраженными, оказывались более сильными. Не в состоянии осмыслить изменения, такие люди могут реагировать достаточно странным образом и интерпретировать свой опыт в контексте сверхъестественного, полагая, что Бог вмешивается, чтобы защитить их. Нечто подобное происходит и с фундаменталистами всех видов сегодня, когда мы переживаем слишком большие масштабные сдвиги в области культуры.

Миллениум положил начало длительным переменам, которые в конце концов и привели к складыванию того, что стало западноевропейской цивилизацией. После ста или больше лет ослабления центрального правительства и власти, почти постоянной малой войны, начиная с правления Оттона I и поражения венгров в 955 г. в битве при реке Лех, люди начали чувствовать себя, как правило, более защищёнными от нападений извне. Страх, порождённый набегами викингов, венгров и сарацин, начал мало-помалу забываться. Венгры и викинги приняли христианство, а вторжения сарацин встречали отпор. Образец эффективно действующей центральной власти можно было наблюдать в Саксонии, и германский *Reich* стал теперь функционировать как государство. Отчаяние, приведшее к краху центральной власти в последние десятилетия IX века — теперь уходило в прошлое, по крайней мере в Северной Европе, даже если Англии, Ирландии и Франции ещё требовалось кое-что для восстановления должного порядка. Стала набирать силу конфронтация между французскими феодальными вождями, обществом и церковью. Монастырская реформа шла полным ходом, и это привело к возрождению образования. Глабер пишет, что «по всему миру, но особенно в Италии и Галлии», началось восстановление церквей, причём каждая храмовая община... [стремилась] превзойти других в блеске построек». Далее он делает весьма интересное замечание: «Казалось, весь мир вздохнул свободно,

сбросив с себя бремя прошлого, и облёкся в белый покров церквей»¹. Если слова о «белом покрове церквей» часто привлекали к себе внимание историков (это преимущественно относится к храмам и монастырям, построенным в результате клюнийской реформы), то замечание по поводу вздохнувшего свободно мира, сбросившего бремя прошлого, куда более интересно. Речь идёт о новом приливе энергии, новом духе, о видении лучшего мира с новыми возможностями. Творчество Герберта Орильякского является квинт-эссенцией этого духа.

Однако происходили и более глубокие изменения. Новое тысячелетие стало свидетелем зарождения «индивидуальности». Обычно возникновение современного индивидуализма связывают с Ренессансом. Но современные исследования позволяют предполагать, что «открытие индивидуальности», как это называет Колин Моррис, можно отнести уже к середине XI в. Индивидуальность здесь подразумевает чувство самосознания, персональной идентичности и моральной ответственности, а также и духовность. Как пишет Моррис, «чувство индивидуальной идентичности и ценности обусловлено верой в Бога, который знает каждого человека по имени»². Он доказывает, что христианство послужило основой эволюции западной концепции личности. Главное в индивидуальности — духовность. Одним из наиболее прекрасных произведений искусства, воплотивших этот новый дух, стал крест Геро в кафедральном соборе Кёльна. Это самое древнее распятие в Северной Европе, вырезанное до 976 г. в стиле, опережавшем своё время. К несчастью, в наши дни крест имеет чудовищную чёрную барочную подставку, и нужно внимательно всматриваться, чтобы увидеть, что Иисус — молодой человек, который хотя и претерпевает ужасные страдания, спокоен в смерти. На нём изящная набедренная повязка, удерживаемая на месте сложным обрамлением. Крест, получивший своё название по имени архиепископа Геро Кёльнского (969–976), который заказал его для кафедрального собора, имеет 6 футов 2 дюйма в высоту (почти 2 м) и вырезан из дуба. Титмар пишет, что его изготовил «замечательный мастер» и что крест раньше стоял на могиле епископа³. Здесь Христос не торже-

¹ *Glaber. Historiarum. III. 4.*

² *Morris C. The Discovery of the Individual: 1050–1200. L., 1972. P. 10–11.*

³ *Титмар Мерзебургский. Хроника. III. 2.*

ствующий пантократор, каким он предстаёт в византийском искусстве, не надменный правитель универсума, пусть и на кресте, но страдалец, чьи муки изображены гротескно, как это делалось на более поздних средневековых распятиях.

Крест Геро свидетельствует о возникновении более индивидуального, более человеческого образа Христа, который более не является некоей сверхчеловеческой персоной, триумфатором, царствующим на небесах. Этот крест являет нам Христа-человека, принявшего страшную смерть, но ныне пребывающего в покое. Это свидетельствует о смене акцентов в духовной сфере. Византийский Христос-пантократор был поистине великолепен, но бесконечно далёк от мира людей и потому имел малое отношение к тому, чтобы репрезентировать человеческую смерть. А человек-Христос с креста Геро, напротив, подобен любому из нас, человек, претерпевший ужасные страдания, и умер как человек, а не божественная абстракция. Люди вполне могли чувствовать свою близость с ним.

Мы уже сталкивались с такими яркими индивидуальностями, как Готшалк, Валафрид Страбон, Гросвинта, Феофано, Лиутпранд, Герберт, Иоанн Скот Эриугена. Эти сильные личности имели собственную точку зрения и шли своим путём. Полученное ими образование позволяло им видеть новые возможности; это также помогало им подниматься по социальной лестнице, как это произошло с Валафридом, выходцем из крестьянской семьи, который стал учителем детей Карла Лысого и аббатом Райхенау, а Герберт, также происходивший из простолюдинов, папой.

Индивидуальность — продукт духовности. Самым оригинальным духовным мыслителем этого периода был, несомненно, Иоанн Скот Эриугена. Он разработал глубоко мистическую интерпретацию взаимоотношений Бога и мира, основанную на неоплатонических источниках и его переводе с греческого произведений псевдо-Дионисия. Как пишет исследователь истории духовной мысли Бернард Макгинн, Бог, по мнению Иоанна, «пребывает в мире, будучи его глубинной реальностью... Но в то же время он и не находится в мире, будучи над ним и вне его»¹. Он предполагает диалектику, в соответствии с которой Бог полностью присутству-

¹ McGinn B. The Growth of Mysticism: Gregory the Great Through the 12th Century. New York, 1996. P. 98.

ет в мире и вместе с тем полностью вне по отношению к нему. Эти качества характеризуются одновременностью и вместе с тем исключают друг друга. Таким образом божественное оказывается за пределами наших проекций и ограничений. Но также и защищает нас от Бога-манипулятора, который постоянно вмешивается в природу, её процессы и прежде всего в жизнь человека. Это предполагает движение в сторону осознанной ответственности за себя и рост индивидуального самосознания и совести. Таким образом, хотя отстаивается «сепаратность» Бога, но также обуславливается наша индивидуальность. В понимании Иоанна, поскольку мы всё равно возвратимся к Богу, сохраняется наша самость, которая не будет утрачена или абсорбирована некой формой космического бессознательного. Иными словами, X столетие становится свидетелем особого интереса к теологии воплощения, идеи, согласно которой следует искать божественное в самом «веществе» материального мира, в «телесном», в «человеческом».

На менее высоком уровне духовность монахов также способствовала самопознанию через молчание, одиночество, вдумчивое чтение, медитацию, которая находит наиболее полное выражение в молитве и созерцании. Энергия, поддерживавшая монашеский образ жизни, представляла собой неутолимое желание выйти за пределы себя самого и установить связь с Богом, который, как это ни парадоксально, ведёт индивида обратно к более глубокому осознанию собственного «я».

В этой книге я пытался дать очерк рождения западной культуры, преемниками которой мы являемся как наследники европейской традиции. Наша культура родилась в X столетии. Движущей силой этого процесса было западное христианство, если говорить конкретнее — католицизм. Именно церковь сплачивала воедино разрозненные элементы, которые составляют наше культурное наследие, и была локомотивом, двигавшим упомянутый процесс. Сегодня мы и западная культура стоим на перепутье, когда нас увлекает, казалось бы, неутолимое движение навстречу глобализму, мультикультурализму и интернационализму. Многие подталкивают к тому, чтобы отрицать наши культурные корни или, по крайней мере, утверждать, что мы живём в «постхристианском», чисто светском, обществе. Возможно, мою будущую книгу придётся назвать «Смерть Запада». Но я думаю, что такие декларации

преждевременны. Как верно заметил литературный критик Питер Крэйвен, жизнь наша по-прежнему основывается на ощущении того, что лежит в основе нашей цивилизации, и эта основа — христианство¹. Наша проблема заключается в том, что мы страдаем культурной амнезией, полностью забывая о наших культурных корнях. Именно поэтому так важно вспоминать о рождении Запада и тех культурных компонентах, которые делают цивилизацию Запада тем, чем она является.

Другая трудность, связанная с восприятием нашего католического и христианского прошлого и интеграцией его наследия в современность, состоит в том, что в наши дни мы с подсознательным подозрением относимся к тому, что на языке постмодернистов называется «метанарративом». Иными словами, именно «большая история» представляет собой попытку трактовать особенности и детали прошлого в более широкой, всеохватной перспективе. Вопреки постулатам постмодернизма, я полагаю, что нам нужен «большой нарратив», чтобы лучше понять ту перспективу, в которой мы сейчас находимся сами. И даже если мы хотим двигаться в сторону глобалистского, светского, мультикультурного, постхристианского общества (я лично этого не хочу), нам всё равно нужно помнить, чтить и интегрировать прошлое. Если мы забудем, откуда мы, то будем просто «дрейфовать» в будущее, не имея что предложить. Именно поэтому нам следует знать и понимать, как родился Запад.

В известном смысле в таком окончании есть нечто не вполне удовлетворительное. Вероятно, потому, что у истории нет «правильного» завершения. Она представляет собой непрерывный хаотичный процесс. Так было в Европе в конце Х в., так было везде. Различные страны и народы развивались по-разному, и одни из них опережали другие. Ясно, что германская империя показывала пример; именно поэтому я сказал в начале книги, что подзаголовком её могло быть «Как немцы спасли цивилизацию». К концу Х в. Германия стала прочным, исправно функционирующим государством. Франции было суждено ещё несколько веков оставаться в далеко не самом лучшем состоянии. В Англии эффективно работающая государственная система сложилась в начале Х в. при Альфреде Великом и его преемниках, однако к концу столетия она

¹ Craven P. Our Christian Cultural Bedrock // The Age. April 6, 2012.

вновь впадала в состояние хаоса в условиях возобновившихся набегов викингов. В Испании Реконкиста шла уже полным ходом, однако стране ещё суждено было ждать до XV в., прежде чем она, полностью объединившись, стала католической Испанией. Ко времени Малколма II Шотландия уже была хорошо управляемым королевством, однако Ирландия, после того как её ненадолго объединил Бриан Бору, вновь впадала в состояние анархии, оказавшись жертвой норманнского завоевания в конце XI в. Однако к концу X в. стали на ноги восточноевропейские страны, а викинги обратились в христианство. Италия оставалась «географическим понятием», совокупностью княжеств и независимых городов с Папским государством в центре полуострова. Её объединение завершится лишь в 1870 г.

Но в каком бы хаосе ни происходило рождение Запада, к 1000 г. основы его уже были заложены. Возникло нечто новое. Запад появился на свет.

Как он потом развивался, это уже совершенно другая история.

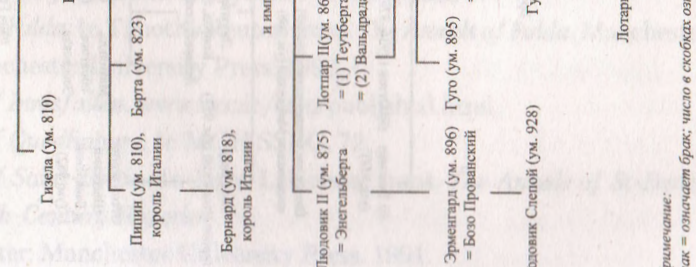
Благодарности

Что меня удивило, когда я писал «Рождение Запада», так это то, как много материала для книги оказалось доступно в крупнейших библиотеках или в Интернете. Дело в том, что в XIX и XX вв. в европейских странах в результате осуществления национальных проектов их *monumenta* (хроники и прочие сообщения источников) стали доступны широкому кругу читателей, а не только специалистам, которые могут справиться в архивах и читать исходные рукописи. Поэтому я очень обязан организаторам этих проектов и сотрудникам, где хранятся плоды их трудов, особенно Национальной библиотеке Австралии и Библиотеки Дж. Б. Чифли Национального университета Австралии (обе находятся в Канберре, моем родном городе). Со многими материалами я смог ознакомиться не выходя из дому. Я также не могу не выразить восхищение отзывчивостью и готовностью помочь библиотекарям этих учреждений; это скромные труженики на ниве нашего культурного наследия. Кроме того, множество архивных материалов размещено в Интернете, особенно на сайтах, где доступны коллекции *Monumenta Germaniae Historica* (Баварская государственная библиотека) и *Patrologiae cursus completa* Поля Миня (на сетевой странице *Documenta Catholica Omnia*). Большую роль при написании этой книги сыграли работы других историков, которые я указываю в примечаниях или в списке библиографии.

Особую признательность я хотел бы выразить профессору Университета Монаша Константу Мьюзу, который ознакомился с черновым вариантом книги и сделал ценные замечания. Моя большая благодарность также Джин и Джону Ломбард из Шато (Франция), которые были моими гидами по Кюни и его окрестностям. Спасибо также Саймону Брайден-Бруку (Лондон), Питеру Мак-Лафлину (Винчестер), Магрет и Джону

Меям (Дублин) и Джуэит Чамп (Бирмингем). Мой литературный агент Мэри Каннэни не только оказала мне большую помощь, но и была моим добрым другом десять лет или даже больше. Спасибо и моему нью-йоркскому агенту Кэтлин Андерсон, и Клэр Андерсон-Уилер. Моя благодарность «Клайв Придл оф паблик аффејрс» и издателю Брэндону Пройе, главному редактору Коллину Трэйси, редактору Джейн Кристианссон и корректору Лизе Зейлс, огромное спасибо за все их труды. Можно только мечтать работать с такими людьми. Благодарю также Пэтти Якобс. Нет нужды говорить, что в книге такого объёма неизбежны ошибки, и ответственность за них целиком на мне.

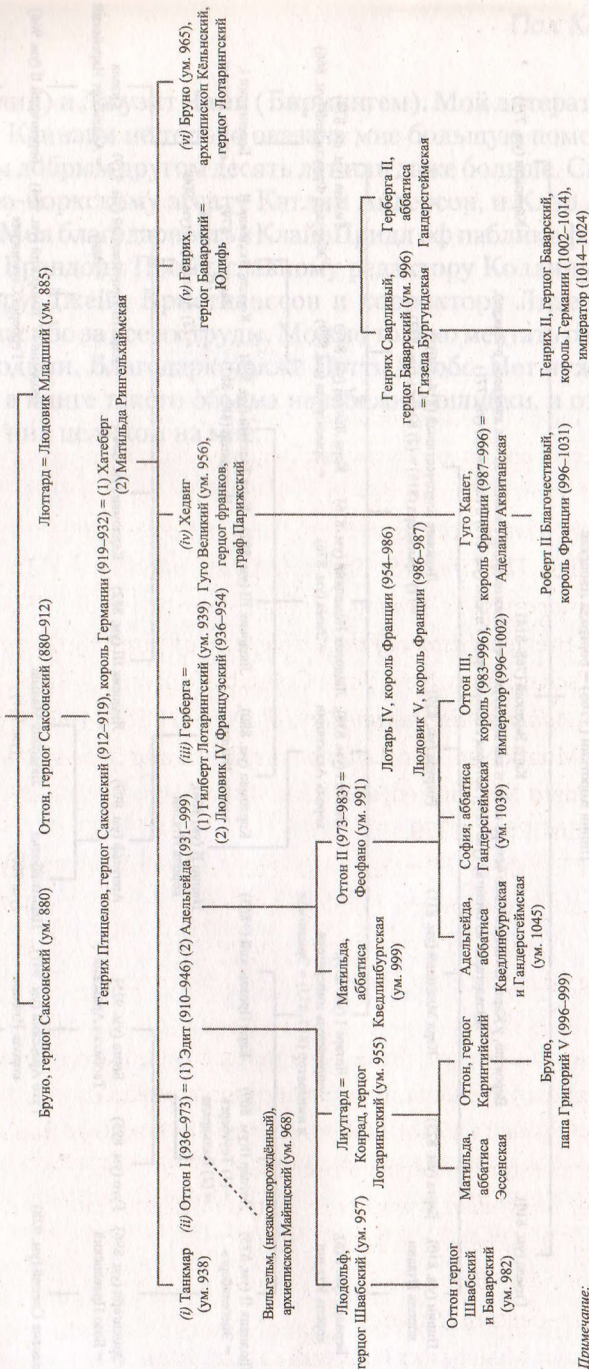

Примечание:

Арнульф (+1021) (архиепископ Реймский)

Саксонские короли и некоторые их родственники

Людовльф (ок. 805 — ок. 866), основатель династии Оттонов (Людолюфов)

Примечание: знак = означает брак; число в скобках означает порядковый номер жены. Римские цифры означают порядковый номер детей Генриха Птицелова

Источники

- Abbo of Fleury. *The Martyrdom of St Edmund*. In Paul Halsall, comp. *Medieval Sourcebook*. <http://www.fordham.edu/halsall/source>.
- Abbo of Saint-Germain-des-Prés. *Bella parisiacae urbis*. In Nirmal Dass, trans. *Viking Attacks on Paris*. Leuven: Peeters, 2007.
- Abbot Eigil. *The Life of St. Sturm*. In C. H. Talbot, trans. *The Anglo-Saxon Missionaries in Germany*. London: Sheed and Ward, 1954.
- Adam of Bremen. *History of the Archbishops of Hamburg-Bremen*. In Francis J. Tschan, trans. New York: Columbia University Press, 2002.
- Adamar. *Adamari historiarum libri III*. In MGH SS 4, 106–148.
- Adso of Montier-en-Der. *Letter on the Origin and Time of the Antichrist*. In Bernard McGinn, ed. and trans. *Apocalyptic Spirituality*. Mahwah, NJ: Paulist Press, 1979.
- Alfric of Eynsham. *Homilies*. In Benjamin Thorpe, ed. *The Homilies of the Anglo-Saxon Church*. London: Alfric Society, 1846, vol. 2.
- Agobard of Lyons. «De grandine et tonituris.» In L. Van Acker, ed. *Agobardi Lugdunensis Opera Omnia: Corpus Christianorum*. Turnhout: Brepols, 1981, 52:3–15.
- Anglo-Saxon Chronicle*. In G. N. Garmonsway, ed. *Anglo-Saxon Chronicle*. London: J. M. Dent, Everyman's Library, 1953.
- Annals of Fulda*. In Timothy Reuter, trans. *The Annals of Fulda*. Manchester: Manchester University Press, 1992.
- Annals of Innisfallen*. www.ucc.ie/celt/published.html.
- Annals of Quedlinburg*. In MGH SSRG, 72.
- Annals of Saint-Bertin*. In Janet L. Nelson, trans. *The Annals of St-Bertin: Ninth-Century Histories*. Manchester: Manchester University Press. 1991.

- Annals of St. Vaast.* In MGH SSRG 12, 40–82.
- Annals of Ulster.* www.ucc.ie/celt/published.html.
- Annals of Xanten.* In MGH SSRG, 12, 1–33.
- Anonymous. *Invectiva* 29, 823–838. In *PL*, 129.
- Anonymous. *Vita Sancti Oswaldi.* In James Raine, ed. *The Historians of the Church of York and Its Archbishops.* London: Longman, 1879.
- Asser of Sherborne. *The Life of King Alfred.* In Simon Keynes and Michael Lapidge, trans. *Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Other Contemporary Sources.* Harmondsworth: Penguin, 1983.
- Atto of Vercelli. *Capitulare.* In *PL*, 134, 27–52.
- Atto of Vercel. *Epistolae.* In *PL*, 134, 95–124.
- Auxilius. *In defensionem sacrae ordinationis papae Formosi.* In *PL*, 129, 1059–1102.
- Benedict. *The Holy Rule of St. Benedict.* In Boniface Verhayen, OSB, trans. *Rule of Saint Benedict.* Atchison, KS: Saint Benedict's Abbey, 1949.
- Benedict of San Andrea di Monte Soratte. *Chronicon.* In G. Zucchetti, ed. *Fonti per la storia d'Italia.* Rome: Istituto Storico Italiano, 1920, vol. 55.
- Book of Armagh.* In John Gwynn, ed. *The Book of Armagh.* Dublin: Royal Irish Academy, 1913.
- Burchard of Worms. *Decretorum Libri XX.* In *PL*, 140, 537–1055.
- Capitulary for Saxony and Leges Saxonum.* In MGH LL, 5, 85–93.
- Chronicle of Nantes.* In *EHD*.
- Davis, Raymond, trans. *Lives of the Ninth-Century Popes: The Ancient Biographies of the Popes from A.D. 817–891.* Liverpool: Liverpool University Press, 1995.
- Douglas, David, ed. *English Historical Documents, c. 500–1042.* 2nd ed. London: Eyre Methuen, 1972, vol. 1.
- Duchesne, Louis, ed. *Le Liber pontificalis: Texte, introduction, et commentaire.* Paris: E. Thorin, 1892.
- Dunstan, Archbishop of Canterbury. In William Stubbs, ed. *Memorials of Saint Dunstan, Archbishop of Canterbury, Rerum Britannicarum Medii Aevii Scriptores.* London: Longman, 1874, vol. 63.

- Einhard. *The Life of Charlemagne*. In Lewis Thorpe, trans. *Two Lives of Charlemagne*. London: Penguin, 1969.
- Ementarius of Noirmouter. *Ex miraculosis S. Filiberti*. In MGH SS, 15 (1), 298, 302.
- Eugenius Vulgarius. *Epistolae et carmina*. In Ernst Dümmler. *Auxilius und Vulgarius: Quellen und Forschungen zur Geschichte des Papstthums im Anfrage des Zehnten Jahrhunderts*. Leipzig: Herzel, 1866.
- Eulogius of Toledo. *Memorialis Sanctorum*. In PL, 115, 731–818.
- Eulogius of Toledo. *De vita et passion SS. Virginum Florae et Mariae*. In PL, 115, 835–842.
- Flodoard of Reims. *Annals*. In Steven Fanning and Bernard S. Bachrach, eds. and trans. *The Annals of Flodoard of Reims 919–966*. Peterborough, ON: Broadview Press, 2004.
- Flodoard of Reims. *Historia Remensis Ecclesiae*. In MGH SS, 13, 405–698.
- Flodoard of Reims. *De Triumphis Christi*. In PL, 135, 731–818.
- Gerbert of Aurillac. *Letters*. In Harriett Pratt Lattin, trans. *The Letters of Gerbert with His Papal Privileges as Sylvester II*. New York: Columbia University Press, 1961.
- Halsall, Paul, comp. *Medieval Sourcebook*. <http://www.fordham.edu/halsall/source>.
- Head, Thomas, ed. *Medieval Hagiography: An Anthology*. New York: Routledge, 2001.
- Hincmar of Reims. *De divortio Lotharii regis et Theutberga reginae*. In MGH Conc 4, Supplementum I.
- Hrosvitha. *Passio sancti Pelagii*. In PL, 137, 1093–1102.
- Jaffé, Philippus. *Regesta Pontificum Romanorum*. Leipzig: Veit, 1885.
- «Juvencus Englynion.» In Ifor Williams. *The Beginnings of Welsh Poetry*. Cardiff: University of Wales Press, 1972.
- Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus. *Correspondence*. In Martha Pollard Vinson, trans. *The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus*. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985.
- Leo VI the Wise. *Taktika*. In George T. Dennis, ed. and trans. *The Taktika of Leo VI*. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010.

- Liber Vitae: Register and Martyrology of New Minster and Hyde Abbey, Winchester.* Ed. Walter de Gray Birch. London: Simpkin, 1892.
- Liutprand of Cremona. In F. A. Wright, trans. *The Works of Liutprand of Cremona.* London: George Routledge, 1930.
- Liutprand of Cremona. *Relatio de Legatione Constantinopolitana.* In Brian Scott, ed. and trans. *Relatio de Legatione Constantinopolitana.* Bristol: Bristol Classical Press, 1993.
- Migne, Jean-Paul, ed. *Patrologiae cursus completa, series latina.* Paris: Imprimerie Catholique (later, Garnier), 1844–1855, 221 vols.
- Mozarabic Chronicle of 754.* In *PL*, 96, 1253–1280.
- Nithardus. *Historarum Libri IV.* In Bernhard Walter Scholz, trans. *Carolingian Chronicles: Royal Frankish Annals and Nithard's Histories.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 1970, 127–174.
- Odilo of Cluny. *Epitaph of the August Lady, Adelheid.* In Thomas Head, ed. *Medieval Hagiography.* New York: Routledge, 2001.
- Ordinatio Imperii.* In Ernest F. Henderson, ed. *Select Historical Documents of the Middle Ages.* London: George Bell, 1896, 201–206.
- Paschasius Radbertus. *Commentary on Jeremiah.* In *PL*, 120, col. 1220.
- Paul the Deacon. *History of the Longobards.* In William Dudley Foulke, trans. *History of the Lombards.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.
- Pendanius Dioscorides. *De material medica.* <http://www.ibidispress.scriptmania.com/custom.html>.
- Pietro Damiani. *Letters.* In Owen J. Blum, trans. *The Fathers of the Church: The Letters of Peter Damian, 61–90.* Washington, DC: Catholic University of America Press, 1992.
- Pietro Damiani. *Liber Gomorrhianus.* In Pierre J. Payer, trans. *Book of Gomorrah: An Eleventh-Century Treatise Against Clerical Homosexual Practices.* Waterloo, ON: Wilfred Laurier University Press, 1982.
- Polyptychum Irminonis abbatis sive Liber censualis antiquae monasterii sancti Germani Pratensis.* Ed. M. B. Guérard. Paris: L'Imprimerie Royale, 1844. Latin text available online at Kobo Books. <http://www.kobobooks.com/ebook>.
- Rabanus Maurus. *De oblatione puerorum.* In *PL*, 107, 419ff.

- Ratherius of Verona. In Peter L. D. Reid, ed. and trans. *The Complete Works of Rather of Verona*. Binghamton, NEW YORK: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1991.
- Regino of Prüm. *Chronicon*. In MGH SSRG, 50.
- Regino of Prüm. *Libellus de ecclesiasticis disciplinis*. In *PL*, 132, 187–456.
- Richer of Saint-Rémi. *Historiae libri quatuor*. In Justin Lake, ed. and trans. *Richer of Saint Rémi, Histories*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011, vol. 2.
- Rodulfus Glaber. *Historiarum Libri Quinque*. In John France, trans. *The Fives Books of the Histories*. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Royal Frankish Annals*. In Bernhard Walter Scholz, trans. *Carolingian Chronicles: Royal Frankish Annals and Nithard's Histories*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1970, 35–126.
- Squatriti, Paolo, trans. *The Complete Works of Liutprand of Cremona*. Washington, DC: Catholic University of America Press, 2007.
- Thietmar of Merseburg. *Chronicon*. In David A. Warner, trans. *Ottonian Germany: The Chronicon of Thietmar of Merseberg*. Manchester: Manchester University Press, 2001.
- Van Acker, L., ed. *Corpus Christianorum: Continuatio Mediaevalis*. Turnhout: Brepols, 1981.
- The War of the Gaedhil with the Gaill*. In J. H. Todd, trans. *The War of the Gaedhil with the Gaill*. London: Longman, Green, 1867.
- Widukind of Corvey. *Res gestae saxonicae sive annalium libri tres*. In MGH SSRG, 60.
- Wiegand, M. Gonsalva. *The Non-Dramatic Works of Hrosvitha*. St. Meinrad, IN: Abbey Press, 1936.

При переводах на русский в некоторых случаях использовались издания:

- Англосаксонская хроника Изд. подг. Э. Ю. Метлицкой. М., 2010.
- Ксантенские анналы Пер. А. И. Сидорова «Историки эпохи Каролингов». М., 1999.
- Рихер Реймский*. История. Изд. подг. А. В. Тарасова. М., 1997.
- Титмар Мерзебургский*. Хроника. Пер. И. В. Дьяконова. М., 2005.

Библиография

- Abels, Richard. «Alfred and His Biographers.» In *Writing Medieval Biography 750–1250: Essays in Honor of Frank Barlow*, ed. David Bates, Julia Crick, and Sarah Hamilton. Melton: Boydell and Brewer, 2006.
- Adamson, Melitta Weiss. *Food in Medieval Times*. Westport, CT: Greenwood Press, 2004.
- Agudé, Jorge. «Some Remarks About Sectarian Movements in al-Andalus.» *Studia Islamica* 64 (1986): 53–77.
- Airlie, Stuart. «Private Bodies and the Body Politic in the Divorce Case of Lothar II.» *Past and Present* 161 (1998): 3–38.
- Allen, Philip Schuyler. *The Romanesque Lyric: Studies in Its Background and Development*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1928.
- Allen, Valerie. *On Farting: Language and Laughter in the Middle Ages*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Althoff, Gerd. *Family, Friends, and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Althoff, Gerd. *Otto III*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003.
- Anderson, C. Colt. «When Magisterium Becomes Imperium: Peter Damian on the Accountability of Bishops.» *Theological Studies*, 65 (2004): 741–766.
- Aries, Philippe. *Centuries of Childhood*. New York: Vintage, 1962.
- Arnaldi, G. «Alberico di Roma.» In Raffaele Romanelli, ed. *Dizionario Biografico degli Italiani*. Rome: Trecanni, 1961, vol. I.
- Bachrach, David. «Exercise of Royal Power in Early Medieval Europe: The Case of Otto the Great 936–973.» *Early Medieval Europe* 17 (2009): 389–419.

- Bachrach, David, and D. Bachrach. «Saxon Military Revolution, 912–973: Myth and Reality.» *Early Medieval Europe* 15 (2007): 186–222.
- Baker, Derek, ed. *Relations Between East and West in the Middle Ages*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1973.
- Barracrough, Geoffrey. *The Crucible of Europe: The Ninth and Tenth Centuries in European History*. London: Thames and Hudson, 1976.
- Barracrough, Geoffrey. *The Origins of Modern Germany*. Oxford: Basil Blackwell, 1946.
- Bates, David, Julia Crick, and Sarah Hamilton, eds. *Writing Medieval Biography 750–1250: Essays in Honor of Frank Barlow*. Melton: Boydell and Brewer, 2006.
- Bernhardt, John W. *Itinerant Kingship and Royal Monasteries in Early Medieval Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Bloch, Marc. *Feudal Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1961, 2 vols.
- Bober, Phyllis Pray. *Art, Culture, and Cuisine: Ancient and Medieval Gastronomy*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Boswell, John. *Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Boswell, John. *The Kindness of Strangers*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Bouchard, Constance B. «The Bosonids or Rising to Power in the Late Carolingian Age.» *French Historical Studies* 15 (1988): 407–431.
- Bouchard, Constance B. «The Origins of the French Nobility: A Reassessment.» *AHR* 86 (1981): 501–532.
- Bowlus, Charles R. *The Battle of Lechfeld and Its Aftermath: The End of the Age of Migration in the Latin West*. Aldershot: Ashgate, 2006.
- Bradley, Raymond S. et al. «Climate in Medieval Time.» *Science*, October 17, 2003, 404–405.
- Brondsted, Johannes. *The Vikings*. London: Penguin, 1960.
- Brown, Nancy Marie. *The Abacus and the Cross: The Story of the Pope Who Brought the Light of Science to the Dark Ages*. New York: Basic Books, 2010.
- Bryce, James Viscount. *The Holy Roman Empire*, new ed. London: Macmillan, 1925.

- Bullough, D. A. «Urban Change in Early Medieval Italy.» *Papers of the British School at Rome* 36 (1966): 82–130.
- Cahill, Thomas. *How the Irish Saved Civilization*. New York: Anchor, 1995.
- Campbell, James, ed. *The Anglo-Saxons*. London: Book Club Associates, 1982.
- Canning, Joseph. *A History of Medieval Political Thought 300–1450*. Abingdon: Routledge, 1996.
- Cave, Roy C., and Herbert H. Coulson, eds. and trans. *A Source Book for Medieval Economic History*. New York: Biblo and Tannen, 1965.
- Celli-Fraentzel, Anna. «Contemporary Reports on the Medieval Roman Climate.» *Speculum* 7 (1932): 96–106.
- Christys, Ann. *Christians in Al-Andalus, 711–1000*. Richmond: Curzon, 2002.
- Cipola, Carlo M., ed. *The Fontana Economic History of Europe: The Middle Ages*. Glasgow: Collins, 1972, vol. I.
- Clark, Victoria. *The Far-Farers: A Journey from Viking Iceland to Crusader Jerusalem*. New York: Walker and Company, 2003.
- Coates-Stephens, Robert. «Housing in Early Medieval Rome, 500–1000 AD,» *PBSR* 64 (1996): 239–259.
- Collins, Paul. *Between the Rock and a Hard Place: Being Catholic Today*. Sydney: ABC Books, 2004.
- Collins, Paul. *Papal Power*. London: Fount/HarperCollins, 1997.
- Collins, Paul. *Upon This Rock: The Popes and Their Changing Role*. New York: Crossroad, 2000.
- Collins, Roger. *Early Medieval Europe 300–1000*. Basingstoke: Macmillan, 1999.
- Collins, Roger. *Law, Culture, and Regionalism in Early Medieval Spain*. Ashgate: Variorum, 1992.
- Corish, Patrick J. *The Irish Catholic Experience: A Historical Survey*. Dublin: Gill and Macmillan, 1985.
- Coupland, Simon. «The Frankish Tribute Payments to the Vikings and Their Consequences.» *Francia* 26 (1999): 57–76.
- Craig, G. «Alfred the Great: A Diagnosis.» *Journal of the Royal Society of Medicine* 84 (1991): 303–305.
- Craven, Peter. «Our Christian Cultural Bedrock.» *The Age*, April 6, 2012.
- Crompton, Louis. *Homosexuality and Civilization*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

- Curran, John. «The Bones of Saint Peter?» *Classics Ireland* 3 (1996): 18–46.
- Darlington, Oscar G. «Gerbert, the Teacher.» *AHR* 52 (1947): 456–476.
- Daston, Lorraine, ed. *Histories of Scientific Observation*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- Davids, Adelbert. *The Empress Theophano: Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Davies, Wendy. *Wales in the Early Middle Ages*. Leicester: Leicester University Press, 1982.
- Davis, Jennifer R., and Michael McCormick. *The Long Morning of Medieval Europe: New Directions in Medieval Studies*. Aldershot: Ashgate, 2008.
- De Hamel, Christopher. *A History of Illustrated Manuscripts*. London: Phaidon, 1986.
- De Jong, Mayke. *In Samuel's Image: Child Oblation in the Early Medieval West*. Leiden: Brill, 1996.
- De Selm, Daniel C. «Unwilling Pilgrimage: Vikings, Relics, and the Politics of Exile During the Carolingian Era (c. 830–940).» PhD thesis, University of Michigan, 2009.
- De Wald, Ernest T. «Notes on the Tuotilo Ivories in St. Gall.» *Art Bulletin* 15 (1933): 202–209.
- Dohrn–van Rossum, Gerhard. *History of the Hour*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Doig, Allan. *Liturgy and Architecture from the Early Church to the Middle Ages*. Aldershot: Ashgate, 2008.
- D'Onofrio, Giulio. *History of Theology: The Middle Ages*. Collegeville, MN: Liturgical Press, 2008.
- Duby, Georges. *The Knight, the Lady, and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France*. Harmondsworth: Penguin, 1984.
- Duby, Georges. *L'An Mil*. Paris: Éditions Gallimard, 1980.
- Duchesne, Louis. *The Beginnings of the Temporal Sovereignty of the Popes, 754–1073*. New York: Burt Franklin, 1907.
- Duckett, Eleanor Shipley. *Death and Life in the Tenth Century*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1971.

- Dümmler, Ernst. *Auxilius und Vulgarius: Quellen und Forschungen zur Geschichte des Papstthums im Anfrage des Zehnten Jahrhunderts*, Leipzig: Herzel, 1866.
- Dunbabin, Jean. *France in the Making 843–1180*. Oxford: Oxford University Press, 1985.
- Eco, Umberto. «It Was the Bean That Set Pulses Racing.» Trans. William Weaver. http://www.themodernworld.com/eco/eco_bean.html.
- Ellul, Jacques. *The Subversion of Christianity*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1986.
- Engreen, Fred E. «Pope John the Eighth and the Arabs.» *Speculum* 20 (1945): 318–330.
- Evans, Joan. *Monastic Life at Chuny 910–1157*. Rpt., New Haven, CT: Archon Books, 1968.
- Falco, Giorgio. *The Holy Roman Republic: A Historic Profile of the Middle Ages*. London: George Allen and Unwin, 1964.
- Fennell, John. *A History of the Russian Church to 1448*. London: Longman, 1995.
- Fergusson, Robert. *The Hammer and the Cross: A New History of the Vikings*. London: Allen Lane, 2009.
- Fichtenau, Heinrich. *Living in the Tenth Century: Mentalities and Social Orders*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Fletcher, Richard. *Bloodfeud: Murder and Revenge in Anglo-Saxon England*. London: Allen Lane, 2002.
- Fletcher, Richard. *The Conversion of Europe from Paganism to Christianity 371–1386 AD*. London: Fontana, 1997.
- Fletcher, Richard. *Moorish Spain*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1992.
- Flower, Robin. *The Irish Tradition*. Oxford: Clarendon Press, 1947.
- Flusche, Anna Marie. «*Organa doctorum*: Gerbert of Aurillac, Organbuilder?» Doctor of music thesis, Rice University, 1995.
- Foot, Sarah. *Athelstan: The First King of England*. New Haven, CT: Yale University Press, 2011.
- France, John. Review of Richard Landes et al., *The Apocalyptic Year 1000*. *Medieval Review*, October 4, 2003. <http://scholarworks.iu.edu/dspace/handle/2022/5729>.

- Fumagelli, Vito. *Landscapes of Fear: Perceptions of Nature and the City in the Middle Ages*. Cambridge: Polity Press, 1994.
- Ganshof, François-Louis. *Feudalism*. London: Longman, Green, 1952.
- Genke, Victor. «Gottschalk of Orbais and the Controversy over His Teaching on Twofold Predestination.» www.lectio-divina.org.
- Genke, Victor, and Francis X. Gumerlock. *Gottschalk and a Medieval Predestination Controversy: Texts Translated from the Latin*. Milwaukee, WI: Marquette University Press, 2009.
- Gerli, Michael, ed. *Encyclopaedia of Medieval Iberia*. New York: Routledge, 2003.
- Gillmor, Carroll. «War on the Rivers: Viking Numbers and Mobility on the Seine and Loire, 841–886.» *Viator* 19 (1988): 79–109.
- Goetz, Hans-Werner. *Life in the Middle Ages from the Seventh to the Thirteenth Century*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1993.
- Goldberg, Eric Joseph. «Popular Revolt, Dynastic Politics, and Aristocratic Factionalism in the Early Middle Ages: The Saxon Stellinga Reconsidered.» *Speculum* 70 (1995): 467–501.
- Goldberg, Eric Joseph. *Struggle for Empire: Kingship and Conflict Under Louis the German 817–876*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006.
- Gregorovius, Ferdinand. *History of the City of Rome in the Middle Ages*. London: George Bell, 1895, vol. 3.
- Gregory, Brad S. *Salvation at Stake: Christian Martyrdom in Early Modern Europe*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Guyotjeannin, Olivier. *Atlas de l'histoire de France IXe–XVe siècle: La France médiévale*. Paris: Editions Autrement, 2005.
- Haight, Anne Lyon. *Hroswitha of Gandersheim: Her Life, Times, and Works*. New York: Hroswitha Club, 1965.
- Hamilton, Bernard. *Monastic Reform, Catharism, and the Crusades (900–1300)*. London: Variorum Reprints, 1979.
- Harting-Correa, Alice L., trans. *Walahfrid Strabo's Libellus de exordiis et incrementis quarundam in observationibus ecclesiasticis rerum: A Translation and Liturgical Commentary*. Leiden: Brill, 1996.
- Head, Thomas, and Richard Landes. *The Peace of God: Social Violence and Religious Response in France Around 1000*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995.

- Heath, Ian, and Angus McBride. *Byzantine Armies 886–1118*. Oxford: Osprey, 1981.
- Heer, Friedrich. *The Medieval World: Europe from 1100 to 1350*. London: Sphere Books, 1974.
- Heidecker, Karl Josef. *The Divorce of Lothar II: Christian Marriage and Political Power in the Carolingian World*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010.
- Herlihy, David. *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.
- Herlihy, David. *Medieval Households*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Hibbert, Christopher. *Rome: The Biography of a City*. Harmondsworth: Viking, 1985.
- Higounet, Charles. «Les forets de L'Europe Occidentale du V au XI siecle.» In *Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'alto Medioevo, XIII*. Spoleto: Presso La Sede del Centro, 1965.
- Hill, David et al. «Quentovic Defined.» *Antiquity* 64 (1990): 51–58.
- Hooper, Nicholas, and Matthew Bennett. *Cambridge Illustrated Atlas of Warfare: The Middle Ages, 768–1487*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Horn, Walter et al. *The Forgotten Hermitage of Skellig Michael*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990.
- Humble, Richard. *Warfare in the Middle Ages*. Lombard, IL: Mallard Press, 1989.
- Hylson-Smith, Kenneth. *Christianity in England from Roman Times to the Reformation*. London: SCM Press, 1999, vol. 1.
- Jarrett, Jonathan. «A Corner of Tenth-Century Europe—Eat Like a Carolingian Nun,» September 25, 2010. <http://tenthmedieval.wordpress.com/tag/jean-verdon>.
- Jenkins, Romilly. *Byzantium: The Imperial Centuries AD 610–1071*. Toronto: University of Toronto Press, 1987.
- Jordan, Mark D. *The Invention of Sodomy in Christian Theology*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

- Kempf, Friedrich et al. *The Church in the Age of Feudalism*. New York: Herder and Herder, 1969, vol. 3.
- Kessler, Ann. *Benedictine Men and Women of Courage*. Yankton, SD: Sacred Heart Monastery, 1996.
- Kosztolnyik, Z. J. *Hungary Under the Early Arpads, 890s to 1063*. Boulder, CO: East European Monographs, 2002.
- Krautheimer, Richard. *Rome: Profile of a City, 312–1308*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980.
- Kreutz, Barbara M. *Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991.
- Lanciani, Rodolfo Amadeo. *The Destruction of Ancient Rome: A Sketch of the History of the Monuments*. London: Macmillan, 1901.
- Landes, Richard. «Giants with Feet of Clay: On the Historiography of the Year 1000.» <http://www.mille.org/scholarship/10>.
- Landes, Richard et al., eds. *The Apocalyptic Year 1000: Religious Expectation and Social Change 950–1050*. New York: Oxford University Press, 2003.
- Lawrence, A. W. «Early Medieval Fortifications Near Rome.» *PBSR* 32 (1964): 98–122.
- Le Goff, Jacques. *Medieval Civilization 400–1500*. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
- Lewis, Archibald R. *The Development of Southern French and Catalan Society, 718–1050*. Austin: University of Texas Press, 1965.
- Lewis, David Levering. *God's Crucible: Islam and the Making of Europe, 570–1215*. New York: Norton, 2008.
- Leyser, Karl. *Communications and Power in Medieval Europe: The Carolingian and Ottonian Centuries*. London: Hambledon Press, 1994.
- Leyser, Karl. *Rule and Conflict in an Early Medieval Society: Ottonian Saxony*. London: Edward Arnold, 1979.
- Llewellyn, Peter. *Rome in the Dark Ages*. London: Constable, 1971.
- Logan, F. Donald. *The Vikings in History*, 3rd ed. New York: Routledge, 2005.
- MacLean, Simon. *Kingship and Politics in the Late Ninth Century: Charles the Fat and the End of the Carolingian Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

- MacShamhráin, Ailbhe. *The Vikings: An Illustrated History*. Dublin: Wolfhound Press, 2002.
- Macy, Gary. *The Hidden History of Women's Ordination: Female Clergy in the Medieval West*. New York: Oxford University Press, 2008.
- Maguire, Henry, ed. *Byzantine Court Culture from 829 to 1204*. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library, 1997.
- Man, John. *Atlas of the Year 1000*. London: Penguin, 1999.
- Mann, Horace K. *The Lives of the Popes in the Early Middle Ages*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1906, 1925, vols. 3 and 4.
- Martos, Joseph. *Doors to the Sacred: A Historical Introduction to Sacraments in the Catholic Church*. Liguori, MO: Liguori/Triumph, 2001.
- McClendon, Charles B. *The Imperial Abbey of Farfa: Architectural Currents of the Early Middle Ages*. New Haven, CT: Yale University Press, 1987.
- McCormack, Michael et al. «Volcanoes and Climate Forcing of Carolingian Europe, A.D. 750–950.» *Speculum* 82 (2007): 865–895.
- McEvedy, Colin, and Richard Jones. *Atlas of World Population History*. Harmondsworth: Penguin, 1978.
- McGinn, Bernard. *The Growth of Mysticism: Gregory the Great Through the 12th Century*. New York: Crossroad, 1996.
- McKitterick, Rosamond. *The Carolingians and the Written Word*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- McNamara, Jo Ann Kay. *Sisters in Arms: Catholic Nuns Through Two Millennia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Mitchell, Nathan. *Cult and Controversy: The Worship of the Eucharist Outside Mass*. Collegeville, MN: Liturgical Press, 1990.
- Moffitt, John F. *The Enthroned Corpse of Charlemagne: The Lord-in-Majesty Theme in Early Medieval Art and Life*. Jefferson, NC: McFarland, 2007.
- Moody, T. W., and F. X. Martin. *The Course of Irish History*. Cork: Mercier Press, 1967.
- Moore, Michael E. Hoenicke. «Demons and the Battle for Souls at Cluny.» *Studies in Religion* 32 (2003): 485–497.
- Moore, R. I. *The Birth of Popular Heresy*. London: Edward Arnold, 1975.
- Morrall, J. B. «Otto III: An Imperial Ideal.» *History Today* 9 (1959): 820.
- Morris, Colin. *The Discovery of the Individual: 1050–1200*. London: SPCK, 1972.

- Mounier Kuhn, Alain. «Les Blessures de Guerre et L'Armement au Moyen Âge dans L'Occident Latin.» *Médiévales* 39 (2000): 112–136.
- Museum of London: <http://www.museumoflondon.org.uk/archive/exhibits/bodies/bodies.htm>.
- Musto, Ronald G. *The Catholic Peace Tradition*. Maryknoll, NY: Orbis, 1986.
- Neil, Bronwen. *Seventh-Century Popes and Martyrs: The Political Hagiography of Anastasius Bibliothecarius*. Turnhout: Brepols, 2006.
- Nelson, Janet L. *Charles the Bald*. London: Longman, 1992.
- Noble, Thomas F. X. *The Republic of Saint Peter: The Birth of the Papal State 680–825*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984.
- Norwich, John Julius. *Byzantium: The Apogee*. London: Penguin, 1993.
- Nuttgens, Patricia, ed. *The History of York: Yorkshire from the Earliest Times to the Year 2000*. Pickering: Blackthorn Press, 2007.
- O'Brien, Harriet. *Queen Emma and the Vikings*. London: Bloomsbury, 2005.
- Ó Corráin, Donnchadh. *Ireland Before the Normans*. Dublin: Gill and Macmillan, 1972.
- Ó Crónín, Dáibhí. *Early Medieval Ireland 400–1200*. Harlow: Longman, 1995.
- Ogg, Frederic Austin. *A Source Book of Medieval History*. Rpt., New York: Cooper Square Publishers, 1972.
- Ohler, Norbert. *The Medieval Traveller*. Woodbridge: Boydell Press, 1989.
- Osborne, Kenan B. *Priesthood: A History of the Ordained Ministry in the Roman Catholic Church*. New York: Paulist Press, 1988.
- O'Shea, Stephen. *Sea of Faith: Islam and Christianity in the Medieval Mediterranean World*. New York: Walker and Company, 2006.
- Pacaut, Marcel. *L'Ordre de Cluny*. Paris: Fayard, 1986.
- Partner, Peter. *The Lands of St. Peter*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1972.
- Partner, Peter. «Notes on the Payne, Blanche. *History of Costume*. New York: Harper and Row, 1965.
- Pearson, Kathy L. «Nutrition and the Early Medieval Diet.» *Speculum* 72 (1997): 1–32.
- Phelan, Owen M. «Horizontal and Vertical Theologies: 'Sacraments' in the Works of Paschasius Radbertus and Ratramnus of Corbie.» *Harvard Theological Review* 103 (2010): 271–290.

- Piazzoni, Ambrogio M. «Giovanni XI.» In *Enciclopedia dei papi*. Rome: Istituto della Enciclopedia Italiana, 2000, vol. 2.
- Pirenne, Henri. *Mohammed and Charlemagne*. New York: Norton, 1939.
- Poschmann, Bernhard. *Penance and the Anointing of the Sick*. London: Burns and Oates, 1964.
- Power, Eileen. *Medieval People*. London: Methuen, 1924.
- Rackham, Oliver. *Ancient Woodland: Its History, Vegetation, and Uses in England*. London: Edward Arnold, 1980.
- Raymond S. Bradley et al. «Climate in Medieval Time.» *Science*, October 17, 2003, 404–405.
- Reilly, Bernard F. *The Medieval Spains*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Reiss, Frank. «From Aachen to Al-Andalus: The Journey of Deacon Bodo.» *Early Medieval Europe* 13 (2005): 131–157.
- Reston, James. *The Last Apocalypse: Europe in the Year 1000 AD*. New York: Doubleday, 1998.
- Reuter, Timothy. *Germany in the Early Middle Ages, 800–1056*. London: Longman, 1991.
- Reuter, Timothy., ed. *The New Cambridge Medieval History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, vol. 3.
- Reynolds, Susan. *Fiefs and Vassals: The Medieval Experience Reinterpreted*. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Riché, Pierre. *The Carolingians: A Family Who Forged Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993.
- Richter, Michael. *Medieval Ireland: The Enduring Tradition*. Dublin: Gill and Macmillan, 1988.
- Roach, Mary. *Stiff: The Curious Lives of Human Cadavers*. London: Penguin, 2003.
- Robinson, James H. *Readings in European History*. Boston: Ginn, 1904.
- Romanelli, Raffaele, ed. *Dizionario Biografico degli Italiani*. Rome: Trecanni, 1925–, 76 vols.
- Rouche, Michel. «La faim a l'époque carolingienne: Essai sur quelques types de rations alimentaires.» *Revue Historique* 508 (1973): 295–320.
- Russell, Josiah C. «Population in Europe.» In *The Fontana Economic History of Europe: The Middle Ages*, ed. Carlo M. Cipolla. Glasgow: Collins, 1972.

- Santangeli Valenzani, Riccardo. «Residential Building in Early Medieval Rome.» In *Early Medieval Rome and the Christian West: Essays in Honour of Donald A. Bullough*, ed. Julia M. H. Smith. Leiden: Brill, 2000.
- Scragg, Donald, ed. *The Battle of Maldon AD 991*. Oxford: Basil Blackwell, 1991.
- Shepherd, William R. *Historical Atlas*. 8th ed. Pikesville, MD: Colonial Offset, 1956.
- Singh, N. K. et al. *Encyclopaedia of Islamic Science and Scientists*. New Delhi: Global Vision Publishing House, 2005, vol. 1.
- Smith, Julia M. H., ed. *Early Medieval Rome and the Christian West: Essays in Honour of Donald A. Bullough*. Leiden: Brill, 2000.
- Smith, Julia M. H., ed. *Province and Empire: Brittany and the Carolingians*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Smyth, Alfred P. *Warlords and Holy Men: Scotland AD 80–1000*. London: Edward Arnold, 1984.
- Stafford, Pauline. *Queens, Concubines, and Dowagers*. Athens: University of Georgia Press, 1983.
- Steckel, Richard H. «Remarkably Tall Stature of European Men During the Medieval Era.» *Social Science History* 28 (2004): 211–229.
- Stenton, Frank. *Anglo-Saxon England*, 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1971.
- Sumption, Jonathan. *Pilgrimage: An Image of Medieval Religion*. London: Faber and Faber, 1975.
- Sutherland, Jon N. *Liudprand of Cremona, Bishop, Diplomat, Historian: Studies of the Man and His Age*. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'alto Medioevo, 1988.
- Talbot, C. H. *The Anglo-Saxon Missionaries in Germany*. London: Sheed and Ward, 1954.
- Talbot, C. H. «Children in the Middle Ages.» *Children's Literature* 6 (1977): 17–33.
- Tellenbach, Gerd. *The Church in Western Europe from the Tenth to the Early Twelfth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Treadgold, Warren T. *The Byzantine Revival, 780–842*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1988.

- Turnbull, Stephen and Peter Dennis. *The Walls of Constantinople AD 324–1453*. Oxford: Osprey, 2004.
- Tyler, J. E. *The Alpine Passes in the Middle Ages (962–1250)*. Oxford: Basil Blackwell, 1930.
- University of Bristol. «Bones Confirmed as Those of Saxon Princess Eadgyth.» Press release, June 17, 2010. <http://bristol.ac.uk/news/2010/7073.html>.
- Unwin, P. T. H. *Wine and the Vine: An Historical Geography of Viticulture and the Wine Trade*. London: Routledge, 1991.
- Verhulst, Adriaan. *The Carolingian Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Verhulst, Adriaan. *The Rise of Cities in North West Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Veyne, Paul, ed. *A History of Private Life*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987, vol. 1.
- Waddell, Helen. *The Wandering Scholars*. London: Constable, 1927.
- Webb, Diana. *Medieval European Pilgrimage, c. 700–c. 1500*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.
- Wemple, Suzanne Fonay. *Atto of Vercelli: Church, State, and Christian Society in Tenth-Century Italy*. Rome: Edizioni di Storia e Letteratura, 1979.
- Wickham, Chris. *Early Medieval Italy. Central Power and Local Society 400–1000*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981.
- Wickham, Chris, ed. *Land and Power: Studies in Italian and European History, 400–1200*. London: British School at Rome, 1994.
- Wickham, Chris. «Rethinking Otto III or Not.» *History Today* 61 (2011): 71–73.
- Wiegand, M. Gonsalva. «The Non-Dramatic Works of Hrosvitha.» PhD thesis, St. Louis University, 1936.
- Williams, Michael. *Deforesting the Earth: From Pre-History to Global Crisis*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
- Wolf, Kenneth Baxter. «Christian Martyrs in Muslim Spain.» Library of Iberian Resources Online. <http://libro.uca.edu/martyrs/cm2.htm>.
- Wood, Susan. *The Proprietary Church in the Medieval West*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

- Woolf, Alex. *From Pictland to Alba: 789–1070*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
- Zuccato, Marco. «The Earliest Filtration of Arabic Science to the Latin World: Gerbert of Aurillac and the Case of Gotmar's Circle.» PhD thesis, University of Melbourne, 2005.
- Zuccato, Marco. «Gerbert of Aurillac and a Tenth-Century Jewish Channel for the Transmission of Arabic Science to the West.» *Speculum* 80 (2005): 742–763.
- Zupko, Ronald Edward. *French Weights and Measures Before the Revolution: A Dictionary of Provincial and Local Units*. Bloomington: Indiana University Press, 1978.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Коллинс Пол

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Ответственный редактор *Н. Никитенко*

Художественный редактор *Е. Фрей*

Технический редактор *Г. Этманова*

Компьютерная верстка *А. Пучкова*

Корректор *А. Мартынова*

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953004 — научная и производственная литература

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 белме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және енім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 05.02.2016. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0.

С. Страницы истории: тираж 1500 экз. Заказ 6952/16.

С. История в одном томе: тираж 1500 экз. Заказ 6953/16.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

---

Конец европейских Темных веков.
Время борьбы церкви и светской власти за первенство.
Время возрождения великого города — Вечного Рима
и расцвета католицизма.
Время могущества пап и раздоров королей.
Время, когда произошло рождение Европы — предтечи
современного Западного мира.
Об этом времени, о хаосе, в котором возникла общая
западная христианская культура,
и рассказывает Пол Коллинс.

---

www.asi.ru

ISBN 978-5-17-069633-2

9 785170 696332